

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2020. № 456. Июль

• ФИЛОЛОГИЯ	• PHILOLOGY
• ФИЛОСОФИЯ	• PHILOSOPHY
• СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ	• SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
• ИСТОРИЯ	• HISTORY
• ПЕДАГОГИКА	• PEDAGOGICS
• ПРАВО	• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2020. № 456. July

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филол. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прозументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьяна,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate Professor; S. Vo-
robyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov, Dr. of
Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina, Dr. of Philo-
logy, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology; V. Zinoviev, Dr.
of History, Professor; D. Katunin, PhD in Philology, Associate
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of Tomsk
State University Publishing House; T. Portnova, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova,
PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr.
of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr.
of Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Romyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Авраменко О.В., Юрина Е.А.** Метафорическое функционирование образов хлебобулочных изделий в русском и английском языках 5
- Белушов К.И., Зелянская Н.Л., Сычев О.А., Власов М.С.** Представления об аморальном в свете теории моральных оснований: социально-психологическое и лингвокогнитивное исследование 16
- Грязнова В.М.** К вопросу о ценностях крестьянского мира первой трети XIX в. (на материале дефиниций имен существительных с пометой «простонародное», называющих человека, в Словаре церковно-славянского и русского языка 1847 г.) 28
- Краевская И.О., Мишанкина Н.А.** Терминообразование в аспекте гносеологической прозрачности (на материале русскоязычной терминосистемы «нефтегазопереработка») 36
- Титаренко С.Д.** Предсимволизм и русская классическая поэзия XIX в.: проблема интертекстуальности 50
- Чернышова Т.В., Чернышов Ю.Г.** Интерпретирующая деятельность автора и адресата в современных СМИ (на материале онлайн-публикации газеты «Коммерсантъ») 60

ФИЛОСОФИЯ

- Корнилов С.В.** На пути к современной философии биологии: опыт критики телеологической способности суждения 73
- Медведев Н.В.** Автономия личности: перспектива Л. Витгенштейна и ее значение для философии образования 78
- Беззубова О.В., Гончарко О.Ю., Микешин М.И.** Византийская история платоновского диалога и его рецепция в России XVIII–XIX вв. 85
- Ростова Н.Н.** Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология 93
- Шиллер А.В.** Место этической системы в архитектуре искусственного интеллекта 99

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Жилкин А.Д.** Становление нового российского конституционализма: проблемы и решения 1992 г. 104
- Павлова И.А., Недоспасова О.П.** Ресурсный потенциал старшего поколения: от уточнения терминологии к разработке рекомендаций по повышению степени его реализации в социуме 115
- Подшибякина Т.А.** Медиаэффекты в структуре диффузионных сетей: технологии когнитивного сетевого контроля 128
- Хомякова К.Л.** Миграция в условиях глобализации: современные тенденции и социальные проблемы (на примере теории Саскии Сассен) 136

ИСТОРИЯ

- Абрамов Ю.И.** Солдаты и офицеры Рязанского гарнизона на выборах в Рязанскую городскую думу в 1917 г. 141
- Бирюков С.В., Шикер Т.П.** Особенности и опыт национальной политики Китая в контексте особенностей его политической системы 147

CONTENTS

PHILOLOGY

- Avramenko O.V., Yurina E.A.** The Metaphorical Functioning of Baked Goods' Images in Russian and English 5
- Belousov K.I., Zelyanskaya N.L., Sychev O.A., Vlasov M.S.** Understanding the Amoral in the Context of the Moral Foundations Theory: A Sociopsychological and Linguocognitive Study 16
- Gryaznova V.M.** On the Values of the Peasant World of the First Third of the 19th Century (Based on the Definitions of "Common" Nouns Naming Persons in the *Dictionary of Church Slavonic and Russian Language of 1847*) 28
- Kraevskaia I.O., Mishankina N.A.** Term Formation in the Aspect of Epistemological Transparency (Based on the "Oil and Gas Processing" Russian Term System) 36
- Titarenko S.D.** Pre-Symbolism and the 19th-Century Russian Classical Poetry: The Problem of Intertextuality 50
- Chernyshova T.V., Chernyshov Yu.G.** Interpretative Activities of the Author and the Addressee in Modern Media (On the Material of Online Publications of the *Kommersant* Newspaper) 60

PHILOSOPHY

- Kornilov S.V.** Towards a Modern Philosophy of Biology: Critique of the Teleological Judgment 73
- Medvedev N.V.** The Autonomy of Personality: Wittgenstein's Perspective and Its Significance for the Philosophy of Education 78
- Bezzubova O.V., Goncharko O.Yu., Mikeshin M.I.** The Byzantine History of the Platonic Dialogue and Its Reception in Russia in the 18th and 19th Centuries 85
- Rostova N.N.** An Anthropological Turn in Philosophy: Anthropology vs Ontology 93
- Shiller A.V.** The Place of the Ethical System in the Architecture of Artificial Intelligence 99

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

- Zhilkin A.D.** The Development of a New Russian Constitutionalism: Issues and Options in 1992 104
- Pavlova I.A., Nedospasova O.P.** The Resource Potential of the Older Generation: From Defining the Term to Developing Recommendations for Enhancing Its Realization in Society 115
- Podshibyakina T.A.** Media Effects in the Structure of Diffusion Networks: Cognitive Network Control Technologies 128
- Khomyakova K.L.** Migration in the Context of Globalization: Modern Trends and Social Problems (Based on Saskia Sassen's Theory) 136

HISTORY

- Abramov Yu.I.** Soldiers and Officers of the Ryazan Garrison in the Elections to the Ryazan City Duma in 1917 141
- Biryukov S.V., Shiker T.P.** The Features and Experience of China's National Policy in the Context of Its Political System's Characteristics 147

Кальмина Л.В., Курас Л.В. На случай войны с «заклятым другом» (проекты «китайской» политики России в донесениях военных агентов на рубеже XIX–XX вв.)	152	Kalmina L.V., Kuras L.V. In Case of War With a Sworn Friend (Russia's Chinese Political Projects in the Military Agents' Reports at the Turn of the 20th Century)	152
Кузнецова В.В. Продвижение испанского языка в России как инструмент культурной дипломатии Испании	162	Kuznetsova V.V. Promotion of the Spanish Language in Russia as an Instrument of Spain's Cultural Diplomacy	162
Ларьков Н.С. «Потанинский кружок» в Сибири в 1917–1919 гг.: от просветительства к хождению во власть	172	Larkov N.S. "Potanin's Circle" in Siberia in 1917–1919: From Educational Activities to the Power Contest	172
Парченко Н.А. Осмысление венгерских событий 1956 г. в российском обществе	182	Parchenko N.A. Interpreting the Hungarian Events of 1956 in Russian Society	182

ПЕДАГОГИКА

Костюкова Т.А., Ливенцова Е.Ю., Ларионова А.В., Фахретдинова А.П., Асютина О.Н. Развитие механизмов адаптации образовательных мигрантов: проблемы и пути решения (на примере университетов Томска)	188	Kostyukova T.A., Liventsova E.Yu., Larionova A.V., Fakhretdinova A.P., Asyutina O.N. Developing Mechanisms for Educational Migrants' Adaptation: Problems and Solutions (On the Example of Tomsk Universities)	188
Nurdin K., DeWitt D., Sukhoverkhov A.V. Language and Culture in the Classroom Space: The Case Study of a Foreign Language Assistant in Russia	197	Nurdin K., DeWitt D., Sukhoverkhov A.V. Language and Culture in the Classroom Space: The Case Study of a Foreign Language Assistant in Russia	197
Популо Г.М., Сафоненко С.В. Оздоровительная аэробика как средство развития двигательных способностей детей младшего школьного возраста	205	Populo G.M., Safonenko S.V. Fitness Aerobics as a Means of Developing Primary Schoolchildren's Physical Skills	205
Фахрутдинова А.В., Мefeldева М.А. Роль учителя в реализации ценностно-ориентированного воспитания в Индии	210	Fakhrutdinova A.V., Mefodeva M.A. The Teacher's Role in Implementing Value-Based Education in India	210

ПРАВО

Ведерникова О.Н. Теоретико-методологические проблемы современного международного уголовного права	217	Vedernikova O.N. Theoretical and Methodological Problems of Modern International Criminal Law	217
Кожевников О.А., Остапович И.Ю., Нечкин А.В. Современное состояние институтов прямой демократии в России: понятие, классификация и перспективы развития	225	Kozhevnikov O.A., Ostapovich I.Yu., Nechkin A.V. The Current State of Direct Democracy Institutions in Russia: The Concept, Classification, and Development Prospects	225
Луковская Д.И. Позитивизм и естественное право: конфликт интерпретаций?	234	Lukovskaya G.I. Positivism and Natural Law: A Conflict of Interpretations?	234
Моисеева Т.Ф., Панфилов П.Б., Панфилова З.Ю. Возможности ольфакторной судебной экспертизы в расследовании особо тяжких преступлений против личности прошлых лет	241	Moiseeva T.F., Panfilov P.B., Panfilova Z.Yu. The Capabilities of Olfactory Forensic Examination in the Investigation of Particularly Serious Crimes Against the Person of the Past Years	241
Плаксина Т.А. Пожизненное лишение свободы в Особенной части УК РФ и судебной практике	247	Plaksina T.A. Life Imprisonment in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and Judicial Practice	247
Скоревич А.С., Ахмедшин Р.Л. Измеряемость воздействия: тактико-криминалистический аспект	256	Skorevich A.S., Akhmedshin R.L. Measurability of Impact: A Forensic Tactical Aspect	256

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	261	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	261
--	-----	---	-----

PEDAGOGICS

LAW

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'371

О.В. Авраменко, Е.А. Юрина

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (2018–2020 гг.).

Описываются особенности языкового и текстового воплощения метафорических образов хлебобулочных изделий в русской и английской лингвокультурах. Рассматриваются явления и ситуации, которые метафорически характеризуются посредством образов хлебобулочных изделий. Выявляются универсальные и культурно-специфические основания метафорического переосмысления кулинарных изделий данной группы в русском и английском языках.

Ключевые слова: образная лексика; фразеология; когнитивная метафора; гастрономическая метафора; лингвокультура.

Введение

Метафорологические исследования составляют одно из активно развивающихся направлений современной лингвистики. Семасиологические и лингвостилистические аспекты изучения метафоры на современном этапе получили новый импульс развития на базе когнитивной теории, в рамках которой метафора рассматривается как основной механизм образного мышления [1]. Проблема отражения образной интерпретации представлений о мире в языке исследовалась в различных направлениях концептуальной теории метафоры (Conceptual Metaphor Theory) и теории понимания образного языка (Figurative Language Understanding), которые представлены в работах таких зарубежных исследователей, как Д. Лакофф и М. Джонсон [1], Р. Гиббс [2], Э. Ортони [3], Р. Гиора [4], С. Глакберг [5], М. Лизенберг [6], Ж. Фоконье и М. Тернер [7], Нинг Ю [8], В. Эванс [9], а также в работах российских ученых, посвященных исследованию метафоры в когнитивном и семасиологическом аспекте, таких как А.Н. Баранов [10], Н.А. Мишанкина [11], З.И. Резанова [12], В.Н. Телия [13], А.П. Чудинов [14].

Вслед за разработчиками когнитивного направления, метафора понимается не только как творческое и поэтическое средство выражения мысли, «не просто как декоративный аспект языка, а как фундаментальная схема, по которой люди осмысливают мир и их собственную деятельность»¹ [2. С. 3]. В современных работах, помимо анализа отдельно взятых лингвистических примеров, большое внимание уделяется исследованию контекстуальных и метаязыковых факторов, которые определяют использование и понимание метафоры как дискурсивного феномена [5, 6].

В поле анализа попадают такие факторы возникновения метафор, как мышление, физиология и культура, а также различные способы выражения метафоры через язык, искусство и музыку, что обусловлено взаимодействием телесного и социокультурного опыта в процессах метафорической концептуализации представлений о мире [8]. По мнению Ю. Нинг, «потенциально тело является универсальным источником для возникновения метафор», в то время как «культу-

ра функционирует как фильтр, который отбирает аспекты сенсомоторного опыта и соединяет их с субъективным опытом и суждениями для метафорических отображений (metaphor mapping)» [8. С. 249]; другими словами – метафоры реализуются через культурное окружение.

В рамках теории образного строя языка [15–17], методологические положения которой лежат в основе нашего исследования, различные языковые средства репрезентации концептуальных метафор исследуются в когнитивном и семасиологическом аспектах как системно организованное множество языковых единиц, транслирующих определенный метафорический образ или группу образов; разрабатывается полевой концептно-ориентированный подход к анализу определенных фрагментов образной системы [17–20].

Объектом современных когнитивных исследований являются средства языковой репрезентации определенных концептуальных метафор и метафорических моделей, которые формируют тот или иной код культуры, например телесная метафора [21], метафора дерева [22], метафора возраста [23], зооморфная метафора [24, 25], вегетативная метафора [26] и др. В этом ряду стоят работы, посвященные анализу гастрономической метафоры, основанной на образах явлений гастрономической сферы, которая изучается в когнитивном [27, 28], культурологическом [29–31] и сопоставительном аспектах на материале русского и английского [32], русского и французского [33], русского и итальянского [34], русского, английского и немецкого [31], русского, английского и итальянского языков [35]. Пищевая метафора широко исследуется представителями томской лингвистической школы в лингвокультурологическом [16, 19], структурно-семантическом и аксиологическом [36], лексикографическом [37] и когнитивном аспектах [20]. Максимально полный состав образных средств русского языка, мотивированных номинациями продуктов питания, блюд, процессов приготовления и поглощения, а также субъектами приготовления и кормления, описан в «Словаре русской пищевой метафоры» [38, 39].

В данной статье представлено сопоставительное исследование фрагментов образных систем русского

и английского языков, отражающих метафорическое переосмысление образов хлебобулочных изделий. Материалом послужили образные слова и выражения, метафорически мотивированные наименования изделий из теста (104 в русском и 69 в английском языках), например, *блин / pancake* 'об округлых плоских предметах', *слоёный / слоистый пирог* 'социальное явление, включающее несколько составляющих его частей, подобных слоям пирога', *pie in the sky* «пирог в небе» 'о желаемом событии, которое вряд ли случится'. Выбор данной тематической группы обусловлен большим количеством материала, который отобран не только из опубликованных толковых и фразеологических словарей, но и по данным корпусного исследования, свидетельствующего об активном функционировании этих метафорических образов в речи современных носителей русского и английского языков (167 русских и 109 английских контекстов). Множество лингвистических репрезентаций образов хлебобулочных изделий обусловлено большим разнообразием данного вида продуктов в гастрономических традициях, их образно-символическим переосмыслением в традиционных народных культурах (фольклоре, верованиях, обрядах, ритуалах), устойчивостью этих аналогий в мышлении современного человека, что регулярно проявляется в дискурсивных практиках.

Источником русского лексического и фразеологического материала послужил «Словарь русской пищевой метафоры» [38, 39], а англоязычные единицы были выбраны из онлайн-словаря «The Free dictionary by Farlex» [40]. Данные образные средства русского и английского языков анализировались в их современных контекстных реализациях, представленных во фрагментах художественных и публицистических произведений, созданных в период с 1990 г. по настоящее время. Дискурсивный материал собран из контекстных баз Национального корпуса русского языка [41] и корпуса Глобального английского языка на веб-основе [42].

Привлечение корпусных данных определяет **новизну** предпринятого исследования, поскольку в работах предшественников сопоставительный анализ пищевой метафоры русского и английского языков проводился только на базе данных словарей в отрыве от реального современного дискурса. В процессе нашего исследования было обнаружено, что многочисленные образные слова и выражения, которые зафиксированы в англоязычных толковых и фразеологических словарях, не встречаются в корпусе современного английского языка, поэтому к исследованию привлекались только те образные единицы английского языка, которые активно функционируют в дискурсивных практиках с 1990 г. Кроме того, впервые в анализе применяется методика, синтезирующая системно-структурный и когнитивный подходы, которая позволяет проводить сопоставление на уровне соотносительных фрагментов образных систем двух языков, в то время как ранее сопоставлялись отдельные лексические / фразеологические единицы [32] либо различные средства реализации метафорических моделей с фиксированной сферой-мишенью [30].

Целью представленного в статье исследования является изучение и описание особенностей языкового и текстового воплощения метафорических образов хлебобулочных изделий в русской и английской лингвокультурах, моделирование данных фрагментов образных систем сопоставляемых языков, выявление универсальных и культурно-специфических аспектов метафорической интерпретации кулинарных изделий данной группы. Рассматриваются различные качества изделий из теста, которые подлежат метафоризации, а также описываются сферы-мишени, явления которых наделяются образной характеристикой по аналогии с хлебобулочными изделиями и их свойствами.

Применяются методы сопоставительной лексикологии (семасиологии), когнитивного метафорического моделирования, корпусного исследования и лингвокультурологического комментирования. Методика описания метафорического функционирования образов хлебобулочных изделий включает следующие процедуры: 1. Анализ семантики, внутренней формы и дискурсивного функционирования отобранных метафор, сравнений и фразеологических единиц, мотивированных наименованиями хлебобулочных изделий; 2. Выявление оснований метафорических проекций образов хлебобулочных изделий на различные явления окружающей действительности и внутреннего мира человека. 3. Определение сфер-мишеней, подлежащих метафорической интерпретации через образы хлебобулочных изделий. 4. Выявление универсальных и культуроспецифических черт метафоризации хлебобулочных изделий в русской и английской лингвокультурах.

Основная часть

Парадигмы образов хлебобулочных изделий. В земледельческих культурах хлебобулочные изделия составляют основу рациона, а процессы их поглощения и приготовления занимают очень важное место в повседневной жизни человека и хозяйственно-экономическом укладе общества. Хлеб и другие изделия из теста как феномены народных культур в единстве их материальной и духовной составляющих несут значимые символические смыслы, являются культурно маркированными элементами традиционных обрядов и ритуалов. Символика и метафорика хлеба во многом носит универсальный характер, обусловленный единством европейского происхождения и христианской культуры английского и русского народов. При этом в каждой из рассматриваемых культур существуют типичные формы и рецепты хлеба, имеются своеобразные хлебобулочные изделия, такие как пряник, баранка, крендель, каралька, калач и другие в России, пудинг (pudding) и маффин (muffin) в Великобритании, яблочный пирог (apple pie), тост (toast), пончик (doughnut) и чизкейк (cheese cake) в США.

Различные изделия из теста имеют свою историю возникновения, обрядово-ритуальное функционирование, типичный набор культурных ассоциаций, а разные признаки и свойства этих продуктов (форма, размер, структура, цвет, консистенция, вкус, темпера-

тура и др.), процессы их приготовления и поглощения служат основанием для метафорической характеристики широкого круга объектов окружающего мира и выражения эмоционально-оценочного отношения говорящего к ним. Эти культурно обусловленные смыслы закреплены в метафорической семантике образных слов, фразеологизмов, пословиц и поговорок, комплексный анализ которых может предоставить материал для сопоставления соответствующих фрагментов русской и английской языковых картин мира. За рамками нашего исследования остается анализ метафоризации образа хлеба в силу большого объема единиц его языковой репрезентации, транслирующих преимущественно библейскую символику (см. подробнее в [43, 44]). Далее рассмотрим состав единиц русского и английского языков, отражающих метафоризацию образов изделий из теста. В русском языке слова и выражения, транслирующие образы хлебобулочных изделий, мотивированы 15 наименованиями этих продуктов: *баранка* (8 образных единиц), *блин* (30), *бублик* (7), *булка* (9), *калач* (10), *каралька* (4), *кекс* (1), *коврижка* (2), *крендель* (14), *пампушка* (2), *пирог* (8), *плюшка* (4), *пончик* (2), *пышка* (1), *сухарь* (2). В английском языке 10 исходных лексем являются мотивирующими для образных номинаций: *biscuit* (7 образных единиц), *bun* (5), *cake* (11), *doughnut* (5), *dumpling* (1), *muffin* (6), *pancake* (6), *pie* (13), *pudding* (9), *toast* (5). Таким образом, в составе средств метафорической репрезентации хлебобулочных изделий рассматриваются следующие группы образных слов и выражений:

А) языковые метафоры *бублик* ‘предмет, имеющий форму кольца’ – *Гигантский бублик марсианской базы степенно вращался вокруг своей оси* (П. Михненко. Мусорщик), *cake* «торт» 1) ‘масса, большой кусок, или корка затвердевшего вещества (мыло, лед и т.п.)’ – *Mr. Howell, who had brought his visitor to the flood district, and on getting her splashed with the muddy water, had taken her to my house for a towel and a cake of soap* [Мистер Хоувелл пришел со своей посетительницей в затопленный район, и привел её забрызганную грязной водой в мой дом за полотенцем и **тортом** (куском) мыла] (The Case of Jennie Brice), 2) ‘деньги’ – *Philip Green eats more cake than the rest of us, by the look of him, and it might be the best way to make him pay his share. Pay tax, get cake* [Филип Грин ест большую часть **торта** (получает больше денег), чем все остальные из нас, по его виду, и это, возможно, лучший способ заставить его платить его долю. Заплати налоги, получи **торт** (деньги)] (Fleet street fox: Face, meet palm);

Б) собственно образные слова, т.е. «производные слова, сохраняющие метафоричность в своих исходных значениях за счет метафорического соотношения морфем» [15], *блинообразный* ‘плоский, округлой формы, напоминающий блин (о предметах, головных уборах, частях тела)’ – *Здесь были колонны и прямые, и кривые, и крученые, и витые, и спиральные, и наклонные, и приплюснутые, и косопузые, и блинообразные, и даже такие, которым не подберешь имени* (Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе), *to be pie-eyed* «иметь глаза в виде пирогов» ‘быть пьяным’ – I

joined a group of other hacks, some already pie-eyed from the pre-lunch booze, others hungry for their first taste [Я присоединился к группе других таксистов, некоторые из них уже были **пирогоглазыми** (у которых глаза были в виде пирогов) (пьяными) от предобеденной выпивки, а другие жаждали первого глотка] (Bavaria: Finding culture in the bottom of a beer glass | Gay Star News);

В) образные сравнения *плоский как блин* 1) ‘о плоских предметах’ – *Миниатюрные электронно-счетные устройства, плоские, как блин, телевизоры, крохотные, но мощные машины, сверхлегкие, но прочные здания, изящные кружевные мосты – вот к чему идет нынешняя техника* (Л. Бобров. Полимеры и... полумеры), 2) ‘о ровном открытом пространстве, ландшафте местности’ – *Местность была плоская, как блин, и в такую погоду особо унылая...* (А. Лазарчук. Все, способные держать оружие); *as flat as a pancake* «плоский как блин» 1) ‘совершенно плоский (о местности)’ – *Also, the eastern view from my high house is blocked... no other hills available, the rest of the landscape is flat as a pancake* [Также восточный вид из моего высокого дома закрыт... никакие другие горы не видны, остальной пейзаж **плоский как блин** (ровный)] (Transit of Venus – Q&A | Science| guardian.co.uk); 2) ‘о плоских или сплюснутых предметах’ – *The lady was right, my tyre was as flat as a pancake, and there was a delightfully massive screw nestled deeply into it* [Леди была права, моя шина была **плоской, как блин**, и глубоко в нее врезался восхитительно массивный винт] (Zoella | Beauty, Fashion & Lifestyle Blog: Just my Luck);

Г) фразеологизмы, содержащие мотивирующие единицы, например *откусить кусок от пирога* ‘в ситуации конкуренции получить часть чего-л. ценного, выгодного, приносящего доходы’ – *Откусить кусок от пирога получится далеко не у всех. Чем дальше от Мексиканского залива будет находиться податель заявки, тем меньше у него шансов на то, что его требования будут признаны вескими* (Е. Басманов. Все претензии – к «зарплатному царю»); *как жареные пирожки / go / sell like hot cakes* «расходиться / продаваться как горячие торты» ‘о товарах, которые пользуются большим покупательским спросом, быстро распродаются’ – *Только теперь уже не грандиозно-противоракетное, а небольшие, аппетитные радио штучки, которые пойдут, как жареные пирожки. Первыми пирожками, доведенными до продажи, стали приемник спутникового телевидения и антирадар для автомобилистов* [Г. Горелик. Рождение дела]; *All-inclusive holidays sold like hot cakes in 2009, and tour operators are banking on their popularity continuing to boom this year* [Туры по системе **Все включено** продавались **как горячие торты** (в большом количестве) в 2009, и тур операторы, зарабатывающие деньги на их популярности, продолжают бурно развивать их в этом году] (The Crafty Traveller: How to get the best all-inclusive bargains | Mail).

Образные слова и выражения, мотивированные одной исходной номинацией, составляют мотивационно-образную парадигму, которая понимается как

«объединение мотивационно связанных образных слов и выражений, непосредственно или опосредованно мотивированных одной исходной мотивирующей лексической единицей и эксплицирующих общий метафорический образ или ряд образов» [16. С. 38]. Например, мотивационно-образная парадигма с вершиной *БУЛКА* ‘сдобное, слегка подслащенное хлебо-булочное изделие из пшеничной муки, круглой или овальной формы, выпекаемое в печи’ включает две языковые метафоры: *булка* 1) ‘полный человек (преимущественно женщина) с пышными округлыми формами’ – *Здесь его разглядела здоровая, белозубая официантка, просто сдобная булка – вот такой в девках была Ева* (В. Синицына. Муза и генерал); 2) ‘округлые, полные и мягкие части тела человека (живот, грудь, ягодицы, бедра, щеки)’ – *Вещь неприятная, мне сначала УЗИ делали. На следующий день направили на операцию. Обкололи булку новокаином* (Комментарий из чата); пять образных сравнений: *как булка* 1) ‘о круглом и румяном лице человека’ – *Однажды Пимыч познакомился с хозяйкой, маленькой упругой женщиной с румяным и круглым, как пропеченная булка, лицом* (Т. Орлова. Путь Луны); 2) ‘о полной, округлой женской фигуре’ – *Румяная и пухлая, как булка, в одной ночной сорочке (из чего следовало, что Кудинкина дома нет), Трехдюймовочка пекла блины сразу на четырех сковородках, по кругу...* (О. Некрасова. Платит последний); *как чёрствая булка* 1) ‘о предметах, которые легко разрушаются при механическом воздействии’ – *Вот кабель, взгляните, чуть согнул – и сломался, а резина крошится, как чёрствая булка...* (В. Песков. Белые сны), *как булочка* 1) ‘о приятном, здоровом цвете кожи’ – *Вся, как булочка белая, щечки розовые, реснички уже темные* (Г. Бакланов. Разное); 2) ‘о приятном запахе’ – *Она пахнет, как мягкая булочка, ситный хлеб, и, как у голодного, голова кругом, вобрат бы в себя навечно...* (Т. Набатникова. День рождения кошки); одну фразеологическую единицу – *зарабатывать на булки с густым слоем масла* ‘зарабатывать, добывать средства к существованию’ – *На булки с густым слоем масла я зарабатывал тогда ремеслом «практикующего юриста», то есть частного детектива* (В. Скворцов. Каникулы вне закона).

Мотивационно-образная парадигма лексической единицы *bun* включает две языковые метафоры: *bun* ‘прическа, в которой волосы на голове собираются назад в тугий клубок’ – *Scraped back hair: low buns, high ponytails, I'm all about the up-do* [Волосы, туго собранные назад: низкие булочки (шишки), высокие хвосты, я очень люблю высокие прически] (Canned Fashion: Some stuff I wore), *buns* ‘ягодицы’ – *What on earth DID her sister see in him? Nah, stupid steel buns* [Что, чёрт возьми, её сестра нашла в нём? Ха, глупые стальные булочки (ягодицы)] (At the back of the hill. The girl with the awesome eyebrows), два собственно образных слова: *bunfight* «битва булок» 1) ‘чайная вечеринка’ – *But the thing that really makes my blood pressure soar is a certain Boxing Day bunfight that has become almost as traditional as cold turkey* [Но то, что действительно заставляет мое давление скакать, это некая битва булочками (чайная вечеринка) в

День подарков, которая стала почти такой же традиционной, как холодная индейка] (Hoards of hysterical girls? Must be the Next sale | Mail Online); 2) ‘спор’ – *Let's hope that the intermediary focus is on community organizations who are ready, willing and capable of doing a good job rather than another PFI-style political bunfight that wastes public money* [Будем надеяться, что промежуточный акцент делается на общественные организации, которые готовы, желают и способны выполнять хорошую работу, а не на очередной политическую битву булок (конфликт) в стиле частных финансовых инициатив, который тратит общественные деньги] (L. Bryant. E-government intermediaries need to be paid, argues IPPR); одно сравнение – *like a bun* ‘об объектах круглой и пышной формы’ – *James Corden, with his face looks like a bun, who manages to look both doleful and mischievous, to lumber around but flit across the stage as nippily as an Essex Nureyev* [Джеймс Корден, с его как булка (круглым) лицом, который может выглядеть одновременно печальным и злобным, которому тяжело двигаться, но которому удается перелетать через сцену также проворно, как Эссекский Нурiev (Lord of the Flies. One Man, Two Guvnors) и одну фразеологическую единицу – *have a bun in the oven* ‘иметь булку в печи’ «быть беременным» – *They 'feel' all the symptoms I mentioned above, hoping they have a little bun in the oven* [Они чувствуют все ранее упомянутые мной симптомы, надеясь, что у них в печке маленькая булочка (они беременны)] (How Early Can I Take a Pregnancy Test?).

Объединение метафорических единиц в мотивационно-образные парадигмы позволило определить частотность образных реализаций лексических единиц. Так, в русском языке наибольшее количество метафорических репрезентаций присуще лексеме *блин* ‘тонкая круглая лепёшка из жидкого теста, поджаренная с двух сторон на смазанной маслом или жиром сковороде’, мотивационно-образная парадигма которой включает 7 языковых метафор, 14 образных сравнений, 8 фразеологических единиц и 1 поговорку. Такая частность обусловлена тем, что блин является традиционным русским блюдом, которое имеет символическое и ритуальное значение со времен Древней Руси. Приготовление блинов всегда являлось некоторым таинством, а само блюдо использовалось в традиционных обрядах. В английском языке наибольшая метафорическая активность свойственна лексическим единицам *cake* ‘сладкое испеченное блюдо из муки, жидкости, яиц и других ингредиентов’ и *pie* ‘блюдо из теста с начинкой из фруктов, мяса, или овощей’. Стоит отметить, что лексема *cake* используется в отношении выпечки из сладкого бисквитного теста, которая украшается кремом, ягодами или другими ингредиентами, в то время как *pie* называется не только сладкие, но и сытные открытые и закрытые пироги из теста с различной начинкой. Данные блюда являются традиционными в английской и американской культурах, имеют символическое и ритуальное значение, которое отражается в метафорической семантике слов и выражений, транслирующих эти образы. Так, в Великобритании на Рождество традиционно пекут пи-

рог, в начинку которого кладут разнообразные предметы, предсказывающие судьбу на ближайший год, например кольцо – к свадьбе, монетка – к богатству, маленькая подковка – к удаче. В Шотландии для годового стола выпекают большой круглый песочный торт, с зашипами по краям, украшенный сваренными в сахаре миндалем, орехами, конфетами, сахарными и марципановыми фигурками. В американской культуре особая роль отводится яблочному пирогу (*apple pie*), который является национальным символом счастливого детства, материнства и домашнего благополучия. Образ яблочного пирога метафорически характеризует что-либо типично американское посредством выражения *as American as apple pie* (букв. «такой же американский как яблочный пирог»), а типичные элементы американской домашней жизни ассоциируются с запахом яблочного пирога с корицей и находят свое метафорическое отражение в идиоме *motherhood and apple pie* (букв. «материнство и яблочный пирог»). Данная идиома преимущественно используется в ироничных контекстах, высмеивающих наивное и сентиментальное отношение к чему-либо, например доверию сотрудников к своей организации: *I think it's fair to say that people didn't retain their affection for the organization. You all like motherhood and apple pie, and then if you take a bite of the apple pie and don't like the apple, I guess you end up wanting to spit it out. We have been spat out a few times in recent years* [Думаю, справедливо будет сказать, что люди не сохранили свою любовь к организации. Вы все как материнство и яблочный пирог (наивны), и потом если вы откусите кусочек яблочного пирога и вам не понравится яблоко, я считаю, что все закончится желанием выплюнуть его. Нас выплюнули несколько раз за последние годы] (Debate – The United Nations: Still Relevant After All These Years?).

Метафорические образы некоторых хлебобулочных изделий, хотя и не закреплены в ритуалах, но являются устойчивыми эталонами формы, размера, структуры и других внешних признаков, так в обеих лингвокультурах *блин* и *pancake* выступают эталонами двух форм (плоский и ровный, плоский и круглый), а *булка* (*булочка*) и *bun* ассоциируются с двумя формами (круглый и шарообразный) и двумя типами структуры (мягкий и пышный): *У всех в зоне живота лишний вес, а у него – «булочка»* («Русский репортер»); *With the use of this program, you will be able to burn fats, achieve those fabulous six packs you want, plus shapely buns and thighs with the use of cardiovascular exercises combined with light resistance moves* [С помощью этой программы Вы можете сжечь жиры, достичь те сказочные шесть кубиков, которые Вы хотите, плюс изящные **булочки** (изящная попка) и бедра с помощью сердечно-сосудистых упражнений в комбинации с легкими упражнениями с отягощением] (Achieving Fabulous Physique With the Use of Ten Minute Trainer). В основе метафоризации могут лежать процессы приготовления и поглощения хлебобулочных изделий, что чаще всего реализует семантика фразеологизмов: *butter (one's) bread on both sides* «намазывать свой хлеб с двух сторон». 1) 'извлекать выгоду или доход из двух или более

несвязанных и часто противоречащих или несовместимых источников'; 2) 'жить комфортно, особенно неэкономно, расточительно или в излишке'; *откусить от пирога* 'получить часть чего-л. ценного, выгодного, приносящего доходы'; *bite the biscuit* 'кусать печенье' 1) 'умереть, сломаться или прекратить существование', 2) 'попасть в сложное положение, оказывать сопротивление в ситуации опасности'.

Явления, подлежащие метафоризации через образы хлебобулочных изделий.

По образу и подобию хлебобулочных изделий в русском и английском языках метафорически характеризуются разнообразные явления из таких сфермишеней, как «Человек», «Социум», «Финансовая деятельность», «Артефакты» и «Натурфакты».

В обоих языках кулинарная метафора активно используется в образной характеристике явлений из сферы «Человек»: головы, лица, глаз, причёсок, фигуры, характера, интеллектуальных способностей и поведения. В современной англоязычной культуре голова человека сравнивается с круглым тортом, а рот ассоциируется с дыркой в нем: *You put pictures into your eye holes, sounds into your ear holes, air into your nose holes and cakes into your cake hole. You can also put a wide variety of healthy fresh fruits and vegetables into your cake hole, but I mostly use mine for cake* [Ты вставляешь картинку в свои глазные отверстия, звуки в свои ушные отверстия, воздух в свои носовые отверстия и торты в отверстие в торте (рот). Ты также можешь класть большое разнообразие здоровых свежих фруктов и овощей в своё отверстие в торте (в свой рот), но я, главным образом, использую моё для пирога] (Andy Griffiths. What Body Part is That?).

В русском языке для метафорической характеристики круглого и полного лица человека используется сравнение с пирогом, а круглого, плоского, невыразительного лица человека – с круглым, плоским блином: *Внимательность при разговоре и умение слушать как-то не вязались у меня с образом первого секретаря и его круглой, плоской, как блин, с маленькими глазками, не очень-то выразительной физиономией* (В. Некрасов. Взгляд и Нечто). В англоязычной лингвокультуре большое и полное лицо человека образно характеризуется посредством уподобления пудингу, при этом говорящий выражает своё отрицательное отношение к называемому субъекту: *Danny's pudding face winces when he sees Astrid with me* [Лицо Денни в виде пудинга (полное) передергивается, когда он видит Астрид со мной] (ADVENTURES IN A DIFFICULT WORLD).

Глаза пьяного человека, которые неестественно расширены по причине того, что человек старается скрыть своё физиологическое состояние, в современном английском языке уподобляются круглым пирогам в идиоме *to be pie-eyed* «иметь глаза в виде пирога»: *I'm OK, got a little pie-eyed at a family bunfight yesterday* [У меня все хорошо, у меня были глаза в виде пирогов (немного напился) на семейной битве булочками (чайной вечеринке) вчера] (The truth behind falling crime figures).

Некоторые женские причёски носят названия хлебобулочных изделий в силу подобия разнообразным

формам кулинарных изделий, но при этом данные ассоциации имеют явную культурную специфику. В русскоязычной культуре существуют прически в виде *каральки*, *калача*, *бублика* и *пончика*. Так, изогнутая кольцеобразная форма *каральки* выступает эталоном для метафорической характеристики прически из косы, нижний конец которой закреплен к основанию в виде кольца: *Из косы каральку или шишку лучше закрутить?* (Комментарии в чате). Женская прическа пышной округлой формы с закрученными на голове волосами или косами ассоциативно связывается с русским национальным блюдом *калач*, а в англоязычной культуре женская прическа в виде скрученных в пучок длинных волос ассоциируется с булкой (*bun*): *I was fully clothed (long black dress, no skin showing other than neck and ankles) and hair up in a bun* [Я была полностью одета (длинное черное платье, всё закрыто, кроме шеи и щиколоток) и волосы собранные вверх в булочку (в пучок)] (Natasha Smith. Please God. Please make it stop). В обеих лингвокультурах кольцеобразная форма *пончика* и *doughnut* с отверстием посередине ассоциативно связывается с аксессуаром для волос, который используют для создания высокой прически в виде пучка.

Полная фигура человека сравнивается с пышной сдобной выпечкой и в русском языке уподобляется *булочке*, *пирогу*, *пончику*, *бублику* и *пышке*, а в английском – *bun* (булка), *muffin* (маффин) и *pudding* (пудинг). Отдельные округлые и полные части тела, а также пышная фигура в целом ассоциируются с мягкими, пышными и круглыми кулинарными изделиями, такими как *булка* в русском и *pudding* (пудинг) в английском языке. Округлая пышная форма *пампушки* в русском и *клецки / вареника (dumpling)* в английском языке выступает образным эталоном для характеристики полного крепкого низкого человека: *Ух ты! Пампушка-красатушка!* (Комментарии из чата); *She was an innocent, pretty dumpling in a metropolis for the first time* [Она была невинной, милой пампушкой в столице в первый раз] (Biafra: A People Betrayed – Kurt Vonnegut). Образ верхушки *маффина*, расширяющейся кверху и имеющей как бы свисающие края, ассоциируется со складками жировых отложений у человека, свисающих поверх узкой юбки или брюк, особенно с низкой талией: *I am going to show you today how to get rid of your muffin top. Your muffin top is around here, most will find it quite hard to get rid of that extra bit of fat* [Я собираюсь показать вам сегодня, как избавиться от вашей верхушки маффина (свисающих складок на животе). Ваша верхушка маффина у вас тут вокруг, большинство считают, что очень сложно избавиться от этого лишнего куса жира] (To Get Rid Of A Muffin Top (General Workouts)). В англоязычной культуре о женщине с маленькой грудью говорят, что «она плоская как блин» (*as flat as a pancake*): *In my early teens I was flat as a pancake* [Когда я была подростком, я была плоская как блин] (K. Price. As Holly Willoughby wins boob poll). Нежная и изящная фигура человека в английском языке образно уподобляется хрупкой структуре печенья: *In 'Past Masters', a story about a lovesick home help, Mrs. Hanson is described as being' as brittle as a biscuit with*

skin like a paper hankie.' [В «Знатоках», истории о желающей любви домработнице, Миссис Хэнсон описывается как 'хрупкая как печенье с кожей как бумажный платочек'] (Gordon Legge. British Council Literature).

В английском языке два фразеологизма, несущих образы изделий из теста, метафорически характеризуют беременную женщину, такие как *to have bun in the oven* (букв. «иметь булочку в духовке») и *to be in the pudding club* (букв. «быть в клубе пудингов»): *So, back to Pilates, if you've never done it before you might be puzzled as to why it's so damned good for those in the pudding club* [Итак, вернемся обратно к Пилатесу, если Вы никогда не делали это раньше, Вы возможно удивитесь почему он так чертовски хорош для тех, кто находится в клубе пудингов (беременный)] (Ante Natal Pilates: What's all the fuss about?).

Темперамент и поведение человека могут образно характеризоваться в терминах кулинарных изделий из теста, выражая эмоциональные отношения говорящего. Образ пирога используется для метафорической характеристики очень доброго и дружелюбного человека в английском сравнительном обороте *as nice as a pie* (букв. «симпатичный как пирог»): *The girl she spoke to was as nice as pie* [Девушка, с которой она разговаривала, была симпатичной как пирог] (Emma Blair. Maggie Jordan). Образы подсушенных кусков хлеба, *тост* и *сухарь*, используются для различных характеристик поведения и социального статуса человека. В русском языке неотзывчивый, эгоистичный человек, неспособный открыто выразить свои эмоции и чувства, ассоциируется с черствым сухарем: *Муж ваи, конечно, сухарь, но я уверена, что до беременности Вы как-то приспособились, научились жить с тем количеством тепла, которое он может дать, и Вам нужно было его внимание в минимальных количествах* (Комментарии из чата). В англоязычной культуре тост ассоциируется с человеком или вещью, очень популярными среди определенной группы людей. Этот образ несет положительную оценку называемому объекту: *And at long last, Demian Bichir is, in fact, the toast of the town* [И, в конце концов, Демьян Бичир, на самом деле, тост (любимчик) этого города] (BEST ACTOR, EARLY ROLES).

В разговорном русском языке образы *кренделя*, имеющего сложную форму, и *кекса* метафорически называют молодого человека, который демонстрирует нестандартное поведение: *Двое молодых людей, попеременно сменяя друг друга, речитативно рассказывали о некоем «Коляне» «крутом кренделе» и «отличном чуваке»* [Запись LiveJournal (2004)]; *А то, что там уже до приезда опергруппы какой-то кекс намудрил и все перепутал и перемешал, тебя не смущает?* [Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта (2000–2004)]. В свою очередь, в английском языке человек специфического вида ассоциируется с *твердым печеньем (tough cookie)*, а особенно сообразительный, умный или способный человек – с *острым печеньем (sharp cookie)*: *Not only is she extremely attractive, she's also a very sharp cookie* [Она не только экстремально привлекательная, но и также очень острое печенье (сообразительная)] (Queen insisted on playing herself in

Olympics opening ceremony). В английском языке сексуально привлекательного мужчину называют *stud muffin* (букв. «жеребец-маффин» / «мачо-маффин» / «бабник-маффин»): *Mention that your old boyfriend has gotten really fat and bald, and that you thank God you married an eternal stud muffin like him [Обмолвись, что твой бывший бойфренд очень толстый и лысый, и, что ты благодаришь Бога, что ты вышла замуж за бесконечного любовника-маффина]* (Couple quality time and re-romancing). В случаях с твердым и острым печеньем и мачо-маффином образные аналогии основаны скорее не на визуальном облике продукта, но передают ассоциации с приятным или пикантным вкусом, хрустящей структурой сладких блюд, с положительными эмоциональными отношением к десерту как к изысканному кушанью, в отличие от повседневной пищи.

В английской лингвокультуре кулинарные номинации используются для образной характеристики низкого интеллектуального уровня человека. Например, голова человека, который ведет себя глупо, сравнивается с пудингом, а его не сосредоточенное лицо уподобляется картофельному пюре: *You're the one who's wrong... You're a pudding head. Mashed potatoe face... You're not listening You don't hear me [Ты тот, кто не прав... Ты – голова в виде пудинга (глупец). Лицо из картофельного пюре... Ты не слушаешь. Ты не слышишь меня]* (How did we do at dialogue? – Adventures in Ethics and Science). Человека, который сошел с ума, можно охарактеризовать с помощью фразеологизма *as nutty as a fruitcake* (букв. «такой же ореховый, как фруктовый пирог»): *The elderly man's behavior became so unusual that some of his neighbors considered him to be as nutty as a fruitcake [Поведение старика стало таким необычным, что некоторые из его соседей считали его таким же ореховым как и фруктовый пирог (сумасшедшим)]* (American Food).

Образы хлебобулочных изделий лежат в основе метафорических проекций в сферу «Финансовая деятельность». Так, представление о пироге в обоих языках ассоциативно связывается с явлениями, которые имеют большое финансовое значение – прибыльные отрасли бизнеса, доходные сферы экономической деятельности, собственно прибыль: *В этом сезоне 32 лучших клуба Европы поделят между собой «пирог» в размере 200 миллионов долларов* (О. Скворцов, Д. Глухих, А. Харитонов. Футбол не стоит денег); *Philip Green eats more cake than the rest of us, by the look of him, and it might be the best way to make him pay his share. Pay tax, get cake [Филип Грин ест больше торта (получает больше прибыли), чем все остальные из нас, по его виду, и это, возможно, лучший способ заставить его платить его долю. Заплати налоги, получи торт (прибыль)]* (fleet street fox: Face, meet palm). Как в английском, так и в русском языках получение части чего-либо ценного, выгодного, приносящего доходы в ситуации конкуренции, образно уподобляется куску пирога / *a slice of the cake*. В основе данной метафорической проекции лежит ситуация, в которой необходимо разделить некоторую сумму денег, что уподобляется разрезанию пирога на части с его последующим разделением среди всех участников

процесса. Экономически выгодные и привлекательные явления уподобляются горячим, свежим, и, следовательно, вкусным пирожкам, которые пользуются большим спросом в сравнении с холодными и не свежими пирогами, как во фразеологизмах *разлетаться как горячие пирожки* и *to sell like hot cakes*: *Её книги раскупают как горячие пирожки, увлеченно читают в транспорте и на отдыхе* (Комментарии из чата). В русском языке образы сладкой медовой коврижки и вкусной плюшки символизируют нечто ценное, желанное, представляющее материальный интерес для человека: *Сумка, болтающаяся на шее, мне порядком мешала, но я не сняла бы ее ни за какие коврижки* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); *Причём, тут всё как в бизнесе – сначала принятие на себя обязанностей и честное их выполнение, а только потом уже всякие плюшки* (Комментарии из чата).

Образы хлебобулочных изделий служат основой для метафорической характеристики природных объектов и явлений из сферы «Натурфакты». Например, объекты живой природы и космоса, напоминающие форму кольца, ассоциируются с пончиком с дыркой по середине: *Pictured is a model of how a ship, enclosed in a space-time 'doughnut', could reach the stars [На иллюстрации модель того, как корабль, заключенный в пространственно-временной пончик, сможет достигнуть звезд]* (Nasa breakthrough suggests Star Trek's 'warp drives' may not only). Форма блина, его размер, желтый цвет и блеск образно ассоциируются с солнцем и луной в русской лингвокультуре, а его плоская форма и ровная, гладкая поверхность – с плоским и ровным рельефом местности в обеих лингвокультурах.

Представления о процессах приготовления и поглощения хлебобулочных изделий метафорически переносятся на различные ситуации социальной деятельности человека, таких как вовлеченность в несколько дел одновременно в английских фразеологизмах *to have finger in every pie* (букв. «совать палец в каждый пирог») и *to have fingers in too many pies* (букв. «совать пальцы в слишком много пирогов»), и неудачный опыт в каком-либо деле в русском фразеологизме *первый блин комом*.

Кулинарные образы используются в метафорической характеристике различных абстрактных категорий. Так, отверстие в пончике (*doughnut*) в английском языке и *баранке* и *бублике* в русском языке ассоциативно связывается с чем-либо незначительным или отсутствующим в противопоставлении чему-либо, имеющему значение, представленному в виде самого пончика, баранки или бублика: *As I ramble through life, whatever be my goal, I will unfortunately always keep my eye upon the doughnut and not upon the hole [Когда я брожу по жизни, какой бы ни была моя цель, я буду всегда, к сожалению, следить за пончиком (чем-либо важным), а не за дыркой от пончика (незначительным)]* (A Collection of Culinary Quotes – On the Table: The Curious Home). *Землю носом рыли! Вятером, шестеро суток! – А толку? Как говорится, две консервные банки плюс дыра от баранки!* (В. Богомолов. Момент истины).

Образы хлебобулочных изделий метафорически называют объекты из сферы-мишени «Артефакты». Разнообразные предметы в форме кольца с дыркой в центре в английском языке ассоциативно связываются с пышным пончиком, а в русском языке ассоциируются с баранкой: *You could sit on a big doughnut shaped innertube and float all the way around the park [Вы можете сидеть на большой автомобильной камере в форме пончика (в форме кольца) и плыть по всему парку]* (The Effects of Instructional Rubrics on Learning to Write), *Всё смотря мне в глаза с какой-то полугри-масой, он чуть крутанул баранку вентиля, и вода запела свою шелестящую песенку* (А. Терехов. Мемуары срочной службы).

Заключение

В результате комплексного сопоставительного исследования метафоризации образов хлебобулочных изделий в русской и английской (американской и британской) лингвокультурах выявлены и описаны универсальные и культурно обусловленные основания их образного переосмысления. Посредством метафоры изделий из теста описывается внешний вид человека (голова, глаза, части тела и фигура), его ментальные способности, характер, поведение и эмоциональное состояние, характеризуются объекты живой и неживой природы, финансовая, профессиональная и социальная деятельность человека, а также выражается отношение говорящего к называемым объектам и явлениям: вкусно – нравится, невкусно – не нравится, вкусный – приятный / милый, сладкий – любимый. Внешние признаки хлебобулочных изделий, такие как форма (круглая, округлая, шарообразная, кольцеобразная, пышная, плоская), их вкусовые качества (сладкий, вкусный / не вкусный), цветовые признаки (прожаренный, с вкраплениями), тактильные качества (мягкий, чёрствый), температурные признаки (горя-

чий), структура (пышный), способы их приготовления и поглощения (*печь как блины, toast oneself* «поджариваться себя как тост»), а также восприятие кулинарных продуктов субъектом гастрономической деятельности (нравится / не нравится на вкус) переосмысливаются носителями языка и выступают основанием для образной номинации объектов и предметов, окружающих человека. В русском и английском языках мы видим схожие качества, подлежащие метафоризации, которые свойственны блюдам близким по рецептуре и способам приготовления, например эталонами плоской формы являются блин и pancake, шарообразной формы – булка и bun, которые также являются метафорическими аналогами мягкой структуры. Блюда различные по структуре и способу приготовления могут выступать эталонами одинаковых признаков, как русский блин и английский toast для характеристики горячих предметов, а русские баранка и бублик и английский пончик (doughnut) – для предметов, по форме напоминающих кольцо.

Подробный анализ частотности метафорических репрезентаций образов хлебобулочных изделий на материале словарных статей и корпусных данных позволил оценить актуальность, востребованность и высокий прагматический потенциал образных единиц этой тематической группы, а также выявить устаревшие и новые метафоры и образные выражения. Наибольшей частотностью метафорических репрезентаций в русском языке обладает лексема *блин*, а в английском языке – *пирог (pie)* и *торт (cake)*.

Представленная в статье методика позволила всесторонне описать метафоризацию образов изделий из теста в русской и английской лингвокультурах. Полученные результаты могут быть использованы в теории и практике перевода и межкультурной коммуникации, а также при составлении лингвокультурологических и учебных словарей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее перевод английских источников выполнен авторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago : The University of Chicago Press, 1980. 256 p.
2. Gibbs Raymond W. Jr. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2008. 564 с.
3. Ortony A. *Metaphor and thought*. 2nd edition. Cambridge University Press, 1993. 696 с.
4. Giora R. Understanding figurative and literal language: The graded salience hypothesis // *Cognitive Linguistics*. 1997. Vol. 8. P. 183–206.
5. Glucksberg S. *Understanding figurative language: from metaphors to idioms*. New York : Oxford University Press, 2001. 134 p.
6. Leezenberg M. Metaphor and metalanguage. Towards a Social Practice Account of Figurative Speech // *The Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication*. 2008. Vol. 3. P. 1–24.
7. Fauconnier G., Turner M. *The way we think*. New York : Basics books, 2002. 440 p.
8. Ning Yu. Metaphor from body and culture // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* / Ed. by W. Raymond, Jr. Gibbs. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2008. 564 p.
9. Evans V. *How words mean: lexical concepts, cognitive models and meaning construction*. Oxford : Oxford University Press, 2009. 373 с.
10. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // *Русская политическая метафора (материалы к словарю)*. М., 1991. С. 184–193.
11. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск : Изд-во ТГУ, 2010. 282 с.
12. Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // *Вестник Томского государственного университета*. Филология. 2010. № 1 (9). С. 26–43.
13. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*. М. : Наука, 1988. С. 173–204.
14. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.
15. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.
16. Юрина Е.А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013. 238 с.

17. Юрина Е.А., Балдова А.В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 98–115.
18. Шерина Е.А. Собственно образное слово как носитель лингвокультурной информации о восприятии человека и социума в русской и английской языковых картинах мира // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361.
19. Капелюшник Е.В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345.
20. Живаго Н.А. Метафоризация образов тепловой обработки пищи в русском языке // Вестник ТГПУ. 2017. № 10 (187).
21. Башкатова Ю.А. Телесная метафора в английской и русской лингвокультурах // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/telesnaya-metaphora-v-angliyskoy-i-russkoy-lingvokulturah> (дата обращения: 18.03.2019).
22. Дехнич О.В. Антропоцентрический характер метафорических репрезентаций (на примере метафоры дерева) // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentricheskiiy-harakter-metaphoricheskikh-reprezentatsiy-na-primere-metaphory-dereva> (дата обращения: 18.03.2019).
23. Кондратьева О.Н. Метафоры возраста и их роль в концептуализации души человека // Вестник КемГУ. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaphory-vozrasta-i-ih-rol-v-kontseptualizatsii-dushi-cheloveka> (дата обращения: 18.03.2019).
24. Илюхина Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара, 1998.
25. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.
26. Толстая С.М. «Человек живет, как трава растет»: вегетативная метафора человеческой жизни // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура : сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 685–693.
27. Пахомова И.В. Метафорическое представление концепта «Еда/пища» в английской языковой картине мира новоанглийского периода : дис. ... канд. филол. наук. М. : РГБ, 2003. 160 с.
28. Бойчук А.С. Пищевые метафоры как способ характеристики современной действительности // Вестник СГУТиКД. 2012. № 1 (19). С. 178–181.
29. Савельева О.Г. Концепт «Еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты : на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 270 с.
30. Максимова Т.В. Гастрономическая метафора в разных типах дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Вып. № 4, т. 1. С. 176–181.
31. Марушкина Н.С. Концепт «Еда» в контексте диалога культур : дис. ... канд. культурологических наук. Иваново : Ивановский государственный университет, 2014. 166 с.
32. Кирсанова Е.М. Прагматика единиц семантического поля «ПИЩА»: системный и функциональный аспекты : на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 294 с.
33. Дормидонтова О.А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира (на материале русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 23 с.
34. Юрина Е.А., Помаролли Д. Библийская символика хлеба в образных средствах русского и итальянского языков // Язык и культура. 2017. № 39. С. 84–106.
35. Юрина Е.А., Авраменко О.В., Помаролли Д. Универсальные аспекты метафоризации образов зерна и хлеба в русском, английском и итальянском языках // Вестник ТГПУ. 2017. № 11 (188). С. 135–139.
36. Боровкова А.В. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 5–13.
37. Грекова М.В. Образы посуды в русской метафорической картине мира (когнитивно-дискурсивный и лексикографический аспекты) // Вестник ТГПУ. 2017. № 2 (179).
38. Словарь русской пищевой метафоры / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1 : Блюда и продукты питания. 428 с.
39. Балдова А.В., Грекова М.В., Живаго Н.А., Юрина Е.А. Словарь русской пищевой метафоры / под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. Т. 2 : Гастрономическая деятельность. 546 с.
40. The Free dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 18.03.2019).
41. Национальный корпус русского языка. Электрон. дан., 2003–2011. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.06.2019).
42. Corpus of Global Web-Based English. URL: <https://www.english-corpora.org/glowbe/> (дата обращения: 01.06.2019).
43. Авраменко О.В. Образы хлебобулочных изделий как основание метафорических проекций в русском и английском языках // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов III (XVII) Междунар. конф. молодых ученых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. Вып. 17. С. 255–260.
44. Помаролли Д. Представление хлеба в образном словарном составе русского и итальянского языков // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов IV (XVIII) Междунар. конф. молодых ученых. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. Вып. 18, Т. 1: Лингвистика. С. 284–288.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 марта 2020 г.

The Metaphorical Functioning of Baked Goods' Images in Russian and English *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2020, 456, 5–15.

DOI: 10.17223/15617793/456/1

Olesya V. Avramenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lesyonka@list.ru

Elena A. Yurina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Keywords: figurative lexis; phraseology; cognitive metaphor; gastronomic metaphor; linguistic culture.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00194.

The authors of the article develop the cognitive, linguistic cultural, and comparative aspects of the food metaphor implementation in Russian and English (American and British) linguistic cultures based on figurative words and expressions with baked goods' images in their semantics. The authors aim to study and describe the features of the linguistic and textual expression of the metaphorical images of foods made from dough, make a linguistic model of fragments of the figurative systems of the compared languages, and identify universal and culturally specific aspects of the metaphorical interpretation of foods belonging to this group. The authors describe various properties and qualities of baked goods that are metaphorically reinterpreted and target spheres that are figuratively characterized similarly to baked goods, such as Human Being, Society, Financial Activities, Artifacts, and Nature Facts. They reveal the lexical and phraseological composition of Russian and English figurative words and expressions representing the food metaphor of baked goods. The data for the study are linguistic metaphors, figurative comparisons, and phraseological units metaphorically

motivated by 15 names for baked goods in Russian (*baranka, blin, bublik, bulka, kalach, karal'ka, keks, kovrizhka, krendel', pampushka, pirog, plyushka, ponchik, pyshka, sukhar'*) and 10 names in English (*biscuit, bun, cake, doughnut, dumpling, muffin, pancake, pie, pudding, toast*). The baked goods metaphor interprets the person's appearance, mental abilities, character, behavior and emotional state; alive and inanimate nature; financial, professional, and social activities; the speaker's attitude to the named objects and phenomena such as: *tasty* for liking, *tasteless* for disliking, *tasty* for pleasant/nice, *sweet* for favorite/loved. The baked goods' shape (round, roundish, spherical, ring-shaped, fluffy, flat), taste (sweet, tasty, not tasty), color characteristics (fried, interspersed), tactile qualities (soft, stale), temperature characteristics (hot), structure (fluffy), methods of cooking and eating (*pech' kak bliny, toast oneself*), as well as the state of the gastronomic activity subjects (like/dislike) are reinterpreted by native speakers and serve as the basis for figurative nominations of different objects around.

REFERENCES

- Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Gibbs, R. W. Jr. (2008) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Ortony, A. (1993) *Metaphor and thought*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Giora, R. (1997) Understanding figurative and literal language: The graded salience hypothesis. *Cognitive Linguistics*. 8. pp. 183–206.
- Glucksberg, S. (2001) *Understanding figurative language: from metaphors to idioms*. New York: Oxford University Press.
- Leezenberg, M. (2008) Metaphor and metalanguage. Towards a Social Practice Account of Figurative Speech. *The Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication*. 3. pp. 1–24.
- Fauconnier, G. & Turner, M. (2002) *The way we think*. New York: Basics Books.
- Ning, Yu (2008) Metaphor from body and culture. In: Raymond, W. & Gibbs, Jr. (eds) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Evans, V. (2009) *How words mean: lexical concepts, cognitive models and meaning construction*. Oxford: Oxford University Press.
- Baranov, A.N. (1991) Oчерк kognitivnoy teorii metafory [An outline of the cognitive theory of metaphor]. In: Baranov, A.N. & Karaulov, Yu.N. *Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu)* [Russian Political Metaphor (Materials for the dictionary)]. Moscow: Russian Language Institute of the Academy of Sciences of USSR. pp. 184–193.
- Mishankina, N.A. (2010) *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in Science: Paradox or Norm?]. Tomsk: Tomsk State University.
- Rezanova, Z.I. (2010) Metaphorical segment of Russian linguistic picture of the world: ideas, methods, solutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (9). pp. 26–43. (In Russian).
- Teliya, V.N. (1988) Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. In: Serebrennikov, B.A. (ed.) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language: Language and picture of the world]. Moscow: Nauka. pp. 173–204.
- Chudinov, A.P. (2003) *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
- Yurina, E.A. (2005) *Obraznyy stroy yazyka* [The Figurative Structure of the Language]. Tomsk: Tomsk State University.
- Yurina, E.A. (2013) *Vkusnye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov* [Delicious Metaphors: Food tradition in the mirror of linguistic images]. Kokshetau: Keleshek-2030.
- Yurina, E.A. & Baldova, A.V. (2017) Food metaphor in conceptualization, categorization and verbalization of representations about the world. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 48. pp. 98–115. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/48/7
- Sherina, E.A. (2012) Figurative word as cultural information carrier on perception of person and society in Russian and English language world pictures. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 361. pp. 30–34. (In Russian).
- Kapelyushnik, E.V. (2011) Person in the light of the culinary code of culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 345. pp. 11–14. (In Russian).
- Zhivago, N.A. (2017) Metaphorization of thermal processing images in the Russian language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 10 (187). pp. 32–38. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-10-32-38
- Bashkatova, Yu.A. (2013) Body metaphor in English and Russian linguocultures. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2 (54). pp. 24–27. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/telesnaya-metafora-v-angliyskoy-i-russkoy-lingvokulturah>. (Accessed: 18.03.2019). (In Russian).
- Dekhnich, O.V. (2009) Antropological character of metaphoric representations (based on a tree metaphor). *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya. Yazyki i spetsial'nost' – Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Problems of education: languages and speciality*. 2. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentricheskii-harakter-metaforicheskikh-reprezentatsiy-na-primere-metafory-dereva>. (Accessed: 18.03.2019). (In Russian).
- Kondrat'eva, O.N. (2012) Age metaphors and their role in a person's soul conceptualization. *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 3. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafory-vozrasta-i-ih-rol-v-kontseptualizatsii-dushi-cheloveka>. (Accessed: 18.03.2019). (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2012-4-3-273-276
- Ilyukhina, N.A. (1998) *Obraz v leksiko-semanticheskom aspekte* [The Image in the Lexical and Semantic Aspect]. Samara: Samara State University.
- Sklyarevskaya, G.N. (1993) *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the Language System]. Saint Petersburg: Nauka.
- Tolstaya, S.M. (2004) "Chelovek zhivet, kak trava raset": vegetativnaya metafora chelovecheskoy zhizni ["A man lives like the grass grows": a vegetative metaphor of human life]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura* [Secret meanings. Word. Text. Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 685–693.
- Pakhomova, I.V. (2003) *Metaforicheskoe predstavlenie kontsepta "Eda/pishcha" v angliyskoy yazykovoy kartine mira novoangliyskogo period* [Metaphorical representation of the concept "Food" in the English language picture of the world of the New England period]. Philology Cand. Diss. Moscow.
- Boychuk, A.S. (2012) Pishchevye metafory kak sposob kharakteristiki sovremennoy deystvitel'nosti [Food metaphors as a way of characterizing modern reality]. *Vestnik SGUTiKD*. 1 (19). pp. 178–181.
- Savel'eva, O.G. (2006) *Kontsept "Eda" kak fragment yazykovoy kartiny mira: leksiko-semanticheskiy i kognitivno-pragmaticheskiy aspekty: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Concept "Food" as a fragment of the linguistic picture of the world: lexical-semantic and cognitive-pragmatic aspects: on the material of Russian and English languages]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.
- Maksimova, T.V. (2013) Gastronomical metaphor in different types of discourse. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 1 (4). pp. 176–181. (In Russian).
- Marushkina, N.S. (2014) *Kontsept "Eda" v kontekste dialoga kul'tur* [Concept "Food" in the context of the dialogue of cultures]. Culturology Cand. Diss. Ivanovo.

32. Kirsanova, E.M. (2009) *Pragmatika edinitis semanticheskogo polya "PISHCHA": sistemnyy i funktsional'nyy aspekty: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Pragmatics of the units of the semantic field "FOOD": systemic and functional aspects: on the material of the Russian and English languages]. Philology Cand. Diss. Moscow.
33. Dormidontova, O.A. (2011) *Gastronomicheskaya metafora kak sredstvo kontseptualizatsii mira (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Gastronomic metaphor as a means of conceptualizing the world (based on the Russian and French languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.
34. Yurina, E.A. & Pomarolli, D. (2017) The biblical symbolism of bread in figurative means of Russian and Italian languages. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 39. pp. 84–106. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/39/6
36. Yurina, E.A., Avramenko, O.V. & Pomarolli, D. (2017) The images of grain and bread in Russian, English and Italian languages: universal aspects of metaphorization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 11 (188). pp. 135–139. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-11-135-139
37. Borovkova, A.V. (2015) Food metaphor as a means of expressing evaluation and values (based on figurative lexis and phraseology of the Russian language). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 396. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/396/1
38. Grekova, M.V. (2017) Images of dishes in Russian metaphorical picture of the world (cognitive-discursive and lexicographic aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (179). pp. 18–23. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-2-18-24
39. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
40. Yurina, E.A. (ed.) (2017) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
41. *The Free dictionary by Farlex*. [Online] Available from: <https://www.thefreedictionary.com>. (Accessed: 18.03.2019).
42. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 01.06.2019). (In Russian).
43. *Corpus of Global Web-Based English*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/glowbe/>. (Accessed: 01.06.2019).
44. Avramenko, O.V. (2016) [Images of bakery products as the basis of metaphorical projections in Russian and English]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the III (XVII) International Conference. 17. Tomsk. 18–23 April 2016. Tomsk: Tomsk State University. pp. 255–260. (In Russian).
45. Pomarolli, D. (2017) [The image of bread as it is represented in Russian and Italian figurative language]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the IV (XVIII) International Conference. 18. Vol. 1. Tomsk. 20–22 April 2017. Tomsk: Tomsk State University. pp. 284–288. (In Russian).

Received: 01 March 2020

К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская, О.А. Сычев, М.С. Власов

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АМОРАЛЬНОМ В СВЕТЕ ТЕОРИИ МОРАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00119
«Ценностные и моральные основы социального мировоззрения молодежи».*

Дан анализ представлений об аморальном у традиционалистов, высоко ценящих моральные нормы уважения, лояльности, чистоты, и прогрессивистов, выше оценивающих нормы заботы и справедливости. Данные, полученные с помощью опросника MFQ и анкеты, выявляющей представления об аморальном, были подвергнуты полевому анализу в информационной системе «Семограф». Частотный анализ сформированных полей и семантические графы, построенные с помощью метода графосемантического моделирования, позволили подтвердить основанные на теории моральных оснований гипотезы.

Ключевые слова: мораль; аморальное; теория моральных оснований; традиционализм; прогрессивизм; эксперимент; семантический анализ; графосемантическое моделирование.

Введение

В последние два десятилетия в социально-гуманитарных науках (в первую очередь, в психологии) наблюдается существенный рост интереса к проблемам морали и нравственности, выражающийся как в увеличении числа эмпирических исследований, открывающих новые факты, так и в появлении новых подходов и теорий [1]. При этом тесно связанное с моралью понятие «аморальное» привлекает к себе гораздо меньше внимания. В значительной мере, по видимому, это объясняется вторичностью аморального по отношению к морали, через отрицание которой (или противоречие с ней) оно обычно определяется [2. С. 15]. В немногочисленных социальных и психологических исследованиях аморальное в личности связывается преимущественно с психопатией [3] или темной триадой личностных качеств, включающей психопатию, нарциссизм и макиавеллизм [4]. Попытка анализа аморальной личности путем эмпирического обобщения позволила выделить наряду с темной триадой также такие аморальные социальные установки, как садизм, бунтарство, расчетливость, цинизм, злобность и некоторые другие [5], однако отсутствие прочной теоретической базы привело к тому, что такой подход не получил признания.

Несмотря на вторичность по отношению к понятию «мораль», аморальное и представления о нем заслуживают специального анализа ввиду неоднозначности и разнообразия таких представлений у людей с различными индивидуальными и культурными особенностями. При этом совершенно оправданным представляется подход, опирающийся на современные теоретические представления о природе морали и структуре моральной сферы (см. их обзор в [6]). Опора на психологическую теорию морали, с одной стороны, позволяет уточнить направление и категории анализа. С другой стороны, результаты подобного анализа могут представлять интерес не только в качестве теоретически обоснованного описания представлений об аморальном, но и с точки зрения проверки или уточнения соответствующих теоретических по-

ложений. Наиболее соответствующей задачам данного исследования психологической теорией морали представляется теория моральных оснований, представляющая лаконичное, но вместе с тем достаточно полное описание структуры моральной сферы.

Теория моральных оснований (ТМО), сложившаяся в последние два десятилетия на основе интеграции результатов психологических, антропологических и нейрокогнитивных исследований, представляет собой один из наиболее известных подходов к описанию структуры моральной сферы и механизмов нравственной оценки [7]. К числу ключевых положений этой теории относится представление о том, что в основе моральных суждений лежит ограниченный набор закрепленных в результате эволюции механизмов, обеспечивающих быструю интуитивную эмоционально-окрашенную оценку событий и поступков [8]. Развернутое сознательное обоснование этих оценок с указанных позиций является вторичным и выполняет преимущественно межличностную функцию (например, убеждение других в правильности своей оценки).

В рамках такого социально-интуитивистского подхода одним из центральных является вопрос о том, каков минимальный обоснованный набор этих базовых механизмов (получивших название «Моральных оснований»), лежащих в основе разнообразия моральных оценок в различных культурах. Понятие «Моральные основания» здесь используется для обозначения самых общих, базовых механизмов и соответствующих им критериев (оснований) нравственной оценки различных событий и поступков. Набор таких моральных оснований позволяет охарактеризовать структуру моральной сферы. В результате теоретического анализа и обобщения эмпирических данных авторы ТМО описали пять моральных оснований [9]:

- 1) забота (включающая одобрение заботы о близких, о слабых и беззащитных, запрет на причинение эмоционального и физического вреда);
- 2) справедливость (справедливое, непредвзятое отношение, равенство, честность);

3) лояльность группе (преданность интересам группы, нетерпимость к изменникам);

4) уважение (уважение власти, авторитетных лиц, традиций, соблюдение иерархии);

5) чистота (осуждение отвратительных, постыдных поступков, развращенности и распущенности, одобрение целомудрия и почитания святынь).

Первые два моральных основания (забота и справедливость) преимущественно сосредоточены вокруг индивидуальных отношений человека к человеку, так что их объединяют под названием индивидуализирующих моральных оснований, или «этики автономии». Три последних моральных основания в основном касаются отношений между человеком и его сообществом, способствуя сплочению людей вокруг лидера, общих ценностей и святынь, а потому их называют сплывающими моральными основаниями, или «этикой сообщества».

В статье Дж. Грэхема с соавт. на материале четырех исследований, три из которых проведены с использованием различных опросников и одно основано на контент-анализе текстов, было показано, что соотношение индивидуализирующих и сплывающих моральных оснований в индивидуальном профиле показывает надежную связь с консервативными или либеральными взглядами в политической и общественной жизни [10]. В частности, для лиц, придерживающихся консервативных взглядов, характерна одинаково высокая оценка важности как индивидуализирующих, так и сплывающих моральных оснований, в то время как либеральные взгляды сочетаются с явно преобладающей оценкой важности индивидуализирующих оснований при низкой важности сплывающих. Этот вывод был неоднократно подтвержден в опросных исследованиях, например в работе Р. Айера с соавт. на большой выборке с участием 157 804 респондентов из США [11], на репрезентативной финской выборке [12], на южнокорейской выборке [13] и во многих других исследованиях. В статье основателей ТМО [9] представлены подтверждающие данные о связи моральных оснований с политической идеологией по 12 различным регионам и странам мира.

Данных о воспроизведении связи моральных оснований с политической идеологией на материале анализа текстов несколько меньше. Так, в недавно опубликованной статье Дж. Фримера [14] представлены результаты пяти исследований, направленных на проверку воспроизводимости различий в использовании лексики моральных оснований лицами с разными политическими взглядами в религиозных, политических текстах и материалах СМИ, а также итоги метаанализа. В результате Дж. Фример пришел к выводу, что связь политической идеологии с моральными основаниями подтверждается в отношении моральных оснований «уважение» и «чистота», хотя сила связи существенно ниже, чем в оригинальном исследовании Дж. Грэхема с соавт. [10].

В исследованиях, проведенных в рамках ТМО, было показано, что моральные основания ярко проявляются в том, как люди относятся к различным общественным проблемам, как они оценивают те или иные социальные явления и события [15–17]. Например, в

статье С. Колевой и соавт. было показано, что моральные основания являются статистически значимыми предикторами мнений по спорным вопросам, отражающим консервативные представления об «аморальном», например однополые отношения и браки, внебрачный секс и рождение ребенка вне брака, аборт, порнография, эвтаназия, клонирование, исследования стволовых клеток, азартные игры, неуважение к государственным символам [16]. В соответствии с ожиданиями, лица с большей выраженностью сплывающих моральных оснований (и, особенно, морального основания «чистота») высказывают по этим вопросам существенно большее неодобрение. Убеждения в необходимости защиты окружающей среды показывают связь с индивидуализирующими моральными основаниями [17].

В исследовании на российской выборке обнаружилось, что соотношение индивидуализирующих и сплывающих моральных оснований ожидаемым образом проявляется в отношении к различным острым социально-политическим вопросам [15]. В частности, преобладание индивидуализирующих моральных оснований (условно «либеральный» профиль) показало связь с большей (по сравнению с условными «консерваторами») озабоченностью бедностью и справедливостью в оплате труда, негативным отношением к возрастающей роли религии в общественной жизни и современным российским элитам, стремлением ограничить цензуру и идеологическое влияние государства на граждан, убежденностью в неоправданности репрессий сталинской эпохи и отсутствии необходимости увеличения затрат на оборону, поддержкой неприкосновенности частной собственности и прав сексуальных меньшинств, а также некоторыми другими подобными взглядами.

Из теоретических положений и накопленных данных следует предположение о том, что различный профиль моральных оснований (консервативный, традиционалистский или либеральный, прогрессивистский) должен быть связан с представлениями о том, что является нравственным и безнравственным, моральным и аморальным. Разумно ожидать, что у лиц с либеральным профилем, ввиду того, что для них важными являются только индивидуализирующие моральные основания, представления об аморальном должны преимущественно включать нарушения норм заботы и справедливости. У лиц с консервативным профилем, высоко оценивающих важность не только индивидуализирующих, но и сплывающих моральных оснований, их представления об аморальном должны включать в себя в первую очередь нарушения норм лояльности, уважения и чистоты, наряду с отклонениями от норм заботы и справедливости.

Обоснованность такого предположения подтверждается выводами А. Мацуо, которым было показано, что высокая оценка важности морального основания по опроснику сочетается с наличием «лучше организованной (когнитивной – авторы) схемы для соответствующего морального основания», проявляющейся в том, как информанты конструируют и описывают гипотетические ситуации нарушения соответствующих моральным основаниям норм [18].

С. 6]. Наличие «хорошо организованных когнитивных схем» для наиболее важных моральных оснований должно выражаться в их большей доступности и легкости актуализации при решении задачи описания аморального поведения. Такой вывод согласуется с положениями теории воплощения (англ. Embodiment Theories) [19, 20].

Так, в концепции Л. Барсалоу понятие *симулятора* – нейрональной распределенной мультимодальной системы, – соотносится с категориальной семантикой [19]. Эта система возникает на основе повторяющегося взаимодействия человека с экземплярами / репрезентантами категории, которые в силу принадлежности одной категории обладают статистически коррелированными свойствами, – в результате взаимодействия человека с такими экземплярами активируются аналогичные нейронные паттерны. Симулятор (т.е. вся нейрональная сеть, представляющая категорию) никогда не становится активным одновременно; активными могут быть только небольшие подмножества для представления категории в определенных случаях / контекстах, так называемых локализациях. Такие подмножества получили наименование симуляций, которые представляют собой примеры категории. Локализация конкретных симуляций, по мысли Л. Барсалоу, формируется за счет локализованного характера представлений, причина которого, в свою очередь, состоит в том, что опыт субъекта в окружающей среде также локализован, т.е. всегда определен относительно пространственных и временных координат (так называемого сеттинга), субъектного и объемного контекста возникающих ситуаций [19].

В нашем случае можно сказать, что если для субъекта более важно какое-то определенное моральное основание (например, справедливость), то это обстоятельство является следствием жизненного опыта, в котором представлена некоторая совокупность локализованных ситуаций прошлого, каждая из которых развивалась под влиянием фактора справедливости или несправедливости. При этом формирование категории (симулятора в терминах Л. Барсалоу) может осуществляться в двух направлениях: от перцептивного опыта к понятию / категории («снизу вверх») и от языка к понятию / категории («сверху вниз») [21].

Когда мы имеем дело с такой сложной категорией, как аморальное, то можем обнаружить, что данная категория а) в соответствии с ТМО состоит из нескольких больших подмножеств, для каждого из которых будут свои наиболее типичные примеры (*симуляции*), б) представлена в конкретных симуляциях (примерах *аморального*) либо как отражение перцептивного опыта, либо как отражение языка (и шире – культуры). Такого рода примеры аморального можно попытаться выявить либо с опорой на тематические / семантические словари и языковой корпус, либо с помощью опросных методов.

Тематические / семантические словари дают проекцию «сверху вниз» – в них представлен систематизированный на лексическом уровне языковой опыт социума. Так, в русском семантическом словаре [22] аморальному отведен отдельный раздел «Антиобщественное или аморальное поведение, поступки» (ан-

тиобщественное здесь понимается как аморальное). Раздел состоит из подразделов: Провокация, интрига, измена; Глумление, надругательство, вандализм. Самоубийство; Аморальное поведение, пьянство; Бесчинство, рукоприкладство, хулиганство. В то же время аморальное в словаре рассматривается слишком узко. Так, например, подраздел «Аморальное поведение» включает в себя ряд слов с абстрактной семантикой «поведение, противоречащее нормам морали» (аморалка, беспутство, разврат, порок) и небольшого списка слов с семантикой сексуального аморального поведения (адюльтер, блуд, прелюбодеяние) [22. С. 277]. Понятия аморального встречаются также в разделе «Отступление от правил морали...» [22. С. 236], но перечень слов данного раздела (22 слова) во многом случаен. Можно сказать, что лексикографический подход пока далек от системного представления категории *аморального*.

Корпусный подход, напротив, должен дать проекцию «снизу вверх», поскольку корпус представляет множество конкретных речевых реализаций категории. Однако корпусные исследования, осуществляющиеся, в первую очередь, с опорой на НКРЯ [23], решают задачи, связанные с «бытованием» тех или иных лексических единиц в языке, и не ставят проблем структурирования целостных доменов языковой картины мира (см., например, [24]). Таким образом, сочетание лексикографического и корпусного подходов в настоящее время не позволяют реконструировать категорию *аморального*.

В то же время задача может быть решена с помощью экспериментального подхода, сфокусированного на сборе языкового материала, репрезентирующего предметную область *аморального* в языковом сознании социума. При этом достоинством экспериментального подхода к сбору материала является возможность соотнесения результатов психологического опроса ТМО со значимыми для каждого профиля (консервативного или прогрессивистского) проявлениями (образцами) категории *аморального*. Данные образцы можно выявить с помощью дополнительных вопросов / заданий к испытуемым (далее – Ии.), в частности приведение примеров *аморального*, т.е. в рамках парадигмы «натуралистических концепций морали» [25], обращенной в своих исследованиях к персональному жизненному опыту Ии. для формирования исходного свободного списка образцов категории [26, 27]. В целом образцы аморального согласно [21] могут представлять а) концептуализованный путь «от опыта к понятию», часто репрезентированный конкретными ситуациями и представленный единицами, оформленными синтаксически (П.: *курение на детских площадках; обсуждать плохие поступки в контексте хороших*) и б) путь «от языка», выражаемый в многочисленных словарных номинациях (*убийство, предательство, наркомания, проституция* и мн. др.). Нужно отметить, что между обоими подходами нет явных границ: симуляция аморального, сформированная не в индивидуальном перцептивном опыте, а в опыте лингвокультурном (например, геноцид, фашизм, убийство и мн. др.), также переживается индивидуально.

Таким образом, проблему исследования составляет вопрос о том, связана ли относительная субъективная важность индивидуализирующих и сплывающих моральных оснований с представлениями об *аморальном*. В ходе исследования проверялась гипотеза о том, что лица с преобладающей важностью индивидуализирующих моральных оснований при характеристике аморального в первую очередь указывают на нарушение норм заботы и справедливости, в то время как лица, признающие важность сплывающих моральных оснований, при характеристике аморального в большей мере указывают на нарушение норм чистоты, уважения и лояльности.

Организация и методы исследования

Выборка. В исследовании приняли участие 300 информантов (из них 127 были опрошены в г. Перми и 173 – в г. Бийске). Подавляющее большинство опрошенных – это студенты очного и заочного отделений ПГНИУ и АГГПУ им. В.М. Шукшина. Доля мужчин составила 43% (один информант не указал пол), средний возраст опрошенных $M = 22,83$, стандартное отклонение по возрасту $SD = 6,09$ (см. распределение по возрасту и полу в табл. 1). Такую выборку можно считать репрезентативной по отношению к генеральной совокупности образованной российской молодежи.

Таблица 1

Распределение информантов по полу и возрасту

Пол	Возраст, лет				
	17–20	21–25	26–30	От 31	Всего
Женский	69 (40%)	54 (31%)	20 (12%)	29 (17%)	172 (100%)
Мужской	80 (63%)	36 (28%)	3 (2%)	8 (6%)	127 (100%)

Примечание. Один информант не указал свой пол. Числовые данные отражают количество информантов, проценты – долю по строкам.

Материалы. Для анализа использовался материал, полученный в контрастных группах (принцип выделения групп см. далее): с низким и высоким уровнем прогрессивизма (в первой группе – 81 информант, во второй – 67). В этих группах был получен 621 пример описания аморального поведения (см. примеры в табл. 2). Выделение контрастных групп позволило исключить из анализа те случаи, в которых уровень прогрессивизма является неопределенным, умеренным.

Методы сбора данных. Данные были получены в ходе социально-психологического и лингвокогнитивного исследования с применением целого ряда опросных методик. В рамках текущего исследования использовались результаты двух методик: русскоязычного опросника моральных оснований (MFQ-Ru) и анкеты, направленной на выявление представлений об аморальном.

Опросник MFQ-Ru, предложенный в наших предыдущих исследованиях [28], представляет собой

адаптацию англоязычного опросника моральных оснований [7], базирующегося на социально-интуитивистском подходе к исследованию морали [6]. Данный опросник состоит из двух частей (каждая включает 15 пунктов), в первой из которых требуется определить релевантность некоторого критерия для оценки различных поступков как правильных или неправильных (например, «Испытал ли кто-нибудь от этого поступка душевные страдания», оценка по шестибалльной шкале от «Абсолютно неважно» до «Крайне важно»). Во второй части информант должен оценить степень своего согласия (по шестибалльной шкале от «Абсолютно не согласен» до «Абсолютно согласен») с каждым из 15 утверждений, отражающих те или иные суждений по вопросам морали, например: «Сострадание – самая важная добродетель». Оценки по всем 30 заданиям обрабатываются в соответствии с ключом для получения итоговых баллов по пяти шкалам: заботы, справедливости, лояльности, уважения и чистоты.

Далее на основе первичных шкал вычисляется коэффициент прогрессивизма, который характеризует соотношение индивидуализирующих и сплывающих моральных оснований. Он вычисляется для каждого информанта как разность среднего значения оценок по индивидуализирующим моральным основаниям (забота и справедливость) и среднего значения оценок по сплывающим моральным основаниям (лояльности, уважения и чистоты). Чем больше величина данного коэффициента, тем выше относительная роль индивидуализирующих моральных оснований. Относительно высокие значения этого коэффициента означают, что значимость моральных оснований забота и справедливость для информанта значительно выше, чем важность лояльности, уважения и чистоты. Низкие значения коэффициента прогрессивизма указывают на тот факт, что значимость лояльности, уважения и чистоты лишь немного ниже (возможно, и выше, если значение коэффициента является отрицательным), чем значение заботы и справедливости. С целью выделения низкого и высокого уровней использовался тот факт, что для нормально распределенной случайной величины половина наблюдений находится внутри интервала $\mu \pm 0,675 \times \sigma$. Границы этого интервала для коэффициента прогрессивизма, составившие 0,47 и 1,79, использовались для выделения контрастных групп с разным уровнем: низкий уровень (менее 0,47) показал 81 информант, более 1,79 – 67 человек (различия в объеме выделенных групп объясняются умеренной асимметрией распределения коэффициента прогрессивизма). Ответы остальных информантов, составивших среднюю (неопределенную) группу по уровню прогрессивизма, не использовались в дальнейшем анализе.

Для сбора информации относительно представлений об аморальном поведении информантам было предложено ответить на следующий вопрос анкеты: «Что можно назвать аморальным? Приведите, пожалуйста, несколько примеров (не менее трех)».

Графосемантическое моделирование представлений об аморальном. Графосемантическое моделирование представляет собой метод графической экс-

пликации структурных связей между семантическими компонентами множества. Особенность метода заключается в том, что в качестве компонентов рассматриваются не первичные эмпирические данные (в данном случае – примеры *аморального*), а результат экспертной классификации первичного материала (семантические поля). Связи между полями устанавливаются на основе их совместного вхождения в один контекст (в данном случае – набор примеров одного Ии.). Метод графосемантического моделирования состоит в последовательной реализации следующих действий: а) процедуры полевого анализа материала, б) генерации семантических карт и графов (по выборкам) и в) интерпретации семантических графов.

Метод графосемантического моделирования реализован в информационной системе «Семограф» (<https://semograph.org/>), которая предназначена для создания корпусов, проведения и анализа результатов психолингвистических, социолингвистических и т.п. экспериментов, создания классификаторов и тезаурусов предметных областей, построения моделей и других задач, возникающих в ходе анализа языкового контента [32, 33]. Информационная система используется при решении широкого поля задач, связанных с семантическим анализом [34–36].

На первом этапе анализа все данные были импортированы в отдельный проект «Семографа»; для каждого испытуемого вся информация о нем, включая примеры *аморального* и социально-психологические сведения (город, пол, возраст, показатели результатов опроса MFQ-Ru), размещалась в отдельном контексте.

На втором этапе в рамках проведения полевого анализа осуществлялась классификация всех примеров *аморального*. Полевой анализ понимается как метод отнесения языковых единиц к одному или нескольким полям на основе общей у языковой единицы с данным полем (полями) семантики. Полем же полагается «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания <...> и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [37. С. 380]. Процедура классификации состоит в приписывании каждого ответа к ячейкам классификатора (системе семантических полей) на основании представленности в ответе семантического признака, соотносимого с соответствующим ему полем.

Классификация проводилась авторами статьи; в процессе классификации вырабатывалась согласованная позиция экспертов по спорным вопросам.

Для более четкой ориентированности на заданные ТМО параметры определения моральных оснований, был выбран дедуктивный способ классификации материала с опорой на опросник MFQ-Ru [28]. Таким образом, в нашем исследовании анализируемые ответы Ии. приписывались к заранее определенным семантическим полям, максимально отражающим содержание выделенных в опроснике категорий. Структура представлений об аморальности была представлена полями двух уровней.

Поля макроуровня (макрополя) совпадают с пятью моральными основаниями опросника MFQ-Ru: «Забо-

та / непричинение вреда»; «Справедливость / честность»; «Лояльность группе»; «Уважение власти / традиций»; «Чистота / святость». Макрополя включают в себя семантические поля, формулировки которых отражают семантику, заложенную в опроснике. Так, например, вопрос «Испытал ли кто-нибудь от этого поступка душевные страдания?», связанный с моральным основанием «Забота», был трансформирован в семантическое поле «Причинение душевного / морального страдания»; смысловые доминанты утверждений «Уважение к власти и к авторитету – это то, чему должны учиться все дети» и «Даже если командир заведомо неправ, солдат должен выполнить его приказ» (моральное основание «Авторитеты») объединены в формулировке «Неуважение к представителям власти / к авторитетам» и под.

Один пример мог быть отнесен к нескольким полям. Например, в реакции «отказываться от воспитания собственных детей» актуализированы семы, связанные нами с двумя полями: «Пренебрежение традициями и обычаями» (макрополе «Уважение власти / традиций») и «Проявление эгоизма вопреки интересам группы» («Лояльность группе»), поскольку добровольный отказ родителей от заботы о своих детях одновременно нарушает принятые в обществе обычаи, регламентирующие отношения в семье, и свидетельствует об игнорировании интересов рода (ближайшей для человека социальной группы). В результате работы был создан иерархический классификатор, представленный в табл. 2. Посредством семантических полей структурируются представления об уровнях «недопустимости» в человеческой деятельности, поведении, жизни; эксплицируются иерархии смыслов при рефлексии о категории аморального.

В результате классификации каждый пример информанта был соотнесен, с одной стороны, с одним / несколькими полями, а с другой – со значениями социальных и психологических параметров, выявленных у того же информанта в результате опроса MFQ-Ru. Такая структура данных позволила на следующем этапе соотнести низкие и высокие показатели прогрессивизма (как интегрального показателя, характеризующего соотношение индивидуализирующих и сплачивающих моральных оснований) со структурами семантических полей. Таким образом, на данном этапе были сопоставлены результаты исследований, полученные двумя методами.

На третьем этапе осуществляется генерация семантической карты, которая представляет собой матрицу $N*N$, в которой в столбцах и строках располагаются названия семантических полей. Значение ячейки, находящейся на пересечении столбца и строки, отражает частоту совместной встречаемости двух полей в контекстах всех данных (или отдельных выборов). На основе семантической карты в программе Gephi (URL: <http://gephi.org>, см. [29]) строится семантический граф – визуализация семантической карты.

Интерпретация графосемантической модели производится на основе анализа встречаемости полей в анализируемых примерах и силы связей между полями (частоты совместного вхождения полей в одни и те же контексты).

Результаты и их обсуждение

Данные табл. 2 демонстрируют приоритетные для респондентов с большим и меньшим показателями прогрессивизма макрополя, отражающие наиболее важные моральные принципы, нарушение которых в первую

очередь интуитивно воспринимается как «подрывание основ». В табл. 2 приведены относительные показатели значимости (встречаемости примеров аморального) моральных оснований для традиционалистов и прогрессивистов: данные получены с помощью деления абсолютных значений на количество Ии. каждой группы.

Таблица 2

Встречаемость семантических полей в выборках Ии. с низкими и высокими показателями прогрессивизма

Наименование поля		Низк. прогр.	Высок. прогр.	Пример
Забота / непричинение вреда		1,26 (0,29)	2,3 (0,44)	
1	Причинение душевного / морального страдания	0,284 (0,065)	0,51 (0,098)	унижать человека в обществе; оскорбление семьи, близких людей; неуважение к инвалидам; оскорбление с переходом на личности; самоутверждение за счет других
2	Причинение вреда слабым и беззащитным	0,407 (0,094)	0,42 (0,081)	пнуть беззащитное существо; унижение детей; педофилия; избивать женщин, детей, родителей, пожилых людей
3	Проявление жестокости	0,333 (0,077)	0,78 (0,150)	физическое насилие; драка в общественном месте; убийство; жестокое отношение к животным насилие любого характера
4	Намеренное причинение боли	0,210 (0,048)	0,45 (0,086)	считать абсолютно правильным избиение человека, в особенности избиение женщины мужчиной; пытки; издевательства над живыми существами
5	Отсутствие жалости, доброты	0,025 (0,006)	0,15 (0,029)	отказ от помощи нуждающимся; желание зла людям; равнодушие к чужой боли
Справедливость / честность		0,15 (0,03)	0,24 (0,05)	
6	Несправедливость	0,025 (0,006)	0,04 (0,009)	неуважение ценностей и религий других народов; античеловеческие законы; наказание осуждение невиновного человека судом, обществом; когда один человек может обогатиться другого из-за какой-то выгоды
7	Необъективное отношение	0,025 (0,006)	0	попытка всех уравнивать; оценка людей не по их способностям; оскорбление более низких по статусу людей
8	Нарушение прав человека / равноправия	0,099 (0,023)	0,19 (0,037)	тирания; неуважение ценностей и религий других народов; поведение высших чинов власти; ограничение свободы слова
Лояльность группе		0,23 (0,05)	0,33 (0,06)	
9	Предательство в общем	0,074 (0,017)	0,19 (0,037)	измена; предательство
10	Предательство страны / Отсутствие патриотизма	0,012 (0,003)	0	измена родине; оскорбление своей страны
11	Предательство своей группы	0,074 (0,017)	0,10 (0,020)	предательство друга; бросать детей; бросать родителей; подводить близких
12	Проявление эгоизма вопреки интересам группы	0,074 (0,017)	0,03 (0,006)	когда мать бросает своего ребенка; заработок денег без принесения пользы обществу (даже если способ заработка остается в рамках закона); один из супругов изменяет
Уважение власти / традиций		0,83 (0,19)	0,96 (0,18)	
13	Неуважение к власти	0	0	оскорбление власти
14	Пренебрежение традициями и обычаями	0,235 (0,054)	0,15 (0,029)	неуважение возраста; неприемлемое отношение к умершим (разрушение могил, оскорбление и пр.); курящие женщины; родители отказываются от ребенка, и он попадает в детдом
15	Пренебрежение правилами, общественным порядком	0,444 (0,102)	0,69 (0,132)	заговор; вандализм; убийство человека; воровство, грабеж; пьянство за рулем; коррупция
16	Неуважение к представителям власти / авторитетам	0,148 (0,034)	0,12 (0,023)	не чтить мать и отца своего; неуважение к ветеранам; неуважение к старшим
Чистота / святость		1,88 (0,43)	1,37 (0,26)	
17	Нарушение норм приличия	0,827 (0,190)	0,70 (0,135)	нецензурная речь; дебош или драка в общественном месте; находиться в нетрезвом состоянии при детях; употребление наркотиков; непристойное поведение
18	Вызывающее омерзение, гадливость	0	0	уродование человеческого тела татуировками, вставками под кожу людьми различных движений и субкультур
19	Разврат, распущенность	0,580 (0,133)	0,21 (0,040)	супружеская неверность; бегать голым по улице; выпивка и курение в общественном месте; развратное поведение
20	Считающееся стыдным	0,383 (0,088)	0,36 (0,069)	хамить и грубить людям; ложь; обсуждение в обществе своей половой жизни; корысть
21	Считающееся противоземельным	0,086 (0,020)	0,10 (0,020)	инцест; педофилия; однополые браки; канибализм; самоубийство

Примечание. Представлены относительные показатели встречаемости полей; в скобках даны нормированные показатели.

В то же время было установлено, что в целом в группе респондентов с низкими показателями прогрессивизма выделяется 4,35 семантических полей на одного Ии., с высокими показателями – 5,19. Для нормирования показателей встречаемости их относительные значения были поделены на значения 4,35 для традиционалистов и 5,19 для прогрессивистов (нормированные значения приведены в скобках). Нормированные показатели могут использоваться для сопоставления значимости полей в двух выборках.

Отметим, что в целом смысловая структура категории аморального у обеих групп опрошенных оказалась похожей, иерархии макрополей почти совпали – за исключением двух первых по значимости семантических блоков, которые относительно друг друга оказались в зеркальной позиции. Для испытуемых, ориентированных на сплывающие ценности, первое место занимают семантические поля, связанные с «Чистотой / святостью»; столь же значимыми для «индивидуалистов» становятся поля из блока «Забота / непричинение вреда» (если сравнивать взвешенные показатели частотности, то это 0,43 и 0,44 соответственно). Такое распределение первых мест полностью соответствует положениям теории моральных оснований. Однако респонденты и с высокими, и с низкими показателями прогрессивизма не отрицают первичные ценности друг друга, а лишь перемещают на второе место (также при сходных взвешенных показателях значимости – 0,26 и 0,29). Остальные различия между прогрессивистами и традиционалистами, заданные ТМО, при осмыслении представлений о категории аморальности размываются: важные для дифференциации большего и меньшего прогрессивизма показатели ранжируются одинаково.

В этой ситуации различия в большей степени обусловливаются содержательными параметрами, на которые указывает распределение весов семантических полей, соотношенных с макроблоками моральных оснований.

Понимание категории «Чистоты / святости», самой важной для традиционалистов и второй по значимости для прогрессивистов, оказывается похожим у обеих групп испытуемых: ранги семантических полей, раскрывающих содержание категории, почти совпадают, кроме второй и третьей позиций, которые оказались зеркальными. В представлении и тех и других «Чистота / святость» базируется на нормах приличия, актуальных в современном обществе. Нарушение этих норм, демонстрация окружающим внутреннего стремления к девиантному поведению, попытки открыто встроить эти стремления в бытовой дискурс воспринимаются респондентами как аморальные.

Содержательные различия основываются на том, что нарушает «нормы приличия», чем в первую очередь характеризуется или обуславливается или во что разрешается аморальное поведение, когда речь идет об экстраполяции внутренних разрушительных интенций вовне.

У информантов с традиционалистскими приоритетами следующим по степени важности полем, уточняющим содержание категории, становится «Разврат, распущенность», проявляющиеся как стиль жизни,

причиняющие людям моральный и (или) физический вред. Прогрессивисты же прежде всего вписывают эту категорию в контекст стыдного – вне зависимости от того, причиняет ли деяние прямой вред или нет, стало ли известно о деянии и вообще воплотилась ли интенция в поступок или осталась на уровне замысла.

Категория «Забота / непричинение вреда» в большей степени различается в понимании респондентов с высоким и низким прогрессивизмом. В целом нарушение принципов, заданных соответствующим моральным основанием, связано с причинением разного рода вреда другому человеку. Для традиционалистов в первую очередь в этой связи важно определение статуса человека / существа, которому может быть причинен вред, с точки зрения способности к защите и (или) разрушительным действиям, аморальным считается причинение вреда слабым и беззащитным. И только потом с точки зрения моральных норм начинает оцениваться субъект недопустимого деяния: проявление им жестокости, провоцирование душевного страдания, осознанность поступка, вызывающего физическую / моральную боль.

Индивидуалистически настроенные респонденты, напротив, прежде всего обращают внимание на человека, позволяющего себе аморальный поступок, проявление жестокости по отношению к другому. Далее важным оказывается стремление причинить душевные страдания, а также намеренность деяния, вызывающего физическую / моральную боль. Беззащитность же человека / животного, неспособность его дать полноценный отпор для прогрессивистов оказывается гораздо менее значимым с точки зрения морали фактором, чем активность субъекта, реализующего свои разрушительные интенции.

Таким образом, для всех испытуемых моральные основания «чистоты» и «заботы» становятся базовыми при оценке поступков по шкале «добро-зло». Но группа респондентов с высокими показателями прогрессивизма во главу угла ставит человека, для которого стыд является основным фактором самоконтроля, препятствующим нарушению принятых в обществе норм поведения или причинению вреда другим. Испытуемые же, которым свойственна высокая оценка сплывающих моральных оснований, ориентируются не на внутренние интенции личности при выборе добра и зла, а на оценку степени отрицательного воздействия на общество и отдельных его представителей.

Как было показано выше, прогрессивисты, приводя примеры аморального, обращаются к большему числу семантических полей (5,19 против 4,35). Вероятно, большая когнитивная сложность примеров аморального у Ии. с высоким прогрессивизмом обусловлена необходимостью подкреплять выбор индивидуалистических стремлений большим количеством доводов, встраивать в большее количество обосновывающих контекстов.

На графосемантических моделях, которые демонстрируют значимые связи между семантическими полями в концептуальных пространствах обеих групп респондентов, отражена и когнитивная сложность этих пространств. Графы построены с помощью про-

граммного средства Gephi [29]. Обе модели показывают связи между семантическими полями-репрезентантами спланивающих и индивидуализирующих моральных оснований. Они не образуют автономных структур, а переплетены друг с другом.

На рис. 1 представлен граф семантических полей информантов с низким показателем прогрессивизма, но семантические поля, характерные для прогрессивистов, также присутствуют и активно образуют связи с другими полями. То же мы наблюдаем на рис. 2, на котором представлена система связей, значимых для информантов с высоким показателем прогрессивизма: семантических полей «традиционалистского»

плана здесь даже больше. В данной связи можно скорректировать первоначальное утверждение о низкой важности спланивающих моральных оснований для прогрессивистов. Очевидно, что картина сложнее: традиционные ценности важны для Ии. с высокими показателями прогрессивизма и сами по себе (помним высокий вес блока полей «Чистота / святость»), и как тот самый контекст, который необходим для утверждения индивидуалистических стремлений, причем не обязательно через отрицание. Кластеризация графа с помощью метода модулярности [30, 31] не показала хороших результатов вследствие высокой связности вершин.

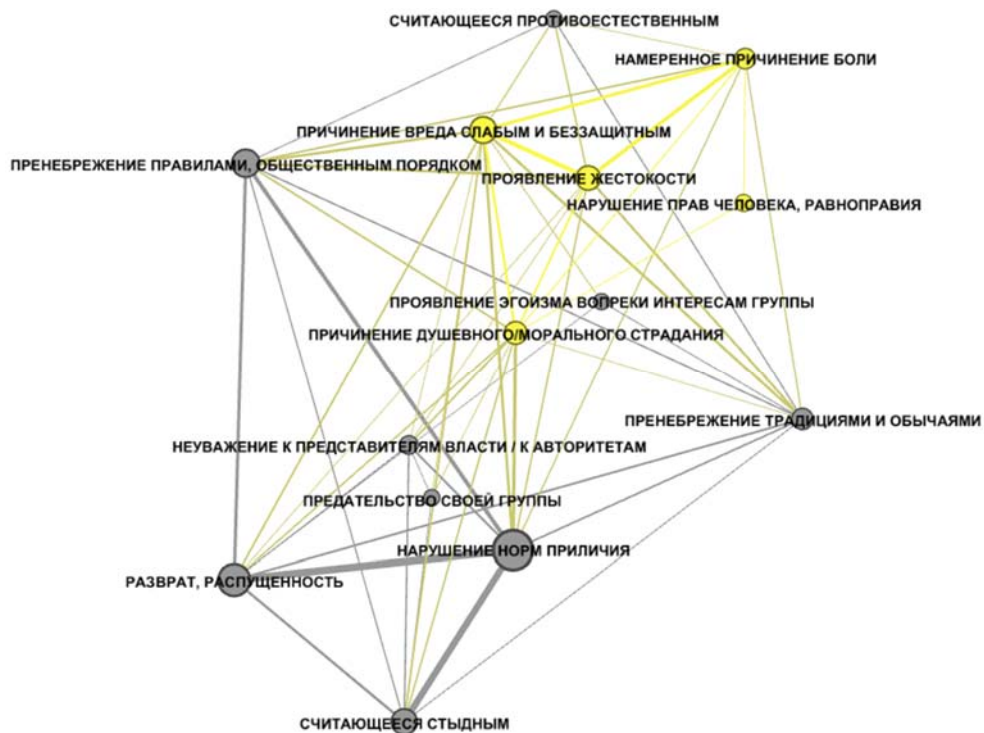

Рис. 1. Граф семантических полей информантов с низким показателем прогрессивизма²

Основным моральным основанием, на нарушении которого строится картина аморальности у традиционалистов, и на графосемантической модели оказалось «Чистота / святость». Семантические поля этой группы образуют связи со всеми остальными и обуславливают ракурс рассмотрения остальных моральных оснований. Еще одним моральным принципом, проявившим активность в системе ценностей традиционалистов, стал «Уважение власти / традиций», причем наибольшую важность имеют правила, законы и традиции (поля «Пренебрежение правилами, общественным порядком», «Пренебрежение традициями и обычаями», т.е. некие нормы, кодифицированные государством или поддерживаемые обществом на протяжении времен. Поле «Неуважение к представителям власти / к авторитетам» проявляет несколько меньшую активность. Стоит отметить, что в основном его составляют реакции, в которых упоминаются ближайшие авторитеты (родители, старшие, взрослые и т.п.), а не представители власти. Отдельная личность не как носитель характеристик, традиционно призна-

ваемых достаточными для проявления уважения, а как носитель должности не оценивается в категориях морали.

Группа полей «Лояльность группе» представлена слабо и актуализирует только представления о верности своему ближайшему окружению, например семье, друзьям. Предательства в масштабах страны не вошли в число значимых составляющих категории аморальности. Вообще моральные основания редко проецируются на более широкий контекст, нежели межличностные отношения разного рода или часто встречающиеся и легко представляемые ситуации. Тем интереснее активность поля «Нарушение прав человека, равноправия» среди значимых индивидуалистических ценностей в картине мира традиционалистов (моральное основание «Справедливость, честность»). Но через связи с «Намеренным причинением боли» и «Причинением душевного / морального страдания» и оно предполагает выход, прежде всего, в межличностные отношения.

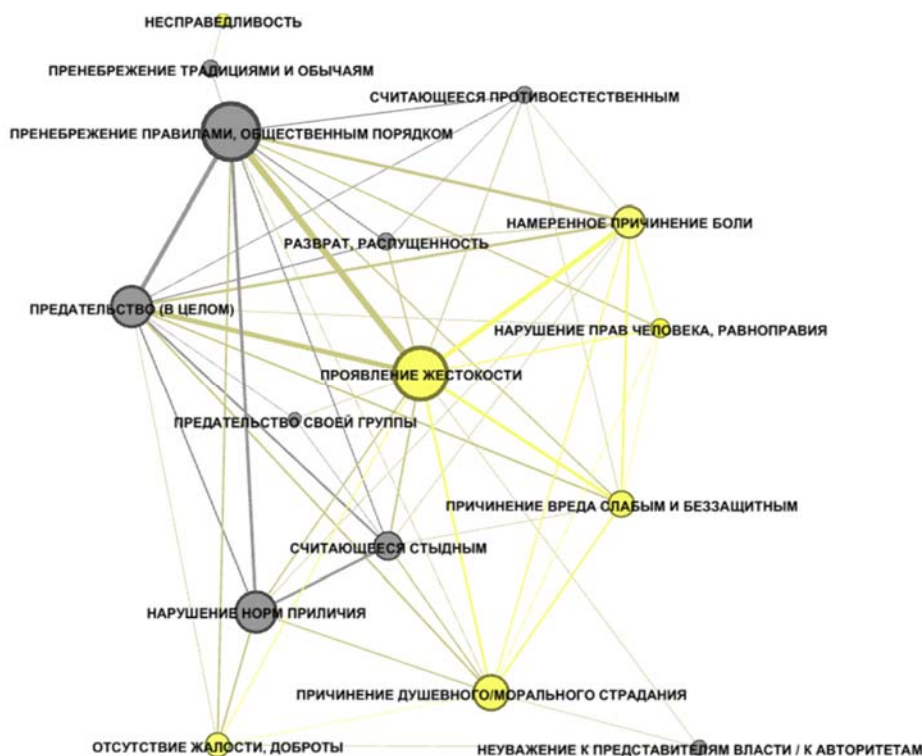

Рис. 2. Граф семантических полей информантов с высоким показателем прогрессивизма

Понимание аморальности у прогрессивистов связано с проявлением личной жестокости как осознанного выбора, что проявилось и на графосемантической модели. Но почти настолько же активными в концептуальном пространстве прогрессивистов становятся традиционалистические поля «Пренебрежение правилами, общественным порядком» (моральное основание «Уважение власти / традиций») и «Предательство (в целом)» («Лояльность группе»). Личностные стремления к жестокости в индивидуалистической картине мира тесно связаны с нарушением законов и правил, сохраняющих общественный порядок, в данной плоскости разрушительные интенции отдельного субъекта становятся опасными для всего общества и наоборот. В том же ключе проявляются представления о предательстве, которые у прогрессивистов выходят с конкретно-бытового уровня в сферу обобщений и потому рассматриваются и в контексте личного аморального выбора (связь с центральным полем «Проявление жестокости»), и как нарушение законов («Пренебрежение правилами...»), и как деяние, противоречащее нормам приличия («Нарушение норм приличия») и внутреннему самоограничению с помощью стыда («Считающееся стыдным»).

На этом фоне вся система семантических связей, репрезентирующая представления прогрессивистов об аморальности, может быть интерпретирована как пространство для обобщающей рефлексии по поводу категорий морали, а не закономерности реагирования на конкретные ситуации морального выбора. Потому значимость традиционалистских моральных оснований не уменьшается, но они переосмысляются, в них выделяются те семантические блоки, которые помогают утверждению индивидуалистических ценностей [32–37].

Заключение

Таким образом, полученные результаты, демонстрирующие различия в представлениях об аморальном у респондентов с высокими и низкими показателями прогрессивизма, в целом соответствуют теории моральных оснований: для традиционалистов наиболее важным оказалось сплывающее моральное основание «Чистота / святость», а для прогрессивистов – индивидуализирующее «Забота / непричинение вреда». В то же время обнаружены некоторые особенности, которые могут внести уточнения в теоретические положения. Интерес представляет тот факт, что указанные различающиеся моральные основания имеют преобладающий вес, в остальном же смысловая структура категории аморального у традиционалистов и прогрессивистов оказалась похожей (вес моральных оснований уважения, лояльности и справедливости значительно ниже). При этом моральные основания «чистоты» и «заботы» не только не являются взаимоисключающими, но занимают в представлениях всех испытуемых важное первое или второе места и одновременно позволяют наиболее четко дифференцировать отличия между взглядами на категорию аморального у обеих групп Ии.

Традиционалисты, решая проблему идентификации аморального, обращают внимание на общественные правила, нормы приличия; нарушение их, угрожающее общественному порядку, является в их понимании однозначно аморальным, оценивается прежде всего степень отрицательного воздействия на общество. При этом респонденты с низкими показателями прогрессивизма при рефлексии об аморальном наиболее часто представляют конкретные поступки людей, определенные ситуации из ближайшего окру-

жения. Нарушение порядка, вред общественным ценностям не вписываются в контекст противостояния государственной власти и интересам ее представитель. Сплачивающие ценности не соотношены в представлениях информантов с защитой ценностей, транслируемых чиновниками, олицетворяющими российскую государственную власть.

Система представлений об аморальном, продемонстрированных прогрессивистами, не отрицает моральные основания, связываемые с картиной мира традиционалистов. Ии. с высокими показателями прогрессивизма переосмысливают сплачивающие ценности в качестве контекста для обоснования индивидуалистических моральных оснований. Основным субъектом морального выбора для них является человек, именно воля субъекта, его осознанный нравственный выбор деструктивного поведения несут за собой разрушение значимых общественных устоев.

Лица, оценивающие выше индивидуализирующие моральные основания, отрицают любые проявления жестокости по отношению к окружающим именно потому, что это, прежде всего, проявление

разрушительного начала человека и реализация его воле. Традиционалисты же делают акцент на недопустимости жестокого обращения со слабыми, что может быть интерпретировано как согласие с необходимостью жестких мер в определенных ситуациях (например, ужесточение системы наказаний, в том числе смертной казни и др.). Неожиданным является относительно малый вес полей, репрезентирующих моральное основание «справедливость», что указывает на его второстепенную роль в моральном сознании всех испытуемых, независимо от уровня прогрессивизма.

Сделанные выводы могут отражать общие закономерности связи моральных оснований с представлениями об аморальном либо специфические для современных российских социокультурных условия, что требует уточнения в дальнейших кросс-культурных исследованиях. При этом полученные в данной работе результаты свидетельствуют о перспективности анализа моральных представлений с помощью методов семантического анализа и графосемантического моделирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь μ – среднее значение, σ – среднеквадратическое отклонение. Коэффициент 0,675 взят из таблицы единичного нормального распределения для соответствующего значения площади под кривой (см. Большев Л.Н., Смирнов Н.В. Таблицы математической статистики. М.: Наука, 1983. 416 с.).

² Здесь и на рис. 2 серым цветом выделены вершины, относящиеся к сплачивающим моральным основаниям, желтым цветом – к индивидуализирующим моральным основаниям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ellemers N., Toorn J. van der, Paunov Y., Leeuwen T. van. The psychology of morality: A review and analysis of empirical studies published from 1940 through 2017 // *Personality and Social Psychology Review*. 2019. Vol. 23, № 4. P. 332–366. DOI: 10.1177/1088868318811759
2. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка: 100 000 слов и словосочетаний. М.: Аделант, 2014. 800 с.
3. Vigna G.S. Being Amoral: Psychopathy and Moral Incapacity. Cambridge, MA: The MIT Press, 2019. 335 p.
4. Gojković V., Dostanić J., Đurić V. The Dark Triad, Amoralism, and Impulsivity // *Psihologija*. 2019. Vol. 52, № 1. P. 53–73.
5. Stankov L., Knežević G. Amoral social attitudes and value systems among Serbs and Australians // *Australian Journal of Psychology*. 2005. Vol. 57, № 2. P. 115–128. DOI: 10.1080/00049530500048649
6. Арутюнова К.Р., Александров Ю.И. Мораль и субъективный опыт. М.: Институт психологии РАН, 2019. 188 с.
7. Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitch C., Mooijman M. Moral Foundations Theory // *Atlas of Moral Psychology* / Eds. K. Gray, J. Graham. New York, London: The Guilford Press, 2018. P. 211–222.
8. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological review*. 2001. Vol. 108, № 4. P. 814–834. DOI: 10.1037/0033-295X.108.4.814
9. Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the Moral Domain // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101. P. 366–385. DOI: 10.1037/a0021847
10. Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96, № 5. P. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141
11. Iyer R., Koleva S., Graham J., Ditto P., Haidt J. Understanding libertarian morality: The psychological dispositions of self-identified libertarians // *PLoS One*. 2012. Vol. 7, № 8. P. e42366. DOI: 10.1371/journal.pone.0042366
12. Kivikangas J., Lönnqvist J.-E., Ravaja N. Relationship of Moral Foundations to Political Liberalism-Conservatism and Left-Right Orientation in a Finnish Representative Sample // *Social Psychology*. 2017. Vol. 48, № 4. P. 246–251. DOI: 10.1027/1864-9335/a000297
13. Kim K.R., Kang J.-S., Yun S. Moral Intuitions and Political Orientation: Similarities and Differences between South Korea and the United States // *Psychological Reports*. 2012. Vol. 111, № 1. P. 173–185. DOI: 10.2466/17.09.21.PR0.111.4.173-185
14. Frimer J.A. Do liberals and conservatives use different moral languages? Two replications and six extensions of Graham, Haidt, and Nosek's (2009) moral text analysis // *Journal of Research in Personality*. 2020. Vol. 84. P. 103906. DOI: 10.1016/j.jrp.2019.103906
15. Сычев О.А., Белоусов К.И., Протасова И.Н. Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи // *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 73. С. 60–77. DOI: 10.17223/17267080/73/4
16. Koleva S.P., Graham J., Iyer R., Ditto P.H., Haidt J. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes // *Journal of Research in Personality*. 2012. Vol. 46, № 2. P. 184–194. DOI: 10.1016/j.jrp.2012.01.006
17. Milfont T.L.L., Davies C.L., Wilson M.S. The Moral Foundations of Environmentalism: Care- and Fairness-Based Morality Interact With Political Liberalism to Predict Pro-Environmental Actions // *Social Psychological Bulletin*. 2019. Vol. 14, № 2. P. 1–25. DOI: 10.32872/spb.v14i2.32633
18. Matsuo A., Sasahara K., Taguchi Y., Karasawa M. Development and validation of the Japanese Moral Foundations Dictionary // *PLOS One*. 2019. Vol. 14, № 3. P. e0213343. DOI: 10.1371/journal.pone.0213343
19. Barsalou L.W. Simulation, situated conceptualization, and prediction // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2009. Vol. 364. P. 1281–1289. DOI: 10.1098/rstb.2008.0319
20. Gallese V., Sinigaglia C. What is so special about embodied simulation? // *Trends in Cognitive Sciences*. 2011. Vol. 15, № 11. P. 512–519. DOI: 10.1016/j.tics.2011.09.003

21. Sloutsky V.M., Deng W. Categories, concepts, and conceptual development // *Language, Cognition and Neuroscience*. 2019. Vol. 34, № 10. P. 1284–1297. DOI: 10.1080/23273798.2017.1391398
22. Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М. : Азбуковник, 1998. 630 с.
23. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 08.12.2019).
24. Северская О.И. Аморальная безнравственность и безнравственная «аморалка» (трансформации выражений безнравственный поступок и аморальное поведение в современном русском языке и СМИ) // *Активные процессы в социальной и массовой коммуникации*. Ярославль, 2014. С. 96–106.
25. Walker L.J., Pitts R.C. Naturalistic conceptions of moral maturity // *Developmental psychology*. 1998. Vol. 34, № 3. P. 403. DOI: 10.14288/1.0087591
26. Walker L.J. The perceived personality of moral exemplars // *Journal of Moral Education*. 1999. Vol. 28, № 2. P. 145–162. DOI: 10.1080/030572499103188
27. Hardy S.A., Walker L.J., Olsen J.A., Skalski J.E., Basinger J.C. Adolescent naturalistic conceptions of moral maturity // *Social Development*. 2011. Vol. 20, № 3. P. 562–586. DOI: 10.1111/j.1467-9507.2010.00590.x
28. Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // *Российский психологический журнал*. 2018. Т. 15, № 3. С. 88–115. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.5
29. Bastian M., Heymann S., Jacomy M. Gephi: an open source software for exploring and manipulating networks. URL: <http://www.aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/09/paper/view/154> (дата обращения: 08.12.2019).
30. Blondel V.D., Guillaume J.-L., Lambiotte R., Lefebvre E. Fast unfolding of communities in large networks // *Journal of statistical mechanics: theory and experiment*. 2008. Vol. 2008, № 10. P. P10008. DOI: 10.1088/1742-5468/2008/10/P10008
31. Lambiotte R., Delvenne J.-C., Barahona M. Laplacian dynamics and multiscale modular structure in networks. URL: <https://arxiv.org/abs/0812.1770v3> (дата обращения: 08.12.2019).
32. Baranov D., Belousov K., Ichkineeva D., Zelyanskaya N. The network organization of experimental research in linguistics: opportunities and prospects // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 214. P. 958–964. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.681
33. Belousov K.I., Baranov D.A., Boronnikova N.V., Erofeeva E.V., Zelyanskaya N.L. Interdisciplinarity and polyparadigmality in domestic linguistics corpus research of projects funded in the field of linguistics // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 87, № 6. P. 491–501. DOI: 10.1134/S1019331617060016
34. Ichkineeva D.A. Keywords of the text: associative aspect. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts // Vol. 5. Albena, Bulgaria : SGEM, 2018. P. 305–312.
35. Isaeva E., Bakhtin V., Tararkov A. Collecting the Database for the Neural Network Deep Learning Implementation // *Digital Science. DSIC18 2018. Advances in Intelligent Systems and Computing*: Vol. 850. Springer, 2018. P. 12–18.
36. Павлова Д.С., Гаранович М.В. Вариативность семантической структуры устных спонтанных монологов «О себе» в зависимости от фактора «гендер» // *Научный диалог*. 2019. № 5. С. 107–122. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-107-122
37. Кузнецов А.М. Поле / *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 688 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 мая 2020 г.

Understanding the Amoral in the Context of the Moral Foundations Theory: A Sociopsychological and Linguocognitive Study

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 16–27.

DOI: 10.17223/15617793/456/2

Konstantin I. Belousov, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: belousovki@gmail.com

Natalia L. Zeliaskaia, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: zelyanskaya@gmail.com

Oleg A. Sychev, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: osn1@mail.ru

Mikhail S. Vlasov, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru

Keywords: moral; amoral; moral foundations theory; traditionalism; progressivism; experiment; semantic analysis; graphosemantic modeling.

The study is supported by the Russian Foundation For Basic Research, Project No. 18-013-00119.

The article discusses the problem of association between the understanding of the amoral and the level of progressivism, which measures the relative subjective importance of individualizing and binding moral foundations. According to the moral foundations theory (by Jonathan Haidt), progressivists rate higher the importance of individualizing moral foundations (which include Harm/Care and Fairness/Honesty), while traditionalists give an equal appraisal of both individualizing moral foundations and binding ones (including Authority, Loyalty and Purity/Sanctity). On the basis of the moral foundations theory, the authors hypothesize that, in describing the “amoral”, progressivists first indicate the transgression of norms of Harm/Care and Fairness (individualizing moral foundations), while traditionalists mostly indicate transgression of norms of Authority, Loyalty, and Purity. To test this hypothesis, the authors conducted an empirical study using the Russian version of the Moral Foundations Questionnaire and a special questionnaire to assess the subjective understanding of the amoral. The sample comprised 300 university students. Two contrasting groups with high (67 respondents) and low (81 respondents) levels of progressivism were formed from the total sample. Their responses were used for further analysis. The responses (“field analysis”) were classified using the Semograph information system. The classifier was based on the categories of the moral foundations theory. The frequency analysis of the extracted fields and semantic graphs constructed using the method of graphosemantic modeling allowed detecting some differences in the understanding of the amoral by traditionalists and progressivists. The most frequent and important moral foundation in the group of traditionalists is Purity/Sanctity, while the individualizing moral foundation of Harm/Care is the most frequent in the group or progressivists. These two moral categories are the most frequent in both groups regardless of the level of progressivism, and they form the core of the understanding of the amoral. The frequency of other categories which reflect the moral foundations of Authority, Loyalty, and Fairness/Honesty is much lower, and differences in the usage of these categories by progressivists and traditionalists have not been detected. The frequency of the moral foundation of Fairness/Honesty is the least in both groups revealing its secondary role in the moral consciousness of all the respondents regardless of the level of progressivism. The obtained results clarify some findings of the moral foundations theory and demonstrate the promise of graphosemantic modeling for studying moral representations.

REFERENCES

- Ellemers, N. et al. (2019) The psychology of morality: A review and analysis of empirical studies published from 1940 through 2017. *Personality and Social Psychology Review*. 23 (4). pp. 332–366. DOI: 10.1177/1088868318811759
- Ushakov, D.N. (2014) *Tolkovnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 100 000 slov i slovosochetaniy* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language: 100,000 Words and Phrases]. Moscow: Adelant.
- Vigna, G.S. (2019) *Being Amoral: Psychopathy and Moral Incapacity*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Gojković, V., Dostanić, J. & Đurić, V. (2019) The Dark Triad, Amoral, and Impulsivity. *Psihologija*. 52 (1). pp. 53–73.
- Stankov, L. & Knežević, G. (2005) Amoral social attitudes and value systems among Serbs and Australians. *Australian Journal of Psychology*. 57 (2). pp. 115–128. DOI: 10.1080/00049530500048649
- Arutyunova, K.R. & Aleksandrov, Yu.I. (2019) Moral' i sub'ektivnyy opyt [Morality and Subjective Experience]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.
- Graham, J. et al. (2018) Moral Foundations Theory. In: Gray, K. & Graham, J. (eds) *Atlas of Moral Psychology*. New York, London: The Guilford Press. pp. 211–222.
- Haidt, J. (2001) The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological Review*. 108 (4). pp. 814–834. DOI: 10.1037/0033-295X.108.4.814
- Graham, J. et al. (2011) Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*. 101. pp. 366–385. DOI: 10.1037/a0021847
- Graham, J., Haidt, J. & Nosek, B.A. (2009) Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations. *Journal of Personality and Social Psychology*. 96 (5). pp. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141
- Iyer, R. et al. (2012) Understanding libertarian morality: The psychological dispositions of self-identified libertarians. *PloS One*. 7 (8). p. e42366. DOI: 10.1371/journal.pone.0042366
- Kivikangas, J., Lönnqvist, J.-E. & Ravaja, N. (2017) Relationship of Moral Foundations to Political Liberalism-Conservatism and Left-Right Orientation in a Finnish Representative Sample. *Social Psychology*. 48 (4). pp. 246–251. DOI: 10.1027/1864-9335/a000297
- Kim, K.R., Kang, J.-S. & Yun, S. (2012) Moral Intuitions and Political Orientation: Similarities and Differences between South Korea and the United States. *Psychological Reports*. 111 (1). pp. 173–185. DOI: 10.2466/17.09.21.PR0.111.4.173-185
- Frimer, J.A. (2020) Do liberals and conservatives use different moral languages? Two replications and six extensions of Graham, Haidt, and Nosek's (2009) moral text analysis. *Journal of Research in Personality*. 84. p. 103906. DOI: 10.1016/j.jrp.2019.103906
- Sychev, O.A., Belousov, K.I. & Protasova, I.N. (2019) Values and Moral Foundations as a Basis for the Socio-Political Views of Youth. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 73. pp. 60–77. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/73/4
- Koleva, S.P. et al. (2012) Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes. *Journal of Research in Personality*. 46 (2). pp. 184–194. DOI: 10.1016/j.jrp.2012.01.006
- Milfont, T.L.L., Davies, C.L. & Wilson, M.S. (2019) The Moral Foundations of Environmentalism: Care- and Fairness-Based Morality Interact With Political Liberalism to Predict Pro-Environmental Actions. *Social Psychological Bulletin*. 14 (2). pp. 1–25. DOI: 10.32872/spb.v14i2.32633
- Matsuo, A., Sasahara, K., Taguchi, Y. & Karasawa, M. (2019) Development and validation of the Japanese Moral Foundations Dictionary. *PLOS One*. 14 (3). p. e0213343. DOI: 10.1371/journal.pone.0213343
- Barsalou, L.W. (2009) Simulation, situated conceptualization, and prediction. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 364. pp. 1281–1289. DOI: 10.1098/rstb.2008.0319
- Gallese, V. & Sinigaglia, C. (2011) What is so special about embodied simulation? *Trends in Cognitive Sciences*. 15 (11). pp. 512–519. DOI: 10.1016/j.tics.2011.09.003
- Sloutsky, V.M. & Deng, W. (2019) Categories, concepts, and conceptual development. *Language, Cognition and Neuroscience*. 34 (10). pp. 1284–1297. DOI: 10.1080/23273798.2017.1391398
- Shvedova, N.Yu. (1998) *Russkiy semanticheskii slovar'.* *Tolkovnyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings]. Moscow: Azbukovnik.
- Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/>. (Accessed: 08.12.2019). (In Russian).
- Severskaya, O.I. (2014) Amoral'naya beznravstvennost' i beznravstvennaya "amoralka" (transformatsii vyrazheniy beznravstvennyy postupok i amoral'noe povedenie v sovremennom russkom yazyke i SMI) [Dissolute immorality and immoral dissoluteness (transformations of expressions "immoral act" and "immoral behavior" in modern Russian language and media)]. In: Anis'kina, N.V. & Ukhova, L.V. (eds) *Aktivnye protsessy v sotsial'noy i massovoy kommunikatsii* [Active Processes in Social and Mass Communication]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University. pp. 96–106.
- Walker, L.J. & Pitts, R.C. (1998) Naturalistic conceptions of moral maturity. *Developmental Psychology*. 34 (3). p. 403. DOI: 10.1023/1:0087591
- Walker, L.J. (1999) The perceived personality of moral exemplars. *Journal of Moral Education*. 28 (2). pp. 145–162. DOI: 10.1080/030572499103188
- Hardy, S.A. et al. (2011) Adolescent naturalistic conceptions of moral maturity. *Social Development*. 20 (3). pp. 562–586. DOI: 10.1111/j.1467-9507.2010.00590.x
- Sychev, O.A., Protasova, I.N. & Belousov, K.I. (2018) Diagnosing Moral Foundations: Testing of the Russian Version of the Moral Foundations Questionnaire. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*. 15 (3). pp. 88–115. (In Russian). DOI: 10.21702/rpj.2018.3.5
- Bastian, M., Heymann, S. & Jacomy, M. (2009) *Gephi: An open source software for exploring and manipulating networks*. [Online] Available from: <http://www.aaa.org/ocs/index.php/ICWSM/09/paper/view/154>. (Accessed: 08.12.2019).
- Blondel, V.D., Guillaume, J.-L., Lambiotte, R. & Lefebvre, E. (2008) Fast unfolding of communities in large networks. *Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment*. 10. p. P10008. DOI: 10.1088/1742-5468/2008/10/P10008
- Lambiotte, R., Delvenne, J.-C. & Barahona, M. (2015) *Laplacian Dynamics and Multiscale Modular Structure in Networks*. [Online] Available from: <https://arxiv.org/abs/0812.1770v3>. (Accessed: 08.12.2019).
- Baranov, D., Belousov, K., Ichkineeva, D. & Zelyanskaya, N. (2015) The network organization of experimental research in linguistics: opportunities and prospects. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 214. pp. 958–964. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.681
- Belousov, K.I. et al. (2017) Interdisciplinarity and polyparadigmality in domestic linguistics corpus research of projects funded in the field of linguistics. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 87 (6). pp. 491–501. DOI: 10.1134/S1019331617060016
- Ichkineeva, D.A. (2018) Keywords of the text: associative aspect. *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts*. Vol. 5. Albena, Bulgaria: SGEM. pp. 305–312.
- Isaeva, E., Bakhtin, V. & Tararkov, A. (2018) Collecting the Database for the Neural Network Deep Learning Implementation. *Digital Science. DSIC18 2018. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 850. Springer. pp. 12–18.
- Pavlova, D.S. & Garanovich, M.V. (2019) Variability of Semantic Structure of Oral Spontaneous Monologues "About Myself" Depending on "Gender" Factor. *Nauchnyy dialog*. 5. pp. 107–122. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-107-122
- Kuznetsov, A.M. (1998) Pole [Field]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics. A Big Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.

Received: 17 May 2020

В.М. Грязнова

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТЯХ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕФИНИЦИЙ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПОМЕТОЙ «ПРОСТОНАРОДНОЕ», НАЗЫВАЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА, В СЛОВАРЕ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА 1847 г.)

Рассматриваются словарные толкования личных существительных с пометой «простонародное», взятые из Словаря церковно-славянского и русского языка 1847 г. Автор обосновывает положение о том, что представленные дефиниции могут служить источником информации о фрагменте ценностной картины мира русского крестьянства первой трети XIX в. и выявляет типы оценочных компонентов в содержании лексем с пометой «простонародное», а также доминирование пейоративной оценочности в исследуемом материале.

Ключевые слова: дефиниция; помета «простонародное»; отрицательная и положительная оценка; этические и эстетические ценности; крестьянство.

По мнению В.В. Виноградова, «одной из основных составных частей обиходного языка широких кругов русского общества была простонародная, крестьянская стихия» [1. С. 203]. Ярким примером этого явления может служить текст комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», в котором есть и крестьянские простонародные выражения: *вдругорядь, покудова, больно не хитер* и др. Князь П.А. Вяземский так характеризует манеру своего письма: «При всем моем французском отпечатке сохранил или приобрел я много и русского закала. Простонародные слова и выражения попадались мне под перо, и нередко, кажется, довольно удачно. Впрочем, за простонародием никогда не гонялся. <...> Этот русский ключ, который пробивался во мне из-под французской насыпи, может быть, родовой, наследственный» [2. С. LVIII].

Интерес широких кругов русского общества к простонародному языку отразился и в лексикографической практике Академии наук того времени. В русских толковых словарях появилась помета «простонародное»: впервые в Словаре Академии Российской (первое издание которого вышло в 1789–1794 гг., а второе издание в 1806–1822 гг., далее САР–2), затем в Общем церковно-славяно-русском словаре П. Соколова 1834 г., и в Словаре церковно-славянского и русского языка 1847 г. (Сл. 1847 г.). В САР–2 приводится такая дефиниция прилагательного *простонародный*: ‘принадлежащий, свойственный, приличный черни, низкому простому народу’ (Ч. 3. С. 639). В Словаре 1847 г. значение лексемы *простонародный* описывается так же, как и в САР–2: ‘принадлежащий, или свойственный простому народу’ (Т. 3. С. 556). Необходимо отметить, что в лексикографической практике конца XVIII и первой трети XIX вв. проводилось четкое различие между простонародным языком и просторечием. Так, толкование существительного *просторечие* в Сл. 1847 г. является иным: ‘употребление слов простым народом. Слова, в просторечии употребляемые, суть средние между высокими и низкими’ (Т. 3. С. 556). Вторая часть толкования существительного *просторечие* акцентирует различное содержание, которое вкладывали лексикографы в понятия просторечия и простонародного языка.

Понятие простонародного языка использовалось лексикографами, по мнению В.В. Виноградова, главным образом по отношению к крестьянскому языку [1. С. 210]. В то же время ученый, подробно рассматривая состав простонародного языка, вводит в него язык и иных социальных слоев русского общества конца XVIII – первой трети XIX в.: «понятие простонародного языка применялось к обиходному языку сельского населения (в его общих, не имевших резкого областного отпечатка формах), к языку дворни, городских ремесленников, мещанства, к языку мелко чиновничества (в его общих не профессиональных выражениях)» [1. С. 207].

Объектом данного исследования являются словарные дефиниции называющих человека существительных с пометой «простонародное» в Сл. 1847 г., которые имеют оценочный компонент в своем значении, предметом – фрагмент ценностной языковой картины мира русского крестьянина первой трети XIX в., вербализованный в названных словарных дефинициях.

В лингвистике конца XX и начала XXI вв. (преимущественно на материале современного русского литературного языка) активно разрабатывается проблематика оценочного отображения действительности (см. работы Н.Д. Арутюновой, Т.В. Бульгиной, В.Г. Гака, А. Вежицкой, Е.М. Вольф, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, А.А. Уфимцевой, А.Д. Шмелева). Диахронические аспекты категории оценки изучаются не так часто. В.В. Колесов в своих трудах по исследованию древнерусской ментальности на материале семантики восточнославянских слов и классических текстов выявляет этические и эстетические категории, раскрывающие смысл антитезы Добро и Зло [3], показывает формирование эстетических и этических представлений Древней Руси в момент взаимопроникновения языческой образности славянского слова и христианского символа [4]. М.В. Пименова в книге «Красотою украси» подвергла анализу выражение в древнерусском тексте значений ‘красота’ – ‘безобразие’ в связи с развитием эстетической оценки [5]. Т.В. Писанова в монографии «Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки» описала национально-культурные модели эстетических и этических оценок

в русском и испанском языках в их формировании и динамике [6]. В.В. Бычков представил систематическое исследование становления и развития средневековой духовной и эстетической культуры на Руси [7]. Ряд работ сборника «Логический анализ языка. Языки этики» посвящены анализу становления этических концептов в русском языке и в русской народной культуре, таких как вина, грех, долг, закон, совесть, стыд, справедливость и др. Это статьи Е.В. Падучевой [8], Е.С. Яковлевой [9], В.А. Матвеева [10], А.Д. Шмелева [11]. Исследования сборника «Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного» посвящены изучению эстетической оценки природного и духовного мира русским человеком, а также диахроническим изменениям эстетических оценок в русском социуме. Это работы Т.И. Вендиной [12]; Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева [13]; Е.В. Урысон [14], С.Е. Никитиной [15]. Исследованию пейоративной оценочности в русской народной культуре посвящена работа Л.Г. Гынгазовой и Е.В. Иванцовой [16]. В то же время оценочное значение на материале зафиксированных в Сл. 1847 г. лексем, относящихся к народной культуре первой трети XIX столетия, является неизученным.

Анализ оценочных компонентов в значении лексем с пометой «простонародное» позволяет выявить и описать ценности крестьянского мира первой трети XIX в. По мнению Е.М. Вольф, «оценочная позиция говорящего эксплицируется согласно канонам, присутствующим соответствующей эпохе» [17. С. 208]. Оценочные семы в значении изучаемых имен существительных относятся к такому типу аксиологической оценки, как «частнооценочная» [18. С. 198]. Этот тип оценки в процессе оценивания может быть репрезентирован высказываниями с предикатами «хорошо / плохо», что было отмечено А. Н. Барановым в одной из его статей [19. С. 74]. Среди частнооценочных компонентов в собранном материале выделяются эстетические, «связанные с удовлетворением чувства прекрасного», этические, «связанные с удовлетворением нравственного чувства», интеллектуальные и эмоциональные (разновидности психологической оценки), а также нормативные компоненты оценки [18. С. 199]. В монографии «Когниолингвистический аспект оценочности в спонтанном дискурсе» описываются различные средства выражения категории оценки на следующих языковых уровнях:

1) фонетический уровень: средствами выражения оценки служит эмфатическое ударение и интонация;

2) словообразовательный уровень: средствами выражения данной категории являются словосложение и аффиксация;

3) лексический уровень: средствами выражения категории оценки служит прямое и переносное значение слова, а также оценочные слова и конструкции;

4) синтаксический уровень: средствами выражения являются градация, повтор, эллипсис и параллелизм;

5) графический уровень: средствами выражения служат шрифт, размер, цвет, смайлики, пиктограммы и начертания. [20. С. 46].

Средством выражения оценки в нашем материале являются маркеры, относящиеся к лексическому

уровню языка (его семантическим, морфемным, словообразовательным аспектам). Это либо корневые, либо аффиксальные морфемы исследуемого существительного, либо вся основа лексемы, если она употреблена в переносном значении или это немотивированное имя. Кроме того, оценка подтверждается выбором лексикографом тех слов, с помощью которых описываются изучаемые имена.

Анализ толкований существительных с пометой «простонародное», включенных в состав словаря Сл. 1847 г., показал, что они относятся к четырем лексико-тематическим группам: «Человек», «Быт», «Животный мир», «Абстрактные понятия». В данной статье исследуются дефиниции имен, относящихся к наиболее многочисленной лексико-тематической группе «Человек», которую мы разделили на лексико-семантические подгруппы, характеризующие человека: 1) по внутренним свойствам, признакам: чертам характера, увлечениям, способности / неспособности к речевой деятельности, интеллектуальным характеристикам (более 80); 2) по внешним признакам: отдельным частям лица, тела, телосложению, общему облику, одежде (более 30); 3) по социальным характеристикам: возрасту, гендеру членов семьи, а также роду деятельности (более 15).

В подгруппе дефиниций с пометой «простонародное», описывающих человека по внутренним свойствам, преобладают существительные с частноотрицательной *этической* оценкой неприемлемых для русского крестьянина черт характера, свойств, наклонностей представителей своей социальной группы. Эта отрицательная оценка нередко сочетается с компонентом «интенсивность» (выражен в дефиниции лексемой *много*). Часть наименований этой подгруппы представлена парами по гендеру.

По нашим данным, отрицательно оценивается в первую очередь ложь и связанные с ней сплетни, обман, хвастовство, мошенничество: *бахвалка* 'простон. хвастунья' (Т. 1. С. 25); *бахвал* 'простон. хвастун' (Т. 1. С. 25); *зальгало* 'простон. сплетатель небылиц, лжец' (Т. 2. С. 33); *злыдарка* 'простон. плутовка, обманщица' (Т. 2. С. 91); *злыдарь* 'простон. плут, обманщик' (Т. 2. С. 91); *мальханщик* 'простон. 2) обманщик' (Т. 2. С. 284); *морочило* 'простон. тот, кто морочит других' (Т. 2. С. 323); *обдувало* 'простон. обманщик' (Т. 3. С. 7); *облупало* 'простон. обироча, обманщик, обманщица' (Т. 3. С. 18); *оплетало* 'простон. обманщик, обманщица' (Т. 3. С. 70); *прибироча* 'простон. любящий присвоить себе чужие вещи' (Т. 3. С. 453); *хорохоришко* 'простон. хвастливо выказывающий свою храбрость, силу, или важность' (Т. 4. С. 409); *шафирник* 'простон. сплетчик, смутник' (Т. 4. С. 450); *шафирница* 'простон. сплетница, смутница' (Т. 4. С. 450); *янька* 'простон. тот, кто много говорит в похвалу себе самому, самохвал, хвастун' (Т. 4. С. 483). Средствами выражения частноотрицательной этической оценки являются: 1) либо основа прямого или переносного значения мотивирующего слова с пейоративным компонентом, включающая суффиксальные морфемы с уничижительной окраской: -л(о) в *зальгало*, *морочило*, *облупало* и др., -ох(а) в *прибироча*, -шк(о) в *хорохоришко*; 2) либо только основа мо-

тивирующего слова с частноотрицательной этической оценкой: а) в прямом значении в лексемах *злыдарь*, *бахвал* и др., б) в переносном ассоциативном значении в словах *мальханчик* (*мальхан* 'мазь, пластырь', т. 2. С. 284), *янька* (очевидно, местоимение я в данном случае имеет смысл 'тот, кто хвалит себя').

В значительном количестве номинаций данной подгруппы, обладающих частноотрицательной оценкой *этического* характера, осуждается лень, праздность, бездеятельное состояние, неумение или нежелание трудиться: *балахрыстка* 'простон. женщина, бродящая из места в место, непоседка' (Т. 1. С. 19); *балахрыст* 'простон. бродящий из места в место, непосед' (Т. 1. С. 19); *валюга* 'простон. любящий валяться, ленивый, нерадивый' (Т. 1. С. 99); *валявка* 'простон. ленивая, нерадивая женщина, рохля' (Т. 1. С. 99); *гулена* 'простон. привыкший беспрестанно гулять' (Т. 1. С. 302); *завалень* 'простон. ленивец, празднотлюбца' (Т. 2. С. 5); *копа* 'простон. человек вялый, непроторный, мешковатый' (Т. 2. С. 200); *неудаль* 'простон. 1) неудачный человек' (Т. 2. С. 453); *пачкальщик* 'простон. плохой маляр, и вообще всякий неискренний, неопрятный делатель, пачкун, маратель' (Т. 3. С. 164); *шатун* 1) 'простон. шатающийся без дела; провожающий время в праздности, бродяга' (Т. 4. С. 450). Частноотрицательная оценка этического характера в существительных данной подгруппы выражается чаще всего одновременно суффиксом с уничижительной окраской и основой мотивирующего слова, что характерно для лексем: *валюга* с суффиксом -уг(а), *завалень* с суффиксом -ень-, *шатун* с суффиксом -ун-, *гулена* с суффиксом -ен(а), *пачкальщик* с суффиксом -льщик- (на фоне синонима *пачкатель* с нейтральным суффиксом -тель). Реже частноотрицательная оценка этического характера в существительных данной подгруппы репрезентируется только корнем (в немотивированной лексеме *балахрыст*) либо префиксом (в слове *неудаль*).

В целом ряде толкований изучаемых лексем с пометой «простонародное», называющих человека по внутренним свойствам, осуждается жадность, нечестность, вызванная жадностью: *гоноша* 'простон. тот, кто гоношит, копит' (Т. 1. С. 277); *скупердяй* 'простон. то же, что скупец' (Т. 4. С. 142); *скупердяйка* 'простон. скупая женщина' (Т. 4. С. 142); *жила* 'простон. старающийся присвоить что-либо себе недобросовестно' (от *жилить* 'простон. стараться недобросовестно присвоить себе что-л.', т. 1. С. 411); *жилишка* 'простон. уничижительное от слова жила' (Т. 1. С. 411); *прибиреха* 'простон. любящий присвоить себе чужие вещи' (Т. 3. С. 453). Во всех названных существительных неодобрение выражено одновременно мотивирующими основами и суффиксами, сохранившими отрицательную оценку и в современной разговорной речи (-л(а), -ишк(а), -ох(а), -(ерд)ай-).

Некоторое количество наименований рассматриваемой подгруппы связано с отрицательным отношением к обжорству, жадности в еде, реже к брезгливости в отношении еды: *брезгун* 'простон. брезгливый человек' (Т. 1. С. 82); *брезгунка* 'простон. слишком разборчивый или разборчивая на еду, брезгливый или брезгливая' (Т. 1. С. 82); *прожора* 'простон. жадный

на еду' (Т. 3. С. 528). В толкованиях подобных существительных отрицательная этическая оценка совмещается с компонентом «интенсивность», который вербализован в дефинициях лексемами *слишком*, *много*: *жора* 'простон. тот, кто много ест, прожора' (Т. 1. С. 414); *жерун* 'простон. тот, кто много ест, прожора' (Т. 1. С. 414); *жерунья* 'простон. женщина, которая много ест' (Т. 1. С. 414).

В толкованиях с пометой «простонародное», характеризующих человека по внутренним свойствам, осуждается грубость, принуждение других к какому-либо действию: *глот* 'простон. обидчик, притеснитель, нагло присваивающий что-либо себе' (Т. 1. С. 266); *мужлан* 'простон. грубый мужик' (Т. 2. С. 330); *нутник* 1) 'простон. понукальщик' (Т. 2. С. 469, ср.: *понукаль* 'понукальщик' (Т. 2. С. 340); *халда* 'простон. грубая, наглая женщина' (Т. 4. С. 396); *халуи* 'простон. 2) человек грубый, наглый, имеющий халуиские ухватки' (Т. 4. С. 396); *халуика* 'простон. 2) женщина, имеющая халуиские ухватки' (Т. 4. С. 396). Оценка в названных существительных выражается корнем слова (*халда*, *глот*, *нутник*), суффиксами (-лан-), а также всем словом в его переносном значении (*халуи*).

В ряде толкований осуждается пристрастное отношение к другому полу: *девочник* 'простон. любящий обращаться около девок' (Т. 1. С. 383); *забулдыга* 'простон. человек развратный, распутный' (Т. 2. С. 4); *подстега* 'простон. развратная женщина' (очевидно, данное значение возникло на базе глагола *подстегивать* 'подшивать с исподу. Подстегивать мех стамедом (род шерстяной ткани)' (Т. 3. С. 276) и приобрело ассоциативный отрицательный смысл).

Также осуждаются излишняя серьезность, упрямство, лень, пьянство, торопливость. В некоторых названных номинациях отрицательная *этическая* оценка совмещается с компонентом «интенсивность» (дефиниции лексем *торопыга*, *гомоюн* и *запивоха*): *гомоюн* 'простон. находящийся беспрестанно в движении, непосед' (возможно, данное слово усвоило отрицательную оценку из глагола *гомозить* 'стоять или сидеть несмирно, вертеться', т. 1. С. 277); *запивоха* 'простон. пристрастный к пьянству' (Т. 2. С. 43); *несмеян* 'простон. человек, не смеющийся, важный' (Т. 2. С. 450); *прилипало* 'простон. с ласкательством вкрадывающийся, подлипало' (Т. 3. С. 472); *торопыга* 'простон. слишком торопливый человек' (Т. 4. С. 290); *упырь* 1) 'простон. упрямец' (Т. 4. С. 356). Отрицательная оценка в указанных лексемах выражается либо и суффиксами, и мотивирующей основой (*прилипало*, *запивоха*, *торопыга*, *гомоюн*), либо только префиксом (*несмеян*), а также всей основой слова в случае его немотивированности (*забулдыга*, *упырь*).

Ряд номинаций с пометой «простонародное», называющих человека по внутренним свойствам, содержит *интеллектуальную* частноотрицательную оценку. В некоторых из них отрицательно оцениваются глупость, нерасторопность, недогадливость, отсутствие сметливости, необразованность: *балбес* 'простон. человек глупый, необразованный, непонятливый' (Т. 1. С. 19); *вахлак* 'простон. 1) глуповатый, нерасторопный мужик' (Т. 1. С. 101); *вахлачка*

2) 'простон. глуповатая, нерасторопная женщина' (Т. 1. С. 101); *глупендай* 'простон. глупец' (Т. 1. С. 267); *дурьнда* 'простон. то же, что дуралей и дуррица' (Т. 1. С. 378); *охреян* 'простон. необразованный, нерасторопный простолюдин' (Т. 3. С. 148); *площина* 'простон. простота, несметливый, недогадливый человек' (Т. 3. С. 231); *простофиля* 'простон. глуповатый человек, простака' (Т. 3. С. 556. Этимологически лексема возникла из словосочетания *простой Филя*); *статуй* 'простон. болван, глупец, олух' (Т. 4. С. 222. Данное значение возникло на базе прямого значения лексемы *статуя* 'изваянное изображение человека, истукан' с дальнейшим изменением рода, содержания и приобретением оценочности); *фатюй* 'простон. простака, неловкий, нерасторопный человек' (Т. 4. С. 385); *фофан* 'простон. простяк, несмышленный, нерасторопный человек' (Т. 4. С. 394. Лексема возникла как фонетическая модификация собственного имени Феофан с дальнейшим приобретением иного содержания и оценочности). Большая часть названных слов выражает оценку всей основой слова: *фатюй*, *охреян*, *фофан*, *простофиля*, *балбес*, *вахлак*, *статуй*. Лексемы *дурьнда*, *глупендай*, *площина* имеют отрицательный компонент и в мотивирующей основе, и в суффиксе (-ынд(а), -(енд)ай-, -ин(а)).

Для другой части данной подгруппы толкований характерна как отрицательная *интеллектуальная* оценка, относящаяся к неумению общаться, наладить отношения с другими людьми, так и положительная *интеллектуальная* оценка, акцентирующая способность крестьянина к речевой деятельности. Отрицательная оценка: *бормота* 'простон. то же, что бормотун и бормотунья (человек бормочущий)' (Т. 1. С. 76); *бранько* 'простон. бранчивый человек' (Т. 1. С. 80); *бурлило* 'простон. шумливый, неспокойный человек' (Т. 1. С. 90); *зажига* 'простон. зачинщик, виновник раздора' (Т. 2. С. 19); *огрыза* 'простон. привыкший огрызаться' (Т. 3. С. 47). Положительная оценка: *балагур* 'простон. говорун, шутник, забавник' (Т. 1. С. 19); *белясник* 2) 'простон. веселый рассказчик, шутник' (от слова *белясы* в переносном значении 'шутка', Т. 1. С. 20); *белясница* 'простон. веселая рассказчица' (Т. 1. С. 20); *бахарь* 'простон. охотник говорить много и забавно; рассказчик' (от *баять* простон. 1) говорить, разговаривать, т. 1. С. 25–26). Лексемы *бранько*, *бурлило*, *огрыза*, *зажига*, *бормота* имеют отрицательный компонент и в мотивирующей основе, и в суффиксе (-к(о), -л(о), -от(а)). Номинации *бахарь*, *белясник* выражают мелиоративный компонент прежде всего сигнификатом основы мотивирующего слова, который определяет оценку и семантически неоднозначного суффикса (-арь), а лексемы *белясник*, *балагур* – всей основой слова.

В изучаемой подгруппе имен существительных, называющих человека по внутренним свойствам, положительно оценивается бойкость, проворность человека, забота о других, умение трудиться. Полагаем, что это смешанная *эмоционально-этическая* оценка: *бойчак* 'простон. бойкий человек' (Т. 1. С. 73); *быстряк* 'простон. быстрый, проворный человек' (Т. 1. С. 92); *заботник* 'простон. заботящийся, пекущийся' (Т. 2. С. 4); *заботница* 'простон. заботящаяся, пеку-

щаяся' (Т. 2. С. 4); *лихач* 'простон. 1) бойкий, проворный человек' (Т. 2. С. 257); *мастак* 'простон. искусный в чем-нибудь' (Т. 2. С. 289); *мастерище* 'простон. увеличительное от слова мастер. Большой знаток, или искусник в чем-нибудь' (Т. 2. С. 289); *неугомон* 'простон. неугомонный человек' (Т. 2. С. 453); *ухарь* 'простон. бойкий человек, хват, молодец' (от глагола *ухать* 'произносить междометие ух', т. 4. С. 376). Большая часть названных слов выражает положительную оценку прежде всего мотивирующей основой: *быстряк*, *лихач*, *заботник*, *бойчак*, *мастак*, *мастерище*, *неугомон*, *ухарь*. Мелиоративный оценочный компонент вариативного по своему значению суффикса (-арь, -ач, -иш(е), -ак) обусловлен семантикой одобрения мотивирующей основы.

В целом в толкованиях с пометой «простонародное», называющих человека по внутренним свойствам, наблюдается асимметрия частнооценочной шкалы (и этической, и интеллектуальной): обозначений положительных качеств значительно меньше, наименования «плохих» качеств лексически разветвлены и представлены детализированно.

В подгруппе дефиниций с пометой «простонародное», называющих человека по внешним признакам (по отдельным частям лица, тела, телосложению, общему облику, одежде), в толковании могут присутствовать маркеры и положительной, и отрицательной оценки. Для этой подгруппы наименований также характерна названная выше асимметрия оценочной шкалы, выражающаяся в преобладании и в детализированном характере пейоративных обозначений.

Представлена как отрицательная оценка *эстетического характера*, которая является синтезом «сенсорно-вкусовых и психологических оценок» [18. С. 198], так и отрицательная *нормативная оценка* по степени интенсивности реализации определенного признака, шкала которого выявляет эстетические предпочтения крестьянина первой трети XIX в. Вслед за М.В. Пименовой, под эстетической оценкой в работе понимается «отношение субъекта оценки к объективной ценности, воспринимаемое как признак оцениваемого объекта с точки зрения существующего в ту или иную эпоху национального представления о красоте-безобразии в рамках картины мира данного социума» [5. С. 3].

Отрицательная оценка *эстетического* характера вариативна.

1. Большое внимание представитель простого народа уделяет *опрятности*, неопрятность характеризуется как отрицательная черта: *возгривец* 'простон. не обтирающий возгрей, сопливец' (Т. 1. С. 145); *возгривик* 'простон. то же, что возгривец' (Т. 1. С. 145); *возгряк* 'простон. то же, что возгривец' (Т. 1. С. 145); *возгривка* 'простон. не обтирающая возгрей, сопливица' (Т. 1. С. 145); *замараха* 'простон. неопрятный, не наблюдающий около себя чистоты' (Т. 2. С. 34); *мохноноша* 'простон. неопрятная женщина, ходящая в лохмотьях' (Т. 2. С. 326); *чумазка* 'простон. запачканный, грязный, неопрятный человек' (Т. 4. С. 446).

2. Отрицательно оцениваются физические недостатки: *косыня*: 1) 'простон. имеющий косые глаза' (Т. 2. С. 211).

Отрицательная *нормативная* оценка по степени интенсивности также является разнообразной. Нормативность ряда названных ниже лексем сосредоточена в серединной части шкалы (параметры «высокий – низкий», «толстый – худой»).

1. Наибольшее внимание представитель простого народа уделяет отклонениям от *нормы роста*: *дылда* ‘простон. великорослый, несладно сложенный, неловкий человек’ (Т. 1. С. 382); *жердило* ‘простон. высокий и тонкий человек’ (Т. 1. С. 404); *мужичина* ‘простон. высокорослый мужчина’ (Т. 2. С. 330).

2. Внимание уделяется *полноте / худощавости*, отрицательно оцениваются как излишний, так и недостаточный вес: *пузан* ‘простон. мужчина, имеющий большое брюхо’ (Т. 3. С. 577); *пузанья* ‘простон. женщина, имеющая большое брюхо’ (Т. 3. С. 577); *худерба* ‘простон. человек очень худощавый’ (Т. 4. С. 411).

3. Внимание акцентируется и на *величине губ, зубов, живота*, неэстетичными воспринимаются большие губы и зубы, а также большой живот: *губан* ‘простон. имеющий большие и отвислые губы’ (Т. 1. С. 300); *губанья* ‘простон. имеющая большие и отвислые губы’ (Т. 1. С. 300); *зубач* ‘простон. то же, что *зубан* (имеющий большие зубы’ (Т. 2. С. 97); *мамон* ‘простон. желудок, брюхо. Эж ты мамон-то набил’ (Т. 2. С. 285, значение данного слова является образной ассоциацией на базе существительного *мамона*, которое использовалось в Евангелиях в значении ‘имение, богатства, земные блага’).

4. Определенное внимание акцентируется на *размере глаз*, отрицательно оцениваются большие глаза: *буркалы* ‘простон. большие глаза. Что ты буркалами-то похлопываешь?’ (Т. 1. С. 89). Отнесение данного слова к лексике с ценностным отрицательным компонентом подтверждается материалами Сл. Даля, в котором зафиксированы лексемы: а) *буркала* ‘...глаза на выкате, глазные яблоки. Что буркала выпучил?’; б) *буркаластый* ‘пучеглазый, лупоглазый, глазастый, лупастый’ (Сл. Даля, т. 1. С. 350–351), в дефиниции которых лексически выражена отрицательная эстетическая оценка. Доказательством отрицательной оценочности слова *буркалы* служит ее сочетаемость с глаголами аналогичной оценочности в художественной литературе первой половины XIX в. (примеры выбраны из НКРЯ): «...буркалы-то в землю прешь» (А.И. Левитов «Моя фамилия», 1863), «...пора продрать буркалы-те» (Д.В. Григорович «Антон-горемыка», 1847), «...буркалы-то на нас вытарашил» (М.Н. Загоскин «Рославлев, или Русские в 1812 г.», 1830).

Существуют и *комбинированные нормативные* оценки по степени интенсивности.

1. Отрицательная оценка полноты / худощавости может сочетаться с аналогичной оценкой малого роста: *карапузик* 1) ‘простон. малорослый и толстобрюхий человек’ (Т. 2. С. 162); *мухортик* ‘простон. малорослый, сухощавый и слабосильный человек’ (Т. 2. С. 333), что позволяет сделать вывод о том, что отрицательной чертой считается не только слишком высокий рост (см. выше), но и слишком низкий.

2. К комбинированным свойствам относится и сочетание отрицательной оценки излишней полноты и

высокого роста: *бабища* ‘простон, увеличительное от слова баба в 3 значении’ (*баба* ‘3’) женщина низкого состояния’, т. 1. С. 17). Средством выражения оценки в названных выше лексемах является основа мотивирующего слова чаще в прямом, реже в переносном значении, содержащая в своем сигнификате пейоративный компонент: *возгривец, замараха, чумазка, дылда, жердило* и др., суффиксы с уничижительным значением: -ин(а), -ища(а), -ач, лексика толкований в дефинициях номинаций *губан, пузан, мухортик, худерба, дылда* и др.

Дефиниции с пометой «простонародное», характеризующие человека по внешним свойствам и содержащие положительную оценку синкретичного *эмоционально-эстетического* характера, являются нераспространенными: *красава* ‘простон. то же, что красавица’ (*красавица* ‘имеющая весьма правильную и привлекательную наружность’; от *красивый* ‘нравящийся по правильности, соразмерности, выбору’, т. 2. С. 216); *мильш* ‘простон. милый человек’ (от *милый* приятный, любезный, привлекательный. Милый взгляд, милая улыбка, т. 2. С. 304); *миляга* ‘простон. то же, что мильш’ (Т. 2. С. 304); *пригожайка* ‘простон. пригожая женщина или девушка’ (Т. 3. С. 460). Полагаем, что в данных лексемах представлены две шкалы оценки: эстетическая по параметру «красивый – некрасивый» и эмоциональная по параметру «приятный – неприятный», в которых детализирован положительный фланг континуума. Особо следует отметить лексему *красик*, синкретизм оценки в которой еще более усилен. В ее значении, по данным Сл. 1847 г., совмещаются семантические компоненты ‘красота’ и ‘здоровье’, что выявляет направленность сформировавшейся оценки на практические интересы крестьянина: *красик* ‘простон. здоровый и видный мужчина, красавец’ (Т. 2. С. 216). Положительная оценка в названных словах выражается прежде всего мотивирующей основой, которая акцентирует мелиоративность: *краса, милый, пригожий*.

Имена существительные с пометой «простонародное», называющие крестьянина по социальным признакам и обладающие оценочностью, называют членов семьи крестьянина по возрасту, гендеру, а также в редких случаях род деятельности крестьянина. Преобладают номинации детей, частотны обозначения младших и старших сыновей и дочерей, что обусловлено многодетностью крестьянских семей.

Оценочный компонент части этих имен мы относим к положительной *эмоциональной оценке* по параметру «приятный, вызывающий радость – неприятный, вызывающий досаду»: *девка* 1) в просторечии то же, что девица. *Добрая девка, умная девка*’ (от *дева* ‘1) црк. каждая из женского пола от младенчества до замужества’, т. 1. С. 383)); *девуля* ‘простон. то же, что девка в 1 значении’ (Т. 1. С. 384); *девчина* ‘простон. то же, что девка в 1 значении’ (Т. 1. С. 384); *дитятко* ‘простон. уменьшительное от слова дитя. Спи, мое дитятко!’ (от *дитя* ‘младенец мужского или женского пола’, т. 1. С. 324); *мальш* простон. 2) меньший или младший сын (Т. 2. С. 287).

Полагаем, что маркерами положительной эмоциональной оценки названных номинаций являются:

1) книжная (высокая) принадлежность мотивирующего слова, сигнификат которого обладает имплицитной положительной оценкой: номинации *девка*, *девуля*, *девчина* мотивируются церковнославянским существительным *дева* (с такой пометой оно отмечено в Сл. 1847 г.); 2) межстилевая принадлежность мотивирующего слова / словосочетания, сигнификат которых обладает имплицитной положительной оценкой: а) лексема *дитячко* мотивирована словом *дитя* в форме косвенного падежа, б) существительное *мальши* находится в отношениях мотивации со словосочетанием *малый ребенок*; 3) состав лексем в авторских речениях дефиниций этих имен: *добрая девка*, *умная девка* (эти примеры позволяют охарактеризовать оценку лексемы *девка* как одновременно эмоциональную, этическую и интеллектуальную); 4) мелиоративный оценочный компонент в семантике однозначных ласкательных и уменьшительно-ласкательных суффиксов (-ул(я), -к(о), -ыш).

Особо следует оговорить номинацию *махотка*, которую мы также относим к лексемам с положительной оценкой: *махотка* 'простон. 1) то же, что малютка' (Т. 2. С. 292, от *махотный* 'простон. очень малый, крошечный') – на основании того, что лексема *малютка*, через которую авторы Сл. 1847 г. толкуют номинацию *махотка*, обладает положительной эмоциональной оценкой (она выражена в примере): *малютка* 'дитя человека малаго возраста. Бедный малютка!' (Т. 2. С. 284). В САР-2 находим аналогичные дефиниции: *махотка* 'слово низкое. Значит то же, что малютка' (Ч. 3. С. 720); *малютка* 'говорится в просторечии приветственно и из ласки о малолетних детях' (Ч. 3. С. 690).

В то же время лексемы *мальченко* 'простон. то же, что мальчишко' (Т. 2. С. 284); *мальчишко* 'уничужительное от слова мальчик. Негодный мальчишко' (Т. 2. С. 284); *мальчуга* 'простон. то же, что мальчик' (от *мальчик* 1) отрок, дитя мужского пола, т. 2. С. 284) имеют отрицательную эмоциональную оценку по указанному выше параметру оценочной шкалы. Средствами ее выражения являются помета «уничужительное», выбор прилагательного в примере дефиниции (*негодный*), установленные лексикографом отношения тождества толкований слов *мальченко* (которое имеет эксплицитные маркеры отрицательной эмоциональной оценки) и *мальчишко*, суффиксы разговорной бытовой речи -ишк(о), -уг(а), -онк(о) с отрицательным семантическим компонентом. В дефиниции существительного *мальчик* в САР-2 находим подтверждение высказанному мнению: *мальчик* 'от коего происходят уничтожит. *мальчуга* и *мальчишка*. Отрок, детище мужского пола' (Ч. 3. С. 690). Словарь Даля также подтверждает отрицательную оценочность названных номинаций: *мальчишка*, *мальчуга* 'мальчик в унижительном или шуточном значении' (Т. 2. С. 764).

Особого описания требуют номинации меньших дочерей, сыновей, малых детей, не имеющих в толкованиях показателей оценки и включающих в свой состав вариативные (неоднозначные) в аспекте эмоциональной оценочности суффиксы: *малка* 'простон. меньшая из дочерей' (от *малый* 'по сравнению с другими недостаточный в величине, числе, мере, про-

должении и пр. *малыя дети*', т. 2. С. 281); *малуха* 'простон. меньшая дочь или меньшая сестра' (от *малый*, т. 2. С. 284); *мальга* 'простон. 1) малый ребенок' (от *малый*, т. 2. С. 284); *меньшак* 'простон. меньший сын или брат' (от *меньший* ср. ст. прил. *малый*, т. 2. С. 298). Мотивирующими единицами названных лексем являются словосочетания *малая дочь / сестра*, *меньшая дочь / сестра*, *малый ребенок*, *меньший сын / брат*, которые, по нашему мнению, обладают имплицитной положительной эмоциональной оценкой, содержащейся в их сигнификате, которая передается и мотивированным именам. Спецификой суффиксов, находящихся в структуре данных имен (-к(а), -ух(а), -ак), является обладание в системе русского словообразования как положительной, так и отрицательной эмоциональной оценкой, которую они, усваивая из мотивирующего слова, усиливают. Полагаем, что в нашем случае усваивается мелиоративная эмоциональная оценка. Крестьянин (потенциальный или реальный родитель) может квалифицировать такой объект оценки, как малый ребенок, только как вызывающий радость, счастье, приятные ощущения, что определяется всей программой его жизни.

Имена существительные, называющие крестьянина по роду деятельности и имеющие помету «простонародное», обладают нейтральной окраской. Исключение составляют лексемы, которые не именуют, а характеризуют вид занятий, они обладают отрицательной *этической* оценкой. Так, в представлении крестьянина такой вид деятельности, как слуга, является недостойным. В Сл. 1847 г. толкование данного имени сопровождается словами «презрительное название»: *халуи* 'простон. 1) презрительное название слуги, холоп' (Т. 4. С. 396); *халуйка* 'простон. 1) презрительное название служанки, холопка' (Т. 4. С. 396). На базе этого прямого значения с частноотрицательной этической оценкой возникло второе ассоциативное оценочное значение – *халуи* 'простон. 2) 'грубый, наглый человек' (Т. 4. С. 396). В то же время умение извозчика быстро ездить оценивается положительно: *лихач* 'простон. 2) лихой извозчик', данное значение является результатом расширения основного значения, также обладающего положительной оценкой: *лихач* 'простон. 1) бойкий, проворный человек' (Т. 2. С. 257).

В целом при изучении дефиниций слов с пометой «простонародное» в Словаре 1847 г. выявляется фрагмент ценностной картины мира русского крестьянина первой трети XIX в. Для нее характерна прежде всего детализированная пейоративная этическая, интеллектуальная и эстетическая оценка определенных свойств человека и его внешнего вида: неприятие лжи, глупости, праздности, жадности, неопрятности, отклонений от эстетических нормативных представлений русского крестьянства этого времени, связанных с телосложением человека и чертами его лица. Мелиоративная оценка в изучаемых существительных является лексической не разветвленной и менее частотной, одобрение крестьянина вызывает проворность, трудолюбие, искусность в каком-либо деле, способность к коммуникации, общая внешняя пригожесть представителя его социальной группы. В наименованиях членов крестьянской семьи обращает на себя внимание значительное количество

оценочных обозначений старших и младших детей, обладающих как положительной, так и отрицательной эмоциональной оценкой.

Анализ толкований имен существительных с пометой «простонародное» в Словаре 1847 г. показал

культурную значимость данного материала в связи с тем, что по его содержанию «можно вывести обобщенную ценностную ориентацию социума» [17. С. 208], в нашем случае – крестьянства в первой трети XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1938. 448 с.
2. Вяземский П.А. Полное собр. соч. Т. I–XII. СПб.: Изд-во гр. С.Д. Шереметева, 1878–1896. 1878. Т. 1. 355 с.
3. Колесов. В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 2: Добро и зло. СПб., 2001. 304 с.
4. Колесов. В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 3: Бытие и быт. СПб., 2004. 400 с.
5. Пименова М.В. Красотою украси. Санкт-Петербург; Владимир: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. 415 с.
6. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки. М.: Икар, 1997. 320 с.
7. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века. М.: Мысль, 1992. 637 с.
8. Падучева Е.В. Семантика вины и смещение акцентов в толковании лексемы // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 149–167.
9. Яковлева Е.С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 200–216.
10. Матвеев В.А. Лексика нравственно-оценочного ряда в древнерусском памятнике XI века // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 363–373.
11. Шмелев А.Д. Плюрализм этических систем в свете языковых данных // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 380–390.
12. Вендина Т.И. Прекрасное и безобразное в русской традиционной духовной культуре // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 143–162.
13. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: *быт, пошлость, вранье* // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 209–230.
14. Урысон Е.В. Эстетическая оценка тела человека в русском языке // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 471–487.
15. Никитина С.Е. О статусе красоты в современной народной культуре: *прекрасное и красивое* // Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 639–650.
16. Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. Что такое «плохо» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24). С. 5–18.
17. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
18. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.
19. Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиялогия и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–89.
20. Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б., Колесник О.Г. Когниолингвистический аспект оценочности в спонтанном дискурсе. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 501 с.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

1. САР–2: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–4. СПб. При Императорской Академии наук, 1806–1822.
2. Сл. Соколова: Соколов П. Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречиях употребляемых. Т. 1–2. СПб. В типографии Императорской Российской Академии, 1834.
3. Сл. 1847 г.: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. 1–4. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1847.
4. Сл. Даля: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 июня 2020 г.

On the Values of the Peasant World of the First Third of the 19th Century (Based on the Definitions of “Common” Nouns Naming Persons in the Dictionary of Church Slavonic and Russian Language of 1847)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 28–35.

DOI: 10.17223/15617793/456/3

Violetta M. Gryaznova, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: violetta-sgy@mail.ru

Keywords: definition; label “common”; negative and positive assessment; ethical and aesthetic values; peasantry.

The article analyzes the values of the peasant world of the first third of the 19th century. The material for the work was the definitions of nouns marked as “common” and naming persons in the *Dictionary of Church Slavonic and Russian Language of 1847*. The word “common” was defined in dictionaries as “belonging to simple people” (for the specified time, first of all, to the peasantry). The analysis of these definitions showed that they belong to four lexical-thematic groups: “Man”, “Life”, “Animal World”, “Abstract Concepts”. The article explores definitions related to the most numerous lexical-thematic group “Man” divided into lexical-semantic subgroups. In the group of lexemes that name a person by internal properties, character traits, hobbies, a negative ethical evaluation of character traits and inclinations unacceptable for Russian peasants prevails. This negative evaluation is often combined with the “intensity” component. Lies and related gossip, deception, bragging, fraud, inability to communicate and establish relationships with other people, stupidity, slowness, lack of intelligence, lack of education are evaluated negatively; laziness, idleness, inactivity, inability or unwillingness to work are condemned. A person’s briskness, agility, concern for others, ability to work, and ability to communicate are evaluated positively. In the group of definitions marked “common” and naming persons based on external characteristics, meanings with negative evaluation prevail. Both aesthetic negative evaluation and negative evaluation of the degree of intensity of a certain feature are observed. The scale of the latter reveals the aesthetic preferences of peasants in the first third of the 19th cen-

ture. The general aesthetic negative evaluation is associated with untidiness. Negative evaluation of the degree of intensity is varied: peasants pay great attention to the abnormalities of height, some attention to corpulence/leanness (both over- and underweight are evaluated negatively), note the size of lips (large lips, teeth, eyes are perceived as unaesthetic). Definitions naming peasants based on social characteristics characterize members of a peasant's family by age, gender, and occupation. Peasants qualified being a servant as an unworthy occupation (in the *Dictionary of 1847*, the description of this type of activity is accompanied by the words “contemptuous name”). In the names of family members, there is a significant number of evaluative (both positive and negative) words that differentiate older and younger children due to the large number of children in peasant families.

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. (1938) *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the history of the Russian literary language of the 17th–19th centuries]. Moscow: Gos. uchebno-pedagogicheskoe izd-vo.
2. Vyazemskiy, P.A. (1878) *Polnoe sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. I. Saint Petersburg: Izd-vo gr. S.D. Sheremeteva.
3. Kolesov, V.V. (2001) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove: v 5 kn.* [Ancient Rus: Heritage in the Word: In 5 Books]. Book 2. Saint Petersburg: Faculty of Philology, Saint Petersburg State University.
4. Kolesov, V.V. (2004) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove: v 5 kn.* [Ancient Rus: Heritage in the Word: In 5 Books]. Book 3. Saint Petersburg: Faculty of Philology, Saint Petersburg State University.
5. Pimenova, M.V. (2007) *Krasotyu ukrasi* [Decorate with Beauty]. Saint Petersburg: Vladimir: Saint Petersburg State University.
6. Pisanova, T.V. (1997) *Natsional'no-kul'turnye aspekty otsennochnoy semantiki. Esteticheskie i eticheskie otsenki* [National and Cultural Aspects of Evaluative Semantics. Aesthetic and Ethical Evaluation]. Moscow: Ikar.
7. Bychkov, V.V. (1992) *Russkaya srednevekovaya estetika XI–XVII veka* [Russian Medieval Aesthetics of the 11th–17th Centuries]. Moscow: Mysl'.
8. Paducheva, E.V. (2000) Semantika viny i smeshchenie aktsentov v tolkovanii leksemy [Semantics of guilt and a shift in emphasis in the interpretation of the lexeme]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language. Languages of Ethics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 149–167.
9. Yakovleva, E.S. (2000) O kontsepte chistoty v sovremennom russkom yazykovom soznanii i v istoricheskoy perspektive [On the concept of purity in modern Russian linguistic consciousness and in historical perspective]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language. Languages of Ethics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 200–216.
10. Matveenko, V.A. (2000) Leksika nravstvenno-otsennochnogo ryada v drevnerusskom pamyatnike XI veka [The moral-evaluative vocabulary in the Old Russian monument of the 11th century]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language. Languages of Ethics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 363–373.
11. Shmelev, A.D. (2000) Plyuralizm eticheskikh sistem v svete yazykovykh dannyykh [Pluralism of ethical systems in the light of linguistic data]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language. Languages of Ethics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 380–390.
12. Vendina, T.I. (2004) Prekrasnoe i bezobraznoe v russkoy traditsionnoy dukhovnoy kul'ture [The beautiful and the ugly in Russian traditional spiritual culture]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki estetiki. Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical Analysis of Language. Languages of Aesthetics. Conceptual Fields of the Beautiful and the Ugly]. Moscow: Indrik. pp. 143–162.
13. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (2004) Esteticheskoe izmerenie v russkoy yazykovoy kartine mira: byt, poshlost', vran'e [Aesthetic dimension in the Russian linguistic picture of the world: Everyday life, vulgarity, lies]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki estetiki. Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical Analysis of Language. Languages of Aesthetics. Conceptual Fields of the Beautiful and the Ugly]. Moscow: Indrik. pp. 209–230.
14. Uryson, E.V. (2004) Esteticheskaya otsenka tela cheloveka v russkom yazyke [Aesthetic evaluation of the human body in Russian]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki estetiki. Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical Analysis of Language. Languages of Aesthetics. Conceptual Fields of the Beautiful and the Ugly]. Moscow: Indrik. pp. 471–487.
15. Nikitina, S.E. (2004) O statuse krasoty v sovremennoy narodnoy kul'ture: prekrasnoe i krasivoe [On the status of beauty in modern folk culture: The splendid and the beautiful]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki estetiki. Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical Analysis of Language. Languages of Aesthetics. Conceptual Fields of the Beautiful and the Ugly]. Moscow: Indrik. pp. 639–650.
16. Gyngazova, L.G. & Ivantsova, E.V. (2013) What Is “Bad” by a Traditional Folk Speech Culture Representative *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (24). pp. 5–18. (In Russian).
17. Vol'f, E.M. (1985) *Funktsional'naya semantika otsenki* [The Functional Semantics of Evaluation]. Moscow: Nauka.
18. Arutyunova, N.D. (1998) *Yazyk i mir cheloveka* [The Language and World of Man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
19. Baranov, A.N. (1989) Aksiologicheskie strategii v strukture yazyka (paremiologiya i leksika) [Axiological Strategies in the Structure of Language (Paremiology and Lexis)]. *Voprosy yazykoznanija*. 3. pp. 74–89.
20. Dubovskiy, Yu.A., Zagraevskaya, T.B. & Kolesnik, O.G. (2009) *Kogniolingvisticheskiy aspekt otsennochnosti v spontannom diskurse* [The Cogniolinguistic Aspect of Evaluativeness in Spontaneous Discourse]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University.

DICTIONARIES

1. Russian Academy of Sciences. (1806–1822) *Slovar' Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poryadku raspolozhenny* [Dictionary of the Russian Academy, Alphabetized]. Parts 1–4. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
2. Sokolov, P. (1834) *Obshchiy tserkovno-slavyano-rossiyskiy slovar', ili Sobranie recheniy kak otechestvennykh, tak i inostrannykh, v tserkovno-slavyanskoy i rossiyanskoy narechiyakh upotrebyaemykh* [General Church Slavonic–Russian Dictionary, or a Collection of Sayings, Both Russian and Foreign, Used in Church Slavonic and Russian Dialects]. Vols 1–2. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
3. Second Department of the Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka* [Dictionary of Church Slavonic and Russian Language]. Vols 1–4. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. Dal', V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 Volumes]. Moscow: Progress-Univers.

Received: 24 June 2020

И.О. Краевская, Н.А. Мишанкина

ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ В АСПЕКТЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗРАЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «НЕФТЕГАЗОПЕРЕРАБОТКА»)

Исследуются процессы терминологического образования отрасли «Нефтегазопереработка» в аспекте гносеологической «прозрачности» структуры термина. В результате исследования определены: границы и объем терминосистемы, компонентный состав терминов (структура и генезис), способы терминологического образования наименее (аббревиация) и наиболее (семантическая деривация) эффективные в аспекте эпистемического доступа, выявлена категорирующая семантика частотных формантов при суффиксальном и префиксальном терминологическом образовании.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение; терминология; терминосистема; терминологическое образование; гносеологическая «прозрачность»; фреймовая структура.

Постановка проблемы исследования

Современное терминоведение эффективно использует когнитивный подход в изучении функционально-семантической специфики термина (Л.М. Алексеева, М.В. Володина, Е.И. Голованова, В.М. Лейчик, В.Ф. Новодранова, С.П. Хижняк). Новое направление в этой области исследований – когнитивное терминоведение – обращается к изучению знаниевой структуры термина: «Отличие принципов и методов когнитивного изучения языка, в данном случае терминов и других единиц профессиональной коммуникации, от традиционного подхода обусловлено выдвижением на передний план проблем соотношения языковых структур с ментальными структурами, отражающими особенности человеческого опыта и деятельности, вопросов представления в языке различных типов знания – обыденного и научного, ассоциативно-образного и рационально-логического» [1. С. 5].

Термин в рамках этого подхода понимается как единица, сформированная на пересечении профессиональной когниции и профессиональной коммуникации, и это определяет его наиболее важную функцию – гносеологически ориентирующую, или когнитивную [1. С. 49]. Еще в первой половине XX в., на заре терминоведения, Д.С. Лотте определил гносеологическую ценность термина как соответствие его терминологического и «буквального» значений: если «буквальное» значение терминологического слова создает правильное представление о научном понятии – это «правильно ориентирующие термины», если создает препятствие правильному пониманию – это «ложно (неправильно) ориентирующие термины», термины, в которых не распознается буквальное значение относятся к «нейтральным» [2. С. 12].

В работах современных исследователей [1, 3–10] эта идея была проинтерпретирована в аспекте «внутренней формы термина», но последовательное развитие она получила именно в русле когнитивного подхода. Принципы единства и целостности гносеологической деятельности, лежащие в основе изучения самых различных языковых структур, дают возможность снять ограничение, связанное с функциональной «локализацией» термина, увидеть генетическую близость процессов концептуализации и гносеологии

в обыденном познании и научной деятельности и, соответственно, глубинную связь терминосистем и национального языка, что соответствует в итоге принципам гносеологического «комфорта» и «эпистемического доступа» [11, 12] в отношении объекта научного описания.

Конечно, международная научная коммуникация предъявляет требования к унификации терминосистем, однако само выдвижение подобных требований указывает на вторичность этого процесса: национальные терминосистемы формируются, в первую очередь, в рамках профессиональной деятельности в пределах национального языка. В этих условиях термин, как языковая единица, «обслуживающая» определенный тип деятельности, должен отвечать требованию гносеологического «комфорта» для эффективного использования ресурсов памяти. Эти установки определяют появление в рамках национальной науки особых терминологических элементов и моделей терминологического образования, свойственных только данному языку и обладающих высокой степенью информативности для его носителей: термин, «являясь единицей языкового и профессионально-научного знания... становится выразителем процессов, принадлежащих языковому сознанию, когда общеязыковая информация трансформируется в терминологическую» [9. С. 314].

Этот тезис становится исходным во всех работах в области когнитивного терминоведения [1, 6–15]: «...Особенность терминов заключается в том, что в них закреплен результат не пассивного, а живого, активного отражения, в содержание которого включена человеческая практика, профессиональная деятельность. Именно в такой сознательно выстраиваемой специалистами терминологии необходим особый механизм ориентирования. Этот механизм естественным образом актуализирован во внутренней форме термина, которая позволяет понять его содержание без контекста и вне контекста. Внутренняя форма термина отражает особенности профессионального сознания и служит источником активизации метаязыковой деятельности специалистов. В единицах терминологической номинации получают обозначение фрагменты человеческого опыта или знания, которые включены в определенный вид деятельности, вследствие чего они соответствующим образом осмыслены и интерпрети-

руются [7. С. 75]. В аспекте внутренней формы особенно активно изучается метафорическая терминология, исследуются метафорические модели различных научных областей: медицины, экономики, информатики, нефтегазового дела, лингвистики, педагогики, геологии, психологии и др. [6, 11–23]. Однако когнитивный потенциал других способов деривации в пополнении терминосистем еще только начинает изучаться. В этой связи особую значимость представляют работы [1, 7, 8, 24–26], выполненные в русле когнитивного подхода к анализу словообразовательных структур и организации терминосистем.

Становление нефтегазовой отрасли в России совпало со становлением терминоведения как научного направления и в период с середины до конца XX в. осуществлялось по преимуществу лексикографическое описание этой области. В конце XX в. существенно активизировалось развитие отрасли, усилились международные контакты, что, повлекло за собой и интерес терминоведов к описанию терминосистемы, обусловленное, в том числе, и проблемами перевода. Нефтегазовая терминология русского языка была исследована в лексикографическом [27, 28], структурно-семантическом [29–33], сравнительно-сопоставительном [34], дискурсивном [35], полемическом аспектах [36], была описана семантическая диффузия в английском и русском технических терминах на материале нефтегазовой терминологии [37], исследованы модели метафорической концептуализации в терминообразовании нефтегазовой отрасли [15]. Аспекты деривации в рамках этой предметной области были рассмотрены в работах А.К. Сулеймановой (русскоязычная терминосистема нефтяного дела) [38], С.В. Калининой (на материале английской терминосистемы) [39], И.О. Краевской (модели префиксации терминов нефтегазопереработки) [26].

Наиболее близкой к нашему исследованию является работа А.К. Сулеймановой, так как в ней последовательно описана деривационная специфика терминосистемы. Но, во-первых, она посвящена описанию другой терминосистемы, во-вторых, автор ставил перед собой иную задачу – задачу описания деривационной спецификации, и, в-третьих, анализ нашего материала показал в некоторых случаях существенные расхождения с результатами, представленными в работе А.К. Сулеймановой.

Кроме того, необходимо отметить, что терминология области «Нефтегазопереработка» как отдельная терминосистема рассматривалась единично [26]. Все названные выше исследовательские проекты фокусировались на терминологических единицах, связанных с добычей нефти и газа. Однако терминосистема любой предметной области развивается и расширяется вместе с развитием этой области, равно как и любая лексическая подсистема национального языка. «Нефтегазопереработка» – новое направление, находящееся на этапе становления, при этом она рефлексивируется специалистами как самостоятельная область с начала 10-х гг. XXI в. и, соответственно, требует изучения именно в связи с активным ее развитием. На этапе становления находится и исследуемая терминосистема, с актуальностью и необходимостью научного описания которой непосредственно столкнулся

один из авторов этой статьи в ходе профессиональной переводческой деятельности. Именно необходимость решения прикладных задач заставила учитывать и исследовать изменения, произошедшие в профессиональном подязыке этой отрасли.

На настоящем этапе развития терминосистемы «Нефтегазопереработка» можно говорить о ее синтетическом характере: она включает некоторые термины, общие для всей нефтегазовой отрасли, общехимическую терминологию, термины из области химии нефти и газа, а также новые терминологические единицы, специфичные только для профессиональной деятельности, связанной с переработкой нефти и газа (см. описание источников материала ниже). В этой связи встает проблема определения границ данной терминосистемы при формировании выборки терминологических единиц, источников пополнения, основных структурно-грамматических параметров, а также процессов деривации. Эти проблемы решаются в ходе описания терминосистемы, но главной для нас является проблема формирования семантики термина этой области в гносеологическом аспекте. Поэтому цель настоящей статьи состоит в выявлении и описании семантических структур, задействованных при образовании терминов отрасли «Нефтегазопереработка» в аспекте их гносеологической «прозрачности».

Методология, методика и модель анализа материала

Теоретико-методологической базой данного исследования послужили труды зарубежных и российских ученых в нескольких научных областях. Базовым методологическим подходом, объединяющим целый ряд методологических направлений, в нашем исследовании выступает когнитивное терминоведение, которое весьма продуктивно восприняло идеи из области когнитивной лингвистики: теорию фреймов и концептуально-фреймовый анализ, когнитивное словообразование, теорию концептуальной метафоры, теорию блендинга.

Основоположник теории фреймов М. Минский, рассматривая в своей статье проблему концептуальной организации знаний, вводит понятие «фрейм» как одну из моделей такой организации [40]. Эта модель была принята научным сообществом, в том числе лингвистическим, как наиболее эффективная в представлении семантической организации языка [41]. В российской лингвистике фреймовая структура понимается как «структура данных для представления стереотипных ситуаций, особенно при организации больших объемов памяти» [42. С. 187]. В работе Е.С. Кубряковой, посвященной когнитивным аспектам словообразования, отмечается принципиально категорирующий характер этой области лингвистических единиц: процессы образования новых лексем рассматриваются как способы моделирования семантики на основе действующих в языке словообразовательных категорий и типов, а словообразовательные единицы – как реализующие ориентирующую функцию [43. С. 16–17]. На этот же аспект указывают авторы работ в области когнитивного словообразова-

ния, в которых успешно применяется понятие «фрейм»: для описания механизмов моделирования смыслов в процессе текстового функционирования синкретичного деривата [44], фреймового моделирования единиц словообразовательной системы [45–48].

С.П. Хижняк отмечает, что ономаσιологические аспекты терминообразования тесно связаны с вопросом категоризации, обзор работ, посвященных терминообразованию показывает, что можно говорить об избирательном использовании словообразовательных средств для обозначения специальных понятий в разных терминосистемах. В данном случае речь идет именно о семантическом потенциале словообразовательных моделей, которые «могут принадлежать как общелитературному языку, так и собственно терминологическому фонду» [8. С. 132]. «В разных терминосистемах категоризация осуществляется с преимущественным использованием определенного инвентаря суффиксов для маркирования ономаσιологического базиса, который играет ведущую роль в терминологической категоризации. Словообразовательное значение обозначает тип отношений между двумя категориальными значениями, одно из которых воспринимается в качестве ономаσιологического базиса обозначаемого, а другое – в качестве его ономаσιологического признака» [8. С. 132–133]. Фреймовый анализ предполагает исследование принципов структурирования и отражения определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, а также способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации. Семантика форманта в этом случае рассматривается как фреймовая структура, входящая в качестве слота в общую семантику термина и моделирующая определенный категориальный признак.

Чтобы определить значимость фреймовых структур и понятийных областей, наиболее вовлеченных в процессы метафорического терминообразования, потребовалось обращение к методологическому подходу, представленному в рамках теории концептуальной метафоры [49] и метафорического терминоведения [13–23], ориентированному на выявление метафорических моделей, которые репрезентируют метафорические термины.

Теория фрейма и теория концептуальной метафоры получила развитие в теории блендинга Дж. Фоконье и М. Тернера [50–52], которая была успешно

применена в работе Т.Ю. Лопатиной [53] об интегративной семантике синтаксических конструкций N + N и использована в анализе многокомпонентных терминов.

Стоящая перед нами цель требовала системного подхода к формированию методики и модели описания фреймовых структур терминов. Поэтому мы считаем необходимым представить всю модель анализа полностью. На первом этапе была произведена выборка терминов отрасли «Нефтегазопереработка» из соответствующих словарей и текстовых источников [54–60] и зафиксировано их терминологическое значение. Всего для анализа было отобрано 611 терминов. На последующих этапах было осуществлено их описание: 1) в тематическом аспекте; 2) в синтактико-грамматическом аспекте с последующей семантической интерпретацией; 3) в аспекте происхождения; 4) в деривационном аспекте. Модель описания в последнем случае выглядит следующим образом: 1. Терминологическая номинация. 2. Терминологическое значение. 3. Описание термина: а. Способ словообразования; б. Модель фреймовой структуры: Слот 1 (грамматическое значение); Слот 2 (словообразовательное значение); Слот 3-н (исходная фреймовая структура: семантика мотивирующей единицы). В ходе реализации этого этапа использовался дефиниционный анализ для определения терминологического значения; структурный – для описания синтаксической структуры термина; деривационный – для определения способа образования термина, метод моделирование фреймовой структуры термина и метод метафорического моделирования. При определении семантической функции формантов мы опирались на классификацию, представленную в работе [47. С. 106]. На третьем этапе был осуществлен сопоставительный анализ фреймовых структур, определен тип соотношения, осуществлена количественная обработка данных и определены доминирующие структуры.

Результаты анализа

Тематические группы. Дефиниционный анализ терминов показал, что в рамках исследуемой терминосистемы выделяются несколько тематических подгрупп, представленных на рис. 1. Система подгрупп отражает специфику профессиональной деятельности в рамках этой предметной области.

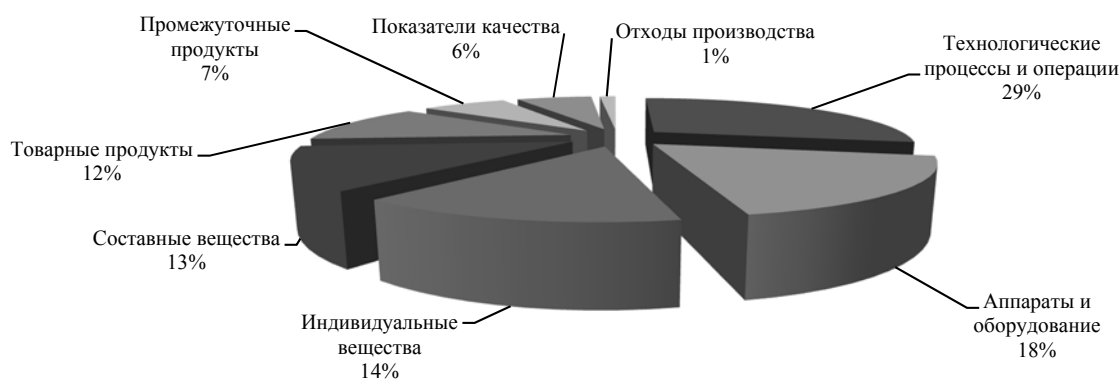

Рис. 1. Количественное распределение тематических подгрупп терминосистемы «Нефтегазопереработка», %

Синтактико-грамматические структуры. Анализ синтактико-грамматической структуры терминов показал, что наиболее продуктивны однокомпонентные («N»: *вязкость*) – 63%; двухкомпонентные модели («Adj + N»: *полярный растворитель*) – 23%; «N + N»: *зауглероживание катализатора*) – 5%. Полученные данные не противоречат результатам, представленным в работе А.К. Сулеймановой [38].

Рассмотрение общего массива терминов показало, что большая их часть относится к такой части речи, как имя существительное (см. табл. 1), что также вполне соответствует общей тенденции к доминированию терминов-существительных, отмечаемой исследователями самых различных терминосистем.

В двухкомпонентных моделях функцию базового термина, определяющего основную частеречную семантику всего терминологического сочетания, также выполняет существительное, а функцию терминообразовательного форманта – прилагательное, существительное или причастие. В этой структуре термина «формант находится в препозиции к исходному термину (право – уголовное право), в постпозиции (арест – арест имущества) или занимает промежуточную позицию между компонентами исходного составного термина (вынесение приговора – вынесение неправосудного приговора)» [8. С. 136]. Таким образом, можно говорить о частеречной семантике имени существительного как базовой в терминосистеме «Нефтегазопереработка».

Обращаясь к собственно словообразовательной семантике терминов, следует предварительно обсудить способы пополнения терминосистем в аспекте ориентирующей функции термина.

Источники пополнения терминосистемы. В работе А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, Н.В. Васильевой выделяются четыре основных источника образования терминов: 1) заимствование иноязычного термина; 2) формирование термина на базе международных терминологических элементов; 3) терминообразование на базе ресурсов своего языка (семантическая и словообразовательная деривация, калькирование) [61. С. 172]. Различные источники имеют разный потенциал в аспекте гносеологической «прозрачности» семантики термина. Как уже говорилось выше, наибольшим потенциалом обладают термины третьей группы – образованные на основе ресурсов родного языка. Однако можно говорить и о том, что определенным потенциалом в силу активного функционирования в научной и профессиональной областях обладают и термины (и их компоненты) второй группы, этимологически связанные с интернациональными терминологическими единицами.

Рассмотрим, каково соотношение заимствованных и исконных терминов в исследуемой терминосистеме. Наиболее продуктивным источником формирования однокомпонентных терминов являются иноязычные элементы: термины, образованные на базе международных элементов, – 46%, заимствованные термины – 31%, исконные – 23%. Полученные нами данные расходятся с результатами, представленными в работе А.К. Сулеймановой: «Лексическим материалом в процессе создания терминов нефтяного дела чаще

всего являются исконно производящие основы, крайне редко заимствованные слова» [38. С. 133]. Полагаем, что эта ситуация связана с довольно длительной ориентацией нефтегазовой отрасли на добычу природных ресурсов, в то время как сфера «Нефтегазопереработки» ориентирована на химические превращения органических структур, что обуславливает большое количество межсистемных заимствований из химической номенклатуры, которая, в свою очередь, базируется на латинском и греческом языках.

Второй частотной структурной моделью является двухкомпонентная комбинация «Adj + N», на основе которой образовано 140 терминов. Наиболее часто встречается структура «Прилагательное на базе международного элемента + русское существительное» (*вакуумное масло, ароматические соединения, азеотропная смесь*). В 17% терминов оба компонента принадлежат лексике русского языка (*печное топливо, кубовый остаток, щелочная очистка*), в 16% компонент-прилагательное образован на базе международного элемента, а компонент-существительное заимствован из иноязычных терминосистем (*газовый бензин, нефтяной кокс, каталитический крекинг*). В 13% терминов оба компонента образованы на базе международного элемента (*пентановая фракция, гетерогенный катализатор, азеотропная ректификация*). В 8% терминов компонент-прилагательное является исконно русским, а существительное – заимствованное (*горюче-смазочные материалы, жидкий парафин, жирный газ*). В 5% терминов компонент-прилагательное принадлежит лексике русского языка, а компонент-существительное образован на базе международного элемента (*прямогонная фракция, сернокислотная экстракция, проточный реактор*).

При этом для компонентов-существительных, принадлежащих данной структурной модели, наиболее продуктивным источником образования являются ресурсы русского языка (57% от общего количества компонентов-существительных). Являются заимствованными 24% компонентов-существительных, 19% образованы на базе международных элементов. Для компонентов-прилагательных продуктивным источником формирования являются международные элементы (70% от общего количества компонентов-прилагательных) и только 30% компонентов-прилагательных – исконно русскими.

Третьей по частотности моделью является двухкомпонентная структура «N + N». Наиболее продуктивной комбинацией источников формирования (30%) для данной структурной модели является такая, в которой главный компонент-существительное принадлежит лексике русского языка, а зависимый компонент-существительное образован на базе международного элемента (*зауглероживание катализатора, рубашка реактора*). В 23% терминов главный компонент является заимствованным из других терминосистем, зависимый компонент – исконно русским (*продукт сгорания, колонна сероочистки, температура плавления*). В 20% терминов оба компонента принадлежат лексике русского языка (*масло для выключателей, датчик потока, светимость пламени*). В 10% терминов главное существительное образовано на

базе международных элементов, а зависимое существительное является заимствованным (*пероксид бензоила, эрозия металлов, нитрат церия*). В таких терминах, как *пероксид водорода, спектроскопия в УФ*, главный компонент образован на базе международного элемента, а зависимый – исконно русский, они составляют 7% от общего количества терминов. Аналогично в 7% терминов главный компонент является исконно русским существительным, а зависимый компонент – заимствованным существительным (*соединения металлов, окись алюминия*). Только в 3% терминов оба компонента образованы на базе международных элементов (*реактор гидродесульфуризации*). Таким образом, и в данной структурной модели наиболее продуктивным источником формирования главного компонента является лексика русского языка (57% терминов). Заимствованная терминология является источником образования для 23% главных компонентов-существительных, международные элементы – для 20% главных компонентов. Наиболее продуктивный источник формирования зависимого компонента-существительного – лексика русского языка (50%). Иноязычные элементы послужили источниками формирования для 40% зависимых компонентов, иноязычная терминология – для 10%. Какое значение это имеет для гносеологической «прозрачности» термина?

В работе Т.Ю. Лопатиной [53] компоненты синтаксической конструкции «N + N» рассматриваются как концептуальные пространства, на основе которых создается новое ментальное образование – бленд, обобщающее определенные признаки. При этом «бленд сжимает информацию о концептах и превращает межпространственные отношения во внутрипространственные, являясь той новой концептуальной областью, которая фиксирует смысловое содержание конструкции N + N» [53. С. 175]. При

образовании бленда одна из формирующих его концептуальных структур является базовой, а вторая актуализирует компоненты смысла, или определенные слоты, сужая варианты смысловой интерпретации конструкции» [53. С. 175]. Полагаем, что сказанное вполне справедливо может быть отнесено и конструкциями типа «Adj+N». Рассматривая с этой точки зрения наш материал, можно говорить о том, что в обоих типах двусоставных терминов доминируют модели, включающие русский компонент, а это, в свою очередь, создает условия эпистемической доступности к формируемому интегративному ментальному пространству, создаваемому на основе двух вводных концептов. Заимствованный компонент, как правило, выполняет роль форманта. Подводя краткий итог, можно говорить о том, что преобладание русскоязычных единиц свидетельствует о существенной гносеологической прозрачности терминов данной предметной области.

Способы терминообразования. На следующем этапе мы обратились к анализу способов терминообразования в аспекте семантической организации терминологического значения и его ориентирующей функции. В этом случае в поле нашего анализа попадают термины, образованные на базе русскоязычных и международных элементов, так как на уровне заимствованной лексики нельзя говорить о деривации, что обуславливает полное отсутствие семантической «прозрачности».

Работы в области терминообразования показывают, что деривация в русских терминосистемах основана на тех же моделях, что и в языке в целом. Можно говорить о морфологических и неморфологических способах терминообразования на базе исконных и международных элементов. На рис. 2 представлены все способы терминообразования в рамках исследуемой терминосистемы.

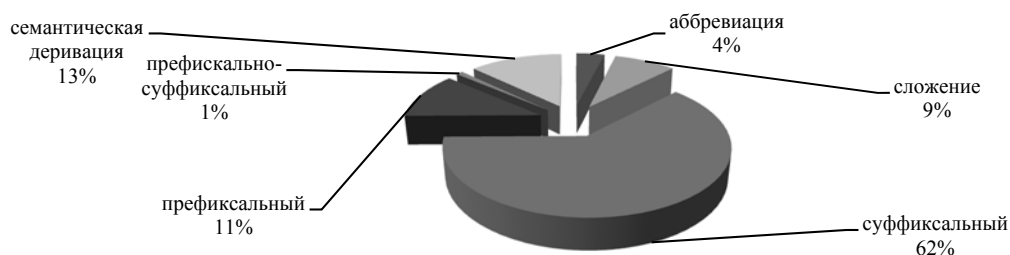

Рис. 2. Количественное распределение способов терминообразования, %

Способы образования новых единиц, вне зависимости от функциональной области, также различаются в отношении гносеологической «прозрачности». Способом, которым образуются наименее «прозрачные» единицы, можно считать аббревиацию: для правильного оперирования терминологией необходимо знать значение аббревиатур. Например, не будучи специалистом, невозможно понять, что могут значить следующие единицы и какой тип объектов, процессов или веществ они номинируют: *СОТС, СЖТ, СУГ,*

ББФ, МТБЭ, ДБТ, БТ, АН, ОСС, ДТБП, ДМДБТ, ПБ, ДМФА, СС, ПАВ, АГФУ, УФ и под. Максимально «прозрачной» внутренней формой обладают терминологические единицы, образованные с помощью семантической деривации, таковых в исследуемой терминосистеме выявлено 95. Остальные термины, образованные другими способами, располагаются между этими полярными точками семантической «прозрачности». Рассмотрим, задействованные в данной области модели в аспекте их частотности (табл. 1).

Количественное распределение способов терминообразования по частеречной принадлежности термина

Термин / Способ	Аббревиация	Сложение	Суффиксация	Префиксация	Префиксально-суффиксальный	Семантическая деривация	Общее количество
Существительное	29	46	289	69	7	80	520
Прилагательное		15	158	15		13	201
Причастие		2	14			2	18
Общее количество	29	63	461	84	7	95	

Данные, представленные в табл. 1, очевидно показывают, что наиболее активно в данной области суффиксальное терминообразование, как и в терминологии нефтяного дела в целом [38. С. 134]. Рассмотрим далее функционирующие здесь словообразовательные типы в порядке убывания их активности.

Суффиксация. Итак, из всех суффиксальных словообразовательных типов, представленных в Русской грамматике [62], в исследуемой терминологии отмечены лишь немногие. Более половины терминологических единиц образованы от глагола (52%), еще 40% – от существительного и только 8% – от прилагательного. В табл. 2 представлены количественные данные о суффиксах, задействованных в процессах

терминообразования. Предваряя дальнейший анализ, хотим также уточнить, что форманты-категоризаторы, обозначающие частеречную семантику, были рассмотрены нами только в этом аспекте: прилагательные и причастия, образованные от различных основ за счет присоединения суффиксов, рассматривались совокупно как содержащие формант с признаковым значением и, соответственно, реализующие фреймовую структуру «признак, обозначенный мотивирующей основой». Основное наше внимание было обращено на единицы, фреймовая структура которых была в большей степени определена словообразовательными типами, поэтому главным образом внимание в данном разделе сосредоточено на образовании терминов-существительных.

Таблица 2

Количественное распределение суффиксальных морфем

ниј-	циј-	к-1	0	иј-	ч-	ор/ер	к-2	тель	ант/ент	чик	ник	ат	ив-	ость	т-
60	36	26	16	5	3	45	15	8	7	3	2	18	10	14	7

Как можно убедиться, данные, представленные выше, показывают, что в рамках терминосистемы существует определенная избирательность в отношении формантов. Значительно чаще других задействован префикс *-ниј/-ениј-*. С его помощью от основы глагола образованы единицы, фреймовая структура которых содержит слот «отвлеченное действие, процесс»: *защелачивание, обезвоживание, окисление, помутнение, сгорание, удаление, фильтрование* и т.п. Частотность данного суффикса зафиксирована во многих терминосистемах, в том числе в юридической и нефтегазовой [8. С. 132–133; 38. С. 134].

Названный выше смысловый признак реализуется также при образовании терминов с помощью суффикса *-циј-*, но значительно реже: *ароматизация, газификация, дистилляция, одорация, перколяция, фильтрация*. Еще реже в процессы терминообразования вовлекается русский суффикс *-к-* с этим же значением (в табл. 2 обозначен как *к-1*): *добавка, обработка, осушка, очистка, перегонка*. С помощью нулевой суффиксации этот слот реализован при образовании 16 терминов: *выход светлых нефтепродуктов, электронный перенос*, что специфично для данной терминосистемы [38]. Единичны термины, образованные от существительного + суффикс *-иј-*: *спектроскопия, хроматография*; глагола + *-ч-*: *подача*. В целом семантический признак «отвлеченное действие, процесс» представлен в исследуемой терминосистеме наиболее последовательно. Стоит при этом обратить внимание на отглагольное происхождение практически всех единиц этой группы, что указывает на тер-

минологизацию действий, процессов и состояний, значимых для исследуемой терминосистемы.

Вторым по значимости семантическим признаком выступает «орудие или предмет, производящее действие». Этот слот наиболее последовательно реализуется за счет форманта *-ор/-ер-*: *абсорбер, барботер, детандер, ингибитор, катализатор, лубрикатор, регенератор, экстрактор* и под. При этом может происходить перестройка морфемной структуры. Например, термин *барботер* образован от термина *барботажа* (от фр. *Barbotage*), где суффикс *-age* также был заимствован и инкорпорирован в структуру русского языка, но не стал продуктивным. Поэтому суффикс *-ер* присоединяется к основе «*барбот*». *Барботер* – аппарат для осуществления процесса барботажа, например, для очистки газа от механических примесей при пропуске его через слой жидкости [57. С. 56]. Несколько менее активен русский суффикс *-к-* (в табл. 2 обозначен как *к-2*) с тем же значением (инструмент, устройство, механизм): *здвижка, заслонка, мешалка, насадка, горелка*. Только восемь терминов образовано с привлечением суффикса *-тель*: *испаритель, питатель, выключатель*, семь терминов – при помощи суффикса *-ант/-ент*: *абсорбент, одорант*, и единично использование суффиксов *-ник*, *-чик*: *отстойник, датчик*.

Третий слот – «объект, возникающий в результате действия» реализуется с помощью суффиксов *-ат*, *-ив(о)*: *абсорбат, дистиллят, комбинат, фильтр, топливо*.

И последний семантический признак, последовательно реализованный во фреймовых структурах за счет суффиксов, – «отвлеченный признак, состояние». Он включается во фреймовую структуру с помощью суффиксов *-ость, -та: сортность, испаряемость, светимость, зольность, теплота*.

Таким образом, мы видим, что к процессам терминологического образования в данной предметной области суффиксальные морфемы привлекаются в разной степени. Анализ показал, что базовыми для исследуемой терминологической системы выступают четыре семантических признака, рассмотренные выше. Их количественное распределение таково:

- «отвлеченное действие, процесс» – 146 терминов (53%);
- «орудие или предмет, производящее действие» – 80 (29%);
- «объект, возникающий в результате действия» – 28 (10%);
- «отвлеченный признак» – 21 (8%).

При этом стоит отметить неравную активность суффиксов, репрезентирующих близкую семантику. В работе А.К. Сулеймановой, рассматривающей суф-

фиксальные модели, представлено иное частотное распределение суффиксов [38. С. 134–135].

Семантическая деривация. Привлечение в область терминологии единиц общенационального языка – один из последовательно реализуемых способов терминологического образования. Исследование целого ряда терминологических систем русского языка показало обязательное наличие метафорического фрагмента. Не стала исключением и изучаемая предметная область. Привлечение уже готовой единицы, представляющей известную фреймовую структуру, превышает гносеологическую доступность терминологической номинации, хотя и нарушает требование «однозначности» термина. В данном случае нельзя говорить о формантах, вносящих определенные семантические компоненты, так как вся единица может рассматриваться в качестве такого форманта. При этом ее исходная фреймовая структура (исходное значение) является «организатором» терминологического значения, выступая «донором» [49] значимых для номинации семантических компонентов. Анализ позволил выявить следующее распределение понятийных областей, послуживших донорами при терминологическом образовании (рис. 3).

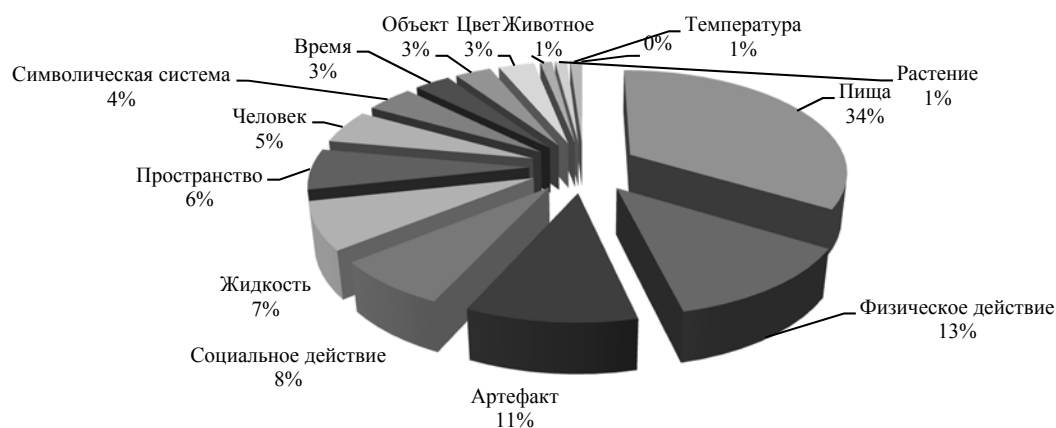

Рис. 3. Количественное распределение исходных понятийных областей в процессах метафорического терминологического образования

Данные, полученные на нашем материале, показывают иное распределение, нежели в работах [15, 38], посвященных терминологии, связанной с добычей нефти и газа. Наиболее часто в процессы терминологического образования предметной области «Нефтегазопереработка» привлекаются фреймовые структуры, связанные с пищей. Речь здесь идет по преимуществу о продуктах питания: *масло, соль, молоко* и под. Вместе с тем привлекается и номинация вкусовых признаков: *кислый*.

Рассмотрим в качестве примера термин *компрессорное масло*. Он обозначает химическое вещество, «применяемое для узлов и механизмов поршневых и роторных компрессоров, турбокомпрессорных машин и холодильных компрессоров» [57. С. 15]. Словарь [63] дает следующее толкование слова «масло»: «Жировое вещество, получаемое из молока домашних животных, из семян, цветов или плодов некоторых растений и из веществ минерального происхождения». Для уточнения «наивного» значения этого слова мы обратились к Русскому ассоциативному словарю [64] и выяснили, что первой и наиболее частотной выдачей на запрос «масло» стала ассоциация «сливочное»,

что свидетельствует о первичности фреймовой структуры «продукт питания» в языковом сознании носителей русского языка. Поэтому термин, содержащий лексему *масло*, может быть проинтерпретирован как метафорический. Отметим при этом, что фреймовые структуры терминов данной группы никогда не сохраняют слоты, связанные с питанием и указанием на вкусовые качества, актуализируются только свойства вещества.

Второй по значимости стала область «Физические действия», на основе фреймовых структур этого типа образуются по преимуществу термины, номинирующие процессы и оборудование: *перегонка, каплеотбойник, электронный удар, гашение первичных продуктов* и т.п. В этом случае, как правило, актуализируются слоты, связанные с результатом действия, сами параметры действия не вовлекаются в формирование нового значения. Фреймовые структуры, связанные с представлениями об артефактах, занимают только третье по частотности место. Типы фреймовых структур в этом случае соответствуют зафиксированным ранее: *поглощательная колонна, сушилка*,

нефтеловушка, рубашка реактора, рукав, котел-утилизатор, тарелка и под. Активация слота «результат действия» прослеживается и при формировании терминологического значения на основе фермовых структур, связанных с социальными действиями (четвертая по частотности модель). Самое частотное действие в данном случае – «обмен» и «передача»: теплообмен, массоотдача, датчик. Значимыми в аспекте частотности привлечения можно назвать и фреймовые структуры, связанные с представлениями о жидких веществах. Уточним, что, как привило, они привлекаются для формирования терминов, связанных с движением газа (*проточный реактор*), а также способами обработки (*сушка*). Области «пространство» и «человек» привлекаются реже и это, как правило, фреймовые структуры, представляющие границы пространства, положение, способы его изменения, социальные роли. Другие области, представленные на рис. 3, привлекаются для создания единичных терминов, поэтому здесь мы не останавливаемся на их подробном анализе.

Кроме заимствований из национального языка в исследуемой терминосистеме обнаруживаются единицы, привлеченные из других научных областей. Межсистемные заимствования предполагают переход из одной терминосистемы в другую, формирование полисемичного термина, такие заимствования также могут быть рассмотрены как метафорическая деривация. Рассмотрим подробнее процесс транстерминологизации на примере термина *орошение*, заимствованного из сферы «Сельское хозяйство». Согласно экологическому энциклопедическому словарю, «орошение» – это ирригация, подвод воды на поля, испытывающие недостаток влаги, с целью улучшения водно-

го режима растений. Орошение улучшает тепловой режим почвы и стимулирует происходящие в ней микробиологические процессы [65]. В исследуемой сфере *орошение неиспаряющееся* – «технологический поток ректификационной или абсорбционной колонны, предназначенный для отвода тепла в верхней части колонных аппаратов и создания нисходящего потока жидкости. Предпочтительно отбирается на 2–3 тарелки ниже вывода ректификата и после охлаждения в теплообменниках и (или) холодильниках принудительно насосом возвращается на верхнюю тарелку колонны. Тарелки, на которых организовано неиспаряющееся орошение, работают как теплообменники смешения» [57. С. 46]. Обе единицы указывают на добавление дополнительного количества жидкости, но в термине *орошение неиспаряющееся* оно не является основным, а необходимо для установления оптимальной температуры, базовым слотом является «температурный баланс», а не «наличие жидкости». Очевидно, что в данном случае происходит перестройка фреймовой структуры.

Таким образом, подводя итоги, можно говорить о том, что в процессы семантической деривации терминов этой области вовлечены фреймовые структуры, хорошо известные носителям языка, что значительно повышает их гносеологическую «прозрачность».

Префиксация. В исследуемой нами области также можно отметить избирательность использования префиксальных словообразовательных типов, хотя, в целом, образование терминов с использованием префиксации – гораздо менее активный процесс. В табл. 3 представлено количественное распределение префиксов, задействованных при терминообразовании в исследуемой терминосистеме.

Таблица 3

Количественное распределение префиксов

де-	гидро-	полу-	трет-	би-	не-	анти-	био-	ди-	гетеро-	моно-	поли-	псевдо-	ре-	сверх-	три-
14	11	5	3	2	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Представленное распределение отличается от описанного в работе [38. С. 134]. Наибольшее количество терминов образовано на базе заимствованных латинских приставок. Латинский префикс *де-* означает уничтожение, удаление, отсутствие [66], именно это значение последовательно реализуется в модели «префикс *де-* + существительное», которая называет процесс, противоположный тому, который назван мотивирующим словом, например *десульфуризация*, *деэмульгатор*, *дебутанизатор*. Например, *деэмульгатор* – вещество, добавляемое к эмульсии для ее разрушения. В нефтегазопереработке – поверхностно-активное вещество (ПАВ), способное адсорбироваться на поверхности глобул воды в нефти и маслах, разрушая при этом защитные пленки, препятствующие слианию и осаждению частиц воды [57. С. 12].

Второй по частности префикс *гидро-* в безударной позиции при добавлении к разным частям речи образует слова со значением «имеющий отношение к водороду» [67], например *гидроконверсия*, *гидродесульфуризация*, *гидрообессеривание*. Русский префикс

полу- задействован еще реже, только при образовании пяти терминов: *полугудрон*, *полумазут*, *полупродукт*. Практически единичны термины, образованные с помощью приставок:

трет-: образован от латинского числительного и в химической номенклатуре используется для обозначения конфигурации радикала, например *трет-бутил* означает атом углерода третичный, т.е. соединенный с тремя атомами углерода;

би-: латинский префикс в химической номенклатуре указывает на два идентичных кольца, связанных ординарной или двойной связью: термин *биароматические сернистые соединения* указывает на принадлежность к классу веществ с двойной связью в структуре;

ни-: русский префикс с значением «отсутствие признака, названного мотивирующим» ср. *предельный газ* – углеводородный газ, содержащий в своем составе преимущественно насыщенные парафиновые углеводороды (природный газ, газ установок первичной перегонки нефти и газового конденсата и гидрогени-

зационных процессов переработки нефтяных и газоконденсатных фракций) [57. С. 22]; *непредельный газ* – углеводородный газ, содержащий в своем составе ненасыщенные углеводороды и полученный из нефтяного и газоконденсатного сырья при его переработке вторичными методами (крекинг, коксование и др.) [57. С. 17];

анти-: имеет значение «нечто противоположное или противодействующее тому, что названо мотивирующим»: *антидетонатор* – приспособление, по своим свойствам противоположное *детонатору*;

био-: греческая приставка со значением «жизнь», «жизненные процессы». Например, в семантике термина *биодесульфуризация* приставка *био-* указывает на аэробные и анаэробные бактерии, используемые в процессах трансформаций органических соединений серы;

ди-: греческий префикс, который в химической номенклатуре используется для указания числа незамещённых радикалов или соединений, например *диэтиламин*, *дисульфид* и под.

В целом анализ семантики выявленных префиксов подтвердил их функцию как ориентира при осмыслении общей семантики термина. Большое количество заимствованных морфем обусловлено особенностями формирования химической номенклатуры.

Сложение. Образование терминов способом сложения, в отличие от данных, представленных в [38. С. 135], – четвертый по частотности способ. Полагаем, что, в целом, рассматривая сложение в когнитивном аспекте, можно говорить о соединении двух фреймовых структур, репрезентируемых терминологическими номинациями. В данном случае, возможно, происходит та же операция комбинирования единого концептуального образования, что и в случае с терминологическим словосочетанием. Например: *Вязкостно-температурный*: *вязкостный* и *температурный* – термин формируется на основе двух других единиц *вязкостные свойства материалов* и *температурные свойства материалов*: компоненты термина находятся в отношениях сочинения. Двухкомпонентный термин *вязкостно-температурные свойства* обозначает показатели вязкости (кинематической, динамической, условной и др.) при различных температурах и указывает на зависимость показателя вязкости от разных значений температуры [57. С. 10]. Анализ терминов, образованных этим способом, позволил выявить некоторые словообразовательные типы, связанные с регулярным привлечением некоторых основ, назовем их по мере убывания частотности: *нефте-* (7), *газо-* (6), *тепло-* (5), *водо-* (3). Соответственно, можно сделать вывод о том, что эти фреймовые структуры наиболее актуальны в данной предметной области, так как представляют вещества, значимые для профессиональной деятельности. Вторая часть термина, образованного таким способом, очень часто представляет собой название какого-либо действия, процесса, устройства или вещества: *водоочистка*, *газосепаратор*, *массопередача*, *нефтеловушка*, *теплообмен*, *темпора*. В данном случае частотность исконных, или хорошо освоенных, компонентов создает условия повышения эпистемического доступа и делает термин гносеологически «прозрачным».

Префиксально-суффиксальный способ. Префиксально-суффиксальным способом образовано всего семь терминов: *демеркаптанализация*, *демеркаптанализация* (входит в состав термина *установка демеркаптанализации*), *зауглероживание*, *наводороживание*, *обезмасливание*, *обессеривание*, *отбензинивание*. Значение суффиксов, участвующих в формировании семантики, рассматривалось выше, поэтому обратимся к префиксам, которые не были рассмотрены:

– префикс *за-* образует лексемы со значением «покрыть(-ся), закрыть(-ся) чем-л. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» [62]. В существительных со значением процесса (действия или состояния), не имеющих мотивирующего глагола, выделяется суффикс *-ивани-*. Значение таких слов – «действие или состояние, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим существительным»;

– префикс *на-* имеет значение «накопить(ся) в определенном количестве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» [62], например *наводороживание* от *наводородить*;

– сложная приставка *обез-* служит для образования производных от глаголов существительных в значении «лишить чего-нибудь, освободить от чего-нибудь» [62]: *обессеривание*;

– префикс *от-* означает «нечто, отделившееся от предмета, названного мотивирующим словом, порожденное им» [62], например *отбензинивание*.

В целом можно говорить о преобладании русских формантов, что свидетельствует о значительной гносеологической прозрачности.

Заключение

Проведенный анализ позволил сделать некоторые выводы о семантической организации значения терминов предметной области «Нефтегазопереработка» в аспекте их гносеологической «прозрачности».

1. Структурно-грамматическая специфика терминов исследуемой терминосистемы, а именно:

а) преобладание одно- и двухкомпонентных терминов, образованных по русским синтаксическим моделям;

б) обязательное включение в многокомпонентный термин русскоязычной единицы или единицы, образованной на базе международных элементов по модели русского языка, свидетельствует о последовательной реализации принципа гносеологической «прозрачности» при образовании терминов данной предметной области.

2. Частеречная семантика имени существительного является базовой в исследуемой терминосистеме.

3. Анализ способов терминообразования показал, что все привлекаемые способы характерны для национального языка в целом, что отмечается всеми исследователями. Различные способы обладают разным потенциалом в аспекте создания эпистемического доступа: наименьшим потенциалом обладают прямые заимствования и аббревиатуры. Наибольшим – семантические дериваты, обладающие максимально «прозрачной» внутренней формой.

4. Семантические дериваты «организуют» семантику термина за счет значимых для терминосистемы общих знаний о других понятийных областях. Значимыми оказываются знания о продуктах питания (свойства вещества), физических действиях (результат действия), артефактах (структура и функция), базовых социальных действиях. За счет полисемии терминов привлекаются фреймовые структуры других научных областей. При этом данные настоящего исследования подтверждают полученные ранние результаты о том, что в процессы семантической деривации терминов этой области вовлечены фреймовые структуры, хорошо известные носителям языка, что значительно повышает их гносеологическую «прозрачность».

5. Несмотря на меньшую «прозрачность» внутренней формы терминов, образованных другими способами, можно говорить об ориентирующей функции аффиксов, вовлеченных в процессы терминообразования. В рамках терминосистемы «Нефтегазопереработка» существует определенная избирательность в отношении формантов.

6. Большая часть терминов образована суффиксальным способом, при этом можно говорить о значительной активности именно русских либо хорошо адаптированных русским языком суффиксальных морфемах. Можно говорить о категорирующей роли целых групп суффиксов в семантической организации терминосистемы: «отвлеченное действие, процесс»,

«орудие или предмет, производящее действие», «объект, возникающий в результате действия», «отвлеченный признак, состояние». При этом стоит отметить неравную активность суффиксов, репрезентирующих близкую семантику.

7. В исследуемой нами области можно отметить также избирательность использования префиксальных словообразовательных типов, хотя, в целом, образование терминов с использованием префиксации – гораздо менее активный процесс. Наибольшее количество терминов образовано на базе заимствованных латинских и греческих приставок. В этом смысле единицы, образованные по выявленным моделям, значительно менее семантически доступны для наивных носителей языка, но вполне «прозрачны» для профессионалов. Большое количество заимствованных морфем обусловлено особенностями формирования химической номенклатуры.

8. При этом данная тенденция не характерна для единиц, образованных префиксально-суффиксальным способом, в данном случае значительно чаще привлекаются русские форманты. В целом данный способ терминообразования используется не часто.

9. Рассматривая с точки зрения гносеологической доступности такой способ терминообразования, как сложение, можно отметить, что, вероятно, происходит та же операция комбинирования фреймовых структур в единую концептуальную структуру, что и в случае с терминологическим словосочетанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М. : Флинта-наука, 2011.
2. Лотте Д.С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов. М.; Л., 1941.
3. Блинова О.И. Термин и его мотивированность // Терминология и культура речи. М. : Наука, 1981. С. 28–37.
4. Коготкова Т.С. Национальные истоки русской терминологии. М. : Наука, 1991. 120 с.
5. Алексеева Л.М. Мотивированность как атрибут термина // Терминоведение. 1997. Вып. 1–3. С. 19–27.
6. Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. 250 с.
7. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2004. 330 с.
8. Хижняк С.П. Когнитивная проблематика в общей теории термина. Саратов : ИЦ «Наука», 2016. 172 с.
9. Володина М.В. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 345 с.
10. Новодранова В.Ф. Когнитивный подход к изучению терминологии // Терминоведение. 1997. № 13.
11. Boyd R. Metaphor and Theory Change: What is “Metaphor” a Metaphor for? // Metaphor and Thought. Cambridge : University Press, 1993. P. 481–533.
12. Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск : Наука, 1985. С. 196–200.
13. Мишланова С.Л. Когнитивный аспект метафоризации в медицинском дискурсе // Научно-техническая терминология. М., 2003. Вып. 1. С. 35–45.
14. Исаева Е.В., Мишланова С.Л. Метафорическое моделирование разных типов знания в дискурсе компьютерной безопасности. Пермь, 2014. 171 с.: ил.
15. Mishankina N.A., Deeva A.I. Lingvocognitive Specificity of Metaphorical Modeling in Russian Oil and Gas Terminology // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 215. P. 293–300.
16. Дудецкая С.Г. Метафоризация как способ терминообразования (на материале английской терминологии черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 23 с.
17. Бородулина Н.Ю. Метафорические модели языковой репрезентации экономических понятий: на материале русского и французского языков : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002. 219 с.
18. Галкина О.В. Метафора как инструмент познания. На материале терминов-метафор компьютерного интерфейса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 18 с.
19. Панасенко Е.А. Метафорическое моделирование понятия «технология» в научном дискурсе (на материале текстов в сфере ИТ, био- и нанотехнологий) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2016.
20. Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.
21. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в педагогическом дискурсе: современные зарубежные исследования // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 21 (1). С. 69–75.
22. Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование психики человека на основе представления о весе объекта (на материале дискурса социальной психологии) // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология. Языкознание № 3.2. Самара, 2016. С. 289–294.
23. Мишанкина Н.А., Панасенко Е.А., Рахимова А.Р., Рожнева Ж.А. Русские терминосистемы в аспекте семантической избирательности (на материале метафорических фрагментов естественных, технических и гуманитарных терминосистем) / под ред. Н.А. Мишанкиной. М. : Флинта, 2018. 272 с.
24. Шабалина А.Н. Пропозиционально-фреймовая семантика гнезд однокоренных слов торговой сферы // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 146–156.

25. Вековищева С.Н., Приорова Е.М., Савченко Е.П., Романов В.М. Фреймовое моделирование терминологии безопасности жизнедеятельности в английском и русском языках // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Vol. 8, is. 1. С. 206–218.
26. Краевская И.О. Гносеологическая прозрачность термина: ориентирующая функция семантики префикса // Молодая филология – 2019 (по материалам исследований молодых ученых) : межвуз. сб. науч. тр.: в 2 ч. / под ред. Т.И. Стековой. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019. Ч. 1. С. 110–117.
27. Сулейманова А.К. Тематико-терминологический словарь сочетаний. Бурение нефтяных и газовых скважин. Уфа : Уфимский государственный нефтяной технический университет, 1999. 221 с.
28. Думитру Е.Ш. О формировании словника учебного терминологического словаря нефтедобычи. Материалы Международного научно-методического семинара, посвященного 20-летию Румынской ассоциации преподавателей русского языка и литературы 30.09.2010–04.10.2010, Бухарест, 2010. С. 372–377.
29. Сулейманова А.К. Семантическая деривация в терминологии нефтяного дела // Нефтегазовое дело. 2004. Т. 2. С. 247–255.
30. Милуд М.Р. Структурно-семантический анализ лексики нефтегазовой промышленности. Саарбрюккен, Германия : Изд-во Lap Lambert Academic Publishing, 2015. 141 с.
31. Думитру Е.Ш. Структурно-семантический анализ русской терминологии нефтедобычи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.
32. Думитру Е.Ш., Думитру Э. Тематические группы общепотребительной лексики, участвующие в образовании терминов нефтедобычи и геоморфологии в русском языке // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2008. Вып. 1 (9). С. 117–123.
33. Милуд М.Р., Гезайли Н. Лексико-семантический способ образования русских терминов нефтегазовой промышленности // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2017. Вып. 1 (33). С. 171–180.
34. Панкратова Е.А. Сравнительно-сопоставительный анализ развития терминологии «нефть и нефтепродукты» в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 27 с.
35. Сулейманова А.К. Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста : автореф. дис. д-ра филол. наук. Уфа, 2006. 47 с.
36. Смагулова А.С. Специфика терминологического поля в области нефти и газа (на материале английского и казахского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2010. 26 с.
37. Юнусова И.Р. Семантическая диффузия в английском и русском технических терминах на материале нефтегазовой терминологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 21 с.
38. Сулейманова А.К. Особенности терминологического словообразования (на материале терминов нефтяного дела) // Актуальные проблемы современного словообразования : материалы междунар. науч. конф. / под общ. ред. Л.А. Араевой. Кемерово : Изд-во: Кемеровский государственный университет, 2009. С. 133–139.
39. Калинина С.В. Структурные и словообразовательные особенности терминов нефтяной сферы // Перевод. Язык. Культура: мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.Л. Гарбар. СПб. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2019. С. 119–129.
40. Minsky M.A framework for representing knowledge // Frame conceptions and text understanding. Boston ; New York : Gruyter, 1980. P. 1–25.
41. Fillmore Ch. Frame semantics // Linguistics in the morning calm / The Linguistic Society of Korea. Seoul : Hanshin, 1982. P. 111–137.
42. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
43. Кубрякова Е.С. О когнитивных основаниях словообразования // Актуальные проблемы современного словообразования : материалы междунар. науч. конф. / под общ. ред. Л.А. Араевой. Кемерово, 2009. С. 15–19.
44. Нагель О.В. Идеи американской когнитивной лингвистики в описании русского словообразования // Американские исследования в Сибири : материалы Всерос. науч. конф. выпускников Программы Фулбрайта «Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири» / ред. М.Я. Пелипась, Т.Л. Рыбальченко. Томск, 2005. С. 205–209.
45. Осадчий М.А. Однокоренная лексика русских народных говоров: Фреймовая структура гнезда. М. : Либроком, 2009. 304 с.
46. Абросимова Л.С. Истоки и основные принципы когнитивной дериватологии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 7–13.
47. Абросимова Л.С. Отражение базовых концептуальных единиц в аффиксальной деривации: общекатегориальные семы форманта –hood // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 9 (111). С. 106–110.
48. Евсеева И.В. Фреймовая организация комплексных единиц словообразовательной системы // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Т. 4, № 16. С. 167–176.
49. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
50. Fauconnier G. Blending as a central process of Grammar // In Conceptual Structure, Discourse, and Language. California, 1996. P. 113–131.
51. Fauconnier G., Turner M. Principles of Conceptual Integration // Discourse and Cognition: Bridging the Gap. California, 1998. P. 269–287.
52. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York, 2002.
53. Лопатина Т.Ю. Композиционная семантика конструкций N + N как результат интеграции ментальных пространств // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4, № 2. С. 170–176.
54. Черников К.А. Словарь по геологии нефти и газа. Л. : Недра, 1988. 679 с.
55. Булатов А.И. Англо-русский словарь по нефти и газу. М. : Руссо, 2002. 400 с.
56. Кедринский В.В. Англо-русский словарь по химии и переработке нефти. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1979. 768 с.
57. Тараканов Г.В. Основные термины в нефтегазопереработке. Краткий справочник : учеб. пособие. Астрахань : Изд-во АГТУ, 2011. 100 с.
58. Кривцов Е.Б. Превращения сернистых соединений и ароматических углеводородов дизельных фракций нефтей в процессах окислительного обессеривания : автореф. дис. ... канд. хим. наук. Томск, 2011. 23 с.
59. Багдасаров Л.Н. Популярная нефтепереработка / авторский коллектив РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина под руководством канд. техн. наук. Л.Н. Багдасарова. Тверь : ЦСП «Платформа», 2017. 112 с.
60. Фейгин В.И., Брагинский О.Б., Заболотский С.А., Кукушкин И.Г., Маевский А.В., Масленников Н.И., Рыков Ю.Г. Исследование состояния и перспектив направлений переработки нефти и газа, нефте- и газохимии в РФ. М. : Экон-Информ, 2011. 808 с.
61. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: терминологическая деятельность. 2-е изд., стереотип. М. : Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
62. Русская грамматика : в 2 т. / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М. : Наука, 1982. Т. 1. 789 с.
63. Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
64. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I: От стимула к реакции: Ок. 7 000 стимулов. М. : АСТ-Астрель, 2002. 784 с. URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 22.03.2020).
65. Дедю И.И. Экологический энциклопедический словарь. Кишинев : Гл. ред. Молдавской советской энциклопедии, 1989. 406 с. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ecolog/ОРОШЕНИЕ> (дата обращения: 22.03.2020).
66. Леенсон И.А. Язык химии. Этимология химических названий. М. : Corpus, 2016. 464 с.
67. Кан Р., Дермер О. Введение в химическую номенклатуру: пер. с англ. / под ред. В.М. Потапова, Р.А. Лидина. М. : Химия, 1983. 224 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 июня 2020 г.

Term Formation in the Aspect of Epistemological Transparency (Based on the “Oil and Gas Processing” Russian Term System)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 36–49.

DOI: 10.17223/15617793/456/4

Irina O. Kraevskaia, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kr.sobaka@gmail.com

Natalia A. Mishankina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mna@tpu.ru

Keywords: cognitive terminology studies; terminology; term system; term formation; epistemological “transparency”; frame structure.

The article focuses on identifying and describing the semantic structures involved in the formation of oil and gas industry terms in the aspect of their epistemological “transparency”. The theoretical and methodological basis is the frames theory, cognitive terminology, cognitive word formation, conceptual frame analysis involving the principles of structuring and reflection of a certain part of human experience and knowledge in the meanings of linguistic units, and also involving ways to activate general knowledge that provides understanding in the language communication. The methods used in the study were: definition analysis to determine the terminological meaning; structural analysis to describe the syntactic structure of the term; derivational analysis to determine how the term is formed; modeling the frame structure of the term; comparative analysis of frame structures and determination of the type of relationship; quantitative data processing to determine dominant structures. In this study, the semantics of the formant was considered as a frame structure entering the general semantics of the term as a slot and modeling a certain categorical attribute. The research material was 611 terms of the “Oil and Gas Processing” Russian term system. The study has revealed that the terms that form the term system, despite the significant number of borrowings, meet the requirement of epistemological “transparency” due to (1) the predominance of one- and two-component terms formed according to Russian syntactic models; (2) the basic nature of the part-of-speech semantics of a noun for the studied term system; (3) the mandatory inclusion of a Russian-language unit or a unit formed based on international elements into a multi-component term according to the Russian language model; (4) a significant number of semantic derivatives based on the vocabulary of the national language that form the semantics of the term based on frame structures well known to native speakers; (5) the orienting function of affixes involved in term formation, namely, the significant activity of Russian affixes or of international elements well adapted by Russian; (6) the categorizing role of affixes in the semantic organization of the term system. Thus, within the framework of the term system under study, there is a consistent epistemological “adaptation” of borrowed elements to enhance their semantic accessibility.

REFERENCES

1. Golovanova, E.I. (2011) *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction to Cognitive Terminology]. Moscow: Flinta-nauka.
2. Lotte, D.S. (1941) *Nekotorye printsipial'nye voprosy otbora i postroeniya nauchno-tekhnicheskikh terminov* [Some Fundamental Questions of the Selection and Construction of Scientific and Technical Terms]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
3. Blinova, O.I. (1981) Termin i ego motivirovannost' [The term and its motivation]. In: Kogotkova, T.S. & Skvortsov, L.I. (eds) *Terminologiya i kul'tura rechi* [Terminology and Speech Culture]. Moscow: Nauka. pp. 28–37.
4. Kogotkova, T.S. (1991) *Natsional'nye istoki russkoy terminologii* [National Origins of Russian Terminology]. Moscow: Nauka.
5. Alekseeva, L.M. (1997) Motivirovannost' kak atribut termina [Motivation as an Attribute of the Term]. *Terminovedenie*. 1–3. pp. 19–27.
6. Alekseeva, L.M. (1998) *Termin i metafora* [Term and Metaphor]. Perm: Perm State University.
7. Golovanova, E.I. (2004) *Kategoriya professional'nogo deyatelya: Formirovaniye. Razvitiye. Status v yazyke* [Professional worker category: Formation. Development. Language status]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
8. Khizhnyak, S.P. (2016) *Kognitivnaya problematika v obshchey teorii termina* [Cognitive Problems in the General Theory of the Term]. Saratov: ITS “Nauka”.
9. Volodina, M.V. (1998) *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina i terminologicheskaya nominatsiya* [Cognitive-informational nature of the term, and terminological nomination]. Philology Dr. Diss. Moscow.
10. Novodranova, V.F. (1997) Kognitivnyy podkhod k izucheniyu terminologii [Cognitive approach to the study of terminology]. *Terminovedenie*. 1–3. pp. 13–14.
9. Boyd, R. (1993) Metaphor and Theory Change: What is “Metaphor” a Metaphor for? In: Ortony, A. *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 481–533.
10. Petrov, V.V. (1985) Nauchnye metafory: priroda i mekhanizm funktsionirovaniya [Scientific metaphors: nature and mechanism of functioning]. In: Tselishchev, V.V. & Karpovich, V.N. (eds) *Filosofskie osnovaniya nauchnoy teorii* [Philosophical Foundations of Scientific Theory]. Novosibirsk: Nauka. pp. 196–200.
13. Mishlanova, S.L. (2003) Kognitivnyy aspekt metaforizatsii v meditsinskom diskurse [The cognitive aspect of metaphorization in medical discourse]. *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya*. 1. pp. 35–45.
14. Isaeva, E.V. & Mishlanova, S.L. (2014) *Metaforicheskoe modelirovaniye raznykh tipov znaniya v diskurse komp'yuternoy bezopasnosti* [Metaphorical Modelling of Different Types of Knowledge in Computer Security Discourse]. Perm: Perm State University.
15. Mishankina, N.A. & Deeva, A.I. (2015) Lingvocognitive Specificity of Metaphorical Modeling in Russian Oil and Gas Terminology. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 293–300. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.637
16. Dudetskaya, S.G. (2007) *Metaforizatsiya kak sposob terminoobrazovaniya (na materiale angliyskoy terminologii cherepno-chelyustno-litsevoy khirurgii i stomatologii)* [Metaphorization as a method of terminology (based on the English terminology of cranio-maxillofacial surgery and dentistry)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Samara.
17. Borodulina, N.Yu. (2002) *Metaforicheskie modeli yazykovoy reprezentatsii ekonomicheskikh ponyatiy: na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov* [Metaphorical models of linguistic representation of economic concepts: on the material of Russian and French languages]. Philology Cand. Diss. Tambov.
18. Galkina, O.V. (2004) *Metafora kak instrument poznaniya. Na materiale terminov-metafor komp'yuternogo interfeysa* [Metaphor as a tool of cognition. Based on the terms-metaphors of the computer interface]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
19. Panasenko, E.A. (2016) *Metaforicheskoe modelirovaniye ponyatiya “tekhnologiya” v nauchnom diskurse (na materiale tekstov v sfere IT, bio- i nanotekhnologii)* [Metaphorical modeling of the concept of “technology” in scientific discourse (based on texts in the field of IT, bio- and nanotechnology)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
20. Rezanova, Z.I. (2007) Metaphor in a linguistic text: Types of functioning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1. pp. 18–29. (In Russian).

21. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2007) Metaphor in discourse of pedagogics & education: modern study abroad. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 21 (1). pp. 69–75. (In Russian).
22. Rakhimova, A.R. (2016) Metaphorical modeling of human psyche based on concepts of object weight (based on the discourse of social psychology). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya. Pedagogika. Filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 3.2. pp. 289–294. (In Russian).
23. Mishankina, N.A. (ed.) (2018) *Russkie terminosistemy v aspekte semanticheskoy izbiratel'nosti (na materiale metaforicheskikh fragmentov estestvennykh, tekhnicheskikh i gumanitarnykh terminosistem)* [Russian terminological systems in the aspect of semantic selectivity (based on metaphorical fragments of natural, technical and humanitarian terminological systems)]. Moscow: Flinta.
24. Shabalina, A.N. (2010) Frame-propositional semantics of a family of cognate words. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 146–156. (In Russian).
25. Vekovishcheva, S.N. et al. (2017) Frame analysis of safety terminology in English and Russian languages. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies Semiotics and Semantics*. 1 (8). pp. 206–218. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-206-218
26. Kraevskaya, I.O. (2019) Gnoseologicheskaya prozrachnost' termina: orientiruyushchaya funktsiya semantiki prefiksa [Epistemological transparency of the term: the orienting function of the prefix semantics]. In: Steksova, T.I. (ed.) *Molodaya filologiya – 2019* [Young Philology – 2019]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. Pt. 1. pp. 110–117.
27. Suleymanova, A.K. (1999) *Tematiko-terminologicheskii slovar' sochetaniy. Burenie neftyanykh i gazovykh skvazhin* [Thematic and Terminological Dictionary of Collocations. Drilling of oil and gas wells]. Ufa: Ufa State Petroleum Technological University.
28. Dumitru, E.Sh. (2010) [About the formation of the vocabulary of the educational terminological dictionary of oil production]. *Russkiy yazyk i kul'tura: teoriya i praktika prepodavaniya v shkole i v vuze* [Russian Language and Culture: Theory and practice of teaching in schools and universities]. Proceedings of the International Seminar dedicated to the 20th anniversary of Romanian Association of Russian Language and Literature Teachers. Bucharest. 30 September – 04 October 2010. Bucharest: [s.n.]. pp. 372–377. (In Russian).
29. Suleymanova, A.K. (2004) Semanticheskaya derivatsiya v terminologii neftyanogo dela [Semantic Derivation in the Terminology of the Oil Business]. *Neftegazovoe delo*. 2. pp. 247–255.
30. Milud, M.R. (2015) *Strukturno-semanticheskii analiz leksiki neftegazovoy promyshlennosti* [Structural and Semantic Analysis of the Vocabulary of the Oil and Gas Industry]. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing.
31. Dumitru, E.Sh. (2009) *Strukturno-semanticheskii analiz russkoy terminologii neftedobychi* [Structural and semantic analysis of Russian terminology of oil production]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
32. Dumitru, E.Sh. & Dumitru, E. (2008) Tematicheskie gruppy obshchepotrebitel'noy leksiki, uchastvuyushchie v obrazovanii terminov neftedobychi i geomorfologii v russkom yazyke [Thematic groups of common vocabulary involved in the formation of terms of oil production and geomorphology in Russian]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. 1 (9). pp. 117–123.
33. Milud, M.R. & Gezayli, N. (2017) Lexical-semantic method of formation of Russian terms in oil and gas industry. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. 1 (33). pp. 171–180. (In Russian).
34. Pankratova, E.A. (2005) *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz razvitiya terminologii "neft' i nefteprodukty" v angliyskom i russkom yazykakh* [Comparative analysis of the development of the terminology "oil and oil products" in English and Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
35. Suleymanova, A.K. (2006) *Terminosistema neftyanogo dela i ee funkcionirovanie v professional'nom diskurse spetsialista* [The terminology system of the oil business and its functioning in the professional discourse of a specialist]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.
36. Smagulova, A.S. (2010) *Spetsifika terminologicheskogo polya v oblasti nefiti i gaza (na materiale angliyskogo i kazakhskogo yazykov)* [Specificity of the terminological field in the sphere of oil and gas (based on the material of the English and Kazakh languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Almaty.
37. Yunusova, I.R. (2010) *Semanticheskaya diffuziya v angliyskom i russkom tekhnicheskikh terminakh na materiale neftegazovoy terminologii* [Semantic diffusion in English and Russian technical terms based on oil and gas terminology]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.
38. Suleymanova, A.K. (2009) [Features of terminological word formation (based on the terms of oil engineering)]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya* [Actual Problems of Modern Word Formation]. Proceedings of the International Conference. Kemerovo. 01–03 July 2009. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 133–139. (In Russian).
39. Kalinina, S.V. (2019) [Structural and derivational features of the petroleum industry terms]. *Perevod. Yazyk. Kul'tura* [Translation. Language. Culture]. Proceedings of the X International Conference. Saint Petersburg. 24–25 May 2019. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 119–129. (In Russian).
40. Minsky, M.A. (1980) Framework for representing knowledge. In: Metzger, D. (ed.) *Frame Conceptions and Text Understanding*. Boston; New York: Gruyter. pp. 1–25.
41. Fillmore, Ch. (1982) Frame semantics In: *Linguistics in the Morning Calm*. Seoul: Hanshin. pp. 111–137.
42. Kubryakova, E.S. (1997) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Lomonosov Moscow State University.
43. Kubryakova, E.S. (2009) [On the cognitive foundations of word formation]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya* [Actual Problems of Modern Word Formation]. Proceedings of the International Conference. Kemerovo. 01–03 July 2009. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 15–19. (In Russian).
44. Nagel', O.V. (2005) [American Cognitive Linguistics Framework in the Description of Russian Derivational System]. *Amerikanskii issledovaniya v Sibiri* [American Studies in Siberia]. Proceedings of the All-Russian Conference. 8. Tomsk. 12–14 October 2004. pp. 205–209. (In Russian).
45. Osadchii, M.A. (2009) *Odnokorennaya leksika russkikh narodnykh govorov: Freymovaya struktura gnezda* [Single-root Vocabulary of Russian Folk Dialects: Frame structure of the family of words]. Moscow: Librokom.
46. Abrosimova, L.S. (2011) Origins and main principles of cognitive derivatology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 351. pp. 7–13. (In Russian).
47. Abrosimova, L.S. (2011) Reflection of base conceptual units in affixal derivation: general-categorical semes of formant -hood. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 9 (111). pp. 106–110. (In Russian).
48. Evseeva, I.V. (2012) The frame organization of word-formation system's complex units. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 16 (4). pp. 167–176. (In Russian).
49. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
50. Fauconnier, G. (1996) Blending as a central process of Grammar. In: Goldberg, A.E. (ed.) *Conceptual Structure, Discourse, and Language*. Stanford, CA: Center for the Study of Language and Information. pp. 113–131.
51. Fauconnier, G. & Turner, M. (1998) Principles of Conceptual Integration. In: Koenig, J.-P. (ed.) *Discourse and Cognition: Bridging the Gap*. Stanford, CA: Center for the Study of Language and Information. pp. 269–287.
52. Fauconnier, G. & Turner, M. (2002) *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books.

53. Lopatina, T.Yu. (2006) Kompozitsionnaya semantika konstruksiy N + N kak rezul'tat integratsii mental'nykh prostranstv [Compositional semantics of N + N constructions as a result of the integration of mental spaces]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2 (4). pp. 170–176.
54. Chernikov, K.A. (1988) *Slovar' po geologii nefii i gazu* [Dictionary of the Geology of Oil and Gas]. Leningrad: Nedra.
55. Bulatov, A.I. (2002) *Anglo-russkiy slovar' po nefii i gazu* [The English-Russian Dictionary of Oil and Gas]. Moscow: Russo.
56. Kedrinskiy, V.V. (1979) *Anglo-russkiy slovar' po khimii i pererabotke nefii* [The English-Russian Dictionary of Oil Chemistry and Refining]. 3d ed. Moscow: Russkiy yazyk.
57. Tarakanov, G.V. (2011) *Osnovnye terminy v neftegazopererabotke. Kratkiy spravochnik* [Basic Terms in Oil and Gas Processing. Quick reference]. Astrakhan: Astrakhan State Technical University.
58. Krivtsov, E.B. (2011) *Prevrashcheniya sernistykh soedineniy i aromaticheskikh uglevodorodov dizel'nykh fraktsiy neftey v protsessakh okislitel'nogo obesserivaniya* [Transformation of sulfur compounds and aromatic hydrocarbons of diesel fractions of oils in the processes of oxidative desulfurization]. Abstract of Chemistry Cand. Diss. Tomsk.
59. Bagdasarov, L.N. (ed.) (2017) *Populyarnaya neftepererabotka* [Popular Oil Refining]. Tver: TsSP "Platforma".
60. Feygin, V.I. et al. (2011) *Issledovanie sostoyaniya i perspektiv napravleniy pererabotki nefii i gaza, nefte- i gazokhimii v RF* [Study of the State and Prospects of Oil and Gas Processing. Oil and Gas Chemistry in the Russian Federation]. Moscow: Ekon-Inform.
61. Superanskaya, A.V., Podol'skaya, N.V. & Vasil'eva, N.V. (2005) *Obshchaya terminologiya: terminol. deyatel'nost'* [General Terminology: Terminological activity]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
62. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1982) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
63. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.
64. Karaulov, Yu.N. et al. (2002) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Vol. I. Moscow: AST-Astrel'. [Online] Available from: <http://www.tesaurus.ru/dict/>. (Accessed: 22.03.2020).
65. Dedyu, I.I. (1989) *Ekologicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Ecological encyclopedic dictionary]. Kishinev: Gl. red. Moldavskoy sovetskoy entsiklopedii. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ecolog/OROShENIE>. (Accessed: 22.03.2020). (In Russian).
66. Leenson, I.A. (2016) *Yazyk khimii. Etimologiya khimicheskikh nazvaniy* [The Language of Chemistry. Etymology of Chemical Names]. Moscow: Corpus.
67. Kan, R. & Dermer, O. (1983) *Vvedenie v khimicheskuyu nomenklaturu* [Introduction to Chemical Nomenclature]. Translated from English. Moscow: Khimiya.

Received: 09 June 2020

С.Д. Титаренко

ПРЕДСИМВОЛИЗМ И РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ XIX в.: ПРОБЛЕМА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Анализируется ранняя поэзия Д.С. Мережковского, Н.М. Минского, В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта 1880-х – начала 1890-х гг. как явление предсимволизма. Показателем переходности являются перекодирование языка русской лирики XIX в. и образование «интертекстуального поля» культуры. «Чужое» слово в функции знака культуры становится не только источником, отсылающим к традиции, но и текстопорождающей стратегией и основой семиозиса как создания языка модернизма.

Ключевые слова: предсимволизм; ранняя поэзия символистов; поэзия XIX в. как текст; интертекстуальность; металитературность; «интертекстуальное поле»; семиозис.

Отсчет истории русского символизма начинают, как правило, с 1890-х гг. Исследователи, анализируя ранние этапы его становления, чаще всего делают основанием своего анализа скандальные выступления декадентов, которые были направлены на «слом» традиции поэтической культуры XIX в. в связи с влиянием французского символизма. Нападки на декадентов со стороны литературных критиков, как пишет А. Пайман, создали миф, «будто русский символизм был растением, попросту пересаженным из Франции и не имеющим корней в русском обществе» [1. С. 17]. Особенностью раннего символизма можно считать не только отречение от традиций, что чрезвычайно важно, но и переработку опыта русской поэзии в целях создания языка новой модернистской культуры. В связи с этим важно осмыслить процессы, происходившие в ранней поэзии зачинателей символистского движения и прежде всего в творчестве Н.М. Минского, Д.С. Мережковского, К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова, а также В.С. Соловьева в переходный этап развития от классического к неклассическому типу художественности. Напомним, что стихи Минского публиковались в периодической печати в 1870–1880-е гг., как и стихотворения Соловьева. Первые сборники стихотворений Минского, Мережковского и Бальмонта вышли в свет в 1880-е гг., а этапные для символизма книги Соловьева и Мережковского – в самом начале 1890-х¹.

Этот этап исканий, предшествующий активным выступлениям, можно условно обозначить вслед за некоторыми исследователями как *предсимволизм*, или этап становления предсимволистских стратегий текстуальности. Важным показателем переходности может стать явление интертекстуальности, проявляющееся необыкновенно ярко в поэзии начинающих символистов в связи с гипертрофированным отношением к «памяти культуры» и выдвиганием задачи трансформации поэтического языка. Эта проблема исследователями специально не рассматривалась, вместе с тем интертекстуальность становится основой для формирования метатекста модернистской культуры. Метазнаковость и метатекстуальность, как известно, составляют принципиальную и отличительную особенность поэтики модернизма по сравнению с русской литературой XIX в., на что указывали исследователи. Как пишет, например, Минц, «общая ориентированность символистов на “вторую действитель-

ность”, на культурные и художественные модели приводит к построению “модели моделей” и придает символистским текстам метатекстовый характер (тексты о текстах)» [8. 116–117].

Понятие «предсимволизм» является достаточно дискуссионным. В широком смысле оно связано с представлением о формировании разнородных явлений модернистского претекста, возникающего в русской литературе XIX в. Под предсимволизмом понимается и романтизм, и неоромантизм, и поэзия и «школа» А.А. Фета, и творчество Ф.И. Тютчева, А.К. Толстого, К.К. Случевского, Я.П. Полонского, В.С. Соловьева и поэтов 1880-х гг.² Иногда среди предсимволистов также называются А.П. Григорьев, поздний Достоевский и другие писатели [9. С. 120–122]. Другое концептуальное определение, на которое мы будем опираться, сводится к обозначению предсимволизма («пресимволизма») как явления хронологического. Например, З.Г. Минц считает, что «пресимволизм 1880-х гг. – это сумма пестрых, разрозненных, организационно и эстетически мало связанных тенденций», которые «стоят у истоков “декадентства” (пессимизм “философской лирики” 1880-х гг., импрессионизм Фофанова и школы Фета), другие – на грани эстетической утопии (Вл. Соловьев), творчество третьих почти незаметно “переливается” в “чисто” эстетические тенденции внутри символизма 1890-х гг.» [10. С. 187–188]. А. Ханзен-Лёва поддерживает эту гипотезу, считая выражением эстетики предсимволизма статью Соловьева «Иллюзия поэтического творчества» (1890) [11. С. 35]. Рассматривать «пресимволизм» как систему, как считает Минц, можно, «если она соотносится с развивающейся последующей системой» и еще полностью «не осознает своего единства», а освоение традиции идет как «полемика, ирония и автоирония» [12. С. 163–165]. Указанные исследователи наметили подходы к изучению предсимволизма как этапа в развитии русского символизма, знаменующего замену объективной реальности субъективной, появления оппозиции «символическое – несимволическое», активизации мифопоэтических элементов в тексте. Наша задача – показать значение «памяти культуры» по отношению к опыту рецепции русской классической поэзии и выделить некоторые функции интертекстуальности.

Показательно, что в статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»

(1893), которая считается одним из первых манифестов русского символизма, Мережковский, начиная свое исследование с главы «Русская поэзия и русская культура», указывал на то, что каждое новое литературное течение порождается поэзией [13. С. 1–4]. В ней осуществлен пересмотр традиций всей русской литературы XIX в. и намечен выход к созданию поэтики модернизма.

Задача новой поэзии, как писал Мережковский, – перевести вечное на недоступный язык нового времени, на язык философской мысли, а не риторики. Воплощение задач нового идеализма началось, как он считает, в русской классической литературе, и классики способствовали возрождению «вечного идеального искусства», но в настоящее время поэзия должна стать религией [13. С. 65–66, 100]. Современное поколение поэтов он называет литературными эпигонами, теми, кто находится «после великих» [13. С. 54]. «Перед нами, – заявляет он, – огромная, так сказать переходная и подготовительная работа. Мы должны вступить из периода поэзии творческого непосредственного и стихийного в период критический, сознательный и культурный! Это два мира, между которыми бездна» (курсив Д. Мережковского) [13. С. 100]. Субъективный метод он называет наиболее творческим в поэзии, поэтому символизм понимает как стиль, преобразующий слово [13. С. 41–42]. Умение мыслить и соединять религиозное чувство с мистикой, по его мнению, глубже всего из современников воплотил В.С. Соловьев «как идеал бесконечный и божественный...» (курсив Д. Мережковского) [13. С. 100]. Начинаящие символисты в своих исканиях стремились активизировать «память культуры» с опорой не только на европейскую, но и на русскую литературу. Говоря словами Ю.М. Лотмана, существование «принципиально различных типов семиозиса» приводит «к возникновению сложных проблем перекодировки, эквивалентности, сдвигов в точках зрения, совмещения различных “голосов” в едином текстовом целом» [14. С. 130].

Переходность предсимволистских стратегий определяется становлением неклассических типов художественности, свойственных модернизму. В этом плане важно намеченное в ряде работ С.Н. Бройзмана понимание специфики русской лирики конца XIX – начала XX в. как «неклассической» [15, 16]. Он пишет о наметившемся в 1890-е гг. пересмотре классической поэтики и возникновении новых типов художественной целостности «со своим бытийно-эстетическим статусом, субъектно-образной структурой, со своим исходным принципом (первообразом) и закономерностями его развертывания и завершения» [15. С. 211]. Важной представляется также концепция И.П. Смирнова, который вводит понятие «постепенный переворот» «как подвижную совокупность частных поэтических форм» при рассмотрении эволюции поэтических систем [17. С. 28–29].

З.Г. Минц считала точкой отсчета символистского эстетизма и «творческого моделирования», позволяющего «сопоставить художника с Творцом», статью Минского «Старинный спор» (1884) [18], как и А.Б. Муратов, назвавший ее одним из первых мани-

фестов русского декаданса в своей работе о прозе 1880-х гг. [19. С. 35]. Идеи эстетизма нашли отражение в философии В.С. Соловьева, «авторитет которого к началу 1880-х гг., – как пишет Муратов, – окончательно упрочился», «он интерпретировал и пересмыслил поэзию Фета, Тютчева, А. Толстого, Полонского, дав совершенно новые ее толкования, в значительной мере приближенные к тем, которые получат распространение в эпоху символизма», а его поэзия стала выражением «мифопоэтической идеи прозрения» на основе особой поэтики «невъразимого» [20. С. 20–21]. Поэтому предсимволизм – это лабораторный период, когда происходит процесс переработки и означивания мотивно-образной системы предшествующей поэзии.

Интертекстуальность как стратегия текстообразования в переходный период имеет свои особенности. Главным становится не носитель «чужого» слова и не «мнемотехника» цитирования как важнейший принцип интертекстуальности, а возникающий в процессе разрушения целостного текста прием комбинаторики, если использовать терминологию Р. Лахманн. Исследовательница в статье «Память и утрата мира» анализирует процессы, происходящие в литературе модернизма при гипертрофии памяти культуры и выделяет традиционный принцип мнемотехники и явление комбинаторики³. На основе анализа ранних стихотворений символистов можно показать, что идейно-семантический код в форме тематических и мотивно-образных аллюзий, реминисценций, различного рода цитат и их комбинаций стал не только источником инспирации, отсылающим к традиции, но и обозначил *комбинаторность* как элемент поэтики. Говоря словами Ханзен-Лёве из его книги «Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм», «переход от одного периода или подсистемы к другой... порой закладывается и предвращается уже в н у т р и данной модели» (разрядка А. Ханзен-Лёве) [11. С. 8]. Выделяя три модели русского символизма и анализируя их на различных уровнях, Ханзен-Лёве оговаривает их взаимосвязь и наличие предсимволизма, предвещающего «диаволический символизм» 1890-х гг. [11. С. 13]. Исследование интертекстуальных явлений в ранних символистских опытах им не проводилось. Для нашего анализа представляются важными его суждения о замене в поэзии символистов «комплексов мысли» фрагментами текста «другого» как понимание некоего общего текстового поля – «символистского “Пра-Текста”» [11. С. 11], которое можно обозначить понятием «интертекстуальное поле» или «семантическое поле».

Это семантическое поле возникает в русле притяжения к эталонным образцам классической поэзии. Русская лирика XIX в. начинает осознаваться в 1880–1890-е гг. как опыт, подлежащий освоению и переработке в связи с гипертрофией памяти культуры. Такой интенсивной экспансии «чужого» слова в «свой» текст не наблюдалось ранее, хотя интертекстуальность была присуща многим поэтам XIX в. Поэзия начинающих символистов Мережковского, Минского, Брюсова как бы «собирается» из цитат, реминисценций и аллюзий русской поэзии. Интерес представляют и некоторые

процессы в поэзии В.С. Соловьева. Большую роль играют пушкинские, лермонтовские, тютчевские, фетовские, некрасовские темы, мотивы и образы, разного рода отсылки и стилистические клише, а также стилизация и пародирование. В этом плане можно отметить показательную устойчивость некоторых поэтических клише, например у Мережковского и Минского при цитировании «чужого» слова. Они связаны с самоутверждением себя как нового поэта-пророка, для чего отбираются образно-мотивные и тематические комплексы, которые в 1890-е гг. актуализируются в «диаволическом символизме». Рассматривая этот тип символизма как подсистему 1890-х гг., Ханзен-Лёве пишет, что «диаволический автор а у т и с т и ч е с к и видит в других только себя, тогда как символистский автор хотел бы в другом тексте (или поэте) выследить голос д р у г о г о Я (то есть Ты), а в собственном тексте (в собственном Я, в собственной жизни) – с о б с т в е н н ы й голос д р у г о г о автора» (разрядка А. Ханзен-Лёве) [11. С. 411].

Ассоциативные ряды, аллюзии, реминисценции и прямые цитаты взаимодействуют друг с другом и представляют собой необычные типы интертекстуальности, которые можно определить на основе термина «интекстуальность», введенного Ханзен-Лёве, как неразличимость «своего» и «чужого» слова. Они еще не осознаются как «чужие». Под интекстуальностью он предлагает считать возникающую на определенном этапе развития поэтического текста неразличимость «своего» и «чужого» слова, при которой авторами подчеркивается схожесть позиций и происходит установление некоей единой модели, в то время как интертекстуальность кроме этого еще и маркирует отличие [11. С. 59; С. 71. прим. 42]. Чужой текст в ранней поэзии символистов понимается как «свой», что диктуется стратегией модернистской поэтики как референтом⁴.

В связи с размытостью и неопределенностью границ интертекста в этот предмодернистский период все формы анализируемой цитации можно обозначить понятием, которое обосновывается в монографии Н. Пьеге-Гро как «интертекстуальное явление» и способ «модернистского алиби». Как она считает, в цитатности намечается субъективно-идеологическое прочтение предшествовавшего текста с целью создания «кода восприятия» и его переработки⁵.

К интертекстуальным явлениям можно отнести и знаковые для русской поэзии XIX в. темы и сюжетно-мотивные комплексы, еще используемые по инерции, например судьбы и долга поэта, времени и вечности, бытия и небытия, демонизма и др., которые являются носителями устойчивых семантико-идеологических кодов. Как пишет И.В. Силантьев, «лирическое событие осуществляется непосредственно в актуализированном дискурсе лирики», «происходит диалогическая встреча двух начал – лирического субъекта и субъективированного им объекта восприятия», что приводит к качественному изменению состояния лирического субъекта [24. С. 107–108]. Поэтому цитаты, аллюзии, реминисценции, стилизации и откровенный плагиат как провокация в ранних стихах начинающих символистов проективны для перекодирования и

представляют собой включение в бесконечный парадигматический ряд. Семиозис, понимаемый как динамический процесс интерпретации исходного образа, мотива или сюжета, становится основой для механизмов культурной памяти в аспекте исторической поэтики⁶ и одновременно возможностью для деконструирования классического текста⁷. Цитация является результатом интенсивной работы сознания читателя, порождающего пространство культурной памяти и одновременно «продуктом письма» автора, неосознанным процессом референции.

Для понимания специфики предсимволистских стратегий текстуальности важен отбор «интертекстуальных явлений», так как формируется новая модель сознания. Представление о реальности мира вытесняется идеалистическим пониманием бытия как метафизической реальности сознания. Так как начинающие символисты занимают еще промежуточную позицию между позитивизмом и идеализмом, то им присущ интертекстуальный принцип комбинаторности, т.е. ассоциативный отбор устойчивых клише и их преобразование при помощи выделения центрального образа как символического объекта. Это своеобразный вариант «философии жизни», присущий исканиям конца XIX в. как в русской (В.С. Соловьев), так и в европейской мысли (А. Бергсон). Бергсон в книге «Материя и память» (1896), анализируя механизмы памяти в процессе творчества, выделял память механическую (сознательную) и самопроизвольную (образную), их соединение и составляет динамический творческий процесс. Разделяя позитивистское и идеалистическое представление о мире, он пишет, что реалист выбирает «из совокупности образов, взаимоотношения которых регулируются неизменными законами», «все образы развертываются в одной общей плоскости, простирающейся в бесконечность». А «идеалист исходит из восприятия, и в системе образов, которую он берет как данное, существует один привилегированный образ, его тело, с которым и образуются все прочие» [28. С. 172, 205].

Этот «привилегированный» образ в форме «готового слова» способствует динамизации процесса текстопорождения⁸. Например, в стихотворении В.С. Соловьева «Видение» («По небу полуночи лодка плывет...») (1886), которое, как указано автором, «сочинено в состоянии натурального гипноза», присущая автору ирония позволяет допустить прием игры, стилизации или пародирования, вместе с тем цитата из стихотворения Лермонтова «Ангел» («По небу полуночи Ангел летел...») входит в стихотворение на правах организующего контекст основного символического образа.

Цитирование классиков в ранней символистской поэзии можно назвать и формой эпигонства. Но при широком вводе цитат, аллюзий, реминисценций, узнаваемых мелодических приемов цитатности у Минского, Мережковского и других поэтов – это знак переходности поэтики, так как интертекст, по суждению И.П. Смирнова, важен для исследования генеративного процесса преобразования предшествующих и образования новых текстов. В своей книге «Порождение интертекста...» он пишет, что специфика художе-

ственной интертекстуальности интересует его в трех аспектах: идеологическом, семиотическом и коммуникативном. Коммуникативный аспект интересен рассмотрением приемов, «посредством которых литературное произведение указывает идеальному читателю на свою идеальную историю» [30. С. 5]. В поэзии начинающих символистов «интертекстуальные явления» собираются в метатекст в системе авторских экспериментов, направленных на диалог и усиление знаковой природы слова. Задача поэта – создать эквивалент – «текст-эхо» как идею-меон. Например, «Элегия» Минского – «текст-эхо» стихотворения Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад...».

Рассмотрим сборники начинающих символистов, в которых намечаются указанные процессы.

В сборнике «Стихотворения», изданном в 1887 г., первое же произведение Минского – «Вакханкой молодой ко мне она вошла...» – перенасыщено темами, мотивами, выступающими в функции аллюзий и реминисценций, отсылающих к русской антологической поэзии от Пушкина и Батюшкова – до Майкова и Полонского, а также к гражданской лирике Пушкина и Некрасова («Твой стих, как божий дух, прольет в сердца отраду...») [4. С. 3]. Образы двух Муз – богини «страсти нежной» и богини скорби противопоставлены третьей – «Музе новой», которая должна стать «Совестью мироздания» и олицетворением Вечности. Поэт – певец наслаждений и скорби трансформируется в тип художника Пигмалиона, в видении которого представлена греза о Музе нового времени. Поэтому выраженная здесь ретроспективная тенденция «собирания» контекста из русской поэзии трансформируется и в проективную, важную для раннесимволистской поэтики, но еще неотделимую от канона классической традиции, например пушкинского «Пророка»: «Я поведу тебя в пучину дел мирских / И сокровенное в сердцах людей открою. / И ложь своей души увидишь ты и в них, / И не поверишь ты пророку и герою. / Не опьянят тебя символы и слова, – / Ни битвы грозный шум, ни нежный плач свирели» [4. С. 4]. В стихотворении «Робкому соловью» или «Пред зарею» можно найти многочисленные переключки со стихотворением Фета «Шепот. Робкое дыханье...». Они становятся контекстуальными и являются основой для семантических трансформаций. Лермонтовский демон превращается в двойственный образ демона – Серафима («Мой демон»), который «кажется святым» [4. С. 45]. Образ, не свойственный Лермонтову, становится провокацией.

О своем притяжении к русской классике Минский пишет в стихотворении «Наставники мои...», указав на действенную силу классического канона в своей поэзии [4. С. 58]. Многие его стихотворения откровенно цитатны, в них звучит «чужое слово», например, из стихотворения Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад...» («Элегия»), лермонтовских произведений («Дума»), пушкинских шедевров («Пророк», «В деревне»). Вместе с тем, попадая в контекст стихов Минского, фетовское, лермонтовское или пушкинское слово выполняют функцию не только отсылки, но и включения в процесс семантической трансформации. Идет отбор поэтических тем, образов, мотивов и при-

емов, их «собирание» в раннесимволистский метатекст через «присвоение». Наблюдаются означивание, символизация, мифологизация, осуществляемые как реализация проекта «нового романтизма»⁹. Вместе с тем цитирование как присвоение «чужого» стало у поэта изначальным приемом выявления метафизической идеи. «Эту идею, писал он в своей книге “При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни” (1890), я буду называть меоном, заимствуя термин у Платона, но придавая ему несколько иное значение» [33. С. 174]. Отстаивая философскую идею бесконечности мира, он указывает, что в центре внимания должны быть не реальное и конечное, а высшие идеи о бытии и небытии [33. С. 176].

Поэтому в ранних опытах символистов заложены две важнейшие тенденции, которые определяют специфику символизма 1890-х гг. – эстетизм и выдвигание творящего субъекта как нового демиурга (так называемый диаволический символизм 1890-х гг.) в классификации А. Ханзен-Лёве. Как пишет исследователь, «символы диаволизма либо сами по себе негативны, (то есть в узком смысле “дьяволичны”), либо отрицающие, антиномичны (“диаволические символы”). В последнем случае они становятся своего рода антисимволами по отношению к истинным символам, излучение и энергетику которых они пытаются “отражать” и в буквальном, и в переносном смысле» [11. С. 199].

Многочисленные цитаты и реминисценции из Лермонтова, Пушкина, Тютчева, Некрасова, Фета и других поэтов пронизывают также стихотворения Мережковского в сборнике «Стихотворения (1883–1887 гг.)» (1888). Критики (А. Волынский, В. Буренин и др.) упрекали его в подражательности. Но цитатность была для начинающего поэта поиском метафизической образности, как и для Минского. Он использует эксплицированные, т.е. открыто соотносящиеся с источником, цитаты довольно часто. Например, стихотворение «Поэту» («Не презирай людей! Безжалостной и гневной...») (1883) своим названием, системой оппозиций, лексическим и мелодическим строем возвращает нас к пушкинской традиции и одновременно – к гражданской некрасовской поэзии. «Осеннее утро» (1883) как бы состоит из ассоциативно-реминисцентного слоя пушкинско-фетовских лирических мотивов, тем и образов. Вместе с тем некоторые стихотворения, например «Печальный мертвый сумрак...» (1886), «Покоя, забвенья!... Уснуть, позабыть...» (1887), уже представляют собой образцы модернистской суггестивно-импрессионистической поэзии, в которых наблюдается трансформация знакомых образов, тем и мотивов. Создаются иррациональная картина мира и «плавающие» образы «мертвого сумрака», «немых призраков», «холодной могилы», «желтого снега» как отражение «молчания» и «сумрака» «в душе» [5. С.43]. Стихотворение «Вечер (посвящается С.Я. Надсону)» (1884) близко к традиции элегической лирики от Жуковского до Надсона. Во многих произведениях начальные строки приобретают узнаваемый суггестивно-реминисцентный характер: «Задумчивый сентябрь роскошно убирает...» (1887), «Короткий вечер тихо угасает...» (1887). «Поэту наших дней» (1884) репрезентирует романтиче-

ский конфликт поэта и толпы, который перерастает в конфликт поэта со своим временем, намечается характерная для декадентской лирики 1890-х гг. тема духовной смерти поэта. В некоторых стихотворениях Мережковского наблюдается усиление танатологической темы («К смерти». 1883), усложняется демонологическая тема («Он сидел на гранитной скале...») (1885). Демонологические темы и некоторые другие, присущие, например, поэзии Лермонтова, в стихотворениях Мережковского, как и у Минского, актуализируют идею неподвижности, омертвения, замкнутости, которую А. Ханзен-Лёве считает выражением декадентского «диаволизма» [11. С. 72].

Перелом в осмыслении традиций классики наблюдается в поэзии Мережковского в начале 1890-х гг. Сборник Мережковского «Символы» (1892) отражает изменение исканий молодого поэта. Первое, что обращает на себя внимание, это установка на единство книги как основу преобразования поэтического слова. Единство манифестируется названием и эпиграфами из II части «Фауста» Гёте («Все преходящее есть только Символ...») и из Деяний Апостолов о поиске Неведомого Бога (Деяния Апостолов. XVII: 22–23). Показательно первое пантеистическое стихотворение «Бог» (1890), в котором показан процесс открытия божественного в мире природы и сознания, как и в одноименной оде Г.Р. Державина. Можно наблюдать, как происходит изменение поэтических принципов в различных жанрах. Например, поэма «Смерть» создается, казалось бы, в традициях «петербургского текста» русской литературы (и прежде всего «Медного всадника» и романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина). Она начинается с характерных для русской поэзии мотивов анакреонтики, представляющих «киное» идеальное время, внеположное настоящему. Взаимодействие мотивов анакреонтики и «петербургского текста» достаточно эклектично для развития образа современника как символа омертвения поколения, но этот прием демонстрирует попытку автора ввести на основе включения «чужого» текста идеи преображения, важные для сознания героя. Мотивы одиночества, тоски по идеалу («Одиночество», «Что ты можешь? В безумной борьбе...», «Волны», «Небо и море»), навеянные образами романтической поэзии и представленные в ряде произведений, сменяются символистскими, воплощающими культурфилософскую модель мира как символизацию идеи новой Красоты. Показательны стихотворения: «Рим», «Пантеон», «Будущий Рим», «Колизей», «Марк Аврелий», «Помпея» и другие, в которых происходит смена «первообраза» классической поэзии, так как идея вечного идеального искусства как первоосновы сознания становится конструктивной.

Стихотворения являются репрезентациями религиозно-философских идей Мережковского. Написанные в конце 1880-х – начале 1890-х гг., они несут на себе след переработки сюжетно-мотивной и образной системы русской поэзии и возникают «на сломе» традиционной поэтической традиции XIX в. Поэтому они долгое время вызывали непонимание критики. Об этом также говорит его книга «Новые стихотворения» (1896). Наблюдается усложнение эстетической

функции «чужого» слова, узнаваемая тема, мотив, поэтическое слово или цитата становятся ярко выраженным приемом поэтического иносказания. О движении к многозначности слова в системе символистской поэтики 1890-х гг. писал М.Л. Гаспаров: «Откуда, однако, берутся эти дополнительные значения символа, размывающие границы семантики слова? Из контекста всей поэтической системы данного автора или данного литературного направления. В классической поэзии слово становилось тропом, лишь оказавшись не на своем месте. В новой поэзии благодаря постоянной возможности антиэмфазы, неопределенной многозначности, каждое слово является тропом всегда, на всяком месте, потому что оно всюду несет с собой отражения всех других слов своей системы» [34. С. 18].

Поэтическое слово в системе ранних исканий Брюсова стремится освободиться от подражательности в своем развитии к иносказанию. Подражательность и цитатность осознавались начинающим поэтом как неудача. Например, в своей «Автобиографии» он пишет об истории своего приобщения к русской литературе. В детстве, как указывает поэт, он не имел никакого представления о Толстом, Тургеневе, даже Пушкине, только знал наизусть Некрасова. А вот в частной гимназии Фр. Креймана, в которую попал в одиннадцать лет, за один год он прочел всю русскую литературу, признаваясь, что это было поверхностное чтение, потребовавшее потом «перечитывать заново» [35. С. 166]. Указывая на свои «ребяческие опыты», написанные в духе Некрасова, а также увлечение поэзией Надсона, Брюсов пишет: «Следующим моим учителем был Лермонтов. Его манеру я усвоил в такой степени, что иные мои стихи, написанные в конце 80-х годов (они не напечатаны), можно принять за юношеские стихотворения Лермонтова (разумею, конечно, его слабые опыты 1828–1829 годов)» [35. С. 169]. Анализ ранних неизданных стихотворений Брюсова, сделанный Н.К. Гудзием, говорит о целенаправленной переработке, подражании и эпигонстве начинающего символиста [36]¹⁰. Рассматривая юношеские тетради стихов поэта, Гудзий пишет о том, что при сопоставлении первых и последних тетрадей видно, «как быстро эволюционирует Брюсов от традиционных тем с их трафаретным оформлением к тем декадентско-символистским стихам, которые мы уже читаем в сборниках “Русские символисты”» [36. С. 225]. Поэтому обращение начинающего символиста к французской поэзии было закономерным. Оно вызвано стремлением преодолеть каноны. Юношеские эксперименты Брюсова, возникшие в результате влияния французских декадентов (и прежде всего Верлена), о которых он пишет в своем дневнике [35. С. 26–28]¹¹, – показательны, поэтому появление его скандально известного моностиха «О, закрой свои бледные ноги», как и других шокирующих критиков стихотворных форм в альманахах «Русские символисты» в 1894 и 1895 гг. вызвало появление критики и пародий В.С. Соловьева.

Соловьев указывал на влияние французского декадентства в лице С. Малларме и одновременно на подражательность Брюсова безглагольным стихотворе-

ниям Фета [38. С. 506–507]. Отстаивая символистский канон в статье «Зоилам и аристархам», опубликованной в III выпуске «Русских символистов» (М., 1895) и сетуя на уничижительные рецензии Соловьева, посвященные двум первым выпускам, Брюсов пишет о том, что тот и «сам писал символические стихотворения, как, напр., “Зачем слова...” (“Вестник Европы”. 1892. № 100)» [39. С. 46]. Складывается впечатление, что два поэта понимают канон символистской поэзии по-разному. Но это были две тенденции, потенциально заложенные в поэзии символизма уже на ранних этапах ее формирования. С одной стороны, возникают предпосылки модернистского «диаволического» эстетизма 1890-х гг., как уже указывалось, с другой – метафизического поэтического мышления, которые получают дальнейшее развитие в мифопоэтике символистов.

Модернистский эстетизм проявляется наиболее ярко в индивидуальной манере Брюсова, например, в составленном им раннем сборнике «Juvenilia», где были объединены стихотворения 1893–1895 гг. Он заключается в демонстрации «приема» для передачи иррациональных состояний сознания. Например, в стихотворении «Творчество» суггестивные образы создаются на основе цитирования пушкинского слова: «Тень несозданных созданий / Кольхается во сне, / Словно лопасти латаний / На эмалеовой стене. // Фиолетовые руки / На эмалеовой стене / Полусонно чертят звуки / В звонко-звучной тишине // И прозрачные киоски / В звонко-звучной тишине, // Вырастают, словно блестящие, // При лазоревой луне» [40. С. 35–36]. «Звонко-звучной» – слово-«кентавр»: трансформированная система звукообразов из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник»: «тяжелозвонкое» и «звонко-скачущий». Пушкинские звукообразы становятся элементом текста и соседствуют с откровенными провокациями («словно лопасти латаний на эмалеовой стене», «фиолетовые руки на эмалеовой стене», «всходит месяц обнаженный при лазоревой луне»). Показателен эпатаж, уход от логической структуры поэтического высказывания и использование музыкальной основы как отсылающей к традиции Фета. На все эти курьезы было указано Соловьевым в статье «Русские символисты», и им же была отмечена пародийность стихов Брюсова по отношению к «безглагольной» поэзии Фета¹².

Ю.М. Лотман, исследуя семиотические аспекты функционирования художественного канона, писал о сосюррианской оппозиции «язык–речь». При переосмыслении сложившейся канонической системы, как он считал, задействована не модель естественного языка (что мы наблюдаем, например, в классической поэзии XIX в.), а принцип «музыкальной структуры», и поэтому эталонный текст становится возбудителем сознания, провоцирует на преодоление «изнутри» за счет речевых приемов отклонения от «схемы», когда важны элементы изобразительно-выразительного языка [41. С. 439–440]. Поэтому следует различать случаи, как он пишет, когда «ориентация на канон принадлежит не тексту как таковому, а нашему его истолкованию» [41. С. 441]. Показательно, что в статье «О лирической поэзии» (1890) В.С. Соловьев ука-

зывал, что в системе «чистой лирики» (у таких поэтов, как Фет, Полонский и др.) «воображаемая действительность» не выражена непосредственно, она находится «на границе между поэзией и музыкой», а беспредметность стихотворения можно уподобить беспредметности музыки (она понимается «без слов») [38. С. 410]. Это высказывание оправдывает непризнанные Соловьевым эксперименты Брюсова, основанные на утверждении интуитивизма в поэзии, чему посвящена брюсовская статья «Ключи тайн» (1904).

Подход к восприятию различных классических канонов в лирике намечен в раннем сочинении Брюсова «К истории символизма» (1893), где он выделяет лирику, передающую эстетическое наслаждение (здесь он упоминает Пушкина), и лирику, близкую современной, которая, в отличие от «псевдореализма XIX века», как он считает, выражает внутренние ощущения души непосредственно. Задача новой школы, по его мнению, – «совершенное преобразование языка поэзии и расширение сферы искусства на сферу жизни» [42. С. 272]. «Совершенное преобразование» требует «слома». «Слом» Брюсов видит и в стихах Бальмонта. Например, в письме к П.П. Перцову в 1895 г. он писал: «Все силы Бальмонта направлены к тому, чтобы изумить читателя, поймать его восхищение на удочку неожиданности странной-ли рифмой или странным оборотом фразы» [43. С. 25]. Комментируя ранний «Сборник стихотворений» Бальмонта, опубликованный в 1890-м г. в Ярославле, В. Марков, например, указывает на повторяющиеся в поэтике начинающего поэта «кольцовско-никитинские», «фето-гейневские», «лермонтовские», «некрасовские» и другие мотивы и образы, тематические и ритмические переключки [44. С. 9–10]. Поэтому в 1880-е и первой половине 1890-х гг. в поэзии начинающих символистов наблюдаются две ярко выраженные тенденции: эстетизация и динамизация художественного опыта предшественников и одновременно его деэстетизация и «слом», например в экспериментах Брюсова или Бальмонта.

С одной стороны, поэзия Соловьева также создается в русле традиции русской классической поэзии Жуковского, Тютчева, Фета, как отмечали современники (например, Брюсов) [45. С. 220] и исследователи (например, З. Г. Минц) [46. С. 311], с другой – в ней происходит динамизация традиции и мифологизация слова, что предвосхищает открытия «мифопоэтического символизма» 1900-х гг., как определил его Ханзен-Лёве [47]. Художественная система Соловьева содержала в себе философские и мифопоэтические коды и знаки, трансформирующие «свое» и «чужое» слово, что во многом определяет самобытность его поэтического творчества, как отмечали исследователи¹³. Особенностью литературно-критических и философско-эстетических статей Соловьева, таких как «Поэзия Ф.И. Тютчева» (1895), «Судьба Пушкина» (1897), «Значение поэзии в стихотворениях А. Пушкина» (1899) и др., является наличие поэтических цитат, которые представляют собой поле рефлексии и референции. На насыщенность поэтическими цитатами литературно-критических статей Соловьева обратил внимание Ю.Б. Орлицкий, показав их ритмиче-

ские взаимодействия с прозаическим текстом. Как он пишет, создавая метрические переключки, они включаются в «чужой» текст и выступают и как текст цитирования, и как текст интерпретации, и как «голос» другого автора [49].

Подобные включения мы находим не только в литературно-критических статьях Соловьева, но и в его философско-эстетических работах. В этом плане интересны такие его сочинения, как «Красота в природе» (1889), «Общий смысл искусств» (1890), «Первый шаг к положительной эстетике» (1894). Идея мирового всеединства и преображения мира демонстрируется в статье «Красота в природе» примерами из лирики Тютчева и Фета [38. С. 46–57]. Существенным является и то, что терминология символизма вырабатывается на языке поэтических текстов русской классики. Например, показательны «софийные понятия» («душа мира» или «мировая душа») у Соловьева в статье «Поэзия Ф.И. Тютчева», где он пишет: «Ему не приходилось *искать* душу мира и безответно приветствовать отсутствующую: она сама сходилась с ним и в блеске молодой весны, и в “светлости осенних вечеров”»; в сверканье пламенных зарниц и в шуме ночного моря она сама намекала ему на свои роковые тайны»; «Хаос, т.е. отрицательная беспредельность, зияющая бездна всякого безумия и безобразия, демонические порывы, восстающие против всего положительного и должного, – вот глубочайшая сущность мировой души и основа всего мироздания. Космический процесс вводит эту хаотическую стихию в пределы всеобщего строя, подчиняет ее разумным законам, постепенно воплощая в ней идеальное содержание бытия, давая этой дикой жизни смысл и красоту» [38. С. 467–468, 475]. При анализе творчества Тютчева им выделяются семантически значимые слова-понятия («двойная бездна», «хаос») или мотивные группы слов («под нами хаос шевелится»). В его статье «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» образы и мотивы лирики русского классика становятся идейно-семантическими кодами, знаками модернистской системы, в которой они получают дополнительные символические значения и возможности мифологизации.

Это говорит о том, что система философско-эстетических и поэтических универсалий русской поэзии XIX в. органично вписывалась в мифопоэтическую систему символизма. Поэзия Пушкина понимается Соловьевым как семантическое поле для становления метафизического философского языка поэзии и прозы и текст поэтической культуры, подлежащий дальнейшему означиванию. Поэтому литературно-критические работы Мережковского или Соловьева – это уже метаописания процесса осмысления русской классики, процесса, кардинального для русской

поэзии конца XIX в. При этом оказывается значимым код жизнетворчества, который выявляют при анализе поэзии классиков Мережковский или Соловьев. Поэтический текст начинает пониматься как «зерно» биографического мифа. Например, в книге «Вечные спутники» (1896) Мережковский пишет о Майкове как о «человеке-художнике», анализируя его поэзию, находя в ней новые смыслы, которые связаны с процессами символизации и мифологизации устойчиво повторяющихся идейно-семантических кодов и тематических, мотивно-образных комплексов русской классической поэзии. В статье «О семиотическом механизме культуры» Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский писали, что при изменении типа культуры наблюдается не только введение новых форм, но и «усиление знаковости (символичности) старых форм» [50. С. 485–486].

Таким образом, предсимволизм – это не просто историко-литературный период как начальная фаза развития языка модернизма, как считают Ханзен-Лёве, Минц и другие исследователи. Этим понятием важно обозначить также переходность поэтики от классической к неклассической парадигмам художественности в раннем творчестве поэтов символистского движения, когда наблюдается актуализация различного рода «интертекстуальных явлений». Для предсимволистских исканий характерны поиски текстов-эквивалентов, ценностно-значимых для модернистского сознания. Они составляют в своей совокупности «память культуры» и определяют метафизические состояния сознания, в них потенциально содержится миф об искусстве как высшей эстетической реальности. При этом поэтами используется тип адресованной и неадресованной читателю интертекстуальности в формах стилизаций, пародий, воспроизведения фрагментов чужих текстов как «своих». Цель подобных приемов – создать олитературенное бытие сознания через попытки «встроиться» в традицию, показать сходство и отличие от классика на основе цитирования. В процессе цитирования происходит формирование семантического поля для дальнейшего означивания «интертекстуальных явлений» и их трансформации. Поэтому интертекстуальность в ранних опытах символистов носит метатекстовой и комбинаторный характер. Она потенциально значима, так как вызывает процессы, которые в символизме 1890-х гг. А. Ханзен-Лёве определил, с одной стороны, как утверждение абсолютной свободы художника, деконструирующего целостность текста (это, прежде всего, эстетизм и «диаволическая модальность»), с другой стороны, развитие той тенденции, которая в 1900-е гг. в мифопоэтическом символизме получит название неомифологизма как скрытого мифопоэтического контекста.

ПИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Минский Н.М. Стихотворения. М.: Тип. О.И. Бакст, 1883 [2]; Минский Н.М. Стихотворения. 2-е изд. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887 [3]; Мережковский Д.С. Стихотворения (1883–1887). СПб.: Типография Тренке и др., 1888 [4]; Бальмонт К.Д. Сборник стихотворений. Ярославль: Типо-Литография Г.В. Фальк, 1890 [5]; Соловьев В.С. Стихотворения. М.: Университетская тип., 1891 [6]; Мережковский Д.С. Символы. Песни и поэмы. СПб.: А. Суворин, 1892. 424 с. [7].

² Исследованиям символистских претекстов в русской литературе XIX в. была посвящена конференция «Поэзия предсимволизма». Она также была посвящена 200-летию А.К. Толстого и К.К. Случевского и проводилась 2–5 октября 2017 г. на филологическом факультете

МГУ, в Институте мировой литературы им. М. Горького и Библиотеке русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Преимущественное внимание было посвящено поэзии А.К. Толстого, А.А. Фета, К.К. Случевского, В.С. Соловьева и др.

³ Р. Лахманн считает, что «во-первых, комбинаторика исходит из представления о необходимом соотношении между микро- и макрокосмосом (из системы соотношений уровней и сфер); во-вторых, она функционирует как подвижная система знаков, в которой закодировано знание и которая при различных конstellациях способна порождать скользкую семантику» [21. С. 384].

⁴ См. о «чужом» тексте как «своем»: [22. С. 39].

⁵ См. об этом подробнее: [23].

⁶ А.Н. Веселовский, анализируя поэтику сюжетов и мотивов, указывал на связь механизмов памяти человека с культурной традицией. См.: [25. С. 51–52]. В аспекте «памяти культуры» интертекст рассматривается Р. Лахманн. «Диалог с культурой, включение текстов прошлого в “новый” текстуальный контекст осуществляется при помощи приемов сокрытия, организации структур, которые, благодаря пересечению двух кодов, т.е. двойному кодированию, являются манифестными и латентными одновременно» [26. С. 5].

⁷ Как пишет Б.М. Гаспаров, понятие интертекст образуется в теории Ю. Кристевой как попытка разрушения или деконструкции «”мифа” о единстве и целостности текста» [27. С. 33].

⁸ Как пишет Н.Д. Потапова, исследуя философию памяти А. Бергсона, «Память-актор, в трактовке Бергсона, производит не просто “действие” (l’action), а что-то наподобие математических или логических операций: она “прибавляет или вычитает” (ajoute или retranche), делает “вклад” (l’apport), “обогащает” (enrichissant), “дополняет” (complément), “усложняет” (compliquée), “примешивает” (mêleront) свои образы по сходству или смежности (как в риторике), одним словом, “обрабатывает” восприятие и управляет им» [29. С. 107].

⁹ Проблема неоромантизма в поэзии 1880-х гг. исследовалась С.В. Сапожковым, Л.П. Щенниковой. См., например: [31; 32].

¹⁰ К отдельным стихотворениям, как указывает Н.К. Гудзий, Брюсов писал заметки, например к стихотворению «Поэт и друг»: «Писано, понятно, под влиянием Пушкина, Лермонтова, Веневитинова и Некрасова. Выражает мои действительные убеждения того времени» [36. С. 223].

¹¹ См.: Верлен П. Романы без слов. Перевод Валерия Брюсова. М.: Тип. Э. Лисснера и др., 1894 [37].

¹² Ханзен-Лёве считает прием безглагольности у К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова и других поэтов, в отличие от А.А. Фета, признаком системы «диаволического символизма» 1890-х гг., так как безглагольность здесь воплощает экзистенциальные темы страха, смерти, одиночества, отчаяния [11. С. 171].

¹³ О мифологизации классиков русской литературы как одной из важнейших тенденций творчества В.С. Соловьева см. в исследовании О.А. Дашевской: [48. С. 29–33].

ЛИТЕРАТУРА

1. Пайман А. История русского символизма. М.: Республика, 1998. 415 с.
2. Минский Н.М. Стихотворения. М.: Тип. О.И. Бакст, 1883. 206 с.
3. Минский Н.М. Стихотворения. 2-е изд. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887. 246 с.
4. Мережковский Д.С. Стихотворения (1883–1887). СПб.: Типография Тренке и др., 1888. 300 с.
5. Бальмонт К.Д. Сборник стихотворений. Ярославль: Типо-Литография Г.В. Фальк, 1890. 143 с.
6. Соловьев В.С. Стихотворения. М.: Университетская тип., 1891. 72 с.
7. Мережковский Д.С. Символы. Песни и поэмы. СПб.: А. Суворин, 1892. 424 с.
8. Миц З.Г. Индивидуальный творческий путь и типология культурных кодов // Миц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн.: Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб, 2004. С. 116–117.
9. Иванов Вяч. Вс. О взаимоотношении символизма, предсимволизма и постсимволизма в русской литературе и культуре конца XIX – начала XX века // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 120–122.
10. Миц З.Г. Об эволюции русского символизма. К постановке вопроса: тезисы // Миц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн.: Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб., 2004. С. 175–189.
11. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
12. Миц З.Г. «Новые романтики». К проблеме русского пресимволизма // Миц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн.: Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб., 2004. С. 162–174.
13. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типография В.М. Вольфа, 1893. 192 с.
14. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 129–132.
15. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики: субъектно-образная структура. М.: РГГУ, 1997. 307 с.
16. Бройтман С.Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М.: РГГУ, 2008. 484 с.
17. Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем // Смирнов И.П. Смысл как таковой. СПб.: Академический проект, 2001. С. 15–224.
18. Миц З.Г. Статья Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // Миц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн.: Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб., 2004. С. 150–161.
19. Муратов А.Б. Проза 1880-х гг. // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, 1983. Т. 4. С. 27–73.
20. Муратов А.Б. «Смысл человека есть он сам» // Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров». СПб.: Худ. лит., 1994. С. 3–21.
21. Лахманн Р. Память и утрата мира // Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. С. 371–406.
22. Паперный В.М. Об одной малоизученной форме интертекстуальности: чужой текст как свой (Борхес и Лев Толстой) // Интертекстуальный анализ: принципы и границы / под ред А.А. Карпова, А.Д. Степанова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2018. С. 36–48.
23. Пьеге Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: пер. с фр. / общ. ред. и вступительная статья Г.К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
24. Силантьев И.В. Лирический мотивный комплекс // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы / отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2012. С. 106–114.
25. Веселовский А.Н. Из введения в историческую поэтику // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 51–52.
26. Лахманн Р. Память и литература. Интертекстуальность в русской литературе XIX–XX веков / пер. с нем. А.И. Жеребин. СПб.: ИД «Петрополис», 2011. 400 с.
27. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 356 с.
28. Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. С. 160–300.
29. Потапова Н.Д. Тема памяти в культуре модернизма // Россия XXI. 2012. № 3. С. 86–117.
30. Смирнов И.П. Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 190 с.
31. Сапожков С.В. Поэзия и судьба Николая Минского // Минский Н., Добролюбов А. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2005. С. 7–95.

32. Щенникова Л.П. Русский поэтический неоромантизм 1880–1890-х гг.: эстетика, мифология, феноменология. СПб. : Серебряный век, 2000. 480 с.
33. Минский Н.М. При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни. СПб., 1890. 261 с.
34. Гаспаров М.Л. Поэтика «Серебряного века» // Русская поэзия «Серебряного века». 1819–1917: Антология. М. : Наука, 1993. С. 18.
35. Брюсов В.Я. Дневники. Письма. Автобиографическая проза / сост., вступит. ст. Е.В. Ивановой. М. : ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. 415 с.
36. Гудзий Н.К. Юношеское творчество Брюсова // Литературное наследство: Т. 27–28. М. : Журнально-газетное объединение, 1937. С. 198–238.
37. Верлен П. Романы без слов. Перевод Валерия Брюсова. М. : Тип. Э. Лисснера и др., 1894. 46 с.
38. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. 701 с.
39. Брюсов В.Я. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты, статьи, рецензии. М. : Сов. писатель, 1990. 720 с.
40. Брюсов В.Я. Собр. соч.: Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. Т. 1. М. : Худ. лит., 1975. 672 с.
41. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб, 1998. С. 436–441.
42. Брюсов В.Я. К истории символизма (1893) // Литературное наследство: Т. 27–28. М. : Журнально-газетное объединение, 1937. С. 269–275.
43. Брюсов В.Я. Письма к П.П. Перцову. 1894–1896: К истории раннего русского символизма / [вступ. ст. П. Перцова]. М. : ГАХН, 1927. 81 с.
44. Markov V. Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont. 1890–1909. Köln; Wien : Böhlau, 1988. 463 s.
45. Брюсов В.Я. Владимир Соловьев. Смысл его поэзии // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Худ. лит., 1975. Т. 4. С. 218–230.
46. Минц З.Г. Владимир Соловьев – поэт // Минц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды : в 3 кн.: Поэтика русского символизма. СПб. : Искусство-СПб, 2004. С. 273–313.
47. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб. : Академический проект, 2003. 816 с.
48. Дашевская О.А. Мифотворчество В. Соловьева и «соловьевский текст» в поэзии XX века. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 150 с.
49. Орлицкий Ю.В. Стихотворные цитаты в критических статьях Вл. Соловьева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. М. : Наука, 2005. С. 145–151.
50. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. С. 485–503.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 февраля 2020 г.

Pre-Symbolism and the 19th-Century Russian Classical Poetry: The Problem of Intertextuality

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 50–59.

DOI: 10.17223/15617793/456/5

Svetlana D. Titarenko, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svet_titarenko@mail.ru

Keywords: pre-Symbolism; early Symbolist poetry; 19th-century poetry as text; intertextuality; metaliterature; “intertextual field”; semiosis.

The article aims to study intertextuality as a metalanguage in Russian Symbolists’ poetry of the 1880s and early 1890s. The novelty of the topic is in the system analysis of the early works of the Symbolist poets and in the attempt to understand the nature of pre-Symbolism as a process of semiosis observed in the interpretation and transformation of the language of Russian classical literature. The object of the study is the early poetry of Dmitry Merezhkovsky, Nikolai Minsky, Valery Bryusov, and Konstantin Balmont. The principles of cultural-historical, comparative-typological, aesthetic, mythopoetic, intertextual and motif analyses are used. The debatable points of view established in the study of the early Symbolism history are analyzed. The analysis is based on the idea that pre-Symbolism is a type of a transitional artistic system and an early stage of the Russian modernism evolution (Z.G. Mintz, A. Hansen-Löve). The philosophy of art and literary criticism of Vladimir Solovyov, Merezhkovsky, Bryusov, and other poets are studied in the aspect of new interpretations and new unusual Symbolist meanings of words. Solovyov’s articles show that the system of the philosophical and aesthetic universals of the 19th-century Russian poetry organically fits into the mythopoetics of Symbolism. The analysis of the early poems of the Symbolist poets shows that, for pre-Symbolism, it is typical to search for equivalent texts, which are important for a modernist consciousness. The intertext is various kinds and ways of quotations, allusions, reminiscence, parody, and also plagiarism and stylisation. The “intertextual field” forms as a metatext for further transformation of the “alien word”. Motifs and images of classical literature play a major role as elements that form the meaning. They interact with each other, and they new unusual types of intertextuality. The conclusion is made that the Symbolists consider the Russian poetry of the 19th century in aesthetic and poetological aspects because of the development of the modernism strategies and individual poetic practices. The 19th-century Russian poetry starts to be perceived as a text-generating mechanism in the 1880s–1890s. The intertextual message of understanding the “alien” word as “one’s own” is formed. The motifs and images of the Russian classical poetry play an important role; elements of poetics of the past transform; the principles of the wordplay develop; the principle of multiple interpretations of a word as a symbolic unit of the text forms: that is why intertextuality in Symbolists’ early works has a metatextual and combinatorial character.

REFERENCES

1. Payman, A. (1998) *Istoriya russkogo simvolizma* [History of Russian Symbolism]. Moscow: Respublika.
2. Minskiy, N.M. (1883) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Tip. O.I. Bakst.
3. Minskiy, N.M. (1887) *Stikhotvoreniya* [Poems]. 2nd ed. Saint Petersburg: Tip. V.S. Balasheva.
4. Merezhkovskiy, D.S. (1888) *Stikhotvoreniya (1883–1887)* [Poems (1883–1887)]. Saint Petersburg: Tipografiya Trenke i dr.
5. Balmont, K.D. (1890) *Sbornik stikhotvoreniy* [Collection of Poems]. Yaroslavl: Tipo-Litografiya G.V. Fal’k.
6. Solov’ev, V.S. (1891) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Universitetskaya tip.
7. Merezhkovskiy, D.S. (1892) *Simvoliy. Pesni i poemy* [Symbols. Songs and Poems]. Saint Petersburg: A. Suvorin.
8. Mintz, Z.G. (2004a) *Blok i russkiy simvolizm: Izbrannye trudy: v 3 kn.* [Blok and Russian Symbolism: Selected Works: In 3 Books]. Book 3. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb. pp. 116–117.
9. Ivanov, V.V. (2000) *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul’tury* [Selected Works on the Semiotics and History of Culture]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury. pp. 120–122.
10. Mintz, Z.G. (2004b) *Blok i russkiy simvolizm: Izbrannye trudy: v 3 kn.* [Blok and Russian Symbolism: Selected Works: In 3 Books]. Book 3. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb. pp. 175–189.

11. Hansen-Löve, A. (1999) *Russkiy simbolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Ranniy simbolizm* [Russian Symbolism. System of Poetic Motifs. Early Symbolism]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt.
12. Mints, Z.G. (2004c) *Blok i russkiy simbolizm. Izbrannye trudy: v 3 kn.* [Blok and Russian Symbolism: Selected Works: In 3 Books]. Book 3. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 162–174.
13. Merezhkovskiy, D.S. (1893) *O prichinakh upadka i o novykh techeniyakh sovremennoy russkoy literatury* [On the Causes of the Decline and on New Trends in Modern Russian Literature]. Saint Petersburg: Tipografiya V.M. Vol'fa.
14. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles: In 3 Volumes]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra. pp. 129–132.
15. Broymtan, S.N. (1997) *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki: sub'ektno-obraznaya struktura* [Russian Lyric Poetry of the 19th – Early 20th Centuries in the Light of Historical Poetics: The Subjective-Figurative Structure]. Moscow: RSUH.
16. Broymtan, S.N. (2008) *Poetika russkoy klassicheskoy i neklassicheskoy liriki* [Poetics of Russian Classical and Non-Classical Lyrics]. Moscow: RSUH.
17. Smirnov, I.P. (2001) *Smysl kak takovoy* [Sense as such]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt. pp. 15–224.
18. Mints, Z.G. (2004d) *Blok i russkiy simbolizm. Izbrannye trudy: v 3 kn.* [Blok and Russian Symbolism: Selected Works: In 3 Books]. Book 3. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 150–161.
19. Muratov, A.B. (1983) Proza 1880-kh gg. [The Prose of the 1880s]. In: Prutskov, N.I. et al. (eds) *Istoriya russkoy literatury: v 4 t.* [History of Russian Literature: In 4 Volumes]. Vol. 4. Leningrad: Nauka. pp. 27–73.
20. Muratov, A.B. (1994) “Smysl cheloveka est' on sam” [“The sense of man is he himself”]. In: Solov'ev, V.S. *Chteniya o Bogochelovechestve. Stat'i. Stikhotvoreniya i poema. Iz “Trekh razgovorov”* [Readings about Godmanhood. Articles. Verses and a Poem. From Three Conversations]. Saint Petersburg: Khud. lit. pp. 3–21.
21. Lachmann, R. (2001) Pamyat' i utrata mira [Memory and loss of the world]. Translated from German. In: Smirnov, I.P., Uffelmann, D. & Schramm, C. (eds) *Nemetskoe filosofskoe literaturovedenie nashikh dney: Antologiya* [Contemporary German Philosophical Literary Criticism: An Anthology]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 371–406.
22. Papernyy, V.M. (2018) Ob odnoy maloizuchennoy forme intertekstual'nosti: chuzhoy tekst kak svoi (Borkhes i Lev Tolstoy) [On one little-studied form of intertextuality: someone else's text as one's own (Borges and Leo Tolstoy)]. In: Karpov, A.A. & Stepanov, A.D. (eds) *Intertekstual'nyy analiz: printsipy i granitsy* [Intertextual Analysis: Principles and Boundaries]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 36–48.
23. Piegay-Gros, N. (2008) *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to Intertextuality]. Translated from French. Moscow: Izd-vo LKI.
24. Silant'ev, I.V. (2012) Liricheskiy motivnyy kompleks [A lyrical motif complex]. In: Romodanovskaya, E.K. (ed.) *Syuzhetno-motivnyye komplekсы russkoy literatury* [The Plot and Motif Complexes of Russian Literature]. Novosibirsk: Akademicheskoe izd-vo “Geo”. pp. 106–114.
25. Veselovskiy, A.N. (1989) *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow: Vyssh. shk. pp. 51–52.
26. Lachmann, R. (2011) Pamyat' i literatura. Intertekstual'nost' v russkoy literature XIX–XX vekov [Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism]. Translated from German by A.I. Zherebin. Saint Petersburg: ID “Petropolis”.
27. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. The Linguistics of Linguistic Existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
28. Bergson, A. (1992) *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected Works: In 4 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Moskovskiy klub. pp. 160–300.
29. Potapova, N.D. (2012) Tema pamyati v kul'ture modernizma [The theme of memory in the culture of modernism]. *Rossiya XXI*. 3. pp. 86–117.
30. Smirnov, I.P. (1995) *Porozhdenie interteksta (Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L. Pasternaka)* [Generation of Intertext (Elements of Intertextual Analysis With Examples From Works by B.L. Pasternak)]. Saint Petersburg: Language Center of Saint Petersburg State University.
31. Sapozhkov, S.V. (2005) Poeziya i sud'ba Nikolaya Minskogo [Poetry and the fate of Nikolai Minsky]. In: Minskiy, N. & Dobrolyubov, A. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and Poems]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt. pp. 7–95.
32. Shchennikova, L.P. (2000) *Russkiy poeticheskiy neoromantizm 1880–1890-kh gg.: estetika, mifologiya, fenomenologiya* [Russian Poetic Neoromanticism of the 1880s–1890s: Aesthetics, Mythology, Phenomenology]. Saint Petersburg: Serebryanyy vek.
33. Minskiy, N.M. (1890) *Pri svete sovesti. Mysli i mechty o iseli zhizni* [In the Light of Conscience. Thoughts and Dreams About the Purpose of Life]. Saint Petersburg: Semenovskaya tipol. I. Efrona.
34. Gasparov, M.L. (1993) Poetika “Serebryanogo veka” [Poetics of the “Silver Age”]. In: Gasparov, M.L. & Koretskaya, I.V. (eds) *Russkaya poeziya “Serebryanogo veka”. 1819–1917: Antologiya* [Russian Poetry of the “Silver Age”. 1819–1917: An Anthology]. Moscow: Nauka. pp. 18.
35. Bryusov, V.Ya. (2002) *Dnevnik. Pis'ma. Avtobiograficheskaya proza* [Diaries. Letters. Autobiographical Prose]. Moscow: OLMA-PRESS Zvezdnyy mir.
36. Gudziy, N.K. (1937) Yunosheskoe tvorchestvo Bryusova [Young Bryusov's Works]. In: Lebedev-Polyanskiy, P.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 27–28. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie. pp. 198–238.
37. Verlaine, P. (1894) *Romansy bez slov* [Songs Without Words]. Translated from French by Valery Bryusov. Moscow: Tip. E. Lissnera i dr.
38. Solov'ev, V.S. (1991) *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo.
39. Bryusov, V.Ya. (1990) *Sredi stikhov. 1894–1924. Manifesty, stat'i, retsenzii* [Among Poems. 1894–1924. Manifestos, Articles, Reviews]. Moscow: Sov. pisatel'.
40. Bryusov, V.Ya. (1975) *Sobr. soch.: Stikhotvoreniya. Poemy. 1892–1909* [Collected Works: Verses. Poems. 1892–1909]. Vol. 1. Moscow: Khud. lit.
41. Lotman, Yu.M. (1998) *Ob iskusstve* [On art]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 436–441.
42. Bryusov, V.Ya. (1937) K istorii simbolizma (1893) [On the history of symbolism (1893)]. In: Lebedev-Polyanskiy, P.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 27–28. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie. pp. 269–275.
43. Bryusov, V.Ya. (1927) *Pis'ma k P.P. Pertsovu. 1894–1896: K istorii rannego russkogo simbolizma* [Letters to P.P. Pertsov. 1894–1896: On the History of Early Russian Symbolism]. Moscow: GAKhN.
44. Markov, V. (1988) *Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont. 1890–1909*. Köln; Wien: Böhlau.
45. Bryusov, V.Ya. (1975) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: In 7 Volumes]. Vol. 4. Moscow: Khud. lit. pp. 218–230.
46. Mints, Z.G. (2004e) *Blok i russkiy simbolizm. Izbrannye trudy: v 3 kn.* [Blok and Russian Symbolism: Selected Works: In 3 Books]. Book 3. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 273–313.
47. Hansen-Löve, A. (2003) *Russkiy simbolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simbolizm nachala veka. Kosmicheskaya simbolika* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motives. Mythopoetic Symbolism of the Beginning of the Century. Space Symbolism]. Translated from German. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt.
48. Dashevskaya, O.A. (2005) *Mifotvorchestvo V. Solov'eva i “solov'evskiy tekst” v poezii XX veka* [V. Solovyov's myth-making and “Solovyov's text” in the poetry of the 20th century]. Tomsk: Tomsk State University.
49. Orlikiy, Yu.V. (2005) Stikhotvornyye tsitaty v kriticheskikh stat'yakh VI. Solov'eva [Poetic quotes in critical articles by VI. Solovyov]. In: Takho-Godi, A.A. & Takho-Godi, E.A. (eds) *Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebryanogo veka* [Vladimir Solovyov and the culture of the Silver Age]. Moscow: Nauka. pp. 145–151.
50. Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (2000) O semioticheskom mekhanizme kul'tury [On the semiotic mechanism of culture]. In: Lotman, Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 485–503.

Received: 21 February 2020

Т.В. Чернышова, Ю.Г. Чернышов

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АВТОРА И АДРЕСАТА В СОВРЕМЕННЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОНЛАЙН-ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТЫ «КОММЕРСАНТЪ»)

Обобщены итоги междисциплинарного исследования, выполненного на материале одного события, отраженного в медиатекстах онлайн-издания «Коммерсантъ» и комментариях пользователей. На примере модели коммуникативно-речевого взаимодействия участников онлайн-коммуникации представлены результаты интерпретации ими авторского новостного текста и высказываний друг друга через интернет-комментарий как важный компонент современной медиакommunikации. Определены детерминанты этого вида деятельности.

Ключевые слова: медиатекст; автор и адресат онлайн-новых СМИ; интерпретативная деятельность; интернет-комментарии; социально-политический контекст.

Постановка проблемы

На примере одного коммуникативного события – публикации, содержащейся на сайте газеты «Коммерсантъ» – «онлайн-ового» газетного издания, представлены результаты изучения интерпретирующей деятельности участников массово-информационного дискурса в процессе взаимодействия интернет-пользователей с автором новостного текста и друг с другом через интернет-комментарий как важный компонент современной медиакommunikации.

Исследование имеет междисциплинарный характер – лингвистический анализ текстового материала осуществлен с позиций коммуникативно-деятельного подхода, в русле которого субъекты медиакommunikации – автор обсуждаемого медиатекста и адресаты, интерпретирующие его текст и комментарии друг друга, – рассматриваются как активные личности, результатом целенаправленной речемыслительной деятельности которых является интерактивный обмен мнениями по поводу важных социально-политических событий.

В центре лингвистического анализа оказывается медиатекст, понимаемый как «совокупность концептуальных схем, отражающих фрагменты языковой картины мира коммуникантов, на основе которых осуществляется интерпретация текста и его понимание» [1. С. 66]. Важная роль в процессе интерпретации отводится контексту (личностному, ментально-языковому, информационному, социально-политическому) [1. С. 232], под влиянием которого моделируются доминанты коммуникативного взаимодействия участников сетевой коммуникации, определяются смысловые опорные пункты интерпретации медиатекста-стимула, наполняется новыми смыслами содержательное пространство текста и выявляется его оценочный потенциал, выбираются стратегии речевого взаимодействия участников сетевого общения, формируется общественное мнение по наиболее актуальным проблемам жизни современного общества.

Полученные на основе комплексного лингвистического анализа результаты дополняются данными политической науки, позволяющими на примере интернет-комментариев оценить интерпретирующую деятельность участников сетевого медиадискурса с

учетом широкого социально-политического контекста современной России.

Актуальность исследования медийного жанра интернет-комментария обусловлена тем, что, будучи погруженным в современный информационный, социально-политический и ментально-языковой контекст, он позволяет выявить вариативные возможности «интерпретации рядовыми носителями языка текстов на политические темы... осуществить мониторинг общественного мнения... и отношения людей к происходящим в обществе политическим процессам» [2. С. 48]. Современная медиакommunikация, благодаря интернет-технологиям, расширяет возможности взаимодействия адресатов массмедиа. Как отмечает М.А. Круглова, «новые формы и возможности общения с аудиторией – один из важнейших плюсов новой технологической площадки. Благодаря интернету издатели смогли увидеть своего читателя и иногда – с удивлением – узнать, что же он предпочитает и хочет читать в издании. Читатель в интернете не хочет, в большинстве своем, быть пассивным газетным читателем. Он хочет диалога, а не монолога» [3]. Благодаря сетевым и онлайн-новым СМИ, адресат получил возможность оценивать прочитанный материал, повышать или понижать его рейтинг, голосовать, обсуждать прочитанное на форуме [4. С. 60].

Интернет-комментарий пополнил перечень жанров современного медиадискурса. По мнению Л.Р. Дускаевой, под медиадискурсом в широком смысле понимается объект медиалингвистики, изучаемый «в различных структурных проявлениях» и представляющий собой «тип институционального дискурса... ориентированный на массовое воздействие через передачу информации» [5. С. 55]. В узком смысле медиадискурс определяется как «тематически сфокусированная, социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в информационном поле масс медиа» [6. С. 206]. Разновидностью медиадискурса является дискурс «массмедиа» (или массово-информационный дискурс), определяемый С.Г. Корконосенко как «газеты, журналы, радио- и телеканалы, сетевые издания, ориентированные на многочисленную анонимную аудиторию» [5. С. 54] и направленные на формирование образа мыслей (вектора ассоциаций) потенциального адресата.

В русле этого подхода «поливекторно анализируется лингвистическая архитектура речевой деятельности в коммуникации» [5. С. 61]. Результатом этой деятельности является медиатекст (в данном случае – вторичный текст интернет-комментариев, созданный участниками интернет-обсуждений), рассматриваемый лингвистами в деятельностно-процессуальном, прагматическом аспекте [7, 8]. Данный аспект предполагает изучение текста в тесной связи с реальными обстоятельствами (т.е. с учетом дискурсивных признаков), включающими условия создания и среду обитания медиатекста, его целевую направленность, коммуникативные параметры автора и адресата, намерения, с которыми они входят в коммуникацию и т.д. [5. С. 74].

Законодательство России в число средств массового информирования включает как традиционные их виды (печатные издания, телевидение, радио), так и сетевые издания и онлайн-версии бумажных изданий, представленные на сайтах в сети Интернет [5. С. 406]. В качестве общих признаков модернизации печатных изданий в онлайн-версии исследователи называют следующие: наличие обязательной и онлайн обновляемой ленты новостей; «дополнение к привычным для печати формам (вербальным, графическим и фотографии) непривычных для газеты и журнала медийных средств (видео и аудио) с использованием разных конфигураций (поли- и мультимедийных) и конвертированием для разных носителей-гаджетов; интерактивность сайтов и возможность создания контента самим потребителем; управление своей аудиторией, возможность идентифицировать свою аудиторную нишу» [3]. К новым свойствам, приобретенным печатными СМИ, можно отнести гипертекстуальность («некое информационное пространство... которое состоит из отдельных, огромных информационных полей...», четко систематизированных [4. С. 55–56]), мультимедийность [3], понимаемую как «представление информации с помощью различных медийных платформ – вербального текста, фотографии, аудио-, видео-, графики, анимации и других производных от них форм» [10. С. 83], и **интерактивность** («возможность прямого подключения пользователя в процессе передачи новостей» [9. С. 119]) как наиболее важное свойство с точки зрения возможности моделирования процессов взаимодействия автора и адресата через онлайн-текст.

Описывая категорию гипертекстуальности, Л.Р. Дускаева отмечает, что она реализуется через гипермедиатекст (новостной поток), который предстает как «общность всех медиатекстов, размещенных в гипертекстовой среде» [5. С. 75]. Новостной гипермедиатекст определяется исследователем как «взаимодействие смысловых позиций коммуникантов» [5. С. 222], которое (независимо от того, происходит ли это общение онлайн или офлайн) можно объяснить через понятие **диалогичности**, являющееся фундаментальным свойством медиадискурса в целом и онлайн-дискурса в частности. Диалогичность реализуется через систему трех координат: «Я»/«Мы» (инициатор коммуникации); «Вы» (адресат, интерпретатор речи); «Он» (привлекаемый к коммуникации в каче-

стве эксперта, оппонента и т.д.) [5. С. 56]. Л.Р. Дускаева отмечает, что интернет-комментарий является своего рода «текстом-реакцией» на «претексты-стимулы» и выполняет в гипермедиатексте функцию «второй реплики в диалоге, которая обеспечивает разнонаправленную связь, отвечая на предшествующее коммуникативное действие и стимулируя последующее» [5. С. 222], тем самым варьируя и расширяя смысловую и тематическую направленность предшествующих сообщений и провоцируя активность обсуждения новостного события.

Объектом изучения являются медиатекст-стимул и интернет-комментарии пользователей онлайн-версий бумажных изданий СМИ; предметом – интерпретативный потенциал медиатекста-стимула, ставший основой интерпретирующей деятельности участников сетевого СМИ и воплощенный в их интернет-комментариях.

Цель исследования – моделирование на основе комплексного лингвистического анализа смысловых блоков новостного медиатекста и выявление его интерпретативного потенциала, который затем может реализоваться в текстах-комментариях; описание возможностей интерпретирующей деятельности адресатов СМИ в условиях интернет-общения; выявление детерминационных факторов, определяющих интерпретирующие возможности комментирования медиатекста-стимула.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования является авторская публикация Олега Сапожкова: «Почти все шло не по плану. Счетная палата оценила работу правительства» и расположенное сразу после нее небольшое дополнение под заголовком «Чем располагает исполнительная власть», а также интернет-комментарии читателей к этим текстам (52 комментария). Весь материал размещен на сайте газеты «Коммерсантъ» (№ 21 от 06.02.2020) [11]. При отборе текста для анализа из 20 проанализированных публикаций указанного издания разных выпусков за 2020 г. выбрано одно, получившее наибольшее число комментариев интернет-пользователей.

Моделирование коммуникативно-речевого взаимодействия автора и адресатов онлайн-медиатекстов осуществлено с помощью комплексного лингвистического анализа, апробированного на большом фактическом материале (в том числе и на материале текстов газеты «Коммерсантъ») в ходе исследования лингвокогнитивной природы печатных текстов СМИ в аспекте фактора адресата [1. С. 147–154]. В данном исследовании обновленная и уточненная авторская методика применена к качественно новому материалу – онлайн-версии текста бумажных СМИ, обладающих, как указывалось ранее, рядом отличительных признаков по сравнению с текстами печатных изданий (и прежде всего интерактивностью, обеспечивающей возможность получения почти моментальной обратной связи с адресатом). Целью комплексного лингвистического анализа является выявление смысловой структуры

текста-стимула (авторского текста), ставшего объектом интерпретирования и комментирования, основой которой являются логико-фактологические цепочки [12. С. 48–55], состоящие из ключевых слов (концептов) текста, организованных в смысловые блоки, и определение их интерпретативного потенциала в текстах интернет-комментариев.

Основу комплексного лингвистического анализа составляют, с одной стороны, стилистический и смысловой анализ онлайн-нового медиатекста-стимула, позволяющий ответить на вопрос об организации его концептуальной структуры с учетом смыслового содержания и целевой установки автора, с другой – интерпретационный анализ медиатекста и комментариев пользователей сетевых СМИ [1. С. 151], который, как отмечает В.З. Демьянков, «предполагает взгляд на строение дискурса глазами “потребителя” – интерпретатора» [13. С. 116].

Полагаем, «что адресат при восприятии и интерпретации высказывания извлекает из него тот смысл, который опирается на окружающий контекст в широком его понимании... не только на весь текст» в его вербальном и невербальном выражении, «но и на ментально-языковой контекст, а особенно – социально-политический контекст» [1. С. 153], во многом определяющий результат интерпретации адресатом авторского текста.

Результаты исследования. Интерпретирующая деятельность автора и адресата сетевых СМИ

Моделирование структурно-смыслового содержания медиатекста «Почти все шло не по плану. Счетная палата оценила работу правительства» (далее Текст) и «Чем располагает исполнительная власть» (Текст-дополнение)

1. Комплексный лингвистический анализ медиатекстов: структура, смысловая организация, авторская позиция. В основу анализируемого текста положен доклад Счетной палаты, анонсированный ее главой Алексеем Кудриным на коллегии контрольного органа. Документ подписан аудитором Татьяной Блиновой. Использование в качестве основы текста документа государственной важности обусловило сдержанный характер публикации и тщательный отбор автором публикации языковых единиц для информирования и оценивания изложенного материала: стилистической чертой данного текста является использование нейтральной лексики и цитирование фрагментов документа.

План изложения и содержания Текста структурно (хотя и фрагментарно) повторяет описываемый документ (доклад Счетной палаты). Смысловой анализ Текста позволил выделить несколько ключевых словосочетаний организующих смысловую структуру авторского текста и послуживших опорными пунктами интерпретации описываемого события: «Счетная палата (СП+Алексей Кудрин)», «Правительство Медведева», «Данные о бюджетных средствах, штатном и хозяйственном обеспечении», «Стратегическая программа (Президент)», «Новое правительство» (см.

рис. 1. Смысловые блоки Текста по результатам комплексного лингвистического анализа).

Ключевое сочетание (КС) «Счетная палата (СП+Алексей Кудрин)» маркирует первый смысловой блок текста, вербализованный в следующих фрагментах публикации:

«Счетная палата (СП) провела стратегический аудит работы правительства в 2017–2019 гг.

СП опубликовала сегодня анонсированные ее главой Алексеем Кудриным на коллегии контрольного органа... результаты стратегического аудита работы правительственных подразделений над нацпроектами»¹.

«Объемный документ, констатирующий расхолаженность ведомственных планов и положений, системы федеральных проектов и объединяющих их нацпроектов с национальными целями, подписан аудитором Татьяной Блиновой».

Тематически к данному смысловому блоку приемыкает информация о главе СП Алексее Кудрине, который характеризуется автором Текста как «один из идеологов системы национальных целей, в 2016–2017 гг. принимавший активное участие в разработке стратегических планов развития РФ на президентский цикл 2018–2024 гг. ...в период его работы в ЦСР». Отмечается, что многие его идеи (рост социальных и образовательных расходов, опора на высокие технологии, повышение пенсионного возраста и т.п.) были учтены при формировании национальных целей и проектов, в том числе и Программный бюджет.

Переход от первого смыслового блока ко второму (КС «Правительство Медведева», рис. 1) осуществляется за счет информации о выводах, содержащихся в документе по результатам стратегического аудита СП, направленного на оценку работы Правительства: как следует из публикации, результатом деятельности СП по проведению стратегического аудита работы правительства в 2017–2019 гг. явилось то, что (1) СП негативно оценила деятельность правительства; (2) выявила ряд проблем, приведших к отставке Правительства. Приведем иллюстрации этих положений.

(1) Отрицательная оценка деятельности правительства изобилует отрицательными глагольными конструкциями, указывающими на отсутствие необходимого действия (*не увязываются, не стыкуются, разбалансирована* и др.), усилительными частицами и наречиями с тем же значением (*практически отсутствует, неэффективна, определяются формально, недостаточно нормативно урегулирована* и др.) и представлена несколькими текстовыми фрагментами, в которых констатируются:

– недостатки работы Правительства: «...система стратегического планирования в РФ **практически отсутствует, цели органов власти не увязываются между собой и с требованиями президента и правительства и не стыкуются с проектной деятельностью Белого дома, определяются формально, а их достижение не контролируется**»;

– закономерные последствия такой неэффективной деятельности: «система стратегического планирования деятельности... исполнительной власти в настоящее время **разбалансирована и неэффективна, не**

достаточно нормативно урегулирована и методически обеспечена, с низким уровнем контроля и исполнительской дисциплины».

(2) В документе СП указываются и проблемы, причем в авторскую речь для большей убедительности включаются цитируемые фрагменты из доклада: «СП отмечает наличие проблем на всех уровнях системы»:

– о планах, подчиненных Белому дому: «из 525 показателей нацпроектов и федеральных проектов 45% (236 показателей) не включены в планы федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ)»;

– о госпрограммах: «ситуация еще хуже – из 1263 показателей программ и подпрограмм в планах исполнительной власти не упоминается три четверти (74%, 935)»;

– о других проблемах: «... проблемы нормативного регулирования, методического обеспечения, организации контроля, открытости и доступности информации»; «нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу, не формируют завершённую систему стратегического планирования»; «Они не согласованы между собой и не актуализированы в соответствии с документами, определяющими национальные цели и стратегические задачи социально-экономического развития страны»; «В результате ни один из утвержденных планов деятельности ФОИВ на 2019–2024 гг. не соответствует установленным требованиям».

К теме второго смыслового блока примыкает информация, представленная в Тексте-дополнении («Чем располагает исполнительная власть») – его содержание формирует дополнительный третий блок, посвященный информации «о бюджетных средствах, штатном и хозяйственном обеспечении, которыми распоряжаются 17 госорганов прямого подчинения правительству».

Данный текст-дополнение структурно находится за пределами первого текста, но в смысловом отношении очень тесно с ним связан. Причина, по которой он помещен отдельно, обусловлена структурно-

композиционной организацией первого текста – как указывалось ранее, его основу составил текст доклада СП по результатам стратегического аудита. Именно поэтому в Текст включены интерактивные ссылки на ряд документов, подтверждающие его локально-временные и содержательные характеристики, например: (см. «Ъ» от 15 января); (.pdf), Как Счетная палата оценила оформление и исполнение проектной деятельности правительства; Как Счетная палата примеряется к стратегическому аудиту (см., например, «Ъ» от 2 декабря и 28 декабря 2016 г. и 24 июля 2017 г.) – первый смысловой блок; (см. «Ъ» от 13 января) – четвертый смысловой блок.

Текст-дополнение таких ссылок не имеет, но предваряется фразой, отсылающей к докладу СП: «СП приводит данные о бюджетных средствах, штатном и хозяйственном обеспечении», на основании чего мы полагаем, что этот блок был введен в смысловое пространство материала для расширения информации о деятельности старого правительства и подотчетных ему госструктур.

В целом, отмечая общую пессимистическую тональность документа, автор публикации вслед за авторами подтверждает позитивную роль Президента в совершенной «проектной революции» и тем самым вводит четвертый смысловой блок в ткань повествования (КС «Стратегическая программа (Президент), рис. 1): «“проектная революция” в Белом доме, начатая в конце прошлого президентского срока Владимира Путина, дала заметные результаты – в цифрах планирование расширенного проектного офиса Белого дома вдвое эффективнее, чем старой госпрограммной «административной вертикали». Данный смысловой блок вербализован, но не получает развития в анализируемом медиатексте. Автор вслед за СП лишь констатирует, что инициативы Президента «не устраняют системных проблем, ввиду несформированности системы показателей, отражающих достижение целей устойчивого социально-экономического развития, включая национальные цели», что не позволяет оценить вклад в их достижение.

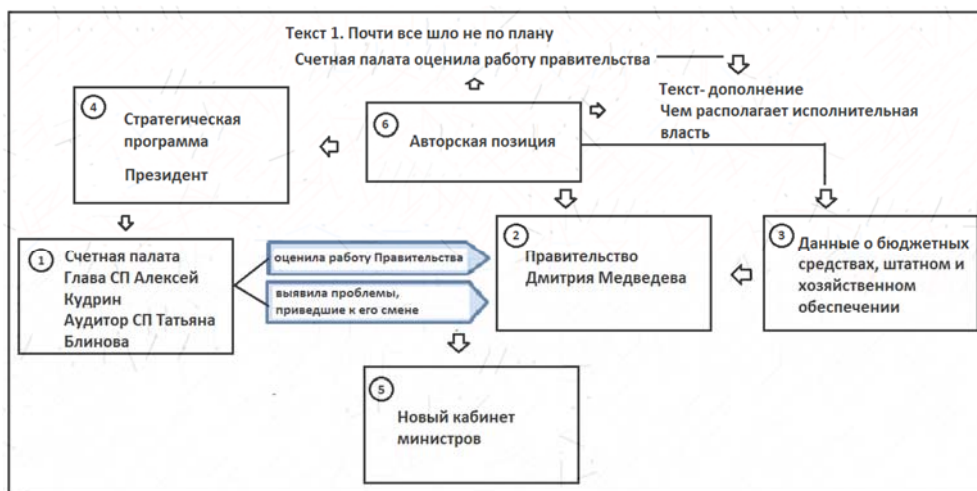

Рис. 1. Моделирование смысловых блоков медиатекста по результатам комплексного лингвистического анализа

Также по объективным причинам не получает развития в медиатексте пятый смысловой блок (КС «Новое правительство», рис. 1). Этот блок появляется в конце Текста. Следуя за составителями доклада, автор Текста подчеркивает, что результаты стратегического аудита относятся «к прежней структуре и составу правительства Дмитрия Медведева, но решать, мешают ли выявленные проблемы работе, предстоит новому кабинету министров».

Последний смысловой блок Текста, который необходимо рассмотреть, связан с фигурой автора текста (КС «Авторская позиция», рис. 1). В отличие от всех описанных блоков, которые представлены крупными текстовыми фрагментами, содержание данного блока рассредоточено по всему тексту и его исследовательская оценка возможна только на основе коммуникативно-прагматического и стилистического анализа текста, призванного пролить свет на особенности авторской позиции в освещении представляемой информации.

По мнению И.П. Сусова, коммуникативно-деятельностный подход в любом коммуникативном речевом акте, представленном в тексте, видит «динамическую систему, в которой коммуникативным действием связаны четыре основных компонента»: «пишущий, коммуникатор» – Г (в исследуемом случае – автор медиатекста); читающий, коммуникант (применительно к данному исследованию – адресат сетевого издания «Коммерсантъ» – С); референт («фрагмент мира вещей или мира образов» – в данном случае в тексте отражен фрагмент политической жизни социума – Р) и текст (Т). «Коммуникативное действие связывает все эти компоненты в единую динамическую систему – коммуникативно-социальное поле, описываемое формулой $k(G, C, T, P)$, где k представляет собой как четырехместный предикат: “Кто-то говорит кому-то что-то о чем-то”» [14. С. 97], «причем акцент прежде всего сделан на роли субъекта коммуникативного действия (т.е. личности автора, коммуникатора)» [14. С. 97].

Моделирование структурно-смысловой организации текста на основе смыслового анализа позволяет говорить о ряде аспектов присутствия автора в Тексте.

1. Прежде всего авторское присутствие проявлено в заголовке публикации «Почти все шло не по плану. Счетная палата оценила работу правительства», состоящем из двух частей. Первая часть *Почти все шло не по плану* ориентирована на привлечение внимания потенциального читателя: этой цели может служить заведомая неопределенность заголовка, актуализированная наречием меры и степени *почти* (в данной конструкции лексема *почти* употреблена в значении ‘немного меньше чего-либо’ [15. С. 345]); определенным местоимением *всё*, содержащим указание на неограниченную широту охвата чего-либо; формой прошедшего времени глагола *идти* (*шло*), относящейся к действию в прошлое, и обстоятельством образа действия с отрицательной частицей *не*: *не по плану* (т.е. с нарушением продуманного порядка [15. С. 505]). Такой заголовок у думающего читателя непременно вызовет желание прочитать текст, тем более что вторая часть заголовка носит информирующий характер и

указывает на тему публикации (референт), интересную политически активным читателям: *Счетная палата оценила работу правительства*. Обе части заголовочного комплекса содержат разговорную интонацию, также направленную на привлечение внимания адресата: например, разговорно-оценочная тональность характерна в целом для первой части заголовочной конструкции, во второй части привлекает внимание использование лексемы *оценила* вместо осложненного и характерного для письменной деловой речи сочетания *дала оценку*.

2. Авторский замысел реализован в отборе иллюстративного материала для смысловых блоков Текста. Например, экспрессия при иллюстрации второго и третьего смысловых блоков («Правительство Медведева», «Данные о бюджетных средствах, штатном и хозяйственном обеспечении») достигается не за счет использования стилистически маркированной лексики, а за счет фрагментов из отчета СП, содержащих цифровой иллюстративный материал, способный поразить воображение адресата.

3. ИмPLICITно авторское отношение к описываемому проявляется, на наш взгляд, через введение в первый блок Текста информации о государственной деятельности главы СП Алексея Кудрина, а также расширение второго смыслового блока («Правительство Медведева») за счет Текста-дополнения, благодаря содержанию которого расширяется представление читателя о «бюджетных средствах, штатном и хозяйственном обеспечении, которыми распоряжаются 17 госорганов прямого подчинения правительству».

4. Непосредственно авторских оценок в Тексте немного. При этом действия СП по аудиту вербализованы автором при помощи нейтральных глагольных конструкций²: «Объемный документ, констатирующий, СП констатировала, СП отмечает, выяснилось, что; анализ показал; констатирует в отчете госпожа Блинова; СП подтверждает». Однако некоторые из авторских языковых средств, имеющих отношение к оценке качества проведенного анализа деятельности Правительства Медведева, можно охарактеризовать как содержащие положительную оценку отчета СП о проведенном стратегическом аудите, например: «Контрольный орган **прямо признает**; он (новый документ) охватывает всю систему целеполагания Белого дома и подведомственных госорганов, признавая, что; несмотря на общий пессимизм документа, стратегический аудит СП подтверждает».

В тексте практически отсутствует авторская оценка деятельности отправленного в отставку правительства, однако несколько оценочных высказываний, отрицательно ее характеризующих, в тексте есть: общая о результатах оценки СП деятельности правительства, автор отмечает: «*работа исполнительной власти в последние годы ничем не напоминает вертикаль – скорее, добровольное сотрудничество ее носителей ради вольно толкуемой общей цели*» (фраза строится на основе приема противопоставления профессиональной государственной деятельности и деятельности общественной).

Таким образом, на основе комплексного лингвистического анализа медиатекста Олега Сапожкова: «Почти все шло не по плану. Счетная палата оценила работу правительства» была выявлена его структурно-логическая и смысловая организация; определены основные смысловые блоки (опорные пункты интерпретации), обладающие интерпретативным потенциалом и составившие концептуальную основу текста; определено место автора медиатекста как субъекта коммуникативного действия, связывающего в единое коммуникативно-социальное поле все активные компоненты текста и в определенной мере задающего вектор его интерпретации потенциальными читателями; определена стилистическая окраска текста.

2. Политологический комментарий, отражающий общественно-политический контекст, на фоне которого развёртывается сетевая медиакommunikация. Оценивая публикацию в «Коммерсанте» и комментарии к ней с точки зрения политической науки, стоит охарактеризовать само анализируемое издание и общественно-политический «фон» описываемого события.

Газета «Коммерсант» традиционно имеет репутацию «солидного» делового издания, которое отличается взвешенной подачей общественно-политической и экономической информации. Ее тираж – более 100 тысяч экземпляров; полугодовая аудитория в России, по данным «Mediascope. NRS-Россия», составляет 4 244 000 чел.; люди с высшим образованием среди читателей составляют 65%, по социальному статусу 60% относятся к руководителям и специалистам [16]. Статистика, приводимая Amazon Alexa [17], говорит о том, что на данный момент сайт «Коммерсанта» занимает 96 место по России, на него ссылаются 12 504 других сайтов.

Стоит учитывать, однако, что и журналистский состав, и редакционная политика издания за последние годы серьезно менялись. Так, в сентябре 2006 г. издательский дом был продан Алишеру Усманову, а в 2012 г. с поста генерального директора издательского дома ушел Демьян Кудрявцев. В мае 2019 г. в связи с увольнением двух журналистов заявили о своем уходе заместитель главного редактора Глеб Черкасов и весь отдел политики «Коммерсанта» [18]. Оставшимся журналистам приходится учитывать, что они должны быть крайне осторожны в публикациях о высшем эшелоне власти. Собственно, это как раз и отразилось в рассматриваемом материале, где почти нет авторских оценок и той глубины аналитики, которой прежде славился «Коммерсант». Автор, например, не поднимает вполне закономерные вопросы: насколько реалистичен был сам «план», только ли правительство Дмитрия Медведева ответственно за проводившуюся в стране политику, и правильно ли вообще требовать от госслужащих, чтобы на огромной территории страны все до мелочей шло только «по плану»? По-видимому, это осторожное «недоговаривание» автора тоже оказало определенное влияние на характер восприятия данного материала его читателями.

Публикация вышла 6 февраля 2020 г., а незадолго до этого, 15 января, председатель правительства Дмитрий Медведев объявил об уходе в отставку ка-

бинета в полном составе. Это объявление произошло сразу после оглашения президентом России Владимиром Путиным послания Федеральному Собранию. Отставка, очевидно, была согласована и обоснована тем, что перед правительством ставятся принципиально новые задачи, с которыми старый кабинет справиться не сможет.

Весьма характерно, что в тот же день, 15 января, глава Счетной Палаты Алексей Кудрин анонсировал те самые результаты стратегического аудита работы правительственных подразделений, о которых и рассказывается в февральской публикации «Коммерсанта». В определенной степени этот аудит выполнил функцию объяснения и обоснования причин отставки правительства: команда Дмитрия Медведева не сумела сделать «все по плану» и эта задача возлагается теперь на кабинет Михаила Мишустина – «эффективного управленца», который, как ожидается, сможет наладить системную работу строго «по плану».

Разумеется, в официальных заявлениях не говорится о том негативном шлейфе, который тянулся за прежней правительственной командой, которой пришлось принять ряд непопулярных мер в социальной сфере (пенсионная реформа и т.д.). Но остаются вопросы: означает ли данная отставка, что вместе с уходом правительства уходит и этот негативный шлейф, или же он будет тянуться и дальше за верхушкой властной вертикали? И что означают разные инициативы, предложенные Владимиром Путиным – поворот к решению социальных проблем, продление своих полномочий, дальнейшее усиление вертикали власти? Ни в обществе в целом, ни среди экспертов пока нет однозначных ответов на эти вопросы, и развернувшаяся горячая полемика вокруг них стала тем фоном, который, несомненно, повлиял на восприятие читателями данной новости.

Моделирование смыслового содержания интернет-комментариев к тексту «Почти все шло не по плану. Счетная палата оценила работу правительства» в аспекте выявленных смысловых блоков медиатекста

1. Интернет-комментарии в аспекте комплексного лингвистического анализа (в сопоставлении с медиатекстом-стимулом). Объектом анализа стали 52 комментария к анализируемому тексту, произведенные адресатами онлайн-издания «Коммерсантъ» 06.02.20.

На основе комплексного лингвистического анализа были выделены смысловые доминанты интернет-комментариев, позволившие сформировать смысловые блоки, организованные вокруг ключевых словосочетаний (опорных пунктов интерпретации) медиатекста.

Практически все смысловые блоки текста-стимула находят отражение в интернет-комментариях пользователей. Как отмечалось ранее, текст-стимул не содержит оценочной лексики и характеризуется слабо проявленной авторской позицией. В то же время отличительной чертой интернет-комментариев является их экспрессивно-оценочный характер, обусловленный

условиями интернет-общения, предполагающими более свободный выбор стиля и формы выражения мыслей в цифровом типе дискурса по сравнению, например, с печатными текстами. Исследователи, изучающие обмен мнениями участников сетевых СМИ друг с другом, отмечают большое разнообразие стилей, функционирующих в сетевых СМИ. В частности, Р. Крейг (R. Krcijg), достаточно широко трактующий понятие стиля, пишет о появлении в онлайн-журналистике таких новых стилей, как беспощадный, дерзкий, суровый, свободный, сварливый и др. (Цит. по: [9. С. 124]). Обращает на себя внимание и оценочный характер комментариев – в основном негативный, частотное использование разговорно-просторечной лексики и фразеологии. Приведем примеры смысловых блоков текста-стимула, нашедших отклик в интернет-комментариях читателей.

Так, к смысловому блоку «Счетная палата +Алексей Кудрин» (см. рис. 1) можно отнести обмен комментариями двух пользователей под **никнеймами Alex Miklas и Vladimir Goth**.

Предметом их диалога является доклад Счетной палаты о проведенном стратегическом аудите работы правительства. Тон обсуждения задает **Alex Miklas**, по мнению которого Счетная палата не должна определять содержание национальных планов и соответствие им национальных проектов – это не входит в ее компетенцию: «...*рассогласованность ведомственных планов и положений, системы федеральных проектов и объединяющих их нацпроектов с национальными целями*» – «с каких пор аудиторы начали **СЧИТАТЬ не дебет-кредит, усущу-утруску, соблюдение требований безопасности и исполнения обязанностей? А – фактически определять что является национальными планами и как им соответствуют нац. проекты**»³. Данный комментарий можно отнести к разряду «профессиональных»: несмотря на оценочный фон высказывания, в нем присутствует комментирование конкретных фрагментов текста-стимула. Ответная реакция пользователя **Vladimir Goth** указывает на то, что его не интересует поставленная проблема, скорее всего, он даже не понял содержания комментария и, возможно, не прочитал до конца текст-стимул. Его ответ свидетельствует о стереотипной реакции, суть которой можно сформулировать следующим образом: все, что идет от властных структур, направлено на обогащение власть имущих: «**Какой план, Гарри?..©Разве был план? Грабеж – это не план, а присвоение бесхозного имущества большой ценности**».

Участники следующего диалога-комментария под никами **Ян Рогов, Serg Nik, solovey** касаются вопросов, содержащихся в медиатексте-стимуле в смысловом блоке «Правительство Медведева» (см. рис. 1). Комментаторы обсуждают недостатки работы правительства. Приоритетную позицию в обсуждении занимает **Ян Рогов**, образно оценивая работу правительства и предлагая конкретные меры по улучшению результатов его работы: «**То что у нас лебедев рак и щука – абсолютно точно. Нужны задачи и приоритеты... Нужно абсолютно четкое понимание целей и их приоритетности. Все остальное подчинено**

логике реализации именно этих целей. Никакой самодеятельности Министерств, законодателей, губернаторов, мэров – никого».

Два других пользователя поддерживают этот комментарий, однако их больше интересует, какие новые ответственные посты будут занимать чиновники прежнего правительства: **Serg Nik: «Интересно, на какие новые ответственные посты определяют чиновников прежнего правительства, столь явно показавших свою профнепригодность? И какие бонусы и прибавки к пенсии они получают за свои “выдающиеся достижения”»?** Кроме того, как следует из комментария, этот пользователь является сторонником жестких мер по отношению к бывшим чиновникам.

Ответ на вопрос дает **solovey**, в своем комментарии утверждающий, что все бывшее правительство уже трудоустроено: «...*бывший премьер медведев теперь имеет зарплату 618 тысяч рублей в месяц, а у меня пенсия 192 тысячи в год или 16 тысяч в месяц... Очень непродуктивно для народа*».

Таким образом, комментарий пользователя **Ян Рогов** остается без ответа, а обсуждение переходит к новой теме, не затронутой в тексте-стимуле: **трудоустройство чиновников прежнего правительства**

Еще один смысловой блок текста-стимула («Данные о бюджетных средствах, штатном и хозяйственном обеспечении правительственных структур») представлен в комментариях пользователей **ЮрийВЛ** и **Alex X**. Данные комментарии посвящены одной теме, социально заострены, содержат экспрессивно-оценочную лексику (*дармоеды, огрызки, «слуга народа», кормушка*) и демонстрирует непримиримую позицию в отношении власть имущих, что доказывается фрагментами их комментариев: **ЮрийВЛ: «Ежегодно съедаемые триллионы рублей... из властных структур это не полученные достойные пенсии без повышения пенсионного возраста, это не полученные высокие зарплаты врачей, учителей, социальных работников и многих других, это узаконенное расхищение средств, создаваемых народом нашей страны, но получающем огрызки от того что принадлежит ему. Всё это известно и без кудрина – одного из этих же “слуг народа”».**

Комментарий пользователя **Alex X** демонстрирует согласие с предыдущим мнением, но формулирует его в виде констатирующего итога: «**Все так и будет пока чиновники будут превращать гос службу в собственную кормушку и подчинять логике личного обогащения**».

Пользователи **solovey, Petr** и **Вася** дают практически одинаковую оценку стратегической программе президента, в основе которой лежит информация, содержащаяся в смысловом блоке «Стратегическая программа (Президент)» текста-стимула. Пользователь **solovey** в своем комментарии эмоционально выражает негативную оценку стратегии Министерства финансов, которая довела платежеспособность населения «до уровня Северной Кореи, а фискальная система находится на уровне Южной». В его комментарии присутствуют высказывания в форме призывов: «*Дай среднюю зарплату 10 тысяч швейцарских фран-*

ков в месяц и референдум по каждому вопросу»; «только вот подсчитывать сами будем голоса»; устойчивые идеологемы: «Мы эти грабли уже видели в СССР». Пользователь **Petr** дает краткую, но исчерпывающую оценку стратегической программе: «**Стратегия... Ржунимагу. Вся стратегия: бери большие, кидай дальше**». Комментарий пользователя **Вася** продолжает характеристику «стратегических планов», ссылаясь на «опубликованные данные», т.е. привлекая более широкий социальный контекст и демонстрируя таким образом свою осведомленность в обсуждаемой теме: в его комментарии содержатся сведения о месте, занимаемом в мировом рейтинге Россией по уровню продолжительности жизни, по уровню средней заработной платы: «Россия в 2017 г. находилась на 66 месте, после Намибии (60 место) и Ливии (63 место) и, по данным Минфина, по количеству чиновников: в 2019 г. в России насчитывалось 2 400 000 чиновников». Комментарий носит иронический характер, о чем свидетельствует использование кавычек в написании сочетаний «стратегические планы», «стратегия», а также значок))) , являющийся символическим обозначением смеха: «Остается надеяться, что **“стратегия”** нового Правительства РФ даст более положительные результаты))))».

Как следует из приведенных примеров, экспрессивность и оценочность интернет-комментариев обусловлена их полемическим характером, что также повышает градус интернет-общения, нередко приводя к речевым конфликтам. Причину этого исследователи видят не только в таких общих чертах, присущих дискурсу массмедиа в целом, как групповая соотнесенность и публичность. Е.В. Сычева отмечает и специфические характеристики сетевых медиатеков: участники интернет-комментирования сознательно создают «положения диссенса – противоречия, несогласия – с последующей дискуссией» и целенаправленно воздействуют на несколько групп одновременно [6. С. 205]. Такое разветвление обсуждения возможно в случае несовпадения идеологических установок и политических пристрастий участников сетевых ресурсов интернета (см. ниже пример с пользователем под ником **Anton99 Antonov**).

По мнению Н.Д. Голева и Л.Г. Ким, «интенция интерпретатора... обусловлена не только интерпретируемым текстом, но имеет и **дотекстовые детерминанты**, которые во многом определяют... выбор непосредственных элементов интерпретации, интерпретационное содержание... и т.п.» [2. С. 58]. Как показал проведенный анализ, в качестве дотекстовых детерминант могут выступать активно используемые идеологемы недавнего политического прошлого, желание непременно отметить в функции «комментатора» по важным социально-политическим проблемам – причем, это могут быть комментарии «профессионального» типа и просто комментарии-оценки: первые, как правило, опираются на оценку или анализ смысловых блоков текста-стимула, а вторые ограничиваются оценочным высказыванием, часто типовым, характерным для интернет-коммуникации в целом (например, *Ржунимагу*). В процессе интерпретирования точкой отсчета может быть «точка зрения кон-

кретного человека на мир или то представление о мире, которое строит интерпретатор в процессе интерпретации текста» [19. С. 110]; личностные знания адресата о ситуации [20. С. 158–159]) и др. Однако, отталкиваясь от смысловых блоков текста-стимула, авторы интернет-комментариев вносят новые темы для обсуждения, ассоциированные со смысловыми блоками текста-стимула, тем самым расширяя смысловое гипертекстовое пространство интернет-коммуникации. Так, важными для комментирующих становятся не реализованные в тексте-стимуле в рамках смысловых блоков 1 и 2 («Счетная палата» и «Правительство Медведева») темы, среди которых следующие:

– «**Отсутствие реакции счетной палаты на промежуточные этапы работы правительства**»: Пользователь под ником **Dart** задает вопрос: «Почему только счетная палата **молчала** все это время...»;

– «**Причины плохой работы правительства**»: пользователь **Ян Рогов** в своем комментарии демонстрирует достаточно жесткую позицию относительно устройства органов исполнительной власти: «*То что у нас лебедь рак и щука – абсолютно точно. Нужны задачи и приоритеты... Нужно абсолютно четкое понимание целей и их приоритетности. Все остальное подчинено логике реализации именно этих целей. Никакой самостоятельности Министерств, законодателей, губернаторов, мэров – никого*»;

– «**Ответственность за невыполнение планов**»: в комментарии пользователя **Владимир Юдин** выражается недоумение по поводу безнаказанности членов бывшего правительства: «*По сути СП говорит, что Правительство... игнорировало указы и поручения Президента РФ, тормозило развитие страны... НИКТО никакой ответственности не понес!...*». На этот комментарий эмоционально откликается пользователь **Cerol Malahova**: «*Кто ответит за все это?.. повысили, вместо того, чтобы наказать!...*»;

– «**Трудоустройство чиновников прежнего правительства**». Пользователь **Serg Nik**: «*Интересно, на какие новые ответственные посты определяют чиновников прежнего правительства, столь явно показавших свою профнепригодность? И какие бонусы и прибавки к пенсии они получают за свои “выдающиеся достижения”*»? Ему в своем комментарии отвечает пользователь **Alex**: «*Похоже там “случайные люди” – номенклатура, сильно напоминающая мастеров разговорного жанра – мелких инструкторов из мелких райкомов Комсомолии*».

В интернет-комментариях появляются и совсем новые смысловые блоки, отражающие ряд социально-политических проблем современного российского общества, которые комментаторам кажутся наиболее важными: «**Поправки к конституции**», «**Честные выборы**», «**Ответственность Президента**» и др. Данные блоки, тем не менее, по смыслу тесно связаны с текстом-стимулом, ассоциативно развивают темы, представленные в смысловых блоках 1, 2 и 3 (базовых с точки зрения обсуждаемых в публикации проблем) (см. рис. 2), и критически окрашены.

Небольшая группа комментариев, принадлежащих участнику под ником **Anton99 Antonov**, также содержит критическую оценку высказываний дру-

гих пользователей. Его задача, как представляется, попытаться опровергнуть связь прочих комментариев с содержанием текста-стимула, о чем свидетельствуют следующие высказывания, снижающие статус «оппонентов» и подвергающие сомнению их «профессионализм»: *«Проведенный аудит комментариев показал, что мало кто из комментаторов осилил статью и понял смысл написанного... Про деньги, про нарушения законов речи в Докладе и статье вообще нет. Комментаторы пишут про "грабеж", "утруску", "кормушку", "триллионы", "воровал" и прочие фантазии не имеющие никакого отношения ни к статье ни к СП. Аудит комментариев показывает, что основная часть комментаторов не имеет никаких экономических и финансовых знаний, не способна осилить статью, является ботами копирующими одно и то же. Данные комментарии не имеют никакой позитивной цели, а являются набросом и фантазиями страдающих всепроняльщиков»*. Интересно, что остальные участники практически не обращают внимания на замечания этого пользователя, по всей видимости, являющиеся привычными для данного онлайн-сообщества. Содержащиеся реплики диалогов не переходят в стадию развернутых речевых конфликтов, как это, например, бывает в социальных сетях [21]. Следует отметить, что развитие речевых конфликтов пресекается модератором сайта, о чем свидетельствует несколько удаленных комментариев, в том числе и принадлежащих указанному пользователю.

Корреляция интернет-комментариев и смысловых блоков текста-стимула представлена на рис. 2.

Итак, моделирование смыслового содержания интернет-комментариев пользователей онлайн-версии бумажного издания газеты «Коммерсантъ» на основе комплексного лингвистического анализа записей интернет-пользователей, посвященных одному событию, позволило выявить следующие особенности интерпретационной деятельности медиакommunikантов: интерпретирующая деятельность адресатов-комментаторов во многом определяется содержанием текста-стимула (его смысловым наполнением, концептуальной структурой, полнотой и последовательностью ее реализации автором медиатекста, эксплицитно и имплицитно выраженной авторской позицией по отношению к описываемому контенту); содержание интернет-комментариев, однако, не исчерпывается содержанием интерпретируемого текста – область обсуждения расширяется за счет тем, ассоциированных со смысловыми блоками текста-стимула.

Случайные или привычные для участников данного сообщества темы для комментирования появляются очень редко и составляют всего 4,5% от общего числа комментариев, в то время как все прочие, обусловленные темой публикации и навеянными ассоциациями преобладают (54 и 35,5 процентов от общего числа комментариев).

Вступая в интернет-коммуникацию, адресаты-комментаторы реализуют в ней не только свои языковые, профессиональные, коммуникативные компетенции, но и активно интерпретируют исходный медиатекст, используя относительно анонимную возможность обозначить свою позицию по отношению к наиболее важным аспектам социально-политической сферы современной России.

Рис. 2. Корреляция интернет-комментариев и смысловых блоков текста-стимула

2. Политологическая оценка интернет-комментариев. Наиболее характерной чертой комментариев является то, что многие их авторы пишут не столько о самом этом материале, сколько о более общих вопросах, волнующих общество в связи с ситуацией в стране и разнонаправленными инициативами, которые были предложены Владимиром Путиным. Уже упомянутое ощущение «недоговаривания», которое

могло остаться у читателей «Коммерсанта», проявилось, по-видимому, в том, что читатели пытаются «договаривать» за автора статьи, излагая собственное мнение. Например, пользователь **alexha** пишет о том, что «данные указы и нацпроекты... являются фантазиями»). При этом большинство комментариев связано по смыслу не столько с основной частью статьи, сколько с той справочной информацией, которая со-

общает об огромных ресурсах, выделенных исполнительной власти. И здесь разворачивается весь традиционный комплекс негативных представлений о российском чиновничестве: «Похоже там “случайные люди” – номенклатура, сильно напоминающая мастеров разговорного жанра – мелких инструкторов из мелких райкомов Комсомолии» (Alex); «Шило на мыло поменяли» (solovey); «Ежегодно съедаемые триллионы рублей...» (ЮрийВЛ); «более миллиона правительственных чиновников – это около 100 (ста!) дивизий комплектации мирного времени!» (конструктор) и т.д.

Весь этот комплекс представлений о бюрократии уходит корнями еще во времена Российской империи, причем в новейшее время, как отмечают социологи, его популярность только возрастает (см., например, аналитический доклад Института социологии РАН [22], а также исследование Ю. Нисневича [23]). Весьма характерны для нынешнего интернет-пространства неоднократные ответы одного и того же пользователя под ником Anton99 Antonov, повторяющего, что критически настроенные читатели пишут в комментариях о своих «бредовых фантазиях», и что в самом материале никакой критики в адрес властей нет. В этой связи можно отметить, что разного рода «дежурные» персонажи («интернет-тролли» и т.д.) еще с начала 2000-х гг. стали обычным явлением российской блогосферы (см. об этом: [24]). Похоже, что обычные комментаторы, как указывалось ранее, воспринимают их уже как «неизбежное зло», предпочитая даже не вступать с ними в полемику.

Таким образом, с политологической точки зрения характер восприятия читателями публикации в «Коммерсанте» определялся сразу несколькими факторами. Это и влияние общественно-политического «фона» (в частности, отставка правительства Дмитрия Медведева и новые инициативы Владимира Путина), и особенности нынешней редакционной политики «Коммерсанта», связанные с определенным «недовариванием», и укорененные в массовом сознании россиян традиционные представления о бюрократии как о многочисленном, неэффективном и в значительной степени коррумпированном «сословии». Читатели сами вносят в понимание читаемых текстов те смыслы, которые им близки, – данная закономерность проявилась здесь в полной мере.

Заключение

Обновленная и уточненная авторская методика, апробированная ранее на большом фактическом материале – печатных текстах СМИ (в том числе и на материале текстов газеты «Коммерсантъ») [1], применена в данном исследовании к качественно новому материалу – онлайн-версии текста издания «Коммерсантъ». Моделирование механизма коммуникативного речевого взаимодействия участников блога онлайн-газетного издания «Коммерсантъ» проведено в русле междисциплинарного подхода с учетом данных комплексного лингвистического анализа и политологического обзора, вписывающих анализируемое событие в широкий мен-

тально-языковой и социально-политический контекст.

Реализованный в исследовании подход позволил изучить некоторые новые закономерности, характерные для современных онлайн-СМИ (интерактивность, диалогичность, возможность получения почти моментальной обратной связи с адресатом, анонимность, смешение стилей общения), и охарактеризовать новые условия коммуникации, влияние которых на характер взаимодействия автора и адресата СМИ, на особенности структурно-логической организации онлайн-медиа-текстов и приемы их интерпретации пользователями еще далеко не изучено. Каждое подобное исследование может добавить важные штрихи к изучению такой существенной сферы деятельности человека, как сфера массово-информационного дискурса, ориентированная на формирование общественного мнения социума по поводу важных социально-политических процессов, происходящих в стране.

В ходе моделирования смысловой структуры онлайн-медиа-текста, посвященного значимому политическому событию – оценке деятельности работы правительства, отправленного в отставку, выявлены и определены:

- структурная организация медиа-текста;
- основные смысловые блоки (опорные пункты интерпретации), обладающие интерпретативным потенциалом и составляющие концептуальную основу текста, которая затем стала отправной точкой интернет-комментариев пользователей;
- место автора медиа-текста как субъекта коммуникативного действия, связывающего в единое коммуникативно-социальное поле все активные компоненты текста и в определенной мере задающего вектор его интерпретации потенциальными читателями;
- установлено, что, формально оставаясь «за текстом», автор, тем не менее, достаточно четко формулирует свою позицию, определяя приоритеты и во многом задавая тон обсуждения содержания медиа-текста пользователями газетного блога. Содержание анализируемой публикации вписано в социально-политический контекст, во много объясняющий позицию автора текста в изложении события.

Моделирование текстов интернет-комментариев пользователей онлайн-издания «Коммерсантъ» позволило выявить элементы корреляции содержания смысловых блоков медиа-текста-стимула и выделенных на основе комплексного лингвистического анализа интернет-комментариев смысловых доминант в репликах комментаторов, позволивших сформировать смысловые блоки, организованные вокруг ключевых словосочетаний (опорных пунктов интерпретации). Отмечено появление в интернет-комментариях новых, по сравнению с текстом-стимулом, смысловых блоков, отражающих ряд социально-политических проблем современности, которые комментаторам кажутся наиболее важными с позиций социально-политической ситуации в России. Данные блоки, тем не менее, по смыслу тесно связаны с текстом-стимулом и ассоциативно-критически развивают темы, представленные в смысловых блоках 1, 2 и 4 (базовых с точки зрения

обсуждаемых в публикации проблем). Подобное явление, по всей видимости, является характерным признаком именно качественной прессы, каковой является газета «Коммерсантъ», ориентированная на образованную и профессиональную публику (не случайно в содержании статьи есть несколько «профессиональных» комментариев, которые придают обсуждению более организованный характер). Возможно, этими особенностями издания объясняется и факт малого числа комментариев (всего около 3,5 процентов), посвященных иным темам, в то время как комментарии, развивающие тему публикации и ассоциативно с ней связанные, составляют 54 и 35,5% от общего числа комментариев. Полагаем, что по этой же причине не так характерны для анализируемых комментариев и «дотекстовые» детерминанты, отмечаемые исследователями для онлайн-текстов других изданий. В комментариях анализируемого текста-стимула подобные комментарии немногочисленны и сводятся часто к репликам оценочного типа, направленным на снижение статуса оппонента.

Полученная на основе анализа текста-стимула модель коммуникативно-речевого взаимодействия участников онлайн-коммуникации содержит несколько элементов, определяющих механизм ее успешного функционирования.

С одной стороны, это элементы, определяемые характеристикой издания, временем его существования и принципами редакционной политики (в данном случае как качественного делового издания): текст-стимул, содержащий социально значимую информацию и задающий вектор интерпретации события, отраженного в тексте; автор текста, имплицитно или эксплицитно выражающий свою позицию по отношению к описываемому событию, во многом задающую вектор интерпретации содержащихся в тексте-стимуле смысловых блоков; его ориентация на «свою» читательскую аудиторию, основные правила общения с которой апробированы длительным периодом времени.

С другой стороны, это читатели газетных изданий – активные участники коммуникационного и «генераторы» информационного процессов, пользователи блогов газетных онлайн-изданий, интерпретирующая активность которых во многом определяется активной жизненной позицией, а также содержанием текста-стимула и стремлением комментаторов расширить область обсуждения за счет тем, ассоциированных со смысловыми блоками текста-стимула.

Полагаем, что содержание представленной модели коммуникативного речевого взаимодействия участников онлайн-газетного издания будет варьироваться в зависимости от количества и качества элементов, ее наполняющих.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее в кавычках приводятся фрагменты текстов-комментариев с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Важные с точки зрения интерпретационного анализа фрагменты выделены полужирным шрифтом.

² Здесь и далее анализируемые языковые единицы выделяются в примере полужирным курсивом.

³ Здесь и далее в кавычках приводятся фрагменты текстов-комментариев с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Важные с точки зрения интерпретационного анализа фрагменты выделены полужирным шрифтом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М. : Книжный дом «Либроком», 2007. 296 с.
2. Голев Н.Д., Ким Л.Г. Обыденные политические интернет-комментарии как проявление вариативности интерпретации (оппозиции «эксплицитное – имплицитное», «проявленное – ожидаемое») // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе : материалы рос. секции междунар. конф. «Ain't misbehavin'»? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse / под ред. А.П. Чудинова, Э.В. Будаева. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т; Цюрихский университет, 2014. С. 47–70.
3. Круглова Л.А. Российские печатные СМИ: специфика онлайн-версий // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2016. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2205>
4. Скворцова О.Г., Лазарева Э.И., Горина Е.В. Дискурс интернета. Екатеринбург : ГУП СО «Белоярская типография», 2009. 177 с.
5. Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. М. : ФЛИНТА, 2018. 440 с.
6. Сычева Е.В. Понятие дискурса масс-медиа и методы его изучения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 205–211.
7. Дускаева Л.Р. Медиалингвистика в России: лингвопраксиологическая доминанта // Медиалингвистика. 2014. № 1 (4). С. 5–15.
8. Чернышова Т.В. Филологическое исследование медиакоммуникации: теоретико-методологические предпосылки и методы анализа текста и дискурса (ретроспектива) // Медиалингвистика. 2014. № 1 (4). С. 77–86.
9. Тошович Б. Интернет-стилистика. М. : ФЛИНТА, 2016. 238 с.
10. Интернет-СМИ : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М.М. Лукиной. М. : Аспект Пресс, 2010. 348 с.
11. Сапожков Олег. Почти все шло не по плану. Счетная палата оценила работу правительства. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4243629?from=doc_mail
12. Дридзе Т.М. Интерпретационные характеристики и интерпретация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / ред. А.А. Леонтьев. М. : Наука, 1976. С. 34–44.
13. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 116–132.
14. Сусов И.П. О двух путях исследования. Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1979. С. 90–103.
15. Шушков А.А. Толково-понятийный словарь русского языка. М. : АСТ; Астрель; Хранитель, 2008. 988 с.
16. Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/about/kommersant>
17. Kommersant.ru competitive analysis, marketing mix and traffic (n.d.). URL: <https://www.alexa.com/siteinfo/kommersant.ru>
18. Зам главного редактора и весь отдел политики «Коммерсанта» заявили об уходе после увольнения двух коллег из-за статьи о Матвиенко. URL: <https://www.newsru.com/russia/20may2019/kommers.html>
19. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. М. : Радуга, 1983. Вып. 12. С. 8–19.

20. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. М. : Радуга, 1988. Вып. XXIII. С. 158–159.
21. Чернышова Т.В. Модели конфликтного речевого взаимодействия в неофициальном публичном общении (на материале обсуждений в социальных сетях интернет-коммуникации) // Tošović, Branko, Wonisch, Arno (Hg.) *Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil* Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz Kommission für Stilistik beim Internationalen Slawistenkomitee, 2016. 304 s.
22. Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов. М., 2005. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy.html
23. Нисневич Ю. Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя в постсоветской России // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 143–152.
24. Чернышов Ю.Г. О влиянии блогосферы на российскую публичную политику // Политическая наука. 2008. № 2. С. 99–118.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 июня 2020 г.

Interpretative Activities of the Author and the Addressee in Modern Media (On the Material of Online Publications of the *Kommersant* Newspaper)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 60–72.

DOI: 10.17223/15617793/456/6

Tatyana V. Chernyshova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: labrlexis@gmail.com

Yuri G. Chernyshov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: 7ashpi7@gmail.com

Keywords: media text; author and addressee of online media; interpretative work; online commentary; sociopolitical context.

The article presents the results of studying the interpretative activities of the participants in a network media discourse on the material of the media texts of the online newspaper *Kommersant*. The conceptual foundations of the news media text are characterized; its interpretative potential, realized in the comments, is revealed. The possibilities of the interpreting activities of media recipients in the context of Internet communication are described. Determinants are identified that affect commenting on the stimulus media text. The interdisciplinary nature of the study is due to the combination of the linguistic analysis of the media material in a communicative aspect with a political science commentary, which allows evaluating the interpretative activity of the recipients of the network media taking into account the broad sociopolitical context. The methodology of complex linguistic analysis is applied here to a qualitatively new material—media texts of online media, which have a number of distinctive features in comparison with texts of print media. Still, the requirement of “communication and interaction between the media and the audience” is the basis of interactivity in the media and remains unchanged. In this regard, the structural-logical and semantic organization of the network media text, as well as the printed one, is focused on the addressee factor and subsequently becomes the basis for its interpretation in Internet comments. The interpretative potential of media texts is determined by a number of components, among which the author of the media text traditionally plays the leading role as the initiator of communication that sets the vector of the text’s interpretation by potential readers. The interpretative activity of the recipients is determined by the stimulus text (its content, conceptual structure, completeness and sequence of its implementation by the author, explicitly and implicitly expressed author’s position in relation to the described content). The content of online comments, however, is broader than the content of the interpreted text. The commenting persons rely not only on the original media text, but also on the assessment of the socio-communicative context in which it functions. Such “pretext determinants” in the comments are ideologemes of the recent past, the desire of users to be included in the “commentator” function on important sociopolitical issues, and comments can be both “professional” or simply assessing: the former generally rely on the analysis of the semantic blocks of the stimulus text, while the latter are limited to evaluative statements, often typical, characteristic of Internet communication in general. Based on the semantic blocks of the stimulus text, the authors of Internet comments introduce new topics for discussion, thereby expanding the semantic hypertext space of Internet communication.

REFERENCES

1. Chernyshova, T.V. (2007) *Teksty SMI v mental'no-yazykovom prostranstve sovremennoy Rossii* [Mass Media Texts in the Mental and Linguistic Space of Modern Russia]. Moscow: Knizhnyy dom “Librokom”.
2. Golev, N.D. & Kim, L.G. (2014) Trivial Political Internet Commentary as a Manifestation of Variability of Interpretation (Oppositions “Explicit – Implicit” and “Manifested – Expected”). In: Chudinov, A.P. & Budaev, E.V. (eds) *Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropeyskom politicheskom diskurse: materialy ros. sekcii mezhdunar. konf. “Ain't misbehavin'”? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse* [Implicit and Explicit Strategies in Eastern European Political Discourse: Materials of the Russian Section of the International Conference “Ain't Misbehavin'”? Implicit and Explicit Strategies in Eastern European Political Discourse]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; University of Zurich. pp. 47–70. (In Russian).
3. Kruglova, L.A. (2016) Russian Print Media: Specificity of Online Versions. *Mediascope – Mediascope*. 4. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2205>. (In Russian).
4. Skvortsova, O.G., Lazareva, E.I. & Gorina, E.V. (2009) *Diskurs interneta* [Internet Discourse]. Yekaterinburg: Beloyarskaya tipografiya.
5. Duskaeva, L.R. (ed.) (2018) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik* [Media Linguistics in Terms and Concepts: A Reference Dictionary]. Moscow: FLINTA.
6. Sycheva, E.V. (2011) Ponyatie diskursa mass-media i metody ego izucheniya [The concept of mass media discourse and methods of its study]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 3. pp. 205–211.
7. Duskaeva, L.R. (2014) Medialingvistika v Rossii: lingvopraksilogicheskaya dominanta [Media linguistics in Russia: A linguopraxiological dominant]. *Medialingvistika – Media Linguistics*. 1 (4). pp. 5–15.
8. Chernyshova, T.V. (2014) Filologicheskoe issledovanie mediakommunikatsii: teoretiko-metodologicheskie predposylki i metody analiza teksta i diskursa (retrospektiva) [Philological studies of media communication: Theoretical and methodological premises and methods of text and discourse analysis (A retrospective)]. *Medialingvistika – Media Linguistics*. 1 (4). pp. 77–86.
9. Tošović, B. (2016) *Internet-stilistika* [Internet Stylistics]. Moscow: FLINTA.
10. Lukina, M.M. (ed.) (2010) *Internet-SMI* [Internet Media]. Moscow: Aspekt Press.
11. Sapozhkov, O. (2020) *Pochti vse shlo ne po planu. Schetnaya palata otsenila rabotu pravitel'stva* [Almost Nothing Went According to Plan. The Accounts Chamber Appreciated the Work of the Government]. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/4243629?from=doc_mail.
12. Dridze, T.M. (1976) Interpretatsionnye kharakteristiki i interpretatsiya tekstov (s uchedom spetsifiki interpretatsionnykh sdvigo) [Interpretive characteristics and interpretation of texts (taking into account the specifics of interpretive shifts)]. In: Leont'ev, A.A. (ed.) *Smyslovoe vospriyatie*

- rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [The Conceptual Perception of a Speech Message (In Conditions of Mass Communication)]. Moscow: Nauka. pp. 34–44.
13. Dem'yankov, V.Z. (2003) Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI [Political discourse interpretation in the media]. In: Volodina, M.N. (ed.) *Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Language of the Media as an Object of Interdisciplinary Research]. Moscow: Moscow State University. pp. 116–132.
 14. Susov, I.P. (1979) *O dvukh putyakh issledovaniya* [On Two Ways of Research]. Kalinin: Kalinin State University. pp. 90–103.
 15. Shushkov, A.A. (2008) *Tolkovo-ponyatiyny slovar' russkogo yazyka* [Explanatory-Conceptual Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AST; Astrel'; Khranitel'.
 16. *Kommersant*. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/about/kommersant>. (In Russian).
 17. Alexa.com. (n.d.) *Kommersant.ru. Competitive Analysis, Marketing Mix and Traffic*. [Online] Available from: <https://www.alexa.com/siteinfo/kommersant.ru>.
 18. Newsru.com. (2020) *Zam glavnogo redaktora i ves' otdel politiki "Kommersanta" zayavili ob ukhode posle uvol'neniya dvukh kolleg iz-za stat'i o Matvienko* [The Deputy Editor-In-Chief and the Entire Policy Department of Kommersant Announced Their Resignation After the Dismissal of Two Colleagues Because of an Article About Matvienko]. [Online] Available from: <https://www.newsru.com/russia/20may2019/kommers.html>.
 19. Fillmor, Ch. (1983) Osnovnye problemy leksicheskoy semantiki [Topics in lexical semantics]. Translated from English. In: Zvegintsev, V.A. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Prikladnaya lingvistika* [New in Foreign Linguistics. Applied Linguistics]. Vol. 12. Moscow: Raduga. pp. 8–19.
 20. van Dijk, T. & Kintsch, W. (1988) Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies of Discourse Comprehension]. Translated from English. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Prikladnaya lingvistika* [New in Foreign Linguistics. Applied Linguistics]. Vol. 23. Moscow: Raduga. pp. 158–159.
 21. Chernyshova, T.V. (2016) Modeli konfliktного rechevogo vzaimodeystviya v neofitsial'nom publiknom obshchenii (na materiale obsuzhdeniy v sotsial'nykh setyakh internet-kommunikatsii) [Models of conflict speech interaction in unofficial public communication (Based on discussions on social networks of Internet communication)]. In: Tošović, B. & Wonisch, A. (Hg.) *Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil*. Graz: Institut für Slavistik der Karl-Franzens-Universität Graz Kommission für Stilistik beim Internationalen Slavistenkomitee.
 22. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (2005) *Byurokratiya i vlast' v novoy Rossii: pozitsii naseleniya i otsenki ekspertov* [Bureaucracy and Power in the New Russia: The Position of the Population and Expert Assessments]. [Online] Available from: https://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy.html.
 23. Nisnevich, Yu. (2018) Regeneration of the nomenclature as a ruling social stratum in the Post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 143–152. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250000769-8
 24. Chernyshov, Yu.G. (2008) On the Influence of Blogosphere on the Russian Public Policy. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 2. pp. 99–118. (In Russian).

Received: 12 June 2020

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

С.В. Корнилов

НА ПУТИ К СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ БИОЛОГИИ: ОПЫТ КРИТИКИ ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЙ СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ

Рассматривается кантовская методология исследований живой природы, систематически развернутая в «Критике способности суждения». Актуальность работы заключается в том, что критическая эпистемология связана с концептуальным сдвигом проблемы обоснования научного знания. Показано, что в «Критике способности суждения» определены характеристики биологической реальности и эпистемологические параметры ее исследования.

Ключевые слова: Кант; «Критика способности суждения»; антиномия; телеология; целесообразность; принцип дополненности.

«Критика способности суждения» – третья и последняя «Критика» кенигсбергского философа – содержит концептуальное обоснование методологии изучения органического мира. Логика критической философии привела к соединению в этом сочинении Канта его учения о познании живой природы с эстетикой. Однако, с гносеологической точки зрения, критика телеологической способности суждения, образующая вторую часть «Критики», представляет собой завершение его эпистемологии и может рассматриваться отдельно от вопросов художественного освоения действительности. Поворот Канта от общегносеологических проблем к обоснованию биологического знания на первый взгляд кажется неожиданным после завершения разработки оснований науки, осуществленной в «Критике чистого разума». Поэтому теорию познания Канта часто излагают в том виде, в каком она сформулирована в первой «Критике», как будто его гносеологическая доктрина не претерпела дальше никаких существенных изменений. На самом деле телеологический метод, первоначально отвергнутый в кантовском обосновании науки, получил оправдание в изучении органического мира. Кантовская философия живой природы активно обсуждается в литературе [1–5].

В настоящей статье ставится задача показать, что поворот к разработке методологии биологического познания связан с внутренней логикой кантовской системы, а ее развитие привело к разработке важных принципов биологического познания.

Анализ перехода от обоснования классической механики, развернутого в «Критике чистого разума», к концептуальной методологии познания живой природы Канта целесообразно начать с вычленения того общего, что объединяет эти два пласта его эпистемологии. Согласно гносеологической концепции Канта, познание всегда ограничено пределами опыта. Человеческие же устремления выходят за границы теоретического знания, они направлены на поиск Абсолюта. Если познаваемые нами явления остаются условными, то цель разума заключается в достижении безусловного. Поэтому существует разница между рассудочными понятиями, связывающими чувственные данные в опыте, и идеями разума, выходящими за его пределы.

Стремление мыслить безусловное приводит, однако, к антиномиям. Противоположность свободы и необходимости – как раз то глобальное противопоставление, спецификация которого в критической философии влияет и на понимание Кантом методологии познания живой природы. Тезис данной антиномии гласит: «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность». Антитезис: «Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы» [6. С. 595]. В «Критике способности суждения» эта антиномия по существу воспроизводится в альтернативе механизм-телеологизм: всякое возникновение материальных вещей возможно только по механическим законам, но некоторые их порождения невозможны по таким законам [7. С. 593].

Доказательство тезиса и антитезиса проводится Кантом методом от противного. Несколько модернизируя его изложение, допустим противоположное утверждаемому в тезисе, т.е. что не существует никакой другой причинности, кроме причинности по законам природы (механической необходимости). Поскольку причинный ряд, очевидно, не имеет конца, то обнаруживается типичная ошибка доказательства (регресс в бесконечность), а значит, истинным является утверждение тезиса о существовании абсолютной спонтанности или свободы.

Для доказательства антитезиса допустим, что существует свобода. Это значит, что предполагается такое состояние, которое не может иметь никакой причинной связи с предшествующими состояниями той же самой причины. Последнее противоречит закону причинности, являющемуся гарантом единства нашего опыта, следовательно, свобода как абсолютная спонтанность не существует.

Таким образом, взаимоисключающие утверждения оказываются равно доказуемыми и порождают антиномию чистого разума. Каков же способ устранения данного противоречия применительно к его частному проявлению: антиномии механизм–телеологизм? Сопоставление первой и третьей «Критик» приводит к заключению, что позиция Канта по этому вопросу, решение которого, по сути, конституирует всю его

философию живой природы, характеризуется определенной непоследовательностью и приводит к существенному модификации гносеологической концепции «Критики чистого разума» в отношении возможностей и границ познания органического мира.

Первый шаг на пути разрешения антиномии механизм–телеологизм Кант делает, объявляя их субъективными максимами. Однако это противоречит всей его философии [8. Р. 345]. Действительно, закон причинности как закон необходимой связи событий во времени в той же степени объективен, в какой объективна природа в кантовской системе. Конечно, понимание организмов как целей природы и объяснение их механических позиций роднит то, что ни одно из них не дает нам проникновения в природу вещей самих по себе. В этом смысле механизм как способ мышления об объектах природы не говорит об организмах как о вещах в себе.

Трактовка антиномии механизм–телеологизм как столкновения двух субъективных максим не может рассматриваться в качестве ее разрешения, ибо помимо вопроса о месте максим в структуре мыслительных способностей человека, должна быть проведена классификация их с точки зрения истинности: какой из двух принципов истинен сам по себе? Так ставит вопрос Гегель: «Для этой точки зрения нет никакой разницы, рассматриваются ли принципы как объективные (это значит здесь: внешне существующие определения природы или только как максимы субъективного познания)» [9. С. 191].

Преодоление выявленной антиномии телеологической способности суждения в рамках критической философии достигается разграничением определяющей и рефлектирующей способности суждения, за счет дополнения номенклатуры мыслительных способностей, детально проанализированных Кантом ранее. В первой «Критике» функция способности суждения закреплялась за подведением особенного под заранее данное рассудком общее. В «Критике способности суждения» Кант открывает у нее другую функцию: нахождение общего в особенном, точнее, обнаружение идентичности эмпирических законов, открываемых в природе. Можно констатировать, что существуют две способности суждения – определяющая и рефлектирующая, и «вся видимость антиномии между максимами собственно физического (механического) и телеологического (технического) способов объяснения зиждется, следовательно, на том, что основоположение рефлектирующей способности суждения смешивают с основоположением определяющей...» [7. С. 599].

Необходимость введения рефлектирующей способности суждения вызвана как собственными потребностями кантовской системы, так и углублением анализа структуры познавательной деятельности. Для того, чтобы познание осуществлялось, природа должна быть организована определенным образом. «Под природой (в эмпирическом смысле) мы разумеем связь явлений с точки зрения их бытия и по необходимым правилам, т.е. по законам. Следовательно, существуют определенные законы, и притом а priori, которые впервые могут существовать и быть открыты

только при помощи опыта и именно в согласии с теми первоначальными законами, лишь благодаря которым становится возможным сам опыт» [6. С. 355]. Последний, таким образом, базируется на двух априорных предположениях: во-первых, природа детерминирована универсальными законами и, во-вторых, эмпирические законы интеллигибельны человеческому рассудку. Они при этом не могут быть дедуцированы из первых, их предстоит открыть в природе. Однако бесконечное многообразие эмпирических законов и разнообразных природных форм нельзя представить в виде агрегата данных, ибо в противном случае была бы утеряна идея науки. Научное знание должно быть системно организовано, поэтому следует допустить возможность соединения эмпирических законов под одним принципом. Обосновать подобное соединение не в состоянии ни рассудок, ни разум. Эту функцию должна взять на себя особая познавательная способность, которую Кант и называет в третьей «Критике» рефлектирующей способностью суждения.

Своеобразие способности суждения определяется тем местом, которое она занимает в системе высших познавательных способностей. Являясь опосредующим звеном между способностью познания общего, т.е. деятельностью рассудка, и способностью выведения принципов или разумом, рефлектирующая способность суждения в отличие от первой не претендует на познание природных объектов, и в то же время в отличие от разума имеет дело с многообразием эмпирических законов. Ее основная задача – дать лишь некоторый принцип для продвижения согласно законам опыта, благодаря чему становится возможным изучение природы [10. С. 853].

Какового же конкретного выражение данного принципа? Не обладая силой законодательства, он должен создавать возможность представления природы таким образом, как если бы она существовала ради способности суждения. Иными словами, основной принцип рефлектирующей способности суждения призван установить соответствие между эмпирическими законами и опытом как системой. В основании возможного опыта как целого, делает заключение Кант, лежит закономерность случайного, или формальная целесообразность природы, которую необходимо допустить в ней.

Итак, под понятием целесообразности в кантовской гносеологии имеется в виду прежде всего формальная целесообразность, характеризующая систему научного знания, единство эмпирических законов в общей картине мира. Идея системной организации науки была обоснована философом в «Критике чистого разума». Для него такая организация – важнейший признак научности, «так как обыденное знание именно лишь благодаря систематическому единству становится наукой, т.е. из простого агрегата познаний превращается в систему...» [6. С. 1043]. Возникает, правда, вопрос, почему идея логической системы в дальнейшем у Канта отождествляется с идеей целесообразности, точнее, с идеей формальной целесообразности? Дело в том, что открываемые в природе эмпирические законы должны быть обязательно связаны между собой и каким-то образом гармонически увя-

заны с универсальными природными закономерностями, поскольку в противном случае мы располагали бы лишь разрозненными, отрывочными сведениями и наука была бы невозможна. Только принадлежность известных эмпирических законов, а наряду с ними и потенциально существующих, но еще не открытых природных законов, системе научного знания, гарантирует познаваемость природы (в кантовском значении термина «природа»). Не имея возможности обосновать логическую необходимость соответствия эмпирических законов между ними и их единство в системе научного знания, мы можем лишь допускать существование такого целесообразного объединения. Более того, в познании допущение случайной закономерности, т.е. формальной целесообразности, выступает как необходимость.

«Иными словами, – поясняет свою мысль Кант, – это должно было бы быть понятие о целесообразности природы для нашей способности познавать ее, поскольку для этого требуется, чтобы мы могли судить об особенном как о содержащемся общем и подводить его под понятие природы» [10. С. 849]. Если теперь, имея в виду итоговую эпистемологическую характеристику системы научного знания как формально целесообразной, вернуться к тексту первой «Критики», то истоки центральной идеи критики телеологической способности суждения обозначатся весьма отчетливо. Парадоксальность ситуации заключается в том, что хотя Кант в качестве научного считает объяснение на базе механических законов, сами они – лишь средства для более высокого объяснения, объяснения единства научного знания. Высшая системная форма организации знания все же не механического, а органического типа. И не удивительно, что образное сравнение («системы кажутся, подобно червям, возникающими путем *generatio aequivoca*) из простого скопления собранных вместе понятий, сначала в изуродованной, но с течением времени в совершенно развитой форме» [6. С. 1045]) логически эксплицируется в категориальном строе «Критики способности суждения».

Переход от рассмотрения свойств отдельных элементов научного знания к системе наук позволяет полностью реализовать идею формальной целесообразности. Хотя возможность эмпирического познания коренится в соединении восприятий в понятии объекта, их единство не есть синтетическое единство опыта как системы, которое соединяет эмпирические законы под одним принципом. Условием единства системы научного знания выступает целесообразность или соответствие природы нашей способности суждения. В этом качестве принцип целесообразности перерастает из частного приема мышления о природных объектах в универсальный внутренний принцип организации всего научного знания и, если «Критика чистого разума» определила необходимые объективные априорные условия опыта (априорные понятия и универсальные законы природы), то завершением кантовской гносеологии стало открытие объективно возможного, но необходимого субъективно априорного основания познания.

Следующий шаг в кантовской разработке принципа целесообразности связан с обоснованием существования не только формальной, но и материальной целесообразности природы. Эта идея представляется революционной в рамках критической философии, поскольку ранее Кант отверг телеологический метод исследования и признал в качестве истинного объяснение на базе законов классической механики. Понятие материальной целесообразности в отличие от формальной имеет более узкую сферу применения. Громадное количество природных объектов не обнаруживает какой-либо формы системы. Таковы почва, камни, минералы, представляющие собой материальные агрегаты. В то же время формы цветов, внутренне строение растений и животных не могут рассматриваться иначе как системы. Но принцип системности есть целесообразность. Поэтому наряду с универсальными априорными основаниями познания – принципом формальной целесообразности мышление об органических формах требует особого подхода, т.е. собственно телеологии или учения о целях.

В проблеме телеологии как бы фокусируются все теоретические вопросы и трудности биологического мышления: это и понимание специфичности детерминации жизненных процессов, и проблема соотношения фундаментальных физических законов и законов биологии, критерии выделения биологической реальности и эквививальность живых систем, их целостность и целесообразность, наконец, проблема логико-гносеологических нормативов биологического познания. Последняя стала, можно сказать, центральной в телеологии Канта. Предельно четко она формулируется философом: «Мы можем и должны, насколько это в наших силах, стремиться исследовать природу в ее причинной связи по чисто механическим законам в опыте: в эти законах ведь заключаются истинные физические основания объяснения, цепь которых составляет научное познание природы разумом. Однако среди продуктов природы мы находим и очень распространенные роды, в самих себе содержащие такую связь действующих причин, в основу которой мы должны положить понятие цели, если только хотим осуществить опыт, т.е. наблюдение согласно принципу, соответствующему внутренней возможности опыта» [10. С. 917].

Ключевая идея кантовской методологии биологии состоит в следующем: при изучении органического мира исследователь имеет право использовать один из альтернативных языков, применение каждого из которых в равной мере законно. Кант допускает, что живые системы могут мыслиться принципиально по-разному: причинным и целевым образом, на основе механического объяснения и телеологического понимания.

Возможность применения альтернативных языков при описании органического мира коренится, по мнению Канта, в параллелизме двух способностей нашего мышления: определяющей и рефлектирующей. Основной чертой их функционирования в таком случае является полная несовместимость объяснения и понимания, включающая несоизмеримость их принципов и понятий, иначе применение одной из них огра-

ничивало бы возможности другого способа мышления, тогда как Кант категорически настаивает. При этом теория природы как система механических объяснений, по мысли Канта, ничего не приобретает от того, что ее явления рассматривают по соотношению целей». Требуя использовать при изучении живой природы взаимоисключающие классы понятий, Кант предвосхищает один из важнейших принципов современной науки, который позднее и в другом научном контексте получил у Н. Бора название принципа дополненности. Хотя в дальнейшем этот методологический прием истолковывался по-разному, в своем первоначальном виде он означал, что в случае, когда формирующаяся теория не в состоянии обойтись без классических представлений, устанавливается эквивалентность описаний старой и новой теории, например, на метауровне. В литературе даже можно встретить утверждение, что «Критика способности суждения» является лучшим и наиболее последовательным применением методологии дополненности, или, как ее еще называют «Double-Government Methodology» [11. P. 246].

Принцип дополненности телеологизма и механицизма в критической философии выражает специфику биологического исследования, так как физическое познание не притязает на то, чтобы быть телеологией и не нуждается в ней. Таким образом, «Кант проторил радикально новый путь в телеологии» [12. С. 7].

Поскольку гносеологические параметры биологии достаточно своеобразны, то, очевидно, они должны предполагать и специфические предметно-содержательные допущения относительно объектов живой природы – организмов. Суть этих экзистенциальных оснований биологии состоит в том, что организмы – единственные предметы в природе, которые «дают понятию цели – не практической цели, а цели природы – объективную реальность и тем самым дают естествознанию – основу для телеологии» [7. С. 567].

Целевая детерминация или целенаправленность – второй основной принцип кантовской методологии познания живого. Для рассмотрения вещи как цели природы, согласно философу, требуется, чтобы: 1) ее части существовали только в их отношении к целому и 2) они соединялись в целое, будучи друг для друга и причиной, и действием. Показателем в этом плане его пример. Рост растения совершенно отличается от простого усвоения той неорганической материи, которая извлекается им из почвы и воды. Эти исходные материалы обладают другими качествами, и задача организма – переработать их, что не в состоянии сделать никакой механизм. Более того, каждая часть дерева находится в сложной связи с другими частями, так что глазок, привитый к другому дереву, порождает

на чужом стволе стебель собственной породы. Повреждение же какой-либо части живого организма приводит к восполняющей деятельности других частей. Подобные примеры можно было бы умножить. Они наводят на мысль, что «органический продукт природы – это такой продукт, в котором все есть цель и в то же время средство» [7. С. 569].

Принцип внутренней целесообразности противостоит как гилозоизму, наделяющему всю материю жизнедеятельным началом вопреки физическим законам, так и витализму, усматривающему источник жизненности в наличии бестелесной души. Вместе с тем следует учитывать, что понятие целенаправленности занимает в кантовской методологии определенное место, а именно, телеологическое суждение является чисто рефлексивным. Основная функция рефлектирующей способности суждения в структуре познавательных способностей заключается в соотношении разума и рассудка: «цель» и «целесообразность» – понятия разума связываются с ее помощью с опытом и представлениями об объекте. То, что есть, сравнивается в телеологическом суждении с тем, что должно быть. В результате получается, что телеология не притязает на познание органического мира, но вооружает исследователей регулятивными принципами, благодаря которым становится возможным изучение природы. В критической методологии целенаправленность понимается как эвристика биологического мышления, когда телеологические понятия используются в условном значении с целью открытия нетелеологических закономерностей.

Таковы методологические принципы кантовского понимания живой природы. Разработанная Кантом концепция создавала определенные предпосылки для разрешения противоречивой ситуации в биологии XVIII в., связанной с ее физикализацией и вместе с тем с действенным стремлением построить собственный объект исследований – биологическую реальность [13. С. 160]. Анализ особенностей развития биологического познания демонстрирует необходимости учитывать, что «освоение каждого нового типа системных объектов требует особой структуры операций и средств познавательной деятельности» [14. С. 185]. Идея Канта о дополненности двух языков, с помощью которых описывается и мыслится органический мир, представляется перспективной. Принцип целесообразности в его регулятивном значении – важный компонент парадигмы современной биологии. Революционные открытия в науках о живой природе актуализировали саму проблему философских оснований науки, а творческий поиск основоположника критической философии оказался созвучным современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bartuschat W. Zum systematischen Ort von Kants «Kritik der Urteilskraft». Frankfurt a. M. : Klostermann, 1972. 271 s.
2. Löw R. Philosophie des Lebendigen. Der Begriff des Organischen bei Kant, sein Grund und seine Aktualität. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1980. 357 s.
3. Düsing K. Die Teleologie in Kants Weltbegriff. 2. Aufl. Bonn : De Gruyter, 1986. 245 s.
4. McLaughlin P. Kants Kritik der teleologischen Urteilskraft. Bonn : Bouvier, 1989. 173 s.
5. Ungerer E. Die Teleologie Kants und ihre Bedeutung für die Logik der Biologie. Berlin : Borntraeger, 2011. 150 s.
6. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: в 4 т., на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2 (1). 1081 с.
7. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения: в 4 т., на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 69–662.
8. Cassirer H. A Commentary on Kant's Critique of Judgement. L. : Methuen, 1938. 412 p.

9. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М. : Мысль, 1972. Т. 1. 501 с.
10. Кант И. Первое введение в «Критику способности суждения» // Сочинения: в 4 т., на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 835–960.
11. Butts R. Kant and the Double-Government Methodology. Dordrecht : Riedel, 1984. 339 p.
12. Разеев Д.Н. Телеология И. Канта. СПб. : Наука, 2010. 307 с.
13. Корнилов С.В. Первая глобальная научная революция и формирование предметной реальности биологии XVII–XVIII вв. // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2015. Т. 43, № 1. С. 149–161.
14. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. 408 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 23 октября 2019 г.

Towards a Modern Philosophy of Biology: Critique of the Teleological Judgment

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 73–77.

DOI: 10.17223/15617793/456/7

Sergey V. Kornilov, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: korns2009@rambler.ru

Keywords: Kant; *Critique of Judgment*; antinomy; teleology; expediency; complementarity principle

The article considers the Kantian methodology of the studies of living nature systematically detailed in the *Critique of Judgment*. The relevance of the work lies in the fact that critical epistemology is associated with a conceptual shift in the problem of substantiation of scientific knowledge. Critique of the teleological judgement, forming the second part of the *Critique of Judgment*, is the completion of Kantian epistemology. The teleological method, initially rejected in Kant's justification of science, was justified in the study of the organic world. The article shows that the turn to the development of the methodology of biological knowledge is associated with the internal logic of Kant's system, and its development has led to the development of important principles of biological knowledge. In contrast to natural philosophy, Kant's critique of the teleological judgment was based on the scientific knowledge of the seventeenth and eighteenth centuries. During this period, many biological disciplines emerged or took shape, and its characteristic feature was the penetration of experimental methods into the practice of studying the organic world. In biological research, the difference and contradiction between the causal and teleological approaches to the understanding of life phenomena was clearly marked. The desire to determine the specifics of the object of research and the features of biology itself as a science occupied many major scientists. The key idea of Kant's methodology of biology is as follows: in the study of the organic world, the researcher has the right to use one of the alternative languages, the use of each of which is equally legitimate. Kant admits that living systems can be thought in fundamentally different ways: causally and purposefully, on the basis of mechanical explanation and teleological understanding. The methodology he developed has become a consistent application of the principle of complementarity in the study of life. Causal explanations can never go beyond the mechanism of nature. However, this approach is not the only acceptable one. In the study of living nature, it can be supplemented by the teleological approach, when organisms are thought of as purposeful systems. The idea of internal expediency is the second basic principle of Kant's methodology of cognition of the living. Teleology in Kant's interpretation does not claim to know the organic world, but equips researchers with regulatory principles through which it becomes possible to study nature. It is concluded that in the *Critique of Judgment* the essential characteristics of biological reality and logical-epistemological parameters of its study are determined.

REFERENCES

1. Bartuschat, W. (1972) *Zum systematischen Ort von Kants "Kritik der Urteilskraft"*. Frankfurt a. M.: Klostermann.
2. Löw, R. (1980) *Philosophie des Lebendigen. Der Begriff des Organischen bei Kant, sein Grund und seine Aktualität*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
3. Düsing, K. (1986) *Die Teleologie in Kants Weltbegriff*. 2. Aufl. Bonn: De Gruyter.
4. McLaughlin, P. (1989) *Kants Kritik der teleologischen Urteilskraft*. Bonn: Bouvier.
5. Ungerer, E. (2011) *Die Teleologie Kants und ihre Bedeutung für die Logik der Biologie*. Berlin: Borntraeger.
6. Kant, I. (2006) *Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]*. Translated from German. In: *Sochineniya: v 4 t., na nem. i rus. yaz.* [Works: In 4 Volumes, in German and Russian]. Vol. 2 (1). Moscow: Nauka.
7. Kant, I. (2001) *Kritika sposobnosti suzhdeniya [Critique of Judgment]*. Translated from German. In: *Sochineniya: v 4 t., na nem. i rus. yaz.* [Works: In 4 Volumes, in German and Russian]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 69–662.
8. Cassirer, H. (1938) *A Commentary on Kant's Critique of Judgment*. London: Methuen.
9. Hegel, G.W.F. (1972) *Nauka logiki: v 3 t.* [Science of Logic: In 3 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
10. Kant, I. (2001) *Pervoe vvedenie v "Kritiku sposobnosti suzhdeniya"* [First Introduction to the Critique of Judgment]. Translated from German. In: *Sochineniya: v 4 t., na nem. i rus. yaz.* [Works: In 4 Volumes, in German and Russian]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 835–960.
11. Butts, R. (1984) *Kant and the Double-Government Methodology*. Dordrecht: Riedel.
12. Razeev, D.N. (2010) *Teleologiya I. Kanta [I. Kant's Teleology]*. Saint Petersburg: Nauka.
13. Kornilov, S.V. (2015) *The First Global Scientific Revolution and the Formation of the Picture of Reality in Biology in the XVII–XVIII Centuries. Epistemology & Philosophy of Science*. 43 (1). pp. 149–161. (In Russian).
14. Stepin, V.S. (2011) *Tsivilizatsiya i kul'tura [Civilization and Culture]*. Saint Petersburg: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.

Received: 23 October 2019

Н.В. Медведев

АВТОНОМИЯ ЛИЧНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВА Л. ВИТГЕНШТЕЙНА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00254.

Рассматривается природа личной автономии с позиции философии Л. Витгенштейна. Осуществлена попытка расширить область применения философских идей Витгенштейна через осмысление экзистенциальной, этической и образовательной проблематики. Доказывается, что «публичный» критерий позднего Витгенштейна совместим с идеалом аутентичности и позволяет раскрыть условия, необходимые для достижения личностью подлинного бытия. Делается вывод о том, что витгенштейновский социально ориентированный подход к трактовке самости, направленный против проявлений крайнего индивидуализма, может помочь разработать модель образования, отвечающую потребностям современного общества.

Ключевые слова: Витгенштейн; субъективность; личная автономия; нормативность; форма жизни; горизонт значимости; аутентичность; ценность; философия образования.

Введение

Понятие *автономии*, определяемое И. Кантом как ключ к постижению практической жизни, утвердилось в современной европейской культуре в качестве базовой ценности, смысл которой заключается в способности личности самой вырабатывать правила своего поведения. В настоящее время любые суждения об автономности человеческой личности воспринимаются интеллектуальным сообществом как трюизм, поскольку мало кто сомневается в праве отдельного индивида формировать свой стиль жизни, полагаясь при этом на те представления, которые значимы прежде всего для него самого. Однако когда мы слышим такие фразы, как «нужно всегда оставаться самим собой», «быть верным себе», «стремиться к самореализации и саморазвитию» и т.п., то возникает непреодолимое и вместе с тем разумное желание разобраться в том, что подразумевается под этими словами, чтобы избежать возможных концептуальных разногласий в процессе социального взаимодействия.

Следует отметить, что феномен автономии личности играет весьма важную роль в теории и практике философии образования, которая направляет свои усилия на создание оптимальных условий для развития у учащейся молодежи способности и умения проявлять инициативу, нестандартно мыслить, осуществлять осознанный и свободный выбор целей, принимать ответственные решения [1, 2].

Особую актуальность в связи с обращением к обозначенной теме приобретает философское наследие Л. Витгенштейна, одного из наиболее влиятельных мыслителей XX в. До недавнего времени изучение идей Витгенштейна в контексте философии образования носило эпизодический и довольно поверхностный характер. Однако признание зарубежными исследователями мощного образовательного потенциала в философии Витгенштейна кардинально изменило ситуацию [3], обеспечив платформу для критического осмысления его методологических идей с целью их применения при обосновании модели образования и воспитания личности [4. С. 102–103]. Целью статьи является рассмотрение проблемы личной автономии в

перспективе философии Л. Витгенштейна и оценка значимости этой перспективы для философии образования. Новизна исследования заключается в обосновании возможности распространения философии Витгенштейна на ценностно-экзистенциальную и этическую сферу, связанную с существованием человеческой личности.

Следует признать, что в своих философских сочинениях Витгенштейн прямо не обращался к анализу феномена личной автономии. По крайней мере, в его работах не встречается «наглядное действие» [5. С. 9] или «прозрачное изложение» [6. С. 256], направленное на достижение ясного представления о значении понятия личной автономии. Неслучайно бельгийский философ С. Куайперс предложил рассматривать позицию Витгенштейна по данному вопросу в сослагательном наклонении [7. Р. 128]. Хотя Витгенштейн и затрагивает тему субъекта, личности, этики, например в своих размышлениях о солипсизме, но он не стремится проследить взаимосвязь между понятием личной автономии и другими *проясняющими* терминами, такими как человеческая воля.

На первый взгляд, привлечение философии Витгенштейна для обсуждения феномена автономии личности выглядит как весьма сомнительное мероприятие. Дело в том, что его социально ориентированный подход кажется абсолютно несовместимым с принципом личной автономии. Постараемся доказать, что это не так. При реконструкции философской перспективы Витгенштейна будет показано, что его перспектива не отрицает автономность, а скорее противостоит узкому либерально-индивидуалистическому пониманию ее природы. Аргумент Витгенштейна против индивидуального языка позволяет раскрыть социальную обусловленность автономии личности.

Онтология самости и структура субъективности

Витгенштейн в своих рассуждениях о самости и человеческой субъективности всегда придерживался антипсихологической линии мышления. Его философская антропология пронизана духом антикартези-

анства. Согласно Витгенштейну, устойчивость концепции субъективности Декарта обусловлена тем обстоятельством, что она воплощена в грамматических формах нашего языка. Уже в «Логико-философском трактате» он заявляет: «Мыслящего, представляющего субъекта нет. Если я напишу книгу “Мир как я его нахожу”, в ней должно быть также сообщено о моем теле и сказано, какие члены подчиняются моей воле и какие – нет и т.д. Это есть, собственно, метод изоляции субъекта, или, скорее, показа, что в некотором важном смысле субъекта нет; о нем одном *не* может идти речь в этой книге» [8. С. 176].

Позже в «Голубой книге» он напишет: «Тогда мы чувствуем, что в тех случаях, в которых “я” употребляется как субъект, мы не употребляем его потому, что опознаем определенного человека посредством его телесных характеристик; и это создает иллюзию, что мы употребляем это слово, чтобы обозначить нечто бестелесное, что, тем не менее, имеет свое место в нашем теле. Фактически это кажется реальным *ego*... “*Cogito ergo sum*”» [9. С. 120].

Поздний Витгенштейн строго разграничивал два разных случая употребления слова «я»: употребление в качестве субъекта и употребление в качестве объекта [9. С. 116]. Употребление «я» в качестве субъекта не сводимо, подчеркивает он, к употреблению «я» в качестве объекта, поскольку последний случай употребления этого слова относится к телу человека. Мы могли бы сказать, что, когда «я» употребляется в качестве субъекта, то оно употребляется для того, чтобы распознать конкретного человека с его психическими переживаниями, которые также относятся к объективному миру, как и его тело. Психологическое «я», по Витгенштейну, наверняка было бы упомянуто в книге «Мир как я его нахожу», прежде всего, потому что мы употребляем слово «я» в качестве субъекта. «Следовательно, – пишет он, – действительно имеется смысл, в котором в философии можно не психологически говорить о *Я*. *Я* выступает в философии благодаря тому, что “мир есть мой мир”. Философское *Я* есть не человек, человеческое тело или человеческая душа, о которой говорится в психологии, но метафизический субъект, граница – а не часть мира» [8. С. 178].

Тексты Витгенштейна о «метафизическом субъекте» поднимают сложные логико-семантические и онто-гносеологические вопросы о самореференции и самопознании. В данном контексте, думаю, достаточно ограничиться следующим замечанием: метафизический субъект у Витгенштейна не есть ни мыслящая субстанция, ни поток чувственных переживаний, ни декартово *ego*, ни психологическое «я». Из чего можно сделать вывод, что витгенштейновский взгляд совместимым «негативной онтологией самости» [7. Р. 130]. Примечательным моментом, однако, является то, что всякий раз, когда в философии речь заходит о метафизическом субъекте как границе мира, то под этим подразумевается не «субъектность» как основание, на котором помещен весь мир, а «субъективность», понимаемая как осознающая себя индивидуальная автономия. Такое понимание субъективности дало старт либеральному понятию субъекта в эпоху модерна [10. Р. 141–143].

Хотя употребление местоимения «я» в качестве субъекта у Витгенштейна не относится к обозначению особой духовной сущности, локализованной в человеческом теле, оно непосредственно связано с личностью. Тот факт, что субъект в определенном смысле никак не обнаруживает свое присутствие в мире вещей, вовсе не исключает положения, что в другом, не менее важном смысле, мы можем говорить о ядре субъективности.

Для описания структуры субъективности воспользуемся здесь теоретической моделью современного американского философа Харри Франкфурта [11]. Модель имеет две основополагающие характеристики. Во-первых, в этой модели проводится разграничение между желаниями первого порядка и желаниями второго, более высокого порядка в соответствии с гипотезой о наличии у личности иерархичной волевой структуры. Указанное разграничение Франкфурт осуществляет, опираясь на рефлексивную способность субъекта. Во-вторых, особое внимание в его модели уделяется не «теоретическому», а «практическому» разуму, поскольку сущность бытия личности, по мнению Франкфурта, заключается не в разуме, а в воле [11. Р. 11]. Данное обстоятельство имеет для нас решающее значение, поскольку одной из основных задач статьи является обоснование возможности расширения философии языка Витгенштейна на экзистенциально-ценностную сферу, которая играет основополагающую роль в становлении человеческой личности как главной цели философии образования. Короче говоря, иерархическая модель самости помогает нам постигнуть феномен личности через анализ волевой структуры самости, состоящей из разного уровня желаний. Структура «я», по Франкфурту, совпадает с высказываниями, имеющими логическую форму «*A* хочет *X*», где символ *X* обозначает действие. Форма этого утверждения подразумевает, что воля личности (*A*) приводится в движение ее желанием *X* [11. Р. 9–10].

И когда говорят, что человеческий индивид должен заботиться о себе, то имеют в виду заботу о его воле, так как самоидентификация в значительной мере обуславливается его волевым устремлением. Из-за особой любви человека к самому себе он далеко не безразличен к структуре своей воли. Он обязательно оценивает свои волевые устремления, которые детерминируют его поведение. Способность к рефлексивной самооценке выражается у субъекта в виде желаний второго порядка. Скажем, если личность проявляет расположенность к определенному компоненту своей воли, то у нее возникает позитивное отношение желания второго порядка к некоторому желанию первого порядка. Когда же, напротив, личность испытывает неприязнь к своему волевому устремлению, то у нее появляется негативное отношение желания второго порядка к желанию первого порядка. Например, если человек испытывает голод, у него возникает желание «насытиться» (т.е. желание первого уровня). Однако это «стремление насытиться» еще не стало его личным желанием, поскольку оно не прошло рефлексивную стадию. Данную особенность проявления субъективной воли в свое время отмечал русский мыс-

литель Н.О. Лосский, по словам которого «от моего «я» зависит усвоить влечение моего организма к насыщению, стать на его сторону и осуществить его, или, наоборот, пренебречь им, например, еще более экстеризировать его и отнестись к нему как к чему то внешнему» [12. С. 538].

Рассмотрим еще один пример в терминах иерархической модели самости Франкфурта. Предположим, что человек с избыточным весом решил похудеть, чтобы быть стройным и не иметь проблем со здоровьем. Можно утверждать, что этот человек хочет не иметь желания (хотения) есть сладкое, так как у него сформировалось негативное отношение желания второго порядка к желанию первого порядка. Отсюда можно заключить, что если у субъекта сформировалось положительное отношение желания второго порядка к желанию первого порядка, то он идентифицирует себя со своей волей. Другими словами, личность обладает свободной волей в том случае, если она рефлексивно отождествляет себя со своими желаниями первого порядка. Когда человек обнаруживает в себе согласие между желаниями первого порядка и желаниями второго порядка, то он обладает автономной волей. Таким образом, человек определяет себя как автономную личность в том случае, если у него есть та воля, которую он хочет иметь. Но если личность обнаруживает в себе ту волю, которую она не хочет иметь, она впадает в состояние отчужденности от своей собственной сущности. Следовательно, автономия представляет собой безусловную гармонию личности со своей волей [7. Р. 131]. Здесь нужно отметить, что «автономия», в соответствии с этимологией этого слова, означает «самоуправление» [13. С. 25]. Поэтому автономной может считаться та личность, которая управляет собой, негативно оценивает свои желания более низкого уровня, соотнося их с желаниями более высокого уровня. Такая самооценка личности равносильна ее самоуправлению.

Следует сказать, что иерархическая модель самости не вполне укладывается в философские размышления Витгенштейна, несмотря на то что ее функциональным ядром выступает понятие рефлексивной воли как местонахождение нравственного смысла. К тому же данная модель крайне психологична, а как утверждает сам Витгенштейн, «нельзя говорить о воле как носителе этического. Воля как феномен интересуется только психологию» [8. С. 214].

Тем не менее, как будет показано далее, вышеописанная модель субъективности вполне совместима с философией языка Л. Витгенштейна, но не с его ранней «изобразительной» концепцией, а с его поздним социально-прагматическим подходом, согласно которому значение слова есть его употребление в языке [5. С. 99].

Наиболее проблематичным аспектом в иерархической модели личной автономии Франкфурта является понятие нормативности, которое призвано объяснить, почему желания второго порядка обретают непререкаемый статус в структуре личности и помогают ей осуществлять самооценку. Как было сказано, личность оценивает свою волевую систему через позитивное или негативное отношение желаний второго уровня к желаниям первого уровня. Поэтому возника-

ет вопрос: благодаря каким факторам оценочные суждения индивида обретают свой авторитет и нормативную силу? Ведь в структуре самости желания второго уровня наряду с желаниями первого уровня предстают просто как субъективные предпочтения. Тогда как возможно эксплицировать процедуру самооценки или самоопределения личности?

Чтобы ответить на данный вопрос, нам требуется разграничить понятия «желание» и «оценка», «волевая» и «ценностная» системы. Безусловно, чтобы обрести авторитет оценки (и ценности), желания, относимые к более высокому уровню, должны соответствовать определенным параметрам, не сводимым к сугубо субъективным предпочтениям. Как поясняет В.А. Кузьменков, «под ценностями можно понимать одобряемые обществом цели человеческих действий, тогда как под нормами – поддерживаемые обществом правила достижения целей» [14. С. 93]. Вопрос об основаниях нормативности желаний более высокого порядка есть по существу вопрос о том, как формируется ценностная система личности. Получить аргументированный ответ на него позволяет философия позднего Витгенштейна.

Нормативный статус значения

Анализ витгенштейновского подхода к нормативности следует начать с рассмотрения аналогии между значением как референцией и значением как значимостью (или ценностью). Если логики и философы языка, включая самого Витгенштейна, изучают главным образом семантическое значение, то исследователи, занимающиеся антропологическими и этическими вопросами, как и ученые в области педагогики, интересуются преимущественно экзистенциально-личностным значением. Например, при определении значения слов «корова», «птица», «карандаш», «дом» или таких языковых выражений, как «кот лежит на коврике», «машина припаркована во дворе» и т.п., имеется в виду референциальный тип значения. Когда же употребляются такие фразы, как «этот человек много значит для меня», «принципы социального равенства и социальной справедливости одинаково важны для социалистов», «каждый из нас должен совершить переоценку своих духовных ценностей», подразумевается экзистенциально-личностное или этическое значение. Именно второй экзистенциально-этический тип значения играет ключевую роль в выявлении источников детерминации самооценки личности, ценностно-смысловой сферы сознания и соответственно помогает прояснить феномен личной автономии. Например, если кто-то из людей говорит о себе «я негодяй» или «я не достоин уважения», то тем самым он демонстрирует, что ему далеко не безразлична его собственная волевая структура, что в действительности его весьма волнует и мучает вопрос о смысле жизни. Каким образом формируется ценностная структура личности? Что образует этическую и экзистенциальную основу личности, объективируемую в языке? Получить правдивый ответ на эти вопросы помогает гносеологический принцип витгенштейновской философии, именуемый в научной литературе

«публичным» критерием или «признанием сообщества» [15. С. 93, 136].

Согласно аргументу Витгенштейна против индивидуального языка, нормативность значения невозможно объяснить в случае нашего непризнания авторитета языкового сообщества. Любое семантическое значение обладает особым нормативным статусом. Поэтому любой индивид, рассматриваемый в изоляции, совершенно не способен задать нормативность значению слова, поскольку это обуславливается социальной природой языка.

Таким образом, используя аналогию между значением как референцией и значением как значимостью (или ценностью), мы можем реконструировать ответ Витгенштейна на вопрос о том, как формируется ценностная система личности.

«Публичный» критерий Витгенштейна и подлинное бытие личности

Наиболее очевидным ответом на вопрос о детерминации ценностной системы индивида является утверждение о том, что эта система непосредственно связана с мотивационными установками определенного индивида и зависит от того, что он считает важным для себя самого. Поэтому в соответствии с принципами либеральной модели образования, система ценностей современных молодых людей должна строиться на основе их свободного и осознанного выбора, что в свою очередь предполагает умение принимать ответственное решение. Однако такой индивидуалистический подход лоб в лоб сталкивается с социально-прагматическим воззрением Витгенштейна относительно механизма формирования ценностной системы личности. Я постараюсь доказать, что «публичный» критерий позднего Витгенштейна вполне совместим с идеалом аутентичности или подлинного бытия личности. Этот критерий не столько препятствует, сколько помогает раскрыть условия, необходимые для достижения субъектом согласия с самой собой.

Идеал аутентичности сформировался и утвердился в западноевропейской культуре в течение последних двух столетий. В настоящее время аутентичность воспринимается интеллектуальным сообществом в качестве неотъемлемой характеристики индивидуального существования. Она определяется как «единство жизненной истории человека и декларируемых им ценностей» [16. С. 27]. Феномен аутентичности указывает на более высокую форму самодостаточности человеческого бытия. Аутентичность есть то, что позволяет сделать личную жизнь потенциально более насыщенной и цельной, что обеспечивает яркий способ индивидуального существования. Понятие аутентичности играет важную роль в постижении того, что собой представляет подлинная жизнь человека в условиях современного глобального мира.

Аутентичность тесно связана с понятием индивидуальной идентичности, которая, по существу, зависит от признания личности другими. Так, по словам Поля Рикёра, «признание есть структура “Я”» [17. С. 347]. Человеческие индивиды не похожи на за-

мкнутые монады, их экзистенциальная идентичность – самооценка – строится не монологическим способом, а через диалог с другими, через легитимацию межличностных отношений на основе идеи взаимности [18. С. 92]. Участие других людей в установлении личной идентичности является неотъемлемой структурной особенностью нашего жизненного существования. Более того, указание на других при определении того, «кто мы есть», является не столько внешним и инструментальным принципом, сколько внутренней и конститутивной характеристикой. Наши отношения с другими нельзя трактовать с позиции модели общественного договора отдельных индивидов. В действительности мы всегда уже вовлечены в реальную сеть социальных отношений и реактивных установок, от которых зависит формирование нашего «я», нашей личной идентичности.

То признание, которое выражают нам другие или в котором отказывают нам, есть оценочное отношение к нашей личной идентичности и к нашему характеру. В этом и кроется суть разработанного Витгенштейном подхода к решению проблемы нормативности. Чтобы не упустить из виду факт социальной детерминации природы личности и ее автономии, нам необходимо всегда помнить о том, что самоидентификация достигается личностью через ее взаимоотношения с другими; данные отношения затем оказываются включенными в содержание ее мотивационной структуры. Это означает, что ценностная система личности, посредством которой она оценивает свои желания, стремления, предпочтения и поступки, включает в себя ценности того сообщества, в котором она живет. Тот социально-психологический механизм, который лежит в основе процедуры самооценки, можно объяснить в терминах генезиса социального (или «зеркального») «я», когда формируются представления о самооценности других человеческих «я», и подросток начинает сознательно соизмерять свои поступки с реакциями и требованиями социального окружения [19. С. 91]. Иначе говоря, самооценка личности представляет собой образ данной личности в глазах других людей. Мы нуждаемся в признании или непризнании нас другими, чтобы таким способом оценивать самих себя. При отсутствии процедуры оценки со стороны других людей мы оказываемся в состоянии полного неведения относительно подлинности нашего человеческого достоинства. Это означает, что наша самооценка должна неуклонно следовать за уважением нас другими.

Сведение способа самоопределения личности к модели эгоцентрической автономии, в которой личность игнорирует признание ее со стороны других, неизбежно приводит к разрушению идеала аутентичности. Вместе с тем отрицание факта социальной детерминации личной автономии вполне способно оказать деструктивное воздействие на становление целостного мировоззрения подростка.

В современной культуре широко распространено представление, что в структуре самооценки отношения (желания) высшего порядка выступают выражением тех ценностей, которые избраны и сформированы личностью самостоятельно. Считается, что ценностные

установки конкретной личности есть результат ее свободного и осознанного выбора. Между тем следует признать, что желания более высокого уровня обретают нормативный статус в волевой структуре личности лишь благодаря тому, что они располагаются в социальном пространстве. Поэтому то, что принято называть исключительно свободным выбором, на деле представляет собой хаотичное движение разума индивида в условиях отсутствия общепризнанных нравственных норм и морального авторитета. В таком случае свободное самоопределение, автономия личности превращаются в аномию, и мы вынуждены вновь вернуться к решению проблемы нормативности.

Изолированная личность, рассматриваемая сама по себе, не может по своему собственному разумению устанавливать нормативное значение, потому что все, что может показаться значимым для нее, может не быть таковым для других. Получается, что нам вообще нельзя обсуждать понятие индивидуальной ценности. Следует подчеркнуть, что вышесказанное соответствует общему выводу Витгенштейна об индивидуальном значении (языке) и следовании правилу: «Стало быть, “следование правилу” – некая практика. Полагать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. Выходит, правилу нельзя следовать “приватно”; иначе думать, что следуешь правилу, и следовать правилу было бы одним и тем же» [5. С. 163].

При самоопределении и самооценке личность должна полагаться не на собственное ощущение или интуицию, а на то, что всегда остается значимым независимо от автономной воли. Самоидентичность и личное достоинство приобретают свое значение только на фоне коллективного разума или, по словам канадского философа Ч. Тейлора, коллективного «горизонта значимости» (*horizon of significance*) [20. Р. 37–39]. Горизонт значимости – это та исторически сложившаяся ценностная система сообщества, которая состоит из влиятельных принципов, правил, установлений и выражает нормативное, социально признанное представление о правильной или добродетельной жизни человека. Это те социальные рамки, которые помогают нам определить нашу субъективность и осуществить самооценку. Они не создаются нами, а скорее обнаруживаются. По словам Витгенштейна, это есть «то, что следует принять как данное нам – это, можно сказать, *формы жизни*» [5. С. 314]. Таким образом, для достижения аутентичности личности необходима прежде всего «форма жизни», т.е. определенная культура с принятыми в ней универсалиями. Иными словами, я способен идентифицировать себя как конкретную личность только на фоне тех вещей, которые обладают «горизонтом значимости» [20. Р. 40–41].

Поскольку аутентичность человека проявляется в горизонте значимости, структура которого, в конечном счете, определяется «формой жизни», постольку феномен аутентичности с необходимостью предусматривает существование ценностных границ, которые выходят за пределы индивидуального сознания. Для адекватной самооценки человеку необходимо признание других. В результате самооценка в решающей степени зависит от усвоенной индивидом системы социальных ценностей и норм. Проведенный

анализ природы самости показывает, что конкретные индивиды в своем поведении выражают не собственные идиосинкразические ценности, а ценностную структуру того сообщества, в котором они живут. Влияние установок других людей определяется влиянием горизонта значимости или «формы жизни» общества. Это высший апелляционный суд, который обладает изначальным нормативным статусом и превосходит любую индивидуальную самооценку, а также оценки других конкретных людей. Горизонт значимости выходит за границы не только самости, но и другой личности. Горизонт значимости носит предзаданный характер и вместе с тем обладает свойством динамичности.

В соответствии с негативным духом витгенштейновской философии можно сказать, что горизонт значимости, служащий основанием ценностной структуры личности, не является ни относительным, ни абсолютным. «Форма жизни», включающая в себя общие принципы, правила, ценности, предстает у Витгенштейна как нормативная структура, которая не является в строгом смысле слова ни имманентной, ни трансцендентной. Горизонт значимости связан с унаследованными в обществе традициями и обычаями оценивания, которым подчиняется как отдельная личность с ее притязаниями на общественное признание, так и все окружающие ее люди. Таким образом, автономия личности складывается в процессе непрерывного диалога между «я» и другими, осуществляемого на унаследованном фундаменте ценностной рациональности.

Значение перспективы Витгенштейна для философии образования

Реконструированный в данном исследовании взгляд Витгенштейна на природу личной автономии можно рассматривать как предварительный набросок, который служит отправным пунктом для последующего осуществления «наглядного действия», направленного на решение этой сложной философско-этической проблемы. Феномен личной автономии неизбежно выводит нас на обсуждение практической задачи философии образования, связанной со становлением и развитием личности подростка. Вывод, который можно сделать из анализа витгенштейновской перспективы, задаваемой «публичным» критерием, социально-прагматическим подходом, заключается в выявлении наиболее точной характеристики процесса образования, выражаемой словом «посвящение». Образование по своей сути есть сложный процесс «посвящения» нашего социального «я» в конкретную форму жизни или культуру. И в зависимости от того, насколько успешно и последовательно осуществляется этот процесс, личность достигает определенного уровня саморазвития и самоорганизации и в конечном итоге делает свою жизнь яркой, наполненной глубочайшего смысла.

Сторонники концепции либерального образования, а также защитники классического школьного образования, осуществляемого в традициях И. Канта и И. Гербарта, нередко исходят из самоочевидного

положения, согласно которому учащиеся в действительности или потенциально являются автономными личностями в крайне индивидуалистическом понимании значения этого понятия. В таких образовательных теориях не отрицается относительная зависимость автономности личности от влияния на нее внешних факторов, социальных норм и общественных институтов. Тем не менее в либеральных моделях образования особенно подчеркивается, что каждый отдельный подросток или ученик является независимым творцом своей собственной воли, своего характера, своих ценностных ориентаций. Однако если мы считаем, что витгенштейновская перспектива относительно личной автономии верна, то тогда акцентуацию принципа самоопределения и свободы воли мы должны оценивать негативно, поскольку это способно нанести вред мировоззрению и самосознанию подрастающего поколения.

Философии образования при обосновании модели обучения и воспитания необходимо исходить из того, что идеалом мотивационно-волевой сферы личности должна быть не автономность, а аутентичность, подлинность индивидуального существования. В этом и заключается эвристическая ценность социально-ориентированного подхода Витгенштейна для философии образования. Вместе с тем при развитии витгенштейновского взгляда на личную автономию необходимо учитывать фундаментальную напряженность в идеале аутентичности, которая связана с природой самости.

Заключение

Знакомство интеллектуального сообщества с критикой Витгенштейном установок радикального индивидуализма, берущего свои истоки в картезианской модели субъективности, дает импульс широкому обсуждению природы личной автономии на основе разработанных австрийским философом методов и сло-

варя. Витгенштейн отрицал понимание самости как самодостаточной сущности, которая не обуславливается никакими внешними факторами. В соответствии с предложенной им перспективой, человеческое «я» должно рассматриваться как продукт культурно-исторических влияний. Формирование набора ценностных ориентаций личности находится в прямой зависимости от вовлеченности индивида в разнообразные социальные практики.

Нравственный идеал аутентичности не противоречит критериальному подходу Витгенштейна. Подлинное бытие личности предполагает неизбежное влияние других людей, социальных групп в рамках широкого взаимодействия. Вместе с тем уклад жизни общества, нормы, ценности, социальные установления служат не столько препятствием, сколько конституирующим принципом в формировании личной автономии и аутентичности. Витгенштейн, таким образом, осуществляет социализацию внутренних процессов человека (чувств, эмоций, стремлений, интересов), которые локализируются в естественном языке, становятся деятельным компонентом культуры. Он стремится привести нас к пониманию того, что наши интуиции о самосознании, ценностях адаптированы к повседневным формам выражения, к тому миру, который открывается нам через язык.

Таким образом, витгенштейновский взгляд на природу личной автономии может быть эффективно использован философией образования для разработки модели образования, отвечающей духовным запросам современного общества, когда обучение рассматривается как процесс сотворчества педагога и учащихся [21. Р. 37]. Вместе с тем эвристический потенциал философии Витгенштейна, открываемый нами через ее приложение к экзистенциально-этической и педагогической сфере, заключается в оправдании основополагающего идеала образовательной деятельности, каковым должна стать не столько автономия, сколько аутентичность, подлинность личного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Привалова Ю.В. Автономия личности в контексте образования // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 238–240.
2. Сырцова Е.Л. Развитие автономности личности в образовании: проблемы и перспективы // Фундаментальные исследования. 2007. № 3. С. 90–93.
3. A Companion to Wittgenstein on Education: Pedagogical Investigations / ed. by M. Peters, J. Stickney. Singapore : Springer Nature, 2017. 782 p.
4. Медведев Н.В. Философия образования: импульс Л. Витгенштейна // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 5. С. 102–107.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы: пер. с нем. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–320.
6. Витгенштейн Л. Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник' 89. М. : Наука, 1989. С. 251–263.
7. Cuypers Stefaan E. What Wittgenstein Would Have Said about Personal Autonomy // Philosophy and Education: accepting Wittgenstein's challenge. Edited by Paul Smeyers and James D. Marshall. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 127–142.
8. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
9. Витгенштейн Л. Голубая книга / пер. с англ. В.П. Руднева. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. 128 с.
10. Azarm M., Khaki M., Mirveisinik S. The historical evolution of the concept of the subject and the contemporary humanitarian crisis // Balkan journal of philosophy. 2017. Vol. 9, № 2. P. 139–148.
11. Frankfurt Harry G. Freedom of the will and the concept of person // The Journal of philosophy. 1971. Vol. 68, № 1. P. 5–20.
12. Лосский Н.О. Свобода воли // Избранное. М. : Правда, 1991. С. 484–589.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд. испр. М. : Рус. яз., 1991. 917 с.
14. Кузьменков В.А. Ценностно-нормативная структура общества как фактор аномии // Ценности и смыслы. 2018. № 3 (55). С. 93–105.
15. Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2010. 256 с.
16. Нартова-Бочавер С.К. Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 6. С. 18–29.
17. Рикёр П.Я – сам как другой / пер. с франц. [Б.М. Скурагова]. М. : Изд-во гуманит. лит., 2008. 419 с.
18. Чернова Я.С., Медведев Н.В. Философская герменевтика Поля Рикёра. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 140 с.
19. Иванов А.В. Сознание и мышление. М. : Изд-во МГУ, 1994. 130 с.
20. Taylor C. The ethics of authenticity. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1991. 160 p.

21. Peters M.A. Subjectivity After Descartes: Wittgenstein as Pedagogical Philosopher // Peters M., Stickney J. (eds.) *A Companion to Wittgenstein on Education: Pedagogical Investigations*. Singapore : Springer Nature, 2017. P. 29–42.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 15 июля 2020 г.

The Autonomy of Personality: Wittgenstein's Perspective and Its Significance for the Philosophy of Education

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 78–84.

DOI: 10.17223/15617793/456/8

Nikolay V. Medvedev, G.R. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: mnv88@mail.ru

Keywords: Wittgenstein; subjectivity; personal autonomy; normativity; form of life; horizon of significance; authenticity; value; philosophy of education.

The study is supported by the Russian Foundation For Basic Research, Project No. 19-011-00254.

The article examines the nature of personal autonomy from the perspective of the philosophy of Ludwig Wittgenstein. The study made an attempt to expand the scope of Wittgenstein's philosophical ideas through understanding existential, ethical, and educational issues. On the basis of Frankfurt's hierarchical model of subjectivity, Wittgenstein's views on the sources of determination of a person's value system and on the nature of normative value are reconstructed. It is revealed that Wittgenstein denied understanding of the self as an independent entity, unconditioned by any external factors. In accordance with the Wittgenstein perspective, the human "Self" should be considered as a product of cultural and historical influences. The formation of the value system of an individual directly depends on the individual's involvement in various social practices. The author proves that the "public" criterion of the late Wittgenstein is compatible with the ideal of authenticity and allows revealing conditions necessary for a person to achieve genuine existence. In self-determination and self-appraisal, the individual must rely on the collective horizon of significance or a "form of life". The study reveals the connection of authenticity with the concept of individual identity, the dependence of the self on its recognition by others. The reduction of the method of personal self-determination to a model of egocentric autonomy inevitably leads to the destruction of the ideal of authenticity. The author proves that the moral ideal of authenticity does not contradict Wittgenstein's criteria approach. Value systems in the form of desires of a higher order gain their normative status in the volitional structure of the individual due to the fact that they are located in the social space. The true existence of the individual implies an inevitable influence of other people and social groups in the framework of wide interaction. The way of life of society, norms, values, and social institutions serve as a constitutive principle, rather than as an obstacle, in the formation of personal autonomy and authenticity. The author shows that Wittgenstein carries out the socialization of human internal processes, which are localized in the natural language and become an active component of culture. Wittgenstein's arguments lead to the understanding that our intuitions about self-awareness and values are adapted to everyday forms of expression, to the world that is revealed to us through language. The author concludes that the Wittgenstein socially-oriented approach to the self, directed against manifestations of extreme individualism, can help develop a model of education that meets the spiritual needs of modern society. The heuristic potential of Wittgenstein's philosophy is to justify the fundamental ideal of educational activity, which should be authenticity, the authenticity of an individual human being, rather than autonomy.

REFERENCES

1. Privalova, Yu.V. (2013) Personal Autonomy in the Context of Education. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 11. pp. 238–240. (In Russian).
2. Syrtsova, E.L. (2007) Razvitiye avtonomnosti lichnosti v obrazovanii: problemy i perspektivy [Development of personality autonomy in education: problems and prospects]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 3. pp. 90–93.
3. Peters, M. & Stickney, J. (eds) (2017) *A Companion to Wittgenstein on Education: Pedagogical Investigations*. Singapore: Springer Nature.
4. Medvedev, N.V. (2019) Philosophy of Education: L. Wittgenstein's Impulse. *Manuskript – Manuscript*. 12 (5). pp. 102–107. (In Russian). DOI: 10.30853/manuskript.2019.5.22
5. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Translated from German. Part 1. Moscow: Gnozis. pp. 75–320.
6. Wittgenstein, L. (1989) Zametki o "Zolotoy vetvi" Dzh. Frezera [Remarks on Frazer's Golden Bough]. Translated from German In: *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik '89* [Historical and Philosophical Yearbook '89]. Moscow: Nauka. pp. 251–263.
7. Cuypers, S.E. (1995) What Wittgenstein Would Have Said about Personal Autonomy. In: Smeyers, P. & Marshall, D. (eds) *Philosophy and Education: Accepting Wittgenstein's Challenge*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. pp. 127–142.
8. Wittgenstein, L. (2017) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German. Moscow: Kanon+ROOI "Reabilitatsiya".
9. Wittgenstein, L. (1999) *Golubaya kniga* [The Blue Book]. Translated from English by V.P. Rudnev. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
10. Azarm, M., Khaki, M. & Mirveisinik, S. (2017) The historical evolution of the concept of the subject and the contemporary humanitarian crisis. *Balkan Journal of Philosophy*. 9 (2). pp. 139–148.
11. Frankfurt, H.G. (1971) Freedom of the will and the concept of person. *The Journal of Philosophy*. 68 (1). pp. 5–20.
12. Losskiy, N.O. (1991) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Pravda. pp. 484–589.
13. Ozhegov, S.I. (1991) *Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov* [Dictionary of the Russian Language: 70,000 words]. 23rd ed. Moscow: Rus. yaz.
14. Kuz'menkov, V.A. (2018) The Structure of Values and Norm as a Factor of Anomie. *Tsennosti i smysly*. 3 (55). pp. 93–105. (In Russian).
15. Kripke, S.A. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+ROOI "Reabilitatsiya".
16. Nartova-Bochaver, S.K. (2011) Understanding of Authenticity in Foreign Psychology of Personality: History, Phenomenology, Research. *Psichologicheskiy zhurnal*. 32 (6). pp. 18–29. (In Russian).
17. Ricoeur, P. (2008) *Ya – sam kak drugoy* [Oneself as Another]. Translated from French by B.M. Skuratov. Moscow: Izd-vo gumanit. lit.
18. Chernova, Ya.S. & Medvedev, N.V. (2014) *Filosofskaya germenevika Polyu Rikera* [The Philosophical Hermeneutics of Paul Ricoeur]. Tambov: Tambov State University.
19. Ivanov, A.V. (1994) *Soznanie i myshlenie* [Mind and Thinking]. Moscow: Moscow State University.
20. Taylor, C. (1991) *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
21. Peters, M.A. (2017) Subjectivity After Descartes: Wittgenstein as Pedagogical Philosopher. In: Peters, M. & Stickney, J. (eds) *A Companion to Wittgenstein on Education: Pedagogical Investigations*. Singapore: Springer Nature. pp. 29–42.

Received: 15 July 2020

О.В. Беззубова, О.Ю. Гончарко, М.И. Микешин

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИЯ ПЛАТОНОВСКОГО ДИАЛОГА И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В РОССИИ XVIII–XIX вв.

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18–78–10051
«Византийский фактор в формировании русской логической традиции».*

Статья посвящена традиции платоновского диалога в русской философии XVIII–XIX вв. На примере диалогов о бессмертии души рассматривается влияние платонизма на русскую философскую мысль эпохи Просвещения, выявляются существенные и значимые отличия. Сопоставление русских и византийских текстов позволяет рассматривать византийское неоплатоническое богословие как еще один фактор, помимо европейской философии Нового времени, определяющий специфику философии в России XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: платоновский диалог; Федон; византийский неоплатонизм; эпоха Просвещения; А.Т. Болотов; М.М. Щербатов.

Отношение русской философии и русской культуры к античной традиции в целом оценивается неоднозначно. Ряд авторов, в частности П.А. Флоренский, подчеркивают генетическую связь русской духовной традиции с греческим миром: «Вы знаете о несомненной преемственности нашей духовной культуры от Платона. Своим именем мы признаем себя питомцами и той, Афинской Академии» [1. С. 145]. Противоположную точку зрения выражает Г.Г. Шпет, писавший: «Россия вошла в семью европейскую. Но вошла как сирота. Константинополь был ей крестным отцом, родного не было. В хвастливом именовании себя третьим Римом она подчеркивала свое безотчество, но не сознавала его. Она стала христианскою, но без античной традиции и без исторического культуропреемства» [2. С. 29]. По мнению Шпета, в отличие от Запада, сохранившего латинский язык в качестве языка церкви и тем самым обеспечившего возможность прямого обращения к античному наследию, русская культура, приняв христианство по византийскому образцу, в то же время не восприняла его греческий язык.

Так или иначе, знакомство русской культуры с античной философской традицией произошло именно благодаря принятию христианства. Первоначальная рецепция платонизма была связана с восприятием восточной патристики, и особенно наследия каппадокийцев и Псевдо-Дионисия Ареопагита. Таким образом, пусть и косвенно, но отголоски платонической мысли получили распространение через церковную, а также светскую литературу: хроники (например, «Хроника» Григория Амартола, где сообщалось о философах и риториках – Сократе, Анаксагоре, Демокрите, Зеноне, а также много внимания было уделено Платону и цитировались его диалоги) и морально-назидательные «флорилегии», пользовавшиеся популярностью вплоть до XVIII в. («Пчела»). Однако собственно философские сочинения Платона приобретают широкое распространение в России только в век Просвещения. Различные аспекты влияния платонизма на развитие русской философии анализировались в работах А.И. Абрамова [3–8], А.Г. Тихолаза [9–11], С.С. Хоружего [12], Р.В. Светлова [13], Л.Я. Подвойского [14–15], Ю.Б. Тихеева [16–18], Ф. Незеркотт

[19]. Однако большая часть перечисленных исследований посвящена традиции средневековой русской философии или философии конца XIX – начала XX в. Кроме того, упомянутые исследования связаны в первую очередь с историей религиозной философии. Влияние платонизма на философию XVIII в. рассматривалось в работах Е.И. Мирошниченко [20], Т.В. Артемьевой [21–22].

Нас будет интересовать не только содержательный аспект, но и сама форма философского диалога, которую перенимают российские и византийские авторы, наполняя ее не столько платоновским содержанием, сколько вопросами и проблемами, актуальными для их времени.

Рост интереса к философии Платона, Аристотеля, античной и византийской философии в России XVIII в. во многом был предопределен интересом к европейской философии в целом и ее истории в частности. Например, первые учебники по логике, написанные именно на русском языке, также появляются в России в XVIII в. и основываются не только на современных европейских учебниках, но и напрямую на античных источниках [23–24]. Как отмечает Е.И. Мирошниченко [20. С. 29–30], имя Платона можно обнаружить практически у любого значимого автора этой эпохи, начиная от Ломоносова и заканчивая Екатериной II, в царствование которой появляются первые переводы сочинений Платона на русский язык. Интерес к Платону в рамках общего увлечения идеями Просвещения был связан, в частности, с влиянием Вольтера и Дидро. Так, Вольтер отсылает к Платону в сочинении «Диалоги Эвгемера» (1777). Данное произведение вызывало интерес потому, что в нем деист Вольтер с платонических позиций критиковал атеизм. Христиански настроенные русские интеллектуалы увидели в платонизме возможность соединения философии с христианским мировоззрением. Что касается Дидро, то он обращается к Платону неоднократно, в том числе с целью критики христианства, однако данная линия не получила развития в русской философии XVIII в. Русские платоники стремятся христианизировать Платона, обращаясь с этой целью чаще всего к платоновскому учению о бессмертии души.

В XVIII веке с сочинениями Платона русский читатель мог познакомиться по переложениям некоторых диалогов в «Утреннем свете» Н.И. Новикова (1777–1778 гг.), а также по переводам Ю. Сидоровского и М. Пахомова («Творений велемудрого Платона Часть первая» (1780); «Части вторая первая половина» (1773); «Часть третья. Законы или о законоположении тринадцать книг» (1785)). Отметим, что отдельную проблему при переводе представляло отсутствие в отечественной культуре сформированного литературного языка в целом, а также разработанной философской терминологии. Говоря о рецепции Платона в русской философии, следует также помнить о том, что знакомство с идеями Платона происходило не только благодаря чтению первоисточников, но и благодаря интересу к произведениям европейских авторов, написанных в подражание Платону. Так, в России XIII – первой половины XIX в. было чрезвычайно популярно и сочинение Моисея Мендельсона «Федон, или О бессмертии души» (впервые опубликовано Н.И. Новиковым в журнале «Утренний свет» (1777), а впоследствии его переиздавали дважды – в 1811 и 1837 гг. в разных переводах, содержащих философские комментарии [22. С. 68]). Как в диалоге Платона, так и в диалогах его последователей главной остается тема готовящегося умереть и размышляющего о смерти философа – один из основных философских мотивов, к которому обращались философы, вдохновленные Платоном на размышление о смерти и умирании в качестве основного философского настроения.

Платоновский диалог «Федон», без сомнения, может рассматриваться как парадигмальное произведение, обращающееся к проблеме бессмертия души в европейской философской мысли. Русская философия не является в данном отношении исключением. Среди тех, кто обращался к данной проблематике в русской философии, следует выделить имена А.Т. Болотова (1738–1833) и М.М. Щербатова (1733–1790).

«Разговор о бессмертии души» (1788) был сочинен Щербатовым, как он сам признает во «Ведении», в следующих обстоятельствах. Во время тяжелой болезни он думал о смерти и бессмертии души, а затем прочитал платоновского «Федона». Щербатов увидел, чего этому диалогу недостает, и решил пересочинить беседу сам.

Князь Щербатов переписал в диалоге как сюжет, так и персонажей. Все они теперь носят другие имена. Важными для него были не только предсмертные философские рассуждения, но и конкретное положение, конкретный контекст жизни мыслителя в России. Для него не существовала отвлеченная, абстрактная позиция, в которой можно было бы находиться вне политики и вне истории. Ему было важно, чтобы участники были невымысленными, а их обстоятельства – известными. Нужен был обязательно человек, находящийся в условиях Сократа, т.е. невинно осужденный и приговоренный к смерти, когда заставляют душу переселиться, разрушая дом, в котором она пребывает, и в то же время который бы не испытывал стыда и позора, поскольку «преступление делает стыд, а не казнь» [25. С. 265–266]. Его Сократ стано-

вится А.Ф. Хрущовым – одним из заговорщиков, посягнувших на власть императрицы, который в то же время характеризуется как человек добродетельный, разумный, ученый, любящий философию и занимающийся ею.

А.Ф. Хрущов (1691–1740) сотрудничал с А.П. Волынским (1689–1740) и составил вместе с ним «Генеральный проект об улучшении государственного правления». А.П. Волынский также написал множество проектов государственных и общественных преобразований – «О гражданстве», «О дружбе человеческой», «О приключаящихся вредах особе государя и всему государству». Хрущов был хорошо образованным человеком, он перевел на русский язык популярный утопический роман Ф. Фенелона «Похождение Телемака». Щербатову импонировали политические взгляды Волынского и Хрущова, которые так же, как и он, выступали на стороне родового дворянства. Оба они в результате придворных интриг были схвачены, обвинены в измене и казнены [22. С. 72–73].

Щербатов признает, что составить диалог по платоновскому образцу ему было довольно нелегко: «Трудность мне настояла сыскать второго разглагольствователя, ибо легко было в Афинах то сыскать, где осужденные на смерть были посещаемы их друзьями и родственниками, но в тайную канцелярию никто, кроме судей, пристава, стражей и палачей, не проник. И тако избрал я для сего пристава, который был у всех несчастных, содержащихся по сему делу, – Никиту Федоровича Коковинского, тогда бывшего гвардии офицером. Сей человек был честной, разумной и при наблюдении порученного ему дела сострадательн» [25. С. 264]. В результате участниками диалога стали осужденный политический преступник и его тюремщик.

В диалоге Щербатова присутствует продуманная схема доказательства существования Бога и бессмертия человеческой души: «я в сем не только верой и откровением уверен, но 1-е – почти математическими доказательствами, 2-е – собственными моими чувствами, 3-е – согласием всех народов света, 4-е – согласием почти всех мудрецов, 5-е – собственным поступком тех, которые сие испровергают, 6-е – правосудием Божиим и, наконец, 7-е – не токмо, яко христианин, верой, но и верой, основанной на преданиях таких, которым здравый рассудок и самая строжайшая философия верить повелевают» [25. С. 267]. Здесь Щербатов дополняет платоновские аргументы теми доводами из истории философии, которые накопились в ней со временем в другие эпохи, начиная от средневековой религиозной философии, заканчивая аргументами, появившимися позже в философии Нового времени: «удивляясь мудрости Платоновой и изящности сей беседы, приметил, что поелику человек и человек эллин, он все нужное по утверждению бессмертия души вмести, но недостает в сей беседе того, чему и быть не можно, т.е. просвещения христианским законом» [25. С. 263]. Прежде чем начать исследовать имеющиеся у него доказательства бессмертия души, Щербатов не преминул обозначить, какое решение будет правильным, оценив, каковы они, его

воображаемые оппоненты: «честный человек подлинно имеет пользу желать бессмертия души, но развратный и злой, не предвидя в бессмертии ее как токмо тягость и наказание от Вышнего Естества, конечно, предпочтет, чтобы вместе с телом и душа его исчезала» [25. С. 268].

«Почти математическое доказательство» – это рассуждение, основывающееся на непротяженности души, ведь «математика – есть наука протяжения тел или их содержания» [25. С. 268]. Чтобы понять, протяженна душа или нет, Щербатов предлагает обратиться к тому, как наши чувства дают нам связь с бытием: «...без души мы чувств не имеем... бытие наше нам чинится чувствительно через душу нашу... чувства происходят... от некоего естества, которое в нас обитает и распространяет свои действия по всему телу, употребляя члены наши яко орудия к принятию чувствований» [25. С. 269]. Далее же, отвергая один телесный орган за другим, он пытается выяснить, где обитает душа, полагая, что отсечение второстепенных членов не ведет к расставанию души с телом: «...душа должна токмо обитать в наших главных членах... хотя душа чувствованиями своими и все тело занимает, но главное ее седалище или престол есть глава человеческая, яко знатнейшая часть тела... она [душа] не убавляется никаким отсечением, убо она есть неудобна ко всякому разделению» [25. С. 270–271]. Такие эксперименты приводят нас, по мнению Щербатова, к убеждению, что «душа... не имеет частей, а потому и не может раздробиться, а не могши раздробиться, не может исчезнуть, убо она есть бессмертна» [30. С. 271]. Но если органы, посредством которых душа действует в теле, исчезают или ослабевают, «душа становится, яко художник, лишившийся его орудий» [25. С. 271]. Таким образом, Щербатов приходит к выводу, что непротяженная душа не может быть разделена на части, а поскольку смерть есть уничтожение, разрушение или разделение, которое в данном случае невозможно, то и душа бессмертна. Этот аргумент можно обнаружить и у Декарта, и у Лейбница, и у А.Н. Радищева. Эта же идея содержится и в платоновском «Федоне» в несколько иной форме: душа бессмертна, поскольку неделима и не может распадаться на части (Plato, Phaedo 78 b–96 b) [26. С. 33–54.]. Тот же аргумент используется и в диалоге Григория Нисского, в котором говорится, что душа бессмертна только после рождения: до рождения души не существует согласно христианской идее сотворения души, в свете которой Григорий Нисский polemизирует с идеей о переселении душ в разные естества [27. С. 283].

Второй аргумент Щербатов начинает с того, чем отличается душа человеческая от душ животных. Главное отличие – в способности человеческой души к познанию: «и каждый день жизни его [человека] может ему новые познания приобретать, чего в других животных не примечается, а посему должны мы заключить, что душа человеческая имеет превосходные свойства и силы перед душой животных» [25. С. 272]. Душа, получая информацию от органов чувств, организует и интерпретирует ее при помощи воспоминаний: «не токмо мы получаем вещественное

чувствование, но тогда же соображаем, вспоминаем, судим о вещах... [мы не узнали бы человека издалека, его силуэт] представлялся бы нам вещью непонятной, если бы воспоминание не пришло направить наш рассудок, что по фигуре и по величине, в какой в отдаленности он быть является, то должен быть человек» [25. С. 273]. Душа также представляет и будущее: «...когда идете вы по пристани и дойдете до воды... ступите ли смело в воду... душа ваша не токмо чрез чувства на памятью прошедшее, присутствием настоящего, но соображением и будущее вам представляет» [25. С. 274]. Душа пользуется данными органов чувств, а если какие-либо данные не поступают, то душе не с чем дело иметь, и она в этом «направлении» не работает: «бдение ее токмо тогда чувствительно нам чинится, когда органы чувств наших могут ей способствовать... Душа прилагает только к чувствам, что могут они изобразить, но что изобразить они не могут, то из направлений души пропадает». Однако зависимость души от данных, поставляемых чувствами, не означает, что душа есть свойство тела, поскольку «она слабостям телесным не подвержена... что слабостей телесных не имеет и не может быть иное существо, как бессмертное... душа не переставала бдеть» [25. С. 276]. А если человек видит, когда глаза его закрыты, т.е. видит во сне, то резонно спросить, «да чем же вы тогда видите, когда очи ваши затворены?.. А коли не очами, то, конечно, душой». Познание фактически не имеет границ, восходит до самого Бога, а это есть явный признак ее бессмертия: «...громады, обращающиеся в безмерном пространстве, все в таком благоустройстве, что древние сие гармонией или музыкальным соглашением назвали, и познание, что ничто ни от чего быть не может, ведет к познанию, что есть превышний Творец всему сему... Все сие, кажется, превосходит понятие и силы других животных, а потому и утверждается преимущество души человеческой и особливое, как кажется, бессмертие... душа, яко бесплотная, частей не имеющая, действующая сама собой, удобная к познаниям и к откровениям, проникающая даже до познания Божества и не могущая отяготиться ни сном, ни другими тягостями телесными, должна бессмертна быть» [25. С. 275–277].

Третьим аргументом у Щербатова служит аргумент «практически все так считают» – от великих людей до самых простых: «Когда вы читаете историю Александра Великого, Цезаря или слышите знатные деяния Петра Великого или, наконец, дела какого знатного мужа, не возбуждается ли в вас некий дух ревности, побуждающий вас им подражать и учинить, чтобы и ваше имя, подобно их, в свете и по смерти вашей знаемо было?.. А самое сие движение души вашей и показывает, что она есть бессмертна и что вы, хотя ясно сего не чувствуете, однако стремитесь она к бессмертию... рассмотрим все состояния на земле» [25. С. 277]. Рассмотрев все «состояния», т.е. царей, вельмож и богатых, художников, ученых и даже земледельцев, Щербатов замечает, что все они стремились оставить о себе память, обессмертить свое имя, поскольку строят памятники, сочиняют произведения свои, производят детей и желают иметь хоть самый

скромный камень на могиле. Если же рассмотреть, «какие народы полезное сие учение принимали и которые отвергали», то отвергающих мы фактически не найдем. Египтяне, «вавилонцы», «сириане», персы, греки, «латинцы», «индиане», китайцы, американцы, мексиканцы и перуанцы – «все народы света утверждают оное». Только среди современных европейцев находит Щербатов странных людей, но и они не представляют особой опасности и тем более не опровергают третьего аргумента: «между европейцами заблуждение некоторых лжемудрых, отвергающих бессмертие души, не может содействия на всех европейцев иметь» [25. С. 278–279].

Особо из всех народов Щербатов выделяет иудеев как имеющих отношение к Писанию. Когда Коквинский замечает, что Хрущев пропустил в своем перечислении иудеев, последний сообщает, что они тем более считают душу бессмертной. Ветхий Завет, «говоря Бог в настоящем времени, что извел их из земли египетской, говорит купно к прешедшему роду, хотя умершему телами, но живущему по бессмертию души, равно как к настоящему роду... Но есть еще яснейшие выражения в Священном Писании о бессмертии души... если души их купно с телом исчезли бы, Бог, взяв в законе сие именование, назвал бы себя Богом того, чего уже нет, но он называет себя Богом Авраама, Исаака и Иакова, показуя через сие, что, хотя они плотью и умерли, но в самом деле души их живы суть. А дабы и еще отнять всякое сумнение, то еще прилагает: “Несть Бог мертвых, но Бог живых”... не могли лгать, Бог не мог и обещать тогда бесплотные им награждения, как тогда, когда свершится от века положенное искупление рода человеческого» [25. С. 279–280].

Четвертым аргументом у Щербатова выступает согласие почти всех мудрецов. Если посмотреть, «что о бессмертии души мнили изящнейшие мудрецы, сиречь те, кои добродетелью, разумом и проницанием своим от других отличались, жили в обществе, не быв участники порокам оног», то в число соглашающихся попадают Пифагор, Сократ, Платон, Фалес, Зенон-стоик, Цицерон, Гомер, Вергилий, Конфуций... «Аристотель... он в едином месте сказал, что душа есть первое естественное действие органического тела, иже имеет жизнь в своей власти, а потому, что власть над жизнью имеет, не есть ли бессмертно?» [25. С. 281–282]. Тех, кто с ними не соглашался, было очень немного. «Весьма мало находилось таких, которые не признавали бессмертия души... Эпикур, Лукреций... Спиноза и Гобес... и душу не иное, как атомом или сопряжением атомов почитали» [25. С. 283].

В качестве пятого аргумента Щербатов предлагает посмотреть, как ведут себя те, кто на словах бессмертия души отвергают. «Все те, которые бессмертия души отвергают, не меньше нам являються попочительны сохранить имя свое и по смерти своей, а самое сие и не доказывает ли, что непреборимое чувство души их о своем бессмертии, против воли их в них пребывает... Эпикур в правоучении своем за приятнейшую роскошь исполнение добродетели полагал, а потому и приготовлял душу к бессмертию, отвергая

его... хотели его от страху будущей жизни свободить... Благоразумие же требует, чтобы делать добро большому числу предпочтительно пред малым... сего никто такой не учинит по неизвестному ему чувству бессмертия души, о котором он думает, что сие есть чувство о своей славе. Но к чему тому слава, который совсем исчезнет и коего душа вместе с телом погибнет?» [25. С. 284–285].

Главными же аргументами Щербатов, видимо, считает два последних, поскольку они непосредственно касаются его христианской веры. Все перечисленные аргументы хороши, но двумя последними необходимо дополнить аргументацию, ведь именно для них Щербатов переписал диалог, именно для демонстрации их силы он выбрал и участников диалога, и его обстоятельства. Именно эти два аргумента должны ответить на наиболее интересующие автора (подразумевается, что и читателя) вопросы о зле в жизни, о ее краткости, о справедливости.

Есть Бог совершенный, поскольку «видя толикое устройство природы, не все ли нам возвещает, что есть Вышнее Естество, сотворившее непонятной мудростью все видимое и невидимое нами; а сие естество есть Бог. Сие первое заключение и ведет нас, купно с познанием, уразуметь, что он есть во всем совершен, а потому благ и правосуден». А если бог совершен, т.е. благ и правосуден, то «от сего начала следует наше заключение относительно к человеку». А про него можно сказать, что «нет возможности выдумать таких зол, коим бы каждый человек не повергнут был... Однако видимый суд Божий их не постигает, и продолжение часов таких жизни есть продолжение их преступлений и соплетение несчастий народных. Так разве нет правосудия Божьего?» Конечно, есть, ведь Бог совершенен, «совершенства же его изъявляют нам о его правосудии, а правосудие в рассуждении светского обращения – награждение или наказание, следовательно, и бессмертия души» [25. С. 286–287].

И еще очень важно вот что, написал нам князь-Рюрикович Щербатов: «строение Божье тако сие расположило, что и самый простой человек, который восхочет токмо размыслить с неким знанием, всю нужную вероятность в сем обрящет» [25. С. 288]. Почему теперь такое возможно? Вследствие «победы нашего Закона над прелестью дьявольской. Кем же все сие по вознесении Спасителя учинено? Бедными и неучеными людьми, не имеющими ни знания, ни красноречия... евангелисты и апостолы были люди простые и неученые, не имеющие никакого честолюбия и по плотскому более бы могли себе найти пользы последовать тому закону, в коем родились, и быть согласны со мнением того народа, где они жили. Но несть Истина, их избравшая ко уловлению человек, заставила их оставить все плотское, чтобы истину проповедовать» [25. С. 289].

Многие фанатики гибли за свою веру. «Весьма возможно есть, что человек, утвердась и во лживых догматах, восхочет лучше быть умерщвлен, нежели отстать от них». Однако теперь «повсюду крест стал победоносен», и мы имеем новый вид свидетельства. «Но здесь свидетельство есть в видимости, т.е. видели ли они Христа, воскресшего из мертвых и вос-

шедшего на небеса, то не в естестве человеческом есть; чтобы кто, последуя какому обманщику, был им отвлечен от своего дома, лъстясь некоей надеждой, зрил его поносной казнью умерщвленного, вместо бы озлобления, какое долженствовал на него иметь, еще паче привязан к нему стал; отложил прежде являющуюся в нем робость и смертный страх, начал проповедовать, что он жив и вознесся на небеса, лишаясь тем всех плотских своих удовольствий, подвергаясь мучительской смерти и умирая с радостью, и сие не один, но многие. А посему свидетельство апостольское есть справедливо, и учение их свято, уверяя меня в бессмертии души и в воздаянии благим» [25. С. 290].

Вопросы танатологии и пневматологии являются ключевыми также и для сочинений А.Т. Болотова: «О душах умерших людей» (1823) [28], «Предполагаемые наугад происшествия на том свете и разговоры в мире духов у душ умерших людей между собой и Ангелами» (1823), «Старик со внуком, или Разговоры старого человека с молодым его внуком» (1822) [29. С. 18–19]. Все три произведения написаны в жанре диалога. Отдельные моменты, касающиеся бессмертия души и ее посмертной судьбы, также рассматривались им в сочинении «Детская философия, или нравоучительные разговоры между одной госпожой и её детьми, сочинённые для споспешествования истинной пользе молодых людей» (1776–1779), представляющем собой собрание нравоучительных диалогов. Наиболее полно интересующая нас тематика затрагивается в диалоге «О душах умерших людей». Данное сочинение состоит из девяти диалогов, связанных между собой ключевым вопросом. Первые разговоры посвящены состоянию человеческой души сразу после смерти, во второй половине затрагиваются вопросы об участи душ во время и после Страшного суда.

Учитывая историко-культурный контекст создания диалогов, представляется легко объяснимым то, что проблема бессмертия души трактуется Болотовым в христианском духе. Однако некоторые исследователи (Б.К. Двинянинов [30]) усматривают сходство диалогов Болотова с позднеантичной герметической традицией. Дело в том, что в отличие от Платона, где Сократ ведет разговор с учениками в диалектической форме, герметические произведения передают беседу учителя, владеющего истиной, и учеников, к истине приобретаемых. Структура диалогов Болотова в этом отношении ближе к структуре герметических трактатов, они представляют нравоучительную беседу старшего и младшего (дедушка и внук в разговоре «О душах умерших людей», Госпожи Ц** и ее детей в «Детской философии»). Сочинения Болотова и герметическую традицию объединяет также опора на истину, данную в откровении, представляющую собой одновременно указание на границы возможного человеческого познания. Этим объясняется отсутствие диалектического столкновения различных мнений: старший собеседник последовательно излагает единую концепцию, тогда как младший внимает старшему как авторитету. Подобная же судьба постигает жанр платоновского диалога у каппадокийцев: в диалоге Григория Нисского «О душе и воскресении»

(Περὶ ψυχῆς καὶ ἀναστάσεως), во многом восходящем к платоновскому «Федону» как по форме, так и по содержанию, сократовский метод ведения диалога не так очевиден – участники беседы, скорее, заранее согласны друг с другом относительно вопросов бессмертия души, однако Григорий, сделав себя лично участником этого диалога, возражает своей сестре Макрине, вероятно, в силу формальных соображений, перебирая возможные аргументы оппонентов христианского учения о бессмертии души и ее посмертном воскресении [31].

Говоря об истории платоновского диалога в рамках восточно-христианской греческой традиции, следует упомянуть основные образцы этого жанра, которые создавались на протяжении всех веков бытования истории философии в Византии, но были проникнуты скорее уже христианским догматизмом, нежели платоновским майевтическим духом и ироническим диалектическим настроением.

1. Диалоги Мефодия Олимпийского († ок. 311) «О свободе воли» (Περὶ τοῦ αὐτεξουσίου) и «Пир десяти дев, или О целомудрии» (Συμπόσιον ἢ περὶ ἀγνείας). В первом обсуждаются такие вопросы, как природа зла, происхождение материи и свобода воли, а собеседниками являются православный христианин (сам Мефодий) и два приверженца учения валентиниан [32]. Во втором – беседа, происходящая на пиру между десятью девами, обрамляется еще и рамочным диалогом по образцу структуры платоновского «Пира», однако если рамочный диалог представлен в виде спора, то в беседе десяти дев нет никакой дискуссии, их речи лишь дополняют друг друга, являясь по сути восхвалениями такой добродетели, как целомудрие (христианизированный вариант божественной любви, лишь косвенно относящийся к платоновскому эросу).

2. Упомянутый выше диалог Григория Нисского (335/340 – после 394) [33].

3. Диалог «Феофраст, или о том, что предсуществования людей нет, и что душа бессмертна» (Θεόφραστος, ἢ ὅτι οὐκ ἔστιν ἀνθρώπων προῦπιότη καὶ ὅτι ἀθάνατος ἡ ψυχή) Энея Газского (конец V – нач. VI вв.), в котором беседа осуществляется в режиме апологии христианского вероучения о бессмертии души с опровержениями неоплатонического учения о предсуществовании и переселении душ [32].

4. Сочинение Захария Схоластика (465/466 – после 536) «Аммоний, или о том, что мир не совечен Богу» (Ἀμμώνιος, ἢ ὅτι οὐ συναιῖδιος τῷ θεῷ ὁ κόσμος). Здесь платоновский жанр уступает место средневековому полемическому диспуту с его приверженностью догматизирующей мысли и полагании единственности истины, что превращает диалог из дружеской беседы в страстный спор и даже «агрессивную полемику с оппонентами» [32].

5. Спор между святым патриархом Никифором Константинопольским и императором-иконоборцем Львом V Армянином (из «Жития патриарха Никифора», написанного Игнатием Диаконом (770/780 – после 845) в формате «выродившегося» в диспут платоновского диалога, однако с сохранением платоновских стилистических черт). «Никифор, выступая в роли Сократа, задает вопросы своему оппоненту-

еретику и разоблачает иконоборческую ересь; в начале Лев V уверен в своей правоте, но к концу спора он оказывается в тупике и не знает, что ответить» [32].

В качестве эволюции «христианизированного» платоновского жанра в Византии можно упомянуть также два диалога XI и XII вв., авторы которых отошли не только от античной философской проблематики, но также и от ключевых тем восточно-христианской догматики, посвятив свои диалоги менее значительным вопросам, стоящим на грани богословия и лингвистики. Это характеризует уже более поздний (схоластический) этап развития средневековой философии как на Западе, так и на Востоке.

1. Диалог Евстратия Никейского (ок. 1050 – ок. 1120), дошедший до нас без названия, «посвящен актуальной для того времени богословской проблеме: как следует почитать икону – λατρευτικῶς ‘через поклонение’ или σχετικῶς ‘относительно’, т.е. почитаем ли икона сама по себе, или только образ, запечатленный на ней» [32]. Героями здесь становятся уже не реальные персонажи, прототипы которых либо являются, либо ассоциируются с реальными людьми, а скорее искусственные персонификации двух подходов к пониманию вещей – «Любящий истину» (Φιλαλήθης) и «Любящий обычай» (Φιλοσυνήθης).

2. Диалог Евстафия Солунского (ок. 1115–1195/1196) «Феофил и Иерокл» (ὁ διάλογος μέσων δυοῖν ὧν ὁ μὲν παρὰ τὸ ἱερὸν ἠνόμασται Ἰεροκλῆς, ὁ δὲ παρὰ τὸ θεῶ φίλον Θεόφιλος). В нем собеседники также являются не реальными людьми, а персонификациями (на этот раз двух прилагательных из греческого языка – священный (ἱερός) и боголюбивый (θεοφιλής)). Они обсуждают вовсе не вопросы богословия, а скорее «этикетные нормы обращения, имена и происхождение слов» [32, 34], будучи сами именованными в честь этих прилагательных. Это создает не свойственный всей предшествующей византийской традиции платоновского диалога комический эффект и характеризует диалог как своеобразную пародию на платоновский жанр вообще и на византийскую богословскую схоластику в частности.

Однако, несмотря на последний пример, можно обобщить, что объединяющей для большинства платоновских диалогов в Византии была тенденция постепенного отхода от сократического метода (со свойственными ему майевтикой, диалектикой и методом

каскада вопросов), которая заключалась в представлении, что истина более не определяется в ходе последовательного выстраивания релевантных друг другу вопросов и ответов, но должна быть изложена оппонентам, «удел которых – уже не участвовать в оживленной дискуссии, а всего лишь внимать и учиться» [32]. Подобный переход прокомментирован у М. Хоффмана следующим образом: «намерение исследовать истину вступает в противоречие с христианским догматизмом: с одной стороны, истину следует искать, а с другой – заранее известно, в чем она состоит» [31].

В рассмотренных нами сочинениях русских философов мы можем обнаружить тенденцию, характерную для восточно-христианской греческой традиции в целом. Проблема бессмертия души трактуется в христианском духе как в сочинениях А.Т. Болотова, где она представлена как нравоучительная беседа старшего, владеющего истиной, с младшими, к истине приобретаемыми, так и в произведении М.М. Щербатова, для которого вопрос о бессмертии души неотделим от представления о законе и возмездии.

Следует отметить также, что отношения человека и Бога видятся как опосредованные социумом, что позволяет нам констатировать определенное сходство понимания взаимосвязи человека, закона, общества и Бога в русской философии с византийской философско-богословской традицией. Как в Византии, так и в России платоновский диалог, будучи помещенным в контекст христианской доктрины, претерпевает ряд трансформаций как с точки зрения содержания (апелляция к истине, данной в Откровении наряду с обращением к социально-антропологическому контексту), так и с точки зрения формы (размывание собственного диалектического характера поиска истины). При этом интерес к традиции платоновского диалога и к античной философии в целом в русской философии XVIII–XIX вв. обусловлен влиянием не только общего для них восточно-христианского наследия (что соответствует религиозному настрою русских мыслителей), но и европейской философии эпохи Просвещения. Обращение к Платону для авторов этой эпохи является способом примирить философию и христианство или сформулировать основные христианские идеи на языке философских понятий античности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма (философия народов) // Сочинения в четырех томах. Т. 3 (2). М. : Мысль, 2000. С. 145–168.
2. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Сочинения. М. : Правда, 1989. С. 11–342.
3. Абрамов А.И. Slavia scholastica как форма и содержание средневекового философствования (К вопросу о неоплатонических влияниях в философской культуре Киевской и Московской Руси) // Духовна спадщина Київської Русі. Випуск 1. Одеса, 1997. С. 17–25.
4. Абрамов А.И. К вопросу о платонических корнях русского философствования // Владимир Соловьев: взгляд сквозь столетие. М. : ПАГС, 2002. С. 63–76.
5. Абрамов А.И. Оценка философии Платона в русской идеалистической философии // Платон и его эпоха. М. : Наука, 1979. С. 212–237.
6. Абрамов А.И. Платоно-аристотелевские влияния в духовной культуре славянского средневековья // Сборник научных трудов по истории русской философии. М. : Кругъ, 2005. С. 268–270.
7. Абрамов А.И. Философия в духовных академиях (традиции платонизма в русском духовно-академическом философствовании) // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 138–155.
8. Абрамов А.И. Философия всеединства Вл. Соловьёва и традиции русского платонизма // История философии. М. : ИФ РАН, 2000. Вып. 6. С. 15–32.
9. Тихолаз А.Г. Платон в философии всеединства Вл. Соловьёва // Философская и социологическая мысль. 1991. № 7. С. 116–158.

10. Тихолаз А.Г. Платон и платонизм в русской религиозной философии второй половины XIX – начала XX веков. Киев : ВиРА «Инсайт», 2003. 368 с.
11. Тихолаз А.Г., Триандафиллидис Д.В. Интерпретация платонизма в творчестве Павла Флоренского // Философская и социологическая мысль. 1991. № 6. С. 94–118.
12. Хоружий С.С. Имяславие и культура Серебряного века: феномен московской школы христианского неоплатонизма // С.Н. Булгаков Религиозно-философский путь : междунар. науч. конф., посвящ. 130-летию со дня рождения / сост. М.А. Васильева, А.П. Козырев. М. : Русский путь, 2003. С. 191–207.
13. Светлов Р.В. «Русский Платон». Платонизм в русской культуре // Платон: Pro et contra. Платоническая традиция в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб. : Изд-во РХГА, 2001. С. 5–18.
14. Подвойский Л.Я. Платонизм в русской культуре: очерки русской философской мысли. Астрахань : ИП Сорокин Р.В., 2012. 143 с.
15. Подвойский Л.Я. Платонизм в русской философской культуре. Астрахань : Астраханская цифровая типография, 2011. 211 с.
16. Тихеев Ю.Б. Платон в среде московских любомудров // Логос. 2011. № 4 (83). С. 131–139.
17. Тихеев Ю.Б. Платоническая космология и сотериология в поздней философии В.С. Соловьева // Вестник московского университета. Сер. 7. Философия. 2012. № 5. С. 17–25.
18. Тихеев Ю.Б. Платон в оценке И.В. Киреевского // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 13 (56). С. 155–164.
19. Nethercott F. Russia's Plato: Plato and the Platonic Tradition in Russian Education, Science and Ideology (1840–1930). Aldershot: Ashgate, 2000. 233 p.
20. Мирошниченко Е.И. Очерки по истории раннего платонизма в России: статьи по истории русской философии. СПб. : Алетей, 2013. 170 с.
21. Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIII века. СПб. : Алетей, 1996. 317 с.
22. Артемьева Т.В. Михаил Щербатов. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994. 91 с.
23. Гаврюшин Н.К. «Риторика» М.В. Ломоносова и «Логика» Макария Петровича // Памятники науки и техники. 1985. М. : Наука, 1986. С. 131–154.
24. Щукина Д.А., Егоренкова Н.А. «Риторическая практика» И.С. Рижского (1796) в Горном университете: история и современность // Записки горного института. 2017. Т. 225. С. 376–384.
25. Щербатов М.М. Разговор о бессмертии души // Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века / подг. текстов, вступ. ст. Т.В. Артемьевой. СПб. : Наука, 1996. С. 262–291.
26. Платон. Федон // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1993. Т. 2. С. 7–80.
27. Gregorii Nysseni De anima et resurrectione (= Opera dogmatica minora. Pars III). Edidit A. Spira. Post mortem editoris praefationem accurate composuit E. Mühlberg. Leiden: Brill, 2014 Русский перевод: Св. Григорий Нисский. О Душе и Воскресении, разговор с сестрою Макариною // Творения святых отцов в русском переводе. М., 1862. Т. 40.
28. Болотов А.Т. О душах умерших людей / подг. текстов, вступ. ст., коммент. Т.В. Артемьевой. СПб. : Алетей, 2006. 202 с.
29. Артемьева Т.И., Микешин М.И. Страсти души Андрея Болотова // Болотов А.Т. Детская философия / вступ. ст., подг. текста, коммент. А.Т. Артемьевой, М.И. Микешина. СПб. : ИД «Петрополис», 2012. С. 5–32.
30. Двинянинов Б.К. Танатология А.Т. Болотова (на основе анализа книги «О душах умерших людей») // Acta Editorium. 2012. № 11. С. 51–54.
31. Hoffmann M. Der Dialog bei den christlichen Schriftstellernder ersten vier Jahrhunderte. Berlin, 1966. С.130–135.
32. Черноглазов Д.А., Гончарко О.Ю. Платоновский диалог в Византии (IV–XII вв.) // Универсум платоновской мысли XXV: Платон и античная наука. URL: <http://www.plato.spbu.ru/CONFERENCES/2017/theses38.htm> (дата обращения: 23.11.2019).
33. Маковецкий Е.А. Два диалога: Платон и св. Григорий Нисский // Мысль. 2010. Т. 9, № 1. С. 109–123.
34. Черноглазов Д.А. Платоновский диалог в Византии XII в.: «Феофил и Иерокл» Евстафия Солунского // Международная научная конференция «Пайдейя, государство, человек: антропология в Платоновской традиции» URL: <http://www.plato.spbu.ru/CONFERENCES/2019/ther149.html> (дата обращения: 23.11.2019).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 25 февраля 2020 г.

The Byzantine History of the Platonic Dialogue and Its Reception in Russia in the 18th and 19th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 85–92.

DOI: 10.17223/15617793/456/9

Olga V. Bezzubova, Saint Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: bezzubova_olga@mail.ru.

Oksana Yu. Goncharko, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russian Federation); Saint Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: goncharko_oksana@mail.ru.

Mikhail I. Mikeshin, Saint Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: Mikeshin_MI@pers.spmi.ru.

Keywords: Platonic Dialogue; Phaedo; Byzantine Neoplatonism; Enlightenment; Andrey Bolotov; Mikhail Shcherbatov.

This research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-78-10051: The Byzantine Roots of the Russian Logical Tradition.

The article examines the interconnectedness of Platonic dialogue traditions in Byzantium and in Russian eighteenth- and nineteenth-century philosophy. A comparison is made on the basis of dialogues on the immortality of the soul traced back to Plato's *Phaedo*. The Russian sources on the topic are works by Andrey Bolotov and Mikhail Shcherbatov. *Dialogues* of Gregory of Nyssa, Aeneas of Gaza, Methodius of Olympus, Ignatius the Deacon, Eustratius of Nicaea, and Eustathius of Thessalonica serve as the main Byzantine sources in this context. The authors' analysis of the sources offers a discussion about the following characteristic features: (1) Platonic dialogues of the Eastern Christian Greek tradition are written more in the Christian dogmatism style than in the Platonic maieutic way or an ironic dialectical mood. (2) Bolotov's and Shcherbatov's works show the same tendency. They present the problem of the immortality of the soul in the Christian manner: as a moralistic exhortation from a person who possesses the truth to another one who acquires it. (3) Of special interest is Shcherbatov's dialogue "A Conversation on the Immortality of the Soul". Shcherbatov considers the problem of the human being first of all as a social one, and the question of the immortality of the soul cannot be separated from the concepts of law and retribution. Besides, the relation between God and the human being is mediated by society. Here one can see a certain similarity in the understanding of interconnections between the human being, law, society, and God between Russian philosophy and the Byzantine philosophical theological tradition. On the basis of the aforementioned points, the authors make the following conclusions: (1) The interest in the Platonic dialogue tradition and in ancient philosophy in general both in Byzantium in the 4th–12th cc. and in the Russian philosophy of the 13th–19th cc. results from the influence of the mutual Eastern Christian heritage. In the Russian case, it is supplemented by the influence of the European Enlightenment philosophy. Turning to Plato for authors of these epochs is a way to reconcile philosophy and Christianity and to formulate the main Chris-

tian ideas using the language of ancient philosophy. (2) The Platonic dialogue tradition in Russia has some traits similar to the corresponding tradition in Byzantine Platonism. Inserted into the context of the Christian doctrine, Platonic dialogue transforms itself both in its content and in its form. (3) Reference to social and anthropological contexts in Russian Platonic dialogues and to theological and anthropological contexts in Byzantine Platonic dialogues could be interpreted as a characteristic feature of the Eastern Christian philosophical tradition.

REFERENCES

- Florenskiy, P.A. (2000) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Vol. 3 (2). Moscow: Mysl'. pp. 145–168.
- Shpet, G.G. (1989) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda. pp. 11–342.
- Abramov, A.I. (1997) Slavia scholastica kak forma i sodержanie srednevekovogo filosofstvovaniya (K voprosu o neoplatonicheskikh vliyaniyakh v filosofskoy kul'ture Kievskoy i Moskovskoy Rusi) [Slavia scholastica as a form and content of medieval philosophizing (On the question of neo-Platonic influences in the philosophical culture of Kiev and Moscow Rus)]. *Dukhovna spadshchina Kiivs'koy Rusi*. 1. pp. 17–25.
- Abramov, A.I. (2002) K voprosu o platonicheskikh kornyakh russkogo filosofstvovaniya [On the Platonic roots of Russian philosophizing]. In: Rotsinskiy, S.B. (ed.) *Vladimir Solov'ev: vzglyad skvoz' stoletie* [Vladimir Solovyov: A Century Later]. Moscow: RAGS. pp. 63–76.
- Abramov, A.I. (1979) Otsenka filosofii Platona v russkoy idealisticheskoy filosofii [Assessment of Plato's philosophy in Russian idealistic philosophy]. In: Losev A.F. et al. *Platon i ego epokha* [Plato and His Era]. Moscow: Nauka. pp. 212–237.
- Abramov, A.I. (2005) *Sbornik nauchnykh trudov po istorii russkoy filosofii* [Collection of Scientific Works on the History of Russian Philosophy]. Moscow: Krug". pp. 268–270.
- Abramov, A.I. (1997) Filosofiya v dukhovnykh akademiyyakh (traditsii platonizma v russkom dukhovno-akademicheskoy filosofstvovani) [Philosophy in theological academies (traditions of Platonism in Russian spiritual and academic philosophizing)]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 9. pp. 138–155.
- Abramov, A.I. (2000) Filosofiya vseidinstva Vl. Solov'eva i traditsii russkogo platonizma [Vl. Solovyov's philosophy of all-unity and the traditions of Russian Platonism]. *Istoriya filosofii*. 6. pp. 15–32.
- Tikhola, A.G. (1991) Platon v filosofii vseidinstva Vl. Solov'eva [Plato in Vl. Solovyov's philosophy of all-unity]. *Filosofskaya i sotsiologicheskaya mysl'*. 7. pp. 116–158.
- Tikhola, A.G. (2003) *Platon i platonizm v russkoy religioznoy filosofii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov* [Plato and Platonism in the Russian Religious Philosophy of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Kiev: ViRA "Insayt".
- Tikhola, A.G. & Triandafillidis, D.V. (1991) Interpretatsiya platonizma v tvorchestve Pavla Florenskogo [Interpretation of Platonism in the works of Pavel Florensky]. *Filosofskaya i sotsiologicheskaya mysl'*. 6. pp. 94–118.
- Khoruzhiy, S.S. (2003) Imyaslavie i kul'tura Serebryanogo veka: fenomen moskovskoy shkoly khristianskogo neoplatonizma [The Name worship and culture of the Silver Age: The phenomenon of the Moscow School of Christian neo-Platonism]. *S.N. Bulgakov Religiozno-filosofskiy put'* [S.N. Bulgakov The Religious and Philosophical Way]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Russkiy put'. pp. 191–207. (In Russian).
- Svetlov, R.V. (2001) "Russkiy Platon". Platonizm v russkoy kul'ture ["Russian Plato". Platonism in Russian culture]. In: Svetlov, R.V. & Seliverstov, V.L. (eds) *Platon: Pro et contra. Platonicheskaya traditsiya v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya* [Plato: Pro ET Contra. Platonic Tradition in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers. An Anthology]. Saint Petersburg: Izd-vo RkhGA. pp. 5–18.
- Podvoyskiy, L.Ya. (2012) *Platonizm v russkoy kul'ture: ocherki russkoy filosofskoy mysli* [Platonism in Russian Culture: Essays on Russian Philosophical Thought]. Astrakhan': IP Sorokin R.V.
- Podvoyskiy, L.Ya. (2011) *Platonosfera russkoy filosofskoy kul'tury* [Plato's Sphere of Russian Philosophical Culture]. Astrakhan: Astrakhanskaya tsifrovaya tipografiya.
- Tikheev, Yu.B. (2011) Plato Among Moscovite "Lovers of Wisdom". *Logos*. 4 (83). pp. 131–139. (In Russian).
- Tikheev, Yu.B. (2012) Platonic Cosmology and Soteriology in Late Philosophy of V.S. Solovyev. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya – Moscow State University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 5. pp. 17–25. (In Russian).
- Tikheev, Yu.B. (2010) Ivan Kireevskiy's assessment of Plato. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie – RGGU Bulletin. Philosophy, Sociology Series*. 13 (56). pp. 155–164. (In Russian).
- Nethercott, F. (2000) *Russia's Plato: Plato and the Platonic Tradition in Russian Education, Science and Ideology (1840–1930)*. Aldershot: Ashgate.
- Miroshnichenko, E.I. (2013) *Ocherki po istorii rannego platonizma v Rossii: stat'i po istorii russkoy filosofii* [Essays on the History of Early Platonism in Russia: Articles on the History of Russian Philosophy]. Saint Petersburg: Aleteyya.
- Artem'eva, T.V. (1996) *Istoriya metafiziki v Rossii XVIII veka* [The History of Metaphysics in Russia in the 18th Century]. Saint Petersburg: Aleteyya.
- Artem'eva, T.V. (1994) *Mikhail Shcherbatov*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian).
- Gavryushin, N.K. (1986) "Ritorika" M.V. Lomonosova i "Logika" Makariya Petrovicha ["Rhetoric" by M.V. Lomonosov and "Logic" by Makariy Petrovich]. In: *Pamyatniki nauki i tekhniki. 1985* [Monuments of Science and Technology. 1985]. Moscow: Nauka. pp. 131–154.
- Shchukina, D.A. & Egorenkova, N.A. (2017) "Opyt ritoriki" I.S. Rizhskogo (1796 g.) v Gornom universitete: istoriya i sovremennost' ["The Experience of Rhetoric" by I.S. Rizhsky (1796) at the Mining University: History and modernity]. *Zapiski gornogo instituta*. 225. pp. 376–384.
- Shcherbatov, M.M. (1996) Razgovor o bessmertii dushi [A conversation on the immortality of the soul]. In: Artem'eva, T.V. (ed.) *Mysli o dushe. Russkaya metafizika XVIII veka* [Thoughts About the Soul. Russian Metaphysics of the 18th Century]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 262–291.
- Plato. (1993) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: In 4 Vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 7–80.
- Gregorii Nysseni. (2014) *De anima et resurrectione* (= Opera dogmatica minora. Pars III). Edidit A. Spira. Post mortem editoris praefationem accurate composuit E. Mühlberg. Leiden: Brill.
- Bolotov, A.T. (2006) *O dushakh umershih lyudey* [On the Souls of Dead People]. Saint Petersburg: Aleteyya.
- Artem'eva, T.I. & Mikeshin, M.I. (2012) Strasti dushi Andrey Bolotova [The passion of Andrey Bolotov's soul]. In: Bolotov, A.T. *Detskaya filosofiya* [Children's Philosophy]. Saint Petersburg: ID "Petropolis". pp. 5–32.
- Dvinyaninov, B.K. (2012) Tanatologiya A.T. Bolotova (na osnove analiza knigi "O dushakh umershih lyudey") [The Thanatology of A.T. Bolotov (Based on the analysis of the book "On the Souls of Dead People")]. *Acta Editorium*. 11. pp. 51–54.
- Hoffmann, M. (1966) *Der Dialog bei den christlichen Schriftstellern der ersten vier Jahrhunderte*. Berlin: Akademie-Verlag. pp. 130–135.
- Chernoglazov, D.A. & Goncharko, O.Yu. (2017) [Platonic dialogue in Byzantium (4th–12th centuries)]. *Universum platonovskoy mysli XXV: Platon i antichnaya nauka* [The Universe of Platonic Thought. Plato and Ancient Science]. Conference Proceedings. [Online] Available from: <http://www.plato.spbu.ru/CONFERENCES/2017/theses38.htm>. (Accessed: 23.11.2019).
- Makovetskiy, E.A. (2010) Dva dialoga: Platon i sv. Grigoriy Nisskiy [Two dialogues: Plato and Gregory of Nyssa]. *Mysl'*. 9 (1). pp. 109–123.
- Chernoglazov, D.A. (2019) [Platonic dialogue in the 12th-century Byzantium: Eustathios' "Theophilos and Hierokles"]. *Paydeyya, gosudarstvo, chelovek: antropologiya v Platonovskoy traditsii* [Paideia, State, Man: Anthropology in Platonic tradition]. Proceedings of the International Conference. 28 June 2019, Saint Petersburg. [Online] Available from: <http://www.plato.spbu.ru/CONFERENCES/2019/ther149.html>. (Accessed: 23.11.2019). (In Russian).

Received: 25 February 2020

Н.Н. Ростова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ФИЛОСОФИИ: АНТРОПОЛОГИЯ VS ОНТОЛОГИЯ

Анализируется феномен антропологического поворота в гуманитарных науках. Антропологический поворот определен как конфигурация философии, в рамках которой вопрос о человеке определяет вопрос о бытии. Обосновывается, почему И. Кант считается виновником антропологического стиля мышления в философии. Подробно исследуется реакция философии XX в. на кантианский жест. Рассмотрена роль вопроса о человеке в современной философии.

Ключевые слова: человек; философская антропология; философия; посткосмизм; постгуманизм; И. Кант; М. Хайдеггер; М. Фуко; нечеловеческая антропология; спекулятивный реализм.

Тема антропологического поворота в гуманитарных науках на повестке дня уже несколько десятилетий. При этом среди теоретиков нет согласия в том, каким образом понимать его суть. Антропологический поворот может связываться с попыткой построения систематического знания о человеке. Так, например, Б. Марков отмечает, что в рамках немецких проектов антропологии первой половины XX в. (М. Шелер, А. Гелен, Х. Плеснер) перечень констант, характеризующих человека, начинает расширяться за счет включения в рассмотрение антропологии материала биологии, социологии, истории, этнологии, языкознания, философии жизни, экзистенциальной философии, феноменологии и других актуальных знаний указанного периода времени. Среди общих черт различных антропологических проектов Б. Марков отмечает протест против позитивизма и редукции человека к субъекту познания и в противовес этому рассмотрение человека как субъекта бытия. Он резюмирует: «Таким образом антропологический поворот связан с обращением к проблемам души, культуры, жизненного мира, он связан с попыткой углубления знаний о человеке, обобщения и осмысления прежде разрозненного знания, выявления и обоснования условий его возможности и развития» [1. С. 23].

Х.У. Гумбрехт указывает на многозначность термина «антропология» и рассматривает его в исторической перспективе. Раз термин многозначен, значит и содержание антропологического поворота обнаруживает множество версий. Антропология – это много антропологий, и каждому периоду свойствен свой антропологический поворот. Гумбрехт разбивает эти версии на две группы. В первую входят те проекты, в рамках которых авторами делается попытка дать единое определение того, что значит быть человеком. Во вторую группу включены проекты, которые основаны на идее множества способов быть человеком. Первую группу открывает Р. Декарт и завершает Э. Гуссерль, вторая связана с Ж. Деррида [2]. Зачастую антропологический поворот связывается исследователями с привнесением в поле рассмотрения различных наук антропологической тематики.

Н. Поселягин отмечает, что для филологии антропологический поворот может рассматривать как возвращение литературы «от увлечения текстуальностью обратно к литературе как таковой, которая обращена к человеку» [3]. В отличие от семиотики, для которой,

допустим, жизнь декабриста или социальная ситуация эпохи Петра I важны как манифестации автономных культурных закономерностей, «для антропологического поворота финальным объектом будет именно человек... а манифестациями, наоборот, станут самые закономерности, выраженные в различных текстах культуры» [3].

Однако вопрос об антропологическом повороте – это не вопрос о степени присутствия интереса к человеку в науках и, наоборот, интереса философской антропологии к другим наукам. Это вопрос о философии. Центральный вопрос философии – это вопрос о самой философии. Его не каждый может осилить. Как говорит М. Хайдеггер, вопрос о философии есть наивысший результат ее самой. Задаваясь вопросом о себе, философия ищет собственные основания. Эти основания философия может находить в онтологии, феноменологии, гносеологии, эстетике или антропологии. В зависимости от того, какое место вопрос «Что есть человек?» занимает в обосновании философии, мы можем говорить о наличии или отсутствии антропологического стиля мышления. Антропологическим стилем мышления становится тогда, когда вопрос о человеке определяет все прочие вопросы философии, в том числе вопросы о бытии, познании, долге и морали. Иными словами, говоря об антропологическом повороте, мы говорим о метаморфозах самой философии.

Проблема антропологического поворота наиболее остро стоит именно сегодня. На фоне полной неясности ответа на вопрос «Что есть человек?», откуда проистекают в том числе многие биоэтические дилеммы, в философии наметились две тенденции – постгуманизм и посткосмизм. Постгуманистическая парадигма мышления характерна для западноевропейской философии, стратегия посткосмизма – для русской философии. В рамках первой тенденции происходит концептуальное вытеснение темы человека из философии. Сам вопрос о человеке обесмысливается и становится неправомерным, ибо предъявленная модель мира лишается онтологических границ, и человек оказывается меньшинством наряду с прочими меньшинствами в контексте общего целого. Философия превращается в онтологию. Нечеловеческая антропология [4], формирующаяся в рамках данной парадигмы, характерно определяет антропологию как описательную онтологию [5]. В рамках посткосмизма,

напротив, философия видит свое начало в антропологии. Вопрос о человеке для нее определяет вопрос о бытии и истине.

Неспокойное море современной философии сулит новые метаморфозы знания и нашего самопонимания, от которых зависит не только судьба философии, но и нас самих, ибо культура зависит от опыта человеческого самоописания. В данной статье мы рассмотрим дискуссию вокруг кантианского вопроса «Что есть человек?», устанавливающего антропологический стиль мышления в философии. Сначала мы уточним суть кантианского жеста. Затем подробно исследуем реакцию философии на этот жест, а именно рассмотрим позиции М. Хайдеггера, М. Фуко и М. Бубера. И в заключение обратимся к ситуации в современной философии.

Фуко и антропологический стиль мышления

Среди философов, которые центрировали философию вопросом о человеке, обычно выделяют Сократа [6], Протагора, Декарта [7], Гуссерля, М. Шелера, но особую роль стоит отнести И. Канту. В мнении о том, что именно Кант является виновником антропологического стиля мышления, сходятся наиболее представительные мыслители XX в., в частности М. Хайдеггер и М. Фуко. Почему именно Кант?

Кант, как известно, в «Критике чистого разума» сформулировал три основных вопроса философии: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Однако в «Логике» он дополнил этот перечень четвертым вопросом: Что есть человек? «На первый вопрос, – говорит Кант, – отвечает метафизика, на второй – мораль, на третий – религия и на четвертый – антропология. Но в сущности все это можно было бы свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему» [8. С. 332]. Иными словами, речь идет не о простой сумме вопросов, а об их иерархии. Кант не просто дополняет три вопроса четвертым, но делает последний первичным, заставляя все прочие соотноситься с ним. Радикализм Канта не мог остаться незамеченным в философии. Вся последующая западная мысль в лице наиболее сильных ее представителей будет направлена на то, чтобы избавиться от влияния кантианского антропологического переворота. Прежде всего, речь идет о М. Фуко и М. Хайдеггере, а также о М. Бубере.

Фуко прямо называет кантианский четырехугольник «революцией философской мысли» [9]. В философии, говорит он, на рубеже XVIII–XIX вв. произошла революция. Кант свел философию к вопросу «Что такое человек?». Прежде философия задавалась вопросом о человеке в связи с вопросом о вечности, т.е. мыслила человека в составе целого. И только Кант спросил о человеке самом по себе. Конечное бытие, как выражается Фуко, стало мыслиться не внутри мысли о бесконечном, а на собственной основе, определяя уже вторым шагом все прочие вопросы, в том числе об истине и познании. Это приключение философии Фуко называет антропологическим сном, который, по его мнению, необходимо развеять и обнаружить в философии очищенную от человека онтологию

[10. С. 361]. Контрреволюцию в философии начал совершать Ницше, связавший человека и Бога при помощи «биологизма особого рода». Человек оказался немыслим вне Бога, и возвешение о смерти Бога стало синонимичным возвешению о смерти человека. Открытие Фрейдом бессознательного навсегда закрыло путь антропологической мысли, ибо в тот момент, когда человека стали описывать при помощи позитивистских терминов, в философском смысле он умер. Существование человека, говорит Фуко, оказалось заблуждением, пустотой, пробелом. Человек исчез в тот момент, когда был помыслен не на языке сознания, а на языке бессознательного, т.е. на языке внешних детерминант (тело, социум, культура как таковая). Кант начал антропологическую эпоху в философии, а Ницше и Фрейд положили ей конец. Фуко, продолжая линию Ницше – Фрейда, предлагает перейти от вопроса «Что есть человек?» к вопросу о том, что есть человек в данную эпоху, ибо у человека нет сущности и нет того, что бы было бы задумано о нем в вечности. Он есть частный результат определенной конфигурации знания.

Хайдеггер: человековедение, антропология и онтология

Хайдеггер, цитируя резонансные строки из «Логики» Канта, оценивает результат его антропологических поисков как «провал грунта» [11]. Кант решил стать антропологом, и у него из-под ног ушла почва. В отличие от Фуко, Хайдеггер внешне избирает более мягкую форму критики. Он не отрицает Канта, но решается додумать за него то, что неочевидно. Как выражается Хайдеггер, главное не то, что Кант заявил, а то, что он сделал. Выявление этого «сделанного» Хайдеггером оказывается не менее радикальным антикантианским переворотом, чем открытая критика Фуко. Хайдеггер начинает с того, что обесмысливает логику философской антропологии, закрывая для нее всякую возможность заявить о своих правах в философии, т.е. в связи с проблемой обоснования метафизики. Хайдеггер понимает, что дело не в содержании вопроса «Что есть человек?», а в том, какое место он занимает в обосновании философии. Антропология же как частная проблема остается вне поля его зрения, о чем он ясно говорит.

На каких же основаниях Хайдеггер отказывает антропологии быть на первых ролях в философии? Во-первых, Хайдеггер справедливо различает антропологию и философскую антропологию. Антропология – это человековедение, и как человековедение она не обозрима по содержанию и бесконечно различна по характеру сведений. Ее идея, говорит Хайдеггер, теряется в полной неопределенности. Для того чтобы антропология стала философской, должно быть что-то, что придаст ей такой статус. Хайдеггер перебирает три варианта и демонстрирует их негодность. Можно допустить, что философскую антропологию отличает общность познаний, однако непонятно, в какой момент достигается эта всеобщность и эмпирические данные становятся философскими. Можно допустить, что антропология становится философской, когда

прибегает к философскому методу. Однако покуда человек будет рассматриваться как сущее среди прочих сущих, философская антропология будет региональной онтологией. Наконец, можно помыслить антропологию как цель или исходную точку философии. В этом последнем пункте Хайдеггер затрагивает самый нерв проблемы, ведь речь идет именно о том, чтобы помыслить антропологию как исходный пункт философии. Что же такое цель? Цель можно понять как результат, но цель можно понять как последнюю цель, т.е. как истину, самую обнаженную сущность (философии). В этом последнем смысле, адекватном Канту и волнующем Хайдеггера, понятия исходной точки и цели совпадают, как альфа и омега. Но Хайдеггер берет слово «цель» в первом, житейском смысле, изначально помещая проблему антропологии в план повседневности. Стратегия ускользания от смысла кантовского хода определяет и другие подмены, которые совершает Хайдеггер.

«Если цель философии, – говорит он, – заключается в разработке мирозерцания, то антропология должна будет определять границы “положения человека в космосе”. И если человек считается тем сущим, которое в порядке обоснования абсолютно достоверного познания является пересланным и достовернейшим, то так спланированное строение философии отводит человеческой субъективности центральное место. Первая задача может соединяться со второй, и при их разрешении... могут использоваться метод и итоги региональной онтологии человека» [11]. В первых, Хайдеггер подменил слово «антропология» словом «мирозерцание». Но мирозерцание не то же, что антропология. Мирозерцание уже по самому своему существу связано с сущим и, как выражается Хайдеггер в «Основных проблемах феноменологии», определяет наше житье-бытье из нашей фактичности в отличие от философии, главным вопросом которой является бытие. Хайдеггер заранее соотнес человека с сущим наряду с другими сущими, а потому его вывод о том, что антропология сводится к региональной онтологии, предопределен. Во-вторых, проблема кантовского «четырёхугольника» связана не с тем, что антропология оказывается целью философии, а с тем, что ее вопрос оказывается первичным. Хайдеггер и здесь делает аналогичную подмену, заранее называя человека достовернейшим сущим. Но дело не в выборе наиболее достоверного сущего, а в противопоставлении человека и сущего. Удовлетворившись своими аргументами, Хайдеггер заключает о неопределенности идеи философской антропологии. Кроме того, наращивает свою позицию Хайдеггер, ее идея внутренне ограничена, «ведь она сама не обоснована исходя из сущности философии, но начинается в виду первоначального внешнего понимания цели философии и ее возможного исходного пункта» [11].

Хайдеггер вновь, приближаясь к проблеме, уходит от нее, рисуя абстрактную картину некоей философии, которая, определив свои начало и конец, вторым шагом может присвоить смысл антропологии. Если бы вопрос был и в самом деле в этом, то Хайдеггер и вовсе не занимался бы им. Но подлинная проблема состоит в том, что антропология претенду-

ет на самое существо философии, т.е. на знак тождества с ней. В заключении своего приговора антропологии Хайдеггер вопрошает, на каком основании происходит сведение всех вопросов философии к вопросу о человеке – по желанию, внутренней необходимости, если так, то в чем состоит эта необходимость? Покуда эти вопросы не разъяснены, права антропологии в философии сомнительны. Хайдеггер понимает, что любые разъяснения существуют в конкретном концепте, и начинает выстраивать свой концепт фундаментальной онтологии. В рамках этого проекта вопросы Канта он трактует в свете идеи конечности человека, называя человека сущим среди прочих сущих. Подмена вопроса о философии вопросом о сущем как таковом позволяет Хайдеггеру свести его к вопросу о бытии, и еще конкретнее – к вопросу о допонятийном понимании бытия, а это есть не что иное как основа конечности человека. Человек – это «нужда в разумении бытия», а раз так, то «вопрос о том, что более изначально, чем человек, принципиально не может быть антропологическим» [11]. Так Хайдеггер делает вопрос о бытии первичным по отношению к человеку, однако непонятно, как возможно задать онтологическую оптику тому, что определяется как данность. Бытие Хайдеггера само оказывается сплошной нуждой в том, чтобы быть кому-то данным. А значит, вопрос об этой данности не онтологический, а антропологический.

В «Черных тетрадах» кантовские вопросы преобразуются у Хайдеггера в «пятиугольник»: «Что нам следует делать? Кто мы есть? Почему мы должны быть? Что есть сущее? Почему свершается бытие? Из этих вопросов, – заключает Хайдеггер, – снизу вверх в их единстве и состоит философствование» [12. С. 12]. Снизу вверх, – подчеркивает Хайдеггер, хотя и в единстве. Хайдеггер вновь вопрос о бытии мыслит первичным. Но так понятное бытие, которое «свершается» и притом при каких-то определенных условиях, за счет чего-то, вернее кого-то, есть не что иное как «нуждающееся» бытие. И его нужда есть человек.

Бубер против Канта и Хайдеггера

Иное дело Бубер. Бубер трепещет перед тайной человека. Он хочет к ней приблизиться и ревниво относится к тем, кто ее касался. Прежде всего, к Канту. А также к Хайдеггеру, истолковавшему вопросы Канта. Бубер в своей ревности разрывается в противоречиях. Он цитирует явно апофатическое высказывание хасида, признаваясь, правда, при этом, что смысл слов ему не совсем ясен: «Я хотел написать книгу, – говорит мудрец, – под названием “Адам”, где нашлось бы месту всему человеку. Но потом, поразмыслив, я решил, что не стану ее писать» [13. С. 158]. Однако сам Бубер верит в создание целостного учения о человеке. Он обвиняет Канта в том, что тот, как никто прежде до него, решился поставить вопрос о человеке, но на деле его антропология оказалась лишь суммой ценных замечок о природе, характере и качествах человека, близкой «человековедению» XVII–XVIII вв. Но сам Бубер видит антропологию именно в формате человекове-

дения. Вопрос «Что есть человек?», говорит он, слишком универсальный и абстрактный. Жизнь же конкретна, а потому человека нужно постигать во всем его многообразии. «Законная философская антропология должна знать, что есть не только человеческий род, но и разные народы, не только человеческая душа, но и различные типы и характеры, не только человеческая жизнь вообще, но и отдельные ее возрастные периоды, и лишь благодаря систематическому рассмотрению уже названных и всех иных различий... благодаря постоянному стремлению открывать единое во многом она может увидеть и человека в ее целостности» [13. С. 162]. Неудивительно, что такое человекознание не должно, по мысли Бубера, игнорировать природу и вещи, другие «одушевленные существа» и другие «носителя сознания», которые окружают человека. Бубер закрывает глаза на радикализм Канта и видит в его философии лишь несостоявшееся человекознание, а не переворот в философии. Кантовский вопрос для него имеет следующий смысл: «...что это за существо, способное познавать, обязанное должным образом действовать и наделенное правом надеяться?» [13. С. 161]. То есть сам вопрос оказывается детерминированным первыми тремя. За вопросом о человеке, говорит Бубер, скрываются проблемы его места во Вселенной, его положения перед лицом Судьбы и т.п. Более того, Бубер, выдвигая проблему человека, предупреждает: «Философская антропология, – пишет он, – не рассчитывает свести все проблемы философии к человеческому бытию или, что называется, поставить все философские дисциплины с ног на голову» [13. С. 163].

Аналогичным образом Бубер критикует и Хайдеггера: не принимая его трактовку кантовских вопросов в духе конечности, он сам прибегает к такому же пониманию. Ограниченность человека, открывающаяся в трех вопросах, должна быть дополнена бесконечностью, к которой причастен человек. Хайдеггер, по мысли Бубера, делает в вопросах акцент на «что», а Бубер выступает за то, чтобы понимать эти вопросы через призму дозволенности, «могу». Другими словами, если Хайдеггер заставляет проблему человека вращаться вокруг проблемы бытия, то Бубер делает ее зависимой от проблемы бесконечности, некоего целого, к которому тот причастен. Но в кантовском вопрошании речь идет не о содержании «что», не об ограниченности «что», не о дозволенности знать / делать / надеяться, а о том, что в свете вопроса «Что есть человек?» будут пониматься вопросы о том, что как таковое есть познание, долг, надежда. Так, например, переворачивая философскую логику, Ницше объявляет истиной практически оправданное заблуждение. Такой «переворот» обесмысливает вопросы об ограниченности моего познания, о том, в какой мере я могу и в какой мере я не могу познавать истину, о том, что такое истина сама по себе вне вопроса о человеке, и, наконец, о том, что мне дает дозволенность познавать ее, ибо категория дозволенности подспудно уже предполагает некую внешнюю по отношению к человеку детерминанту.

Вопрос о человеке в современной философии

Вопрос Канта «Что есть человек?» проблематизируется в современной философии в связи с вопросом о том, есть ли у человека сущность. Так, Ж.-Л. Нанси предлагает устранить этот четвертый кантианский вопрос, поскольку он предполагает сущностное отношение к человеку. «Если, – говорит Нанси, – я спрашиваю: “что есть человек?”, я задаю вопрос о сущности, а значит, я разыскиваю некий гуманизм» [14. С. 152]. Никакой гуманизм сегодня не дает ответа на вопрос о сущности человека – ни теология, ни историзм, ни марксизм, ни экзистенциализм, ни прочие проекты. Но это не значит, что нужно искать новый гуманизм. Это значит, что мы должны изменить саму постановку вопроса о человеке. По мысли Нанси, мы должны спрашивать: «что и кто “мы” такие» [14. С. 152], если у нас сущности нет? Нанси все еще волнуется некое «что» и «кто» человека, однако сегодня в философии возникает более радикальная проблема, нежели соотношение между сущностью и существованием человека.

Как мы обозначили в начале статьи, современная философия в отношении вопроса «Что есть человек?» и его роли в обосновании философии предлагает две стратегии – постгуманизм и посткосмизм. Постгуманизм строится на активной критике Канта, тогда как посткосмизм реабилитирует кантианский жест.

Критика И. Канта заложена в основание современных постгуманистических концепций, прежде всего, спекулятивного реализма, объектно-ориентированной онтологии и нечеловеческих антропологий. Так, Г. Харман объявляет себя «Анти-Коперником», имея в виду коперниканский переворот Канта. Что наиболее характеризует позицию Канта? – задается вопросом Харман. Не теории пространства и времени или вещей в себе, а «приоритет отношения человек-мир перед всеми остальными» [15. С. 53]. Кант игнорирует отношения между вещами. Харман, выстраивая объектно-ориентированную онтологию, преодолевает Канта, чтобы реабилитировать автономию объектов. Для Канта, говорит Харман, «на кону всегда отношение между человеческим субъектом, с одной стороны, и миром – с другой. Эта дуополия человека и мира ныне берется по умолчанию и редко ставится под сомнение» [15. С. 54]. Дуополии Харман противопоставляет полицентричность: «...никакая философия, – говорит он, – не воздает должного миру до тех пор, пока не рассматривает все отношения в равной мере как отношения... Неодушевленные столкновения должны рассматриваться точно таким же образом, как и человеческие восприятия» [15. С. 54]. Одновременно К. Мейясу вводит в философию понятие корреляционизма, под которым понимает «идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [16. С. 11]. Виновником корреляционизма в философии, по мнению Мейясу, является Кант. Преодоление Канта, согласно Мейясу, позволит говорить спекулятивному реализму о мире и мышлении по ту сторону человека, или, как он выражается, о «Великом Внешнем». Равно аполо-

жет нечеловеческой антропологии Э.В. де Кастру без эвфемизмов заявляет о том, что настало время отклонить вопрос о человеке. Примечательно, что речь в данном случае идет не просто о новых онтологических проектах, но об упразднении антропологии ее внутренними силами. «Отклонить вопрос “Что такое (собственно) Человек?” – вовсе не то же самое, что утверждать, будто “Человек” не имеет сущности, что его существование предшествует его сущности, что бытие Человека – это свобода и недетерминированность», – утверждает де Кастру, открыто не ссылаясь на Нанси [5. С. 12]. Что же тогда это значит? Отклонить вопрос о человеке – значит выстроить принципиально иную парадигму антропологии, которую де Кастру называет миноритарной. Слово «миноритарная» аннулирует слово «антропология», ибо человек перестает быть предметом такой антропологии. Миноритарная антропология превращается в описательную онтологию множественных порядков присутствия, отвергая идею человечности как обособленного «мажоритарного» порядка. Человек в рамках новой антропологии теряет свою онтологическую инаковость, оказываясь меньшинством в ряду прочих онтических меньшинств.

В стратегии посткосмизма, напротив, сегодня совершается «контрреволюция», подвергающая критике М. Хайдеггера и М. Фуко, критикующих Канта [17], равно здесь проводится острая критика нечеловеческих антропологий. Суть контрреволюции состоит в том, чтобы хайдеггерианскому пониманию человека как сущего среди прочих сущих противопоставить понимание человека как существа, отличного от всего мира своей способностью грезить. Интерпретации Хайдеггера «четырёхугольника» Канта через идею конечности человеческого существа, согласно которой все вопросы указывают на ограниченность

человека (если мы вопрошаем о можествовании, значит, человек не все может и т.п.), противопоставить интерпретацию кантовских вопросов через идею воображения. Ф. Гиренок резюмирует: «Что я могу знать? Кантовский вопрос явно нуждается в уточнении, в указании на проблему. В действительности он должен звучать так: “что я, грезящий, могу знать?” И ответ будет тавтологическим: ничего, кроме грезы. Что я могу знать, если живу в пещере субъективности? Ничего, кроме объективированной субъективности... Что я, не имеющий сущности, должен делать? Что мне делать, если я не марионетка бога и не автомат природы? Если я марионетка, то для меня не может существовать проблема должного. Если я автомат природы, то мои действия уже определены. Что мне делать, если я внутренне свободен? Как мне вести себя в этом случае? Как мне жить, если мир учреждается моим произволом? Я могу жить только как моральное существо, т.е. через самоограничение... На что я, грезящий наяву, вправе надеяться? Что меня, одинокого, не подведет, не обманет? Во что мне верить, если я замкнут в себе самом? Я вправе надеяться на то, что размыкает мое одиночество, оставляя меня свободным. А размыкается мое одиночество Богом в трансцендентальном воображении. Мне остается надеяться на случай, который приведет меня к самоподчинению» [17. С. 95–96]. Постхайдеггерианский стиль мышления – это возвращение к антропологическому стилю мышления, согласно которому не человек сообразовывается с бытием, а напротив, бытие сообразовывается с человеком. Философия в таком случае вновь обнаруживает свою истину в антропологии.

Антропологическая и онтологическая тенденции в современной философии, демонстрирующие острое противостояние, оставляют пока вопрос открытым – какой будет философия нашего столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марков Б.В. Антропологический поворот в философии XX века // Очерки социальной антропологии / отв. ред. В.В. Шаронов. СПб. : Петрополис, 1995. С. 18–29.
2. Гумбрехт Х.У. Как «антропологический поворот» может затронуть гуманитарные науки? // НЛЮ. 2012. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/kak-antropologicheskij-povorot-mozhet-zatronut-gumanitarnye-nauki.html>
3. Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // НЛЮ. 2012. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/1/antropologicheskij-povorot-v-rossijskih-gumanitarnyh-naukah.html>
4. Гиренок Ф.И. Философские основания нечеловеческой антропологии // Вопросы философии и психологии. 2019. № 6 (1). С. 8–13.
5. Кастру Э.В. де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.
6. Симондон Ж. Два урока о животном и человеке. М. : Изд-во Грюндриссе, 2016. 140 с.
7. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
8. Кант И. Логика // Кант И. Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 319–444.
9. Интервью А. Бадью с М. Фуко 1965 года. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya>
10. Фуко М. Слова и вещи. СПб. : А-сэд, 1994. 408 с.
11. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. URL: <https://heidegger.ru/wp-content/uploads/2019/09/Кант-и-проблема-метафизики.docx>
12. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 584 с.
13. Бубер М. Проблема человека // Бубер М. Два образа веры. М. : Республика, 1994. 464 с.
14. Нанси Ж.-Л. Сегодня // Ad Marginem '93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. М. : Ad Marginem, 1994. С. 148–164.
15. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь : Гиле Пресс, 2015. 152 с.
16. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; Москва : Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
17. Гиренок Ф.И. Кант, Хайдеггер и проблема метафизики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2013. № 2. С. 86–96.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 12 июля 2020 г.

An Anthropological Turn in Philosophy: Anthropology vs Ontology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 93–98.

DOI: 10.17223/15617793/456/10

Natalya N. Rostova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nnrostova@yandex.ru

Keywords: human; philosophical anthropology; philosophy; post-cosmism; post-humanism; Kant; Heidegger; Foucault; non-human anthropology; speculative realism.

The article analyzes the phenomenon of an anthropological turn in the humanities. The topic is acutely relevant since new directions of thought emerge in philosophy: non-human anthropologies, anthropologies of hybrids and cyborgs, trans-humanistic projects. The author points to the insufficiency of understanding the anthropological turn only as a mutual interdisciplinary interest of anthropology and other sciences. In the article, the anthropological turn is referred to as a configuration of philosophy, in which the question of human determines the question of being. The article is divided into three semantic blocks. In the first block, the author substantiates why Immanuel Kant is considered the culprit of the anthropological style of thinking in philosophy. Kant's radicalism consists in the fact that he made the question "What is human?" the main one for philosophy and made all other questions conform to it. Such a move provoked a sharp reaction from subsequent thinkers. In the second block, the reaction of the major philosophers of the twentieth century to Kant's gesture is studied in detail. The author explores in detail the position of Michel Foucault, who accused Kant of imposing anthropological sleep on philosophy and urged philosophy to be purified from human by ontology. Then the author analyzes the position of Martin Heidegger, who built his project of fundamental ontology and proved why anthropology could not serve as the basis of philosophy. Finally, the author turns to Martin Buber, who criticized both Kant and Heidegger's interpretation of Kant's philosophy and offered a new holistic knowledge of human, which, in relation to philosophy as a whole, is regional. In the third block, the author examines the role of the question of human in modern philosophy. The author identifies two trends: post-humanism and post-cosmism. Within the framework of the first trend, there is a conceptual displacement of the theme of human from philosophy. The question of human is made meaningless through the removal of ontological boundaries separating human from the world. Philosophy begins to understand itself as an ontology. In connection with this trend, the author turns to speculative realism, object-oriented philosophy, and non-human anthropology. In the framework of post-cosmism, on the contrary, philosophy sees its origins in anthropology. The question of human for it determines the question of being and truth. In connection with this trend, the author refers to the idea of post-Heideggerian style of thinking.

REFERENCES

1. Markov, B.V. (1995) Antropologicheskii povorot v filosofii XX veka [Anthropological turn in the philosophy of the twentieth century]. In: Sharonov, V.V. (ed.) *Ocherki sotsial'noy antropologii* [Essays on Social Anthropology]. Saint Petersburg: Petropolis. pp. 18–29.
2. Gumbrecht, Kh.U. (2012) Where Could an Anthropological Turn Lead the Humanities and the Arts. Translated from English by A. Markov. *NLO – New Literary Observer*. 2. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/kak-antropologicheskij-povorot-mozhet-zatronut-gumanitarnye-nauki.html>. (In Russian).
3. Poselyagin, N. (2012) Antropologicheskii povorot v rossiyskikh gumanitarnykh naukakh [An Anthropological Turn in the Russian Humanities]. *NLO – New Literary Observer*. 1. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/1/antropologicheskij-povorot-v-rossijskikh-gumanitarnykh-naukakh.html>.
4. Girenok, F.I. (2019) Philosophical Origins of Inhuman Anthropology. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 6 (1). pp. 8–13. (In Russian). DOI: 10.13187/vfp.2019.1.8
5. de Castro, E.V. (2017) *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststruktural'noy antropologii* [Cannibal Metaphysics: For a Post-Structural Anthropology]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
6. Simondon, G. (2016) *Dva uroka o zhivotnom i cheloveke* [Two Lessons about Animal and Man]. Translated from English. Moscow: Izd-vo Gryundrisse.
7. Schaeffer, J.-M. (2010) *Konets chelovecheskoy isklyuchitel'nosti* [The End of Human Exclusivity]. Translated from French by S.N. Zenkin Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Kant, I. (1980) *Traktaty i pis'ma* [Treatises and Letters]. Moscow: Nauka. pp. 319–444.
9. Badiou, A. (1965) *Interv'yu s M. Fuko 1965 goda* [Interview with M. Foucault in 1965]. [Online] Available from: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-michel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya>
10. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi* [Words and Things]. Translated from French. Saint Petersburg: A-cad.
11. Heidegger, M. (1929) *Kant i problema metafiziki* [Kant and the Problem of Metaphysics]. Translated from German. [Online] Available from: <https://heidegger.ru/wp-content/uploads/2019/09/Кант-и-проблема-метафизики.docx>.
12. Heidegger, M. (2016) *Razmyshleniya II–VI (Chernye tetradi 1931–1938)* [Ponderings II–VI (Black Notebooks 1931–1938)]. Translated from German. Moscow: Izd-vo In-ta Gaydara.
13. Buber, M. (1994) *Dva obraza very* [Two Types of Faith]. Translated from English. Moscow: Respublika.
14. Nancy, J.-L. (1994) *Segodnya* [Today]. Translated from French. In: *Ad Marginem '93*. Moscow: Ad Marginem. pp. 148–164.
15. Harman, G. (2015) *Cheveroyakiy ob'ekt: Metafizika veshchey posle Khaydeggera* [The Quadruple Object: Heidegger and the Metaphysics of Objects]. Translated from English. Perm: Gile Press.
16. Meillassoux, Q. (2015) *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Translated from French. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
17. Girenok, F.I. (2013) Kant, Heidegger and the Problem of Metaphysics. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya – Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series 'Philosophy'*. 2. pp. 86–96. (In Russian).

Received: 12 July 2020

А.В. Шиллер

МЕСТО ЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В АРХИТЕКТУРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Изложены аргументы в пользу актуальности и важности создания этической системы или свода правил этики и морали для искусственного агента. Рассмотрены некоторые методологические сложности, возникающие при разработке этической системы для искусственного интеллекта (ИИ), приведены примеры действующих этических кодексов, а также рассмотрена роль эмоциональной системы в архитектуре «этичного ИИ». Выявлены уровни соприкосновения этики и ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; архитектура ИИ; этическая система; эмоциональная система; методология ИИ.

Введение

Различные исследования в области искусственного интеллекта (ИИ) в настоящее время являются популярной темой не только в научных кругах, но и в массовой культуре и СМИ. Одной из причин повышенного интереса общественности к ИИ являются опасения, что скоро ИИ станет «разумным», т.е. перестанет быть инструментом в руках человека и станет самостоятельным агентом. Появление автономности ИИ неизбежно поднимает вопрос о возможном влиянии этих систем на человека и, соответственно, необходимости этической системы у такого искусственного агента. Что означает для системы ИИ принять решение? Каковы моральные и правовые основания действий и решений у таких систем? Может ли система ИИ брать на себя ответственность за совершенные действия (а также обладает ли она достаточным уровнем саморегуляции)? Как можно контролировать такие системы, если они в процессе обучения придут в состояние, очень далекое от исходно заложенного? Можно ли (и нужно ли) допускать такое прогрессивное развитие для коммерческих систем (до уровня саморегуляции и «протосознания»), как их использование и разработка должны регулироваться? Эти и многие другие вопросы являются действительно важными и требуют максимального внимания ученых. То, как научное сообщество и существующие социальные институты будут способны взаимодействовать с системами ИИ, во многом будет определять уровень доверия к ним и в конечном счете влияние ИИ на общество и даже само существование ИИ.

Методологические сложности разработки этической системы

Разработка более прогрессивных версий систем ИИ чаще всего ведется с использованием машинного обучения. На сегодняшний день сложно найти другую такую технологию, которая кажется настолько же перспективной. Количество публикаций с описанием преимуществ и возможных способов использования машинного обучения, предсказывающих невероятные успехи и достижения нового уровня развития науки, только растет. Однако есть и ряд скептиков, которые задаются вопросом, может ли произойти такое, что при достижении сингулярности искусственный интеллект не много ни мало, а станет главенствовать над

человеком. Среди них Ник Бостром, известный по своей работе «Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии» [1]. Среди оптимистов развития систем ИИ находится Рэй Курцвейл. Он предсказывает, что к 2029 г. искусственный интеллект превзойдет человеческий, а в 2045 г. наступит сингулярность. Несмотря на то, что такие предсказания кажутся фантастическими, они основаны на осмыслении закона Мура и закона прогрессирующей отдачи, придуманных самим Курцвейлом. Согласно этим законам, компьютерные возможности удваиваются каждые два года, т.е. растут по экспоненте [2]. В отличие от пугающих сценариев будущего, популярных в медиа и СМИ и поддерживаемых некоторыми учеными, в настоящее время ИИ уже меняет повседневную жизнь людей во многих сферах – здоровье, безопасность, продуктивность [6]. Именно поэтому для того, чтобы обеспечить принятие и отсутствие страха в обществе перед системами ИИ, они должны быть представлены таким образом, чтобы вызывать доверие и быть понятными, учитывать общечеловеческие и гражданские права.

Учитывая все эти данные, необходимость в разработке этической программы ИИ уже в настоящее время является актуальной задачей. Одной из сторон этой этической программы должна быть разработка системы включения ИИ в существующие социальные институты, включая правовые системы. Также необходимо разрабатывать автономную этическую систему для включения ее в модели искусственных агентов. Понимание этой необходимости приводит к появлению инициатив как со стороны теоретиков ИИ, так и со стороны разработчиков программного обеспечения, включая инициативу по Этике для Автономных Систем от IEEE [10] или этический кодекс для беспилотных автомобилей, разработанный правительством Германии [11]. Кроме того, уже действующие сейчас программы и искусственные агенты требуют внимания исследователей для анализа того, как эти программы делают моральный выбор в каждодневных ситуациях взаимодействия. Например, это связано с алгоритмами скоринга (принятия банком решений о том, кто получает доступ к ссудам и кредитам) или касается того, как машины с автопилотом принимают решение и подсчитывают ценность человеческой жизни в случае неожиданных ситуаций на дороге (по сути, как они решают моральные дилеммы по типу дилеммы вагонетки).

Формализация морали

Основной проблемой при обучении искусственных агентов нормам морали является сложность формализации морали в доступную для обработки компьютерными программами форму, а также тот факт, что не все люди являются носителями и разделяют одинаковые нормы морали и ценности, что не позволяет создать единую модель морали. При решении моральных дилемм люди склонны опираться на эмоции и даже инстинкты, а не на точные вычисления [12, 13]. А искусственные агенты и программы в существующем виде нуждаются в эксплицитных и объективных метриках, измеримых и оптимизированных.

Вероятным решением может быть попытка исследователей и философов сформулировать этические параметры в виде количественных показателей. Другими словами, необходимо сопроводить ИИ эксплицитными ответами и решениями на любые этические дилеммы, с которыми может столкнуться агент. Для этого потребуется совместно выработать согласованный список решений каждой из этических проблем, что является сложной, но не невыполнимой задачей. В настоящее время некоторые разработчики машин на автопилоте уже включают в архитектуру ИИ набор этических ценностей для обеспечения защиты человеческой жизни. При этом машинам «запрещено взаимно компенсировать жертвы», т.е. ИИ не сможет сделать выбор – кого убить – в случае неизбежности аварии со смертельным исходом, на основе индивидуальных особенностей жертвы (физического состояния, возраста, гендера и т.д.) [8].

Еще одним примером заложенного этического принципа является принцип из этического кодекса для разработчиков беспилотного транспорта, разработанного министерством транспорта и цифровой инфраструктуры Германии [11]. Согласно этому принципу, в случае аварийной ситуации автомобиль должен руководствоваться следующим утверждением: жизнь и здоровье человека важнее, чем жизнь животного и сохранность частной собственности. Ранее автоконцерн Mercedes-Benz заявил, что его беспилотные автомобили будут запрограммированы в аварийных ситуациях защищать жизни людей, которые находятся внутри машины, а не снаружи, даже если придется выбирать между спасением одного пассажира и десяти пешеходов [9]. Эти два примера используемых принципов показывают, что разработка общих этических рекомендаций является крайне сложной задачей и в настоящее время единого мнения на счет списка принципов нет.

Обучение системы

Из-за особенностей архитектуры и способов обработки информации ИИ может превосходить человека в компьютерных играх с четкими правилами и границами их применимости благодаря обучению и оптимизации процесса игры для получения большего числа очков с помощью повторных прохождений и обучения на прошлом опыте игр. Именно на этом была

основана убедительная победа AlphaGo над человеком при игре в го [14]. ИИ OpenAI обучался при игре в реальном времени с противниками в течение двух недель, после чего обыграл лучшего в мире игрока в Dota2 [15].

Проблемы оптимизации работы системы и обработки информации в реальной жизни гораздо сложнее, чем оптимизация процессов в компьютерной игре. Сложно представить, какой пул тренировочных данных позволит обучить ИИ становиться «справедливее» или избегать расовых и гендерных предрассудков. Кроме того, как уже было сказано выше, невозможно разработать алгоритм обучения тому, что не формализовано в доступной и понятной форме, т.е. пока исследователи не создадут некоторую модель справедливости. Это непростая задача, поскольку предоставление реальных необработанных данных по поведению людей для обучения ИИ может привести к усилению структурной дискриминации путем воспроизведения стереотипов и аттитудов, заложенных в исходных данных, как уже произошло с чат-ботом Тау (Тэй), разработанным компанией «Майкрософт», который пришлось удалить через несколько дней после его запуска [5]. По самому негативному сценарию обучение на «сырых» данных будет приводить к отказу в обслуживании некоторых категорий людей (система «скоринга» в банковской сфере), затруднять трудоустройство (система тестирований и оценки кандидатов при приеме на работу) или приводить к нарушениям в процессе политического выбора, т.е., по сути, приводить к дискриминации.

Так или иначе, разработчикам необходимо собрать достаточное количество данных для тренировки алгоритмов ИИ. Даже после того, как будут определены специальные метрики для этических ценностей, ИИ может сталкиваться с ситуациями нехватки «чистых» от человеческих влияний данных для тренировки модели. Этические нормы не всегда можно стандартизировать, поэтому сбор «чистых» данных представляется автору отдельной сложной задачей. Разные ситуации требуют разных подходов, а в некоторых ситуациях может быть не одно решение, или даже такие решения, которые нарушают этические нормы, например разрешение на эвтаназию как проявление ценности самостоятельности и свободы воли в противовес ценности человеческой жизни. Один из путей решения проблемы с данными – собрать решения моральных дилемм у миллионов разных людей по типу сбора средств в краудфандинговых проектах. Такой метод уже используется MIT для обучения Moral Machine принятию наилучших этических решений [16]. Но этого тоже может оказаться недостаточно, поскольку исследования показывают, что этические ценности являются культурно-специфическим конструктом и сильно различаются в разных культурах [7]. Ценности очень часто присутствуют имплицитно в процессах рассуждения. Это означает, что используемые методологические подходы и сами данные должны содержать в себе ценности, разделяемые всеми носителями. Если сделать данные ценности эксплицитными, то это повысит уровень доверия к интеллектуальным независимым системам. Поэтому

система рассуждений у искусственных агентов должна быть построена таким образом, чтобы агент был способен принимать во внимание ценности, этические соображения, оценивать и расставлять приоритеты в списке ценностей, разделяемых другими агентами с учетом контекста культуры и религиозных убеждений, а также был способен к mindreading (пониманию мышления другого агента) [17]. И при этом такая система рассуждений должна оставаться прозрачной и понятной для создателей искусственного агента.

Пересмотр ответственности

Кроме того, поскольку способности независимого принятия решений у искусственных агентов возрастают, возможно, самым важным вопросом, требующим внимания ученых, является вопрос пересмотра ответственности [4]. Несмотря на уровень автономности, социальную осознанность и способность обучаться, системы ИИ являются объектами, созданными людьми для достижения каких-либо целей.

Согласно авторскому взгляду, первым шагом на пути создания «ответственного» ИИ будет выбор параметров, по которым решения ИИ относительно этических вопросов будут более прозрачными. В таком случае, если ИИ совершит ошибку, которая будет иметь заметные последствия, в качестве оправдания нельзя будет использовать отговорку про «особенности алгоритма». Однако также понятно, что требования полной алгоритмической прозрачности технически несостоятельны. Нейросети подходящей сложности для поддержки этической системы ИИ должны быть настолько сложны, что осуществление проверки их алгоритмов человеком будет затруднено. Кроме того, существует проблема черного ящика – разработчики не могут проследить путь, по которому нейросеть действует [18]. Поэтому требования прозрачности должны применяться к процессу количественного определения этических ценностей и последствий совершаемого выбора до того, как включить их в архитектуру модели. Используемые теории, методы и алгоритмы должны содержать в себе отбрасываемые ценности и учитывать их на всех этапах разработки (анализ, дизайн, конструирование, развертывание и оценка).

Важно отметить, что разработка «ответственного ИИ» отражает соответствие этой искусственной системы фундаментальным человеческим принципам и ценностям и подчеркивает ответственность разработчиков за свой продукт. По факту, ответственный ИИ – это нечто большее, чем просто «галочка» в списке о наличии этической системы, или разработка некоторых дополнительных функций или отключение «кнопки» в ИИ системе. Ответственность является базовой характеристикой для автономии и должна быть одним из ключевых оснований при исследовании ИИ.

При этом вопрос о том, кто ответствен за действия искусственной системы, остается открытым. В настоящее время для беспилотных автомобилей в случае аварии ответственность несет либо компания-производитель автомобиля, либо компания-

разработчик программного обеспечения для этого автомобиля, если это разные юридические лица. Но в будущем, когда ИИ будет обладать автономией, станет ли он считаться субъектом права – этот вопрос является дискуссионным и требует дополнительных исследований.

Эмоциональная система

Этическая система не сможет существовать без разработанной аффективной или же целостной аффективно-когнитивной системы в том случае, если за образец этической системы будет взята человеческая модель, поскольку эмоции во многом влияют на принятие решений человеком. Поэтому, по мнению автора статьи, еще одной важной задачей является разработка действующей модели эмоций, применимой для ИИ, раскрытие и последующий дизайн связей между эмоциональной и этической системами в архитектуре искусственных агентов. Вероятно, необходимо также предусмотреть возможность отключения эмоциональной системы для некоторых видов ИИ по желанию пользователя, взаимодействующего с искусственным агентом. Исследования показывают, что люди могут испытывать негативные эмоции при взаимодействии с ИИ с несовершенной эмоциональной системой (по аналогии с эффектом зловещей долины) [19], кроме того, люди склонны считать эмоциональность фактором-деструктором для процессов мышления, с чем до недавнего времени соглашались и ведущие нейрочеловеки [3].

Заключение

Можно отметить, что все представленные выше идеи свидетельствуют о связи этики и исследований ИИ на нескольких уровнях:

- уровень технической / алгоритмической интеграции способностей к этическим рассуждениям как части поведения интеллектуальной автономной системы;

- уровень регуляторных и инженерных методов, которые поддерживают для ИИ проведение анализа и оценки этических вопросов, помогают интегрировать или перемещать традиционные социальные конструкты;

- уровень стандартов и процессов сертификации, который обеспечивает взаимодействие разработчиков и пользователей в то время, как они исследуют, разрабатывают, конструируют, используют и управляют системами ИИ.

Важно отметить, что с учетом всё возрастающей включенности ИИ в повседневную жизнь людей, необходимо уже сейчас разрабатывать этические системы для искусственных агентов. Для решения этой задачи необходимы такие подходы, которые стали бы основой для выбора архитектуры искусственных агентов, регулировали возможности развития систем ИИ, чтобы обеспечить качественное управление данными и определить степень вовлеченности человека в процесс управления этими системами. В разработке методологии и архитектуры систем ИИ не последнюю роль игра-

ет философия как наука – источник множества этических программ и принципов: этики И. Канта, Д. Юма, принципа благоговения перед жизнью А. Швейцера, основанного на этике ненасилия, и многих других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 760 с.
2. Курцвейл Р. *Transcend: девять шагов на пути к вечной жизни*. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. 520 с.
3. Damasio A., Meyer K. Behind the looking-glass // *Nature*. 2008. Vol. 454. P. 167–168.
4. Dignum V. Responsible autonomy // *Proceedings of the Twenty-Sixth International Joint Conference on Artificial Intelligence (IJCAI'2017)*. 2017. P. 4698–4704.
5. Price R. Microsoft is deleting its AI chatbot's incredibly racist tweets. 2016. URL: <http://www.businessinsider.com/microsoft-deletes-racist-genocidal-tweets-from-ai-chatbot-tay-2016-3>
6. Stone P., Brooks R., Brynjolfsson E., Calo R., Etzioni O., Hager G., Hirschberg J., Kalyanakrishnan S., Kamar E., Kraus S., Leyton-Brown K., Parkes D., Press W., Saxenian A., Shah J., Tambe M., Teller A. Artificial Intelligence and Life in 2030: One Hundred Year Study on Artificial Intelligence. Report of the 2015–2016 Study Panel. URL: https://ai100.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj9861/f/ai100report10032016_fnl_singles.pdf
7. Turiel E. *The culture of morality: Social development, context, and conflict*. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 336 p.
8. Autonomous Vehicles Need Experimental Ethics: Are We Ready for Utilitarian Cars? 2015. URL: <https://www.technologyreview.com/s/542626/why-self-driving-cars-must-be-programmed-to-kill/>
9. Save the driver, says Benz. 2016. URL: <https://www.motoring.com.au/kill-the-rest-says-benz-104114/>
10. The IEEE Global Initiative on Ethics of Autonomous and Intelligent Systems. URL: <https://standards.ieee.org/content/ieee-standards/en/industry-connections/ec/autonomous-systems.html>
11. Ethics commission. Automated and connected driving. URL: https://www.bmvi.de/SharedDocs/EN/Documents/G/ethic-commission-report.pdf?__blob=publicationFile
12. Сериков А.Е. Дискуссия об инстинктах человека в психологии и этологии // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология»*. 2015. № 1 (17). С. 65–87.
13. Восковская Л.В., Куликов Д.К. Когнитивные функции дилеммы в свете проблем искусственного интеллекта // *Инженерный вестник Дона*. 2014. № 1, ч. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-funktsii-dilemmy-v-svete-problem-iskusstvennogo-intellekta/viewer>
14. Кловайт Н., Ерофеева М. Работа в эпоху разумных машин: зарождение невидимой автоматизации // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2019. Т. 29, № 1. С. 53–84.
15. OpenAI five finals. URL: <https://openai.com/blog/openai-five-finals/>
16. MoralMachine. URL: <https://moralmachine.mit.edu>
17. Questa V. Mindreading and Empathy // *Rivista Internazionale di Filosofia e Psicologia*. 2015. Vol. 6, № 2. P. 261–271.
18. Buckner C. Empiricism without magic: transformational abstraction in deep convolutional neural networks // *Synthese*. 2018. 195 (12). P. 5339–5372. DOI: 10.1007/s11229-018-01949-1
19. Bechmann A., Lomborg S. Why people hate the paperclip. *New Media and Society*. 2013. DOI: 10.13140/RG.2.1.2508.1047.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 1 июля 2020 г.

The Place of the Ethical System in the Architecture of Artificial Intelligence

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 99–103.

DOI: 10.17223/15617793/456/11

Alexandra V. Shiller, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: shiller.a@gmail.com

Keywords: artificial intelligence; AI architecture; ethical system; emotional system; AI methodology.

The aim of the article is to analyze the existing views on the need to develop an ethical system for artificial intelligence and to identify methodological difficulties arising from the implementation of the idea of “ethical AI”. The article presents arguments in favor of the relevance and importance of creating an ethical system or a set of rules of ethics and morality for an artificial agent. The stated ideas are based on the research of theorists and philosophers of AI, as well as on the results of the author’s analysis of documents: current ethical codes of a number of companies and states (MIT Moral Machine, IBM Watson, Mercedes Benz autonomous cars’ code, Code of Ethics for autonomous vehicles of the Government of Germany, analysis of the work of Tay and Zo chat bots from Microsoft). The article describes some methodological difficulties arising in the development of an ethical system for artificial intelligence. The complexity or impossibility of formalizing morality in a form accessible for processing by computer programs stand out among the difficulties. For example, it is challenging to describe morality in a quantitative format; put restrictions on the “purity” and amount of data for training the system—training on real data of people’s behavior will lead to unpredictable results, since people do not tend to make decisions based on logic or rational arguments. There is a problem of data opacity or “black box”—the inability to trace the decision-making process of the neural network due to its extreme complexity. There is a need for an emotional system in the architecture of “ethical AI”; the presence of such a system makes AI more “humanlike” and brings in elements of “negligence” and errors, which is necessary when requesting to create an anthropomorphic AI. In addition, the issue of legal liability for the actions of AI and the legal status of AI in the future is raised. The levels at which AI and ethics are connected and interact with each other are revealed: the level of technical/algorithmic integration of ethics into the intellectual system; the level of regulatory and engineering methods for analyzing and evaluating ethical issues; the level of action codes, standards and certification processes, which allows developers and users to interact with AI in real time. As a conclusion, it is noted that due to the increasing involvement of AI in the everyday life of people, the development of an ethical system for AI is no longer just a matter of theoretical studies, but becomes an urgent problem with the ability to use research results or check ideas in practice. In the development of the methodology and architecture of AI systems, a great role belongs to philosophy as a source of many ethical programs and principles; therefore, philosophers need to participate in the interdisciplinary research of existing AI systems and in the development of new ones.

REFERENCES

1. Bostrom, N. (2016) *Iskusstvennyy intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii* [Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
2. Kurzweil, R. (2015) *Transcend: devyat' shagov na puti k vechnoy zhizni* [Transcend: Nine Steps to Living Well Forever]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

3. Damasio, A. & Meyer, K. (2008) Behind the looking-glass. *Nature*. 454. pp. 167–168.
4. Dignum, V. (2017) Responsible autonomy. *Proceedings of the Twenty-Sixth International Joint Conference on Artificial Intelligence (IJCAI'2017)*. pp. 4698–4704.
5. Price, R. (2016) *Microsoft Is Deleting Its AI Chatbot's Incredibly Racist Tweets*. [Online] Available from: <http://www.businessinsider.com/microsoft-deletes-racist-genocidal-tweets-from-ai-chatbot-tay-2016-3>.
6. Stone, P. et al. (2016) *Artificial Intelligence and Life in 2030: One Hundred Year Study on Artificial Intelligence: Report of the 2015–2016 Study Panel*. [Online] Available from: https://ai100.sites.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj9861/f/ai100report10032016_fnl_singles.pdf.
7. Turiel, E. (2002) *The Culture of Morality: Social Development, Context, and Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. MIT Technology Review. (2015) *Autonomous Vehicles Need Experimental Ethics: Are We Ready for Utilitarian Cars?* [Online] Available from: <https://www.technologyreview.com/s/542626/why-self-driving-cars-must-be-programmed-to-kill/>.
9. Taylor, M. (2016) *Save the driver, says Benz*. [Online] Available from: <https://www.motoring.com.au/kill-the-rest-says-benz-104114/>.
10. IEEE. (n.d.) *The IEEE Global Initiative on Ethics of Autonomous and Intelligent Systems*. [Online] Available from: <https://standards.ieee.org/content/ieee-standards/en/industry-connections/ec/autonomous-systems.html>.
11. Ethics Commission. (2017) *Automated and Connected Driving*. [Online] Available from: https://www.bmvi.de/SharedDocs/EN/Documents/G/ethic-commission-report.pdf?__blob=publicationFile.
12. Serikov, A.E. (2015) Discussion on Human Instincts in Psychology and Ethology. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya "Filosofiya. Filologiya"*. 1 (17). pp. 65–87.
13. Voskovskaya, L.V. & Kulikov, D.K. (2014) Cognitive Functions of Dilemma in Light of Artificial Intelligence Problems. *Inzhenernyy vestnik Dona – Engineering Journal of Don*. 1 (2). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-funktsii-dilemmy-v-svete-problem-iskusstvennogo-intellekta/viewer>. (In Russian).
14. Klowait, N. & Erofeeva, M. (2019) Work in the Age of Intelligent Machines: The Rise of Invisible Automation. *Logos*. 29 (1). pp. 53–84. (In Russian).
15. OpenAI. (2019) *OpenAI Five Finals*. [Online] Available from: <https://openai.com/blog/openai-five-finals/>.
16. *Moral Machine*. [Online] Available from: <https://moralmachine.mit.edu>.
17. Questa, V. (2015) Mindreading and Empathy. *Rivista Internazionale di Filosofia e Psicologia*. 6 (2). pp. 261–271.
18. Buckner, C. (2018) Empiricism without magic: transformational abstraction in deep convolutional neural networks. *Synthese*. 195 (12). pp. 5339–5372. DOI: 10.1007/s11229-018-01949-1
19. Bechmann, A. & Lomborg, S. (2013) Why people hate the paperclip. *New Media and Society*. DOI: 10.13140/RG.2.1.2508.1047

Received: 01 July 2020

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323+321+34

А.Д. Жилкин

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ 1992 г.

Исследуется второй из трех этапов становления конституционализма в России в 1990–1993 гг. в рамках предложенной автором периодизации. Изучаются связи и проводятся параллели между конституционным творчеством и экономическими реформами. В обоих случаях речь идет об импортировании сторонниками преобразований западных моделей, которые уже к концу 1992 г. обнаружили свою несостоятельность на российской почве. Это стало одной из причин масштабного кризиса в стране.

Ключевые слова: Конституция России; Основной закон; Конституционная комиссия; Президент России; Парламент; Съезд народных депутатов; реформы.

В данной статье рассматривается второй из трех этапов становления российского конституционализма в начале 1990-х гг. Он охватывает 1992 г. Первый (июнь 1990 г. – декабрь 1991 г.) был связан с началом независимой политики России и государственного строительства в период существования СССР, третий (1993 г.) – определяется возникшим из-за конфликта Президента и Парламента острым кризисом двоевластия и его преодолением. В 1992 г. Россия входила в качестве независимого государства, а его руководство получило возможность самостоятельно определять вектор преобразований, действуя уже без оглядки на союзный Центр. При этом страна стояла перед целым рядом серьезных вызовов, в числе которых были необходимость серьезных реформ в экономике, стремительное падение уровня жизни населения, личные конфликты лидеров, новое позиционирование на международной арене, выстраивание отношений с бывшими союзными республиками, рост сепаратизма и угроза распада государства по аналогии с СССР и др.

Этот период стал временем эксперимента по внедрению в России, выражаясь языком немецкого социолога К. Оффе, импортированного образа будущего. Привлекательность последнего во многом объясняется тем, что он предлагался Западом «в пакете» с обещаниями различной помощи, включая финансовую [1]. Зарубежные исследователи, описывая трансформационные процессы в посткоммунистических обществах, метко назвали их «перестройкой корабля в открытом море» [2. С. 27]. Ряд современных специалистов предпринимали попытки концептуализации постсоветского периода в общем русле различных так называемых транзитологических теорий, возникших на Западе. Их авторы занимаются выявлением общей логики переходов от авторитаризма к демократии, происходивших в разных странах мира в последние десятилетия XX в. Пытаются вписать в эту парадигму и Россию, пусть и с оговорками, признавая специфику самого транзита, особенности власти и пр. [3].

Однако и в 1990-х гг., и тем более позднее известные зарубежные исследователи писали о неуниверсальности западного пути и ценностей и не ставили знак равенства между модернизацией и вестернизацией. С. Хантингтон говорил о конце эры доминирования Запада и стремлении незападных стран вернуться

к своим традиционным ценностям [4. С. 132–135]. Ф. Фукуяма, в 1990-х утверждавший о конце истории в смысле победы и установления в мире либерализма, в 2000-х гг. признавал его несоответствие новым вызовам и подчеркивал необходимость сильного государства. Э. Саид в 1994 г. отмечал, что, несмотря на распад СССР и обретение странами Восточной Европы политической независимости, схемы власти и господства по-прежнему сохраняли актуальность. Он обратил внимание на набиравшие в начале 1990-х гг. на Западе популярность идеи реколонизации стран третьего мира, называемых также Глобальным Югом, посредством системы навязываемой опеки, а также откровенно миссионерский внешнеполитический курс США, «особенно в России и бывших советских республиках» [5. С. 535–537]. А. Пшеворский также сравнивает Восточную Европу с Югом, который в его понимании ассоциируется с экономической отсталостью и местом на периферии капиталистической системы [6. С. 298–300].

Отечественные радикальные реформаторы изучали опыт преобразований в Восточной Европе и во многом пытались на него ориентироваться, тем самым предопределяя в будущем незавидное место нашей страны в складывавшемся после холодной войны мировом порядке. Одно из расхожих заблуждений иллюстрировала фраза, что Россия та же Польша, только большая, и призывы проводить реформы по образцу Варшавы [7. С. 54]. Однако даже перечисление наиболее заметных особенностей России, среди которых многонациональный характер государства (в отличие от практически мононациональной Польши), неразвитость института собственности, традиционный патернализм власти, географическое положение в центре Евразии, огромная площадь и богатые природных ресурсы, суровый климат на большей части территории, наличие крупного производства, особое место в структуре экономики ВПК и пр., – говорит о неправомерности сравнения ее со странами Восточной Европы и Латинской Америки, при всем уважении к ним.

Ряд исследователей, в том числе зарубежных, отмечали, что в нашу страну пытались импортировать далеко не самые передовые и признаваемые на Западе концепции, причем как в экономике, так и конститу-

ционном праве. Так, С. Коэн критически оценивает попытки американских ученых применить к изучению постсоветского периода России теорию транзита, обретшую своих сторонников и среди отечественных ученых. По его мнению, итогом применения этого подхода стало «россиеведение без России». А шоковых терапевтов он называет «второсортными экономистами из первосортных университетов» [8. С. 59, 61]. Дж. Кьеза считает, что подобные эксперты олицетворяли не доминировавшие на Западе теории, опиравшиеся на либерализм и правовое государство, а являлись «антигосударственными фундаменталистами», «партизанами ультралиберализации», представляя авторитарные тенденции американского неолитерализма [9. С. 67–70].

Похожие оценки звучат и в отношении конституционного творчества. Так, по мнению профессора Ю.А. Тихомирова, написавшего в советское время статью по базовой для либерализма теме разделения властей и получившего, по его собственному признанию, за нее даже какой-то приз, само по себе это понятие устарело еще тогда. Тем не менее именно его политические акторы пытались заложить в фундамент Основного закона РФ и оперируют им по сей день. В целом специалист считает, что отечественные юристы «слишком быстро склонили голову перед западными концепциями» [10]. Немецкий исследователь А. Нуссбергер весь период конституционной реформы в России конца 1980-х – начала 1990-х гг. называет «конституционной шоковой терапией» и признает, что она не сработала [11].

С учетом подобных оценок представляется актуальным сегодня обратиться к первому постсоветскому году России и постараться оценить его значение для российского конституционализма. Тем более, что уже к его окончанию отчетливо проявились результаты проводившихся в стране экспериментов по внедрению импортированного зарубежного опыта. И хотя их объектом выступала прежде всего экономика, затрагивали они и другие области, в том числе конституционное творчество. Эти две сферы шли бок о бок с самого начала преобразований в России. Так, еще на состоявшемся в 1990 г. I Съезде народных депутатов РСФСР (далее – СНД, Съезд) в качестве одного из мотивов разработки нового Основного закона республики указывалось, что действовавшая на тот момент Конституция РСФСР 1978 г. основывалась на принципах, препятствующих проведению актуальной экономической политики [12].

Обратимся к хронологии ключевых событий и логике акторов. Напомним, еще осенью 1991 г. Б.Н. Ельцин принял решение сосредоточить усилия на экономических реформах [13. С. 203], доверив их команде под руководством молодого ученого Е.Т. Гайдара, возглавил Правительство, дабы своим авторитетом прикрыть его членов от ожидаемой критики, а также получил 1 ноября на V СНД сроком на один год чрезвычайные полномочия, которые позволяли ему издавать указы, имеющие силу закона в области экономической реформы. Впоследствии это привело к развитию такого феномена как «указное право». Собранная в Правительстве команда получила название

«младореформаторы» и объединила молодых экономистов-либералов.

2 января 1992 г. был дан официальный старт реформам, проводившимся по рецептам МВФ и получившим название «шоковой терапии». По словам самого Б.Н. Ельцина, а также знаковых фигур этого процесса (Е.Т. Гайдара, А.Б. Чубайса и др.), выбор программы преобразований, во-первых, был продиктован преобладанием негативной мотивации, направленной прежде всего на слом прежней, социалистической, системы и исключение всякой возможности возвращения к ней [14. С. 10; 15. С. 312–313; 16. С. 18–19; 17. С. 169]. Во многом с этим была связана вторая особенность – спешка, желание преодолеть переходный период как можно быстрее [13. С. 185]. Шокотерапевты опирались на зарубежных теоретиков, утверждавших, что продолжительность существования демократических институтов во многом зависит от успехов в экономике, а глубокие реформы могут быть развернуты только после достижения финансовой стабилизации [6. С. 52]. Требование последней было также условием предоставления помощи Запада и, в частности, МВФ. В-третьих, стремление повернуть экономику «на западный путь развития» представлялось как единственно возможный вариант [14. С. 39]. Что касается опыта реформ Китая, предполагавших плавный переход к рынку, то и Е.Т. Гайдар, и А.Б. Чубайс утверждали, что возможность безболезненного применения его к тому моменту уже была упущена [14. С. 39; 15. С. 24–25]. Приоритет американской модели с сильно ограниченной ролью государства был предопределен слабостью последнего к началу реформ. По словам А.Б. Чубайса, уже к концу 1991 г. в республике происходило растаскивание государственной собственности и шла стихийная приватизация, от которой государство не получало ничего [15. С. 28–29]. Отметим, что и в конституционном строительстве до середины 1993 г. во многом ориентировались на импорт опыта США [18].

Выбор модели приватизации, оставившей за бортом большую часть населения, был продиктован убеждением реформаторов в том, что 80–90% населения функции активного собственника противопоказаны [15. С. 353]. По мнению Б.Н. Ельцина, собственность следовало продать тем, у кого есть деньги, так как обновление производства требовало значительных средств, а таких людей тогда было немного. Кроме того, ему как политику было удобнее иметь дело с меньшим количеством хозяев [17. С. 169–170]. В дальнейшем, как известно, это породило олигархов, со временем начавших претендовать на определение вектора развития государства в личных интересах.

Среди критиков младореформаторов были не только коммунисты и патриоты-державники, но и представители промышленников во главе с А.А. Вольским, а также молодые депутаты из фракции «Смена – Новая политика» и др. Признавая необходимость реформ, они возражали относительно способов их проведения. В частности, критиковали перспективу деиндустриализации страны и ее латиноамериканизации, перекося в сторону макроэкономики, пренебрежение вопросами продовольственной и тех-

нологической безопасности и зависимость от импорта, высказывались предложения по поводу минимизации социальных потерь, восстановления системы государственного регулирования экономики, особенно в кризис, а также параллельного развития двух секторов – частного и государственного [7. С. 60; 16. С. 93, 166].

В качестве альтернативы упоминался план предшественника А.Б. Чубайса на посту главы Госкомимущества России М.Д. Малюка, рассчитанный на 15 лет и постепенную трансформацию, предполагавший задачу гражданам именованных приватизационных чеков и исключавший их свободную продажу, в дальнейшем на них предполагалось приобрести акции приватизируемых предприятий [17. С. 166–167]. Это была бы попытка создать своего рода народный капитализм, в рамках которого большинство населения становилось бы заинтересованными собственниками, что явно больше отвечает принципам демократии, движение к которой декларируют апологеты либерализма в рамках теории транзита, но такую трансформацию больше и сложнее осуществить на практике.

Одна из причин попыток активных рецепций западных идей при отсутствии должного критического осмысления – недостаточное понимание национальных особенностей. Отмечая их важность, В.Д. Попов использует понятие «закон ментальной идентичности», отражающее существенные связи между менталитетом народа и содержанием реформ, их несоответствие неизбежно приводит к негативным последствиям любых начинаний [19. С. 128–132]. На рубеже 1990–2000 гг. в отечественном общественном сознании наметились попытки выдвижения оригинальных концепций, позволяющих лучше понять суть трансформационных процессов в России, в том числе в экономике. Объясняли они место и роль в ней государства. Так, О.Э. Бессонова предложила теорию раздатка, не связанную с рыночной реальностью, на ее доминанте развивалась экономика нашей страны [20. С. 4–6]. С.Г. Кирдина обращается к понятию «институциональная матрица», которая выражается в своеобразной системе институтов каждого общества, и именно она определяет вектор возможных траекторий его развития. Игнорирование этих особенностей неизбежно грозит провалом преобразований [21. С. 66–67, 287–290].

Понятно, что реформаторы начала 1990-х гг. не могли использовать подобные новеллы, так как те появились позднее, однако политэкономия, предлагавшая комплексный подход к изучению экономических процессов, они должны были изучать. Игнорирование последней, по-видимому, было связано с ее тесной ассоциацией с социалистической системой, вызывавшей у них резкое неприятие. Свою роль сыграла и дискредитация в массовом сознании прежних научных достижений [21. С. 288]. Отсюда технократический подход и выбор эконометрических показателей при планировании и проведении реформ в отрыве от социального фактора [22. С. 17–19]. Другая причина – нехватка управленческого опыта, в том числе производственного, который мог бы компенсировать недостаток теоретической базы. В этом оппоненты не без оснований упрекали Е.Т. Гайдара, называя его кабинетным ученым.

Избранный курс вызывал рост недовольства населения, сужал базу для поддержки преобразований внутри страны, тем самым российские власти ставили себя в сильную зависимость от «западных партнеров». Условия последних формулировались в рамках принципа «большой сделки»: сначала – реформы, потом – массивная прямая помощь [23. С. 36]. По словам В.В. Костикова (с мая 1992 г. пресс-секретаря Президента), Россия тогда еще пребывала в состоянии эйфории относительно перспектив и эффективности международной и прежде всего американской помощи реформам. И сам Б.Н. Ельцин, и в МИДе, возглавляемом А.В. Козыревым, переоценивали желание США прийти на помощь недавнему врагу. Американцы же умело подпитывали эти надежды на уровне пропаганды, но при этом не шли на сколь-нибудь серьезные уступки в области экономики и торговли [24. С. 70]. Последующие годы показали, что США так и не отменили поправку Джексона–Вэника (действовала в 1974–2012 гг. с заменой на «Акт Магницкого»), не сократили военные расходы, не предоставили доступа к современным технологиям (сохраняя режим КОКОМ на передачу военных и технологий двойного назначения), происходило расширение и движение НАТО на Восток и т.д. Запад решал свои задачи, прежде всего связанные с обеспечением собственной безопасности, для чего было важно не допустить «коммунистического реванша» и сохранить контроль над ядерным арсеналом России, а также освоением рынков постсоветских государств. Именно в эти годы на Западе формировалось отношение к нашей стране, исключавшее ее восприятие как равной.

Слом системы, к которому шли Б.Н. Ельцин и его окружение, произошел после поражения ГКЧП в августе 1991 г. и вызвал побочный эффект – расхождение в рядах так называемых демократов. Как отмечает член образованной на I СЗД Конституционной комиссии В.Л. Шейнис, представляющий ее либеральное ядро, уже на рубеже 1991–1992 гг. в демократическом движении обозначился идейный разлом. Этот процесс напрямую затронул движение «Демократическая Россия», поддерживавшее Б.Н. Ельцина еще на выборах народных депутатов РСФСР весной 1990 г. С одной стороны, уходили «государственники», не согласные с поддержкой руководством «Демократической России» подписания Беловежских соглашений, а также отсутствием адекватной реакции на ущемление прав русских в Прибалтике и бесплатной раздачей государственной собственности [25. Т. 1. С. 681]. С другой – выступали идеологи и «прорабы перестройки», критиковавшие Б.Н. Ельцина и его окружение за проявления авторитаризма и сворачивание демократических процедур, растущий разрыв между властью и обществом, союз с советской номенклатурой и негативные результаты реформ команды Е.Т. Гайдара [25. Т. 1. С. 682–685].

Законодательный запрет деятельности коммунистических партий, КПСС и КП РСФСР, введенный после выступления ГКЧП, не коснулся их парламентского представительства в лице фракции «Коммунисты России» и привел к образованию новых партий и движений, в том числе и левого толка [25. Т. 1. С. 687–688].

В начале года активизировались державно-патриотические силы. Накануне VI СНД они создали оппозиционный парламентский блок «Российское единство», во главе которого стали народные депутаты С.Н. Бабурин, В.Б. Исаков и Н.А. Павлов. К ним прикнудил и вице-президент А.В. Ручкой, в феврале 1992 г. публично обозначивший свой переход в оппозицию [25. Т. 1. С. 690–695]. Уже в начале года наметился союз коммунистов и национально-патриотических сил, в октябре оформившийся организационно во Фронт национального спасения (ФНС).

Уменьшение поддержки официального курса заставило одного из идеологов «демократов» Г.Х. Попова признать, что последние не справляются со своими обязанностями. Более того, при отсутствии рынка и нормальных экономико-политических механизмов, по его мнению, было никак не обойтись без командно-административной системы «нового, переходного типа» [26]. Таким образом, сторонники либерального курса, видя, что эксперимент пробуксовывает, были готовы прибегнуть к методам управления, за которые клеймили власть в СССР и называли ее «тоталитарной». Подобный подход противоречил принципу разделения властей, провозглашенному еще в принятой на I СНД Декларации о государственном суверенитете России.

На фоне негативных результатов экономических реформ на VI СНД (6–21 апреля 1992 г.) произошло столкновение сторонников и противников «шоковой терапии», которое едва не привело к отставке Е.Т. Гайдара. Р.И. Хасбулатов, занимавший тогда пост Председателя Верховного Совета, позднее отмечал, что, начиная с марта 1992 г., он неоднократно просил Б.Н. Ельцина сменить Правительство и проводимый им курс, и подчеркивал, что с весны 1992 г. «главный политический центр стал плавно смещаться из Кремля в Белый дом» [27. Т. 6. С. 977–978]. Этот вывод имел под собой основания. Данные, подготовленные аналитической группой депутата А.А. Собянина, показали, что по сравнению с III СНД, парламентская поддержка Президента, Правительства и курса реформ сильно снизилась. Численность их сторонников сократилась вдвое, тогда как противников и колеблющихся – заметно выросла. При этом в поддержку советского и социалистического выбора высказывалось меньшинство. Как справедливо отметил В.Л. Шейнис, противостояние от символов переместилось к реалиям [25. Т. 2. С. 52–53]. С этого времени происходит трансформация оценок Съезда со стороны сторонников радикальных либеральных преобразований: из «демократического», выступившего в их поддержку в октябре 1991 г., он превращается в «консервативный» к апрелю 1992 г. [28. С. 418]. Таким образом, уже в начале рассматриваемого периода отчетливо проявился процесс поляризации сил.

Политические трансформации и появление новых партий и движений на рубеже 1991–1992 гг. нашли свое отражение в конституционном творчестве. Накануне VI СНД появился целый ряд альтернативных проектов Основного закона. Свои варианты предложили Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП, текст подготовлен под руководством члена

Конституционной комиссии народного депутата Ю.М. Слободкина); депутатские фракции «Аграрный союз», «Отчизна» и «Коммунисты России»; депутатская фракция «Смена – Новая политика» и др. Однако максимум, на что могли рассчитывать представители оппозиции в отношении своих проектов, это внесение отдельных наиболее удачных, на взгляд авторов официального текста, статей в итоговую редакцию.

По меткому замечанию члена Конституционной комиссии Л.Б. Волкова, в начале 1992 г. радикальный либерализм вышел и на конституционную сцену [27. Т. 5. С. 55]. Это выразилось в появлении двух альтернативных либеральных текстов Основного закона. Один подготовила группа во главе с С.М. Шахраем, своими создателями он был назван «Проект “0”», а в СМИ – «президентский». Другой разработали С.С. Алексеев и А.А. Собчак, возглавлявшие тогда Российское движение демократических реформ (РДДР) и выступавшие от его имени. Несмотря на разницу в подходах авторов, общим местом в обоих текстах были широкие полномочия Президента и десоветизация, курс на которую начал реализовываться еще со второй половины 1990 г. С.Н. Шахрай в общении с депутатами называл свой текст «версией президентских поправок к проекту Конституционной комиссии», членом которой в тот момент он являлся [29], однако в служебной записке на имя Б.Н. Ельцина указывал, что главы о Парламенте и Президенте в него включить как альтернативу не удастся, отмечая, что это невозможно практически и вредно политически [30]. О.Г. Румянцев позднее заявил, что Конституционной комиссии с самого начала оппонировали представители левых сил, а также «некоторых национальных регионов», но в 1992 г. появился новый фактор – «давление с демократического фланга» [31. С. 167]. Таким образом, расслоение в рядах либералов отразилось и на конституционном поле. Более того, уже в начале года в окружении Б.Н. Ельцина складывалась группа советников, настаивавших на нецелесообразности компромисса с Парламентом в вопросе распределения с ним властных полномочий.

Накануне VI СНД проводились активные консультации с зарубежными экспертами в области конституционного права. По инициативе российского МИДа О.Г. Румянцев написал письмо на имя генсека Совета Европы К. Лаломьер с просьбой подготовить письменное заключение о проекте новой Конституции России. Помимо практической пользы, поддержка со стороны ЕС подняла бы ее международный авторитет [27. Т. 3, ч. 3. С. 967], что было важно для молодой постсоветской республики, а также добавила бы вес в глазах депутатов, поскольку О.Г. Румянцев надеялся на принятие нового Основного закона на предстоящем Съезде [27. Т. 3, ч. 3. С. 970].

Венецианская комиссия подготовила соответствующий доклад. Не будем подробно анализировать все рекомендации, отметим лишь две из них. Первая касается статьи, устанавливающей приоритет международных договоров над национальными законами. Это положение было воспринято европейцами положительно, в докладе даже рекомендовалось четче отразить его в Конституции, иначе «проблема останется

полностью открытой и бросит тень неопределенности на способность России соблюдать международное право, что может повлиять на ее отношения с другими государствами и статус в международном сообществе» [27. Т. 3, ч. 3. С. 974]. Напомним, что ранее, еще в 1990 г., американские эксперты по этому поводу советовали противоположное, предлагая смягчить формулировку и не устанавливать обязательный характер норм, а лишь подчеркнуть в тексте необходимость принятия их во внимание, аргументируя это тем, что международное право пока находится в стадии развития [27. Т. 1. С. 914]. Очевидно, что в этом проявлялся большой консерватизм американцев и их избирательность в применении на своей территории международных норм. ЕС же в данный период рассматривал возможности расширения своего пространства за счет стран бывшего соцлагеря.

Второй комментарий касался дисбаланса в системе разделения властей. Согласно заключению европейских экспертов, предложенный в проекте Основного закона Конституционной комиссии вариант являлся смешанным и не соответствовал ни французскому, ни американскому. Исходя из опыта делался вывод, что он вряд ли будет работать. В частности, отмечалось отсутствие у Президента возможности распустить Парламент, тогда как депутаты могли отправить его в отставку [27. Т. 3, ч. 3. С. 980]. На нарушение баланса властей указывал и французский профессор Лесаж во время проходившего 23 марта в Москве семинара [27. Т. 3, ч. 3. С. 1009–1010]. Однако, по словам члена Конституционной комиссии В.Л. Шейниса, в данном случае существовали политические ограничения, так как подобное нововведение не могло получить одобрения в действовавшем Парламенте [27. Т. 3, ч. 3. С. 1052].

Отметим также тот факт, что в «Проекте “0”» отсутствовало упоминание вице-президента, тогда как в тексте Конституционной комиссии оно оставалось. По словам С.М. Шахрая, он с самого начала, еще на этапе разработки закона о выборах Президента, отговаривал Б.Н. Ельцина от этой идеи, предупреждая о потенциальной угрозе конфликта и двоевластия [32. С. 28]. А к моменту подготовки «Проекта “0”» А.В. Руцкой уже перешел в оппозицию. В более широком контексте это означало дрейф к традиционной для России конфигурации власти во главе с одним лидером. Очевидно, в конституционном творчестве, как и в экономике, попытки экспериментов с зарубежным опытом на российской почве наталкивались на ограничения.

21 апреля в действовавший Основной закон были внесены поправки, отражавшие новые реалии. Часть из них была вызвана превращением республики в независимое государство, в частности введение нового названия страны – «Российская Федерация – Россия», уход от слов «советский» и «социалистический», убраны нормы, касающиеся нахождения России в составе СССР. Другие фиксировали изменения в государственном устройстве, продолжая курс на рецепцию западного опыта и стремление интегрироваться в сообщество «демократических» государств. Так, было закреплено разделение властей, добавлены три части Федеративного договора (ФД), а также полностью

заменено содержание раздела II «Государство и личность», в основу главы 5 которой была положена принятая осенью 1991 г. Декларация прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, была возвышена и уточнена роль Конституционного Суда (КС), который стал называться высшим органом судебной власти по защите конституционного строя [33. С. 115–117]. Последнее являлось частью масштабной судебной реформы, призванной на ценностном, правовом и административном уровнях утвердить независимость судебного корпуса, и вписывалось в общий тренд демократизации политического режима в начале 1990-х гг. Подробнее о новой роли и месте КС в структуре государственной власти речь пойдет в статье, посвященной событиям 1993 г.

Решение VI СНД «одобрить общую концепцию конституционных реформ в России, положенную в основу проекта Конституции», а также учесть положения проекта Верховного Совета и поправки Президента было компромиссным. Однако подчеркнутое Съездом разделение поправок на парламентские и президентские [27. Т. 3, ч. 1. С. 954] свидетельствовало о росте противоречий. Таким образом, уже в начале 1992 г. отчетливо проступали контуры «кризиса двоевластия», проявившиеся в полной мере к его окончанию.

Уже весной стало понятно, что монетаристские эксперименты младореформаторов себя не оправдали. Это признавали и на Западе, призывая прислушаться к альтернативным предложениям главы «Гражданского союза» А.И. Вольского, подчеркивавшего важность направляющей роли Правительства при переходе к рынку [23. С. 66–67]. В конце мая – начале июня кабинет министров пополнился тремя новыми членами, занявшими должности заместителей его главы. В.С. Черномырдин, В. Шумейко и Г.С. Хижа представляли интересы промышленных кругов и были призваны обеспечить с их стороны поддержку и, соответственно, расширение социальной базы реформ. Страна стояла на пороге приватизации, стартовавшей в августе 1992 г., в том числе и поэтому стабилизация и предсказуемость были необходимы ее потенциальным участникам, как внутренним, так и зарубежным. Кроме того, острая критика реформ негативно влияла на авторитет Б.Н. Ельцина и побудила его отказаться от поста Председателя Правительства РФ: 16 июня исполняющим его обязанности был назначен Е.Т. Гайдар.

В складывавшейся расстановке сил для российского лидера вопрос принятия новой Конституции приобретал большую актуальность. Президенту становилось все сложнее проводить выбранный курс посредством внесения поправок в действовавший Основной закон. Парламент же подобный подход вполне устраивал, так как он обладал для этого всеми необходимыми возможностями. На этом фоне летом 1992 г. Б.Н. Ельцин заявил о возвращении к работе Конституционной комиссии, признал ошибочность временного отхода от руководства ею. Пленарное заседание 29 июля впервые состоялось в Овальном зале Кремля, что должно было создать определенный демонстрационный эффект единства в работе над Основным

законом. Продолжая линию на закрепление в его тексте за собой широких полномочий, Б.Н. Ельцин поставил на заседании вопрос о поправках, усиливающих полномочия Президента [31. С. 174]. В сложившихся условиях Б.Н. Ельцин был вынужден маневрировать и искать компромисс, к тому же скорейшая трансформация политической системы позволила бы его команде продолжить выбранный курс преобразований в стране. Для этого требовалось как можно быстрее принять новую Конституцию, в которой бы не было всевластного Съезда и Советов, но закреплялись широкие полномочия Президента и его контроль над Правительством. Важным шагом должны были стать и выборы в новый Парламент: часть окружения Б.Н. Ельцина надеялась, что он будет лояльнее ему, нежели действующий. По-видимому, наиболее коротким путем в тот момент представлялись корректировка и принятие проекта Конституционной комиссии, к тому времени получившего статус официального и являвшегося по большинству позиций наиболее сбалансированным.

Однако конец года был отмечен новым обострением в борьбе за власть. Катастрофически упал уровень жизни населения и деградировала экономика страны [23. С. 71; 28. С. 454]. В качестве ощутимых положительных результатов преобразований предъявить гражданам и депутатам было нечего. Обещанного Б.Н. Ельциным эффекта от экономических реформ, который население должно было почувствовать к осени 1992 г., не наблюдалось. К тому же 1 декабря истекал год, на время которого Съезд предоставил ему чрезвычайные полномочия осенью 1991 г. Еще одной причиной активизации депутатов стало фактическое отстранение Парламента от влияния на деятельность Правительства. Как отмечает один из лидеров оппозиции В.Б. Исаков, предоставляя широкие полномочия Б.Н. Ельцину, народные избранники не выслушали аргументы и не разобрались, а теперь пытались отыграть назад, но это у них не получалось [34. С. 78–79]. По словам О.Г. Румянцева, призывая Съезд предоставить Президенту указанные полномочия осенью 1991 г., С.М. Шахрай подчеркивал, что они будут реализовываться под контролем Парламента, однако на практике ситуация оказалась иной [29]. В итоге в конце года депутаты пошли в наступление.

VII СНД (1–14 декабря) отказался продлить чрезвычайные полномочия Б.Н. Ельцина, а также 9 декабря принял ряд поправок в Конституцию, существенно усиливающих позиции Парламента. Президенту вменялось в обязанность представлять Верховному Совету предложения о структуре органов исполнительной власти, при этом само Правительство снова становилось подотчетно не только Президенту, но Съезду и Верховному Совету. Последний также установил для себя право назначать председателя Центрального банка России, давать согласие на назначение министров иностранных дел, обороны, безопасности и внутренних дел. Он получал право приостанавливать действие указов и распоряжений Президента до решения об их конституционности в случае своего обращения в КС. С целью избавления от «исполнительного лобби» вводился запрет на совмещение депутатской дея-

тельности с работой в структурах исполнительной власти. Кроме того, были усилены позиции Верховного Совета как постоянно действующего федерального органа и центра системы представительных органов в республике. Внесение в Основной закон этих изменений означало закрепление Съезда и Верховного Совета на вершине пирамиды власти [33. С. 119–120]. Наконец, была внесена поправка, устанавливающая, что полномочия Президента прекращаются немедленно в случае попытки использовать их для роспуска или приостановления деятельности законно избранных органов власти [27. Т. 3, ч. 2. С. 771].

В ответ на действия народных избранников 10 декабря Б.Н. Ельцин обратился к народу с призывом определиться, кому он поручает вывод страны из кризиса – Парламенту или Президенту. Итогом переговоров сторон стало принятие Съездом 12 декабря постановления «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации» (неофициальное название – «Соглашение 12 декабря»), предписывающее Верховному Совету не принимать до проведения плебисцита поправки, нарушающие сложившийся баланс властей. Кроме того, на 11 апреля 1993 г. был назначен референдум по основным положениям Конституции РФ. Достигнутый хрупкий компромисс позволял лишь взять паузу перед новым витком конфронтации.

Несмотря на старания младореформаторов, Запад во главе с США так и не предоставил стране ощутимой финансовой поддержки, вызвав с их стороны резкие оценки, а также рост антиамериканских настроений населения к концу года. Из широко разрекламированного пакета в 24 млрд долл. в 1992 г. Россия получила и могла реально использовать лишь 1,1 млрд долл., из которых 500 тыс. долл. были в виде гуманитарной помощи [23. С. 70]. Американский экономист Дж. Сакс, с декабря 1991 г. являвшийся советником российского Правительства, назвал подобную помощь «политическим жульничеством» [23. С. 72]. Зарубежные экономисты по прошествии времени отмечают, что помимо декларируемых целей – создание рыночной экономики, улучшение условий жизни граждан и пр. – были и скрытые, одной из которых являлось создание в будущем в нашей стране экономической системы, отвечающей интересам политиков на Западе [35. С. 123–124]. Главные же противоречия преобразований лежали не в идеологической, социальной или методологической плоскости, а были вызваны стремлением нарождавшихся элит получить свою долю собственности [35. С. 175–177].

Западные консультанты не пренебрегали возможностью извлечь выгоду для себя из сложившейся ситуации. Так, по словам Дж. Сакса, один из его коллег, профессор Гарвардского университета Андрей Шлейфер, имея контракт с американским Правительством на консультирование по приватизации российского руководства, в нарушение профессиональной этики осуществлял личные инвестиции в экономику нашей страны [36. С. 175]. Отставка Е.Т. Гайдара и назначение в декабре 1992 г. В.С. Черномырдина премьер-министром воспринимались зарубежными советниками как поражение радикальных реформ и возврат к централизованному планированию [23. С. 72]. Факти-

чески же эта рокировка ставила во главе Правительства человека с управленческим опытом в промышленности, переводила преобразования в более спокойное русло, позволявшее снизить социальное напряжение и учитывать специфику страны и текущего момента.

Одной из характерных черт второго этапа стало распространение «указного права», ставшего следствием делегированных Президенту на V СНД широких полномочий. Реформаторы стали действовать в обход законодателя, иницилируя беспрерывный поток указов. Происходила подмена последними законов, а в ряде случаев они были поставлены даже выше Конституции. Одним из наиболее ярких примеров стала ситуация с законом о приватизации от 1991 г., который предписывал получение гражданами именных приватизационных чеков, а указ Президента от 14 августа 1992 г. заменил их ваучерами на предъявителя [37. С. 4–6].

Однако линия на присвоение Б.Н. Ельциным себе дискреционных полномочий в области приватизации не была единственной. Проявлялась она и в сфере политики и государственного устройства: после выступления ГКЧП серией указов была запрещена на территории России деятельность компартии, а также предписано объединение министерств безопасности и внутренних дел. «Указное право» не было изобретением Б.Н. Ельцина, а является традиционным для нашей страны и использовалось еще Иваном Грозным, Петром I, Екатериной II и др., а в новейшее время – В.В. Путиным [38]. Развитие подобного феномена входило в противоречие с провозглашенным российскими властями принципом разделения властей. Признание же в 1992 г. КС неконституционными положений упомянутых выше указов Президента способствовало росту конфликтного потенциала судебной и исполнительной властей, в полной мере проявившегося в 1993 г.

По-прежнему велись дискуссии по поводу пути конституционной реформы: принимать новый Основной закон или продолжать вносить поправки в действовавший. Несмотря на растущую заинтересованность Б.Н. Ельцина в новой Конституции, даже среди либералов и его ближайших соратников не было единства по этому вопросу. Так, А.А. Собчак, предложивший в начале года свой вариант Основного закона, уже в ноябре говорил о невозможности принятия полноценного проекта и предлагал ограничиться временным законом о разграничении полномочий представительных и исполнительных структур власти [27. Т. 3, ч. 2. С. 34–35].

Одни из его наиболее активных участников костяка Конституционной комиссии – Л.Б. Волков и В.Л. Шейнис – призывали не торопиться и высказывались в поддержку принятия отдельных конституционных законов и деклараций вместо цельного текста, который тогда было сложно провести через Парламент [27. Т. 3, ч. 2. С. 1008–1009, 1056]. Более того, Л.Б. Волков предлагал принять два Основных закона, один как идеологический ориентир, на века, с отсроченным вступлением в силу, второй – в виде переходных положений на 3–5 лет, который «можно будет

менять по ходу развития нового проекта» [27. Т. 3, ч. 2. С. 1009–1010]. Отметим, что подобный подход отвечал бы интересам радикальных реформаторов, ожидавших, что с первыми успехами преобразований будет проще решить в свою пользу вопрос о власти.

Подобные воззрения коллег Комиссии контрастировали со взглядами ее неформального лидера О.Г. Румянцева, последовательно настаивавшего на необходимости принятия полноценного нового Основного закона. Все это лишний раз свидетельствовало о нарастающем расколе и невозможности принятия документа, который устраивал бы главные политические силы и способствовал бы консолидации общества. В итоге VII СНД постановил продолжить работу над проектом Конституционной комиссии. Верховному Совету поручалось завершить постатейное рассмотрение доработанного текста в феврале-марте 1993 г., после чего его следовало внести на рассмотрение Съезда, который планировалось специально посвятить теме нового Основного закона.

По мере нарастания кризиса все менее актуальной становилась позиция костяка Конституционной комиссии, который предлагал опираться на классический для либеральной теории баланс властей. Так, в ноябре Верховный Совет отказался объединить усилия с Комиссией, не пожелав подключить ее к работе над поправками в действовавший Основной закон [31. С. 190]. Имея собственное мнение по поводу ключевых вопросов, ответственный секретарь Конституционной комиссии и его коллеги не обладали достаточным политическим весом для их имплементации. Однако их наработки были востребованы обеими сторонами конфликта. Верховный Совет вносил правки в текст Комиссии, а «Проект “0”» С.М. Шахрая, хотя и был оформлен как самостоятельный, содержал многочисленные заимствования из разработанного ею варианта: как показал анализ экспертов, они касались порядка 70% статей [27. Т. 5. С. 821]. Кроме того, назначение 14 декабря 1992 г. лояльного Б.Н. Ельцину Н.Т. Рябова вторым заместителем председателя Конституционной комиссии (напомним, до этого первым и единственным был Председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов), наглядно демонстрировало, что она всерьез рассматривается ключевыми акторами не только как значимая площадка для работы над Конституцией, но и для политической борьбы.

По-прежнему оставалась сложной ситуация во взаимоотношениях Центра и регионов: продолжилось противостояние двух принципиально разных подходов к формированию федерации – конституционной и договорной. Сторонниками первого выступали центральные власти и Конституционная комиссия, второго – региональные элиты. Знаковым моментом стало состоявшееся 31 марта подписание ФД с последующим его одобрением на VI СНД и включением в текст Конституции 1978 г. в качестве ее составной части. В его основу было заложено национально-государственное, национально-территориальное и административно-территориальное устройство. Документ был разделен на три части по количеству видов субъектов. Как отмечает депутат Верховного Со-

вета того времени В.Б. Исаков, заключение ФД явилось свидетельством дублирования конституционного процесса и его разделения на «конституционную» и «договорную» части [27. Т. 6. С. 803]. Причины подобной двойственности заключались в поиске компромиссов с региональными элитами, почувствовавшими вкус к сепаратизму и добивавшимися расширения своих полномочий. Однако ни подготовка документа, ни даже его принятие не остановили эти процессы. Так, Татарстан, выступивший в роли застрельщика в «параде суверенитетов» (Верховный Совет республики принял соответствующую декларацию еще 30 августа 1990 г.), и Чечено-Ингушетия отказались подписать ФД. Они требовали для себя отдельные соглашения и приняли Конституции, противоречившие Основному Закону России. Некоторые из тех, кто завизировал документ, также принимали Конституцию (Якутия) или поправки к действующей (Башкортостан), которые шли вразрез с российским законодательством [31. С. 141]. Российское руководство получило ситуацию зеркальную той, что была в 1990–1991 гг., когда Б.Н. Ельцин и его команда в борьбе за власть с союзным Центром противопоставляли себя ему и стремились принять в республике новый Основной закон раньше, чем тот будет разработан для СССР.

Как и в предыдущем периоде, федеративный вопрос был тесно связан с борьбой за власть. В отличие от 1990–1991 гг., когда имело место противостояние между российским и союзным лидерами, на этот раз оно разворачивалась между Президентом и Парламентом. Обе стороны заигрывали с региональными элитами и потворствовали росту appetites последних. Так, Председатель Верховного Совета Башкортостана М.Г. Рахимов на встрече глав республик с Б.Н. Ельциным в октябре 1992 г. выразил пожелание о предоставлении регионам больших прав, чем было закреплено в ФД. Эта инициатива нашла поддержку у российского лидера. Тогда же был образован Совет глав республик во главе с Президентом РФ, который должен был содействовать выработке принципов реализации ФД на основе новой Конституции [31. С. 132]. И хотя в декабре обсуждение вопроса приведения конституционной реформы в республиках в соответствие с законодательством России было вынесено на обсуждение Верховного Совета, никаких принципиальных решений принято не было, и проблема перешла на следующий год [31. С. 143–146].

Нельзя не отметить определенную деструктивную роль «западных партнеров» в росте сепаратизма республик. Пусть она и не стала решающей, но, безусловно, добавляла нервозность в и без того напряженную атмосферу. Уже в начале 1992 г. делегация Татарстана присутствовала в Совете Европы. При этом Венецианская комиссия (консультативный орган по конституционному праву, созданный при Совете Европы), представители которой на уровне экспертов принимали участие в обсуждении конституционной реформы в РФ и консультировали своих российских коллег, нашли обоснование независимости и сувере-

нитету Казани, ссылаясь на международные нормы [32. С. 197].

Подводя итоги второго этапа становления российского конституционализма в новейшее время, следует отметить, что раскол, наличие которого члены Конституционной комиссии констатировали еще летом 1990 г., усиливался в течение 1992 г. и к его окончанию оформился в кризис двоевластия. Требования Кремля и Белого дома становились взаимоисключающими, а видимые компромиссы все больше напоминали передышку перед грядущими столкновениями. Основной закон (новый или отредактированный действовавший) все отчетливее превращался в инструмент борьбы за власть, нежели документ, призванный объединить общество.

Важнейшим итогом данного периода стал провал попытки импорта зарубежных моделей, причем как в экономике, так и в конституционном строительстве. Избавившись, как тогда казалось многим в российском руководстве, от диктата союзного Центра и получив возможность реализовать новые идеи, их инициаторы столкнулись с тем, что те не работают на практике. Этому сопутствовало разочарование в Западе, появившееся в обществе и во власти. Неудачу эксперимента с радикальными экономическими реформами по рецептам МВФ признавали даже их убежденные сторонники в России и за рубежом. Закон ментальной идентичности показал себя в действительности. В.Д. Попов справедливо отмечает, что гайдаровские реформы игнорировали народные архетипы [19. С. 62]. В погоне за макроэкономическими показателями технократы потеряли человека. Это шло вразрез с декларируемым ими стремлением к разрыву с «тоталитарным» прошлым и движением к демократии, приоритетом прав человека и пр.

На конституционном поле показала свою несостоятельность классическая либеральная модель, предполагавшая в числе прочего разделение властей. Сегодня участники работы над проектом Основного закона страны в качестве одной из причин этого называют ее неактуальность уже к моменту проведения реформ. Об этом, в частности, говорят член Конституционной комиссии В.Д. Мазаев и ее эксперт Ю.А. Тихомиров [10]. Можно дискутировать по поводу причин фиаско выбранной конструкции, но факт остается фактом. На вопрос о том, когда же именно в новейшей российской истории проявилась принципиальная непригодность западных моделей – политической, экономической и конституционализма, можно уверенно ответить: достаточно быстро – в 1992 г., т.е. в первый же год после обретения Россией статуса независимого государства. К его окончанию стало понятно, что в соответствии с многовековыми традициями нашей страны остаться на вершине пирамиды власти, а значит, взять на себя ответственность за вывод страны из кризиса должна какая-то одна сила – Президент и его команда или Парламент во главе со спикером, а продолжение противостояния угрожает существованию государства. Ответ на вопрос, кто это будет, дал следующий 1993 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оффе К. Культурные аспекты консолидации: заметки об особенностях посткоммунистической трансформации // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1998. № 1 (22). С. 9–13.
2. Elster J., Offe C., Preuss U. Institutional Design in Post Communist Societies. Rebuilding the Ship at Sea. New York : Cambridge UP, 1998. 364 p.
3. Мельвил А.Ю. Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность : хрестоматия / отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М. : МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. С. 337–368.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2014. 571 с.
5. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 636 с.
6. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М. : Российская политическая энциклопедия; РОССПЭН, 1999. 320 с.
7. Вольский А.И. «Жила-была страна родная и нету других забот...» (Избранные доклады и выступления). М. : ООО «Промиздатцентр» 2002. 408 с.
8. Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М. : АИРО-XX, 2001. 304 с.
9. Къеза Д. «Прощай, Россия!». М. : Гея, 1998. 272 с.
10. Стенограмма юбилейного заседаний Конституционного клуба 6 декабря 2018 г. // Конституционный вестник. 2019. № 4 (22). С. 19–88.
11. Нуссбергер А. Конституционная шоковая терапия в России // Конституционный вестник. 2008. № 1 (19). С. 64–77.
12. Станских С.Н. Учреждение Конституционной комиссии // Конституционный вестник. 2010. № 2 (20). С. 110–143.
13. Ельцин Б. Записки президента. М. : Синдбад, 2015. 496 с.
14. Гайдар Е. Дни поражений и побед. М. : Альпина Паблишер, 2014. 400 с.
15. Приватизация по-русски / под ред. А.Б. Чубайса. М. : ВАГРИУС, 2000. 368 с.
16. Полозков С. Приватизация по Чубайсу. Ваучерная афера. Расстрел парламента. М. : Книжный мир, 2014. 320 с.
17. Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М. : Эксмо; Алгоритм, 2012. 509 с.
18. Шарлет Р. Правовые трансплантации и политические мутации: рецепция конституционного права в России и в новых независимых государствах // Конституционное Право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 2 (27). С. 14–21.
19. Попов В.Д. Социальный психоанализ в России: проблемы и перспективы. М. : СПА-Консалтинг, 1997. 176 с.
20. Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 150 с.
21. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. СПб. : Нестор-История, 2014. 468 с.
22. Бунин А. Осень олигархов. История приватизации и будущее России. М. : Яуза; Эксмо, 2005. 448 с.
23. Шенин С.Ю. Возвращение в Россию. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2008. 384 с.
24. Костиков В.В. Роман с президентом. М. : Вагриус, 1997. 351 с.
25. Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента: в 2 т. М. : Моск. центр Карнеги; ФОНД ИНДЕМ, 2005.
26. Создано Российское движение демократических реформ // Коммерсантъ. 1992. № 108. 24 февраля.
27. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцев. М. : Волтерс Клувер; Фонд конституционных реформ, 2007–2010.
28. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1938–2002. М. : Аспект Пресс, 2003. 540 с.
29. Интервью с О.Г. Румянцевым. М. Сентябрь 2018 г. // Личный архив автора.
30. Служебная записка С.М. Шахрая на имя Б.Н. Ельцина от 05.04.1992 // Открытая экспозиция в Ельцин-центре.
31. Румянцев О.Г. Конституция девяносто третьего. История явления. М. : Издательство РФ, 2018. 400 с.
32. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. М. : Красная Звезда, 2013. 320 с.
33. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М. : РЮИД; «Сашко», 2000. 528 с.
34. Исаков В.Б. Госпереворот. Парламентские дневники. 1992–1993. Екатеринбург : ИПП «Уральский рабочий», 1997. 478 с.
35. Ослунд А. Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. М. : Логос, 2011. 720 с.
36. Сакс Д. Конец бедности. Экономические возможности нашего времени. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 424 с.
37. Лучин О.В. «Указное право» в России. М. : ХГЦ «Велес», 1996. 62 с.
38. Лукьянова Е.А. Указное право // Журнал российского права. 2001. № 10. С. 55–67.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 29 июня 2020 г.

The Development of a New Russian Constitutionalism: Issues and Options in 1992

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 104–114.

DOI: 10.17223/15617793/456/12

Andrey D. Zhilkin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: andrey-efir@yandex.ru

Keywords: Constitution of Russia; Basic Law; Constitutional Commission; President of Russia; Parliament of Russia; Congress of People's Deputies; reforms.

There is no current conception of the general framework of the new Russia constitutionalism chronology of the early 1990s. The author proposes one. The article is devoted to the second period of establishing constitutionalism which covers year 1992. During the first one (June 1990 – December 1991) the republican leaders started the state-building of Russia and started the struggle for power with the central authorities in the USSR era. The third period (1993) was the crisis of the duality of power which occurred because of the conflict between the president's team and the parliament and its settlement. The author employs historical, comparative, and behavioral research approaches to examine the pace of the constitutional reform in 1992, and the main trends, events, and actors that influenced it. After the collapse of the USSR, Russian authorities could pursue an independent policy. The main actors were able to map out their own action without referring to the Soviet government. The economic reforms performed by Egor Gaidar became the key issue of this period, they made great influence on all spheres, including political and social ones. With this background, the author is trying to relate them to the constitutional process. This approach seems relevant because, as early as in 1990, during First Congress of People's Deputies of the RSFSR, politicians said the 1978 Soviet Constitution of Russia was based on the principles that prevented the conduct of an appropriate economic policy. It is remarkable that in this period both economic and constitutional transformations used western patterns. The question arises if this way was compatible with national traditions especially in the context of the constitutional reform announced by Russian President Vladimir Putin at the beginning of year 2020 and the contemporary trend of the na-

tionalization of law, economy, and establishment. This research shows that, by the end of the examined period, the irrelevance of imported ideas not only for economy, as stated by different authors, but also for the newly created Basic Law became obvious. This article is based on the published materials of the Constitutional Commission that worked in 1990–1993 and on interviews with its members. The author also uses memoirs of contemporaries of the examined events, research of Russian and foreign constitutionalists and economists on the Russian reforms of the early 1990s and the general-purpose analysis of the features of political, social, and economic transformations in different countries, including the late USSR and the post-Soviet Russia.

REFERENCES

1. Offe, C. (1998) Kul'turnye aspekty konsolidatsii: zametki ob osobennostyakh postkommunisticheskoy transformatsii [Cultural aspects of consolidation: notes on the features of post-communist transformation]. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 1 (22). pp. 9–13.
2. Elster, J., Offe, C. & Preuss, U. (1998) *Institutional Design in Post Communist Societies. Rebuilding the Ship at Sea*. New York: Cambridge UP.
3. Mel'vil', A. Yu. (2000) Demokraticheskie tranzity, tranzitologicheskie teorii i postkommunisticheskaya Rossiya [Democratic Transits, Transitological Theories and Post-Communist Russia]. In: Voskresenskiy, A.D. (ed.) *Politicheskaya nauka v Rossii: intellektual'nyy poisk i real'nost': khrestomatiya* [Political Science in Russia: Intellectual Search and Reality: An Anthology]. Moscow: MONF; OOO "Izdatel'skiy tsentr nauchnykh i uchebnykh programm". pp. 337–368.
4. Khantington, S. (2014) *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Translated from English. Moscow: AST.
5. Said, E. (2006) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Conceptions of the Orient]. Translated from English. Saint Petersburg: Russkiy mir".
6. Pshevorskiy, A. (1999) *Demokratiya i rynek. Politicheskije i ekonomicheskie reformy v Vostochnoy Evrope i Latinskoj Amerike* [Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya; ROSSPEN.
7. Vol'skiy, A.I. (2002) "Zhila-byla strana rodnaya i netu drugikh zabor..." (Izbrannye doklady i vystupleniya) ["Once Upon a Time There Was a Native Country and There Were No Other Worries..."] (Selected Reports and Speeches). Moscow: OOO "Promizdatstsent".
8. Cohen, S. (2001) *Proval krestovogo pokhoda. SShA i tragediya postkommunisticheskoy Rossii* [Failed Crusade: America and the Tragedy of Post Communist Russia]. Translated from English. Moscow: AIRO-XX.
9. Chiesa, G (1998) "Proshchay, Rossiya!" ["Farewell, Russia!"]. Translated from English. Moscow: Geya.
10. *Konstitutsionnyy vestnik*. (2019) Stenogramma yubileynogo zasedaniya Konstitutsionnogo kluba 6 dekabrya 2018 g. [Transcript of the anniversary meeting of the Constitutional Club on December 6, 2018]. 4 (22). pp. 19–88.
11. Nussberger, A. (2008) Konstitutsionnaya shokovaya terapiya v Rossii [The constitutional shock therapy in Russia]. *Konstitutsionnyy vestnik*. 1 (19). pp. 64–77.
12. Stanskikh, S.N. (2010) Uchrezhdenie Konstitutsionnoy komissii [Establishment of the Constitutional Commission]. *Konstitutsionnyy vestnik*. 2 (20). pp. 110–143.
13. El'tsin, B. (2015) *Zapiski prezidenta* [Notes of the President]. Moscow: Sindbad.
14. Gaydar, E. (2014) *Dni porazheniy i pobed* [Days of Defeats and Victories]. Moscow: Al'pina Publisher.
15. Chubays, A.B. (ed.) (2000) *Privatizatsiya po-rossiyski* [Privatization: Russian Style]. Moscow: VAGRIUS.
16. Polozkov, S. (2014) *Privatizatsiya po Chubaysu. Vauchernaya afera. Rasstrel parlamenta* [Privatization by Chubais. The Voucher Scam. The Shooting of Parliament]. Moscow: Knizhnyy mir.
17. Poltoranin, M.N. (2012) *Vlast' v trotilovom ekvivalente. Nasledie tsarya Borisa* [Power in TNT equivalent. The legacy of Tsar Boris]. Moscow: Eksmo; Algoritm.
18. Sharlet, R. (1999) Pravovye transplantatsii i politicheskije mutatsii: retseptsiya konstitutsionnogo prava v Rossii i v novykh nezavisimyykh gosudarstvakh [Legal transplantation and political mutations: the reception of constitutional law in Russia and in the New Independent States]. *Konstitutsionnoe Pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 2 (27). pp. 14–21.
19. Popov, V.D. (1997) *Sotsial'nyy psikhoanaliz v Rossii: problemy i perspektivy* [Social Psychoanalysis in Russia: Problems and Prospects]. Moscow: SPA-Konsalting.
20. Bessonova, O.E. (2015) *Rynok i razdatok v rossiyskoy matritse: ot konfrontatsii k integratsii* [Market and Distribution in the Russian Matrix: From Confrontation to Integration]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
21. Kirdina, S.G. (2014) *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu* [Institutional Matrices and the Development of Russia. An Introduction to X-Y Theory]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
22. Bunich, A. (2005) *Osen' oligarkhov. Istoriya prikhvatizatsii i budushchee Rossii* [The Autumn of the Oligarchs. the History of Privatization and the Future of Russia]. Moscow: Yauza; Eksmo.
23. Shenin, S.Yu. (2008) *Vozvrashchenie v Rossiyu* [Return to Russia]. Saint Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University.
24. Kostikov, V.V. (1997) *Roman s prezidentom* [An Affair with the President]. Moscow: Vagrius.
25. Sheynis, V.L. (2005) *Vzlet i padenie parlamenta: v 2 t.* [The Rise and Fall of Parliament: In 2 Volumes]. Moscow: Mosk. tsentr Karnegi; FOND INDEM.
26. *Kommersant*". (1992) Sozdano Rossiyskoe dvizhenie demokraticheskikh reform [The Russian Movement for Democratic Reforms has been created]. 108. 24 February.
27. Rummyantsev, O.G. (ed.) (2007–2010) *Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.): v 6 t.* [From the History of the Creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: Transcripts, Materials, Documents (1990–1993): In 6 Volumes]. Moscow: Volters Kluver; Fond konstitutsionnykh reform.
28. Barsenkov, A.S. & Vdovin, A.I. (2003) *Istoriya Rossii. 1938–2002* [The History of Russia. 1938–2002]. Moscow: Aspekt Press.
29. Author's Archive. (2018) *Interv'yu s O.G. Rummyantsevym* [Interview with O.G. Rummyantsev]. Moscow. September 2018.
30. Open Exhibition in the Yeltsin Center. (1992) *Sluzhebnyaya zapiska S.M. Shakhraya na imya B.N. El'tsina ot 05.04.1992* [Service note from S.M. Shakhrai addressed to B.N. Yeltsin of 05.04.1992].
31. Rummyantsev, O.G. (2018) *Konstitutsiya devyanosto tret'ego. Istoriya yavleniya* [The Constitution of '93. The History of the Phenomenon]. Moscow: Izdatel'stvo RG.
32. Shakhray, S.M. (2013) *Neizvestnaya Konstitutsiya. Constitutio incognita* [The Unknown Constitution. Constitutio incognita]. Moscow: Krasnaya Zvezda.
33. Avak'yan, S.A. (2000) *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'* [The Constitution of Russia: Nature, Evolution, Modernity]. 2nd ed. Moscow: RYUID; "Sashko".
34. Isakov, V.B. (1997) *Gosperevorot. Parlamentskie dnevniki. 1992–1993* [The Coup. Parliamentary Diaries. 1992–1993]. Yekaterinburg: IPP "Ural'skiy rabochiy".

35. Aslund, A. (2011) *Stroitel'stvo kapitalizma. Rynochnaya transformatsiya stran byvshego sovetskogo bloka* [Building Capitalism: The Transformation of the Former Soviet Bloc]. Translated from English. Moscow: Logos.
36. Sachs, J. (2011) *Konets bednosti. Ekonomicheskie vozmozhnosti nashego vremeni* [The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time]. Translated from English. Moscow: Izd-vo In-ta Gaydara.
37. Luchin, O.V. (1996) "Ukaznoe pravo" v Rossii ["Rule by Decree" in Russia]. Moscow: KhGTs "Veles".
38. Luk'yanova, E.A. (2001) Ukaznoe pravo [Rule by decree]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 10. pp. 55–67.

Received: 29 June 2020

И.А. Павлова, О.П. Недоспасова

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ: ОТ УТОЧНЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ К РАЗРАБОТКЕ РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО ПОВЫШЕНИЮ СТЕПЕНИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В СОЦИУМЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения» (проект № 19-18-00300).

Критически осмысливаются существующие подходы к определению феномена «ресурсный потенциал старшего поколения», а также анализируются результаты работы с фокус-группами по широкому комплексу вопросов, связанных с оценкой степени его реализации на примере Томской области. В качестве результата работы фокус-групп сформулированы предложения о возможных мерах, необходимых для повышения степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения.

Ключевые слова: ресурсный потенциал; человеческий потенциал; старшее поколение; благополучие; Томская область.

Введение

Новый виток интереса к концепции активного долголетия возникает на волне глобального демографического кризиса 1990-х гг., когда устойчиво начинает расти доля лиц третьего (60+) и, особенно, четвертого (75+) возраста при одновременном сокращении численности трудоспособного населения и детей. В современном мире все заметнее необратимое изменение возрастной структуры населения, в которой дети и пожилые фактически меняются местами. Это привело к значительному увеличению нагрузки на все социально-экономические институты, связанные с реализацией человеческого потенциала, и способствовало развитию научного подхода, признающего высокую значимость продуктивного долголетия старшего поколения.

В стратегическом документе ЕС «Европа для всех возрастов» [1] обозначены основные угрозы демографических изменений: увеличение спроса на услуги социального обслуживания, рост расходов на пенсионное обеспечение и социальные гарантии, рост потребностей лиц старшего возраста, неравенство в доступе к ресурсам и разнообразие социальных рисков для старшего поколения. Именно в этом контексте развивается большая часть современных мировых исследований. Старение и в самом деле создает немалые проблемы, но те изменения, которые делают его неизбежным, создают также и основу для решения порождаемых им проблем. Этим объясняется рост исследовательского интереса к изучению ресурсного потенциала старшего поколения и полноты его реализации, способной принести экономике и обществу ценные дивиденды. Все больше экспертов начинают говорить о людях старшего поколения не как о «серебряном цунами» [2], сметающем все на своем пути, а как о ценном и в значительной степени недооценённом ресурсе и драйвере социально-экономического развития.

Старение населения ведет к существенным изменениям социально-экономической системы: появляются рынки новых товаров и услуг, повышающих качество жизни пожилых людей и их вовлеченность в социум. Возникают новые профессии и рабочие места (прежде всего в сфере социальных и медицинских услуг, обра-

зования и досуга для людей старшего возраста), стимулируются научные исследования и связанные с ними инвестиции, расширяется социальная инфраструктура, увеличивается совокупный ресурсный потенциал общества и т.д. Дэвид Иток в докладе Европейской комиссии дал универсальное определение «серебряной экономике» как использованию возможности человека в период времени, называемый «старением», а также удовлетворению растущего числа потребностей нового рынка услуг для пожилых людей [3]. Об усилении таких процессов свидетельствуют, например, результаты исследования американского инвестиционного банка «Merrill Lynch Securities», который в 2014 г. опубликовал данные о том, что люди пенсионного возраста открывают свое дело в 3 раза чаще, чем молодежь, а благодаря богатому жизненному и профессиональному опыту зрелые предприниматели оказываются даже более подготовленными к бизнес-старту, чем молодые.

Предприниматели старшего возраста в США, несмотря на устойчивый стереотип о них как о главных потребителях социальных услуг, фактически являются для экономики донорами, а не реципиентами. Только налоговый вклад пожилых американских предпринимателей составляет для федерального бюджета до 120 млрд долл. ежегодно [4]. По оценкам французских исследователей, люди старше 55 лет в период с 2015 по 2030 г. будут обеспечивать две трети от общего прироста совокупного потребления Франции [5]. Интересные и важные выводы об экономической роли старшего поколения были также получены британскими исследователями. Согласно данным за 2010 г., государственные расходы на пожилых людей в Соединенном Королевстве (через пенсионное, социальное обеспечение и здравоохранение) составили 136 млрд фунтов стерлингов. Однако при этом пожилые внесли около 55 млрд фунтов стерлингов в качестве налогов и финансовых вкладов, 76 млрд фунтов стерлингов – в качестве потребительских расходов и еще 44 млрд фунтов стерлингов – за счет таких ощутимых выгод, как социальная помощь и волонтерство. Это означает, что пожилые британцы обеспечивают обществу ежегодный чистый доход в размере около 40 млрд фунтов стерлингов, который к 2030 г. может увеличиться вдвое [6].

Благодаря убедительным результатам этих и других исследований, посвященных комплексной оценке экономической роли старшего поколения в современном обществе, концепция «серебряной экономики» [7, 8] в последние годы влилась в более широкую научную парадигму экономики старения «Economics of Ageing» [9–11], изучающую максимально возможный спектр взаимодействий демографических, социальных и экономических изменений. Эти изменения проявляются в сфере экономики труда, семейной экономики, здравоохранения, социального обеспечения, распределения доходов, социальной мобильности, миграции, производительности, структурных изменений, экономического роста и развития, изменений в социальной политике.

В данной статье критически осмысливаются существующие подходы к операционализации феномена «ресурсный потенциал старшего поколения», анализируются результаты работы с фокус-группами по широкому комплексу вопросов, связанных с оценкой степени его реализации и предложения экспертов о мерах, желательных для повышения степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения.

Терминологические особенности понятия «ресурсный потенциал»

В контексте проведения исследования ресурсного потенциала старшего поколения необходимо провести

операционализацию самого термина, т.е. следует, в первую очередь, сформулировать его рабочее определение. В целом исследования в данной области не являются уникально новыми, и на достаточном уровне данный аспект уже получил свое развитие в рамках теории человеческого капитала, рассматриваемого преимущественно как особый вид нематериального богатства индивида и общества, накапливаемого на протяжении всей жизни человека и приносящего отдачу (материальные и нематериальные выгоды) индивиду, компаниям, обществу в целом. Ресурсный потенциал личности определяется как совокупность качеств субъекта или особое интегральное качество, способствующие реализации / самореализации субъекта, т.е. определяет и обеспечивает эффективность осуществления им в данных объективных условиях всех видов жизнедеятельности [12]. В системе ресурсного потенциала личности можно выделить следующие подсистемы (группы основных показателей для оценки качества потенциального ресурса личности) (табл. 1).

Авторы данного исследования исходили из того, что потенциал любого государства и любого общества заключается в его гражданах, роль же институтов состоит в более полном развитии и раскрытии этого потенциала [13]. Следовательно, актуальным становится вопрос о роли различных институтов в его формировании, корректности оценки отдачи от его использования на уровне индивида, компании, социума [14].

Таблица 1

Система ресурсного потенциала личности [12]

Подсистема ресурсного потенциала личности	Характеристики подсистемы ресурсного потенциала личности
Интеллектуально-психологические качества	Глубина и особенности интеллекта, когнитивные способности, ценностные ориентации, уровень притязаний, направленность интересов, психоземotionalные процессы
Коммуникативные качества	Способности к установлению контактов, общению, информационному обмену, убеждению
Организаторские и волевые качества	Внутренняя собранность и целеустремленность, лидерские способности, дисциплина, требовательность к себе и окружающим
Нравственно-этические качества	Приверженность нравственным принципам и нормам профессиональной этики, добросовестность, коллективизм, трудолюбие
Социально-психологическая компетентность	Способность к взаимодействию с окружающими, умение ориентироваться в социальных ситуациях и конфликтах, адекватная социальная рефлексия и эмпатия

В контексте теории развития человеческого капитала принято дифференцировать человеческий потенциал и человеческий капитал, при этом потенциал личности целесообразно определять как неактивизированный резерв индивида, незадействованные возможности реализации личности в экономике и обществе.

Несмотря на то, что в экономических исследованиях между понятиями человеческого потенциала и капитала зачастую ставится знак равенства, следует все же потенциал понимать как возможность реализации / самореализации личности, а не как факт реализации. В этом плане интересным является кейс Индекса человеческого развития (Human Development Index, HDI, ИЧР), предложенный в 1990-х гг. ООН [15]. Данный индекс оценивает уровень человеческого развития через три субиндекса:

– субиндекс дохода, включающий показатель валового национального дохода на душу населения;

– субиндекс образования (грамотности), состоящий из двух показателей – среднее количество лет обучения и ожидаемое количество лет обучения;

– субиндекс здоровья, включающий показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

По факту данный интегральный индекс характеризует человеческий потенциал страны (территории). На русском языке в переводном варианте он некоторое время использовался как Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), а в настоящее время переводится и используется как Индекс человеческого развития. Данный кейс хорошо иллюстрирует, что граница между пониманием терминологических особенностей человеческого капитала и человеческого потенциала может оказаться размытой. Этот факт не преуменьшает важности разграничения терминов для двух по сути разных феноменов в целях разработки государственной политики и государственного управления, где неверная трактовка чревата некорректными программами развития,

неправильными мерами социальной поддержки, адресованными не тем целевым группам населения.

Исследовательское внимание к обозначенным проблемам привело к решению о начале в 2018 г. Всемирным банком «Проекта развития человеческого капитала» и введению новой метрики – Индекса человеческого капитала (Human Capital Index, ИЧК) [16]. С его помощью планируется ежегодно измерять объем человеческого капитала, который родившийся сегодня ребенок может рассчитывать накопить (с поправкой на риск, связанный с ненадлежащим качеством здравоохранения и образования в стране, где этот ребенок живет). ИЧК как перспективный показатель, отражающий производительность и отдачу от инвестиций после того, как ребенок вырастет и начнет трудовую деятельность, включает три компонента:

- выживаемость детей с момента рождения до достижения ими школьного возраста (5 лет);
- ожидаемое количество лет обучения в школе (с поправкой на качество этого обучения);
- состояние здоровья, оцениваемое по распространенности детской низкорослости и выживаемости взрослых).

Интегральное значение ИЧК для каждой страны (в 2018 г. оценки были проведены для 157 стран) по замыслу его разработчиков отражает потенциальный объем человеческого капитала будущего поколения в сопоставлении с эталонным (равным 1) значением, соответствующим полноценному здоровью и наилучшему уровню образования.

Стремление операционализировать термин «ресурсный потенциал старшего поколения» показало, что современные подходы к оценкам потенциала человека и возможностей его реализации отражают не только развитие базовых идей основоположников теории человеческого капитала, но и хорошо согласуются со взглядами, выдвинутыми еще в начале XVIII в. Адамом Смитом, утверждавшим, что «приобретение... способностей... в течение... воспитания, обучения или ученичества, всегда требует действительных издержек, которые представляют собой основной капитал, который как бы реализуется в личности. Эти способности, являясь частью состояния такой личности, становятся также частью богатства всего общества» [17]. Развивая эту мысль в теории человеческого капитала, Г. Беккер (G. Becker) подчеркивал важность учета в оценке таких факторов, как образование и профессиональная подготовка, здравоохранение, воспитание детей (в том числе в семье) [18], что, безусловно, будет сказываться на масштабах и качестве человеческого потенциала личности и человеческого капитала, уже реализованного в социально-экономическом развитии социума.

Современные подходы к оценке ресурсного потенциала старшего поколения

В международной практике с 2012 г. активно используется Индекс активного долголетия (Active Ageing Index, AAI), являющийся инструментом количественного оценивания возможности и способности

реализации ресурсного потенциала старшего поколения по ряду направлений социально-экономического развития, включая участие пожилых людей на рынке труда и в социальной жизни общества [19. С. 69]. Данный интегральный индекс является революционным в оценке ресурсного потенциала пожилых людей, так как проект по разработке и внедрению AAI имеет практической целью имплементацию понятия активного долголетия в теорию и практику государственного управления на национальном и региональном уровнях. Данный индекс призван продемонстрировать, как ресурсный потенциал старшего поколения может стать важнейшим активом для социального прогресса при условии увеличения продолжительности жизни и улучшения качества жизни пожилых людей. AAI нацелен на оценку и раскрытие нереализованного вклада – незадействованного потенциала (с англ. untapped potential) – старшего поколения для более активного участия в социально-экономической жизни общества при условии независимой и самодостаточной жизни [20].

AAI включает в себя 22 индикатора в четырех доменах: (1) занятость; (2) участие в социальной жизни; (3) независимое, здоровое и безопасное проживание; (4) возможности и благоприятная среда для активного долголетия. Несмотря на то, что индекс, в первую очередь, был разработан для оценки активного долголетия в странах Европейского союза, в настоящее время проект охватывает также другие страны и регионы, в том числе с учетом адаптации методики под условия разных стран. Лидерами по применению индекса для регионов одной страны являются Италия, Испания и Германия, а ряд стран – Мальта, Чехия и Польша – уже даже институционализировали применение индекса в своих национальных стратегических документах, ориентированных на реализацию программ по активному долголетию [21]. Несмотря на такой существенный вклад в исследования ресурсного потенциала старшего поколения, AAI подвергается критике за то, что он скорее измеряет уже имеющиеся достижения по реализации потенциала, нежели сами возможности для реализации такого потенциала [22].

Тем не менее все же не стоит, безусловно, преуменьшать значимость этого важного инструмента, ориентированного на старшее поколение, который стал популярным не только среди исследователей, но и практиков (для статистических ведомств, государственных служб и органов власти). Необходимо учитывать многоплановость ресурсного потенциала старшего поколения во всех его проявлениях, не ограничивая себя только одним аспектом данного объекта. Так, например, исследования подтверждают [23], что именно высокий уровень независимости, здоровья и безопасности в пожилом возрасте, а также большой потенциал для активного долголетия генерируют самые большие возможности для значимых межпоколенческих взаимодействий между «молодым» (18–30 лет) и «старшим» (70–90 лет) поколениями, что само по себе важно для инклюзивного и устойчивого развития социума. Именно эти факторы способствуют межпоколенческой связанности общества, а не высокий уровень занятости, волон-

терской деятельности, заботы и ухода, а также политической активности со стороны пожилых людей. Здесь, вопреки общественному мнению, «продуктивное старение» само по себе не приведет к большей межпоколенческой интеграции [23].

Опираясь на классические постулаты, современные исследователи склоняются к мнению о том, что в основу корректного определения и оценки ресурсного потенциала индивида могут быть включены факторы внутренней среды (микроуровень) такие как уровень / степень развития имеющихся качеств, степень стремления / мотивации на достижение, а также возможности, обеспечиваемые институциональной средой, или факторы внешней среды (макроуровень). Например, З.П. Замараева [12] выделяет следующие категории, которые можно использовать в оценке ресурсного потенциала личности, представленные ниже.

1. Уровень / степень развития качеств личности:

- уровень трудоспособности (трудоспособность существенно не ограничена);
- уровень образования (образование высшее, незаконченное высшее, среднее специальное и др.);
- уровень материального обеспечения (низкий, средний, высокий) и т.п.

2. Степень стремления / мотивации на достижение:

- степень стремления приобретать новые знания и навыки;
- уровень мотивации на самообеспечение;
- степень мотивации на занятость;
- степень мотивации на оказание помощи другим людям и т.д.

3. Возможности институциональной среды:

- возможность в трудных жизненных ситуациях получить помощь от друзей, родственников, детей, соседей;
- возможность в трудных жизненных ситуациях получить помощь от социальных служб и других организаций социального профиля;
- уровень доступности в трудной жизненной ситуации помощи от общественных организаций и др.

Среди основных составляющих для развития человеческого потенциала в России исследователи отмечают (1) необходимость усиления экономической составляющей в социальных институтах общества; (2) повышение уровня индивидуализированности в социальных отношениях внутри общества; (3) развитие лично-ориентированных подходов к пониманию устройства окружающего мира и системы социально-экономических отношений [24].

В контексте исследования человеческого потенциала старшего поколения отметим подход В.Г. Доброхлеб (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, лаборатория гендерных проблем, Москва), которая предложила методику оценки ресурсно-потенциального состояния как неактуализированного резерва через среднее значение следующих ресурсных потенциалов старшего поколения: ресурсный потенциал личности, ресурсный потенциал здоровья, возрастной потенциал, мо-

тивационный потенциал, материальный потенциал, общественный потенциал и институциональный потенциал [25].

В зарубежной литературе феномен ресурсного потенциала старшего поколения исследуется довольно давно, и к настоящему времени накоплен большой опыт по направлениям повышения реализации потенциала пожилых людей. Следует отметить, что возрастная граница отнесения индивида к старшему поколению весьма условна. Как правило, в развитых странах со средней продолжительностью жизни свыше 80 лет, к старшему поколению относят как мужчин, так и женщин старше 65 лет, не дифференцируя по гендерному признаку. В российской практике долгое время критерием отнесения к старшему поколению было наступление пенсионного возраста по старости (55+ для женщин и 60+ для мужчин), хотя в условиях увеличения продолжительности жизни такой возраст можно рассматривать в качестве активного трудоспособного. Подчеркнем, что вопрос реализации ресурсного потенциала ставится, в первую очередь, для представителей третьего возраста, когда еще имеются физические, эмоциональные, психологические и когнитивные резервы для генерации общественно значимого вклада в социально-экономическое развитие, в то время как представители четвертого возраста, в первую очередь, потребляют ресурсы, поэтому в данном случае ставится вопрос о максимально эффективной системе жизнеобеспечения и достойного старения представителей этого возраста.

Занятость представителей старшего поколения является одним из ключевых аспектов обоснования вклада пожилых людей в социально-экономическое развитие страны. Разные социальные группы среди пожилых людей имеют разную мотивацию к занятости – от получения дохода при стесненных жизненных обстоятельствах и морального удовлетворения [26] вплоть до возможности передачи опыта и знаний более молодым поколениям [27]. Появляется термин так называемой транзитной (или переходной) занятости (bridge employment), когда пожилые люди уходят с постоянной долгосрочной работы, где они уже реализовали себя профессионально, и устраиваются на условно временную работу прежде, чем полностью выйдут на пенсию и уйдут с рынка труда [28, 29].

Наравне с занятостью старшего поколения на рынке труда значительное внимание уделяется волонтерской и добровольческой деятельности как очень мощному каналу для реализации ресурсного потенциала пожилых людей. Несмотря на то, что не следует волонтерскую деятельность рассматривать как решение для абсолютно всех проблем в условиях экономики ресурсов, при должном обучении и справедливом вознаграждении волонтерство может принести ощутимый вклад в развитии общества [30]. Волонтерская деятельность по своему определению отрицает какую-либо коммерциализацию, однако современная статистика по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) учитывает ее вклад в валовый внутренний продукт (ВВП). Для этого используется два подхо-

да: через рыночную стоимость времени, затраченного волонтерами, или через рыночную стоимость произведенных ими товаров, работ и услуг. В среднем по странам ОЭСР эта величина равна 2% ВВП [31]. Волонтерская деятельность старшего поколения способна принимать очень разнообразные формы. Например, это может быть волонтерская работа в школах [32], деятельность в своем районе, которая будет нацелена на улучшение качества жизни и изменения среды по соседству [33], а также весьма неожиданная деятельность в качестве «коллег по исследованиям», когда пожилые люди после прохождения соответствующего обучения участвуют в проведении исследований и сборе полевых данных [34]. Представители старшего поколения представляют собой гигантский ресурс для общественных работ в интересах экологии и защиты климата. Потенциал пожилых людей в этой сфере часто недооценивается, стереотипно воспринимая старшее поколение как незаинтересованное в общественно значимых мероприятиях, зачастую ошибочно приписывая интерес к борьбе с изменением климата только молодому поколению [35].

Ресурсный потенциал пожилых людей зачастую не очевиден, впрочем, как и их деятельность в качестве ресурса поддержки представителей еще более старшего поколения – четвертого поколения. Неформальная деятельности в рамках семьи не получает должного внимания со стороны формальных институтов, в том время как долгосрочный уход зачастую ложится на плечи представителей третьего возраста [36]. В задачах же развития здорового образа жизни и развития общественных программ активного долголетия пожилые люди также играют исключительно важную роль и как генераторы инициатив, и как организаторы мероприятий [37].

Методы исследования

В целях изучения комплекса проблем, связанных с реализацией ресурсного потенциала старшего поколения в июне 2019 г. сотрудники Международной научно-образовательной лаборатории технологий улучшения благополучия пожилых людей (МНОЛ ТУБПЛ) Национального исследовательского Томского политехнического университета (НИ ТПУ) провели серию научно-экспертных семинаров на тему «Реализация ресурсного потенциала старшего поколения». Для проведения семинаров был использован метод фокус-групп, который, как известно, является качественным методом сбора информации и основан на эффекте групповой динамики [38]. Выбор метода фокус-группы для проведения исследования был обусловлен тем, что именно с его помощью можно генерировать новые идеи, проверять исследовательские гипотезы, подготовить инструментарий для количественных исследований, корректно интерпретировать результаты количественных исследований, выявить особенности поведения определенной группы людей. Метод фокус-групп предполагает дискуссию, которую организует и направляет модератор. Важным преиму-

ществом выбранного метода является возможность получения оперативной и глубинной информации от небольшой группы участников в ходе их ответов на вопросы типа «Почему?» и «Как именно?» (в отличие от социологического исследования, где респондентам задаются вопросы типа «Кто?», «Что?» и «Сколько?» по единой схеме).

В работе первого семинара приняли участие представители Совета ветеранов Ленинского района г. Томска, активисты социальной комнаты и ветеранской организации с. Рыбалово Томского района, представители группы сеньоров клуба бальных танцев «Диамант-ТПУ (группа 1). В работе второго семинара приняли участие руководители и представители образовательных учреждений г. Томска, главы общественных и добровольческих организаций, представители органов власти (группа 2). Их приглашение на семинар в качестве экспертов организаторы связывали с тем, что эти люди (в силу своей профессиональной деятельности) в полной мере понимают причины неполной реализации ресурсного потенциала старшего поколения, могут оценить востребованность жизненного и профессионального опыта, знаний и компетенций старшего поколения, степень выраженности проблемы недостаточной вовлеченности людей старших возрастных групп в социум.

Всего в работе семинаров приняли участие 45 человек (28 в первой и 17 во второй группе). Обе группы работали независимо друг от друга. Внимание участников экспертных семинаров фокусировалось на недостаточной востребованности и вовлеченности ресурсного потенциала старшего поколения в социум. Следовательно, работа фокус-групп строилась в целях поиска причин сложившегося положения дел, формулирования индивидуальной точки зрения и практических рекомендаций для осуществления необходимых изменений в исследуемой области. Для проведения экспертных семинаров применялась специальная методика работы с фокус-группами, разработанная сотрудниками МНОЛ ТУБПЛ НИ ТПУ. В основе методики проведения экспертных семинаров лежит подход, предложенный и неоднократно апробированный исследователями Томского политехнического университета для различных целей [39]. Конкретными задачами проведенных МНОЛ ТУБПЛ в 2019 г. научно-экспертных семинаров стали:

- 1) экспертная оценка степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения;
- 2) определение признаков, отражающих степень реализации ресурсного потенциала старшего поколения;
- 3) построение проверочной матрицы оценки степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения;
- 4) определение субъективных и объективных факторов, способствующих (или препятствующих) повышению степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения;
- 5) формирование рекомендаций по мероприятиям, содействующих росту степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения.

Экспертная оценка степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения фокус-группами

На первом этапе семинара приглашённые эксперты обсуждали, частично корректировали и принимали окончательные решения по формулировкам основных определений и допущений, вынесенных на семинар. Основным определением семинаров было понятие «ресурсный потенциал старшего поколения» с акцентом на степень его реализации и причины, препятствующие более полной реализации ресурсного потенциала пожилых людей. Перед началом экспертных семинаров сотрудники МНОЛ ТУБПЛ представили несколько подходов к определению исследуемого понятия «реализация ресурсного потенциала старшего поколения», которые описаны выше (см. табл. 1). В ходе обсуждения возможных рабочих формулировок эксперты согласились с тем, что для достижения основной цели семинара в

качестве определения ресурсного потенциала старшего поколения можно принять совокупность качеств личности, активизированные и неактивизированные резервы индивида, обеспечивающие полное и гармоничное осуществление всех видов жизнедеятельности человека.

На втором этапе (в формате индивидуальной работы) участникам семинара было предложено дать интуитивную экспертную оценку степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения. В результате была определена усредненная экспертная оценка степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения (в диапазоне от «критически низкой» до «высокой») (рис. 1). Организаторы и ведущие семинаров отметили, что в первой группе экспертов (пожилые люди) преобладающими были «средние» оценки степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения (45,5%), а во второй группе (эксперты-профессионалы) – «низкая» оценка (54,5%).

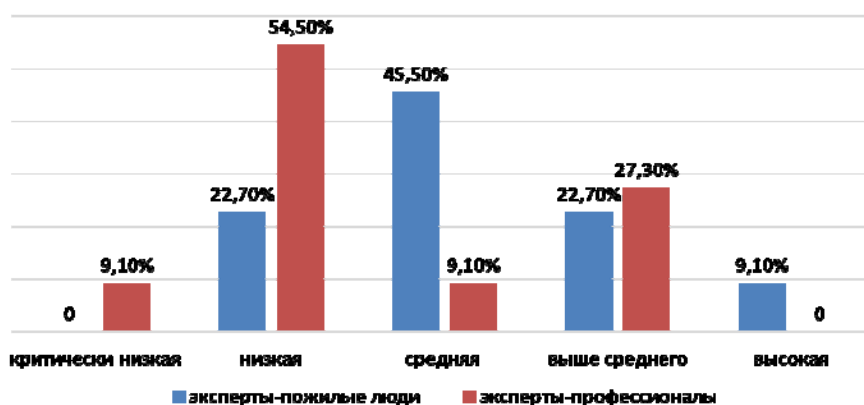

Рис. 1. Экспертная оценка степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения

На следующем этапе участники семинара работали в малых группах, в которых (в формате свободной дискуссии) был реализован алгоритм действий:

1) участники должны были обсудить, обосновать и прийти к общему для каждой группы решению об основных признаках (критериях) для оценки степени реализации ресурсного потенциала пожилых людей;

2) участники должны были предложить подходы к количественному измерению степени реализации ресурсного потенциала по степени выраженности того или иного из предложенных ими признаков (критериев), характеризующих исследуемое явление. В результате каждая из малых групп предлагала и обосновывала свой выбор пяти основных признаков (критериев).

Далее малые группы вновь объединялись и в ходе свободной дискуссии обосновывали итоговый набор критериев для оценки степени реализации ресурсного потенциала пожилых людей. Участники семинара сравнивали предложения различных команд, находили общие, близкие по смыслу и особенные количественные характеристики изучаемого явления для формирования окончательных критериев в их финальной формулировке для последующей работы.

На следующем этапе участники группы 1 и группы 2 сформировали проверочные матрицы для оценки степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения (содержащей количественные критерии, которые его характеризуют, в диапазоне от максимального до минимального уровня). Этот этап проходил в формате индивидуальной работы и заканчивался обобщением и усреднением предложений экспертов в рамках своих групп. Конкретные количественные значения критериев (в соответствии с общей методикой семинаров такого рода) были определены в процентах, долях дохода, свободного времени – в других единицах на усмотрение экспертов. Значения каждого из предложенных критериев были ранжированы по 5-уровневой шкале (в границах от «критически низкой» до «высокой» степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения). Результаты этого этапа работы представлены в табл. 2 и 3.

Как видно из данных табл. 2 и 3, мнения обеих групп экспертов во многом совпали. И пожилые участники семинаров, и эксперты-профессионалы предложили в качестве основных критериев для оценки степени реализации ресурсного потенциала стар-

шего поколения долю времени, потраченную на социально значимые, культурные мероприятия, физическую активность, общение в интернете, саморазвитие. Следует обратить внимание на то, что экспертами-пожилыми людьми (в отличие от экспертов-профессионалов) не был выбран критерий, отражающий профессиональную занятость старшего поколения. Это значит, что они скорее не рассматривают данную сферу деятельности ни для себя лично, ни для представителей старшего поколения в целом в качестве значимой для оценки степени реализации их ресурсного потенциала. Это выглядит весьма тревожно не только на фоне активной научной полемики в данной сфере [40], но и с учетом значительного внимания

к проблемам сохранения профессиональной активности в старшем возрасте со стороны органов власти, нашедшего свое отражение, в частности, в национальном проекте «Демография», где в среди основных задач федерального проекта «Старшее поколение» предусмотрено совершенствование организации профессионального обучения, дополнительного профессионального образования по востребованным на рынке труда профессиям и специальностям для реализации трудового потенциала граждан старшего поколения [41]. Также обращают на себя внимание явные различия в акцентах каждой группы, сделанные при выборе критериев оценки степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения.

Таблица 2

Матрица признаков (критериев), отражающих степень реализации ресурсного потенциала старшего поколения (группа 1, эксперты – пожилые люди)

Критерий	Оценка уровня реализации ресурсного потенциала старшего поколения				
	Критически низкий	Низкий	Средний	Выше среднего	Высокий
Количество посещенных культурных мероприятий, ед.	0	4 (8)	11	23	30
Доля свободного времени, уделенная физической активности, %	0	3	5	9 (12)	13
Количество путешествий в год, ед.	0 (1)	4	6	12	15
Время, отведенное на садоводство, дни (максимум 150 дней в год)	3	28	61	96 (90)	130
Доля свободного времени, отведенная на общение через интернет, % (от 8 ч в день)	1	6	13	22 (15)	32

Таблица 3

Матрица признаков (критериев), отражающих степень реализации ресурсного потенциала старшего поколения (группа 2, эксперты-профессионалы)

Критерий	Оценка уровня реализации ресурсного потенциала старшего поколения				
	Критически низкий	Низкий	Средний	Выше среднего	Высокий
Доля свободного времени, выделяемого на физическую активность, % (от 8 ч в день)	2	6 (6)	15	23	32
Доля свободного времени, затрачиваемая на социально значимые и культурные мероприятия, % (от 8 ч в день)	1	11 (5)	16	26	31
Доля свободного времени, уделяемая интеллектуальному саморазвитию (например, мастер-классы), % (от 8 ч в день)	1	6 (15)	16	25	33
Доля времени профессиональной занятости (от свободного времени), % (от 8 ч в день)	1	10	20 (30)	33	40
Доля жизненных ситуаций, которые старшее поколение решает самостоятельно	2	12	28	38 (40)	52

В группе 1 преобладают различные аспекты взаимодействия с микроокружением (личностные активности, взаимодействие с родными, близкими). Эксперты-профессионалы (группа 2), напротив, настойчиво предлагали включать в список критериев, отражающих степень реализации ресурсного потенциала старшего поколения, взаимодействие с формальными и неформальными институтами (через долю времени профессиональной занятости и долю жизненных ситуаций, которые пожилые люди могут решить самостоятельно). К таким вопросам, например, относится знание и применение корректного алгоритма действий пожило-

го человека при госпитализации, его взаимодействии с пенсионным фондом, социальными службами, при переезде, управлении личными финансами и др.

Количественные оценки, приведенные в табл. 2 и 3, можно интерпретировать следующим образом. Например, по мнению экспертов первой группы, если пожилые люди не посещают никаких культурных мероприятий в течение года (значение в первой ячейке первой строки таблицы 1 равно 0), то это свидетельствует о критически низкой степени реализации их ресурсного потенциала. Если же данный показатель равен 4 (значение во второй ячейке первой строки той

же таблицы), то, бывая на культурных мероприятиях не чаще, чем 1 раз в 3 месяца, пожилой человек реализует свой ресурсный потенциал лишь на низком уровне. Среднего уровня степень реализации ресурсного потенциала старшего поколения по данному критерию достигает, если пожилой человек бывает на культурных мероприятиях почти каждый месяц (11 раз в году), а высокая – если такие посещения происходят примерно дважды в месяц (23 раза в год). Представляют также интерес количественные оценки в табл. 1 и 2, приведенные в скобках. Они отражают экспертное мнение каждой фокус-группы о фактической степени реализации ресурсного потенциала пожилых людей на основе именно тех количественных критериев, которые они сами предложили для проверочной матрицы. В группе 1 (эксперты – пожилые люди) три оценки относятся к «среднему» уровню, и по одной – к «низкому» и «критически низкому» уровню реализации ресурсного потенциала старшего поколения. В группе 2 (эксперты-профессионалы) три значения предложенных критериев соответствуют «низкому» уровню реализации ресурсного потенциала старшего поколения и по одному – «среднему» и

«выше среднего». Эти значения хорошо коррелируют с первоначальными (интуитивными) экспертными оценками степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения и подтверждают первоначальное суждение экспертов о недостаточной степени его реализации (см. рис. 1).

Формирование рекомендаций по мероприятиям, содействующим росту степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения

На следующем этапе научно-экспертных семинаров их участникам было предложено определить основные факторы (объективные и субъективные), препятствующие полной реализации ресурсного потенциала старшего поколения, и предложить рекомендаций по внедрению улучшающих изменений. Мнения каждой группы экспертов представлены в табл. 4. Последовательность препятствий и улучшающих изменений соответствует экспертным оценкам о степени их значимости (ранжирование представлено в порядке выбранных обеими группами приоритетов).

Таблица 4

Основные факторы, препятствующие более полной реализации ресурсного потенциала старшего поколения и необходимые изменения

Основные факторы, препятствующие более полной реализации ресурсного потенциала пожилых людей	Необходимые мероприятия, содействующие росту степени реализации ресурсного потенциала пожилых людей
Результаты группы 1 (эксперты – пожилые люди)	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Низкие доходы. 2. Отсутствие силы воли. 3. Особенность менталитета (пассивность значительной части пожилых людей). 4. Социальный уровень в работоспособный период, который напрямую связан с социальным уровнем после выхода на пенсию. 5. Психологическое состояние пожилого человека. 6. Семейное положение (наличие или отсутствие партнера в последние годы). 7. Лень. 8. Болезнь близких людей. 9. Отсутствие (или недостаток) информации о государственной помощи и мероприятиях. 10. Территориальные и инфраструктурные ограничения (проживание на верхних этажах городских домов без лифта, в отдаленных городских районах, сельской местности и др.) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Наличие доступной и удобной для восприятия информации об интересных и важных для старшего поколения мероприятиях, программах, событиях. 2. Значительное расширение государственного финансирования социальных комнат, мероприятий, программ. 3. Создание дополнительных мест и пространств для отдыха силами государства. 4. Наличие неформального лидера среди группы пожилых людей. 5. Улучшение медицинского обслуживания. 6. Повышение уровня пенсий. 7. Создание комфортных условий для реализации ресурсного потенциала старшего поколения: предоставлений помещений, тьюторов, тренеров (обучение тренеров). 8. Создание мест для общения по месту жительства. 9. Существенное повышение личных финансовых возможностей. 10. Поддержка активности пожилых людей работодателями (в том числе бывшими) в лице профсоюзов
Результаты группы 2 (эксперты-профессионалы)	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Эмоциональное и профессиональное выгорание. 2. Состояние здоровья. 3. Слабая социальная адаптация («невстроенность» в современную жизнь). 4. Слабая инфраструктура. 5. Отсутствие информации (невладение информацией). 6. Институциональные ограничения в силу отсутствия лучших практик, пригодных для масштабирования. 7. Статистическая база сегодня не отражает всю полноту реальности. 8. Неприятие собственного возраста, лень 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Организация и проведение мероприятий по связи между поколениями (направлены на повышение самооценки старшего поколения). 2. Создание условий для профессиональной переориентации. 3. Мероприятия по оповещению о предстоящих интересных событиях. 4. «Сарафанное» радио. 5. Работа со СМИ по публикации материалов об активных людях старшего поколения. 6. Проведение ежегодной школы для старшего поколения. 7. Трансформация отдельных точечных мероприятий, ориентированных на старшее поколение, в комплексное стратегически значимое направление деятельности в интересах реализации ресурсного потенциала старшего поколения, организованное с определенной степенью централизации ресурсов и действий. 8. Организация и проведение ежегодного конкурса зрелости, грации и интеллекта «Настоящая женщина» (для женщин 55+)

Следует отметить, что обе группы в ходе исследования неоднократно обращали внимание на институциональные факторы, препятствующие более полной реали-

зации ресурсного потенциала пожилых людей. Следовательно, сама постановка задачи по снятию или хотя бы минимизации институциональных барьеров и разработ-

ке комплекса мероприятий со стороны, в первую очередь, региональной и муниципальной власти могут внести существенный вклад в повышение степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения в интересах социально-экономического развития регионов и территорий. Причем, на первом месте должны стоять информационные и просветительские мероприятия, ориентированные на освещение самой проблематики данного вопроса – что можно сделать здесь, сейчас и малыми силами на местах в краткосрочном периоде с привлечением всех заинтересованных сторон. Также данный вопрос должен быть включен в проработку стратегически для реализации в среднесрочном и долгосрочном периодах.

В этом случае Индекс активного долголетия может служить отправной точкой в виде нормативной модели, которая уже прошла апробацию в европейских странах. Данный индекс можно использовать как полностью, так и в виде его отдельных доменов или индикаторов для оценки текущего состояния и разработки мероприятий по повышению степени реализации ресурсного потенциала пожилых людей. Анализ результатов расчета ААИ в динамике за период с 2008 по 2016 г. в странах ЕС продемонстрировал сильную положительную корреляцию между показателями ААИ, с одной стороны, и ВВП на душу населения и удовлетворенностью жизнью – с другой.

Аналитический отчет Экономической комиссии по Европе Организации объединенных наций (United Nations Economic Commission for Europe, UNECE) «2018 Active Ageing Index: Analytical Report» [21] обращает внимание на наличие высокого уровня неравенства по показателям активного долголетия в зависимости от уровня образования и пола пожилых людей, при этом высокообразованные люди и мужчины демонстрируют более высокие значения ААИ. Несмотря на то, что гендерный разрыв по значениям ААИ постепенно сокращается, во всех исследованных странах ЕС увеличивается разрыв по показателям образования. Различия в значениях ААИ в зависимости от места проживания менее выражены, хотя пожилые люди, живущие в городских районах, как правило, имеют больше возможностей для активного долголетия и максимальной реализации ресурсного потенциала [21. С. 12].

В.Г. Доброхлеб отмечает, что в России определенная доля старших возрастных когорт сохраняет ресурсный потенциал, в том числе здоровье, высокий уровень образования, значительный интеллект, потребность продолжать трудовую деятельность, участвовать в общественных делах. Однако существенное ограничение связано, в первую очередь, с плохим состоянием здоровья, как на индивидуальном, так и на популяционном уровнях, и выражается в очень низком показателе ожидаемой продолжительности жизни [42. С. 57]. Исследователь подчеркивает ошибочность мнения о том, что пожилые работники в России имеют низкую квалификацию. Пожилые специалисты, по мнению автора, как правило, не конкурируют с молодежью и могут более активно включаться в рынок труда, например, в таком его сегменте, как уход, оказание помощи ровес-

никам, нуждающимся в этом, более активно работать с молодежью [42. С. 58].

Следует обратить внимание, что в ходе данного исследования в рамках семинаров эксперты – пожилые люди (группа 1) в принципе исключили из обсуждения вопрос занятости. Все они являются пенсионерами, и занятость на рынке труда не рассматривалась ими как способ реализации ресурсного потенциала, несмотря на то, что все они являются социально активными представителями своего возраста. С одной стороны, данный факт демонстрирует ограничения данного исследования, так как участники группы 1 в момент проведения семинаров не являлись участниками трудовых отношений, что не давало возможности оценить профессиональный и трудовой ресурсный потенциал этой группы в полной мере. К тому же профессиональная компетентность не предлагалась организаторами семинаров для обсуждения фокус-группами в базовом определении ресурсного потенциала старшего поколения, где акцент был сделан на личностные качества индивида (см. табл. 1). С другой стороны, это позволило получить новые результаты, так как эксперты-профессионалы (группа 2) обозначили эмоциональное и профессиональное выгорание пожилых людей как основной фактор, препятствующий реализации потенциала старшего поколения. Условия российского рынка труда в целом, сложные профессиональные траектории еще с советского периода и довольно неоднозначное отношение к сотрудникам предпенсионного возраста и работающим пенсионерам (по старости) вносят весьма существенный вклад в профессиональное выгорание, когда стресс и эмоциональное истощение [43], по сути, вынуждают людей с наступлением пенсионного возраста самоизолироваться от профессиональной занятости в интересах своего душевного спокойствия. В среднем при профессиональном выгорании женщины более склонны к эмоциональному истощению, не демонстрируя при этом характерную отчужденность от работы. Однако в рамках одной профессиональной группы выгоранию подвержены одинаково как женщины, так и мужчины [44].

В рамках данного исследования представители старшего поколения видят реализацию своего ресурсного потенциала через личностную самореализацию и самоактуализацию, скорее даже не думая о том, что реализация ресурсного потенциала предполагает, в том числе, некий общественно значимый вклад в социально-экономическое развитие. Следовательно, даже при вовлечении пожилых людей в общественную деятельность следует соблюдать баланс между их вкладом и вознаграждением за эту деятельность. Не стоит ожидать, что повышение степени реализации ресурсного потенциала представителями третьего возраста – это панацея для решения вопросов социально-экономического развития в условиях ограниченности ресурсов. Вовлечение в общественную деятельность – это не обязательная и ожидаемая по умолчанию повинность, а желательная деятельность, требующая выстраивания системы стимулов и мотивации. Вознаграждение должно иметь место и должно

быть справедливым – либо в виде небольшого денежного и неденежного вознаграждения, социального трансферта от государства, либо хотя бы в виде оплаты проезда и понесенных расходов, связанных с конкретным мероприятием [45]. В этом плане государственным и общественным институтам следует аккуратно подходить к вопросу реализации ресурсного потенциала старшего поколения и избегать командно-административного подхода с навязыванием инициатив сверху (top-down approach), что чревато риском восприятия инициатив по повышению реализации ресурсного потенциала как обязанности через принуждение. Вместо этого следует ориентироваться на создание возможностей для выбора в соответствии с мотивами, ожиданиями и стремлениями пожилых людей [21. С. 15].

Заключение

Проведенные научно-экспертные семинары показали, что проблема повышения степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения является очень важной, однако она недостаточно актуализирована ни в практике социальных взаимодействий, ни в современной социальной политике. Мнения экспертов – пожилых людей в отношении факторов, ограничивающих степень реализации их ресурсного потенциала, можно структурировать по трем направлениям. Во-первых, четкая апелляция к финансовой ответственности перед пожилыми людьми со стороны государства, что отражено в наивысшем рейтинге фактора «низкие доходы» среди препятствий к более полной реализации ресурсного потенциала пожилых людей. Эксперты (группа 1) озвучили это так: «Дайте нам действительно хорошую пенсию – и мы реализуем себя полностью: будем путешествовать как иностранцы, ходить в театры и на концерты, покупать самые лучшие вещи и продукты и т.д.». Во-вторых, факторы, имеющие непосредственное отношение к эмоционально-психологическому и физическому состоянию человека: от отсутствия силы воли, лени, болезни близких до наличия (скорее отсутствия) партнера и меры социальной активности человека на предыдущем этапе жизненной траектории. В-третьих, неразвитость инфраструктуры (недостаток информации о государственной помощи и мероприятиях для старшего поколения и территориальные ограничения для участия в них у пожилых людей).

Интересно, что среди необходимых мероприятий, содействующих росту степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения, эксперты – пожилые люди на первое место по важности поставили именно наличие информации. Требования к органам власти вошли во вторую по значимости, но наиболее развернутую группу мероприятий. Участники группы 1 в нее ожидаемо включили необходимость увеличения

государственного финансирования работы социальных комнат, важных для пожилых людей мероприятий и программ, улучшение медицинского обслуживания, повышение уровня пенсий, создание условий для реализации ресурсного потенциала человека через предоставления помещений, тьюторов, тренеров и их обучение. Третья группа мероприятий весьма разнонаправлена по субъектам требований и содержит апелляцию к бывшим работодателям, желание улучшить свои личные финансовые возможности и сплотиться вокруг лидера.

Что касается мнения экспертов-профессионалов, то в их формулировках основных факторов, препятствующих более полной реализации ресурсного потенциала пожилых людей и соответствующих мероприятий, направленных на решение обозначенных проблем, акцент был сделан не на патерналистские ожидания действий со стороны государства, а на активизацию преимущественно личностных и институциональных факторов, которые, как правило, не связаны напрямую с ростом финансирования тех или иных программ в интересах старшего поколения (например, мероприятия по связи между поколениями, «сарафанное» радио, специальные конкурсы). Предложенные группой 2 инициативы нельзя четко отнести ни к сфере ответственности государственных органов власти, ни к системе социального обеспечения, ни к местному самоуправлению или гражданскому обществу. Они скорее отражают необходимость качественной трансформации формальных и неформальных институтов в рассматриваемой области, преодоления устойчивых негативных стереотипов в отношении старшего поколения (эйджизма), повышения ответственности пожилого человека за уровень реализации своих социальных и экономических прав и непрерывности личностного развития на всем горизонте жизни. Таким образом, предложения экспертов-профессионалов о мероприятиях, содействующих росту степени реализации ресурсного потенциала пожилых людей, можно в полной мере отнести к смешанным, гибким способам решения социальных проблем (welfare pluralism) [46. С. 27; 47].

В завершение следует отметить, что оценки степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения и факторы, препятствующие росту степени его реализации, а также предложения о необходимых изменениях, выявленные каждой группой участников семинаров, показывают, что в обществе существует запрос на корректировку мер и инструментов социальной политики в данной предметной области. Необходимо продолжить заинтересованное обсуждение, разработку и внедрение эффективных социальных и экономических решений, ориентированных на повышение степени реализации ресурсного потенциала старшего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Towards a Europe for All Ages – Promoting Prosperity and Intergenerational Solidarity. European Commission. Brussels, 1999. 26 p.
2. Whelehan I., Gwynne J. Introduction: Popular culture's 'silver Tsunami' // Ageing, Popular Culture and Contemporary Feminism. Palgrave Macmillan. London, 2014. P. 1–13.
3. Eatock D. The silver economy: Opportunities from ageing // European Parliamentary Research Service Briefing. 2015. P. 1–8.
4. The Age Diversity Forum. URL: <https://www.agediversityforum.org/> (дата обращения: 16.10.2019).

5. Desvaux G., Regout B. Older, smarter, more value conscious: the French consumer transformation // *McKinsey Quarterly*. 2010. June. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/retail/our-insights/older-smarter-more-value-conscious-the-french-consumer-transformation> (дата обращения: 05.11.2019).
6. Cook J. The socio-economic contribution of older people in the UK // *Working with Older People*. 2011. Vol. 15, № 4. P. 141–146.
7. Bran F., Popescu M.L., Stanciu P. Perspectives of silver economy in European Union // *Revista de Management Comparat International*. 2016. Vol. 17, № 2. P. 130–135.
8. Klimczuk A. Comparative analysis of national and regional models of the silver economy in the European Union // *International Journal of Ageing and Later Life*. 2016. Vol. 10, № 2. P. 31–59.
9. Creedy J. *The economics of ageing*. Edward Elgar Publishing, 1995. 656 p.
10. Johannesson M., Johansson P.O. The economics of ageing: on the attitude of Swedish people to the distribution of health care resources between the young and the old // *Health Policy*. 1996. Vol. 37, № 3. P. 153–161.
11. Schulz J.H. *The Economics of ageing* / Ed. D. Dannefer, C. Phillipson. The SAGE Handbook of Social Gerontology. London : SAGE Publication Ltd., 2010. P. 33–47.
12. Замараева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в современной системе социальной защиты и социального обслуживания населения России. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2009. 181 с.
13. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. 164 с.
14. Недоспасова О.П., Барышева Г.А., Таран Е.А. Многосубъектный подход к обеспечению благополучия: взгляд с позиций теории человеческого капитала / О.П. Недоспасова, Г.А. Барышева, Е.А. Таран; Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ). Томск : Изд-во ТГУ, 2015. 290 с.
15. Human Development Index. United Nations. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi> (дата обращения: 16.10.2019).
16. The Human Capital Project. World Bank, Washington, DC. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/30498> (дата обращения: 25.10.2019).
17. Smith A. *The Wealth of Nations: An inquiry into the nature and causes of the Wealth of Nations*. Harriman House Limited, 2010.
18. Becker G.S. *Human capital revisited* // *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education* (3rd ed.). The University of Chicago Press, 1994. P. 15–28.
19. Павлова И.А., Гуменников И.В., Монастырный Е.А., Барышева Г.А., Касати Ф. Интегральные индексы как комплексные способы оценки благополучия старшего поколения / под науч. ред. д-ра экон. наук Г.А. Барышевой. Томск : STT Publishing, 2017. 286 с.
20. Active Ageing Index project. URL: <https://statswiki.unece.org/display/AAI/Active+Ageing+Index+Home> (дата обращения: 01.11.2019).
21. 2018 Active Ageing Index: Analytical Report. UNECE / European Commission. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/ACTIVE_AGEING_INDEX_TRENDS_2008-2016_web_with_cover.pdf (дата обращения: 01.11.2019).
22. de São José J.M., Timonen V., Amado C.A.F., Santos S.P. A critique of the Active Ageing Index // *Journal of aging studies*. 2017. № 40. P. 49–56.
23. Dykstra P.A., Fleischmann M. Are societies with a high value on the Active Ageing Index more age integrated? // *Building Evidence for Active Ageing Policies*. Singapore : Palgrave Macmillan, 2018. P. 19–37.
24. Леманова П.В. Сущность человеческого капитала на современном этапе развития общества // *Terra Economicus*. 2009. Т. 7, № 3–2. С. 25–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-chelovecheskogo-kapitala-na-sovremennom-etape-razvitiya-obschestva> (дата обращения: 12.10.2019).
25. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал старшего поколения в современной России : дис. ... д-ра экон. наук. М. : [Ин-т соц.-экон. пробл. народонаселения Рос. акад. наук], 2004.
26. Loi J.L.P., Shultz K.S. Why older adults seek employment: Differing motivations among subgroups // *Journal of Applied Gerontology*. 2007. Vol. 26, № 3. P. 274–289.
27. Mor-Barak M.E. The meaning of work for older adults seeking employment: The generativity factor // *The International Journal of Aging and Human Development*. 1995. Vol. 41, № 4. P. 325–344.
28. Ulrich L.B., Brott P.E. Older workers and bridge employment: Redefining retirement // *Journal of employment counseling*. 2005. Vol. 42, № 4. P. 159–170.
29. Carlstedt A.B., Brushammar G., Bjursell C., Nystedt P., Nilsson G. A scoping review of the incentives for a prolonged work life after pensionable age and the importance of “bridge employment” // *Work*. 2018. Vol. 60, № 2. P. 175–189. DOI: 10.3233/WOR-182728
30. Cnaan R.A., Cwikel J. Elderly volunteers: Assessing their potential as an untapped resource // *Journal of aging & social policy*. 1992. Vol. 4, № 1–2. P. 125–147.
31. How's Life? 2015: Measuring Well-being. Paris: OECD Publishing, 2015. URL: https://doi.org/10.1787/how_life-2015-en (дата обращения: 05.11.2019).
32. Tierce J.W., Seelbach W.C. Elders as school volunteers: An untapped resource // *Educational Gerontology*. 1987. Vol. 13, № 1. P. 33–41.
33. Ranzijn R. The potential of older adults to enhance community quality of life: Links between positive psychology and productive aging // *Ageing International*. 2002. Vol. 27, № 2. P. 30–55.
34. Prager E. The older volunteer as research colleague: Toward «generative participation» for older adults // *Educational Gerontology: An International Quarterly*. 1995. Vol. 21, № 3. P. 209–218.
35. Moser S.C. Never Too Old to Care: Reaching an Untapped Cohort of Climate Action Champions // *Public Policy & Aging Report*. 2016. Vol. 27, № 1. P. 33–36.
36. Thompson E., Wilson L. The potential of older volunteers in long-term care // *Generations*. 2001. Vol. 25, № 1. P. 58–63.
37. Romero L., Minkler M. Gold in gray: Senior volunteer leaders as an untapped public health resource // *Generations*. 2005. Vol. 29, № 2. P. 36–40.
38. Тавокин Е.П. Основы методики социологического исследования : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2009. 239 с.
39. Зайцева (Толкачева) К.К., Похолок Ю.П., Кудрявцев Ю.М. Роль и выбор образовательных технологий при подготовке инженеров // *Казанская наука*. 2014. № 10. С. 13–17.
40. Дуракова И.Б., Талтынов С.М., Майер Е.В. Актуальные проблемы управления персоналом: работники старших возрастов : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2020. 191 с.
41. Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/ (дата обращения: 30.10.2019).
42. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // *Социологические исследования*. 2008. № 8. С. 55–61.
43. Lee R.T., Ashforth B.E. A meta-analytic examination of the correlates of the three dimensions of job burnout // *Journal of applied Psychology*. 1996. Vol. 81, № 2. P. 123.
44. Innstrand S.T. et al. Exploring within- and between-gender differences in burnout: 8 different occupational groups // *International Archives of Occupational and Environmental Health*. 2011. Vol. 84, № 7. P. 813–824.
45. Martinson M., Minkler M. Civic engagement and older adults: A critical perspective // *The Gerontologist*. 2006. Vol. 46, № 3. P. 318–324.
46. Кто поможет пожилым: волонтеры, семья или социальная служба? // *Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии* / под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2016. 865 с.
47. Dahlberg L. Interaction between voluntary and statutory social service provision in Sweden: a matter of welfare pluralism, substitution or complementarity? // *Social Policy & Administration*. 2005. Vol. 39, № 7. P. 740–763.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 11 мая 2020 г.

The Resource Potential of the Older Generation: From Defining the Term to Developing Recommendations for Enhancing Its Realization in Society

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 115–127.

DOI: 10.17223/15617793/456/13

Irina A. Pavlova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: iapav@mail.ru

Olga P. Nedospasova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olgaeconomy@mail.ru

Keywords: resource potential; human potential; older generation; well-being; Tomsk Oblast.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00300.

An irreversible change in the age structure of the population leads to a significant increase in the burden on all socioeconomic institutions related to the realization of human potential. The aim of the study is a reconsideration of existing approaches to the studies of the resource potential of the older generation. The article examines the degree of resource potential realization in Tomsk Oblast (Russia) and develops recommendations aimed at increasing the degree of its implementation. The study employs a focus group research method to conduct two seminars for 45 participants (old persons and professionals who work with the elderly on behalf of various organizations). The resource potential of the older generation is understood as a set of personality traits that ensure a harmonious self-realization of individuals throughout their life-course in the interests of the economy and society. In Group 1 (old persons), average assessments of the degree of realization of the resource potential of the older generation (45.5%) were predominant; in Group 2 (professional experts), low assessments prevailed (54.5%). Both groups proposed to consider the share of time spent on socially significant, cultural events, physical activity, Internet communication, and self-development as the main criteria for assessing the degree of realization of the resource potential. Group 1 suggested various aspects of interaction with the micro-environment (personal activities, interaction with relatives and friends). Group 2 emphasized interactions with formal and informal institutions (through the share of time for professional employment and the share of life situations that older people can deal with independently). As necessary measures to increase the degree of realization of the resource potential, old persons formulated the following proposals: (1) availability of information; (2) requirements for authorities (need to increase public funding for activities and maintenance of social rooms, important events and programs for older people, improvement of medical care, etc.); (3) appeals to former employers, desire to improve personal financial capabilities, and need for formal and informal leadership. Professional experts focused on personal and institutional factors, which are not directly related to the increase in programs' funding. These initiatives reflect the need for a qualitative transformation of formal and informal institutions, for overcoming persistent negative stereotypes regarding the older generation (ageism), for increasing the responsibility of the elderly for the realization of social and economic rights and continuity of personal development throughout the entire life-course. The results of the study confirm the societal demand for adjusting programs and tools to develop and implement effective social and economic solutions aimed at increasing the degree of realization of the resource potential of the older generation.

REFERENCES

1. European Commission. (1999) *Towards a Europe for All Ages – Promoting Prosperity and Intergenerational Solidarity*. Brussels: European Commission.
2. Whelehan, I. & Gwynne, J. (2014) Introduction: Popular culture's 'silver Tsunami'. In: Whelehan, I. & Gwynne, J. (eds) *Ageing, Popular Culture and Contemporary Feminism*. Palgrave Macmillan. pp. 1–13.
3. Eatock, D. (2015) *The silver economy: Opportunities from ageing*. European Parliamentary Research Service Briefing.[Online] Available from: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI\(2015\)565872](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI(2015)565872).
4. *The Age Diversity Forum*. [Online] Available from: <https://www.agediversityforum.org/>. (Accessed: 16.10.2019).
5. Desvaux, G. & Regout, B. (2010) Older, smarter, more value conscious: the French consumer transformation. *McKinsey Quarterly*. June. [Online] Available from: <https://www.mckinsey.com/industries/retail/our-insights/older-smarter-more-value-conscious-the-french-consumer-transformation>. (Accessed: 05.11.2019).
6. Cook, J. (2011) The socio-economic contribution of older people in the UK. *Working with Older People*. 15 (4). pp. 141–146.
7. Bran, F., Popescu, M.L. & Stanciu, P. (2016) Perspectives of silver economy in European Union. *Revista de Management Comparat International*. 17 (2). pp. 130–135.
8. Klimczuk, A. (2016) Comparative analysis of the silver economy in the European Union. *International Journal of Ageing and Later Life*. 10 (2). pp. 31–59.
9. Creedy, J. (1995) *The Economics of Ageing*. Edward Elgar Publishing.
10. Johannesson, M. & Johansson, P.O. (1996) The economics of ageing: on the attitude of Swedish people to the distribution of health care resources between the young and the old. *Health Policy*. 37 (3). pp. 153–161.
11. Schulz, J.H. (2010) The Economics of ageing. In: Dannefer, D. & Phillipson, C. (eds) *The SAGE Handbook of Social Gerontology*. London: SAGE Publication Ltd. pp. 33–47.
12. Zamarava, Z.P. (2009) *Resursno-potentsial'nyy podkhod v sovremennoy sisteme sotsial'noy zashchity i sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya Rossii* [A Resource-Potential Approach in the Modern System of Social Protection and Social Services for the Population of Russia]. Perm: Perm State University.
13. Zaslavskaya, T.I. (2004) *Sovremennoe rossiyskoe obshchestvo. Sotsial'nyy mekhanizm transformatsii* [Contemporary Russian society. The Social Mechanism of Transformation]. Moscow: Delo.
14. Nedospasova, O.P., Barysheva, G.A. & Taran, E.A. (2015) *Mnogosub'ektnyy podkhod k obespecheniyu blagopoluchiya: vzglyad s pozitsiy teorii chelovecheskogo kapitala* [A Multi-Subject Approach to Ensuring Well-Being: A View From the Standpoint of the Theory of Human Capital]. Tomsk: Tomsk State University.
15. United Nations. (2019) *Human Development Index*. [Online] Available from: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi>. (Accessed: 16.10.2019).
16. World Bank. (2018) *The Human Capital Project*. Washington, DC: World Bank. [Online] Available from: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/30498>. (Accessed: 25.10.2019).
17. Smith, A. (2010) *The Wealth of Nations: An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Harriman House Limited.
18. Becker, G.S. (1994) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. 3rd ed. The University of Chicago Press. pp. 15–28.

19. Pavlova, I.A. et al. (2017) *Integral'nye indeksy kak kompleksnye sposoby otsenki blagopoluchiya starshego pokoleniya* [Integral Indices as Complex Ways to Assess the Well-Being of the Older Generation]. Tomsk: STT Publishing.
20. UNECE. (2019) *Active Ageing Index Project*. [Online] Available from: <https://statswiki.unece.org/display/AAI/Active+Ageing+Index+Home>. (Accessed: 01.11.2019).
21. UNECE & European Commission. (2018) *2018 Active Ageing Index: Analytical Report*. [Online] Available from: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/ACTIVE_AGEING_INDEX_TRENDS_2008-2016_web_with_cover.pdf. (Accessed: 01.11.2019).
22. de São José, J.M., Timonen, V., Amado, C.A.F. & Santos, S.P. (2017) A critique of the Active Ageing Index. *Journal of Aging Studies*. 40. pp. 49–56.
23. Dykstra, P.A. & Fleischmann, M. (2018) Are societies with a high value on the Active Ageing Index more age integrated? In: Zaidi, A.O., Harper, S., Howse, K., Lamura, G. & Perek-BialAs, J. (eds) *Building Evidence for Active Ageing Policies*. Palgrave Macmillan. pp. 19–37.
24. Lemanova, P.V. (2009) Sushchnost' chelovecheskogo kapitala na sovremennom etape razvitiya obshchestva [The essence of human capital at the present stage of the development of society]. *Terra Economicus*. 7 (3–2). pp. 25–28. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-chelovecheskogo-kapitala-na-sovremennom-etape-razvitiya-obshchestva>. (Accessed: 12.10.2019).
25. Dobrokhleb, V.G. (2004) *Resursnyy potentsial starshego pokoleniya v sovremennoy Rossii* [The Resource Potential of the Older Generation in Modern Russia]. Economics Dr. Diss. Moscow.
26. Loi, J.L.P. & Shultz, K.S. (2007) Why older adults seek employment: Differing motivations among subgroups. *Journal of Applied Gerontology*. 26 (3). pp. 274–289.
27. Mor-Barak, M.E. (1995) The meaning of work for older adults seeking employment: The generativity factor. *The International Journal of Aging and Human Development*. 41 (4). pp. 325–344.
28. Ulrich, L.B. & Brott, P.E. (2005) Older workers and bridge employment: Redefining retirement. *Journal of Employment Counseling*. 42 (4). pp. 159–170.
29. Carlstedt, A.B. et al. (2018) A scoping review of the incentives for a prolonged work life after pensionable age and the importance of “bridge employment”. *Work*. 60 (2). pp. 175–189. DOI: 10.3233/WOR-182728
30. Cnaan, R.A. & Cwikel, J. (1992) Elderly volunteers: Assessing their potential as an untapped resource. *Journal of Aging & Social Policy*. 4 (1–2). pp. 125–147.
31. OECD. (2015) *How's Life? 2015: Measuring Well-being*. Paris: OECD Publishing. [Online] Available from: https://doi.org/10.1787/how_life-2015-en. (Accessed: 05.11.2019).
32. Tierce, J.W. & Seelbach, W.C. (1987) Elders as school volunteers: An untapped resource. *Educational Gerontology*. 13 (1). pp. 33–41.
33. Ranzijn, R. (2002) The potential of older adults to enhance community quality of life: Links between positive psychology and productive aging. *Ageing International*. 27 (2). pp. 30–55.
34. Prager, E. (1995) The older volunteer as research colleague: Toward “generative participation” for older adults. *Educational Gerontology: An International Quarterly*. Vol. 21, № 3. P. 209–218.
35. Moser, S.C. (2016) Never Too Old to Care: Reaching an Untapped Cohort of Climate Action Champions. *Public Policy & Aging Report*. 27 (1). pp. 33–36.
36. Thompson, E. & Wilson, L. (2001) The potential of older volunteers in long-term care. *Generations*. 25 (1). pp. 58–63.
37. Romero, L. & Minkler, M. (2005) Gold in gray: Senior volunteer leaders as an untapped public health resource. *Generations*. 29 (2). pp. 36–40.
38. Tavokin, E.P. (2009) *Osnovy metodiki sotsiologicheskogo issledovaniya* [Fundamentals of Sociological Research Methodology]. Moscow: INFRA-M.
39. Zaytseva, K.K., Pokholkov, Yu.P. & Kudryavtsev, Yu.M. (2014) Role and Choice of Educational Technologies in Training of Engineers. *Kazanskaya nauka*. 10. pp. 13–17. (In Russian).
40. Durakova, I.B., Taltynov, S.M. & Mayer, E.V. (2020) *Aktual'nye problemy upravleniya personalom: rabotniki starshikh vozrastov* [Urgent Problems of Personnel Management: Older Workers]. Moscow: INFRA-M.
41. Consultant.ru. (2018) *Pasport natsional'nogo proekta “Demografiya” (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nyim proektam, protokol ot 24.12.2018 № 16)* [Passport of the national project “Demography” (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, minutes of December 24, 2018, No. 16)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/. (Accessed: 30.10.2019).
42. Dobrokhleb, V.G. (2008) Resursnyy potentsial pozhilogo naseleniya Rossii [Resource potential of the elderly population of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 55–61.
43. Lee, R.T. & Ashforth, B.E. (1996) A meta-analytic examination of the correlates of the three dimensions of job burnout. *Journal of Applied Psychology*. 81 (2). p. 123.
44. Innstrand, S.T. et al. (2011) Exploring within-and between-gender differences in burnout: 8 different occupational groups. *International Archives of Occupational and Environmental Health*. 84 (7). pp. 813–824.
45. Martinson, M. & Minkler, M. (2006) Civic engagement and older adults: A critical perspective. *The Gerontologist*. 46 (3). pp. 318–324.
46. Grigor'eva, I.A. (2016) Kto pomozhet pozhilym: volonter, sem'ya ili sotsial'naya sluzhba? [Who will help the elderly: volunteers, family or social services?]. In: Saralieva, Z.Kh. (ed.) *Pomogayushchie professii: nauchnoe obosnovanie i innovatsionnye tekhnologii* [Helping Professions: Scientific Justification and Innovative Technologies]. Nizhny Novgorod: Izd-vo NISOTs.
47. Dahlberg, L. (2005) Interaction between voluntary and statutory social service provision in Sweden: a matter of welfare pluralism, substitution or complementarity? *Social Policy & Administration*. 39 (7). pp. 740–763.

Received: 11 May 2020

Т.А. Подшибякина

МЕДИАЭФФЕКТЫ В СТРУКТУРЕ ДИФФУЗИОННЫХ СЕТЕЙ: ТЕХНОЛОГИИ КОГНИТИВНОГО СЕТЕВОГО КОНТРОЛЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по научному проекту № 18-011-00906 А.

Процесс формирования социальных медиа повлек за собой появление целого ряда проблем для власти, одной из которых является понимание ограниченности контроля над их деятельностью. В работе показаны некоторые последствия попыток внедрения определенного вида технологий сетевого контроля, основанных на воздействии на когнитивные способности пользователей сети Интернет. Установлено, что возникающие при этом медиаэффекты также носят когнитивный характер и имеют ряд закономерностей распространения в сетях.

Ключевые слова: диффузионные сети; социальные медиа; когнитивный контроль; политическая цензура; инновации; историческая память.

Введение

Демократия как идеал устройства общественной жизни людей ассоциируется прежде всего с политическими свободами, которые делают гражданина независимым в создании собственной картины мира и защите своего права на свободу мысли. Однако демократия, понимаемая как политический режим, устанавливает определенные рамки для политических прав и свобод граждан и далеко не в значении ограничения свободой других людей. Появление интернета, с одной стороны, сделало человека более свободным в своем духовном самовыражении, а с другой – стало вызовом для системы управления обществом на цифровом этапе демократизации. Новая информационная эпоха открыла перед различными сообществами уникальную возможность учиться демократии на лучших образцах ее реального воплощения в публичной политике посредством свободного заимствования, подражания, обучения, а коммуникационным каналом, своего рода посредником, выступают сети распространения (диффузии) инноваций, а также социальные медиа. Социальные медиа в контексте заявленной темы будут рассматриваться как совокупность интернет-площадок и интернет-технологий, создающих коммуникативное пространство сетевых сообществ, в котором происходит обмен инновациями, информацией, идеями.

Цель работы: выявление и описание сетевых практик функционирования социальных медиа в структуре диффузионных сетей; установление их когнитивных форм и анализ свойственных им медиаэффектов; оценка перспектив управления диффузионной сетью и способов сетевого контроля над передачей и накоплением знаний.

Концептуализация понятия «диффузионные сети» произошла недавно в рамках междисциплинарной конвергенции сетевого подхода и диффузионизма. Сетевой метод предполагает анализ двух основных элементов: сетевых акторов и связывающих их коммуникативных сетей, а диффузионизм избирательно фокусируется на каналах распространения культурных, экономических или иных инноваций. В направ-

лении, изучающем диффузию политики, диффузионные сети рассматриваются как коммуникативный элемент сетевого политического процесса, т.е. канал распространения политики или политических инноваций непосредственно от одного субъекта политики к другому как на региональном, так и на глобальном уровне.

Проблема, которая еще недостаточно изучена, может быть сформулирована следующим образом: последствия влияния самих сетей на участников коммуникации в процессе диффузии инноваций [1]. Зонай умолчания, как можно предположить, из-за неудобных политических оценок получаемых результатов в диапазоне от жестких мобилизационных эффектов до проявлений «мягкой силы», являются проблемы управления диффузионными политическими процессами посредством сетей. Так, Европейские регулирующие сети (European regulatory networks – ERNs) можно рассматривать в качестве продвигающих «мягкие правила», стандарты, рекомендации, лучшие образцы практик в различных сферах финансов и производства в Европе, и многие воспринимают это как навязывание европейских стандартов в нарушение национального суверенитета. К негативным проявлениям сетевого воздействия можно отнести латентный характер данных процессов, в которых коммуникаторами выступают скрытые диффузионные сети распространения политики, включающей множество различных субъектов [2].

Гипотеза, заключающаяся в допущении, что диффузионные сети не только являются структурным элементом сетевого взаимодействия, но и могут быть рассмотрены в качестве самостоятельного актора сетевой коммуникации в интернете, требует серьезного теоретико-методологического обоснования.

Философским основанием рефлексии поставленной проблемы является эпистемология, которая, стремясь соответствовать современным запросам общества на получение знания и управление познавательными практиками, обращается к научным наработкам таких специальных наук о познании, как когнитивистика. В этом значении перспективным представляется направление, именуемое эпистемологическим конструкти-

визмом, занимающееся осмыслением философского вопроса: является ли реальность продуктом познавательных конструкций. Эвристическим потенциалом в исследовании поставленной проблемы обладают идеи социального конструктивизма Бергера и Лукмана, особенно их современная интерпретация в эпоху зрелого информационного общества через призму эмпирического конструктивизма Бруно Латура.

Акторно-сетевая теория («Actor-network theory» – ANT) Бруно Латура позволяет рассматривать сеть Интернет как самостоятельного актора, оказывающего влияние на жизнедеятельность сетевых акторов [3], хотя следует уточнить, что технические сети у Латура являются лишь частным случаем «актор-сети», однако редуцирующим все ее понятийные характеристики. «Современные технологии нередко имеют характер сети, т.е. связанных, но удаленных друг от друга элементов с циркуляцией между узлами. Эта циркуляция становится принудительной вследствие набора обязательных путей, которые придают некоторым узлам стратегический характер. Нет ничего более интенсивно связанного, более дистанцированного, принудительного и стратегически организованного, чем компьютерная сеть» [4. С. 174]. С одной стороны, ключевое понятие «актор-сеть» метода ANT не предполагает, что сеть можно воспринимать как источник осмысленного действия, но, с другой стороны, актор-сеть это и не простой проводник, а посредник, побуждающий других акторов к действию, это вещь, которая может предоставлять возможность, способствовать или ограничивать, допускать, направлять, препятствовать, останавливать.

Акторно-сетевая теория за рубежом часто используется для анализа социальных медиа и коммуникационных технологий современного общества как сетевого феномена единства материального и нематериального [5]. В интерпретации результатов применения данной теории к анализу сетевых практик можно выделить две полярные точки зрения. Некоторые исследователи, рассматривая процесс социальных изменений с позиций концепции диффузной сети, утверждают, что именно сеть определяет, насколько быстро распространяются инновации между сетевыми акторами [6]. Другие авторы предлагают не абсолютизировать влияние информационных и коммуникационных технологий как сети акторов, а рассматривать их лишь как элемент целостной сетевой коммуникации в сложившихся практиках [7]. Сторонники теории Латура к сетевым акторам наряду с сообществами пользователей причисляют «организационные соединители (веб-ссылки), координацию событий (календари событий), обмен информацией (YouTube и Facebook) и многофункциональные сетевые платформы, в которые встраиваются другие сети (например, ссылки в сообщениях Twitter и Facebook)» [8].

Диффузионные сети как каналы коммуникации в сложных социотехнических системах, каковой является всемирная паутина Интернет, имеют свои уникальные характеристики и динамические закономерности. Главным отличительным признаком является диффузное, т.е. спонтанное, беспрепятственное распространение по ним инноваций (новой информации,

идей, паттернов), такой тип динамики представляется идеальным и описывается моделями диффузии. Классические модели сетевой диффузии построены по аналогии с распространением эпидемий (математическая модель диффузии по Бассу – Bass model) и исходят из предположения, что новые участники испытывают влияние носителей новых идей.

Замедление скорости распространения инноваций, взятое в качестве индикатора, указывает на определенные препятствия, связанные либо с влиянием самой сети как канала коммуникации, либо с когнитивными эффектами рецепции инноваций сетевыми сообществами, либо с административным вмешательством в виде попыток установления прямого контроля над сетевыми акторами.

Диффузионная сеть как канал коммуникации

Сети и акторы в понимании Латура не просто взаимосвязаны, по сути актор осуществляет деятельность по прочерчиванию сетей, «все дело в акторе, чье определение мира набрасывает, отслеживает, очерчивает, изображает, описывает, предсказывает, вписывает, архивирует, выписывает, записывает, маркирует или отмечает траекторию, называемую сетью» [4. С. 192]. «Чтобы объяснять, рассматривать, наблюдать, доказывать, утверждать, господствовать и видеть, он (актор) должен двигаться и работать, или “строить сети» (network)”» [4. С. 190].

Представление о диффузионных сетях как каналах коммуникации во многом определяется составом акторов, это может быть как диада из двух участников, так и многочисленный кластер. К наиболее изученным сетевым сообществам в качестве актора диффузии инноваций относят сети практиков, а также так называемые структуры сообществ знаний, или «эпистемических сообществ», т.е. групп агентов, разделяющих общие представления об определенных знаниях. Данные структуры сообществ включают множество подвидов, таких, например, как мнемонические акторы, имеющие целью сохранение исторической памяти.

Взятая в качестве индикатора скорость распространения инноваций является достаточно выраженным и верифицированным количественным показателем, который поддается эмпирическому измерению. Измерение скорости распространения инноваций в сети проводится по различным основаниям. Широко распространенной является каскадная концепция, например методология бинарных диффузионных каскадов построения вероятностной модели распространения заимствований через диффузионную сеть по годам [9]. Исследования структуры онлайн-диффузионных сетей и закономерностей каскадного распространения информации в онлайн-доменах, коммуникационных платформах, сетевых играх, микроблогах, включающих различные типы контента и способы обмена, привели к пониманию, что все каскады, т.е. волны распространения от актора к актору, являются небольшими, не складываются в длинную цепочку реципиентов. Таким образом опровергается тезис о том, что для социальных медиа характерны

стратегии «социальных эпидемий» [10]. Имеет значение и фактор широты охвата диффузионных сетей, оказывающий значительное влияние на восприятие политических практик других субъектов политики, и, как следствие, на процессы сетевой динамики [11]. Измерение внешних и внутренних механизмов диффузии инноваций возможно также на основе принципов теории точечного равновесия с использованием модели диффузии Басса [12].

Наиболее изученным феноменом влияния сети на скорость распространения информации являются эффекты «эхо-камеры» (Sunstein) и «пузырей фильтров» (Pariser). Касс Санстейн определил эхо-камеры (Echo Chamber) как возможность пользователей интернета со схожими интересами и взглядами объединяться в закрытые группы и в постоянном общении еще более укрепляться в своих мировоззренческих и иных предпочтениях, убеждаться в правильности ценностного выбора или идеологических установок [13. Р. 108]. Эли Паризер предложил схожее определение «пузырей фильтров», указывающее на механизм возникновения данного эффекта в сети Интернет: «Фильтры нового поколения изучают то, что вам, судя по всему, нравится: ваши предшествующие действия или то, что нравится людям, похожим на вас, – и пытаются экстраполировать эти данные. Это механизмы предсказаний, постоянно уточняющие теорию о том, кто же вы на самом деле, что вы сделаете и чего захотите дальше. Вместе они творят уникальную информационную вселенную для каждого из нас – я называю этот процесс возведением “стены фильтров” – и фундаментально меняют наш подход к восприятию информации» [14. С. 19]. Как результат фильтрации информации, производимой сетевой системой, объединение единомышленников превращается постепенно в устойчивые сетевые группы, отличающиеся идентичностью и, как следствие, радикализацией взглядов ее участников.

Пользователи сети сами решают, распространять ли контент, тем самым создавая информационные каскады в идентичных сообществах, еще более усиливая избирательное воздействие и групповую поляризацию. Эффект эхо-камеры проявляется в том, что пользователи склонны воспринимать только подтверждающие утверждения и игнорировать очевидные опровержения [15]. Даже имея в своем распоряжении весь новостной контент мировой интернет-паутины, люди, как правило, посещают страницы своих привычных информационных агентств [16]. Возможность разрушения эффекта эхо-камер на примере политических коммуникационных сетей зависит от разнообразия политической позиции аудитории. Эмпирически доказано, что рост фильтрующих пузырей поощряют в основном крупные сети, а более восприимчивы к их влиянию новички в сети [17]. Управляемые сетевые эффекты создаются также с помощью программного обеспечения учетных записей [18] и поисковых запросов [19].

Медиаэффекты эхо-камер и пузырей фильтров, создаваемые отчасти техническими возможностями сетей, вместе с тем имеют и иные основания, связанные с когнитивными способностями сетевых пользовате-

лей к рецепции инноваций, с определенными ограничениями.

Когнитивная рецепция инноваций сетевыми пользователями

Когнитивистский подход позволяет сфокусироваться на процессе распространения новой информации и знаний – элементах познания и накопления знаний в социальных медиа. С точки зрения когнитивистики практики использования диффузионных сетей в качестве каналов распространения инноваций в сложных социотехнических системах направлены на решение двух проблем: «расширение способности группы осмысливать все более сложный мир и сотрудничество во все более крупных группах» [20].

Скорость распространения инноваций, выбранная в качестве индикатора, в оценке когнитивных возможностей сетевых пользователей зависит от нескольких достаточно детально изученных в научной литературе когнитивных факторов, широко известных еще до наступления цифровой эпохи. Наиболее значимыми из них являются такие феномены познания, как когнитивная ригидность и когнитивная неопределенность, порождающие уникальные когнитивные медиаэффекты в сети Интернет.

Когнитивная ригидность в широком значении слова понимается как неспособность изменить картину мира в личном восприятии. Другая крайность снижения когнитивной гибкости – осознанное неприятие иной мировоззренческой позиции – объясняется приверженностью взглядам определенной группы [21]. Дискуссии ведутся прежде всего по вопросу роли когнитивной ригидности в формировании политических идеологий и мировоззрения людей. Доказано, что низкий уровень когнитивной гибкости не зависит от политической и идеологической ориентации, но наиболее характерен для идеологического мышления в сферах национализма, религиозности и экстремизма [22].

Однако большая часть сетевых пользователей находится в состоянии когнитивной неопределенности в отношении восприятия новой поступающей информации и составляет отдельную группу с точки зрения особенностей рецепции инноваций. Иное аналогичное употребляемое понятие – когнитивная несогласованность. В любом варианте от сетевых пользователей требуется более глубокая рефлексия и поиск дополнительной информации, необходимой для ее согласования со своей позицией. В случае когнитивной несогласованности в качестве информационных источников рассматриваются либо средства массовой информации, либо референтные группы, либо лидеры мнений [23]. Доказано, что когнитивная неопределенность значительно влияет на скорость распространения информации в социальных сетях, снижая ее, и может быть представлена как фактор пределов познавательной способности человека в организованных сетевых структурах [24].

Проблема неопределенности в ряде теорий рассматривается с позиций закономерностей межличностного общения. Чарльз Бергер и Ричард Калабресе

в коммуникативной теории снижения неопределенности (The uncertainty reduction theory) трактуют неопределенность как наличие ряда возможных альтернатив предсказания или объяснения и рассматривают ее как когнитивный процесс коммуникации. Ими выделены две основные категории, позволяющие операционализировать теоретические конструкты применительно к повседневным практикам: когнитивная неопределенность и поведенческая неопределенность. Когнитивная неопределенность – это неопределенность в знании того, что другой человек думал или думает, или неуверенность в собственных мыслях, а поведенческая неопределенность – это неопределенность, связанная с возможностью предсказать или объяснить поведение другого человека [25]. Американский специалист по межличностной коммуникации Уильям Гудикунст, опираясь на концепцию Чарльза Бергера, предложил свою теорию управления беспокойством и неопределенностью [26], где среди прочих аспектов неопределенности выделил ориентированную на положительные ожидания способность объяснять поведение партнеров по коммуникации. По сути, можно утверждать, что это и есть объяснение появления сетевых эффектов «эхо-камер» с точки зрения психологии межличностных взаимодействий.

Когнитивные процессы, связанные с фильтрацией только позитивно воспринимаемой информации, объясняются также состоянием избирательного воздействия и гомофилии. Эффект избирательного воздействия часто рассматривается с позиций теории селективного влияния Мелвина Дефлера и теории когнитивного диссонанса Леона Фестингера, развивающей ее положения о предпочтении людьми информации, не противоречащей их взглядам, в целях избегания дискомфортной ситуации невозможности согласования противоречивых утверждений. Однако, по мнению Леона Фестингера, в ситуации избытка информации человек скорее откажется от своих убеждений [27], этот эффект впоследствии будет использован в различных интернет-технологиях когнитивного манипулирования. Интернет создает все условия для избирательного воздействия, к социальным (или новым) медиа люди обращаются, когда не согласны или не доверяют информации из печатных СМИ [28].

Концепт гомофилии основан на склонности людей выбирать взаимодействие с себе подобными – сходство порождает связь. Гомофилия структурирует сетевые связи любого типа, включая передачу информации, в результате индивидуальные сетевые интеракции становятся однородными по многим социально-демографическим, поведенческим и внутриличностным характеристикам. Между структурой диффузионных сетей, распространяющих влияние одних сетевых акторов на других, и гомофильных диффузных сетей при всей схожести есть и отличие, проявляющееся в динамике. Диффузия, вызванная влиянием одного актора на другого, демонстрирует быстрое, экспоненциальное и менее предсказуемое распространение по типу инфекции по мере своего развития, а гомофильные сети имитируют распространение без причинного воздействия [29]. Установлена еще одна закономерность индивидуального и

коллективного поведения, объединяющая пользователей в сетевые сообщества: взаимодействие ведет к общему знанию, а относительное общее знание ведет к взаимодействию [30].

Теоретические конструкты, как бы глубоки в смысловых оценках они ни были, требуют операционализации для эмпирического описания сложившихся сетевых практик взаимодействия пользователей сети чрезвычайно разнообразных по форме и проявлению видимых эффектов.

Технологии установления когнитивного сетевого контроля и их медиаэффекты

Одной из прикладных сфер применения теоретических знаний в интернет-пространстве является поиск технологий установления контроля над сетевыми пользователями с перспективой выхода на технологии управления как воплощение идей социального конструктивизма. Установление сетевого контроля возможно в двух видах: либо это контроль над самой сетью (например, в виде запретительной формы цензуры), либо контроль над когнитивными возможностями сетевых акторов, что можно назвать «когнитивной цензурой» [31]. При очевидных различиях, объединяющим основанием является принцип перекрытия возможностей коллективного осмысления или коллективной памяти. Когнитивный контроль как психологический процесс направлен на «переопределение, ограничение или подавление нежелательных, но доминирующих тенденций реакции» [32], прежде всего это относится к основным когнициям памяти и познанию. Попытки установления когнитивного сетевого контроля вызывают «возмущение» социальных сетей в виде определенных медиаэффектов, направленных на обход прямых форм цензурирования, формирование альтернативной коллективной памяти как одной из базовых когнитивных способностей человека и перехватывание инициативы в создании нового знания.

Медиаэффект антицензуры. Когнитивная цензура, в отличие от официальной запретительной цензуры, направлена на ослабление когнитивных способностей человека с целью установления «ментального контроля» при выборе «жанров, тем, аргументации, стиля, риторики и презентации публичного дискурса» (Т. ван Дейк). Основные используемые стратегии в медийном пространстве: фальсификация, абсурдизация и мистификация.

Действие, как известно, рождает противодействие. Открытым формам цензуры на пространстве интернета противостоит деятельность по созданию альтернативных, свободных от цензуры медиаплатформ по защите свободы слова во всем мире, публикующих запрещенные статьи, аналитическую информацию и комментарии, таких, например, как журнал «Индекс цензуры» [33]. Пользователям сети хорошо известен и обходной путь доступа к закрытым цензурой источникам информации через прокси-серверы (промежуточные серверы в компьютерных сетях). Более изощренные формы когнитивной цензуры, построенные не на сокрытии информации, а на принципах отвлечения

внимания, фальсификации, абсурдизации, вызывают симметричный ответ пользователей в виде особого рода цифровой антицензуры, использующей широкие возможности сети Интернет, зачастую выражающиеся в символических войнах.

В этой связи чрезвычайно интересен опыт Китая по созданию «Золотого щита» интернет-цензуры и ответных мер «народного сопротивления» в виде антицензуры и практик сетевого активизма, часто принимающих по-конфуциански завуалированную форму. К технологиям когнитивной антицензуры социальных медиа могут быть отнесены различные виды дискурсивных стратегий: сопротивления путем создания слухов, высмеивания официального дискурса посредством сатиры [34], войн символических дискурсов [35], ироничного использования государственного языка в повседневной речевой практике как в интернете, так и в разговорах с согражданами [36], невербального дискурса посредством безобидных символов, имеющих одинаковое или схожее произношение с цензурируемыми словами [37], бриколажа (Bricolage), т.е. создания новых значений путем переработки фрагментов [38].

Медиаэффект сетевой коммеморации. Сетевая коммеморация, в отличие от той, которую впервые описал Пьер Нора в концепции «мест памяти» как материальный компонент исторической памяти, имеет множество иных сетевых мнемонических акторов, места коммеморации и ритуалы памяти. Можно выделить в этом качестве мнемонических акторов и соответствующий кластер мнемонических практик, имеющих такие формы, как сайты памяти [39], или, наоборот, использование сетевых технологий для забвения травматических событий [40]; онлайн-архивы личных воспоминаний о тех или иных исторических событиях, спорных моментах прошлого [41]. Цифровое архивирование на социальных медиаплатформах также может быть использовано в качестве инструмента не только памяти, но и забвения посредством создания «цифровых пустот» [42]. Хранилищем оперативной памяти о текущих событиях становятся коллективные воспоминания [43] или альтернативные нарративы как форма коллективной рефлексии появившихся в публичном пространстве ранее неизвестных исторических документов [44].

Медиаэффект управления знанием. Когнитивные, т.е. познавательные, процессы приводят в результате к получению нового знания. В настоящее время в обществе растущий интерес вызывают технологии создания знания о знании и управления знанием (М. Кастельс). Участвовать в этом процессе могут любые сетевые группы, в том числе сетевые сообщества знаний [45]. Наглядным примером коллективного творчества является Википедия как социальный ресурс конструирования знаний [46]. Онлайн-энциклопедии – это не только хранилище неофициальной исторической памяти, но медиаплощадка для написания нарратива коллективной памяти [47].

Создание архивов является частью процесса коммеморации, открывающего перспективы нового этапа «великой архивной революции», вводящего в научный оборот новые и новые источники от частных лиц,

представляющие интерес для историков. Архивирование также может быть рассмотрено как элемент технологии, дающей «сообществам пользователей» возможность оставлять свои комментарии к архивированным материалам, превращающей их в творцов исторического нарратива [48]. Пользователи сети, независимо от групповой принадлежности к сетевым сообществам, могут выступать не только в качестве сетевых акторов распространения информации пропагандистского толка, но и в качестве производителей контента. Предметом исследования диффузионизма в области массовых коммуникаций социальных медиа является распространение новостей в сети Интернет, особенностью современного этапа является приобщение участников сети не только к распространению, но и процессу производства новостей [49].

Выводы

В результате проведенного исследования сетевых медиаэффектов удалось обобщить некоторые их закономерности на материале зарубежного опыта изучения диффузионных сетей, поскольку в России тема диффузии политики практически не представлена в научном дискурсе и освещается незначительно в рамках инновационного диффузионизма. К закономерностям можно отнести утверждение о влиянии сетевых каналов коммуникации Интернета в качестве коммуникативного посредника на функционирование сетевых акторов; объединение части сетевых сообществ в группы единомышленников, объясняемое принципом гомофилии; состояние когнитивной неопределенности в восприятии инноваций, свойственное для значительной части пользователей сети.

Медиаэффектами, обязанными своим появлением техническим возможностям интернета по манипулированию контентом в соответствии с предпочтениями сетевых пользователей, являются «эхо-камеры» и «пузыри фильтров». Как порождение технологий когнитивного сетевого контроля можно рассматривать медиаэффекты когнитивной антицензуры, особые формы сетевой коммеморации по сохранению исторической памяти и создание медиаплощадок открытого доступа, позволяющих сетевым пользователям коллективно производить новое знание. Эффективное управление интернет-сообществами, а не манипуляция, в перспективе будет возможно только при переходе на следующий уровень технологий публичного менеджмента – «*governance*» (соуправление).

Подводя итог, следует отметить, что тема медиаэффектов, возникающих в результате попыток установления контроля над участниками сетевой коммуникации, далеко не исчерпана. Полученные результаты выводят новый пласт проблем, требующих осмысления, например: влияние сетевого активизма как виртуального движения на реальную публичную политику; предотвращение манипулятивного воздействия на пользователей сети со стороны структур власти и одновременно поиск современных форм управления в цифровую эпоху; неприятие различных видов сетевого контроля, связанных с ограничением когнитивной свободы, или свободы мысли; борьба с

радикализацией идеологических установок в сетевом пространстве, ведущих к воплощению их в реальной практике в виде различных экстремистских форм деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maggetti M. The rewards of cooperation: The effects of membership in European regulatory networks // *European Journal of Political Research*. 2014. Vol. 53, № 3. P. 480–499.
2. SPID: A New Database for Inferring Public Policy Innovativeness and Diffusion Networks / F. Boehmke, M. Brockway, B. Desmarais, J. Harden, S. LaCombe, F. Linder, H. Wallach // *Policy Studies Journal*. 2020. Vol. 48, № 2. P. 517–545.
3. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-network-Theory. New York : Oxford University Press, 2005. 280 p.
4. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // *Логос*. 2017. Т. 27, № 1. С. 173–201.
5. Coudry N. Actor network theory and media: Do they connect and on what terms? // *Connectivity, Networks and Flows: Conceptualizing Contemporary Communications* / A. Hepp, F. Krotz, S. Moores, C. Winter (eds.). Cresskill; New York : Hampton Press, Inc., 2008. P. 93–110.
6. Valente T. Network models of the diffusion of innovations // *Computational and Mathematical Organization Theory*. 1996. Vol. 2, № 2. P. 163–164.
7. Plesner U. An actor-network perspective on changing work practices: Communication technologies as actants in newswork // *Journalism*. 2009. Vol. 10, № 5. P. 604–626.
8. Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics // *Information, communication and society*. 2012. Vol. 15, № 5. P. 739–768.
9. Desmarais B., Harden J., Boehmke F. Persistent policy pathways: Inferring diffusion networks in the American states // *American Political Science Review*. 2015. Vol. 109, № 2. P. 392–406.
10. Goel S., Watts D., Goldstein D. The structure of online diffusion networks // *Proceedings of the 13th ACM Conference on Electronic Commerce (Valencia Spain. June 2012)* / B. Faltings, K. Leyton-Brown, P. Ipeirotis (eds.). New York : Association for Computing Machinery, 2012. P. 623–638.
11. Gilardi F., Shipan C., Wueest B. Policy diffusion: The issue-definition stage // *American Journal of Political Science*. 2020. DOI: 10.1111/ajps.12521
12. Boushey G. Punctuated equilibrium theory and the diffusion of innovations // *Policy Studies Journal*. 2012. Vol. 40, № 1. P. 127–146.
13. Sunstein C.R. *Echo chambers*. Princeton : Princeton University Press, 2001. 108 p.
14. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / пер. с англ. А. Ширикова. М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с.
15. Quattrociochi W., Scala A., Sunstein C.R. Echo chambers on Facebook. SSRN Scholarly Paper ID 2795110 // *Social Science Research Network*. Rochester, New York. 2016. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2795110 (дата обращения: 09.03.2020).
16. Flaxman S., Goel S., Rao J. Filter bubbles, echo chambers and online news consumption // *Public opinion quarterly*. 2016. Vol. 80, № S1. P. 298–320.
17. Madsen J., Bailey R., Pilditch T. Large networks of rational agents form persistent echo chambers // *Scientific reports*. 2018. Vol. 8, № 1. P. 12391.
18. Stella M., Ferrara E., Domenico M. Bots increase exposure to negative and inflammatory content in online social systems // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018. Vol. 115, № 49. P. 12435–12440.
19. Tabrizi S., Shakeri A. Perspective-based search: a new paradigm for bursting the information bubble // *Facets*. 2019. Vol. 4, № 1. P. 350–388.
20. Rahwan I. Towards Scalable Governance: Sensemaking and Cooperation in the Age of Social Media // *Philosophy and Technology*. 2017. Vol. 30, № 2. P. 161–178.
21. Higham D., Mantzaris A. A network model for polarization of political opinion // *Chaos: An Interdisciplinary Journal of Nonlinear Science*. 2020. Vol. 30, № 4. P. 043109.
22. Zmigrod L., Rentfrow P., Robbins T. The partisan mind: Is extreme political partisanship related to cognitive inflexibility? // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2020. Vol. 149, № 3. P. 407–418.
23. Kim D., Kee K., Dearing J. Applying the communication theory of Diffusion of Innovations to economic sciences: a response to the «Using gossips to spread information» experiments conducted by the 2019 Nobel Laureates // *Journal of Applied Communication Research*. 2020. Vol. 48, № 2. P. 157–165.
24. Lerman K. Information is not a virus, and other consequences of human cognitive limits // *Future Internet*. 2016. Vol. 8, № 2. P. 21. URL: <https://www.mdpi.com/1999-5903/8/2/21> (дата обращения: 09.03.2020).
25. Redmond M. Uncertainty reduction theory // *English Technical Reports and White Papers*. 3. 2015. URL: https://lib.dr.iastate.edu/engl_reports/3 (дата обращения: 9.03.2020).
26. Gudykunst W. An anxiety/uncertainty management (AUM) theory of effective communication. Making the Mesh of the Net Finer // *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks ; London ; New Delhi : Sage Publications, 2005. P. 281–322.
27. Festinger L. *Theory of Cognitive Dissonant*. Stanford : Stanford University Press, 1957. 291 p.
28. Stroud N. Selective Exposure Theories // *Oxford handbook of political communication* / K. Kenski, K. Jameson (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2017. P. 531–549.
29. Aral S., Muchnik L., Sundararajan A. Distinguishing influence-based contagion from homophily-driven diffusion in dynamic networks // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009. Vol. 106, № 51. P. 21544–21549.
30. Carley K. A theory of group stability // *American Sociological Review*. 1991. Vol. 56, № 3. P. 331–354.
31. Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. Strategies of Cognitive Political Censorship as an effect «New Media» // *Dilemas contemporaneous: Educacion, Politica y Valores*. 2020. Vol. 7, № 2. P. 91.
32. Inzlicht M., Bartholow B., Hirsh J. Emotional foundations of cognitive control // *Trends in cognitive sciences*. 2015. Vol. 19, № 3. P. 126–132.
33. Index on Censorship. URL: <https://journals.sagepub.com/home/ioc> (дата обращения: 09.03.2020).
34. Wu X. Discursive strategies of resistance on Weibo: A case study of the 2015 Tianjin explosions in China // *Discourse, context and media*. 2018. Vol. 26. P. 64–73.
35. Cao X. Censorship and Everyday Forms of Resistance in Chinese Cyberspace. A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Media Studies. The University of Auckland, 2015. URL: <https://researchspace.auckland.ac.nz/handle/2292/28131> (дата обращения: 09.03.2020).
36. Nordin A., Richaud L. Subverting official language and discourse in China? Type river crab for harmony // *China information*. 2014. Vol. 28, № 1. P. 47–67.
37. Tang L., Yang P. Symbolic power and the internet: The power of a «horse» // *Media, Culture and Society*. 2011. Vol. 33, № 5. P. 675–691.
38. Schmidt L., de Kloet J. Bricolage: Role of Media // *The International Encyclopedia of Media Effects* / P. Rössler, C. Hoffner, L. Zoonen (eds.). Hoboken; New York : John Wiley and Sons, Incorporated. 2017. DOI: 10.1002/9781118783764.wbieme0116
39. Ashuri T. (Web) sites of memory and the rise of moral mnemonic agents // *New Media and Society*. 2012. Vol. 14, № 3. P. 441–456.
40. Ashuri T. Joint memory: ICT and the rise of moral mnemonic agents // *On Media Memory. Collective memory in a new media age* / M. Neiger, O. Meyers, E. Zandberg (eds). London : Palgrave Macmillan, 2011. P. 104–113.
41. Atkinson S., Whatley S. Digital archives and open archival practices // *Convergence*. 2015. Vol. 21, № 1. P. 3–7.
42. Jacobsen B. Sculpting digital voids: The politics of forgetting on Facebook // *Convergence*. 2020. P. 1354856520907390.

43. Han E. Journalism and mnemonic practices in Chinese social media: Remembering catastrophic events on Weibo // *Memory Studies*. 2020. Vol. 14, № 3. P. 162–175.
44. Wang Y. Contesting the past on the Chinese Internet: Han-centrism and mnemonic practices // *Memory Studies*. 2019. URL: <https://doi.org/10.1177/1750698019875996> (дата обращения: 09.03.2020).
45. Hwang E., Krackhardt D. Online Knowledge Communities: Breaking or Sustaining Knowledge Silos? // *Production and Operations Management*. 2020. Vol. 29, № 1. P. 138–155.
46. Bilić P. «Searching for a centre that holds» in the network society: Social construction of knowledge on, and with, English Wikipedia // *New media and society*. 2015. Vol. 17, № 8. P. 1258–1276.
47. Gustafsson K. Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12, № 2. P. 184–197.
48. Flinn A. Independent Community Archives and Community-Generated Content: Writing, Saving and Sharing our Histories // *Convergence*. 2010. Vol. 16, № 1. P. 39–51.
49. Cohen Y. Diffusion Theories: News Diffusion // *The International Encyclopedia of Media Effects* / P. Rössler, C. Hoffner, L. Zoonen (eds). Hoboken, New York : John Wiley and Sons, Incorporated. 2017. DOI: 10.1002/9781118783764.wbieme0060.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 3 июня 2020 г.

Media Effects in the Structure of Diffusion Networks: Cognitive Network Control Technologies

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 128–135.

DOI: 10.17223/15617793/456/14

Tat'yana A. Podshibyakina, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: tan5@bk.ru

Keywords: diffusion networks; social media; cognitive control; political censorship; innovation; historical memory.

The study is supported by the Russian Foundation For Basic Research, Project No. 18-011-00906 A.

The formation of social media, also referred to as new media, entailed the emergence of a number of problems for the authorities, one of which is the limited control over their activities. This study aims to identify and describe network practices of social media functioning in the structure of diffusion networks; establish their cognitive forms and analyze their inherent media effects; assess the prospects for managing a diffusion network and methods of network control over the transfer and accumulation of knowledge. The hypothesis is the assumption that diffusion networks are not only a structural element of network interaction, but can also be considered as an independent actor in network communication on the Internet. Bruno Latour's actor-network theory, which allows considering the network as an independent actor, was chosen as a methodological justification. To conceptualize the concept of diffusion networks, the author used the network approach and theoretical positions of diffusionism to describe the main characteristic of diffusion networks—diffusion, that is, the spontaneous, unhindered distribution of innovations (new information, ideas, patterns) over them. The evidence of the impact on network actors was built on the basis of the indicator of the slowdown in the spread of innovation across networks, which indicates certain obstacles associated either with the influence of the network itself as a communication channel, or with the cognitive effects of innovation reception by network communities, or with administrative intervention in the form of attempts to establish direct control over network actors. As a result of the study of network media effects, it is possible to generalize some of their regularities on the material of foreign experience in the study of diffusion networks since in Russia the topic of policy diffusion is practically not represented in the scientific discourse and is covered insignificantly in the framework of innovative diffusionism. The regularities include the statement about the influence of network communication channels of the Internet as a communicative intermediary on the functioning of network actors; the unification of part of network communities into like-minded groups explained by the principle of homophily; the state of cognitive uncertainty in the perception of innovation characteristic of a significant part of network users. Media effects, due to the appearance of the technical capabilities of the Internet in accordance with the preferences of network users, are echo chambers and filter bubbles. Media effects of cognitive anti-censorship, special forms of network commemoration to preserve historical memory, and the creation of open access media platforms that allow network users to collectively generate new knowledge can be considered as results of cognitive network control technologies. Management, and not manipulation, of Internet communities in the future will be possible only when moving to the next level of public management technologies—governance.

REFERENCES

1. Maggetti, M. (2014) The rewards of cooperation: The effects of membership in European regulatory networks. *European Journal of Political Research*. 53 (3). pp. 480–499.
2. Boehmke, F. et al. (2020) SPID: A New Database for Inferring Public Policy Innovativeness and Diffusion Networks. *Policy Studies Journal*. 48 (2). pp. 517–545.
3. Latour, B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-network-Theory*. New York: Oxford University Press.
4. Latour, B. (2017) On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More than a Few Complications. Translated from English by A. Pisarev. *Logos*. 27 (1). pp. 173–201. (In Russian).
5. Couldry, N. (2008) Actor network theory and media: Do they connect and on what terms? In: Hepp, A. et al. (eds) *Connectivity, Networks and Flows: Conceptualizing Contemporary Communications*. Cresskill; New York: Hampton Press, Inc. pp. 93–110.
6. Valente, T. (1996) Network models of the diffusion of innovations. *Computational and Mathematical Organization Theory*. 2 (2). pp. 163–164.
7. Plesner, U. (2009) An actor-network perspective on changing work practices: Communication technologies as actants in newswork. *Journalism*. 10 (5). pp. 604–626.
8. Bennett, W.L. & Segerberg, A. (2012) The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics. *Information, Communication and Society*. 15 (5). pp. 739–768.
9. Desmarais, B., Harden, J. & Boehmke, F. (2015) Persistent policy pathways: Inferring diffusion networks in the American states. *American Political Science Review*. 109 (2). pp. 392–406.
10. Goel, S., Watts, D. & Goldstein, D. (2012) The structure of online diffusion networks. In: Faltings, B., Leyton-Brown, K. & Ipeiritos, P. (eds) *Proceedings of the 13th ACM Conference on Electronic Commerce*. Valencia Spain. June 2012. New York: Association for Computing Machinery. pp. 623–638.
11. Gilardi, F., Shipan, C. & Wueest, B. (2020) Policy diffusion: The issue-definition stage. *American Journal of Political Science*. DOI: 10.1111/ajps.12521

12. Boushey, G. (2012) Punctuated equilibrium theory and the diffusion of innovations. *Policy Studies Journal*. 40 (1). pp. 127–146.
13. Sunstein, C.R. (2001) *Echo Chambers*. Princeton: Princeton University Press.
14. Pariser, E. (2012) *Za stenoy fil'trov. Chto Internet skryvaet ot vas?* [The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding From You]. Translated from English by A. Shirikov. Moscow: Al'pina Biznes Buks.
15. Quattrociochi, W., Scala, A. & Sunstein, C.R. (2016) *Echo Chambers on Facebook*. SSRN Scholarly Paper ID 2795110. Social Science Research Network. Rochester, New York. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2795110. (Accessed: 09.03.2020).
16. Flaxman, S., Goel, S. & Rao, J. (2016) Filter bubbles, echo chambers and online news consumption. *Public Opinion Quarterly*. 80 (S1). pp. 298–320.
17. Madsen, J., Bailey, R. & Pilditch, T. (2018) Large networks of rational agents form persistent echo chambers. *Scientific Reports*. 8 (1). p. 12391.
18. Stella, M., Ferrara, E. & Domenico, M. (2018) Bots increase exposure to negative and inflammatory content in online social systems. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 115 (49). pp. 12435–12440.
19. Tabrizi, S. & Shakery, A. (2019) Perspective-based search: a new paradigm for bursting the information bubble. *Facets*. 4 (1). pp. 350–388.
20. Rahwan, I. (2017) Towards Scalable Governance: Sensemaking and Cooperation in the Age of Social Media. *Philosophy and Technology*. 30 (2). pp. 161–178.
21. Higham, D. & Mantzaris, A. (2020) A network model for polarization of political opinion. *Chaos: An Interdisciplinary Journal of Nonlinear Science*. 30 (4). p. 043109.
22. Zmigrod, L., Rentfrow, P. & Robbins, T. (2020) The partisan mind: Is extreme political partisanship related to cognitive inflexibility? *Journal of Experimental Psychology: General*. 149 (3). pp. 407–418.
23. Kim, D., Kee, K. & Dearing, J. (2020) Applying the communication theory of Diffusion of Innovations to economic sciences: a response to the “Using gossips to spread information” experiments conducted by the 2019 Nobel Laureates. *Journal of Applied Communication Research*. 48 (2). pp. 157–165.
24. Lerman, K. (2016) Information is not a virus, and other consequences of human cognitive limits. *Future Internet*. 8 (2). p. 21. [Online] Available from: <https://www.mdpi.com/1999-5903/8/2/21>. (Accessed: 09.03.2020).
25. Redmond, M. (2015) Uncertainty reduction theory. *English Technical Reports and White Papers*. 3. [Online] Available from: https://lib.dr.iastate.edu/engl_reports/3. (Accessed: 09.03.2020).
26. Gudykunst, W. (2005) *Theorizing about Intercultural Communication*. Thousand Oaks; London; New Delhi: Sage Publications. pp. 281–322.
27. Festinger, L. (1957) *Theory of Cognitive Dissonant*. Stanford: Stanford University Press.
28. Stroud, N. (2017) Selective Exposure Theories. In: Kenski, K. & Jameson, K. (eds) *Oxford Handbook of Political Communication*. Oxford: Oxford University Press. pp. 531–549.
29. Aral, S., Muchnik, L. & Sundararajan, A. (2009) Distinguishing influence-based contagion from homophily-driven diffusion in dynamic networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 106 (51). pp. 21544–21549.
30. Carley, K. (1991) A theory of group stability. *American Sociological Review*. 56 (3). pp. 331–354.
31. Potseluev, S.P., Konstantinov, M.S. & Podshibyakina, T.A. (2020) Strategies of Cognitive Political Censorship as an effect “New Media”. *Dilemmas contemporaneous: Educacion, Politica y Valores*. 7 (2). p. 91.
32. Inzlicht, M., Bartholow, B. & Hirsh, J. (2015) Emotional foundations of cognitive control. *Trends in Cognitive Sciences*. 19 (3). pp. 126–132. DOI: 10.1016/j.tics.2015.01.004
33. *Index on Censorship*. [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/home/ioc>. (Accessed: 09.03.2020).
34. Wu, X. (2018) Discursive strategies of resistance on Weibo: A case study of the 2015 Tianjin explosions in China. *Discourse, Context and Media*. 26. pp. 64–73.
35. Cao, X. (2015) *Censorship and Everyday Forms of Resistance in Chinese Cyberspace*. A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Media Studies. The University of Auckland. [Online] Available from: <https://researchspace.auckland.ac.nz/handle/2292/28131>. (Accessed: 09.03.2020).
36. Nordin, A. & Richaud, L. (2014) Subverting official language and discourse in China? Type river crab for harmony. *China Information*. 28 (1). pp. 47–67.
37. Tang, L. & Yang, P. (2011) Symbolic power and the internet: The power of a “horse”. *Media, Culture and Society*. 33 (5). pp. 675–691.
38. Schmidt, L. & de Kloet, J. (2017) Bricolage: Role of Media. In: Rössler, P., Hoffner, C. & Zoonen, L. (eds) *The International Encyclopedia of Media Effects*. Hoboken; New York: John Wiley and Sons, Incorporated. DOI: 10.1002/9781118783764.wbieme0116.
39. Ashuri, T. (2012) Web sites of memory and the rise of moral mnemonic agents. *New Media and Society*. 14 (3). pp. 441–456.
40. Ashuri, T. (2011) Joint memory: ICT and the rise of moral mnemonic agents. In: Neiger, M., Meyers, O. & Zandberg, E. (eds) *On Media Memory. Collective Memory in a New Media Age*. London: Palgrave Macmillan. pp. 104–113.
41. Atkinson, S. & Whatley, S. (2015) Digital archives and open archival practices. *Convergence*. 21 (1). pp. 3–7.
42. Jacobsen, B. (2020) Sculpting digital voids: The politics of forgetting on Facebook. *Convergence*. DOI: 10.1177/1354856520907390
43. Han, E. (2020) Journalism and mnemonic practices in Chinese social media: Remembering catastrophic events on Weibo. *Memory Studies*. 14 (3). pp. 162–175.
44. Wang, Y. (2019) Contesting the past on the Chinese Internet: Han-centrism and mnemonic practices. *Memory Studies*. DOI: 10.1177/1750698019875996
45. Hwang, E. & Krackhardt, D. (2020) Online Knowledge Communities: Breaking or Sustaining Knowledge Silos? *Production and Operations Management*. 29 (1). pp. 138–155.
46. Bilić, P. (2015) “Searching for a centre that holds” in the network society: Social construction of knowledge on, and with, English Wikipedia. *New Media and Society*. 17 (8). pp. 1258–1276.
47. Gustafsson, K. (2019) Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias. *Memory Studies*. 12 (2). pp. 184–197.
48. Flinn, A. (2010) Independent Community Archives and Community-Generated Content: Writing, Saving and Sharing our Histories. *Convergence*. 16 (1). pp. 39–51.
49. Cohen, Y. (2017) Diffusion Theories: News Diffusion. In: Rössler, P., Hoffner, C. & Zoonen, L. (eds) *The International Encyclopedia of Media Effects*. Hoboken, New York: John Wiley and Sons, Incorporated. DOI: 10.1002/9781118783764.wbieme0060

Received: 03 June 2020

К.Л. Хомякова

МИГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЕОРИИ САСКИИ САССЕН)

Рассматриваются особенности теоретико-методологических взглядов Саскии Сассен на современную миграционную ситуацию в мире. Раскрыта суть методологии исследовательницы, определены ключевые понятия и термины, обозначены основные проблемы и перспективы дальнейшего анализа миграции в условиях глобальных трансформаций.

Ключевые слова: миграция; глобализация; глобальные города; гражданство; национальность.

Осмысление миграции является одним из важнейших структурообразующих элементов социологической теории современного американского ученого, профессора Колумбийского университета Саскии Сассен. В отечественной социологии С. Сассен известна как автор концепции глобального города, являющейся значимым, но не единственным компонентом ее теоретических построений. Лишь немногие исследователи [1, 2] сосредотачиваются на анализе роли миграционных процессов в функционировании глобальных городов, без чего невозможно раскрытие сути теории С. Сассен. Так, понятие «миграции» позволяет исследовать важные аспекты связанности глобальных городов [3. С. 148], выявить механизмы формирования транснациональных сетей городов и определить их влияние на социальную систему в целом [4. Р. 32].

Сегодня миграция зачастую рассматривается социологическим сообществом в контексте «социальных барьеров, препятствующих реализации их потенциала в принимающем обществе, причинами которых становится принадлежность мигрантов к другой расе (этносу) и культуре, чуждой для принимающей их страны» [5. С. 154], что подчеркивает значимость социальных аспектов миграции, которые занимают важное место и в теории С. Сассен.

Цель статьи – выявить особенности теоретико-методологического подхода С. Сассен в исследовании миграции и определить ее основной вклад в дальнейшие перспективы анализа глобальных миграционных процессов.

В смысловом и концептуальном значении тема миграции является составляющим элементом общей теории глобализации С. Сассен, однако хронологически данная проблематика появляется в ее работах раньше остальных. В частности, в работе «Мобильность труда и капитала: исследование международных инвестиций и трудовых потоков» [6] социолог сосредотачивается на анализе взаимосвязи экономической глобализации и глобальных миграционных процессов.

Как утверждает С. Сассен, мобильность капитала и трудовую миграцию принято рассматривать как несвязанные между собой процессы, что препятствует их адекватному исследованию. Анализ социально-экономических трансформаций 1960-х гг., а именно массовый рост глобальных инвестиционных потоков транснациональных корпораций и международных субподрядов промышленно развитых стран, распро-

странение зон экспортной переработки в странах третьего мира, децентрализация производственного процесса и демонтаж промышленного комплекса [7], приводят С. Сассен к выводу о существовании взаимосвязи труда и капитала как двух составляющих процесса глобализации финансово-экономических отношений и практики оформления функций глобального контроля.

Социолог иллюстрирует данный тезис на примерах, в частности Мексики, в которой «перенос производства резиновых шин или автосборочных заводов представляет собой разложение старых отраслей промышленности, в то время как создание низкооплачиваемых полупроводниковых сборочных заводов в Юго-Восточной Азии – создание новой отрасли. Однако и то, и другое влечет за собой организацию отношений между капиталом и трудом, которая стремится максимизировать использование низкооплачиваемого труда» [7. Р. 239]. Иными словами, С. Сассен фиксирует как процесс пространственной реорганизации производства, так и технические, социально-экономические и политические трансформации, способствующие интенсификации глобальной миграции.

Необходимо отметить, что «меры, призванные сдерживать иммиграцию (иностранные инвестиции и стимулирование ориентированного на экспорт роста в развивающихся странах) оказали прямо противоположный эффект. Так Корея, Тайвань, Мексика, Доминиканская Республика и другие страны, которые были основными получателями иностранных инвестиций со стороны США, в последние десятилетия XX в. стали одними из основных поставщиков мигрантов в Америку» [8. Р. 9]. Фактически иностранные инвестиции в сочетании с мерами реструктуризации экономики в менее развитые страны повышают вероятность эмиграции. Данный тезис С. Сассен «шел вразрез с устоявшимися представлениями о том, что такие инвестиции удержат потенциальных эмигрантов» [9], что доказывало необходимость дальнейших исследований данной темы.

«В своих исследованиях, – утверждает С. Сассен, – я придерживаюсь собственной “аналитической тактики”, – свободы позиционировать себя так, как я хочу, или так, как мне необходимо, в отношении объекта исследования. Я определяю это как пространство “перед методом”» [10. Р. 79]. Иными словами, ученый изначально выбирает путь, предполагающий критическое переосмысление устоявшихся в науке понятий и категорий, содержание которых считается привыч-

ным, понятным и исчерпывающим в рамках объяснения социальных процессов.

В отношении миграции С. Сассен отмечает: «Многое из того, что мы до сих пор обозначаем как “иммиграция” и “этническая принадлежность”, на самом деле представляет собой ряд процессов, связанных, во-первых, с глобализацией экономической деятельности, культурой и формированием идентичности, и во-вторых, со все более заметной сегментацией рынка труда по расово-этнической принадлежности. Компоненты производственного процесса в развитой глобальной информационной экономике, которые осуществляются за счет труда иммигрантов, не признаются в качестве части этой глобальной информационной экономики» [11. Р. 82].

С. Сассен настаивает на необходимости пересмотра повсеместно распространенных и используемых в научном, политическом и общественном дискурсах понятий и категорий: глобализация, урбанизация, территория, финансы, миграция, гражданство, неравенство и т.д. Она отмечает, что «например, формальное определение категории “экономика” в традиционном ее толковании не включает вопросы, связанные с длительной безработицей, растущими участками мертвой земли, сокращающих рабочее и жизненное пространство, тактикой выживания и практикой перемещенных лиц и т.д.» [12. Р. 129]. Содержание многих понятий не учитывает значимые аспекты функционирования общественной системы. И миграция не является исключением.

Международная организация по миграции определяет мигранта, как «лицо, покидающее свое обычное место жительства (в пределах одной страны или через международную границу), временно или постоянно, и по различным причинам» [13]. Данное определение С. Сассен считает содержательно неполным в силу того, что оно не отражает специфики социально-экономического, политического положения мигранта, исторической обусловленности данной категории, а также ключевых причин возникновения миграционных процессов. Социолог указывает на несоответствие научного и общественно-политического языка описания сущности миграции и категории мигранта как такового реальной действительности, обозначая данную ситуацию как «отставание» [14].

Проводя анализ особенностей миграции, С. Сассен задействует историко-генетический метод, на который она указывает в своих ключевых работах: «Основной смысл заключается в том, чтобы использовать историю как естественный эксперимент, который прошел свой путь и, следовательно, позволяет нам понять характер “разрывов” во взаимосвязи различных элементов социальной системы», – отмечает социолог [15. Р. 7]. Тем самым она указывает на необходимость обращения к историческому материалу как к источнику аналитических возможностей для объяснения существующих механизмов, факторов и причин миграционных процессов.

В работе «Гости и чужаки» С. Сассен отмечает, что выявление ключевых причин миграции в глобальном мире станет возможным, если мы обратимся к двухсотлетней истории Западной Европы: «Моя цель состоит в исследовании того, как история мигра-

ции и беженцев в Европе за последние два столетия может привести к интерпретации, которая освободит нас от понимания миграции как “массового вторжения”» [15. Р. 26]. Социолог старается преодолеть тенденцию к своеобразному редукционизму в интерпретации сущности миграционных процессов и их основных причин: «Когда преследования, нищета и перенаселение будут рассматриваться как недостаточные причины для объяснения миграционных потоков, тогда образы и метафоры “вторжения” станут для нас не актуальными», – утверждает С. Сассен [15. Р. 27].

Социолог обращается к истории Западной Европы также для прослеживания этапов эволюции понятия «национальность» и указывает на принципиальный момент в понимании взаимосвязи территории, национальности и государственной власти: «Исторически “национальное” восходит к ранней европейской государственной системе и описывает неотъемлемую, постоянную и исключительную связь индивида с сувереном. Однако хотя данный тип социальных отношений и мог считаться оправданным во времена ограниченной индивидуальной мобильности, в условиях промышленной революции и активизации крупномасштабных потоков миграции данный тип взаимосвязи перестает быть актуальным» [16. Р. 282]. Иными словами, возникают вопросы, регулирование которых предполагает уже управление не конкретными субъектами, а территориями, массовыми социально-экономическими процессами и явлениями в их непосредственной взаимосвязи с правами человека.

С. Сассен фиксирует возникновение новой организационной логики, в рамках которой государственный суверенитет становится организующим принципом международной системы, а «термины “гражданство” и “национальность” традиционно связываются с национальным государством» [16. Р. 282]. Однако в условиях глобализации система национальной государственности подвергается значительным трансформациям, а само понятие «гражданство» приобретает множество смыслов и модификаций толкования. Особенно заметными, по мнению С. Сассен, данные изменения становятся в том случае, когда мы обращаемся к глобальным городам.

Как справедливо отмечают современные исследователи, «глобальные города – это своего рода “пограничные пространства”, которые позволяют глобальным корпоративным субъектам интегрироваться в национальную экономику» [17. С. 167]. Именно в рамках данного пространства становится заметной и получает возможность «присутствия» та категория людей, которую нельзя назвать «мигрантами» в привычном смысле слова и которая не поддается описанию на устоявшемся аналитическом языке.

Эти люди, по мнению С. Сассен, покидают свою родную землю не в целях улучшения условий жизнедеятельности, а в поисках минимально возможных условий, вплоть до жилья и питьевой воды. Именно поэтому их нельзя назвать ни мигрантами, ни беженцами в привычном смысле слова. Тем не менее они часто оказываются в глобальных городах, становящимися точками притяжения разных социальных групп вследствие их широкой известности.

По данным переписи 1980 г., около 40% мировой доли иммигрантов проживали в десяти крупнейших городах США, среди которых Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Чикаго, Хьюстон, Майами и т.д. Однако если от общей численности населения США доля иммигрантов составляла менее 10%, то среди населения городов доля иммигрантов к 1987 г. была значительно выше (30% населения Нью-Йорка, 15% населения Лос-Анджелеса и Чикаго) [18]. Являясь центрами производства специализированных услуг, ресурсов и финансово-экономических операций международного рынка, глобальные города сосредотачивают разные слои населения.

В том числе глобальные города представляют собой места концентрации нового типа мигрантов, лишенных необходимых благ, земельной собственности, социальных и политических прав вследствие деятельности, проводимой субъектами глобального финансового рынка. Речь идет, в частности, о программе реструктуризации, проводимой Международным валютным фондом и Всемирным банком в 1980–1990-х гг., которая оказала разрушительное влияние на развитие домохозяйств и местных экономик Глобального Юга.

В центре внимания С. Сассен оказывается процесс «обнищания и изгнания все большего числа людей, которые в условиях хищнического капитализма перестают быть ценными как рабочие и потребители. Так для крупных ТНК и мира финансов природные ресурсы большей части Африки, Азии и Латинской Америки значат больше, чем люди на этих землях» [19. Р. 207]. Данный процесс ученый концептуализирует как процесс «массовой потери среды обитания», сопровождаемый динамикой «выталкивания» [20], в результате которого образуется пласт людей, «невидимых» для статистических показателей и аналитических процедур социального измерения, но оказывающих значительное влияние на функционирование социальной системы в целом.

Категория «массовой потери среды обитания» фиксирует новый характер миграционных потоков, имеющих совершенно определенный комплекс причин и собственную специфику. Ключевым фактором возникновения подобного типа миграции является неолиберальная глобализация, выгоду из которой извлекают глобальные акторы. В результате присвоения ТНК и глобальными финансово-экономическими институтами земли и воды с использованием разрушительных для окружающей среды технологий (например, фрекинг [20. Р. 176]), а также реализации программ ипотечного кредитования для домохозяйств с низким уровнем доходов, миллионы людей лишились минимально возможных условий жизнедеятельности.

В контексте глобальных и миграционных процессов возможность присутствия в политическом пространстве получают субъекты, изначально не входящие в сферу политики, что является важным в раскрытии сути теоретических взглядов С. Сассен: «Существуют две сферы деятельности женщин-иммигрантов: институты государственной и частной помощи и иммигрантские или этнические сообщества. Женщины, находящиеся в положении домохозяй-

ек и матерей, не соответствуют традиционным категориям и показателям, используемым для отражения степени их участия в политической жизни» [21. Р. 91]. В результате социолог вновь фиксирует разрыв между теоретическим полем исследования и реальной действительностью, где получают право присутствия и участия новые социальные субъекты. К числу схожих субъектов С. Сассен также относит дискриминируемые меньшинства, обездоленных, неправительственные организации и т.д.

Социолог отмечает ошибочность распространенных взглядов на миграцию и страны-реципиенты как на однонаправленный, полностью детерминированный условиями стран-доноров процесс: «Принимающая страна считается пассивным наблюдателем процессов, происходящих за пределами сферы ее контроля. И, следовательно, не остается другого выхода, как закрыть границы, чтобы избежать вторжения нерегулируемых потоков миграции» [22. Р. 637]. Однако С. Сассен понимает иммиграцию не просто как экзогенный процесс, зависящий только от уровня нищеты и роста населения в странах происхождения миграционных потоков, а как элемент сложного механизма, как часть пространства экономики принимающих государств. Именно поэтому ученый настаивает на возможности проведения рациональной и эффективной миграционной политики. «Управлять потоками мигрантов – это не тоже самое, что контролировать их вторжение», – утверждает она [22. Р. 637].

По мнению С. Сассен, современные механизмы управления миграционными потоками должны основываться на определенных принципах, например – необходимости учета «эффекта взаимодействия» [23. Р. 36], согласно которому экономической политика, осуществляемая в других странах, влияет на местные формы хозяйствования и жизнедеятельности. Так, «вытеснение мелких землевладельцев и их последующее превращение в источник наемного труда для крупномасштабного коммерческого сельского хозяйства всегда создают условия для трудовой миграции, как это было в случае стран Карибского бассейна и в Мексике», – утверждает ученый [23. Р. 36].

Социолог предлагает обратить особое внимание на тот факт, что «межгосударственная система больше не является единственным институционализированным пространством для трансграничных потоков ресурсов и людей» [23. Р. 38]. Подобные трансформации обуславливают необходимость включения негосударственных субъектов в процесс разработки и принятия политических решений на мировом уровне, а также пересмотра аналитического языка описания современных миграционных процессов, что согласуется с изначальным тезисом С. Сассен.

Вместе с тем ученый отмечает, что мигранты – это, прежде всего, живые люди, «со свободой воли, идентичности и жизненных траекторий, выходящих за рамки того, как их определяют и классифицируют в контексте целей принимающего государства, экономики и общества» [22. Р. 638]. Поэтому, по ее мнению, невозможно найти единственно верное решение в вопросах регулирования миграционных процессов, однако поиск ответов на возникающие вопросы необ-

ходимо искать в истории, в прошлых моделях возникновения миграции и практиках управления.

В одном из своих выступлений [14] С. Сассен следующим образом резюмировала собственную аналитическую стратегию, позволяющую учесть вышеизложенные тенденции и потребность в новом концептуальном содержании. Социолог представляет глобальный мир через призму множества иммиграционных пространств – институциональных, идеационных, тактических – от конфигурации которых зависит то, как мы будем определять мигранта как субъекта. Так мигранты могут представляться как новый транснациональный класс профессионалов, как контрактник, поступающий на сезонную работу на конкретных краткосрочных условиях, как субъект, находящийся на иждивении семьи.

Использование категории иммиграционных пространств в исследованиях, по мнению С. Сассен, позволяет зафиксировать момент того, как варьируются модели общественных отношений, как происходят социальные преобразования и каким модификациям подвергается понятие «гражданство» в современном мире. Невозможно формализовать пространство миграции, четко провести грань между мигрантами, трудящимися на фабрике или выполняющими строительными работами, так как сам мигрант, как утверждает С. Сассен, значительно изменился.

Опираясь на разрабатываемую категорию иммиграционных пространств, ученый фиксирует современные тенденции миграционных процессов, среди которых – возрастание в США доли детей, мигрирующих без сопровождения взрослых (преимущественно мигрируют из Мексики, Гондураса, Гватемалы, Сальвадора и т.д.). «Одним из основных факторов, обуславливающих подобное положение несовершеннолетних, – как отмечает С. Сассен, – является стремительная эскалация насилия, связанная с разрушением мелких землевладений и небольших сельских экономик из-за захвата земли в целях ТНК, создания и развития плантаций для выращивания биотоплива, добычи полезных ископаемых и т.д.» [24. Р. 31].

В данном случае логика «выталкивания» приводит к образованию социального слоя перемещенных, для которых отсутствует аналитический язык описания, о чем речь шла ранее.

Таким образом, значимость концепции миграции С. Сассен для социологической теории заключается в раскрытии сущности, причин и последствий современных миграционных процессов в глобальном мире. В частности, среди ключевых факторов, обуславливающих интенсивность миграционных потоков, оказываются не бедственное положение или перенаселенность территории, а изменения в глобальной экономике, сопровождающиеся высокой степенью концентрации специализированного сектора услуг в городах. Глобальные города становятся пространством, формируемым перемещениями мигрантов и, одновременно, обуславливающим возможности и степень участия новых социальных субъектов в рамках глобальных отношений.

Вводимые С. Сассен в научный оборот понятия «миграционные пространства» и «массовая потеря среды обитания» позволяют включить в научный анализ категории мигрантов, невидимых для статистического анализа в силу того, что процессы «выталкивания» не рассматриваются в рамках современных исследований. Дестабилизация общепризнанного понимания миграции, осуществляемая американским исследователем, трансформирует предметное поле и понятийно-категориальный аппарат социологической теории в соответствии с реалиями современности.

В качестве актуальных перспектив исследования стоит отметить экологические проблемы, которые наряду со сверхконцентрацией ресурсов в глобальных городах являются важным вызовом XXI столетия. Мы предполагаем, что климатические изменения становятся одним из факторов процесса «выталкивания», т.е. влекут за собой серьезные социально-экономические последствия, включающие в себя интенсификацию миграционных потоков, что, в свою очередь, требует отдельного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вершинина И.А. Локализация мировой экономической системы в глобальных городах // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2017. № 3. С. 58–76.
2. Boswell C. Addressing the causes of migratory and refugee movements: the role of the European Union. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR), Geneva, 2002. URL: <https://www.unhcr.org/research/working/3e19ac624/addressing-causes-migratory-refugee-movements-role-european-union-christina.html> (дата обращения: 04.02.2020).
3. Вершинина И.А. Коннектография Парага Ханни: сети городов в XXI веке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 148.
4. Sassen S. The Global City: Introducing a Concept // Brown Journal of World Affairs. 2005. Vol. 11 (2). P. 32.
5. Осипова Н.Г., Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 154.
6. Sassen S. The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 236 p.
7. Timberlake M. Urbanization in the World Economy. N.Y. : Academic Press, 1985. P. 231–265.
8. Robinson I.W. Saskia Sassen and the Sociology of Globalization: A Critical Appraisal // Global and International Studies. 2009. Vol. 3 (1). P. 5–29.
9. Sassen S. CV. URL: <http://www.saskiasassen.com/cv.php> (дата обращения: 04.02.2020).
10. Sassen S. Before Method: Analytic Tactics to Decipher the Global An Argument and Its Responses, Part I // The Pluralist. 2013. Vol. 8 (3). P. 79–82.
11. Sassen S. The global city: strategic site/new frontier // American studies. 2000. Vol. 41 (2). P. 79–85.
12. Aneesh A. Relocating Global Assemblages: An Interview with Saskia Sassen // Science, Technology & Society. 2017. Vol. 22, is. 1. P. 128–134.
13. International Organization for Migration. Key Migration Terms. URL: <https://www.iom.int/key-migration-terms> (дата обращения: 04.02.2020).
14. Saskia Sassen: What is behind the new Migrations: A Massive Loss of Habitat. URL: https://www.youtube.com/watch?v=FPlq_ywzrQ4&t=1001s (дата обращения: 04.02.2020).
15. Sassen S. Guests and Aliens. N.Y. : New Press, 1999. 202 p.
16. Sassen S. Territory, authority, rights: from medieval to global assemblages. New Jersey : Princeton University Press, 2006. 512 p.
17. Вершинина И.А. Современные теории города: Социологический анализ. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 240 с.

18. Key findings about U.S. immigrants. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/17/key-findings-about-u-s-immigrants/> (дата обращения: 04.02.2020).
19. Sassen S. A Massive Loss of Habitat. New Drivers for Migration // *Sociology of Development*. 2016. Vol. 2 (2). P. 204–233.
20. Sassen S. *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*. Cambridge : Harvard University Press, Belknap, 2014. 304 p.
21. Sassen S. *Globalization and its discontents*. N. Y. : The New Press, 1998. P. 91.
22. Sassen S. Europe's Migrations. The Numbers and the Passions are Not New // *Third Text*. 2006. Vol. 20 (6). P. 625–645.
23. Sassen S. Regulating Immigration in a Global Age: A New Policy Landscape // *Parallax*. 2005. Vol. 11, № 1. P. 35–45.
24. Sassen S. Three emergent migrations: an epochal change // *SUR. International Journal on Human Rights*. 2016. Vol. 13 (23). P. 29–41.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 11 июня 2020 г.

Migration in the Context of Globalization: Modern Trends and Social Problems (Based on Saskia Sassen's Theory)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 136–140.

DOI: 10.17223/15617793/456/15

Kristina L. Khomyakova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: k.gribova@inbox.ru

Keywords: migration; globalization; global cities; citizenship; nationality.

The significance of the research topic is determined by the specificity of the theoretical and methodological approach of Saskia Sassen, an American scholar, the Robert S. Lynd Professor of Sociology at Columbia University. She focuses on the significant processes of global migration and their social aspects. Of particular interest is the exploration of the relationship between migration processes and global cities—the crucial elements of Sassen's general theory of globalization. The analysis of modern migration reasons, factors, and features allows detecting the important aspects of global cities' connectivity and mechanisms of cities' transnational networks formation and characterizing their influence on the social system in general. The aim of the study is to identify features of Sassen's theoretical and methodological approach in the study of migration and to determine its main contribution to the future prospects of the global migration processes analysis. The article deals Sassen's key works, which allow tracing the evolution of her ideas about key social trends and identifying the starting points for a further construction of the migration concept. Thus, the initial focus of Sassen's attention on the financial and economic aspects of the relationship between the mobility of capital and labor resources is gradually shifting to the social aspects of migration and to the study of the modern migrant figure as such. The author considers the methodological features that distinguish Sassen's approach from other approaches and are important for understanding her views. In particular, a critical component of her theory is identified, according to which the concepts and categories widely used in scientific, political, and public discourses should be revised: globalization, urbanization, territory, finance, migration, citizenship, inequality, etc. The article considers new concepts and definitions which Sassen offers for the analysis of modern global processes. The author analyzed the data, reports, and materials of modern international research centers and organizations in order to verify the key provisions of Sassen's theory. As a result of the study, the analytical potential and heuristic value of Sassen's migration concept were determined, her contribution to the development of modern ideas about global migration processes within the framework of the general sociological theory was revealed.

REFERENCES

1. Verzhinina, I.A. (2017) Localization of the Global Economic System in Global Cities. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 3. pp. 58–76. (In Russian).
2. Boswell, C. (2002) *Addressing the Causes of Migratory and Refugee Movements: The Role of the European Union*. Geneva: UN High Commissioner for Refugees (UNHCR), [Online] Available from: <https://www.unhcr.org/research/working/3e19ac624/addressing-causes-migratory-refugee-movements-role-european-union-christina.html>. (Accessed: 04.02.2020).
3. Verzhinina, I.A. (2018) Parag Khanna's Connectography: Urban Networks in the 21st Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/15
4. Sassen, S. (2005) The Global City: Introducing a Concept. *Brown Journal of World Affairs*. 11 (2).
5. Osipova, N.G., Verzhinina, I.A. & Martynenko, T.S. (2019) Inequality and Uncertainty: Current Challenges for Cities. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 153–155. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250003758-6
6. Sassen, S. (1988) *The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Timberlake, M. (1985) *Urbanization in the World Economy*. N.Y.: Academic Press. pp. 231–265.
8. Robinson, I.W. (2009) Saskia Sassen and the Sociology of Globalization: A Critical Appraisal. *Global and International Studies*. 3 (1). pp. 5–29.
9. Sassen, S. (2016) *CV*. [Online] Available from: <http://www.saskiasassen.com/cv.php>. (Accessed: 04.02.2020).
10. Sassen, S. (2013) Before Method: Analytic Tactics to Decipher the Global An Argument and Its Responses, Part I. *The Pluralist*. 8 (3). pp. 79–82.
11. Sassen, S. (2000) The global city: strategic site/new frontier. *American Studies*. 41 (2). pp. 79–85.
12. Aneesh, A. (2017) Relocating Global Assemblages: An Interview with Saskia Sassen. *Science, Technology & Society*. 22 (1). pp. 128–134.
13. International Organization for Migration. (2020) *Key Migration Terms*. [Online] Available from: <https://www.iom.int/key-migration-terms>. (Accessed: 04.02.2020).
14. Sassen, S. (2016) *What is behind the new Migrations: A Massive Loss of Habitat*. [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=FPlq_ywzrQ4&t=1001s. (Accessed: 04.02.2020).
15. Sassen, S. (1999) *Guests and Aliens*. N.Y.: New Press.
16. Sassen, S. (2006) *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. New Jersey: Princeton University Press.
17. Verzhinina, I.A. (2019) *Sovremennye teorii goroda: Sotsiologicheskii analiz [Modern Theories of the City: A Sociological Analysis]*. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
18. Radford, J. (2019) Key findings about U.S. immigrants. [Online] Available from: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/17/key-findings-about-u-s-immigrants/>. (Accessed: 04.02.2020).
19. Sassen, S. (2016) A Massive Loss of Habitat. New Drivers for Migration. *Sociology of Development*. 2 (2). pp. 204–233.
20. Sassen, S. (2014) *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*. Cambridge: Harvard University Press, Belknap.
21. Sassen, S. (1998) *Globalization and Its Discontents*. N. Y. : The New Press.
22. Sassen, S. (2006) Europe's Migrations. The Numbers and the Passions are Not New. *Third Text*. 20 (6). pp. 625–645.
23. Sassen, S. (2005) Regulating Immigration in a Global Age: A New Policy Landscape. *Parallax*. 11 (1). pp. 35–45.
24. Sassen, S. (2016) Three emergent migrations: an epochal change. *SUR. International Journal on Human Rights*. 13 (23). pp. 29–41.

Received: 11 June 2020

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.1

Ю.И. Абрамов

СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ РЯЗАНСКОГО ГАРНИЗОНА НА ВЫБОРАХ В РЯЗАНСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ В 1917 г.

Анализируется роль солдат и офицеров запасных частей Рязанского гарнизона в выборах гласных городской думы. Особенность тыловых воинских формирований – постоянная ротация маршевых рот: одни убывали на фронт, другие занимали их место. В фокусе исследования – допуск военных к участию в голосовании. Основными источниками для написания статьи послужили архивные документы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Рязанской области, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: выборы; городская дума; Рязанский гарнизон; солдаты; гласные; избирательная комиссия; городская управа; Рязанский окружной суд.

Историография об участии воинских формирований Русской армии в революционных событиях 1917 г. обширна и многообразна, но запасным (тыловым) гарнизонам уделялось, как правило, незначительное внимание. В последние годы исследователи все больше смещают акцент именно на региональный анализ данной проблематики. При этом в фокусе историков оказались вопросы втягивания солдат в революцию 1917 г. [1], их роль в смещении старой администрации и в формировании новых органов власти после февральских событий [2]. В работах Н.В. Михайлова [3], И.В. Шведова [4] и А.С. Анискова [5] анализируется роль воинских подразделений в общественно-политической жизни регионов.

В предлагаемой статье исследуется роль солдат и офицеров местного гарнизона в подготовке и проведении выборов в Рязанскую городскую думу летом 1917 г. Источниковую базу данной работы составили архивные документы Государственного архива Рязанской области (журналы заседаний городской думы и городской управы, протоколы заседаний городской избирательной комиссии, переписка по выборам в городскую думу и др.), а также публикации местных газет. Большая часть источников впервые введена в научный оборот.

Рязань в 1917 г. во многом являлась нетипичным для центрально-промышленного района России губернским городом с преобладанием мелкой, кустарной промышленности и относительно небольшим числом рабочих. Здесь проживало с учетом пригородных слобод до 38 тыс. человек [6. С. 88]. В городе имелось 18 промышленных предприятий, с общей численностью рабочих 960 человек. Еще около 3 тыс. человек работали на железнодорожном и водном транспорте [7. С. 9]. При этом около 40% рабочих перед революцией имели земельный надел.

«Вся наука и культура, – пишет заведующий отделом истории Рязанского областного краеведческого музея В. Зубков, – была представлена духовным училищем, духовной семинарией, женским епархиальным училищем да гимназиями. В городе насчитывалось 6 богаделен, 2 приюта, 10 харчевен, 14 постоянных дворов, 6 трактиров, 22 чайные, 2 больницы на 285 коек, 6 библиотек, 36 церквей и 3 монастыря» [8. С. 10].

В начале 1917 г. в Рязанской губернии была расквартирована 10-я пехотная запасная бригада. Три ее полка 78-й, 79-й и 208-й были расположены в Рязани, а остальные в уездных городах: 80-й в Егорьевске, 81-й в Скопине, 198-й в Спасске, 217-й в Зарайске. На 1 марта 1917 г. в 10-й пехотной запасной бригаде числилось 64 270 солдат. Кроме этого, в губернии находились и другие воинские части [7. С. 10].

Таким образом, на 38 тысяч горожан приходилось 20–30 тысяч военнослужащих гарнизона, т.е. город фактически стал полувоенным, а гарнизон играл существенную роль в политической и социально-экономической жизни города.

Первые известия о революционных событиях, происходящих в Петрограде, были получены уже 27 февраля, но губернатор и полицмейстер всеми способами старались задержать распространение этих известий среди населения, особенно среди воинских частей. 2 марта, когда из Москвы были привезены газеты, рязанцы узнали о событиях в столице. Вечером губернатор провел совещание с вице-губернатором, председателем губернской земской Управы Г. Мусоргским, городским головой И. Антоновым и начальником гарнизона. Генерала А. Гласко он просил усилить охрану наиболее важных объектов, остальных – подготовить думцев и земцев к передаче власти.

После совещания, придя в городскую думу, И. Антонов увидел, что там уже собрались гласные. А тут еще телеграф принес известие об отречении царя Николая II от престола. Пришлось в 9 часов вечера открыть внеочередное заседание городской думы, которое длилось до 3 часов ночи. В ее работе приняли участие представители от земских управ, железнодорожных служб и различных общественных организаций. Было впервые официально объявлено о свержении монархии и образовании Временного правительства. Участники заседания обратились с воззванием «К гарнизону г. Рязани, к гражданам, рабочим и учащимся», в котором население призывалось к поддержке новой власти [9].

С утра 3 марта в Рязани начались манифестации горожан и солдат. А в два часа дня состоялись два совещания. Первое – по инициативе губернатора в составе вице-губернатора, председателя и прокурора

окружного суда, командиров расквартированных в городе полков. Было принято письменное решение о необходимости «оказывать всякое содействие Временному правительству в целях поддержания порядка и спокойствия и нормального течения дел во всех учреждениях» [10. Л. 2].

Второе совещание включало представителей общественных организаций, собравшихся для создания временного исполнительного комитета. Его состав был определен в 14 человек, после чего исполком провозгласили верховной властью в губернии. На этом заседании был отстранен старый и выбран новый начальник гарнизона – подполковник М.Ф. Губин и его заместитель подполковник С.Д. Яковлев. Проведя разговор о желательности ареста губернатора и жандармерии, собравшиеся разошлись до вечернего заседания.

Параллельно с заседанием исполкома состоялось общее собрание «военной секции» Рязанского гарнизона (21 марта она была преобразована в Совет солдатских и офицерских депутатов). Председателем собрания был избран прапорщик Артемьев (78-й пехотный полк). В начале собрания было разъяснено, что его члены – представители от рот гарнизона – являются связующим звеном между исполнительным комитетом и войсками. Затем собрание единогласно приняло предложение исполкома об организации порядка в городе. Были назначены дежурная часть, дежурный офицер и усиленные патрули. Предложение о том, чтобы иметь командиров рот и батальонов выборными, было отклонено как противоречащее самому духу военного строя и дисциплины, на которых – залог победы над врагом. [11. 8 марта].

На вечернем заседании исполкома было решено выпустить политических заключенных из рязанской тюрьмы (которых там не оказалось), арестовать чиновников царской администрации (губернатора, вице-губернатора, начальника жандармского управления), увеличить представительство различных общественных организаций во временном исполнительном комитете до 96 человек. После заседания были проведены аресты намеченных лиц.

Окончательно формирование исполкома было завершено 4 марта. От военной секции в него вошли 6 человек и еще по 3 человека от команды выздоравливающих военнотружущих и 680 – от дружины [11. 10 марта]. Председателем исполнительного комитета и при нем исполнительного бюро был избран городской голова И.А. Антонов, его товарищем – председатель Рязанской уездной земской управы Л.И. Кученев [8. С. 68].

6 марта собрание «военной секции», рассмотрев предложение исполкома об увеличении численности военных делегатов до 24 человек, постановило: выбрать делегатов по шесть человек от 3-х полков и еще шесть человек от других воинских подразделений [11. 7 марта]. 12 марта 1917 г. в Рязани состоялся «праздник Свободы». Он начался с торжественного молебна и салюта, затем прошли военный парад и общегородская манифестация, завершившаяся угощением солдат.

Ликвидация старой власти в регионе была завершена на проходившем с 8 по 12 апреля Губернском

съезде представителей общественных организаций. На нем присутствовало около 160 делегатов от всех уездов губернии. Провозгласив себя губернским делегатским собранием, съезд приступил к «...организации нового губернского исполнительного комитета. В состав этого комитета должны войти председатель, он же губернский комиссар, и 4 человека от общего собрания съезда, 12 представителей от уездов по избранию уездных исполнительных комитетов, 2 от Совета офицерских и солдатских депутатов и 2 от Совета рабочих депутатов, всего 21 человек» [7. С. 68]. На съезде был избран председатель, он же по должности и губернский комиссар, преподаватель городского реального училища Ф.К. Павлов и 4 члена комитета от общего собрания (из них трое прапорщиков и служащий канцелярии губернской земской управы). Всех остальных членов еще предстояло избрать.

15 апреля 1917 г. Временным правительством было принято постановление «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях», а 3 мая был утвержден «Наказ городским общественным управлениям о применении временных правил о производстве выборов гласных городских дум» [12]. Впервые в нашей стране вводилось всеобщее, равное, прямое избирательное право с тайным голосованием. Срок полномочий новых городских дум был определен до 1 января 1919 г., а количество гласных, подлежащих избранию в г. Рязани, 60 человек.

Активным избирательным правом наделялись лица, указанные в п. 3 постановления: «...российские граждане обоего пола, всех наций и вероисповеданий, достигшие на момент составления избирательных списков 20 лет, если они во время составления избирательных списков проживают в данном городе, либо имеют в городе домашнее обзаведение или состоят там на службе, или же имеют иные, связанные с городом определенные занятия. Лица, состоящие на военной службе, принимают участие в выборах на общих основаниях» [12].

Организация выборов была поручена городским управам. Первым этапом избирательной кампании стало составление списка избирателей. Рязанская городская управа «...к составлению избирательных списков по выборам гласных в Рязанскую городскую думу приступила 26 апреля сего года» [13. Л. 13]. И сразу же возникли проблемы с включением в списки солдат, размещенных в казармах, расположенных вне городской черты. На отправленный запрос в Петроград, 4 мая было получено телеграфное разъяснение начальника Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел Авинова: «...солдаты Рязанского гарнизона, расквартированные вне Рязани в списки избирателей по городу Рязани по выборам гласных в Рязанскую городскую думу вноситься не должны» [13. Л. 14].

Но уже 6 мая общее собрание Совета рабочих депутатов принимает постановление, в котором требует «...признать необходимым включить в избирательные списки избирателей в городскую думу граждан, проживающих в пригородах и пригород-

ных слободах, а так же включить в избирательные списки солдат Рязанского гарнизона, расположенных в казармах вне города, и просить поддержать это постановление перед Временным Правительством» [13. Л. 19].

Данное требование вновь было направлено в адрес Главного управления по делам местного хозяйства, и ответ полностью дублировал телефонограмму, полученную 4 мая, с добавлением, что кроме солдат в эти списки не могут быть включены и «лица, проживающие в пригородах и пригородных слободах...» [13. Л. 25]. Таким образом, в списки избирателей были включены только горожане, наделенные активным избирательным правом (16 629 человек), и солдаты Рязанского гарнизона, казармы которых размещались в городе (5 659 человек). Всего в списки избирателей было внесено 22 288 человек [16. Л. 39].

26 мая состоялись торжественные проводы пяти маршевых рот 208-го запасного пехотного полка, а 28 мая еще двух рот 78-го полка в действующую армию [12. 28 мая]. Пополнение указанных полков произошло в июне месяце. К этому времени избирательные списки уже были выверены, в них были внесены необходимые уточнения и изменения. И 8 июня городская дума принимает решение о назначении выборов в Рязанскую городскую думу на 9 июля 1917 г. [14. Л. 13].

Накануне дня голосования в городскую избирательную комиссию поступило заявление от Совета солдатских и офицерских депутатов, в котором, в частности, указывалось, что «Солдаты Рязанского гарнизона, не попавшие в избирательные списки вследствие недавнего прибытия в гарнизон, сильно возбуждены. <...> Исполнительный Комитет предлагает Вам в экстренном порядке возбудить ходатайство перед Министром Львовым. В случае неудовлетворения этого справедливого желания солдат, Исполнительный комитет не ручается за мирный исход выборов» [13. Л. 49].

В этот же день городской голова, он же председатель городской избирательной комиссии, И.А. Антонов телеграфировал в адрес Временного правительства: «Списки солдат избирателей Рязанского гарнизона составленные месяц тому назад совершенно не соответствуют настоящему составу. Уход маршевых рот, прибытие новых на три четверти изменяют состав. На этой почве идут волнения. Невнесенные требуют участия в голосовании, угрожая в противном случае сорвать выборы. Прошу разрешить допустить к участию в выборах весь гарнизон старше 20 лет по ротным спискам, составленным ко дню выборов. Принимаем все меры к успокоению Рязанского гарнизона. Прошу оказать содействие положительным ответом» [13. Л. 52].

Не дождавшись ответа, 8 июня губернский комиссар собирает совещание, на которое были приглашены представители Губернского исполнительного комитета общественных организаций, Совета солдатских и офицерских депутатов, городской управы и начальник Рязанского гарнизона. На этом совещании принимаются решения, которые вряд ли можно отнести к юридически обоснованным.

Во-первых, было решено направить делегацию от Совета солдатских и офицерский депутатов, включив в нее заместителя городского головы К.М. Загряжского, в Петроград, для того чтобы ходатайствовать перед Временным правительством о допущении к выборам тех солдат, которые не были внесены в списки по случаю их прибытия в город Рязань, когда эти списки уже были составлены. Во-вторых, допустить 9 июля этих солдат к выборам, для чего поставить в казармах две урны для избирательных записок. В-третьих, вскрыть эти урны и произвести подсчет поданных голосов только после получения указаний Временного правительства.

В этот же день городская избирательная комиссия, собравшись на свое заседание, принимает решение о допуске солдат к выборам, об установлении двух урн в Певческих и Шестиротных казармах и о их вскрытии после получения соответствующих указаний Временного правительства. При этом член комиссии Л.И. Кученев высказался против постановки урн в казармах (для допущения к баллотировке солдат) до получения от Временного правительства на то разрешения. А член комиссии А.Д. Чистов выступил против самого права постановки урн в казармах, независимо от ответа министра, который не вправе отменять законы [15. Л. 27–28].

В день выборов, когда голосование уже шло, в том числе и в казармах гарнизона, в адреса городского головы и Совета солдатских депутатов пришел ответ из Петрограда: «Лица, не внесенные в избирательные списки в силу статьи 12 Временных Правил в выборах не участвуют. Закон равен и обязателен для всех, а потому солдаты, прибывшие в Рязань после составления списков, в выборах по городу участвовать не могут» [13. Л. 55].

На следующий день, 10 июля, согласно Временным правилам на всех четырех избирательных участках был произведен подсчет избирательных записок, поданных за каждый заявленный список. Судьба голосования в казармах оставалась неясной. Губернский комиссар Ф.К. Павлов в адрес городской управы направил просьбу следующего содержания: «Рязанский Губернский Исполнительный Комитет просит Вас не уничтожать избирательные ящики с записками, поданными солдатами, коим не разрешено было ранее участвовать в выборах, до возвращения делегатов из Петрограда» [13. Л. 56].

Главная борьба на выборах в Рязанскую городскую думу развернулась между списками Партии народной свободы (кадеты) и Блока социал-демократов, социал-революционеров, Совета солдатских и рабочих депутатов и Бунда. Как проголосуют солдаты гарнизона не вызывало сомнений. Поэтому и борьба за учет в итоговом протоколе голосов, поданных военными, развернулась нешуточная. При этом следует учитывать, что городской голова Рязани И.А. Антонов был кадетом, а губернский комиссар, он же председатель губернского Исполнительного комитета, был членом партии эсеров Ф.К. Павлов.

16 июля 1917 г. приходит телеграмма, подписанная товарищем министра внутренних дел Авиновым, в которой говорится, что «ввиду особых обстоятель-

ств, вызвавших отлучку солдат Рязанского гарнизона из города во время составления избирательных списков, Министерство Внутренних Дел находит возможным включить в общий подсчет записки, поданные в отдельные урны воинскими чинами с тем, чтобы о произведенном подсчете был составлен акт» [13. Л. 61].

В тот же день три члена исполкома и Совета солдатских депутатов Рязанского гарнизона в присутствии двух представителей городской управы вскрыли урны, установленные в казармах, и произвели подсчет поданных записок. В урне 79-го полка оказалось 1 368 конвертов с печатью городской управы, в урне 208 полка – 696 конвертов. При подсчете голосов оказалось, что за список Блока социал-демократов, социал-революционеров, Совета солдатских и рабочих депутатов и Бунда было подано в первом случае 1 351, во втором – 690 голосов [15. Л. 109–110].

А 19 июля под председательством И.А. Антонова при участии 36 членов комиссии состоялось заседание городской избирательной комиссии. В повестке дня один вопрос – подсчет голосов избирателей по всему избирательному округу с учетом голосов, поданных в казармах. И сразу же обозначилась целая группа членов комиссии, которая заявила протест по этому поводу.

Член комиссии П.М. Рождественский мотивирует свой протест тем, что «существуют противоречия товарища Министра в письменных сообщениях, в первом случае о недопущении воинских чинов к баллотировке, а во втором случае о разрешении им подачи голосов. <...> Член комиссии А.Д. Чистов, указывая на статью 25 Наказа, настаивает на рассмотрении вопроса о неправильности участия в выборах вышеупомянутых воинских чинов, так как таковые участвовали совершенно неправильно и незаконно, ввиду чего и не подлежат присоединению к подсчету голосов, поданных в четырех городских избирательных участках» [14. Л. 61].

В этой ситуации И.А. Антонов, сославшись на статью 23 Временных правил, пояснил, что членам комиссии необходимо произвести просто подсчет поданных голосов, а вопрос о правомерности участия в выборах воинских чинов относится к компетенции административного суда. Член комиссии, председатель Рязанского окружного суда В.Н. Львов пояснил, что суд рассмотрит все нарушения, допущенные в ходе выборов, и даст им соответствующую оценку.

После этого председатель комиссии ставит на голосование следующее предложение: «Признавая, что вопрос по существу выборов подлежит ведению административного Суда, а городской избирательной комиссии предоставляется право только лишь формального подсчета и проверки голосов, согласно статьи 23 Временных Правил и 25 статьи Наказа, – угодно ли Комиссии приступить к рассмотрению выборного производства с формальной стороны и подсчету голосов? (“За” рассмотрение подано 19 голосов, “Против” – 18 голосов)» [14. Л. 61 об].

После этого был произведен подсчет голосов по всему избирательному округу с учетом голосов военных чинов. При участии в голосовании 13 995 человек

Партия народной свободы (кадеты) получила 5 595 голосов, а Блок социал-демократов, социал-революционеров, Совета солдатских и рабочих депутатов и Бунда – 6 639 голосов. При таком раскладе в городской думе социалистический блок получал 29 мест, а кадеты 24 места [14. Л. 62]. Итоговый протокол подписали 19 членов комиссии, а 18 членов комиссии остались при особом мнении.

Реакция на данное решение городской избирательной комиссии оказалась предсказуемой – последовали жалобы, в том числе и членов комиссии, в суд. 31 июля 1917 г. состоялось заседание Рязанского окружного суда по административному отделению, на котором были рассмотрены жалобы избирателей на производство выборов гласных в Рязанскую городскую думу.

При рассмотрении дела суд принял во внимание следующие обстоятельства: «1) что, согласно 86 ст. Основных Государственных законов, Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке»; 2) что «доколе новым законом положительно не отменен закон существующий, он сохраняет полную свою силу» (согласно 94 ст. тех же законов); 3) что выборы в Рязанскую городскую думу были 9 июля сего года произведены не на основании административного распоряжения Министерства внутренних дел, а на основании закона, а именно постановления Временного правительства от 15 апреля 1917 г., опубликованного установленным порядком (Собр. узак. № 95, ст. № 529) и поэтому имеющего обязательную силу закона; 4) что за силой 12 ст. Временных правил о производстве выборов лица, не внесенные в избирательный список, в выборах не участвуют; 5) что эти статьи Основных Законов и Временных правил установленным порядком не отменены, поэтому на основании 85 ст. Основных Законов «равно обязательны для всех без различия российских граждан» [16. Л. 46].

В ходе изучения материалов дела было установлено, что солдаты 78-го и 208-го пехотных полков, проголосовавшие в казармах, не были внесены в список избирателей на основании ст. 11 Временных правил, так как они прибыли в Рязанский гарнизон уже после составления списка. Кроме того, были выявлены существенные нарушения при организации голосования.

Во-первых, урны, размещенные в казармах, были там установлены не на основе решения городской управы, а на основе постановления Губернского исполнительного комитета общественных организаций, Совета солдатских и офицерских депутатов, городской управы и начальника Рязанского гарнизона, не имеющих на то полномочий. Во-вторых, в некоторых избирательных списках воинских чинов не был даже проставлен возраст, а отдельные списки оказались вообще не подписаны. В-третьих, в нарушение ст. 16 Временных правил в казармах не были созданы участковые избирательные комиссии, т.е. выборы в казармах проводились вне контроля и в условиях, не гарантирующих правильность и законность выборов.

Исходя из всего вышеуказанного, окружной суд, учтя, что никаких нарушений Временных правил при

организации и проведении выборов на четырех городских избирательных участках, законно образованных городской управой, не установлено, определил: «отменить произведенный 19 июля 1917 г. подсчет избирательных записок, поданных на выборах гласных в Рязанскую городскую думу и предложить Рязанской городской Управе произвести через избирательную комиссию новый подсчет избирательных записок, исключив из них записки воинских чинов, невнесенных в избирательные списки» [16. Л. 47–47 об.].

3 августа 1917 г. на заседании Рязанской городской избирательной комиссии был произведен новый подсчет голосов по четырем избирательным участкам городского округа. Количество избирателей, принявших участие в голосовании, сократилось до 11 773 человек. За кандидатов Партии народной свободы (кадеты) проголосовали 3 079 избирателей, за Блок социал-демократов, социал-революционеров, Совета солдатских и рабочих депутатов и Бунда – 2 829 избирателей. При таких результатах голосования в городской думе

из 60 мест у кадетов оказалось 29 мест, у социалистического блока – 23 места [15. Л. 127–127 об.].

А уже 9 августа состоялось первое заседание Рязанской городской думы, избранной на основании всеобщего, прямого и равного избирательного права, при тайном голосовании. Гласные дали торжественное обещание о добросовестном исполнении своих обязанностей. Председателем городской думы избрали В.Г. Прорвича, который получил поддержку 31 гласного из 50 присутствующих. Городским головой Рязани стал И.А. Антонов. При выборе городского головы гласные от блока социалистических партий, сославшись на то, что они составляют в думе меньшинство, воздержались от участия в голосовании [17. Л. 4–7 об.].

Таким образом, солдаты и офицеры Рязанского гарнизона играли в межреволюционный период важную роль в общественно-политической жизни города. От их участия в выборах гласных городской думы прямо зависел партийно-политический облик представительного органа местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов В.И. Армейские гарнизоны Урала в революционных событиях первой половины 1917 года // Вестник ЧелГУ. История. 2007. Вып. 20. С. 59–65.
2. Журавлев В.А., Тропов И.А. Роль солдат в формировании местных органов власти в России в 1917 г. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: История. 2011. № 2 (Т. 4). С. 80–90.
3. Михайлов Н.В. Общественно-политические процессы в гарнизонах Воронежской и Тамбовской губерний (март-октябрь 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1996. 24 с.
4. Шведов И.В. Участие чинов запасных частей Казанского военного округа в общественной жизни в период февральской революции // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 1 (2). С. 98–100.
5. Анисков А.С. Калужский гарнизон в 1914–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2016. 23 с.
6. Сведения о развитии губернии в начале XX в. см.: История Рязанского края. 1778–2007 / ред. П.В. Акульшин. Рязань, 2007.
7. Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917–1920 гг.). Сборник документов. Рязань, 1957. 448 с.
8. Краеведческие записки: сб. ст.: к 75-летию музея / ред. коллегия: В.И. Зубков и др. Рязань, 1959. 174 с.
9. Акульшин П.В. 1917 год в Рязанской губернии // Рязанское краеведение. Рязань, 2016–2017. URL: <http://kraeved.rounb.ru/calendar/1917-god-v-ryazanskoj-gubernii>
10. Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 340.
11. Рязанская жизнь. Рязань. 1917 год.
12. «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» от 15 апреля 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 1 мая 1917. № 95. Ст. 529. С. 805–832.
13. ГАРО. Ф.19. Оп. 1. Д. 2632.
14. ГАРО. Ф.19. Оп. 1. Д. 2484.
15. ГАРО. Ф.19. Оп. 1. Д. 2483.
16. ГАРО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 347.
17. ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 916.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 июня 2019 г.

Soldiers and Officers of the Ryazan Garrison in the Elections to the Ryazan City Duma in 1917

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 141–146.

DOI: 10.17223/15617793/456/16

Yuri I. Abramov, Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: konsikro@mail.ru

Keywords: elections; City Duma; Ryazan garrison; soldiers; councilor; election commission; City Board; Ryazan District Court.

The article analyzes the role of soldiers and officers of spare parts of the Ryazan garrison in the elections of the City Duma councilors. A feature of rear military formations is the constant rotation of the marching troops: some go to the front, others take their place. The study focuses on the admission of the military to participate in voting. The main sources for writing the article were archival documents stored in the State Archive of Ryazan Oblast, many of them are first introduced into scientific discourse. In Ryazan, like in Petrograd, a duality of power was formed after February 1917: a Social Revolutionary headed the Provincial Executive Committee, a Cadet headed the Town Council. Each of these political forces wanted to establish control over the City Duma. The soldiers of the Ryazan garrison very quickly organized themselves, created the “military section”, then transformed it into the Council of Soldiers’ Deputies, and took a worthy place in the new government. In the elections to the City Duma, their organizers were faced with a serious problem. The lists of the voting soldiers of the Ryazan garrison, compiled for their participation in the elections, changed cardinaly on the eve of the voting day. The shift in the marching troops of the soldiers changed 75% of the voters. The article analyzes the actions of election organizers to resolve the brewing conflict with the soldiers who demanded admissions to participate in the elections. As a compromise, voting for the soldiers was organized in two barracks, but the counting of votes was supposed to be done after receiving a reply to the relevant request addressed to the Provisional Government. However, the position of the latter

turned out to be more than strange. Two mutually exclusive telegrams came. One categorically forbade the voting of the soldiers. The second allowed it. The intrigue of the elections was that, given the votes in the barracks, from the 50 seats in the City Duma, the bloc of the Socialist parties received 29 seats, and their main competitors—the Cadets—only 24 seats. Without these votes, the situation changed dramatically: the Cadets received 29 seats and the Socialist bloc had 23 seats. The City Election Commission had to count votes in the district twice: given the soldiers' votes and, after the decision of the Ryazan Regional Court, without taking them into account. The author comes to the conclusion that the soldiers and officers of the Ryazan garrison played an important role in the public and political life of the city. Their participation in the elections of the City Duma councilors directly determined the party structure and the political image of the representative local government.

REFERENCES

1. Romanov, V.I. (2007) Armeyskie garnizony Urala v revolyutsionnykh sobytiyakh pervoy poloviny 1917 goda [Army garrisons of the Urals in the revolutionary events of the first half of 1917]. *Vestnik ChelGU. Istoriya*. 20. pp. 59–65.
2. Zhuravlev, V.A. & Tropov, I.A. (2011) The Role of Soldiers in the Formation of Local Authorities in Russia in 1917. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 2 (4). pp. 80–90. (In Russian).
3. Mikhaylov, N.V. (1996) *Obshchestvenno-politicheskie protsessy v garnizonakh Voronezhskoy i Tambovskoy guberniy (mart-oktyabr' 2017 g.)* [Social and political processes in the garrisons of the Voronezh and Tambov provinces (March-October 1917)]. Abstract of History Cand. Diss. Voronezh.
4. Shvedov, I.V. (2014) Participation of Kazan Military District Reserve Ranks in the Public Life During February Revolution. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 1 (2). pp. 98–100. (In Russian).
5. Aniskov, A.S. (2016) *Kaluzhskiy garnizon v 1914–1917 g.* [The Kaluga garrison in 1914–1917]. Abstract of History Cand. Diss. Bryansk.
6. Akul'shin, P.V. (ed.) (2007) *Istoriya Ryazanskogo kraya. 1778–2007* [History of the Ryazan Region. 1778–2007]. Ryazan: Izd-vo Ryazanskoy obl. tip.
7. Kravchenko, M.F. & Storozheva, A.M. (eds) (1957) *Bor'ba za ustanovlenie i ukreplenie Sovetskoy vlasti v Ryazanskoy gubernii (1917–1920 gg.)*. *Sbornik dokumentov* [Struggle for the Establishment and Strengthening of Soviet Power in the Ryazan Province (1917–1920). Collection of Documents]. Ryazan: Priokskaya pravda.
8. Zubkov, V.I. et al. (eds) (1959) *Kraevedcheskie zapiski: sb. st.: k 75-letiyu muzeya* [Local History Notes: Articles: To the 75th Anniversary of the Museum]. Ryazan: Kn. izd-vo.
9. Akul'shin, P.V. (2016–2017) *1917 god v Ryazanskoy gubernii* [1917 in Ryazan Province]. Ryazan', [Online] Available from: <http://kraeved.rounb.ru/calendar/1917-god-v-rjazanskoj-gubernii>.
10. State Archives of Ryazan Oblast (GARO). Fund R-1. List 1. File 340. (In Russian).
11. *Ryazanskaya zhizn'*. (1917).
12. Senate. (1917) “O proizvodstve vyborov gласnykh gorodskikh dum i ob chastkovykh gorodskikh upravleniyakh” ot 15 aprelya 1917 g. [“On the procedure for elections of public city councils and on district city administrations” of April 15, 1917]. In: *Sobranie zakonov i rasporyazheniy pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem senate* [Collection of Laws and Government Orders Published Under the Governing Senate]. Section I. 1 May 1917. No. 95. Art. 529. pp. 805–832.
13. State Archives of Ryazan Oblast (GARO). Fund 19. List 1. File 2632. (In Russian).
14. State Archives of Ryazan Oblast (GARO). Fund 19. List 1. File 2484. (In Russian).
15. State Archives of Ryazan Oblast (GARO). Fund 19. List 1. File 2483. (In Russian).
16. State Archives of Ryazan Oblast (GARO). Fund R-1. List 1. File 347. (In Russian).
17. State Archives of Ryazan Oblast (GARO). Fund 49. List 1. File 916. (In Russian).

Received: 16 June 2019

С.В. Бирюков, Т.П. Шукер

ОСОБЕННОСТИ И ОПЫТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Рассматриваются особенности государственного устройства КНР. Особое внимание уделяется государственной национальной политике, которая проводится в автономных районах, прежде всего в самых проблемных – Тибетском и Синьцзян-Уйгурском. Авторы приходят к выводу, что Китай является идеологическим государством-менеджером. При этом управление всеми процессами, в том числе этнополитическими, осуществляется не только эффективно, но и гибко с ориентацией на решение задачи консолидации китайского общества и нации.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; национальная политика; государственное устройство; Тибет; Синьцзян.

Национальный вопрос – сложная и наполненная противоречиями область социальных отношений, которая не допускает простых и стандартизированных решений [1] и требует постоянного совершенствования методологии ее анализа. Как результат, практическая этнополитика требует постоянной привязки к условиям места и времени, адаптации к опыту и условиям конкретных народов и стран. В рамках принимаемой сегодня за основу *модели политической нации* этнические и культурные различия в современных обществах принимаются во внимание [2], но приоритет отдается политическому единству и поддерживающим его институтам. Исходя из опыта различных стран, принято выделять две основных модели национальной политики – ассимиляционную и интеграционную, а также промежуточные между ними варианты.

Ассимиляционная модель предполагает растворение меньших этносов в структуре единой этнонации (либо доминирующей этнической общности). В рамках этой модели протекает процесс этнокультурного поглощения представителями более многочисленной этнической общности представителей менее многочисленной общности. Интеграционная модель, в свою очередь, предполагает включение определенных этнических групп в структуру политической общности (многонациональной нации) без ассимиляции – но с сохранением полиэтничного многообразия, выраженного в том числе в системе политического представительства.

В реальности же существует несколько основных **моделей**, которые близки к модели ассимиляции либо интеграции и в рамках которых выстраиваются межэтнические (этнополитические) отношения в конкретных государствах. К ассимиляционной модели по своему характеру близка **модель плавильного котла** – ситуация, когда в итоге процесса смешения нескольких разноэтнических групп, ни одна из которых не является доминирующей, ими утрачивается первоначальная этническая идентичность и формируется новая, вобравшая в себя черты ассимилированных культур. К интеграционной модели близка так называемая **модель культурного плюрализма** – ситуация, когда в рамках государства гармонично сосуществуют представители различных этнических общностей, и при этом все они рассматриваются обществом как одинаково ценные в рамках общего национально-

культурного комплекса. Это возможно в государствах с глубокими традициями демократии, толерантности и плюрализма.

Характеризуя текущие перспективы выделенных нами моделей этнополитики, следует отметить, что современный мир не способствует ассимиляционной модели в силу влияния ряда факторов, таких, как глобализация [3], регионализация [4], децентрализация [5], информационная экспансия [6]. В подобной ситуации различным странам приходится формировать собственные оригинальные модели этнополитики, исходя из собственного исторического опыта, особенностей политической системы и сложившихся политических традиций. Тем больший интерес представляет в этой связи модель этнополитики, реализуемая сегодня в Китайской Народной Республике.

Китай, согласно Конституции, является социалистическим государством с доминирующим статусом рабочего класса (в союзе с крестьянством), интересы которых представляет Коммунистическая партия Китая (КПК). Политический строй Китая обобщенно можно охарактеризовать как социализм с акцентированной национальной спецификой. Законодательно закреплено, что власть принадлежит народу, который осуществляет ее через Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) и местные представительные органы различного уровня и статуса.

Китай является многонациональной, многопартийной страной, что нашло отражение в организации всей системы государственного управления. Базисом политического строя Китая, при доминирующей роли Коммунистической партии, являются: выборность органов различного уровня – собраний народных представителей; многопартийная система при отсутствии феномена партийной оппозиции; национальные автономии в каждом регионе компактного проживания некитайского населения.

Демократически избранными представительными органами власти в КНР являются собрания народных представителей, избираемых на всех уровнях административного деления страны – от волостных и уездных до городских. Другим основанием политического строя Китая служит система национальных образований (автономных районов, округов, уездов), которые являются гарантией соблюдения прав малых народов и национальностей.

В контексте общей тематики нашей статьи особого внимания заслуживает государственная национальная политика (ГНП) Китайской Народной Республики, которая (как говорилось выше) является партийным государством. Все процессы в стране, в том числе этнические, контролируются и реализуются под эгидой Коммунистической партии Китая, которая не только выполняет управленческие функции, но и формирует и осуществляет единый и мощный идеологический курс внутри государства, в том числе в его национальных районах.

Этнополитика в Китае реализуется преимущественно посредством вышеупомянутых национальных образований, прежде всего автономных районов. Она имеет ряд особенностей. Как известно, Китай является полиэтничным государством. Согласно данным Национального бюро статистики страны, на конец 2016 г. численность населения Китая достигла 1,38 млрд человек [7]. Из них около 8,5% составляют национальные меньшинства, остальные – это народ хань. Таким образом, в этнической системе КНР есть ядро, представленное ханьцами, которые проживают по всей территории страны, и 56 нацменьшинств, расселенных преимущественно на периферии. При этом сами нацменьшинства значительно отличаются друг от друга в культурном и ценностном аспектах, включая религиозный. В этом отношении выделяются Тибетский автономный район (центр буддизма), а также Синьцзян-Уйгурский автономный район, где вероисповеданием титульного нацменьшинства является ислам.

Кроме того, сами по себе автономные районы, где компактно проживают нацменьшинства, имеют значительные отличия друг от друга не только в экономическом, но и в национальном плане – доли ханьцев и титульного меньшинства варьируются от одной автономии к другой. При этом их общей спецификой является масштабная поддержка со стороны центра в финансовом, материальном, экономическом и кадровом планах.

Конституция КНР декларирует, что в районах компактного проживания нацменьшинств формируются автономные районы [8]. В то же время в законе КНР «О национально-территориальной автономии» (далее – Закон) говорится о факторах, на основе которых создается автономная единица. Речь идет о территориальном факторе, компактности проживания этносов, уровне экономического развития и опыте сосуществования национальных меньшинств. В результате в Поднебесной были образованы и существуют по настоящее время пять таких образований. К ключевым маркерам, определяющим развитие автономных территорий, можно отнести административно-политический фактор, а также экономическую, социальную и культурную составляющие государственной национальной политики Поднебесной – с учетом специфики конкретных автономий.

Тибетский автономный район (ТАР) находится на западе страны и граничит с несколькими государствами, включая Индию. Его площадь составляет 1 178 441 км², что ставит его на третью позицию среди административно-территориальных образований

страны. Всего в этой автономии проживают около 3,3 млн человек, из которых тибетцы, титульное нацменьшинство, составляют более 2,9 млн человек, что соответствует доле в 90,15%. Это самый высокий показатель в Китае по отношению титульного этноса к общей численности населения автономии.

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) располагается на северо-западе КНР. Как и Тибет, СУАР граничит с другими государствами, в том числе с Монголией, Россией и Афганистаном. Имея площадь в 1 664 897 км², он является самым большим административно-территориальным образованием страны. Всего в СУАР, по последним статистическим данным на конец 2016 г., проживают 23,98 млн человек. Доля уйгуров, титульного нацменьшинства, здесь достигает 65,52%, их численность составляет 15,71 млн человек.

На наш взгляд, для целостного понимания государственной национальной политики КНР в отношении автономий необходимо рассмотреть ряд ее аспектов: экономический, социокультурный и политический.

Известно, что за последние годы автономные районы, рассматриваемые в этой статье, претерпели серьезные экономические изменения. Одним из основных инструментов этнополитики Китая в этом направлении можно назвать оказание шефской помощи автономным районам. В данном случае речь идет не только о финансовой помощи, но и о кадровой, технической и управленческой поддержке [9. С. 85]. Такие меры закреплены в Поднебесной на законодательном уровне.

В Белой книге «Исторический выбор пути развития Тибета», которую Госсовет КНР опубликовал в 2015 г., говорится, что с 1952 по 2013 г. ТАР получил субсидий на 544,6 млрд юаней. Эта сумма, как отмечается в документе, составила 95% от «местных общественных финансовых расходов Тибета» [10], что само по себе говорит о ее значимости. При этом Закон, который выступает правовой основой ГНП Китая, обязывает ежегодно увеличивать объем трансфертов.

Результаты такой поддержки хорошо отражены в статистике, представленной в Белой книге «Развитие и прогресс Синьцзяна в области прав человека», которую опубликовала в 2017 г. пресс-канцелярия Госсовета КНР. Например, в СУАР с 1978 по 2016 г. валовой региональный продукт (ВРП) увеличился с 3,907 млрд юаней до 961,723 млрд юаней, а среднедушевой ВРП – с 313 до 40 427 юаней. Примечательно, что кроме урбанизированных территорий в автономии особое внимание уделяется развитию сел и деревень.

Социокультурный аспект включает в себя три ключевых элемента, оказывающих весомое влияние на жизнь и развитие нацменьшинств в автономиях. Речь идет об образовании, религии и демографии.

Так, Закон дополняет Конституцию страны, надевая нацменьшинства большими возможностями для получения образования. Одной из основных целей ГНП Китая является повышение уровня образования именно представителей неханьских этносов. Для это-

го правительство также стабильно повышает финансирование этой сферы в автономиях, имея целью обучить и подготовить национальные кадры в автономиях. Например, в данных регионах Поднебесной действует специальная сеть высших учебных заведений. Кроме того, для нацменьшинств предусмотрено квотирование мест как в средних, так и высших учебных заведениях.

По мнению ряда исследователей, одним из важнейших факторов, который можно отнести к социокультурному аспекту ГНП, выступает закреплённый в Конституции тезис об использовании и развитии национальных языков и письменности в автономных районах. Декларируется, что в официальной переписке, а также в административных органах автономий кроме китайского используются национальные языки этносов, проживающих на территории того или иного автономного района. При этом обучение в учебных учреждениях автономий также осуществляется с использованием двух языков: китайского и языка основного нацменьшинства, проживающего в автономном районе.

Например, в учебных заведениях Тибета, по данным Белой книги от 2015 г., обучение ведется на двух языках «с доминирующим местом обучения на тибетском языке» [10]. Причем это касается не только школ в городах, но и в сельских территориях. Таким образом, реализуется курс на охрану и развитие тибетского языка и письменности. Такая же ситуация в образовательной сфере наблюдается в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Там в большинстве школ двуязычное обучение предполагает сбалансированное соотношение уйгурского и китайского языков [9. С. 106].

Что касается религиозного фактора, то в Китае даны конституционные гарантии свободы и права вероисповедания. Реализация таких гарантий в Тибете и Синьцзяне представляет особую значимость в связи с религиозной идентичностью этих автономий.

В Белой книге говорится, что в Тибете существует «религиозная толерантность». В связи с этим в регионе восстановили множество религиозных объектов, разрушенных ранее, в том числе храмов, где на 2015 г. проживали 46 тыс. монахов и монахинь. Согласно официальным данным, которые представило правительство, в храмах «нормально организуются традиционные религиозные мероприятия» – что предполагает определенные формы контроля за религиозной деятельностью [11. С. 159]. Например, рядом с большими монастырями размещены полицейские в штатском, а также армейские подразделения. При этом есть и вполне конкретные ограничения, касающиеся религии: на размеры монастырей и число монахов, на монашескую жизнь до достижения 18 лет, ограниченная религиозная деятельность представителей народной религии (шаманов). Подобные запреты есть и Синьцзяне, в частности запрет на изучение религиозной литературы до 18 лет [12. С. 4].

Говоря о демографии, следует напомнить, что в Китае с 1982 г. существует политика планового деторождения. Что касается первой политики, то она была применима к ханьцам, а в национальных районах дей-

ствовала с оговоркой. Например, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе всегда разрешалось иметь двоих детей. При этом, как пишет ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН Т.В. Лазарева, в семьях Тибета количество детей вообще не было ограничено [13. С. 221]. Этому, в частности, способствовали местные законы, которые, согласно Конституции КНР, могут принимать и реализовывать власти автономий.

Одним из итогов демографической политики в рассматриваемых автономных районах стал также рост численности их населения, что соответствует общекитайским трендам. Согласно данным Национального бюро статистики Китая, на конец 2006 г. население Тибета составляло 2,85 млн человек, а СУАР – 20,5 млн человек [14]. В конце 2016 г. оба автономных района прибавили в численности, в них уже проживало 3,31 и 23,98 млн человек соответственно.

В данном случае необходимо напомнить, что ТАР является лидером в КНР по доле этнических меньшинств в населении (90,15%, более 2,97 млн человек). Однако по итогам десятилетия можно утверждать, что данный показатель в Тибете сокращается. Так, в 2007 г. он составлял 95,96% (более 2,62 млн человек). Этому в том числе способствовала иммиграционная политика, проводимая центром, когда ханьцы направляются в нацтерритории для помощи и решения различных задач. При этом Синьцзян показывает прямо противоположную тенденцию. Если в 2007 г. 60,68% населения региона составляло титульное этническое меньшинство – уйгуры (более 12,71 млн человек), то в 2016 г. их доля увеличилась до 65,52% и превысила 15,71 млн человек.

Политический аспект ГНП можно раскрыть, рассмотрев следующие составляющие. Например, органы самоуправления в автономиях наделены большими полномочиями, нежели подобные органы других регионов Китая. Причиной этого является реализация права на самоуправление, которое провозглашено и в Конституции КНР, и в Законе. Примером реализации данного принципа выступает тот факт, что органы государственного управления автономий могут применять нормативные акты, которые изданы вышестоящими органами, исходя из местных обстоятельств. Отсюда следует, что они могут либо ограничивать исполнение какого-либо закона, если он в чем-то не соответствует существующему положению в автономии, либо полностью приостанавливать его применение. Однако здесь Закон предусматривает защитное для центральных властей требование: такие решения автономные власти должны производить только после разрешения органов вышестоящего уровня.

Также Закон устанавливает положение, согласно которому политическое управление автономным образованием осуществляется независимо в сфере внутренних вопросов территории посредством выработки определенных нормативных положений и предписаний. При этом органам государственного управления автономий предоставляются широкие полномочия в экономической, социальной и культурной жизни национальных меньшинств.

К еще одной немаловажной составляющей политического аспекта ГНП Китая можно отнести квотирование мест в различных органах государственной власти, чтобы обеспечить в них представительство этнических меньшинств. Например, одним из важнейших положений Закона является 17 статья, согласно которой главой автономного образования, включая непосредственно автономный, районный, окружной и уездный уровни, должен быть представитель титульной этнической группы, проживающей в пределах данной территории. В то же время другие государственные служащие, также занимающие различные должности в системе государственного управления автономий, по возможности должны представлять этнический состав национальной территории.

Таким образом, можно говорить о том, что государственная национальная политика Поднебесной представляет собой достаточно сложную и развитую систему, которая затрагивает ключевые аспекты жизнедеятельности этнических меньшинств, проживающих на территории страны. Исходя из этого Китайскую народную республику можно обозначить как государство-менеджер, которое формирует и регулирует социальные и политические процессы во всех территориях, включая этнические. При этом важной особенностью КНР является то, что развитие практически всех процессов происходит на основе сформированных ранее планов. Планирование, хотя и не жестко структурированное, имеет место быть, например, в сферах образования, религии.

К еще одной особенности китайской модели национальной политики следует отнести то, что она действует в рамках этнополитической системы централизованного типа. При немалой доле в населении страны национальных меньшинств (8,5%) в КНР имеет место быть ярко выраженное этническое ядро – ханьцы. Если нацменьшинства в большинстве своем сосредоточены в отдельных, специально сформированных регионах – автономиях, то ханьцы проживают по всей территории страны, в том числе и в автономных районах. Примечательно, что ряд исследователей отмечают в качестве отдельной составляющей ГНП Китая политику миграции, когда ханьцы массово мигри-

руют в автономии, что также решает задачу консолидации территории.

Специфика ГНП Поднебесной заключается также в том, что КНР является идеологическим государством, возлагая реализацию официальной идеологии и курса развития страны на Коммунистическую партию Китая. Так, что касается идеологии «социализма с китайской спецификой», то она в полной мере реализуется и в автономных районах, обеспечивая их устойчивое развитие.

По нашему мнению, признаки ассимиляционной политики в КНР присутствуют, однако она реализуется в «мягком» виде. При этом на официальном уровне декларируется и осуществляется реализация политического курса, нацеленного на сохранение этнических меньшинств Китая, их культуры и ценностей. Стоит также помнить, что в Поднебесной реализуется социально-политический курс – так называемая концепция «китайской мечты», которую выдвинул председатель КНР, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин. Она предполагает объединить все 56 национальностей и ханьцев с целью возрождения китайской нации. Ожидается, что в результате каждый житель страны будет ощущать себя представителем не какой-либо конкретной национальности, а единого Китая. При этом полной ассимиляции этнических меньшинств в КНР в настоящее время не планируется.

Таким образом, Китай – это основанное на принципах «демократического централизма» государство-менеджер, которое стремится гибко и эффективно управлять всеми протекающими в стране процессами, включая этнополитическую сферу. Сформированная и последовательно реализуемая в Китае модель практической этнополитики может быть охарактеризована как достаточно эффективная, гибкая и адаптивная. Последняя способствует реализации одной из ключевых задач государственного строительства и политического развития – консолидации различных народов страны вокруг народа хань как естественного исторического, культурного и политического «стержня» китайской государственности при сохранении системы институционализированных гарантий для национальных и религиозных меньшинств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kuzio T. Western Multicultural Theory and Practice and its Applicability to the Post-Soviet. States // *Journal of Contemporary European Studies*. 2005. № 13 (2). P. 222.
2. Ridel S. Politisierung von Ethnizität in Transformationsgesellschaften // *Welttrends*. 2003. № 11. P. 62–63.
3. Albrow M., King E. (eds.) *Globalization, Knowledge and Society*. London : Sage, 1990.
4. Cordell J.-L. *Globalization and Regionalization: Strategies, Policies, and Their Economic Environment*. Psychology Press, 1998.
5. Schumacher E.F. *Small is Beautiful: Economics As If People Mattered*. London, 1973.
6. Castells M. *The information age: economy, society and culture*. Oxford : Blackwell, 1996.
7. China Statistical Yearbook 2017. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm> (дата обращения: 15.09.2018).
8. Конституция КНР от 4 декабря 1982 г. (ред. от 14.03.2004). URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 20.09.2018).
9. Яо Ван. Синьцзян-Уйгурский автономный район и политика КНР в контексте современных вызовов международной безопасности : дис. ... канд. полит. наук. М., 2015. 218 с.
10. Белая книга «Исторический выбор пути развития Тибета». URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-04/15/content_35329809_3.htm (дата обращения: 23.09.2018).
11. Гарри И.П. «Тибетский вопрос» и тибетский буддизм в Китае: реформы и конфликты // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2016. № 4. С. 148–173.
12. Hasmath R. *Ethnic Violence in Xinjiang: Causes, Responses, and Future Outlook* // *China Policy Institute*. 2014. № 7. P. 6.
13. Лазарева Т.В. Некоторые особенности проведения демографической политики в национальных районах Китая // *Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН «3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: новое руководство и стратегия реформ»*. 2014. Вып. 3. С. 205–217.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 января 2020 г.

The Features and Experience of China's National Policy in the Context of Its Political System's Characteristics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 147–151.

DOI: 10.17223/15617793/456/17

Sergey V. Biryukov, East China Normal University (Shanghai, People's Republic of China); Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: birs.07@mail.ru

Timofey P. Shiker, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: timshiker@mail.ru

Keywords: People's Republic of China; national policy; political system; Tibet; Xinjiang Uygur Autonomous Region.

The article considers features of the state structure of the People's Republic of China. Special attention is paid to the state national policy of the People's Republic of China that is pursued in the Tibet and Xinjiang Uygur Autonomous Regions because they are the most problematic in an ethno-political sense. The authors state that administrative, political, economic, social, and cultural factors are key markers determining the development of autonomous territories. The state national policy is formed and promoted based on these factors and taking into account the specifics of each autonomy. In analyzing the PRC's state national policy, the authors proposed its core topics and features. First, the PRC can be identified as a state-directed type that forms and governs social and political processes, including ethnic, based on long-term planning in all territories. Second, the Chinese model of national policy is implemented through a centralized ethno-political system with a large proportion of ethnic minorities (8.5%) in the population of the country; in the PRC, the Han Chinese are an ethnic majority with the "core" function. Third, the PRC's national policy is specific as the state is ideological: the Communist Party of China implements the priorities of official ideology (including the ethno-political sphere). Fourth, there are signs of an assimilation policy in the PRC, but it is being implemented in a "soft" way, including through the sociopolitical course proposed by Xi Jinping, the Chairman of the PRC, General Secretary of the CPC Central Committee; it is the so-called conception of the "Chinese dream". The conception proposes to unite all 56 nationalities and the Han Chinese in order to revive the Chinese nation. Thus, the authors of the article come to the conclusion that the People's Republic of China is state-directed; it is based on the principles of "democratic centralism" which seeks to run all the processes, including the ethno-political sphere, in the country flexibly and efficiently. The model of practical ethno-policy created and consistently implemented in China can be characterized as quite effective, flexible, and adaptive. It contributes to the implementation of one of the key tasks of nation-building and political development such as consolidation of various peoples of the country around the Han Chinese people as the natural historical, cultural, and political "core" of the Chinese statehood while preserving institutionalized guarantees for ethnic and religious minorities.

REFERENCES

1. Kuzio, T. (2005) Western Multicultural Theory and Practice and its Applicability to the Post-Soviet. States. *Journal of Contemporary European Studies*. 13 (2). P. 222.
2. Ridel, S. (2003) Politisierung von Ethnizität in Transformationsgesellschaften. *Welttrends*. 11. pp. 62–63.
3. Albrow, M. & King, E. (eds) (1990) *Globalization, Knowledge and Society*. London: Sage.
4. Cordell, J.-L. (1998) *Globalization and Regionalization: Strategies, Policies, and Their Economic Environment*. Psychology Press.
5. Schumacher, E.F. (1973) *Small is Beautiful: Economics As If People Mattered*. London.
6. Castells, M. (1996) *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell.
7. Stats.gov.cn. (2017) *China Statistical Yearbook 2017*. [Online] Available from: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm>. (Accessed: 15.09.2018).
8. Konstitutsiya KNR ot 4 dekabrya 1982 g. (red. ot 14.03.2004). [Online] Available from: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution. (Accessed: 20.09.2018).
9. Yao Van. (2015) *Sin'tszyan-Uygurskiy avtonomnyy rayon i politika KNR v kontekste sovremennykh vyzovov mezhdunarodnoy bezopasnosti* [Xinjiang Uygur Autonomous Region and China's Policy in the Context of Modern Challenges to International Security]. Political Science Cand. Diss. Moscow.
10. Russian.china.org.cn. (2015) *Istoricheskiy vybor puti razvitiya Tibeta* [The Historical Choice of Tibet's Developmental Path]. [Online] Available from: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-04/15/content_35329809_3.htm. (Accessed: 23.09.2018).
11. Garri, I.R. (2016) "Tibetan Question" and Tibetan Buddhism in China: Reforms and Conflicts. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 4. pp. 148–173. (In Russian). DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-4-148-173
12. Hasmath, R. (2014) Ethnic Violence in Xinjiang: Causes, Responses, and Future Outlook. *China Policy Institute*. 7. p. 6.
13. Lazareva, T.V. (2014) [Some features of the demographic policy in the national regions of China]. *3-y plenium TsK KPK 18-go sozyva: novoe rukovodstvo i strategiya reform* [The 3rd Plenum of the 18th CPC Central Committee: New Leadership and Reform Strategy]. Conference Proceedings. Vol. 3. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 205–217. (In Russian).
14. Stats.gov.cn. (2008) *China Statistical Yearbook 2008*. [Online] Available from: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2008/html/B0109e.htm>. (Accessed: 04.10.2018).

Received: 13 January 2020

Л.В. Кальмина, Л.В. Курас

НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ С «ЗАКЛЯТЫМ ДРУГОМ» (ПРОЕКТЫ «КИТАЙСКОЙ» ПОЛИТИКИ РОССИИ В ДОНЕСЕНИЯХ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.)

Статья подготовлена Л.В. Кальминой – в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. «Трансграничные России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9); Л.В. Курасом – в рамках государственного задания (проект XII.187.1.4. XII.191.1.2. «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310264-4).

Рассматриваются донесения российских военных агентов, которые вели сбор информации в Китае, Маньчжурии и Монголии на рубеже XIX–XX вв. В донесениях предлагалось укрепить российские позиции на Востоке путем вооруженного захвата Китая и экономического вовлечения Монголии в орбиту российских интересов. Впервые вводя указанные источники в научный оборот, авторы статьи анализируют возможность реализации предложений военных агентов в контексте сложившейся на Востоке политической ситуации.

Ключевые слова: Маньчжурия; Монголия; Китай; кочевое население; военные действия.

В конце XIX в. отношение Китая к России оценивалось как дружелюбное, и любая возможность конфликта между ними полностью исключалась. В публичной лекции видного востоковеда, профессора А.М. Позднеева, прочитанной им в Санкт-Петербургском университете в феврале 1887 г., акцент делался на противопоставлении отношений Китая с Россией, с одной стороны, и европейскими странами – с другой. Последние, на его взгляд, никак не могли пользоваться симпатиями Китая, поскольку их цивилизация, которой они так кичатся, показывает «образцы ненависти и коварства», а «цивилизаторская миссия» сводится к наводнению Китая опиумом и практически не знакомит с европейским производством. Утверждая, что в Китае у европейцев нет будущего, ученый подчеркивал, что «только одной России предстоит... широкое развитие своих сношений с Китаем. Соседя всему застенному Китаю, она не только никогда не потеряет в нем своих рынков, а, напротив, в силу особых территориальных условий своих владений необходимо будет увеличивать их». Дружба с Россией, продолжал далее ученый, выгодна и Китаю, который «только в русской обширной и богатой стране» найдет «сырые произведения для... переработки, которых не в силах будет доставить ему Европа».

Подводя итоги своего выступления, он выразил уверенность в том, что «имя России пользуется в Китае, может быть, и не всегда ясно осознаваемой, но несомненной любовью», поскольку ее задачи на Востоке резко отличаются от задач Европы, чего не может не видеть Поднебесная. И, «несмотря на постоянные подстрекательства англичанами Китая против России», Китай может убедиться, что Россия преследует только цель развития коммерческих и дружественных отношений [1. С. 245–246, 261–263].

Это мнение укрепились и в политических кругах, особенно после Японо-китайской войны 1894–1895 гг., когда Россия фактически стала гарантом целостности цинского Китая и его союзником против Японии в случае дальнейших агрессивных действий

последней. Подписание контракта о строительстве и эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) ускорило российско-китайское сближение [2. С. 30], и его не мог ослабить даже тот факт, что Россия «прибрала» Порт-Артур. Газеты тиражировали мнение британского политического деятеля, будущего премьер-министра А. Бальфура, что действия русских моряков в Порт-Артуре вполне законны, слухи о противоречиях между Россией и Англией из-за китайского вопроса совершенно безосновательны, и мир на азиатском Востоке является «вполне обеспеченным» [3. 1898. № 23].

Однако были и те, кто не разделяли всеобщего оптимизма и, читая в прессе заверения о невозможности военных столкновений и гарантиях прочного мира, которому ничто угрожать не может, доверяли только лично собранным сведениям и собственным впечатлениям. С дотошностью ученых они изучали климатические условия и ландшафт китайских территорий, транспортные коридоры, экономический потенциал, нравы и обычаи населения, его политические предпочтения, степень религиозности, одежду и обстановку жилищ, положение женщины в семье и распределение домашних обязанностей. Промонстрировав недюжинный исследовательский талант, они оценили Китай как «заклятого друга» – соседа, что предполагало постоянное взаимодействие, но и экономического и возможного военного соперника.

Эти полноценные научные изыскания можно было бы принять за материалы экспедиций Русского географического общества, если бы не одно «но». Все их результаты издавались Военно-ученым комитетом Главного штаба Русской императорской армии (далее Главный штаб) и выходили под грифом «Секретно». Бывшие по легенде исследователями, изучающими местность в географическом, геологическом, этнографическом плане, на деле их авторы были военными агентами, чьей целью была оценка возможности победы Российской империи над Китаем в случае ведения здесь военных действий, ибо жизнь показала, что желание мира не исключает боевой готовности.

В их донесениях климат, ландшафт, транспортная сеть рассматривались с точки зрения возможности передвижения российских войск во время военных действий, а экономическое развитие, глубина и чистота водоемов оценивались как возможность или затруднительность в снабжении армии продовольствием и водой.

Экспедиции проводились в условиях строгой секретности, и об истинных целях не догадывались даже их участники, кроме проводников и рекомендовавших их, но они, как правило, об этом не распространялись. Р.А. Сыртланов, предпринявший поездку по Западно-Му Китаю в 1909 г., изложил меры предосторожности, к которым пришлось прибегнуть для усыпления бдительности китайских властей, в специальном подразде-ле своего отчета «Препятствия работ и меры для скрытности ее». К примеру, скорость течения и глубину рек он незаметно измерял при купании, а глубину колодцев – опуская ведро на мерной бечеве [4. С. 190, 191]. Однако китайские местные власти, по-видимому, догадывались о цели экспедиции, поскольку запрещали населению входить с ее участниками «в какие бы то ни было сношения». Поэтому собранные при беседах с ними сведения, как отмечал, например, подполковник Стрельбицкий, в 1894 г. предпринявший семимесячное путешествие по Монголии и Маньчжурии, были «настолько скудны, что они далеко не могут доставить материала для правильного суждения о пригодности... важных направлений в отношении войскового движения...» [5. С. 55].

Подобные изыскания отнюдь не были прихотью Главного штаба. Китай тоже держал камень за пазухой. Газета «Забайкальские областные ведомости» перепечатала фрагменты книги китайского мандарина Тао «Шэнь-ши-вэй-янь» («Предостережение об опасности»), в которой он оценивал Россию как сильного и наиболее опасного врага, который при бездействии китайских властей может прибрать к рукам все пограничные области с той же легкостью, с какой без единого выстрела захватил обширные незаселенные китайские земли восточнее Амура [3. 1897. № 64, 65]. Однако, по-видимому, Российская империя более полагалась на устоявшееся мнение о благоприятных отношениях с Поднебесной, поскольку военно-научные экспедиции иной раз проводились не только по инициативе самих военных агентов, но даже за их счет, без подкрепления средствами Казны [4. С. 184, 185; 6. С. 289]. «...Политическое и стратегическое значение факта создания нового административного округа (Алтайского. – *Авт.*), укрепления и отряда войск близ нашей границы было слишком велико, чтобы можно было ограничиться имевшимися о нем туманными сведениями, – обосновывал необходимость своей поездки Р.А. Сыртланов. – Являлась настоятельная надобность в точном и возможно подробном расследовании этого факта и установлении, что из имевшихся сведений было правдоподобно и что представляло вымысел.

Такое расследование я поставил первой целью своей поездки» [4. С. 178].

В определении театра будущих военных действий мнения расходились, поэтому военные агенты прово-

дили экспедиции и в Монголии, и в Маньчжурии. Последняя казалась предпочтительней, поскольку проведение КВЖД, бывшей действенным средством усиления российского влияния, ставило под контроль России всю Восточную Маньчжурию. А финансирование строительства и эксплуатации КВЖД Русско-Китайским банком обеспечивало здесь и российское финансовое доминирование. Проводником «маньчжурского» направления восточной политики России был министр финансов империи С.Ю. Витте, полагавший, что российское железнодорожное строительство через Монголию в Китай обострит обстановку на Дальнем Востоке и вызовет негативную реакцию Китая и Японии [7. С. 112].

Полковник Генштаба Военного министерства Российской империи (далее Генштаб) Путята, предпринявший поездку по Маньчжурии еще в 1888 г., задолго до сооружения КВЖД и Транссибирской магистрали, считал, что «маньчжурский» вариант военных действий не потребует от России больших усилий. В-первых, колонизация выходцами из Внутреннего Китая территорий Маньчжурии, граничащих с Приамурским военным округом, не представляет для России никакой опасности: не все стратегические районы удобны для сельского хозяйства. К тому же в случае разрыва с Китаем предпочтительнее иметь театром военных действий не пустыню, а культурную страну с трудолюбивым населением, «способствующим продовольствовать и содержать местными ресурсами оперирующий отряд и доставлять ему средства для дальнейшего движения к избранным целям». Полковник полагал, что для Китая в случае войны с Россией более надежной защитой служили бы труднопроходимые пустыни, чем облагоустроенные китайскими земледельцами плотно населенные районы, хотя в правительственных кругах его мнения не разделяли.

Во-вторых, он сильно сомневался в боевых качествах маньчжур, которые за мирные годы «изменились», растеряли бывшее военное умение, «обнаруживают полное непонимание дисциплины», постоянно спят в карауле, «стрелять... вовсе не умеют, а спросонья... могут стрелять и по своим». В качестве аргумента он приводит анекдотичный случай, когда в помощь унтер-офицеру для защиты от хунхузов был нанят половой из гостиницы. Впрочем, тут же оговаривается, что речь идет о самом слабом гарнизоне Маньчжурии. Характеризуя маньчжурские войска в Мукденской провинции, он замечает, что здесь придается большое значение подготовке уволенных в запас, которые получают плату и призываются на сборы и ученья два раза в год.

Из всего этого автор донесения делает вывод о внимании китайского правительства «...в сторону, где вооруженное столкновение может иметь место с одной Россией» и что формирующиеся вспомогательные части призваны «...оказать наиболее энергичное сопротивление появлению русских войск в Маньчжурии» [8. С. 9, 10, 30, 33, 34, 37]. Выбирая предпочтительные маршруты передвижения российских войск, военный агент прежде всего сосредоточивается на кратчайших путях к Пекину, что не оставляет сомнений в целях возможных военных действий России в

Маньчжурии. В случае их успеха выход российских войск в Южную Маньчжурию давал, по мнению агента, ряд стратегических преимуществ: более удобные по сравнению с имеющимися выходы к Тихому океану, новые способы действий против Срединной империи, жестокий удар по маньчжурскому дому в Китае и даже получение Кореи в качестве вассала [8. С. 110–111]. В случае мирного развития событий предлагалось усиление экономического воздействия путем форсирования железнодорожного строительства. Здесь следует обратить внимание на дискуссионный момент: полковник Путята не согласен с профессором А.М. Поздневым относительно перспектив китайского железнодорожного строительства. Если известный востоковед считал «покрытие» Китая сетью железных дорог делом далекого будущего из-за привычки к «тщательной обдуманности» всякого, «даже самого лучшего нововведения» [1. С. 258], то военный агент, напротив, полагал, что Китай опередил Россию в железнодорожном строительстве, проложив линию Тяньцзинь – Таку – Кайпин и, «по слухам, заслуживающим доверия», собираясь продолжить ее до Мукдена. Чтобы окончательно не проиграть экономическую битву за Восток, Путята предлагал поторопиться со строительством Сибирской железнодорожной магистрали, которая уже стояла в планах российского правительства. Ее проведение он рассматривал как средство превращения в русский маньчжурского рынка, на котором небольшой российский ввоз терялся в массе привезенных Англией, Германией и Соединенными Штатами товаров из-за дешевизны иностранных морских фрахтов [8. С. 41, 67, 74, 75]. (В перспективе предполагалось, что линия от Тяньцзиня, на строительство которой Китай ежегодно тратил 2 млн долларов, соединится с будущей Транссибирской магистралью. Однако Россия это только приветствовала, поскольку это могло способствовать торговому сближению с Китаем и таким образом устраняло «тяжело отзывающееся ныне на торговом обмене полное отсутствие удобных путей сообщения между двумя величайшими странами мира, границы коих соприкасаются на протяжении многих тысяч верст») [3. 1894. № 71].

Подполковник Генштаба Стрельбицкий, предпринявший поездку по Маньчжурии двумя годами позже, ограничился предложением экономических шагов по усилению российского влияния на данной территории. Он обратил внимание на слабую конкурентоспособность «нашего профессионального купца» по сравнению с китайцем, «так как последний вкладывает в дело всю свою национальную предприимчивость, изворотливость и энергию». И, хотя «есть такие статьи, которые могли бы вполне остаться за нами», указывает автор очерка, именно китайцы ввозят в Маньчжурию, импортера скота и мануфактуры, «седельные принадлежности и вообще кожевенный товар, сделанный преимущественно из материалов, закупаемых на нашей границе, а также дешевые бумажные ткани из Манчестера, Америки и т.д.».

Забайкалье же, фактически находившееся в одной торговой группе с монголами, могло вывезти на рынок лишь излишек скота. И «...если сюда доходит немного русских фабричных произведений вроде са-

мого дешевого цветного плиса, кумача и т.д., то лишь в самых ничтожных размерах, о более же серьезных попытках овладеть этим крупным рынком мне нигде не приходилось слышать» [5. С. 47, 50].

Большие надежды агент также возлагал на железные дороги, которые могли значительно улучшить ситуацию. Не рассчитывая, что «паровоз мог бы скоро одержать здесь решительную победу над кораблем пустыни», агент, однако, считает, что железнодорожные пути привлекут в Забайкалье «новых просвещенных пионеров русского дела», после чего китайской конкуренции можно будет не опасаться [5. С. 61].

Обозначая экономическую стратегию России в Маньчжурии, Стрельбицкий также не исключает возможности ведения здесь военных действий. Не слишком высоко оценивая боевые качества китайской армии, он характеризует ее как «изнеженную и нравственно расслабленную». А обилие параллельных дорог при отсутствии поперечных в районе Хулумбуира во Внутренней Монголии (в авторской редакции – Хулумбур) он считает благом, так как разделенные отряды не испугают местное население, которое не откочует со своими стадами и уж тем более не поднимет восстание против русских, чего добивается китайская администрация [5. С. 58]. Маршрут военных действий им однозначно определен: «...с объявлением войны занятие Хулумбура неизбежно: мы захватываем этим узел из Пекина, Маньчжурии и Халхи, из коих два первых имеют выдающееся значение для наших операций и вместе с тем наиболее надежно прикрывают и Забайкалье от всяких неприятельских посягательств» [5. С. 63].

Большая часть исследований военных агентов посвящалась Монголии как возможному союзнику в войне с Китаем. Обстоятельный военно-статистический очерк, посвященный Монголии, написал командир 2-го драгунского полка А.А. Баторский [9]. В сферу его интересов попали «население и племенной состав» Монголии, его антропологический тип, одежда и жилище монголов, их повседневная жизнь, характер, обычаи, язык и религия. В своем очерке он описал важнейшие населенные пункты, дал характеристику экономической жизни жителей Монголии (земледелие, скотоводство, промышленность, торговля); оценил пути сообщения, степень проходимости почтовых и караванных дорог, проанализировал предпочтительные маршруты передвижения. Анализируя экономику Монголии, автор приходит к заключению о емкости монгольского рынка, который с легкостью поглощал всевозможные товары, вырабатываемые китайцами, русскими, англичанами и американцами, предлагая взамен главным образом продукты скотоводства и живой скот, перегоняемый во внутренние провинции Китая и пограничные местности Сибири [9. С. 114–115]. Основными торговыми партнерами Монголии были Китай и Россия, которая заметно уступала своему сопернику «по размерам и обширности своих оборотов». Российский консул в Урге оценивал обороты российской торговли как ничтожные. Причину военный агент видел в монопольном обладании Китаем товарами, «которые составляют насущную потребность кочевого населения стра-

ны): кирпичный чай как главный продукт меновой торговли, китайский табак, бумажные китайские ткани и др. В свою очередь, Китай также нуждался в продуктах монгольского производства. Отмечая, что Монголия и Китай «находятся в тесной экономической зависимости» и что торгующее китайское купечество вследствие продолжительного общения с кочевым населением Монголии лучше знает его характер и потребности, автор очерка приходит к выводу, что у китайской торговли с монголами более завидное будущее, нежели у России [9. С. 125, 130]. Россия, для которой Монголия была посредником в чайной торговле, ценилась монголами как предоставляющая возможность хорошего заработка: перевозка чая по Монголии ежегодно приносила местному населению около 2 млн руб. В договорах между русскими купцами и возчиками-монголами последние были сильно заинтересованы, поскольку русские всю провозную плату вносили серебром, тогда как китайцы платили серебром только частично, внося остальную плату товарами китайского производства да еще и удерживали комиссию в размере 10% от общей суммы. Невыгодную в экономическом плане сделку военный агент оценил как стратегически верную, поскольку она «оказывает благоприятное влияние на усиление нашего значения в крае» [9. С. 124, 125].

В то же время автор очерка считал, что российская торговля вполне может составить конкуренцию Китаю на монгольском рынке, так как обладает товарами, с которыми китайские конкурировать не могут: юфть, плис, дешевые сукна, железные изделия и др. Для обеспечения своего будущего в качестве монгольского партнера А. Баторский предлагал России усовершенствование ведущих в северо-западную Монголию путей сообщения, устройство фабрик и заводов в приграничных с Монголией местностях для обеспечения потребностей кочевого населения предметами первой необходимости, более рациональную организацию торгового дела с серьезным наблюдением за правильностью торгового и правительственную поддержку русского купечества.

А. Баторский, не исключая, однако, возможности военных действий против Китая и определяя базой для них территорию Забайкалья, уделил особое внимание природным условиям в Монголии и изучению потенциальных маршрутов передвижения войск. Горную Монголию и песчаную Гоби он оценил как театр второстепенных военных операций, а при характеристике монгольского плоскогорья отметил, что при передвижении армии природу победить, пожалуй, будет труднее, чем неприятеля. Следовательно, исключительные условия обстановки должны вызвать и столь же исключительные меры для обеспечения войск, изучение которых «в смысле безостановочного и возможного продвижения» должно составить задачу администрации Забайкальской области [9. С. 140]. Закачивая свой очерк, автор дал несколько рекомендаций, суть которых сводилась к приспособлению армии к природным условиям Монголии: заблаговременное заготовление топлива (преимущественно аргала); создание особых передовых отрядов для рытья и очистки колодцев; снабжение армии юртами и па-

латками; обзаведение стадами животных, хорошо приспособленных к местным условиям (верблюды, бараны); создание запасов кирпичного чая и жареной муки вместо хлеба.

В XX в. интонация донесений военных агентов стала заметно резче, а «наступательные» нотки – настойчивее. Причиной тому было заметное обострение отношений двух недавних союзников из-за участия России в подавлении «боксерского» восстания в Китае 1898–1901 гг. В своих материалах военные агенты заостряли внимание на взаимоотношениях Китая и монгольских племен, неприязнь которых к Средней империи рассчитывали использовать в военных операциях по захвату китайских территорий. Анализ этой группы источников начнем с донесения Статистического отделения генерал-квартирмейстерской части Главного штаба. В нем «неожиданно разыгравшиеся события первостепенной важности в Китае в 1900 г.» описываются невнятно, а «боксерское» восстание даже не упоминается. Говорится о «народных волнениях» против русских или китайцев – в зависимости от племенной принадлежности восставших: враждебных китайцам дунган; лояльных киргизам, владеющих обширными землями «в китайских пределах»; подверженных сильным поборам монголов, что никак не способствует их преданности господствующему народу [10. С. 55, 65, 69, 70]. Восстание ихэтуаней описывается вскользь, как бы пунктиром. Причина его видится между строк: «территориальные захваты и навязчивый наплыв иностранцев, явившихся с целями наживы и эксплуатации, под благовидным предлогом внесения культуры, вызвали энергичный отпор». Результат – антиевропейское движение, охватившее в большей или меньшей степени всю восточную окраину Китая, доступную и важную для большинства держав как обширный торговый рынок. Вмешательство России в события автор оправдывает опасностью, которая угрожает ее границам. А указы «Императрицы матери об истреблении русских», принятые меры по мобилизации вооруженных сил Китая, «заносчивый тон администрации», ложные слухи о неудачах европейцев на востоке и об ограниченном количестве российских войск в Семиречье не оставляли сомнений в предстоящих наступательных операциях китайцев, которым нужно дать «симметричный ответ». Сосредоточение российских войск на границах, пишут далее авторы, произвело на китайцев сильное впечатление. Но, видя, что Россия воздерживается от «неприятных действий» на западе и «умеренно» ведет себя на востоке, власти понемногу успокоились и начали в Илийском крае разоружение и «расклейку воззваний, заверяющих народ в мирных отношениях к России» [10. С. 58, 59].

Со схематичным описанием событий контрастируют резкие однозначные выводы авторов. Они считают, что торопливые и беспорядочные меры, принимаемые китайскими властями при всяком происшествии, сколько-нибудь выходящем за рамки обыденной жизни, демонстрируют их слабость. Это видит население, и только отсутствие авторитетного руководителя мешает повсеместному восстанию. По мнению авторов, сложился вполне благоприятный мо-

мент для перехода страны в русское подданство: взятие русскими войсками Таку, Тяньцзиня, Пекина и сосредоточение войск на границах уже уверили население Китая в этом намерении, и «большинство туземцев встретило бы нас, вероятно, как избавителей». Это, продолжают они, упредило бы действия англичан, которые уже показали пример «беззастенчивого отношения европейцев к населению восточного Китая» и могут начать практику таких же действий в западном. Однако, как не без некоторого сожаления констатируют авторы, «оккупация всей страны, которая последовала бы по необходимости за вступлением наших войск в китайские пределы», едва ли входит сейчас в намерение государства, которое имеет слишком много других насущных и неотложных задач. Поэтому следует сосредоточиться на достижении другой цели – мирного экономического завоевания страны [10. С. 73, 74, 76].

Детальное исследование Илийского края (провинция Синьцзян) предпринял подполковник Генштаба Федоров [11]. Хотя эта территория, находившаяся в ведении России в течение десяти лет после восстания дунган и уйгур в 1862–1869 гг., была передана Китаю в соответствии с Петербургским договором 1881 г., она представляла для России значительный интерес. Во-первых, западная часть Илийского края по договору закреплялась за Россией; во-вторых, Россия имела здесь довольно широкие торговые и политические права [12. С. 225–236]. Отчет, состоящий из краткой преамбулы, 14 разделов и заключения, представляет собой исчерпывающее, очень профессиональное исследование о состоянии края: его истории, границах, административном устройстве, орографии и гидрографии, климате, путях сообщения, населении, его этническом составе, религиозных верованиях, быте и нравах, занятиях, податях и повинностях, состоянии торговли, судостроительстве и т.д. Названия некоторых разделов не оставляют сомнений в военно-прикладном назначении отчета: раздел VI – «Пути сообщения. Общая характеристика. Маршрутные сведения – особенно по магистральным путям, могущим иметь военное значение»; раздел XIII – «Сведения, как можно расквартировать и довольствовать наши войска в Кульдже...»; раздел XIV – «Китайские войска, расположенные в Кульджинском районе. Численность и состав по родам оружия и дислокация их; их вооружение, устройство, дисциплина, обучение и проч.». Последний раздел, по-видимому, вызвал немалые затруднения при сборе информации: «*Снаряжения* (курсив в тексте. – Авт.) почти не приходилось видеть...; *Артиллерия*. Все имеющиеся орудия запрятаны в разные склады и видеть их не представляется возможности»; «Лично увидеть учение китайских солдат очень трудно. Ни разу не приходилось видеть или слышать, чтобы ученье происходило вне стен импана (казармы) или города. Проникнуть же в импань и видеть обыденное ученье невозможно» [11. С. 147–149]. Тем не менее, он составил свое нелестное впечатление о китайской армии: если маньчжуры и солоньки хотя бы подчинены военной дисциплине, то у китайцев, занятых летом возделыванием собственных полей, а зимой отсиживающихся в помещениях из-за

холода, нет и этого. Военная служба не пользуется у них почетом, и ввести среди них какое-то подобие дисциплины не представляется возможным, тем более что их начальники «сами подают пример совершенного равнодушия и незнания дела, продажности и взяточничества» [11. С. 150–151]. Вывод, который он делает в заключение, однозначен: несмотря на трудности передвижения по краю из-за множества рек без переправ и невозможности нормального расквартирования войск из-за «тесноты, грязи и негигиеничности помещений, а также нечистоплотности и накожных болезней местного населения», Илийский край должен быть занят российскими войсками [11. С. 97, 132, 160]. Основание для этого – сплочение в Кульдже мусульманского мирка, враждебного русскому делу, усиливающееся вооружение Китая и открытость границы с Илийским краем, которым китайцы могут воспользоваться как плацдармом для вторжения в российские пределы. (Звучит несколько нелогично с учетом его характеристики боеспособности китайской армии.) С приобретением Илийского края, утверждает агент, мы получаем границу, выгодную в стратегическом смысле для обороны и наступления. В исходе военных столкновений он не сомневается: в крае еще остались воспоминания о русском владычестве, китайские власти сами не верят в прочное обладание ими Кульджи, а население испытало уже столько переворотов, что к очередному отнесется равнодушно. Самым весомым аргументом для занятия Илийского края, которым агент завершил свой отчет, является тот, что нельзя ждать, пока Китай «вместо теперешнего вооруженного заржавленными самопалами воинства заведет армию... способную уже по одной численности к серьезному сопротивлению» [11. С. 161].

Донесение Б.В. Долбежева посвящалось политике Китая в отношении монгольских народов. Автор выделил в этой политике три этапа. Первый – разобщение и отчуждение монгольских племен по «классовому признаку» – «между правящими классами и простым народом, чтобы затем по очереди забрать их в свои руки». Для решения этой задачи китайцы рассчитывали использовать тщеславие стремившихся приблизиться к Пекинскому двору кочевых князьков, «прикармливая» их наградами и пожалованиями. Расчет был правильным: с детства мелким честолюбием и тщеславием, князья все больше отдалялись от рядовых соплеменников, которые сами, без организующего начала «своих естественных защитников» не были готовы к протестным действиям. (Любопытный момент: автор считал причиной разращения монгольских князей и отчуждения от собственного народа знакомство с китайской цивилизацией. Неприязнь к Китаю помешала агенту объективно проанализировать социальное «лицо» монгольской верхушки, по нравам мало отличающейся от китайской.) Вторым этапом китайских действий, «из области стратегий переходящих к чистой эксплуатации», автор считал привлечение монголов к отбыванию воинской повинности. На период его исследований для некоторых монгольских племен это уже стало реальностью. Наконец, третьим этапом автор считал полное окита-

ивание монголов и лишение их князей всех владельных прав [13. С. 9, 11, 13, 14].

Логическим дополнением труда Б.В. Долбежева служат записки Р.А. Сыртланова, которые он посвятил изучению военно-политических качеств кочевых народов с целью определения степени их лояльности китайской администрации и потенциальной поведенческой стратегии в случае войны с Россией. Автор абсолютно согласен с предшественником в отношении поэтапного «закрепощения» китайцами монголов, хотя средства его обозначает другие: принудительный неэквивалентный обмен чая на скот; колонизация монгольских земель, пригодных для земледелия; денежное закрепощение кочевников при посредстве китайских торговых фирм, хотя и не всегда успешное из-за изолированности некоторых монгольских племен [4. С. 63–66]. Особый интерес представляет предполагаемая автором стратегия поведения монголов в случае военных столкновений России и Китая, которую он выстроил на основе этнографического изучения обычаев, традиций и менталитета разных племен. Торгутов (в авторской редакции – торгоуты) Р.А. Сыртланов характеризовал как «политически и территориально раздробленных, диких и невежественных, доведенных китайцами и своими князьями до очень низкой степени благосостояния, забитых и запуганных». По его мнению, их предстоящая неизбежная ассимиляция сделает их самыми надежными союзниками России, «преданным нам народом, который охотно готов переменить китайское подданство на русское». Десятилетиями выработанные навыки племени («прекрасные и еще богатые скотоводы, неутомимые наездники и природные разведчики»), уверяет агент, могут оказать России неоценимую помощь, и их тяготение к России непременно надо использовать. Р.А. Сыртланов предостерегает самодержавие от очередного оказания помощи китайскому правительству в подавлении возможного восстания (намек на «боксерское» восстание), чем только нальет воду на мельницу своего противника. В отличие от торгутов чахары, по мнению агента, хотя и не особенно преданны Китаю, но ценят свою относительно благополучную жизнь, рисковать которой вряд ли станут ради интересов России, к которой у них нет ни вражды, ни тяготения. Автор предположил, что в случае войны России с Китаем чахары не выкажут особенно упорства в защите интересов империи и займут выжидательную позицию, спокойно подчинившись победителю. Племя олоотов он оценил как тяготеющее к китайской власти, однако это не результат духовной близости, а скорее предпочтение твердой «руки», защищающей от бед и испытаний. Играя на том, что олоты ценят «жизненные блага выше идейных побуждений», китайцы завоевывали их симпатии оказанием им явного предпочтения перед всеми инородцами. Р.А. Сыртланов выказал уверенность, что в случае демонстрации силы Россией и проявления уважения к их идеям олоты вполне примирятся с новой властью. В качестве доказательства он приводит факт отказа олоотов и других монгольских племен от войны с Россией ради китайских и маньчжурских интересов в 1900 г. Однако тут же оговаривается: «Правда, это

было до русско-японской войны, когда обаяние имени России в Азии было почти безгранично. С тех пор, конечно, многое изменилось, слава непобедимости России в Азии исчезла, а военное могущество Китая растет на глазах у всех...». Автор предположил, что вероятной стратегией поведения олоотов в военном конфликте будет следующая: встав на сторону Китая, они будут внимательно следить за ходом событий. В случае успешных действий России начнут переходить на ее сторону «без больших нравственных колебаний». А в случае ее несомненной победы – перейдут на ее сторону окончательно и будут воевать в ее рядах против китайцев, «особенно при уверенности, что в русском подданстве им будет житья не хуже, чем в китайском». В политическом плане это будет сомнительным приобретением, заключает автор, но в военном – несомненным, поскольку олоты выделяются среди других монгольских народов как хорошие воины [4. С. 67, 68, 72, 73, 76, 77, 85–88].

Из всех донесений военных агентов следует выделить отчет поручика Кушелева о поездке в Монголию, куда он был командирован Главным управлением Генштаба по собственной инициативе и за свой счет. Отчет его отличается тем, что, во-первых, поездка состоялась в 1911 г., после Синьхайской революции, изменившей расклад сил в регионе: Монголия, став самостоятельным государством, из гипотетического друга России превратилась в друга вполне реального и в высшей степени надежного. Во-вторых, его отчет, заостряющий внимание на политической ситуации, отличается более резкой наступательной интонацией, чем донесения предшественников, а все предположения автора лишены тени сомнений. В-третьих, он не только тщательно обрисовывает сложившуюся в Монголии социально-экономическую и политическую картину, способствующую принятию решений, но и сам выстраивает военную и экономическую стратегию России в регионе, показав недюжинный ум и широту мышления, достойные политического деятеля.

Анализируя политическую ситуацию, поручик, разумеется, не мог обойти стороной синдром «желтой опасности», в начале века поразивший жителей приграничных с Китаем территорий, которые жили в постоянном ожидании китайского нападения [14. С. 85]. Потенциальная возможность российско-китайской войны в рассуждениях автора превращается в неизбежность, продиктованную наличием протяженной – в 6 тыс. верст – границы с Китаем и приобщением «желтой расы» к европейской цивилизации, которая всегда начинается с развития военного искусства. Если раньше серьезным противником в Азии была лишь Япония, которая в Русско-японской войне показала военную немощь России, что же станет с последней при столкновении «с огромной вооруженной силой Китая, который будет оказывать ею свое воздействие на нашу стратегию на всем необъятном протяжении нашей с ним границы?», – задается вопросом автор очерка. Для того, чтобы обезопасить российско-китайскую границу, далее указывает он, есть три способа. Первый – политику миролюбия и дружбы – он сразу отмел, поскольку азиатский народ «признает

только и исключительно воздействие на себя силой». К тому же Китай не простит российское «вторжение» в Маньчжурию, и погасить «пока еще затаенное им недоброжелательство к России» вряд ли удастся. Второй – заключение политического союза с другими государствами для «отвлечения боевой силы Китая от наших пределов» – тоже показался ему маловероятным. Объясняет он это даже не столько неприязнью европейских держав к России, а тем, что «стоя за ее спиной», они недооценивают «желтую опасность» в отношении Китая, как недооценили ее и в отношении Японии. Между тем недавняя война наглядно продемонстрировала, что развитие вооруженных сил Японии представляет опасность для Европы и Америки, и интриги против России Японии только на руку. Единственным надежным и вполне осуществимым способом он считает третий – «отдаление от своих границ вооруженных сил Китая» и «ослабление энергии их воздействия на нашу границу», что фактически означало войну. И здесь поручик Кушелев выводит на авансцену Монголию, которая «искони веков» являлась «первым препятствием для направления Китаем своей энергии и своей предприимчивости к нашим пределам как страна, заселенная народом, враждебным китайскому» [6. С. 287]. Оценив географические, топографические и климатические свойства Монголии, «величину и природу ее населения», автор приходит к выводу: Монголия «может считаться тем надежным буфером, который обеспечивал нас от спавшего столько столетий Китая и будет... обеспечивать от Китая проснувшегося и вооружающегося» [6. С. 284–286]. Уверенность в правильности оценки определяется достигнутыми целями поездки: выяснение степени пригодности монгольской территории для ведения военных действий «в широких размерах»; определение степени лояльности населения Монголии Китаю «в связи с его реформированием» и оценка возможности оказания монголами сопротивления Китаю без помощи России; отношение монголов к русским [6. С. 288–289]. Пройдя значительную часть Монголии без каких-либо затруднений из-за условий местности или климата, он, человек ранее не знавший Монголии и не особенно опытный путешественник, решил, что степень проходимости ее высока и она вполне пригодна для военных действий. Зависимость Монголии от Китая он оценил как высокую. «Ввиду того, что Россия, к сожалению, недостаточно заботилась о процветании своей торговли в Монголии, – указывается в отчете, – ее успели захватить целиком в свои руки китайцы, являющиеся виртуозами в деле коммерции». Его вывод о постепенном падении экономического влияния России и «возрастающего с поразительной быстротой» китайского влияния полностью совпадает с мнением чиновника особых поручений при военном губернаторе Забайкальской области В. Заболотного. Последний считал причиной поражения России в российско-китайском соперничестве в Монголии дороговизну русских товаров и удобное географическое положение Китая относительно Монголии, дающее возможность быстрой доставки туда товаров за сравнительно низкую провозную плату [15. Оп. 1. Д. 136. Л. 33–34].

Особой лояльности к китайцам поручик не заметил, даже наоборот. По его мнению «сепаратическое движение» монголов тормозится только отсутствием оружия, и каждое слово «сепаратической пропаганды» падает «на в высшей степени плодотворную почву инстинктивной ненависти каждого монгола к китайцам». Причину этой ненависти он видит в эксплуатации китайцами, беззастенчиво обирающими монголов. Что касается отношения к русским, то у автора очерка не осталось ни малейшего сомнения в их горячей симпатии, ибо только в русских как народа, соприкасающегося с ними на тысячах верст приграничной полосы, они видят защиту от своего полного окитаивания. (Заметим, что протяженную границу с Китаем автор считал главным конфликтогенным фактором.) Дружелюбное отношение к русским Кушелев объяснил меньшей алчностью и большей честностью русских купцов и «привольным житьем» азиатских народностей на территории России, которая единственная из всех никогда не притесняла монголов и не ущемляла их интересов. Автор очерка настаивает на использовании этих настроений для оказания поддержки Монголии хотя бы (!) снабжением ее оружием и боеприпасами «в самых широких размерах», если политическая обстановка не позволяет открыто выступить в ее поддержку. Как только Китай, снабженный превосходной артиллерией европейских образцов, настаивает агент, справится со своим революционным движением, то набросится на Монголию, которая артиллерийских орудий не имеет [6. С. 294–299].

Экономическое завоевание Монголии Кушелев предлагает как действие, параллельное военной помощи и ни в коем случае ее не исключающее. Предложенная им экономическая стратегия России в Монголии преследовала цель полного освобождения последней от Китая, захватившего в свои руки всю торговлю, и установления там прочного российского влияния. В числе предлагаемых им мер, предусматривающих, в частности, усиление коммерческой активности русских предпринимателей, следует обратить внимание на две. Первая – исследование территории Монголии в географическом, статистическом, экономическом и научном отношении, а не только в военно-научном и военно-статистическом, «что, вероятно, уже производится самым энергичным образом». Тут он оказался абсолютно прав, хотя многие исследования военных, повторимся, обладали высоким научным уровнем. Второе – улучшение путей сообщения с Монголией, что поручик считал наиболее важным. Все его предшественники обращали внимание на монгольское бездорожье, считая это серьезным препятствием для продвижения российских войск. Но Кушелев, не ограничиваясь общими рекомендациями, выстраивает конкретный маршрут железнодорожных линий, необходимых для завоевания монгольского рынка: соединение Кяхты с одной из станций Забайкальской дороги с тем, чтобы при первой возможности продолжить ее по Монголии до Урги. Это, не без основания полагает автор донесения, «чрезвычайно улучшит наше экономическое положение в Монголии и даст возможность конкурировать с китайской торговлей, может убить последнюю» и восстановить политическое воздействие России на

Китай, в последнее время поколебленное. Продолжение строительства дороги по маршруту Урга – Калган не потребует больших усилий и будет «легкой постройкой» [6. С. 299, 300].

Идея создания Россией транспортной инфраструктуры для реализации в Монголии своих интересов была не нова: такую же применительно к Маньчжурии в 1888 г. выдвигали полковник Путята и в 1890 г. подполковник Стрельбицкий, о чем говорилось выше. А вариант Кяхтинской ветки железной дороги ранее уже прорабатывался на совещании о развитии путей сообщения у Иркутского генерал-губернатора [16. С. 198–222]. Однако, судя по всему, Кушелев пришел к этому заключению самостоятельно, на основании собственных наблюдений. Забегая вперед, скажем, что строительство ветки было признано целесообразным, в 1913 г. Государственной думой было принято решение о начале ее строительства, хотя из-за последующих политических событий оно было надолго отложено.

Остается добавить, что Кушелев показал себя сторонником политики «жесткой руки», считающим, что полумеры неэффективны и вряд ли приведут к достижению желаемой цели. Наряду с экономическим завоеванием Монголии он предлагал немедленное силовое решение «монгольского вопроса», пока этого не сделала Япония, чьих агентов он здесь заметил. Поручик солидарен с мнением своих предшественников, что задачу существенно облегчит недружелюбие монголов по отношению к Китаю, исходящее «из инстинктивной ненависти каждого монгола к китайцу», и доброжелательность и любезность в отношении к русским, которые «не оставляют желать лучшего». Военный агент явно призывает поторопиться, используя распространение среди монголов идеи о возможности присоединения Монголии к России, к которой они относятся вполне благосклонно, ожидая «от России и ее Белого Царя... заступничества против насилия ненавистных китайцев». По его мнению, момент наиболее благоприятен, поскольку через несколько лет восстание против Китая монголов, ждущих только малейшего российского содействия, станет совершенно невозможным. Это понимают и сами монголы, воспользовавшиеся революцией в Китае, чтобы объявить свою независимость. К тому же, по его мнению, следовало действовать быстро, пока Китай, не собирающийся упускать Монголию, не убаюкает ее обещанием широкой автономии в рамках «Китайских соединенных штатов».

В качестве решающего аргумента в ход пошла пресловутая «желтая опасность»: агент считает, что в случае непринятия решительных мер опасность будет угрожать уже не Монголии, а Сибири, которую накроеет китайская колонизационная волна, свидетельством чего является концентрация китайских колонистов на ее границах [6. С. 301, 302, 312, 313, 324].

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Отчеты военных агентов, проводивших разведку в Китае, Монголии и Маньчжурии на рубеже XIX–XX в., преследовали цель – оценить перспективы России в случае ведения военных действий на этих территориях. Подобные исследования, предпринимавшиеся даже в период поддержания дружественных отношений между двумя державами, активизировались после участия России в подавлении «боксерского» восстания в Китае, что обострило отношения между бывшими союзниками. Ситуация поочередно складывалась в пользу то одной, то другой стороны. Китай рассчитывал на слабость России и падение ее авторитета в Азии после Русско-японской войны, Россия предполагала воспользоваться результатами революции в Китае 1911 г. – падением Цинской империи и обретением Монголией независимости.

Военные агенты были солидарны во мнении, что Россия проигрывает экономическую конкуренцию с Китаем в регионе в силу большей предприимчивости китайских купцов и обладания ими товарами, пользующимися повышенным спросом у кочевых народов. Для усиления российского экономического влияния предлагалась активизация действий русского купечества и торговых представительств, рациональное ведение торгового дела с использованием производственного потенциала приграничных территорий и создание транспортной инфраструктуры, позволяющей монополизировать монгольский рынок.

Донесения военных агентов, обстоятельные и по-научному профессиональные, отличались в то же время радикализмом интонации – по-видимому, в силу профессии их авторов. В большинстве своем агенты предпочитали силовой путь упрочения позиций России на Востоке, а российско-китайскую войну считали не только возможной, но и неизбежной с учетом усиления китайской армии и обозначившимися агрессивными намерениями своего соседа. В случае мирного течения событий предполагалось вытеснить Китай и других конкурентов с монгольского рынка путем проведения через Монголию железнодорожной ветки, соединявшейся с Транссибирской магистралью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об отношениях европейцев к Китаю. Речь, произнесенная на акте Санкт-Петербургского университета 8-го февраля 1887 года ординаром-профессором А.М. Позднеевым // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXVII. СПб. : Изд. Военно-ученого комитета Главного Штаба, 1887. С. 228–263.
2. Курас Л.В., Кальмина Л.В., Михалев А.В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. Иркутск : Оттиск, 2018. 112 с.
3. Забайкальские областные ведомости.
4. Материалы по Западному Китаю, собранные Р.А. Сыртлановым, во время его поездки из Урумчи на Алтай в 1909 году // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXVI. СПб. : Военная типография, 1913. С. 53–241.
5. Отчет о семимесячном путешествии по Монголии и Маньчжурии в 1894 году (Хулумбур и Хинган) / сост. подполк. Стрельбицкий // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXVII. СПб. : Изд. Военно-ученого комитета Главного Штаба, 1896. С. 32–126.
6. Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию Л.-Гв. Гусарского ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка поручика Кушелева // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXVI. СПб. : Военная типография, 1913. С. 284–374.

7. Третьяков В.Г. Монголия как геополитический центр притяжения железнодорожного строительства в конце XIX – начале XX века // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3, ч. 1: Ст. участников 3-й Междунар. науч.-практ. конф. : сб. науч. тр. Иркутск; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. С. 110–120.
8. Отчет о поездке по Маньчжурии через Инокую, Мукден, Гирин, Лалин, Ашихо, Пайесусу, Сан-син, Нингуту, Хунчун во Владивосток 1888 г. Генерального Штаба полковника Путята // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXXVIII. СПб. : Изд. Военно-ученого комитета Главного Штаба, 1889. С. 1–127.
9. Монголия. Опыт военно-статистического очерка командира 2-го драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка А.А. Баторского. С прилож. 41 маршрут. и 2 карт. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVIII. СПб. : Изд. Военно-ученого комитета Главного Штаба, 1891. 277 с.
10. Краткий очерк современного положения в Западном Китае (Кашгарии и Джунгарии) к 20 декабря 1900 г. Сост. в Статистическом отделении генерал-квартирмейстерской части Главного Штаба // Сборник материалов по Азии. СПб. : Изд. Стат. отделения генерал-квартирмейстерской части Главного Штаба, 1902. С. 53–77.
11. Краткий военно-статистический обзор Илийского края Генерального Штаба подполковника Федорова // Сборник материалов по Азии. СПб. : Изд. Стат. отделения генерал-квартирмейстерской части Главного Штаба, 1902. С. 79–199.
12. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб. : Изд. Мин-ва иностранных дел; тип. Императорской академии наук, 1889. 271 с.
13. Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги. Карашаарское ханство // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXVI. СПб. : Военная типография, 1913. С. 1–52.
14. Гузей Я.С. Боксерское восстание и синдром «желтой опасности»: антикитайские настроения на российском Дальнем Востоке (1898–1902 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2011. № 4, т. 2. С. 82–86.
15. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1482.
16. Труды совещания 1906 г. в г. Иркутске о путях сообщения Сибири. Т. II: Материалы / под ред. В. Попова. Иркутск : Изд. канцелярии иркутского генерал-губернатора, 1908. 479 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 июля 2019 г.

In Case of War With a Sworn Friend (Russia's Chinese Political Projects in the Military Agents' Reports at the Turn of the 20th Century)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 152–161.

DOI: 10.17223/15617793/456/18

Lilia V. Kalmina, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). E-mail: kalminal@gmail.com

Leonid V. Kuras, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). E-mail: kuraslv@yandex.ru

Keywords: Manchuria; Mongolia; China; nomad population; military activities.

The study is carried out within state assignments XII.191.1.1. (L. Kalmina) and XII.187.1.4. XII.191.1.2. (L. Kuras).

The article aims to analyse the Russian-Chinese relations through the eyes of the Russian military agents who, at the turn of the 20th century, came to China, Mongolia, Manchuria with military and scientific purposes. Being professional military servicemen, they built their strategy towards China, whose priority was the power pressure on the nearest neighbour. They believed it would clarify the situation with determining the political leader in the Far East. The main sources of the material for the article were military agents' reports published by the Military-Scientific Committee of the General Staff under the "top secret" seal. The reports were complete geographical, geological, economic, ethnographic investigations. Their authors considered any trifle thing to be decisive at war. The authors of the article divided the reports into two groups: those written before the 20th century and in the 20th century. The two events that separate the groups of the reports were the Boxer Rebellion suppressed with the participation of Russia and the Russo-Japanese War which questioned Russian military strength. The latter influenced the intonation of the reports, it became aggressive as military actions were supposed to restore the unsteady Russian prestige. The main issues discussed in the reports were the relief of the future military activity area, fighting efficiency, the Chinese Mongolian tribes' sentiment and their attitude towards Russia. The investigations aimed at clarifying the possibility for Russian forces' movement, the conscripted Mongolian tribes' behavior and their loyalty to the potential conqueror. Examining the military agents' analysis, the authors came to the following conclusions. The military agents considered war activities to be the main means to strengthen Russia's prestige in the East even at the end of 19th century with the public believing the two powers would develop peaceful relations. There was no doubt in Russia's victory in case of a war with China: the Russian army had a high fighting efficiency; China had conflicts with the minor peoples of the Middle Empire. Russia mainly hoped for Mongolia as an ally in the war against China. According to the projects, Mongolia would willingly get rid of the Chinese protection and accept the Russian patronage. The Mongolian Independence Declaration after the Xinhai Revolution of 1911 demanded building a strategy of relations with the new trading partner. In order to force out the rivals from the Mongolian market, Russia had to create a transport infrastructure on its territory, leaving China behind. The construction of the Kyakhta railway branch through Mongolia to Urga, which was to be connected to the Trans-Siberian railway, did not give the economic competitors any chance to dominate in the Mongolian economic area.

REFERENCES

1. Pozdneev, A.M. (1887) Ob otnosheniyakh evropeytshev k Kitayu. Rech', proiznesennaya na akte Sankt-Peterburgskogo Universiteta 8-go fevralya 1887 goda ordinarom-professorom A.M. Pozdneevym [About Europeans' attitude to China. Speech delivered at the St. Petersburg University meeting on February 8, 1887, by Ordinary Professor A.M. Pozdneev]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. XXVII. Saint Petersburg: Izd. Voenno-uchenoego komiteta Glavnogo Shtaba. pp. 228–263.
2. Kuras, L.V., Kal'mina, L.V. & Mikhalev, A.V. (2018) *Kapitany rossiyskoy vostochnoy politiki: rubezh XIX–XX vv.* [Captains of the Russian Eastern Policy: The Turn of the 20th Century]. Irkutsk: Ottisk.
3. *Zabaykal'skie oblastnye vedomosti.*
4. Syrtlanov, R.A. (1913) Materialy po Zapadnomu Kitayu, sobrannye R.A. Syrtlanovym, vo vremya ego poezdki iz Urumchi na Altay v 1909 godu [Materials on Western China collected by R.A. Syrtlanov during his trip from Urumchi to Altai in 1909]. In: *Sbornik geograficheskikh, topo-*

- graficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. LXXXVI. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya. pp. 53–241.
5. Strel'bitskiy, I.I. (1896) Otchet o semimesyachnom puteshestvii po Mongolii i Man'chzhurii v 1894 godu (Khulumbur i Khingan) [Report on a seven-month journey through Mongolia and Manchuria in 1894 (Hulun Buir and Hinggan)]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. LXVII. Saint Petersburg: Izd. Voенno-uchenogo komiteta Glavnogo Shtaba. pp. 32–126.
 6. Kushelev, Yu. (1913) Otchet o poezdke s voенno-nauchnoy tsel'yu v Mongoliyu L.-Gv. Gusarskogo EGO VELICHESTVA polka poruchika Kusheleva [Report on a trip with a military scientific purpose to Mongolia by Kushelev, Lieutenant of the Hussar Regiment of the Imperial Guard]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. LXXXVI. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya. pp. 284–374.
 7. Tret'yakov, V.G. (2014) [Mongolia as a geopolitical center of attraction for railway construction in the late 19th – early 20th centuries]. *Rossiya i Mongoliya v nachale XX veka: diplomatiya, ekonomika, nauka* [Russia and Mongolia at the Beginning of the 20th Century: Diplomacy, Economics, Science]. Vol. 3 (1). Proceedings of the International Conference. Irkutsk; Ulaanbaatar: Baikal State University of Economics and Law. pp. 110–120. (In Russian).
 8. Putyata, D.V. (1889) Otchet o poezdke po Man'chzhurii cherez Inokou, Mukden, Girin, Lalin, Ashikho, Payesusu, San-sin, Ningutu, Khunchun vo Vladivostok 1888 g. General'nogo Shtaba polkovnika Putyata [Report on a Trip to Manchuria Through Yingkou, Mukden, Jilin, Lalin, Ashiho, Payesusu, Sansin, Ning'An, Hunchun to Vladivostok in 1888 by Colonel Putyata of the General Staff]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. XXXVIII. Saint Petersburg: Izd. Voенno-uchenogo komiteta Glavnogo Shtaba. pp. 1–127.
 9. Menshikov, A.D. (1891) Mongoliya. Opyt voенno-statisticheskogo ocherka komandira 2-go dragunskogo S.-Peterburgskogo general-fel'dmarshala knyazyza Menshikova polka A.A. Batorskogo. S prilozh. 41 marshrut. i 2 kart. [Mongolia. the Experience of the Military-Statistical Report of the Commander of the 2nd Dragoon ST. Petersburg General Field Marshal Prince Menshikov of the Regiment of A.A. Batorsky. With 41 Routes and 2 Maps]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. XLVIII. Saint Petersburg: Izd. Voенno-uchenogo komiteta Glavnogo Shtaba.
 10. Statistical Department of the Quartermaster General Office of the General Staff. (1902) Kratkiy ocherk sovremennogo polozheniya v Zapadnom Kitae (Kashgarii i Dzhungarii) k 20 dekabrya 1900 g. Sost. v Statisticheskoy otdelenii general-kvartirmeysterskoy chasti Glavnogo Shtaba [A brief outline of the current situation in Western China (Kashgar and Dzungaria) by December 20, 1900. Compiled in the Statistical Department of the Quartermaster General Office of the General Staff]. In: *Sbornik materialov po Azii* [Collection of Materials on Asia]. Saint Petersburg: Izd. Stat. otdeleniya general-kvartirmeysterskoy chasti Glavnogo Shtaba. pp. 53–77.
 11. Fedorov, D.Ya. (1902) Kratkiy voенno-statisticheskii obzor Iliyskogo kraya General'nogo Shtaba podpolkovnika Fedorova [A brief military-statistical overview of the Ili region by Lieutenant Colonel Fedorov of the General Staff]. In: *Sbornik materialov po Azii* [Collection of Materials on Asia]. Saint Petersburg: Izd. Stat. otdeleniya general-kvartirmeysterskoy chasti Glavnogo Shtaba. pp. 79–199.
 12. Ministry of Foreign Affairs. (1889) *Sbornik dogovorov Rossii s Kitaem. 1689–1881 gg.* [Collection of Treaties Between Russia and China. 1689–1881]. Saint Petersburg: Ministry of Foreign Affairs; Imperial Academy of Sciences.
 13. Dolbezhev, B.V. (1913) Sud'ba kalmykov, bezhavshikh s Volgi. Karashaarskoe khanstvo [The fate of the Kalmyks who fled from the Volga. Karashaar Khanate]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. LXXXVI. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya. pp. 1–52.
 14. Guzey, Ya.S. (2011) The Boxer Rebellion and the “Yellow Peril”: The Anti-Chinese Moods on the Russian Far East (1898-1902). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya – Izvestiya of Altai State University. History. Political Science.* 4 (2). pp. 82–86. (In Russian).
 15. Russian State Military Historical Archive. Fund 1482. (In Russian).
 16. Popov, V. (ed.) (1908) *Trudy soveshchaniya 1906 g. v g. Irkutskе o putyakh soobshcheniya Sibiri* [Proceedings of the Meeting on the Communication Routes of Siberia in Irkutsk in 1906]. Vol. 2. Irkutsk: Izd. kantselyarii irkutskogo general-gubernatora.

Received: 22 July 2019

В.В. Кузнецова

ПРОДВИЖЕНИЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИСПАНИИ

Раскрывается политика популяризации испанского языка на территории РФ как инструмента культурной дипломатии Испании за рубежом. Рассмотрена и проанализирована структура и деятельность главных испанских и российских ведомств, отвечающих за реализацию политики в области распространения испанского языка на территории России.

Ключевые слова: культурная дипломатия; интернационализация высшего образования; мягкая сила; Россия; Испания.

Введение

Актуальность темы исследования определяется возрастающей ролью культурной дипломатии как части внешней политики государств на современном этапе, а также расширением российско-испанского межгосударственного гуманитарного сотрудничества, в том числе в области языковой политики двух стран.

Сегодня международная репутация любого государства определяется не только политическим весом, военной мощью и уровнем развития экономики, но также и его культурным наследием. Поэтому большие и маленькие страны в число своих внешнеполитических приоритетов ставят популяризацию и пропаганду своего культурного наследия и достояния [1. С. 136]. С целью создания положительного имиджа страны и продвижения национальных интересов на мировой арене ими активно используется инструментарий культурной дипломатии, в том числе в сфере образования и продвижения национальных языков.

В современной науке и международной практике понятие «культурная дипломатия» используется наряду с понятием «внешняя культурная политика» [2. С. 160] и рассматривается как один из важнейших и эффективных способов достижения внешнеполитических целей государства.

Согласно российским исследователям К.Е. Федотовой и Т.В. Кашириной, культурная дипломатия – это система мер государства, направленная на продвижение интересов страны на внешнеполитической арене. В целях достижения межгосударственного взаимопонимания, международного мира, стабильности и продвижения на международной арене национальных интересов, государство в рамках культурной дипломатии использует различные инструменты культуры, искусства и образования [3].

Культурная дипломатия является частью внешней культурной политики, и для её исполнения создаются специальные общественно-государственные образования, которые реализуют менеджмент международных связей в области науки, образования и культуры [2. С. 160].

Сегодня многие государства стараются применять культурную дипломатию на международной арене с целью популяризации своей культуры, языка и образования.

Культурная дипломатия Испании

Во внешней политике Испании культурный вектор занимает важнейшее место и играет стратегическую роль, чему способствуют культурное и художественное наследие страны, а также второй по распространённости на Земле национальный язык [4]. МИД страны подчеркивает особое положение испанской культуры в мире, так как Испания является третьим рекордсменом в мире по количеству памятников, имеющих статус объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО [5. Р. 446].

Без сомнения, испанская культура – одна из самых богатых в мире. Известны имена выдающихся деятелей в области литературы, музыки, изобразительного искусства, кино не только из Испании (Сальвадор Дали, Пикассо, Федерико Гарсиа Лорка, Гойя, Лопе де Вега, Мигель де Сервантес, Веласкес, Мигель де Унамуно, Педро Альмодовар), но и из стран Латинской Америки, где испанский также является официальным языком (Габриэль Гарсиа Маркес, Карлос Фуэнтес, Ботеро и др.). Испанская культура и язык путешествуют по зарубежным странам в виде сочетания традиций и авангарда, которые свидетельствуют об уникальности феномена мира Испаниада. За последние двадцать лет образовательные и культурные аспекты стали приоритетными направлениями в культурной дипломатии Испании. Для создания позитивного образа государства на мировой арене власти Испании умело используют свою богатейшую историю, культурные достижения, национальный язык, туризм и атмосферу толерантной среды [6. С. 199].

Испанская политика в области культурной дипломатии началась в 1920-х гг., когда международные культурные отношения были признаны на государственном уровне. В 1921 г. был основан Департамент культурных связей Испании, в функции которого входило распространение испанской культуры за границей, возрождение испанского влияния в странах Латинской Америки, усовершенствование системы преподавания испанского языка в высших учебных заведениях, а также учреждение испанских культурных центров за рубежом [7. С. 43]. Тем не менее скудные ресурсы и политическая нестабильность в стране тех лет не позволили завершить многие проекты.

Вступление Испании в Европейское сообщество в 1986 г. дало новый импульс культурной дипломатии. Новая повестка дня, которая была направлена на пол-

ное преобразование имиджа Испании, также способствовала расширению деятельности в данной сфере. В новых условиях востребованность и распространенность испанского языка за рубежом посредством культурной дипломатии стали актуальной задачей испанского государства.

Статус испанского языка в мире

Испанский является одним из самых распространенных языков мира. В двадцать одной стране он признан официальным языком. Испанский занимает второе место в мире по числу носителей языка (более 477 млн человек), следуя сразу после китайского (950 млн). Еще около 100 млн используют испанский язык в качестве второго. Таким образом, на испанском говорят более 577 млн человек во всем мире, т.е. около 7,6% населения нашей планеты [8. Р. 6]. Кроме того, это второй (после английского) наиболее изучаемый язык в мире и с каждым днем к нему все чаще обращаются в сфере бизнеса, политики и культуры. По данным ежегодного доклада Института Сервантеса, в 2018 г. испанский язык как иностранный изучали 21 млн студентов в разных странах мира [9. Р. 5].

В интернете также все чаще используют язык Сервантеса. На сегодняшний день испанский является третьим по употребляемости в сети. В июне 2016 г. из 3,6 млн пользователей со всего мира 7,7% общались на испанском языке [10]. Два языка, которые опережают испанский, – это английский и китайский. Если учесть, что на китайском говорят в основном уроженцы страны, то можно считать, что испанский – это второй язык международного общения в интернете после английского [11].

Также испанский является одним из немногих языков интернационального общения в рамках деятельности таких организаций, как ООН, Европейский союз, Организация американских государств, Иберо-американское сообщество, Сообщество стран Латинской Америки и т.д.

Наконец, международный характер языка можно измерить с помощью анализа таких показателей, как общее число носителей языка, Индекс человеческого развития (ИЧР) людей, которые используют данный язык; число стран, в которых разговаривают на этом языке; экспорт данных стран; частота использования языка в международных переводах и переговорах. В соответствии с данными критериями, испанский язык является вторым по важности языком на международной арене [9. Р. 34].

Таким образом, можно сделать вывод, что на фоне роста популярности и влияния испанского языка в мире, возрастает и количество людей, его изучающих. Россия не остается в стороне от этого процесса.

История испано-российского гуманитарного сотрудничества

Российская Федерация является важным партнером Испании по сотрудничеству в области культуры и образования. Она занимает одно из приоритетных мест во внешнеполитической образовательной страте-

гии страны по числу двусторонних культурно-образовательных проектов. Россия также открывает большие возможности для мира испанистики. Благодаря интенсивной испанской культурной дипломатии российские граждане хорошо знакомы с испанской культурой, традициями, языком.

Следует отметить, что история испано-российских связей имеет многовековую традицию. До конца XVII в. отношения между Москвой и Испанией носили спорадический характер. Первые русские прибыли в Испанию в XV в., о чем свидетельствуют письменные исторические источники. Так, в письме архиепископа Великого Новгорода Геннадия митрополиту Московскому Зосиме, датированном октябрём 1490 г., появилось сообщение об испанской инквизиции, зародившейся во времена Фердинандо II Арагонского (1480 г.). Официальные дипломатические отношения между двумя странами были установлены только в 1667 г., после приезда в Испанию с официальным визитом российского дипломата Петра Потемкина [12].

В XIX в. русские открывали для себя Испанию через путешествия, благодаря чему литература путешествий (путевые очерки и заметки, дневники) этого периода явилась важным источником «формирования представлений русской читающей публики и играла важную роль в сложном процессе конструирования образа чужой страны» [13. С. 449].

После победы Революции 1917 г. в истории отношений между Испанией и Россией начинается новый этап. Во многом под влиянием событий, связанных с советским участием в Гражданской войне в Испании, начал формироваться интерес к испанскому языку и культуре в СССР. Тогда же распространение языка происходило через «детей войны», которые были эвакуированы из Испании в Советский Союз в целях сохранения их жизни (всего в 1937–1938 гг. было вывезено около 35–40 тыс. детей). После поражения республиканцев в 1939 г. Советский Союз фактически прекращает отношения с франкистской Испанией.

Несмотря на это, на протяжении последующих десятилетий испанский язык был частью советской образовательной системы, сначала в вузах, а позднее – в учреждениях среднего специального образования. В 1938 г. впервые в СССР открывается романское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета. Со временем начали создаваться специализированные отделения по изучению испанского языка и в других местах. Так, в 1945 г. его преподавание началось на романо-германском отделении филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1973 г. углубленное изучение испанского языка вводится в московской школе № 82 (ныне № 1252). Это был первый опыт создания спецшколы подобного профиля в рамках системы среднего образования [14].

В дальнейшем смерть диктатора и переход Испании к демократии привели к восстановлению дипломатических отношений между двумя странами, которое состоялось 9 февраля 1977 г. Одновременно с этим возобновилась эпоха активного испано-российского сотрудничества как в политической, так и культурно-образовательной сферах.

Важнейшими межгосударственными документами этого периода стали: Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Испанией об эквивалентности и взаимном признании документов об образовании и ученых степеней [15] и Советско-Испанский меморандум о развитии изучения языков и литературы обеих стран [16. Л. 6], подписанные в 1990 г.

В Меморандуме говорилось: «Союз Советских Социалистических Республик (СССР) и Королевство Испания, руководимые желанием укрепить дружественные отношения, существующие между народами обеих стран, преисполненные решимостью развивать сотрудничество в области культуры и образования, желая углубить и расширить свои отношения, учитывая, что значение языков и литературы СССР и Испании является важным фактором сотрудничества и сознавая необходимость содействовать и углублять это значение, готовы поощрить изучение и распространение языков одной страны в другой стране, а также их литературы» » [16. Л. 7]. В качестве мер по распространению национальных языков и литературы двух стран предлагалась организация циклов обучения на различных уровнях системы образования, а также в рамках культурных и иных учреждений, с использованием аудиовизуальных средств. Предусматривалось также проведение соответствующей консультационной деятельности с целью оказания помощи учебному процессу и разработки программ обучения соответствующим языкам и литературе и некоторые другие меры подобного рода.

Таким образом, предшествующий современному периоду испано-российских / советских связей заложил основы для продвижения наших стран по пути взаимовыгодного гуманитарного сотрудничества в 1990–2000-е гг.

Институциональные основы продвижения испанского языка в России на современном этапе

Новое «открытие» Испании для российского общества началось в 2000-е гг. Данный период совпал с экономическим ростом и увеличением численности среднего класса в РФ, а также растущей покупательной способностью населения, как следствие – увеличением потока российских туристов в эту страну. Одновременно с присоединением России к Болонскому процессу в 2003 г. и ее вхождением в мировое образовательное пространство расширились возможности российско-испанского сотрудничества в этой сфере. Данный процесс в новой России был начат еще 1990-е гг., когда на основании российско-испанского соглашения в области культуры и образования (1994 г.) [17] начался обмен специалистами, научными работниками, преподавателями, студентами и учащимися; устанавливались контакты между высшими, средними и профессиональными учебными заведениями, а также другими образовательными учреждениями и организациями; решался вопрос о предоставлении стипендий и других возможностей для учебы. Новым направлением стало сотрудничество двух стран в области профессионального и внешкольного образования.

В 2009 г. были подписаны новые документы, в частности «Программы сотрудничества между Королевством Испания и Российской Федерацией в области культуры и образования на 2005–2007 гг.» [18] и «Декларации о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания» [19], которые составляют нормативно-правовую базу для сотрудничества наших стран в области языковой политики и, в частности, в области распространения испанского языка.

В настоящее время можно говорить о сложившейся институциональной структуре продвижения испанского языка в России через специальные центры, школы и вузы, учреждения науки, культуры, туризма и спорта, средства массовой информации. В настоящее время испанистика входит в учебные программы университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Курска, Екатеринбурга, Иркутска, Томска, Новосибирска, Саранска, Омска, Пятигорска, Ижевска, Воронежа, Казани, Астрахани, Красноярска и Владивостока.

Большой вклад в распространение испанского языка и культуры на территории РФ вносят Посольство Испании, в частности действующие при Посольстве Отдел образования (открыт в 2003 г.) и Отдел туризма (Турэспанья, действует с 1999 г.), Институт Сервантеса, открытый в 2002 г. в Москве [6. С. 202]. Важную роль в распространении языка в РФ играет учрежденная в 1994 г. Ассоциация испанистов России, созданная с целью осуществления «пропаганды изучения и преподавания языков и литератур, науки и культуры Испании и Латинской Америки для расширения общения между народами, лучшего ознакомления с культурой и наукой испаноязычных стран, и на этой основе укрепления международного сотрудничества, взаимопонимания, научной и экономической коопераций» [20].

В свою очередь, Отдел образования при Посольстве Испании в нашей стране видит свою задачу в расширении доступа к испанскому языку и культуре преподавателей, испанистов, студентов и всех заинтересованных в Испании и испаноязычном мире. В функции Отдела входят также задачи по продвижению испанского языка в системе образования в рамках программы двуязычных испанских отделений; организации учебных курсов для преподавателей испанского языка; поощрение и отслеживания междууниверситетских контактов; изданию публикаций; распространению и выдаче на дом (абонемент) дидактических материалов для преподавания испанского языка; предоставлению информации об обучении и стипендиальных программах в Испании и обработке соответствующих запросов; оказанию содействия испанским учреждениям в реализации дистанционного обучения [21].

В 2001 г. состоялось подписание соглашения между Российской Федерацией и Королевством Испания «О деятельности культурных центров» [22]. Сегодня на базе данного Соглашения свою деятельность осуществляют Российский центр науки и культуры в Мадриде; Испанский центр при Институте Сервантеса, Центр изучения испанской культуры, Культурный

Центр «Сервантинес» в Москве; Испанский центр культуры образования и бизнеса в Санкт-Петербурге; Испано-Российский центр языка и культуры Южного федерального университета в Ростове-на-Дону; Испанский центр образования и культуры в Казани.

Основным инструментом реализации политики продвижения испанского языка в России является Центр Института Сервантеса. Его открытие ознаменовало начало нового этапа сотрудничества российской и испанской культур. За годы своего существования в России Центр Института Сервантеса значительно расширил свою деятельность (он открыт семь дней в неделю с 9.00 до 22.00 проходят занятия) и на сегодня – это один из крупнейших центров сети Института Сервантеса по всему миру. Российский Центр насчитывает самое большое количество студентов в мире. Так, в 2014–2015 гг. на курсах испанского языка обучались 4 732 студента [23]. За прошедшие года в залах Института было проведено 2 700 мероприятий, участниками которых были писатели, кинорежиссеры, журналисты, актеры, певцы, музыканты: Эдуардо Мендоса, Фернандо Аррабаль, Хавьер Серкас, Леонардо Падурра, Давид Труэба, Хавьер Гурручага, Хосе Луис Борау, Серранито, Висенте Амиго, Пако Ибаньес, Мария дел Мар Бонет, Жорди Саваль и др. [24. С. 432].

Помимо языковых курсов, тематических праздников, показа фильмов, выставок, презентаций книг, конференций и бесплатных встреч с видными деятелями культуры и образования, еще одним из преимуществ Центра является управление аккредитацией экзамена DELE (Diploma de Español como Lengua Extranjera). Это международный официальный документ, который заверяет степень компетенции и владения испанским языком. Кроме Москвы, этот экзамен проводится также в Санкт-Петербурге, Омске, Новосибирске, Иркутске и в столицах и городах бывших советских республик: Бишкеке (Киргизия), Алматы (Казахстан), Ереване (Армения) и Баку (Азербайджан). Ежегодно около тысячи человек сдают этот экзамен в 22 аккредитованных центрах, которые непосредственно зависят от Московского Центра Института Сервантеса.

Институт Сервантеса предлагает также изучение испанского языка по интернету. Виртуальная аудитория испанского языка (AVE) – это платформа, благодаря которой могут быть доступны курсы для дистанционного обучения испанскому языку. Всем изучающим язык всемирная сеть предоставляет возможность находиться в контакте с учениками и носителями языка со всего мира, а также получить доступ к материалам на испанском языке [24. С. 14].

В Санкт-Петербурге в 2003 г. был основан еще один центр испанского языка – «Adelante», который проводит активную работу по обучению и распространению на территории РФ испанского языка и культур Испании и Латинской Америки.

В этом же году в городе на Неве открылся Испанский центр культуры, образования и бизнеса. Его основной деятельностью является продвижение испанской культуры в Санкт-Петербурге и развитие деловых и туристических связей между Испанией и Россией. В стенах Центра часто проходят выставки фотографий и

живописи, симпозиумы, конференции, семинары, чтения и различные тематические праздники [25].

Важное значение имеет также Центр испанского языка и культуры имени профессора С.Ф. Гончаренко, созданный 1 июля 1999 г. при участии Гранадского университета с целью оказания помощи студентам Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) в освоении языка, культуры и истории Испании. Сегодня МГЛУ имеет большое количество различных проектов с испанскими университетами и способствует реализации Соглашений о сотрудничестве вуза с университетами Алькала-де-Энарес, Барселона, Гранада, Кадиса, Кастилья-Ла-Манча, Комплутенсе (Мадрид), Лас-Пальмаса (Гран-Канария) и др. [26].

Образовательная программа Secciones Bilingües Ruso-Españolas («Испанский бакалавриат») стартовала в России в 2001 г. в школе № 1252 имени Сервантеса на основании подписанного Министерством образования России и Испании Протокола об открытии в России двуязычных российско-испанских отделений (от 27.03.2001 г.). Данная программа позволяет учащимся по окончании учёбы получать аттестаты зрелости российского и испанского образцов, подтверждающие полное среднее образование [27].

В 2017 г. в России функционировали четыре двуязычных испанских отделения в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону и в Казани. В них на протяжении восьми лет, с 4-го по 11-й классы, идет обучение по специально разработанной программе. В данных секциях, помимо российской обычной школьной программы, преподаются отдельные предметы из программы системы образования. На испанском языке обучают географии, истории и литературе. Сдав выпускные экзамены, ученики могут получить и российский аттестат, и испанский диплом Бачильерато. Уроки в подобных школах ведут не только российские преподаватели, но носители языка, прошедшие специальный отборочный конкурс у себя на родине [26]. Каждый год Министерство образования, культуры и спорта Испании отбирает испанских преподавателей для участия в данной программе. Это мероприятие происходит в сотрудничестве с Отделом образования Посольства Испании в России и под руководством билингвальных школ [28]. Сегодня в российских школах, которые принимают участие в данной программе, заинтересованность учеников в изучении испанского языка и культуры Испании заметно выросла, что является важным показателем повышения престижа испанского языка в нашей стране. Также популярность языку Сервантеса в РФ придало введение в 2006 г. ЕГЭ по испанскому.

Существуют и другие проекты на территории России, которые реализуются в целях распространения испанского языка и культуры.

Так, с 2007 г. в рамках своей стратегии выхода на российский рынок испанский банк «Santander» подписывает соглашения о сотрудничестве с самыми престижными российскими университетами. Эти соглашения включают в себя различные сферы сотрудничества в зависимости от профиля каждого университета, но обязательным условием является создание испанских центров и кафедр в вуза в целях распро-

странение испанского языка. Данное сотрудничество сопровождается стипендиальной программой как для студентов, так и для преподавателей [12].

В 2008 г. в Мадриде состоялась встреча 50 ректоров России и стран Латинской Америки. Инициатором данного мероприятия выступил тогдашний посол Испании в Москве Хуан Антонио Марша Пуйоль. Одной из центральных тем встречи была необходимость продвижения изучения русского языка в Иbero-Америке, и испанского и португальского языков – в России. Параллельно с соборанием ректоров в Мадриде проводились дискуссионные столы, организованные испано-российским форумом гражданского общества, на котором также рассматривались вопросы двустороннего сотрудничества в таких областях, как культура, образование, бизнес, СМИ и т.д. [12].

Культурные обмены между двумя странами стали более интенсивными после празднования перекрестного года между Испанией и Россией в 2011 г., перекрестного года русского и испанского языков и литературы в 2015 г. и перекрестного года туризма России и Испании в 2016 г. В данных программах приняли участие основные культурные учреждения обеих стран (музей Прадо, Эрмитаж, музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, музей Рейна-София, музей Гуггенхайма, Национальный драматический центр, театр Станиславского и Немировича-Данченко, Кремлевский государственный балет, Большой и Мариинский театры). Участниками программы были также российские федеральные университеты, около 35 российских регионов и практически все автономные сообщества Испании.

Роль образовательных учреждений в продвижении испанского языка в РФ

Благодаря мероприятиям перекрестных годов России в Испании и Испании в России, отношения между двумя странами стали наиболее интенсивно развиваться не только в политической, но и в экономической и культурно-гуманитарной сферах. Это, в свою очередь, дало сильный толчок для образовательного межгосударственного взаимодействия двух стран.

Сегодня двустороннее сотрудничество между Москвой и Мадридом в области культуры, образования и науки способствует увеличению спроса на специалистов со знанием испанского языка и непрерывному росту интереса к его изучению среди школьного и студенческого сообщества.

Так, преподаватели испанского могут получить финансирование для поездок в Испанию, в том числе на курсы повышения квалификации и конференции, а также на ежегодные встречи Федерации по преподаванию испанского языка как иностранного (FEDELE), на Фестиваль испанского языка и культуры (FLECOS), проводимый в Гранаде. В РФ регулярно проводятся бесплатные курсы повышения квалификации, мастер-классы, презентации методик и учебников для преподавания испанского языка как иностранного [6. С. 202].

Важную роль в деятельности по продвижению испанского языка в России играют российские и испанские образовательные учреждения, прежде всего вузы (табл. 1).

Таблица 1

Российские университеты, где испанский преподается как первый или второй язык

Название вуза	Первый изучаемый язык	Второй изучаемый язык
МГИМО	300	450
РУДН	500	235
МГЛУ	170	830
РГГУ	114	186
Пятигорский Государственный Лингвистический университет	336	480
РГПУ им. А.И. Герцена	131	70

Источник: El mundo estudia español (2014) Ministerio de Educación, Cultura y Deporte.

Как видно из табл. 1, за последнее десятилетие наблюдается рост количества московских университетов, которые вводят испанский язык в программу в качестве первого или второго изучаемого иностранного языка [29]. Также с каждым годом между российскими и испанскими вузами растет число соглашений о взаимном сотрудничестве, количество программ двустороннего обмена и программ двойных дипломов [30].

В табл. 2 представлены данные об испанских университетах, имеющих соглашения с ведущим университетом России – МГУ им. М.В. Ломоносова.

Стоит назвать и такое важное событие, как защита в октябре 2018 г. кандидатской диссертации по программе двойной аспирантуры между Российским университетом дружбы народов и Университетом Балеарских островов (Испания).

Таблица 2

Соглашения между испанскими университетами и МГУ им. М.В. Ломоносова

Название испанского университета	Область сотрудничества
Автономный университет Мадрида	Соглашение о сотрудничестве между МГУ им. М.В. Ломоносова, генеральным фондом Автономного университета Мадрида и мэрией города Вальдемооро
Университет Аликанте	Договор о сотрудничестве между МГУ им. М.В. Ломоносова и Университетом Аликанте
Университет Помпеу Фабра	Студенческий обмен между Университетом Помпеу Фабра и МГУ им. М.В. Ломоносова

Название испанского университета	Область сотрудничества
Технический университет Каталонии	Рамочное соглашение между Техническим университетом Каталонии и Научно-исследовательским институтом ядерной физики имени Д.В. Скобельцына МГУ им. М.В. Ломоносова
Испанское агентство по сотрудничеству в области развития (AECID)	Соглашение о распространении испанского языка в МГУ им. М.В. Ломоносова
Университет Гранады	Договор о сотрудничестве между МГУ им. М.В. Ломоносова и Университетом города Гранада
Университет Страны Басков	Договор об обмене студентами между факультетом иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова и Университетом Страны Басков
Университет Сан Пабло Сеу	Соглашение об обмене студентами
Университет Овьедо	Соглашение об академическом, научном и культурном сотрудничестве между МГУ им. М.В. Ломоносова и Университетом Овьедо
Университет Севильи	Соглашение об академическом, научном и культурном сотрудничестве между МГУ им. М.В. Ломоносова и Университетом Севильи
Мадридский университет Карлоса III	Рамочное соглашение между Мадридским университетом Карлоса III (Испания) и МГУ им. М.В. Ломоносова
Университет Барселоны	Соглашение о сотрудничестве между Университетом Барселоны и МГУ им. М.В. Ломоносова
Университет Сантьяго-де-Компостела	Протокол о международном сотрудничестве в культурной, научной и образовательной сфере между Университетом Сантьяго-де-Компостела и МГУ им. М.В. Ломоносова
Альянс четырех университетов (Испания)	Рамочное соглашение о сотрудничестве между альянсом четырех университетов Испании и МГУ им. М.В. Ломоносова

Источник: El mundo estudia español (2014). Ministerio de Educación, Cultura y Deporte; Зарубежные партнеры Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. URL: <https://www.msu.ru/int/partn/partn.html> (дата обращения: 13.09.2018).

Это пока единственный диплом подобного образца, который имеется как в России, так и в Испании.

В последние годы в средних школах (с 5-го по 11-й класс) изучение испанского языка также стабильно растет. В табл. 3 показаны регионы, в школах которых испанский язык преподается в качестве обязательного.

Что касается высшей школы, то с сожалением следует констатировать следующее: в настоящее время нет официальных данных Министерства науки и обра-

зования России об общем количестве студентов, которые изучают испанский язык в нашей стране. Проведенный атташе по вопросам образования Посольства Испании опрос в российских вузах показал приблизительные цифры числа университетов с изучением испанского языка. Было названо в общей сложности 53 университета, в которых испанский изучается как иностранный. На рис. 1 изображено распределение данных университетов по российским городам.

Таблица 3

Регионы РФ, в школах которых преподается испанский язык в качестве обязательного

Регион	Количество центров	Количество учеников
Республика Адыгея	1	12
Республика Башкортостан	1	188
Республика Бурятия	1	47
Республика Кабардино-Балкария	1	532
Краснодарский край	3	130
Приморский край	1	77
Ставропольский край	5	289
Пермский край	1	14
Волгоградская область	1	90
Воронежская область	2	111
Иркутская область	5	159
Калининградская область	2	40
Ленинградская область	1	38
Липецкая область	1	116
Московская область	8	523
Мурманская область	2	65
Нижегородская область	1	13
Брянская область	1	55

Ростовская область	3	625
Саратовская область	1	25
Сахалинская область	1	30
Смоленская область	1	59
Тюменская область	3	50
Челябинская область	1	230
Москва	72	8006
Санкт-Петербург	16	4146
Всего	133	15670

Источник: El mundo estudia español (2016). Ministerio de Educación, Cultura y Deporte.

Рис. 1. Распределение университетов, в которых испанский язык изучается как иностранный, на территории России (Источник: El mundo estudia español (2016). Ministerio de Educación, Cultura y Deporte)

Среди них следует выделить города, в которых существует несколько университетов, где испанский язык изучается как иностранный. Это Москва (9 вузов), Новосибирск (3), Екатеринбург (3), Санкт-Петербург (3), Красноярск (2), Курск (2), Орел (2), Ростов (2), Ставрополь (2) и Волгоград (2).

Согласно данным, представленным Отелом по вопросам образования Посольства Испании в РФ, из этих 53 университетов в 2015/16 учебном году общее число студентов, изучающих испанский язык, превысило 8 тыс. человек, количество преподавателей в них составило более 500 человек [10].

Еще одним способом распространения испанского языка в РФ является реализация программы ERASMUS+. Несмотря на то, что обучение проходит не на территории России, Испания вкладывает огромные средства для того, чтобы российские студенты могли получить стипендию и поехать учиться в один из университетов – партнеров программы. Данную стипендию могут получить бакалавры, магистры, аспиранты и преподаватели.

Необходимо сказать также о значительной роли СМИ в вопросе продвижения испанского языка в России. Например, в Российской Федерации активно разви-

вается телеканал Russia Today en español. Это первый российский информационный телеканал, который ведет круглосуточное вещание на испанском языке.

Заключение

Испанский язык является четвертым языком, изучаемым в России после английского, немецкого и французского. Английский язык продолжает демонстрировать свое преобладание над другими языками. Присутствие испанского языка в российской образовательной системе, государственной или частной, хотя и растет, но пока не занимает лидирующей позиции. Также распределение центров изучения испанского языка и людей, владеющих им на территории России, неравномерно. Наибольшая концентрация сосредоточена в Москве и Санкт-Петербурге.

Среди факторов, которые препятствуют распространению испанского языка на уровне начального и среднего образования в России, следует назвать старение учителей, отсутствие должной подготовки нового поколения педагогов, низкую заработную плату учителей в регионах.

Тем не менее в настоящее время наблюдается устойчивый рост международного образовательного, туристического, делового и культурного обмена, следствием которого стало расширение сферы рас-

пространения испанского языка, прежде всего среди российской молодежи, проявляющей неподдельный интерес к истории и культуре ибероамериканских стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зимин А.Г. Культурная дипломатия Германии // Сетевое научное издание «Государственный Советник». 2014. № 1. С. 36–139. URL: <https://gossovetnik.files.wordpress.com/2014/04/140120.pdf> (дата обращения: 19.09.2018).
2. Журавлева Н.Н. Коммуникативные стратегии в сфере «культурной дипломатии»: современные дискуссии // Вестник ВГУ: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2, ч. 2. С. 160–166.
3. Каширина Т.В., Федотова К.Е. Культурная дипломатия как средство внешней культурной политики // Дипломатическая служба. 2017. № 2. С. 22–27.
4. Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación. El español, un idioma universal en expansión. 2014. URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/2014_IDIOMA_ES.pdf (accessed 17 November 2018).
5. Tsvyk V.A., Khimich G.A., Ponomarenko L.V. La política cultural exterior y la cooperación entre España y Rusia en la esfera de la Educación // Política y Sociedad. 2018. Vol. 55, № 2. P. 441–465.
6. Химич Г.А., Терентьева Е.Д. Роль гуманитарного сотрудничества в современной внешней политике Испании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 1. С. 197–208.
7. Астахов Е.М. К русскому восприятию испанского опыта «мягкой силы» // Ибероамериканские тетради. Cuadernos iberoamericanos / отв. ред. А.А. Орлов. М.: МГИМО–Университет, 2014. Вып. 2. С. 40–49.
8. Instituto Cervantes. El español: una lengua viva. Informe 2017. España: Departamento de Comunicación Digital del Instituto Cervantes. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/espanol_lengua_viva/pdf/espanol_lengua_viva_2017.pdf
9. Instituto Cervantes. El español: una lengua viva. Informe 2018. España: Departamento de Comunicación Digital del Instituto Cervantes. URL: https://www.cervantes.es/imagenes/File/espanol_lengua_viva_2018.pdf (accessed 29 October 2018).
10. Ministerio de Educación, Cultura y Deporte, 2016. El mundo estudia español. España: Secretaría general técnica. URL: <https://sede.educacion.gob.es/publivena/el-mundo-estudia-espanol-2016/ensenanza-lengua-espanola/22229> (accessed 8 November 2018).
11. Instituto Cervantes, 2016. El español: una lengua viva. Informe 2016. España: Departamento de Comunicación Digital del Instituto Cervantes. URL: <https://www.cervantes.es/imagenes/File/prensa/EspanolLenguaViva16.pdf> (accessed 14 October 2018).
12. Santana Arribas A. El español en Rusia: pasado, presente y futuro. El español en el mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2009. Madrid: Instituto Cervantes, 2009. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_09/default.htm (accessed 17 September 2018).
13. Мосейкина М.Н. Проблемы модернизации Испании рубежа XIX–XX вв. в оценке русских путешественников // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: Междунар. отношения, 2017. С. 449–456.
14. Кудеярова Н. Испанский язык: две проекции одного явления // Российский совет по международным делам. 2013. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ispanskiy-yazyk-dve-proektii-odnogo-yavleniya/> (дата обращения: 11.10.2018).
15. Посольство Российской Федерации в Испании (1990). Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Королевства Испании о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых степеней (от 26 октября 1990 г.). URL: https://spain.mid.ru/web/spain_ru/soglasenia (дата обращения: 05.10.2018).
16. Советско-испанский меморандум о развитии изучения языков и литературы обеих стран (1990) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5546. Оп. 162. Д. 854. Инд. номер 3019. Л. 6–11.
17. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Соглашение между Российской Федерацией и Королевством Испания о сотрудничестве в области культуры и образования. 1994. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-339/48148 (дата обращения: 01.10.2018).
18. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Программа сотрудничества между Российской Федерацией и Королевством Испания в области культуры и образования на 2005–2007 гг. 2005. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902198757> (дата обращения: 5.10.2018).
19. Президент России. Декларации о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания. 2009. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/163> (дата обращения: 08.10.2018).
20. Ассоциация испанистов в России. URL: <http://hispanismoruso.ru> (дата обращения: 25.09.2018).
21. Министерство образования, культуры и спорта Испании. URL: http://www.educacionyfp.gob.es/rusia/ru_RU/oficinasycentros/oficinas-educacion.html (дата обращения: 02.10.2018).
22. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Соглашение между Российской Федерацией и Королевством Испания о деятельности культурных центров. 2001. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/es/-/asset_publisher/qqAftQ2HgNEM/content/id/581606 (дата обращения: 02.10.2018).
23. Instituto Cervantes. El Instituto Cervantes en cifras. Curso 2015–2016. 2015. URL: https://www.cervantes.es/memoria_ic_web/memoria_ic_web_2015-2016/pdf/01_cifras.pdf (accessed 15 November 2018).
24. Мурсия Сориано А., Пигарёва Т.И. Институт Сервантеса в России // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / отв. ред. О.В. Волосюк. М.: Индрик, 2018. С. 432–433.
25. Испанский центр культуры, образования и бизнеса в Санкт-Петербурге. URL: <https://www.icsanpetersburgo.com/ru/about/our-presentation/> (дата обращения: 15.11.2018).
26. Московский государственный лингвистический университет. URL: <https://linguanet.ru/sotrudnichestvo/tsentr-ispanskogo-yazyka-i-kultury/> (дата обращения: 02.09.2018).
27. Анурова И. Российско-испанский бакалавриат: 12 лет успешного развития // Учительская газета. 2013. № 07. С. 18–19. URL: <http://www.ug.ru/archive/49843> (дата обращения: 26.09.2018).
28. Peralta V.A., Sedano B.C., Blanco C.V. El español en Rusia. El español en cifras. Enciclopedia del español en el Mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2006–2007. Madrid: Instituto Cervantes, Círculo de Lectores, Plaza & Janés. P. 335–339. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_06-07/pdf/paises_74.pdf (accessed 2 October 2018).
29. Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación. El español, un idioma universal en expansión. 2014. URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/2014_IDIOMA_ES.pdf (accessed 17 November 2018).
30. La Embajada de España en La Federación de Rusia. Calendario 2018. Agregaduría de Educación en Rusia. 2018. URL: http://man.es/rusia/ru_RU/dms/consejerias-exteriores/rusia/publicacionesymaterialesdidacticos/Publicaciones/Publicaciones-2017/Folletos/Agredadur-a-Calendario-2018/Agredadur%C3%ADa%20Calendario%202018.pdf (accessed 13 November 2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 9 марта 2020 г.

Promotion of the Spanish Language in Russia as an Instrument of Spain's Cultural Diplomacy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 162–171.

DOI: 10.17223/15617793/456/19

Viktoriya V. Kuznetsova, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: kuznetsova_vv@pfur.ru

Keywords: cultural diplomacy; internationalization of higher education; soft power; Russia; Spain.

The aim of the study is to consider the foreign policy of the Kingdom of Spain in the field of the popularization of the Spanish language in the Russian Federation as one of the tools of cultural diplomacy. The study is based on a systematic approach, which made it possible to consider the Spanish language spread policy in Russia as a set of interrelated elements. The author also relied on the problem-chronological method, which helped to compile the periodization and consider the development of the Spanish language promotion policy in Russia. Currently, the place of culture in the foreign policy of states has changed significantly. One of the most important foundations of the so-called “soft power” in international relations is cultural diplomacy. This concept, developed by the great powers, allows contributing to strengthening the international positions of the state and mutual understanding between different nations through the exchange of ideas, information, values, traditions, and languages. Today, cultural diplomacy is a new direction for both state and non-state actors operating at various levels. The diplomacy of modern Spain has a recognized international authority. The article presents the main subjects of Spanish cultural diplomacy in the field of the Spanish language spread in Russia. These include the Cervantes Institute, the Education Department of the Spanish Embassy, associations, schools, cultural centers, universities, media. The statistics for 2014–2018 given in the article show that, despite the objective difficulties (the unequal distribution of centers for the study of Spanish, the lack of proper teacher training), there is a positive trend in the field of the Spanish language spread in Russia. The significance of the cross year between Spain and Russia in 2011, the cross year of the Russian and Spanish languages and literatures in 2015, and the cross year of tourism of Russia and Spain in 2016 is noted for the intensification of Russian-Spanish relations. The results of the study led to the conclusion that currently there is a constant increase in international exchanges in education, tourism, economy, business, and culture between the Russian Federation and the Kingdom of Spain resulting in the expansion of the Spanish language spread policy, especially among Russian young people who show genuine interest in the history and culture of Ibero-American states.

REFERENCES

1. Zimin, A.G. (2014) Cultural Diplomacy in Germany. *Gosudarstvennyy Sovetnik – State Counsellor*. 1. pp. 36–139. [Online] Available from: <https://gossovetnik.files.wordpress.com/2014/04/140120.pdf>. (Accessed: 19.09.2018). (In Russian).
2. Zhuravleva, N.N. (2007) Communicative Strategies in the Field of Cultural Diplomacy: Current Discussions. *Vestnik VGU: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2 (2). pp. 160–166. (In Russian).
3. Kashirina, T.V. & Fedotova, K.E. (2017) Cultural Diplomacy as a Means of Foreign Cultural Policy. *Diplomaticheskaya sluzhba – Diplomatic Service*. 2. pp. 22–27. (In Russian).
4. Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación. (2014) *El español, un idioma universal en expansión*. [Online] Available from: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/2014_IDIOMA_ES.pdf. (Accessed: 17.11.2018).
5. Tsvyk, V.A., Khimich, G.A. & Ponomarenko, L.V. (2018) La política cultural exterior y la cooperación entre España y Rusia en la esfera de la Educación. *Política y Sociedad*. 55 (2). pp. 441–465.
6. Khimich, G.A. & Terent'eva, E.D. (2018) The Role of Humanitarian Cooperation in Contemporary Foreign Policy of Spain. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik RUDN. International Relations*. 18 (1). pp. 197–208. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-197-207
7. Astakhov, E.M. (2014) K russkomu vospriyatiyu ispanskogo opyta “myagkoy sily” [Towards the Russian Perception of the Spanish Experience of “Soft Power”]. In: Orlov, A.A. (ed.) *Iberoamerikanskiye tetradi. Cuadernos iberoamericanos* [Iberoamerican Notebooks. Cuadernos iberoamericanos]. Vol. 2. Moscow: MGIMO-University. pp. 40–49.
8. Instituto Cervantes. (2017) *El español: una lengua viva. Informe 2017*. España: Departamento de Comunicación Digital del Instituto Cervantes. [Online] Available from: https://cvc.cervantes.es/lengua/espanol_lengua_viva/pdf/espanol_lengua_viva_2017.pdf.
9. Instituto Cervantes. (2018) *El español: una lengua viva. Informe 2018*. España: Departamento de Comunicación Digital del Instituto Cervantes. [Online] Available from: https://www.cervantes.es/imagenes/File/espanol_lengua_viva_2018.pdf. (Accessed: 29.10.2018).
10. Ministerio de Educación, Cultura y Deporte. (2016) *El mundo estudia español*. España: Secretaria general técnica. [Online] Available from: <https://sede.educacion.gob.es/publivena/el-mundo-estudia-espanol-2016/ensenanza-lengua-espanola/22229>. (Accessed: 08.11.2018).
11. Instituto Cervantes. (2016) *El español: una lengua viva. Informe 2016*. España: Departamento de Comunicación Digital del Instituto Cervantes. [Online] Available from: <https://www.cervantes.es/imagenes/File/prensa/EspanolLenguaViva16.pdf>. (Accessed: 14.10.2018).
12. Santana Arribas, A. (2009) *El español en Rusia: pasado, presente y futuro. El español en el mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2009*. Madrid: Instituto Cervantes. [Online] Available from: https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_09/default.htm. (Accessed: 17.09.2018).
13. Moseykina, M.N. (2017) Problemy modernizatsii Ispanii rubezha XIX–XX vv. v otsenke russkikh puteshestvennikov [Problems of modernization of Spain at the turn of the 20th century in the assessment of Russian travelers]. In: Volosyuk, O.V., Koval', T.B. & Yurchik, E.E. (eds) *Ispaniya i Rossiya: istoricheskie sud'by i sovremennaya epokha* [Spain and Russia: Historical Destinies and the Modern Era]. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniya. pp. 449–456.
14. Kudyarova, N. (2013) *Ispanskiy yazyk: dve proektsii odnogo yavleniya* [Spanish: Two Projections of One Phenomenon]. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ispanskiy-yazyk-dve-proektsii-odnogo-yavleniya/>. (Accessed: 11.10.2018).
15. Russian Federation Embassy in Spain. (1990) *Soglasheniya mezhdu Pravitel'stvom Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik i Pravitel'stvom Korolevstva Ispanii o vzaimnom priznanii i ekvivalentnosti dokumentov ob obrazovanii i uchenykh stepeny (ot 26 oktyabrya 1990 g.)* [Agreement Between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the Government of the Kingdom of Spain on the Mutual Recognition and Equivalence of Educational Documents and Academic Degrees (October 26, 1990)]. [Online] Available from: https://spain.mid.ru/web/spain_ru/soglasenia. (Accessed: 05.10.2018).
16. State Archive of the Russian Federation. Fund 5546. List 162. File 854. Individual No. 3019. Pages 6–11. *Sovetsko-ispanskiy memorandum o razvitii izucheniya yazykov i literaturny obeikh stran (1990)* [The Soviet-Spanish Memorandum on the Development of the Study of Languages and Literature of Both Countries (1990)].
17. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (1994) *Soglasenie mezhdu Rossiyskoy Federatsiey i Korolevstvom Ispaniya o sotrudnichestve v oblasti kul'tury i obrazovaniya* [Agreement Between the Russian Federation and the Kingdom of Spain on Cooperation in the Field of Culture and Education]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-storage-viewer/bilateral/page-339/48148. (Accessed: 01.10.2018).

18. Docs.cntd.ru. (2005) *Programma sotrudnichestva mezhdru Rossiyskoy Federatsiy i Korolevstvom Ispaniya v oblasti kul'tury i obrazovaniya na 2005–2007 gg.* [The Program of Cooperation Between the Russian Federation and the Kingdom of Spain in the Field of Culture and Education for 2005–2007]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/902198757>. (Accessed: 5.10.2018).
19. President of Russia. (2009) *Deklaratsii o strategicheskoy partnerstve mezhdru Rossiyskoy Federatsiy i Korolevstvom Ispaniya* [Declaration of Strategic Partnership Between the Russian Federation and the Kingdom of Spain]. [Online] Available from <http://www.kremlin.ru/supplement/163>. (Accessed: 08.10.2018).
20. *Association of Hispanists in Russia*. [Online] Available from: <http://hispanismoruso.ru>. (Accessed: 25.09.2018). (In Russian).
21. Ministry of Education, Culture and Sports of Spain. (n.d.) *Otdel obrazovaniya* [Education Department] [Online] Available from: http://www.educacionyfp.gob.es/rusia/ru_RU/oficinasycursos/oficinas-educacion.html. (Accessed: 02.10.2018).
22. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2001) *Soglashenie mezhdru Rossiyskoy Federatsiy i Korolevstvom Ispaniya o deyatelnosti kul'turnykh tsentrov* [Agreement Between the Russian Federation and the Kingdom of Spain on the Activities of Cultural Centers]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/ru/maps/es/-/asset_publisher/qqAftQ2HgNEM/content/id/581606. (Accessed: 02.10.2018).
23. Instituto Cervantes. (2015) *El Instituto Cervantes en cifras. Curso 2015–2016*. [Online] Available from: https://www.cervantes.es/memoria_ic_web/memoria_ic_web_2015-2016/pdf/01_cifras.pdf. (Accessed: 15.11.2018).
24. Mursiya Soriano, A. & Pigareva, T.I. (2018) Institut Servantesa v Rossii [Cervantes Institute in Russia]. In: Volosyuk, O.V. (ed.) *Ispaniya i Rossiya: diplomatiya i dialog kul'tur. Tri stoletiya otnosheniy. Espanya y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones* [Spain and Russia: Diplomacy and Dialogue of Cultures. Three Centuries of Relations]. Moscow: Indrik. pp. 432–433.
25. Centro Español de Cultura, Negocio y Turismo en San Petersburgo. (n.d.) *Presentación*. [Online] Available from: <https://www.icsanpetersburgo.com/es/presentation/our-presentation>. (Accessed: 15.11.2018).
26. Moscow State Linguistic University. (n.d.) *The S. Goncharenko Spanish Language and Cultural Centre*. [Online] Available from: <https://linguanet.ru/en/cooperation/the-s-goncharenko-spanish-language-and-cultural-centre/>. (Accessed: 02.09.2018).
27. Anurova, I. (2013) Rossiysko-ispanskiy bakalavriat: 12 let uspeshnogo razvitiya [Russian-Spanish Bachelor's Degree: 12 years of successful development]. *Uchitel'skaya gazeta*. 07. pp. 18–19. [Online] Available from: <http://www.ug.ru/archive/49843>. (Accessed: 26.09.2018).
28. Peralta, V.A., Sedano, B.C. & Blanco, C.V. (2006) El español en Rusia. El español en cifras. In: *Enciclopedia del español en el Mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2006–2007*. Madrid: Instituto Cervantes; Círculo de Lectores, Plaza & Janés, P. 335–339. [Online] Available from: https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_06-07/pdf/paises_74.pdf. (Accessed: 02.10.2018).
29. Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación. (2014) *El español, un idioma universal en expansión*. [Online] Available from: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Multimedia/Publicaciones/Documents/2014_IDIOMA_ES.pdf. (Accessed: 17.11.2018).
30. La Embajada de España en La Federación de Rusia. (2018) *Calendario 2018. Agregaduría de Educación en Rusia*. [Online] Available from: http://man.es/rusia/ru_RU/dms/consejerias-exteriores/rusia/publicacionesymaterialesdidacticos/Publicaciones/Publicaciones-2017/Folletos/Agregadur-a-Calen-dario-2018/Agregadur%C3%ADa%20Calendario%202018.pdf. (Accessed 13 November 2018).

Received: 09 March 2020

Н.С. Ларьков

«ПОТАНИНСКИЙ КРУЖОК» В СИБИРИ В 1917–1919 гг.: ОТ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА К ХОЖДЕНИЮ ВО ВЛАСТЬ

Исследуется деятельность «Потанинского кружка» – неформального объединения интеллигенции в г. Томске вокруг идеолога сибирского областничества Г.Н. Потанина в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны. Прослежен переход кружка от преимущественно просветительской и пропагандистской работы, характерной для дореволюционного периода, к активному участию в политической жизни, к вхождению в структуры антибольшевистской власти. Охарактеризованы изменения в составе кружка, результаты его деятельности и причины распада.

Ключевые слова: Сибирь; Томск; революция; Гражданская война; сибирское областничество; Г.Н. Потанин; «Потанинский кружок».

«Потанинский кружок» – неформальное объединение представителей сибирской интеллигенции, зародившееся в самом начале XX в. в городе Томске вокруг известного ученого, общественного деятеля, идеолога сибирского областничества Григория Николаевича Потанина, занимал важное место в социокультурном пространстве сибирского региона и его общественно-политической жизни. История кружка разделяется на два периода – дореволюционный и период революции 1917 г. с последовавшей затем Гражданской войной. В течение первого периода его участники занимались преимущественно просветительской и пропагандистской деятельностью [1]. Второй период функционирования «Потанинского кружка» был связан с непосредственным выходом многих его участников на арену открытой политической борьбы за власть со всеми ее перипетиями, существенно повлиявшими и на состав кружка, и на формы и методы его деятельности. К настоящему времени этот период истории кружка не получил пока системного освещения в исследовательской литературе, хотя отдельные аспекты его деятельности рассматривались в биографических работах о Г.Н. Потанине [2, 3], а также в небольших сообщениях на научных конференциях [4, 5].

Трудности реконструкция истории «Потанинского кружка» военно-революционных лет не в последнюю очередь обусловлены скудостью источников. По справедливому утверждению В.Д. Славина, «детальное исследование связей, поступков, устремлений Григория Николаевича в последние годы жизни вряд ли когда-либо сможет быть полным. Большая часть его документов, писем, рукописей этих лет исчезла без следа: затерялась при разного рода передачах потанинского наследия, была преднамеренно уничтожена или украдена заинтересованными лицами» [6. С. 269]. Утрачены были также многие документы наиболее активных участников кружка. В частности, бесследно пропал дневник А.В. Адрианова, о высокой информативности которого можно судить по дошедшим до нас нескольким страницам, попавшим в свое время в архивно-следственное дело после ареста Александра Васильевича томскими чекистами в декабре 1919 г. Тем не менее сохранившиеся документы, извлеченные из российских государственных архивов, материалы периодической печати, а также ис-

точники личного происхождения позволяют восстановить, пусть и не в полной мере, состав и особенности функционирования «Потанинского кружка», оценить содержание и результаты его деятельности в военно-революционную эпоху.

1917 г. стал переломным для «Потанинского кружка». Большинство наиболее деятельных участников, составлявших его ядро в дореволюционные годы, практически сразу же включились в динамично развивавшийся революционный процесс. П.В. Вологодский уже с 4 марта вошел в состав Томского губернского комиссариата Всероссийского Временного правительства, а с июля стал старшим председателем Омской судебной палаты. А.В. Адрианов и Н.В. Соколов вступили в трудовую народно-социалистическую партию, причем А.В. Адрианов стал одним из руководителей ее томского отдела. Одновременно с весны 1917 г. он занял должность редактора «Сибирской жизни». М.Б. Шатилов в конце марта стал редактором местного революционного печатного органа власти «Голос свободы: Известия Томского временного комитета общественного порядка и безопасности». В мае он был избран товарищем (заместителем) председателя исполкома Томского губернского народного собрания, летом назначен на должность заместителя Томского губернского комиссара, а в конце года избран депутатом российского Учредительного собрания по списку партии социалистов-революционеров и Совета крестьянских депутатов Алтайской губернии [7. С. 214–215]. В кампании по выборам в Учредительное собрание участвовали также Г.Н. Потанин, А.В. Адрианов, Ф.И. Зобнин, Н.В. Соколов – в качестве кандидатов от Томской губернии по списку местного отдела трудовой народно-социалистической партии [8. 20 окт.].

Вскоре после свержения самодержавия областники включились в практическую реализацию своей программы автономии Сибири, в подготовку созыва Сибирской областной думы. В мае 1917 г. сессия Томского губернского народного собрания приняла резолюции «Об Областной думе» и «По областному самоуправлению» (по докладу М.Б. Шатилова). В августе 1917 г. Г.Н. Потанин возглавил Сибирский организационный комитет по подготовке областного съезда. Из потанинского окружения в состав комитета вошли (в качестве двух из трех заместителей предсе-

дателя) М.Б. Шатилов и Н.Я. Новомбергский. На состоявшемся в октябре 1917 г. I Сибирском областном съезде Г.Н. Потанин был избран почетным председателем и вошел в созданный съездом исполнительный комитет.

Между тем обострявшаяся на протяжении 1917 г. в России политическая борьба затронула и «Потанинский кружок», породив в нем кризисные явления. С одной стороны, участники кружка враждебно отнеслись к Октябрьскому вооруженному перевороту в Петрограде и приходу большевиков к власти. В то же время кружковцы из числа социалистов-революционеров все больше расходились с либерально настроенными его участниками. В частности, М.Б. Шатилов в июне 1917 г. подписал заявление о выходе из состава сотрудников редактируемой А.В. Адриановым газеты «Сибирская жизнь» из-за ее «явно кадетского и злобного ведения» [9. С. 296]. Окончательно отторгнутым оказался и «моральный анархист» В.И. Анучин, разоблачениям неприглядных поступков которого посвятил несколько газетных статей А.В. Адрианов [8. 7, 16 мая, 6 июня]. Для самого же идеолога сибирского областничества изначально тесными были любые партийные рамки. То же самое, пожалуй, можно сказать о некоторых кружковцах, в частности о П.В. Вологодском и вышедшем летом 1917 г. из конституционно-демократической партии Н.Я. Новомбергском.

Несовместимость взглядов Г.Н. Потанина с узкопартийными интересами эсеров, лишь по тактическим соображениям подхвативших лозунги сибирского областничества, достаточно ярко проявилась на Общесибирском чрезвычайном областном съезде в Томске в декабре 1917 г. На этом съезде, отказавшемся признать советскую власть и выполнять ее декреты, Г.Н. Потанин был избран председателем Временного Сибирского областного совета – фактически первого областного правительства Сибири. Однако большинство его членов оказались эсерами, выступавшими за создание общесибирской социалистической власти без цензовых элементов. Это привело к выходу Г.Н. Потанина в канун нового, 1918 г., из состава Совета.

Настороженно потанинцы отнеслись и к преимущественно эсеровской по составу Сибирской областной думе, созданной в соответствии с решением Чрезвычайного областного съезда в качестве органа законодательной власти в крае. Работа думы должна была начаться в январе 1918 г. в Томске. Накануне ее открытия состоялось под председательством Г.Н. Потанина собрание сибирских областников, на котором были намечены кандидатуры в будущий состав Временного Сибирского правительства. Среди них, в частности, значились П.В. Вологодский, В.М. Крутовский, И.И. Серебрянников [10]. Однако репрессии со стороны утвердившихся к этому времени у власти в Сибири большевиков сорвали открытие думы. Удалось лишь провести в конце января нелегальное собрание группы депутатов, на котором в отсутствие кворума наспех было сформировано Временное правительство Сибири во главе с эсером П.Я. Дербером – по сути своей, нелегитимный орган власти, один из многих, рожденных в революционную

эпоху в России. Члены «Потанинского кружка» не приняли участия в этом собрании, а активисты кружка, в частности А.В. Адрианов, в дальнейшем публично отказывались признавать его правомочность, несмотря на включение в состав правительства нескольких областников. Что же касается Г.Н. Потанина, то, по его собственным словам, он «с самого начала образования Сибирской областной думы относился к ней отрицательно, так как считал, что она не отражает ни воли, ни настроения населения Сибири, включая в свой состав исключительно левые партии, которые не выражали действительного настроения большинства населения». Григорий Николаевич полагал, что «в Думу должны были войти представители всех вообще партий, без каких-нибудь исключений, а главная роль должна была принадлежать в ней областникам» [11. Л. 52].

После разгона большевиками в конце января 1918 г. Сибирской областной думы, ареста нескольких десятков ее членов, закрытия «Сибирской жизни» Г.Н. Потанин и его единомышленники утратили возможность легальной публичной деятельности, лишились своей трибуны – газеты. Произошло расставание, таким образом, с последними иллюзиями относительно характера новой власти. С этого времени «Потанинский кружок» на несколько месяцев фактически перешел на нелегальное положение, в условиях которого более-менее активной деятельностью занималось лишь ближайшее окружение Григория Николаевича, что послужило основанием для следующей его оценки А.В. Адриановым: «Это – маленький, по числу входящих в него лиц, интимный кружок, возникший в мрачную пору развития Советской власти» [12. Л. 66].

О деятельности «Потанинского кружка» в феврале – мае 1918 г. известно немного, в силу его нелегального существования. Члены кружка по-прежнему встречались между собой, обсуждали различные вопросы текущей политики, продолжали писать статьи, откликаться на злободневные внутри- и внешнеполитические вопросы. В частности, по горячим следам после закрытия «Сибирской жизни» Г.Н. Потанин подготовил статью «Республика толстокожих», в которой назвал «катастрофой» приход большевиков к власти и в образной форме представил это событие: «Я сидел в своем любимом кресле и читал “Сибирскую жизнь”. Дверь в кабинет приотворилась, и в узкую щель между створками просунулись три штыка, затем вошли солдаты, а за ними большевик в штатском костюме и сел в мое кресло, как в свое собственное. Сейчас же он начал вводить новые порядки в моей квартире... Я смущенный ходил по своему кабинету, мне очень хотелось сказать большевику: “Господин хороший, позвольте вам выйти вон”. “Нельзя не задуматься, – размышлял Г.Н. Потанин, – над вопросом, почему благие цели, к которым стремится передовое человечество, затмевают умы политических деятелей и заставляют их совершать преступления во имя благих целей”. Однако написанная 24 февраля 1918 г. эта антибольшевистская статья смогла увидеть свет только летом 1918 г. после свержения в Сибири советской власти [13].

Вскоре после высадки на Дальнем Востоке японских и английских войск, Г.Н. Потанин «по просьбе

друзей» выступил с обращением «К населению Сибири». Появление на востоке края иностранных войск требовало, по мнению потанинцев, громкого заявления о «своем праве на самоопределение», о том, что «мы хотим сами быть хозяевами своей страны». Назвав высадку иностранных войск «роковым моментом», Г.Н. Потанин призывал сибиряков «все свои помыслы обратить на защиту областных интересов, отбросить на время в сторону политические лозунги, которые разъединяют нас, и соединиться исключительно на почве интересов Сибири» [14].

Весной 1918 г. «Потанинский кружок» находился в контакте с антибольшевистским вооруженным подпольем и, по словам А.В. Адрианова, «развивал свою деятельность против разрушительной работы большевиков, стараясь объединить государственно-мыслящие элементы общества на деловой платформе, чуждой всякой партийности» [12]. В частности, А.Н. Гаттенбергер вел переговоры с представителями нелегальной томской вооруженной офицерской организации и членами Сибирской областной думы о формировании новой власти, которая должна прийти на смену советам [15. Л. 63 об.]. В конце апреля 1918 г. Г.Н. Потанин, А.В. Адрианов и А.Н. Гаттенбергер встречались с группой генерала В.Е. Флуга, посетившей нелегально Сибирь по специальному заданию командующего Добровольческой армией на юге России генерала Л.Г. Корнилова. Эмиссары передали Г.Е. Потанину личное письмо Л.Г. Корнилова от 5 февраля 1918 г., в котором, помимо прочего, генерал просил Григория Николаевича «помочь В.Е. Флугу советами, указаниями, своим знанием края и тамошних людей» [16]. С В.Е. Флугом была организована встреча представителей подпольных антибольшевистских вооруженных организаций Томска, имевших связь с «Потанинским кружком», в которой участвовали подполковник А.Н. Гришин-Алмазов и поручик Б.М. Михайловский [17. Л. 11; 18. С. 91].

В.Е. Флуг познакомил потанинцев с политической программой Л.Г. Корнилова, которая оказалась во многом созвучной «Платформе Потанинского кружка в городе Томске», составленной А.Н. Гаттенбергером. Эта платформа была принята в феврале 1918 г., но опубликована только в начале лета 1918 г. в газете «Сибирская жизнь» и одновременно размножена в виде листовки [19. 5 июня; 20. Л. 68]. Красной нитью через все содержание потанинской «Платформы» проходил антибольшевизм. Уже в самом ее начале заявлялось: «Былое иго татарское ничто в сравнении с тем игом, какое угнетает страну в настоящее время. Иго «большевизма»... – иго людей, распоряжающихся страной, как самые лютые завоеватели, не может быть дольше терпимо. Иго «большевиков» должно быть свергнуто». Одну из основных задач новой власти потанинцы видели в «беспощадном истреблении большевизма и спутника его – анархизма не как теоретического учения, а как вредного и опасного скопища жестоких, беспринципных и безнравственных людей, губящих Родину и человечество». Отмечалось, что новая власть, которая придет на смену большевикам, должна быть внепартийной и временной, до созыва Учредительного собрания [20. Л. 68]. Один из

членов команды В.Е. Флуга подполковник В.А. Глухарев писал о потанинском окружении, что эта «группа «областников» впитала в себя все наиболее мыслящее и государственно-настроенное в Томске и может считаться главной базой местной общественной жизни» [21. С. 358]. Нетрудно предположить, что обнаружение местными чекистами антибольшевистской «Платформы» и выявление связей потанинцев с вооруженным подпольем могли бы обернуться разгромом кружка и арестом его участников.

С первых дней антисоветского переворота в Сибири в конце весны – летом 1918 г. участники «Потанинского кружка» активно включились в агитационно-пропагандистскую деятельность. Откровенно антибольшевистская линия, в полном соответствии с содержанием их «Платформы», последовательно проводилась кружковцами на страницах периодической печати и, прежде всего, в восстановленной после почти четырехмесячного перерыва газете «Сибирская жизнь», которую продолжил редактировать А.В. Адрианов.

Одновременно «Потанинский кружок» небезуспешно пытался оказывать политическое воздействие на Западно-Сибирский комиссариат (ЗСК) Временного Сибирского правительства, оказавшийся у власти в первый месяц после переворота. Потанинцы крайне отрицательно относились к членам комиссариата, состоявшим в рядах эсеровской партии, были весьма невысокого мнения об их организаторских способностях. Ставилась под сомнение сама легитимность ЗСК, также, как и легитимность правительства, избранного в январе 1918 г. в Томске. Уже «на другой или на третий день, – по свидетельству А.Н. Гаттенбергера, – состоялась депутация Потанинского кружка из трех человек, которая пришла в комиссариат и заявила, что они желали бы, чтобы управление было не в руках одной партии, а в руках всего общества, всего народа» [15]. По настоянию потанинцев в состав томского губернского комиссариата удалось ввести участника «Потанинского кружка» А.А. Грацианова.

В одном из первых номеров «Сибирской жизни», вышедших после переворота, в редакционной статье, написанной, вероятно, самим А.В. Адриановым, была поставлена в пику эсерам первоочередная задача областного Сибирского правительства: «...не цепляясь за власть и не делая ее властью партийной, пополнить свой состав представителями всех партий, начиная от партии к.-д. и кончая с.-д.-меньшевиками. Сейчас не время проводить партийную программу. Нужны люди дела, люди опыта и знания, представители всех слоев населения» [22].

Спустя три дня другой участник «Потанинского кружка», Ф.К. Зобнин, квалифицировал сформированное в конце января 1918 г. Временное Сибирское правительство как «созданное наспех, в атмосфере подполья, из случайных людей» и теоретически обосновывал на страницах «Сибирской жизни» необходимость создания коалиционной власти за счет включения в ее состав представителей «государственно мыслящих кругов и партий» [23]. Одновременно сам Г.Н. Потанин высказал мнение о необходимости

«приглашения в состав комиссариата какого-нибудь лица, не принадлежащего к социалистическим партиям или, по крайней мере, не принадлежащего к партии социалистов-революционеров» [24]. На совместном заседании Томского комитета трудовой народно-социалистической партии и «Потанинского кружка», состоявшемся 5 июня, были выдвинуты кандидатуры Н.В. Соколова, М.П. Маркова и А.А. Грацианова для вхождения в состав Западно-Сибирского комиссариата [25]. В очередном номере «Сибирской жизни» за подписью А. Сумернина появилась статья «К делу!», в которой приводился конкретный проект создания коалиционной власти [19. 9 июня]. В конечном итоге оказавшиеся в Томске руководители ЗСК, по утверждению А.Н. Гаттенбергера, «видя, что они находятся под давлением [Потанинского] кружка, перебрались в Новониколаевск, а затем в Омск» [15. Л. 64]. Однако давление потанинцев на эсеровский комиссариат после этого не прекратилось. 15 июня 1918 г. в актовом зале Томского университета А.В. Юрьев прочитал доклад «Гибель и спасение Сибири», в котором вновь ратовал за необходимость создания коалиционной власти и объявил о том, что «Потанинский кружок» предложил своих кандидатов в будущее коалиционное Сибирское правительство, в числе которых были М.Н. Вознесенский, П.В. Вологодский, Е.Е. Колосов, А.В. Колчак, А.А. Краковецкий, В.М. Крутовский, Мукосеев, Старк, Л.А. Устругов [19. 18 июня]. И хотя созданное в конце июня 1918 г. в Омске Временное Сибирское правительство (ВСП) возглавил упомянутый в их списке П.В. Вологодский, участники кружка были «не вполне довольны» его составом. Это правительство, разбавленное эсерами, по мнению А.В. Адрианова, не располагало «нужными силами и дарованиями, с одной стороны, и не усвоило себе государственно-необходимой точки зрения – с другой» [12. Л. 65 об.]. Наиболее непримиримую позицию А.В. Адрианов занимал по отношению к министру ВСП эсеру М.Б. Шатилову, называя его «политически беспринципным» и «ничтожным» человеком [26. Л. 195 об.].

Вполне определенная и последовательная политическая линия «Потанинского кружка» нашла отражение в организованном его участниками 25 июня 1918 г. многолюдном концерте-митинге в помещении Общественного собрания в Томске, продолжавшемся до двух часов ночи. Митинг открыл кратким выступлением сам Г.Н. Потанин. В числе 12 ораторов были представители всех основных небольшевистских партий – народных социалистов, меньшевиков, эсеров, кадетов. Выступили также руководители городского самоуправления, губернского комиссариата, представители биржевого общества, национальных групп, военных формирований, представитель от петроградской группы областников А.М. Оссендовский. Завершая митинг, его председатель профессор С.И. Гессен призвал к избавлению от большевистского «комиссародержавия», к возрождению и укреплению демократического правового государства [27]. Этот концерт-митинг явился не только очередным эпизодом политического давления «Потанинского кружка» на формирующуюся сибирскую власть, но также публичной формой его самопрезентации.

Летом 1918 г. члены «Потанинского кружка» приняли активное участие в деятельности Частных совещаний депутатов Сибирской областной думы накануне ее созыва в Томске. На первом же заседании 5 июня 1918 г. Г.Н. Потанин был избран почетным председателем этих совещаний, а А.В. Адрианов – председателем. 13 июня Г.Н. Потанин вошел в состав комиссии по народному образованию, А.В. Адрианов – в комиссию по национальным делам. В качестве сотрудников для работы в комиссиях Частных совещаний были приглашены кружковцы А.А. Грацианов, Н.Я. Новомбергский, С.И. Гессен. Однако эсеровское большинство Частных совещаний 13 июля 1918 г. сместило А.В. Адрианова с поста председателя [28. С. 22–24, 26, 133].

Понимая, что в условиях войны реальная власть принадлежала военным, потанинцы установили конфиденциальную связь с военным руководством. Так, А.В. Адрианов в течение лета 1918 г. неоднократно обращался с личными письмами к командующему Сибирской армией А.Н. Гришину-Алмазову. Он регулярно переписывался с премьер-министром Временного Сибирского правительства П.В. Вологодским – в недавнем прошлом активным участником «Потанинского кружка». В этих письмах говорилось о «неопределенности и двусмысленности поведения лиц, взявших в свои руки власть», «на деле систематически ведущих партийную, эсеровскую линию». От имени «Потанинского кружка» высказывались конкретные политические советы, а также предложения по кадровому составу органов общесибирской и местной власти. Накануне поездки А.М. Оссендовского в Омск А.В. Адрианов в письме к П.В. Вологодскому от 26 июня 1918 г. просил премьер-министра оказать этому представителю «Потанинского кружка» «содействие в устройении свидания с членами Сибирского правительства и в устройении доклада его» [29. С. 64–65]. Непосредственно сам Г.Н. Потанин в начале июля 1918 г. во время своей поездки в Омск и Тобольск встречался с А.Н. Гришиным-Алмазовым и с П.В. Вологодским, передав последнему письмо с предложением о замене члена томского губернского комиссариата эсера Н.В. Ульянова кандидатом потанинцев Л.М. Загibalовым [20. Л. 22; 26. Л. 196].

Давление на власть со стороны «Потанинского кружка» в последующие месяцы продолжалось, главным образом, в форме газетных публикаций. Большой резонанс, в частности, получила статья А.В. Адрианова «К вопросу об организации власти». В ней критически оценивался состав эсеровской Сибирской областной думы, которая «не имеет права ни говорить, ни действовать от лица населения Сибири», в очередной раз отрицалась легитимность келейно избранного в конце января в Томске и оказавшегося на Дальнем Востоке Временного правительства автономной Сибири во главе с эсером П.Я. Дербером. В противовес ему А.В. Адрианов высказался в поддержку омского Временного Сибирского правительства во главе с П.В. Вологодским, укреплению которого мог бы помочь сформированный в Харбине Деловой кабинет генерала Д.Л. Хорвата. Здесь же приводился текст телеграммы «Потанинского кружка» с приветствием

правительству Д.Л. Хорвата [19. 27 авг.], а также заявление Г.Н. Потанина, где он решительно отмежевался от дерберовского правительства, которое в целях своей пропаганды среди населения без согласия Григория Николаевича «примешивало» его имя. Этим публикациям предшествовало получение А.В. Адриановым телеграммы от входившего ранее в «Потанинский кружок» М.О. Курского, подробно информировавшего потанинцев о позиции Хорвата и его кабинета по отношению к Омскому правительству и правительству П.Я. Дербера [30. Л. 1]. В конце октября 1918 г. увидело свет коллективное заявление Г.Н. Потанина, А.В. Адрианова, Н.Я. Новомбергского и В.М. Попова «О конфликте Сибирской областной думы с Временным Сибирским правительством», авторы которого высказались за уход областной думы с политической сцены [31. 26 окт.].

По мере развития военно-политических событий в рядах сибирского областничества явственно обозначились два крыла – правое и левое. На это в начале марта 1919 г. обратил внимание иркутский единомышленник Г.Н. Потанина И.И. Серебренников. «Правые областники, – писал он, – стоят на точке зрения существующего правительства, левые – находятся в оппозиции к нему и сильно “эсерствуют”. К правым областникам И.И. Серебренников причислял Г.Н. Потанина, П.В. Вологодского, А.В. Адрианова, Н.Н. Козьмина и себя. К левым – В.М. Крутовского и Г.Б. Патушинского. По его словам, «благодаря деятельности гг. Курского и Жернавкова, во многих городах Сибири и Дальнего Востока образовались областнические организации правого типа под наименованием местных отделов Потанинского союза областников-автономистов» [26. Л. 190]. В то же время Г.Н. Потанин не отказывался от контактов с некоторыми лидерами сибирских эсеров. Он встречался и подолгу беседовал, в частности, с Е.Е. Колосовым и И.А. Якушевым [32. С. 16].

Глава ВСП П.В. Вологодский прислушивался ко многим советам «Потанинского кружка» и достаточно оперативно принимал соответствующие решения. Так, в 1918 г. были реализованы предложения потанинцев о закрытии томской просоветской профсоюзной газеты «Рабочее знамя», о самороспуске Сибирской областной Думы и др. П.В. Вологодский и некоторые другие члены правительства, приезжая в Томск, обычно встречались с Г.Н. Потаниным и его ближайшим окружением. В частности, с премьер-министром такие встречи состоялись трижды (в августе и декабре 1918 г., в апреле 1919 г.).

«Потанинский кружок», по словам А.В. Адрианова, «старался проявить свое влияние, в то же время сделав для себя обязательным уклонение от всякого стремления к власти, от всякого ее домогательства» [20. Л. 66]. Однако слова эти относились, разве что, к самому их автору и Г.Н. Потанину. Что же касается других лиц из потанинского окружения, то не меньше десятка их практически с самого начала вошли в различные органы антибольшевистской власти. Кроме упомянутого П.В. Вологодского, возглавившего Временное Сибирское правительство, в его состав входили А.А. Грацианов и М.П. Головачев, занимавшие

соответственно должности товарищей (заместителей) министров внутренних и иностранных дел. Н.Я. Новомбергский первоначально стал товарищем министра туземных дел ВСП, затем – товарищем министра внутренних дел в Российском правительстве А.В. Колчака. А.Н. Гаттенбергер в конце августа 1918 г. был назначен Томским губернским комиссаром, а в начале ноября – управляющим министерством внутренних дел Временного Всероссийского правительства. Л.М. Загibalов летом 1918 г. служил секретарем Томского губернского комиссариата Временного Сибирского правительства, а осенью того же года – уполномоченным председателя Совета министров на Дальнем Востоке. Г.А. Вяткин 15 июля 1918 г. был назначен помощником управляющего информационным бюро ВСП. Ф.К. Зобнин заведовал информационным отделом управления Томской губернии и одновременно редактировал официальный орган печати – газету «Вестник Томской губернии». М.О. Курский летом 1918 г. в качестве министра по делам вероисповеданий вошел в состав Делового кабинета (правительства) во главе с генералом Хорватом.

«Хождение во власть», выезд из Томска до и во время военно-революционных событий многих участников «Потанинского кружка» привели к существенному сокращению его численности по сравнению с дореволюционным периодом. Пополнение же было незначительным. В окружение Г.Н. Потанина в этот период вошли В.М. Попов, С.Ф. Петров, профессора Томского университета философ С.И. Гессен и юрист И.И. Аносов, присяжный поверенный А.В. Юрьев, журналист А. Сумернин, а также некоторые депутаты-областники, приехавшие в Томск из других городов Сибири для участия в работе Сибирской областной думы летом-осенью 1918 г. Примыкал к кружку оказавшийся в Томске и позиционировавший себя в качестве представителя петроградской группы областников А.М. Осендовский.

После государственного переворота в Омске 18 ноября 1918 г. и установления колчаковской диктатуры влияние «Потанинского кружка» на политические события в Сибири сократилось. Утвердившаяся у власти военщина в значительной своей массе была чужда либерально-демократическим воззрениям. Тем не менее редактируемая А.В. Адриановым газета «Сибирская жизнь» по-прежнему активно участвовала в формировании общественного мнения, акцентируя внимание на главной цели – борьбе с большевизмом. Имевшиеся разногласия между потанинцами и колчаковским режимом, как правило, не выносились на газетные полосы, чтобы не подрывать престиж власти и не ослаблять единый фронт борьбы с большевизмом. По-прежнему в «Потанинском кружке» продолжали обсуждаться и вопросы, связанные с областничеством. В частности, они были в центре внимания на собрании кружка с участием находившегося в мае 1919 г. в Томске с четырехдневным визитом профессора русского языка и литературы Ливерпульского университета Б.И. Перса, совершавшего поездку по Сибири по поручению британского правительства [33. 11 мая].

Будучи сторонниками твердой антибольшевистской власти, участники кружка, тем не менее, крити-

чески относились к крайностям колчаковского режима, пытались воздействовать на своих единомышленников, входивших в омские властные структуры, выступали против отдельных необоснованных, по их мнению, арестов и приговоров. В частности, 4 февраля 1919 г. А.В. Адрианов обращался к премьер-министру Временного Российского правительства П.В. Вологодскому от имени Г.Н. Потанина, чрезвычайно встревоженного арестом в Горном Алтае художника Г.И. Гуркина [34. Л. 5]. 30 июля 1919 г. Г.Н. Потанин написал письмо П.В. Вологодскому с просьбой об облегчении участи своего хорошего знакомого бывшего учителя городского училища И.Г. Киселева, арестованного якобы за содействие большевикам. Г.Н. Потанин полагал, что этот арест являлся недоразумением [35. Л. 258–259]. 20 марта 1919 г. Григорий Николаевич направил непосредственно адмиралу А.В. Колчаку телеграмму с просьбой сохранить жизнь приговоренным к высшей мере наказания 18 подпольщикам – участникам антиправительственного выступления в Томске [36. С. 237]. В конфиденциальном письме П.В. Вологодскому от 2 июня 1919 г. А.В. Адрианов протестовал против цензуры со стороны военщины, а также просил премьер-министра принять меры против бесчинств экспедиционного отряда под командованием «вора-офицера» В.А. Сурова, направленного на подавление повстанческо-партизанского движения в уездах Томской губернии [26. Л. 9].

Однако в условиях колчаковской диктатуры обращения и просьбы Г.Н. Потанина и А.В. Адрианова зачастую повисали в воздухе либо встречали отказ. Причем в двусмысленное положение попадали порой сами участники «Потанинского кружка», оказавшиеся у власти. Так, управляющий министерством внутренних дел А.Н. Гаттенбергер, спустя несколько дней после доставленной Верховному правителю потанинской телеграммы, получил телеграмму от управляющего Томской губернией поручика Михайловского совершенно иного содержания. В ней говорилось: «Группа лиц [с] участием Шатилова просила Потанина ходатайствовать [о] помиловании осужденных военно-полевым [судом]. Удовлетворение ходатайства за исключением Герасимовой [в] интересах дела борьбы [с] большевиками нежелательно» [37. Л. 56]. Не удалось выяснить, какую позицию занял в этой ситуации А.Н. Гаттенбергер, однако известен результат. А.В. Колчак проигнорировал просьбу Г.Н. Потанина о смягчении приговора повстанцам и все они, за исключением Т.И. Герасимовой, были казнены.

Усиление военно-террористического режима привело к выходу из структур власти некоторых членов «Потанинского кружка». В конце февраля 1919 г. уволился с должности товарища (заместителя) министра внутренних дел Российского правительства Н.Я. Новомбергский. В конце апреля подал в отставку управляющий министерством внутренних дел А.Н. Гаттенбергер. В июне оставил пост товарища министра внутренних дел А.А. Грацианов. В июле ушел с должности заведующего информационным отделом управления Томской губернии и редактора «Вестника Томской губернии» Ф.К. Зобнин, будучи

не согласен с «резким проявлением полицейского режима». Дольше всех, до ноября 1919 г., оставался на высоком посту премьер-министр Российского правительства П.В. Вологодский. Двое участников кружка, оставив свои посты в омских министерствах и вернувшись в Томск, заняли здесь выборные должности городского головы (А.А. Грацианов) и председателя Томского губернского комитета помощи армии (А.Н. Гаттенбергер).

Уменьшение влияния «Потанинского кружка» в 1919 г. не в последнюю очередь было связано с ухудшением здоровья Григория Николаевича. После месячного лечения в госпитальной клинике он поселился с 11 июля 1919 г. в доме А.Н. Гаттенбергера. Здесь ему были предоставлены комната, питание и необходимый уход [33. 15 июля]. Руководящие функции в кружке окончательно перешли к его ближайшему другу и единомышленнику А.В. Адрианову, которому впоследствии некоторые авторы стали приписывать роль некоего «потанинского кукловода», который якобы от имени Г.Н. Потанина публиковал без его ведома статьи, в том числе обнародованные в августе 1919 г. воззвание о «большевистских бандах», «озверевших, озлобленных, беспощадных, в крови и огне» ворвавшихся в Сибирь [38]. Одним из главных оснований для такого вывода послужило сомнительное «свидетельство» большевистского функционера В.Д. Вегмана, который якобы «в 1918–1919 гг. сидел в томской тюрьме и имел связь с волей» [3. С. 229–230]. Между тем В.Д. Вегман еще в октябре 1918 г. был вывезен белыми в качестве заложника из томской тюрьмы в Екатеринбург и вернулся в Томск только в 1920 г., поэтому о происходивших здесь годом ранее событиях мог судить лишь понаслышке¹.

Однако главное даже не в подобных нестыковках. Достаточно сопоставить публикации 1919 г. за подписью Г.Н. Потанина с его статьями периода 1917–1918 гг., чтобы убедиться в неизменных принципиальных оценках сущности, опасности и неприемлемости большевизма со стороны идеолога сибирского областничества. Еще в июле 1917 г. Григорий Николаевич сравнил внутреннюю организацию партии большевиков с «погромными шайками» во главе с атаманами и прозорливо высказал опасение, что «большевики свою схему отношения центра партии к ее периферии перенесут и на устройство государства» [40]. Он считал приход большевиков к власти «катастрофой» [13], их действия «гибельными для России и Сибири» [41], желал «поражения большевиков, потому что они противники областничества», «относился всегда к большевикам, как к узурпаторам» [42]. В июле 1918 г. во время своей поездки в Омск и Тобольск Г.Н. Потанин в ответ на приветствие командующего антисоветским фронтом в районе Тюмени – Тобольска полковника Киселева заверял: «Всею душой я с вами в бою за родную Сибирь и крестьянский очаг. Старательно слежу за успехами благородной Сибирской армии». Тогда же он участвовал в похоронах погибших в бою с красногвардейцами офицеров, низко поклонившись и возложив на их гробы живые цветы [43].

В публикациях колчаковского периода и Г.Н. Потанин, и его ближайшие друзья и единомышленники,

составлявшие основу кружка, были солидарны в принципиальных оценках большевизма и необходимости от его избавления. Иначе говоря, тексты того времени за подписью Григория Николаевича в полной мере соответствовали букве и духу упоминавшейся «Платформы Потанинского кружка», составленной при его участии весной 1918 г., где большевики сравнивались с «самыми лютыми завоевателями», «иго» которых должно быть свергнуто. Авторы «Платформы» обращались с призывом к гражданам исполнить свой гражданский долг, поскольку «Родина в опасности!» [20. Л. 68]. Августовское воззвание 1919 г. за подписью Г.Н. Потанина в этом смысле перекликалось с «Платформой Потанинского кружка». Оно начиналось словами «Граждане! Банды большевистские у ворот» (сравним с написанным годом ранее у Г.Н. Потанина: «погромные шайки» большевиков). В воззвании также с большой тревогой говорилось, что «опасность великая, смертельная грозит стране, нашим семьям, нашему государству!» и содержался призыв «идти в ряды защитников родины» [38].

В свете сказанного, на наш взгляд, нет смысла вести поиск, вслед за коммунистическими идеологами и публицистами 1920-х гг., каких бы то ни было потанинских «кукловодов». Точно так же следует оставить в прошлом политически ангажированные суждения и оценки, касавшиеся общественно-политической деятельности Г.Н. Потанина и его окружения, содержащиеся в публикациях советских историков, где бездоказательно утверждалось, будто бы Г.Н. Потанин «ненавидел русский народ» и Россию; «метал громы и молнии против сибирского крестьянства, отказывавшегося идти в колчаковскую армию»; якобы сибирские областники во главе с Г.Н. Потаниным «полностью поддерживали» идею военно-монархической контрреволюции, а Г.Н. Потанин по своей природе был «взбесившимся контрреволюционным мелким буржуа», оказавшимся «на самом правом фланге вместе с монархистами» [2. С. 142, 149, 151–152].

В отличие от дореволюционного периода, деятельность «Потанинского кружка» в 1917–1919 гг. оказалась связанной прежде всего с политической

борьбой. Революция 1917 г., переросшая в Гражданскую войну, заставила передовую сибирскую интеллигенцию в лице Г.Н. Потанина и его окружения сделать свой выбор, в результате которого большинство участников «Потанинского кружка» вместе с самим патриархом сибирского областничества предсказуемо оказались в стане противников большевизма. При этом и кружок в целом, и его отдельные участники внесли существенный вклад как в формирование антисоветских органов власти, так и в идеологическое обеспечение их последовательной борьбы с большевизмом. Количественно уменьшившийся в военнореволюционную эпоху «Потанинский кружок» продолжал сохранять свой неформальный статус. В этот период он превратился, по сути, в своеобразную общественно-политическую группу, участвовавшую в борьбе за власть, причем едва ли не самую активную и влиятельную на территории Сибири, сопоставимую в подобном качестве с региональными организациями некоторых политических партий. Попутно заметим, что используя идейно-политические формы и методы борьбы, занимая различные должности в структурах власти, практически никто из участников кружка не сражался против большевиков с оружием в руках и не запятнал себя кровью противника.

Крушение колчаковщины, обострившаяся в последние месяцы 1919 г. болезнь и последовавшая летом 1920 г. смерть Г.Н. Потанина предопределили распад кружка. Почти сразу же после восстановления в Томске советской власти, в конце декабря 1919 г. был арестован и вскоре казнен А.В. Адрианов. Репрессиям впоследствии подверглись М.Б. Шатилов, Г.А. Вяткин (оба расстреляны), А.А. Грацианов, Н.Я. Новомбергский, Ф.К. Зобнин, В.С. Крутовский. В вынужденной эмиграции оказались П.В. Вологодский, А.Н. Гаттенбергер, М.П. Головачев, Л.М. Загибалов, Г.Д. Гребенщиков. Многих других потанинцев разметало по российским городам и весям. В конечном счете исчезновение функционировавшего почти два десятилетия «Потанинского кружка» существенно обеднило общественно-политическую и культурную жизнь не только Томска, но и всей Сибири.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Как справедливо отмечает исследователь С.Г. Петров, «по лекалам» заданного В.Д. Вегманом «официального дискурса» в советский период осмысливалась также биография известного сибирского просветителя П.И. Макушина [39. С. 74].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларьков Н.С. «Потанинский кружок» в Сибири в дореволюционный период // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 135–142.
2. Разгон И.М., Плотникова М.Е. Г.Н. Потанин в годы социалистической революции и Гражданской войны в Сибири // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Т. 158. Серия историческая. Вопросы истории Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 138–153.
3. Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин : Биографический очерк. Новосибирск : ИД «Сова», 2004. 244 с.
4. Ларьков Н.С. О роли «Потанинского кружка» в консолидации антибольшевистских сил в Сибири // История Белой Сибири : материалы 6-й Междунар. науч. конф. (7–8 февраля 2005 г.). Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. С. 206–211.
5. Серебrenникова Т.П. Освещение деятельности «Потанинского кружка» на страницах газеты «Сибирская жизнь» в 1918 г. // Документ. Архив. История. Современность : материалы VI Междунар. науч.-практич. конф. (2–3 дек. 2016 г.). Екатеринбург, 2016. С. 433–435.
6. Славнин В. Томск сокровенный. Томск, 1991.
7. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Михаил Бонифатьевич Шатилов: революционер и музейевед // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 31.
8. Сибирская жизнь. Томск. 1917.

9. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. : Т. 2 : Март 1917 – май 1918 г. Ч. 1. Март – август 1917 г. / сост. Э.И. Черняк, В.А. Дробченко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013.
10. О Дальнем Востоке (Доклад Курского) // Жизнь Алтая. 1918. 9 нояб.
11. Протокол допроса 13 декабря 1918 г. Г.Н. Потанина [Н.Г. Науманом – заместителем председателя Чрезвычайной следственной комиссии, созданной в связи с сентябрьскими событиями 1918 г. в Омске и Томске] // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 189. Оп. 1. Д. 5.
12. Письмо А.В. Адрианова А.Н. Гришину-Алмазову от 7 июля 1918 г. // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39617. Оп. 1. Д. 1.
13. Потанин Г. Республика толстокожих // Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 30 июня.
14. Потанин Г. К населению Сибири // Сибирский листок (Тобольск). 1918. 7 апр.
15. Протокол допроса А.Н. Гаттенбергера 1 декабря 1918 г. [в Чрезвычайной следственной комиссии, созданной в связи с сентябрьскими событиями 1918 г. в Омске и Томске] // ГАРФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 4.
16. Автограф письма генерала Корнилова обнаружен в Томске // Томский вестник. 1994. 18 февр.
17. Телеграмма генерала В.Е. Флуга генералу А.Н. Гришину-Алмазову от 21 авг. 1918 г. // РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 30.
18. Звягин С.П. Руководители Томской губернии в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). [Томск] : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2011.
19. Сибирская жизнь (Томск). 1918.
20. Платформа Потанинского кружка в г. Томске // РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 1.
21. Доклад подполковника Глухарева // Красная летопись. 1923. № 5.
22. Об организации новой власти // Сибирская жизнь (Томск). 1918. 5 июня.
23. Зобнин Ф. Спасение или погибель? // Сибирская жизнь (Томск). 1918. 8 июня.
24. Потанин Г.Н. По поводу предыдущей статьи // Сибирская жизнь (Томск). 1918. 8 июня.
25. О коалиционном составе комиссариата // Сибирская жизнь (Томск). 1918. 7 июня.
26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 193. Оп. 1. Д. 5.
27. В.Б. Спасение или гибель России (Митинг, устроенный Потанинским кружком) // Сибирская жизнь (Томск). 1918. 27, 28 июня.
28. Сибирский предпарламент : Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь – август 1918 г.). Сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2013.
29. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сб. документов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. 2-е изд., расшир. и доп. Новосибирск : Автограф, 2015.
30. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 30.
31. Сибирский вестник (Омск). 1918.
32. Якушев И.А. Григорий Николаевич Потанин // Вольная Сибирь. Прага. 1927. Т. 1.
33. Сибирская жизнь (Томск). 1919.
34. ГАРФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 11.
35. ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 51.
36. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.: Т. 3: Июнь 1918 – декабрь 1919 г. / сост. Н.С. Ларьков, В.А. Дробченко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013.
37. ГАРФ. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 74.
38. Потанин Г.Н. К оружию, граждане! // Сибирская жизнь. 1919. 22 авг.
39. Петров С.Г. Из эпистолярного наследия советского периода жизни сибирского просветителя П.И. Макушина // Гуманитарные науки в Сибири. 1918. Т. 25, № 3.
40. Потанин Г. Областничество и диктатура пролетариата // Сибирская жизнь (Томск). 1918. 18 июля.
41. Потанин Г. Мотивированное заявление Потанина от 30 декабря 1917 г. во Временный Сибирский областной совет о сложении своих полномочий // Сибирская жизнь (Томск). 1917. 31 дек.
42. Потанин Г. По поводу моего отказа от председательствования в Сибирском областном совете // Сибирская жизнь (Томск). 1918. 12 янв.
43. Адрианов. Г.Н. Потанин // Сибирская жизнь. 1918. 1 авг.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 января 2019 г.

“Potanin’s Circle” in Siberia in 1917–1919: From Educational Activities to the Power Contest

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 172–181.

DOI: 10.17223/15617793/456/20

Nikolay S. Larkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larkov@mail.tsu.ru

Keywords: Siberia; Tomsk; revolution; Russian Civil War; Siberian regionalism (oblastnichestvo); Grigory Potanin; “Potanin’s circle”.

During the first two decades of the twentieth century, an important role in the social and political life in Siberia belonged to “Potanin’s Circle”—an informal group of Siberian intellectuals in Tomsk who gathered around Grigory Potanin, a famous scientist and a mastermind of the Siberian regionalism (oblastnichestvo) movement. The history of “Potanin’s Circle” can be divided into two periods: the pre-revolutionary period, and the period of the Revolution of 1917 and the Civil War. By now, only a few aspects of the Circle’s work during the Revolution and the Civil War have been covered in the historical literature. In this article, devoted to the second period of the history of the circle, the author presents the results of the system analysis of the Circle’s work. The analysis was performed with the use of prosopographic method together with the traditional methods of historical research. The research is based on the archival records, periodicals, personal documents. The research showed that Potanin and his associates joined the revolutionary process immediately after the czar’s demise. Unlike in the pre-revolutionary period when the members of “Potanin’s Circle” were mostly involved into educational activities and propaganda, after the Revolution, the members of the Circle focused primarily on political issues. In 1917, they concentrated on the practical implementation of their program of Siberian autonomy and on the preparation of the convocation of the Siberian Regional Duma. The Bolsheviks’ seizure of power at the end of 1917 made “Potanin’s Circle” lose some of its members and use illegal methods, including building relations with the anti-Soviet armed underground. The counter-revolutionary revolt in Siberia at the end of spring and in the summer of 1918 increased the activity of the Circle. Many of its members held important positions in the anti-Soviet regulatory and administrative authorities. The Circle’s social and propaganda activities at that time were mostly focused on creating the ideological background for the anti-Bolshevik campaign. They used *Sibirskaya Zhizn* [Siberian Life], a newspaper edited by A.V. Adrianov, as the main channel for airing their ideas. The author proves that, as it was before the Revolution, during the Revolution and the Civil War, “Potanin’s Circle” preserved such features as an informal character; a stable and active core consisting of Potanin’s closest friends and associates; and spreading of its influence far

beyond Tomsk. At the same time, in 1917–1919, “Potanin’s Circle” became an active and influential social and political group that took part in the power contest. In this regard, the Circle can be compared to regional branches of some political parties. The collapse of Kolchak’s regime and Potanin’s serious illness and death led to the dissolution of “Potanin’s Circle”, which impoverished the social, political, and cultural life not only in Tomsk but in the entire Siberia.

REFERENCES

- Lar'kov, N.S. (2018) “Potanin’s Circle” in Siberia during the pre-revolutionary period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 435. pp. 135–142. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/435/17
- Razgon, I.M. & Plotnikova, M.E. (1965) G.N. Potanin v gody sotsialisticheskoy revolyutsii i Grazhdanskoj vojny v Sibiri [G.N. Potanin during the years of the socialist revolution and the civil war in Siberia]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva*. 158(2). pp. 138–153.
- Shilovskiy, M.V. (2004) “Polneyshaya samootverzhennaya predannost’ nauke”. G.N. Potanin: Biograficheskiy ocherk [“A complete selfless dedication to science.” G.N. Potanin: A biographical essay]. Novosibirsk: ID “Sova”.
- Lar'kov, N.S. (2005) [On the role of “Potanin’s Circle” in the consolidation of anti-Bolshevik forces in Siberia]. *Istoriya Belay Sibiri* [History of White Siberia]. Proceedings of the 6th International Conference. 7–8 February 2005. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 206–211. (In Russian).
- Serebrennikova, T.P. (2016) Osveshchenie deyatelnosti “Potaninskogo kruzhka” na stranitsakh gazety “Sibirskaya zhizn” v 1918 g. [Coverage of the activities of “Potanin’s Circle” on the pages of the newspaper Sibirskaya Zhizn’ in 1918]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost’* [Document. Archive. History. Modernity]. Proceedings of the International Conference. 2–3 December 2016. Yekaterinburg: ural Federal University. pp. 433–435.
- Slavnin, V. (1991) *Tomsk sokrovennyy* [The Inmost Tomsk]. Tomsk: Tom. kn. izd-vo.
- Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2018) Mikhail Bonifatievich Shatilov as Revolutionist and Museum Scientist. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 31. pp. 211–227. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/31/22
- Sibirskaya zhizn'*. (1917).
- Chernyak, E.I. & Drobchenko, V.A. (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.* [The Social and Political Life of Tomsk Province in 1880–1919]. Vol. 2 (1). Tomsk: Tomsk State University.
- Zhizn' Altaya*. (1918) O Dal'nem Vostoke (Doklad Kurskogo) [On the Far East (Report by Kurskiy)]. 9 Nov.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 189. List 1. File 5. *Protokol doprosa 13 dekabrya 1918 g. G.N. Potanina* [N.G. Naumanom – zamestitelem predsedatelya Chrezvychaynoy sledstvennoy komissii, sozdannoy v svyazi s sentyabr'skimi sobytiyami 1918 g. v Omske i Tomске] [Protocol of interrogation of G.N. Potanin on December 13, 1918 [By N.G. Nauman, Deputy Chairman of the Extraordinary Commission of Inquiry created in connection with the September events of 1918 in Omsk and Tomsk]].
- Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 1. *Pis'mo A.V. Adrianova A.N. Grishinu-Almazovu ot 7 iyulya 1918 g.* [Letter from A.V. Adrianov to A.N. Grishin-Almazov of July 7, 1918].
- Potanin, G. (1918) Respublika tolstokozhikh [Republic of the thick-skinned]. *Narodnaya Sibir'*. 30 June.
- Potanin, G. (1918) K naseleniyu Sibiri [To the population of Siberia]. *Sibirskiy listok*. 7 April.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 189. List 1. File 4. *Protokol doprosa A.N. Gattenbergera 1 dekabrya 1918 g.* [v Chrezvychaynoy sledstvennoy komissii, sozdannoy v svyazi s sentyabr'skimi sobytiyami 1918 g. v Omske i Tomске] [Protocol of interrogation of A.N. Hattenberger of December 1, 1918 [in the Extraordinary Commission of Inquiry created in connection with the September events of 1918 in Omsk and Tomsk]].
- Tomskiy vestnik*. (1994) Avtograf pis'ma generala Kornilova obnaruzhen v Tomске [The autograph of General Kornilov’s letter was found in Tomsk]. 18 Feb.
- Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 30. *Telegramma generala V.E. Fluga generalu A.N. Grishinu-Almazovu ot 21 avg. 1918 g.* [Telegram from General V.E. Flug to General A.N. Grishin-Almazov of 21 Aug. 1918].
- Zvyagin, S.P. (2011) *Rukovoditeli Tomskoy gubernii v gody Grazhdanskoj vojny (1918–1919 gg.)* [Leaders of Tomsk Province during the Civil War (1918–1919)]. [Tomsk]: Tomsk Polytechnic University.
- Sibirskaya zhizn'*. (1918).
- Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 1. *Platforma Potaninskogo kruzhka v g. Tomске* [The Platform of Potanin’s Circle in Tomsk].
- Krasnaya letopis'*. (1923) Doklad podpolkovnika Glukhareva [Report of Lieutenant Colonel Glukharev]. 5.
- Sibirskaya zhizn'*. (1918) Ob organizatsii novoy vlasti [On the organization of the new government]. 5 June.
- Zobnin, F. (1918) Spasenie ili pogibel'? [Salvation or destruction?]. *Sibirskaya zhizn'*. 8 June.
- Potanin, G.N. (1918) Po povodu predydushchey stat'i [Regarding the previous article]. *Sibirskaya zhizn'*. 8 June.
- Sibirskaya zhizn'*. (1918) O koalitsionnom sostave komissariata [On the coalition composition of the Commissariat]. 7 June.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 193. List 1. File 5. (In Russian).
- V.B. (1918) Spasenie ili gibel' Rossii (Miting, ustroennyi Potaninskim kruzhkom) [Salvation or destruction of Russia (A meeting organized by Potanin’s Circle)]. *Sibirskaya zhizn'*. 27, 28 June.
- Shishkin, V.I. (ed.) (2013) *Sibirskiy predparlament: Chastnye soveshchaniya chlenov Vremennoy Sibirskoy oblastnoy dумы (iyun – avgust 1918 g.)*. *Sb. dokumentov i materialov* [Siberian Pre-Parliament: Private Meetings of Members of the Provisional Siberian Regional Duma (June–August 1918). Documents and Materials]. Novosibirsk: Parallel'.
- Shishkin, V.I. (ed.) (2015) *Pis'ma vo vlast' v epokhu revolyutsii i grazhdanskoj vojny (mart 1917 – may 1921 g.)*. *Sb. dokumentov* [Letters to the Authorities in the Era of the Revolution and the Civil War (March 1917 – May 1921). Documents]. 2nd ed. Novosibirsk: Avtograf.
- Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39617. List 1. File 30. (In Russian).
- Sibirskiy vestnik*. (1918).
- Yakushev, I.A. (1927) Grigoriy Nikolaevich Potanin. *Vol'naya Sibir'* (Prague). 1.
- Sibirskaya zhizn'*. (1919).
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 195. List 1. File 11. (In Russian).
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 176. List 2. File 51. (In Russian).
- Larkov, N.S. & Drobchenko, V.A. (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.* [The Social and Political Life of Tomsk Province in 1880–1919]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
- State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1700. List 1. File 74. (In Russian).
- Potanin, G.N. (1919) K oruzhiyu, grazhdane! [To arms, citizens!]. *Sibirskaya zhizn'*. 22 Aug.
- Petrov, S.G. (1918) Iz epistol'yarnogo naslediya sovet'skogo perioda zhizni sibirskogo prosvetitelya P.I. Makushina [From the epistolary heritage of the Siberian educator P.I. Makushin’s Soviet period]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 25 (3).
- Potanin, G. (1918) Oblastnichestvo i diktatura proletariata [Regionalism and the dictatorship of the proletariat]. *Sibirskaya zhizn'*. 18 July.

41. Potanin, G. (1917) Motivirovannoe zayavlenie Potanina ot 30 dekabrya 1917 g. vo Vremennyy Sibirskiy oblastnoy sovet o slozhenii svoikh polnomochiy [A motivated statement of resignation of 30 December 1917 to the Provisional Siberian Regional Council]. *Sibirskaya zhizn'*. 31 Dec.
42. Potanin, G. (1918) Po povodu moego otkaza ot predsedatel'stovaniya v Sibirskom oblastnom sovete [Regarding my refusal to chair the Siberian Regional Council]. *Sibirskaya zhizn'*. 12 Jan.
43. Adrianov. (1918) G.N. Potanin. *Sibirskaya zhizn'*. 1 Aug. (In Russian).

Received: 27 January 2019

Н.А. Парченко

ОСМЫСЛЕНИЕ ВЕНГЕРСКИХ СОБЫТИЙ 1956 г. В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматриваются причины, сущность и значение венгерского политического кризиса в российской общественной мысли на современном этапе. Приводится анализ отечественной, части зарубежной венгерской историографии и официальных точек зрения российских политических руководителей в контексте данной темы, а также выявляются основные тенденции определения сущности и значения «венгерских событий» 1956 г. в современной российской общественной мысли. На основе данных, приведенных в статье, автором выработан собственный подход к оценке описываемых событий.

Ключевые слова: Венгрия; политический кризис; историография; внешняя политика СССР; М. Ракоши; Я. Кадар.

Настоящую статью хотелось бы начать прежде всего с утверждения актуальности проблемы политических кризисов в настоящее время. Это утверждение приобретает значимость касаясь рассматриваемого вопроса о венгерских событиях 1956 г. Актуальность в данном случае обосновывается современной политической ситуацией и изменениями, произошедшими в начале 90-х гг. XX в. в России и за рубежом, которые непосредственно наложили свой отпечаток на оценку последствий венгерского кризиса, а также на оценку сущности не совсем далеких по историческим меркам событий.

Не будем подробно останавливаться на оценках советской историографии, прессы и выводах официальных лиц и источников. Вся информация здесь однозначно трактуется в едином ключе, а именно: венгерский кризис – это не что иное, как контрреволюционный мятеж, спровоцированный западными странами в попытке реставрации прежнего политического режима, а, следовательно, последствия его подавления (силовое решение вопроса) трактуются как исключительно положительные.

Среди причин, повлекших кризис 1956 г., назывались такие, как ошибки ВКП в вопросах социалистического строительства (на что указывало в том числе и руководство КПСС), подрывная деятельность внутренних элементов, желающих реставрации фашистского режима, а также непосредственное влияние западных спецслужб. Среди таких работ можно выделить работу бывшего руководителя органов госбезопасности ВНР Э. Холлоша, в которой раскрывается деятельность западных спецслужб и влияние этого фактора на развитие кризиса [1. С. 150–165]. К подобным работам относятся работы М. Сабо [2. С. 258] и Я. Беретца, бывшего секретаря ЦК ВСРП [3. С. 76].

СССР путем силового решения вопроса доказал всему миру, в первую очередь блоку НАТО, свою готовность к решительным действиям, а также к извлечению уроков из событий арабо-израильского конфликта, произошедшего незадолго до рассматриваемых событий. Причинно-следственные связи между данными событиями очевидны – советское государство не допустит попустительством своими принципами относительно государств, входивших непосредственно в сферу влияния СССР и находившихся непосредственно вблизи границ СССР. Если говорить о других внешнеполитических аспектах, то советские войска в очередной раз доказали свою состоятельность,

а Венгрия окончательно и бесповоротно вошла в социалистический блок.

Также отмечалось, что кризис вскрыл множество внутренних проблем, существовавших внутри самой Венгрии, а именно: необъективное видение развития страны политическим руководством, диктат Венгерской партии трудящихся (ВПТ), политические репрессии и т.д. Под необъективным видением развития страны подразумевается индустриализация на основе развития крупного промышленного производства, отнимавшего значительные бюджетные средства, а также вызывавшего диспропорцию по отношению к сельскому хозяйству. Не заостряя на этом внимание, тем не менее следует отметить, что руководство ВПТ действительно слепо копировало индустриальный опыт СССР в стране, которая не обладала должными запасами необходимых ресурсов и основой экономики которой всегда было сельское хозяйство.

Данные выводы по советской историографии можно делать с условной оговоркой, так как исследователи старались избегать освещения данной темы, даже в обобщающих трудах данная проблема рассматривалась в крайних случаях [4. С. 18].

Среди работ подобного рода следует отметить работы Л.Н. Нежинского, выполненные в традиционном советском ключе. Автор рассматривает историю послевоенного развития Венгрии и не затрагивает причины венгерского кризиса [5. С. 89].

В связи с изменившейся политической ситуацией исследователи стали более объективно подходить к освещению данных событий. Это было связано с введением в научный оборот огромного фактического материала, открытием новых источников. Критический подход прослеживается в таких коллективных трудах, как «Венгрия 1956 г. Очерки истории кризиса» [6. С. 98] и «Политические кризисы и конфликты 50–60 гг.» [7. С. 201]. Авторы показывают реальную специфику взаимоотношений Советского Союза и стран народной демократии. Для этого периода характерно большое количество статей и публицистики, где авторы стремились дать краткую характеристику венгерских событий.

В этот период В.Л. Мусатов рассматривал проблему невозможности принятия политического решения кризиса для советского руководства в условиях конфронтации с Западом [8. С. 38–39]. Статьи П.Н. Лашенко [9. С. 42–50], В.В. Леонидова [10. С. 28–31] также посвящены данной проблеме. По-

следствия венгерского кризиса для СССР и Венгрии обозначил А.А. Любичев [11. С. 173–179]. В этот период исследователи волновал вопрос оценки неоднозначной деятельности и судьбы премьер-министра И. Надя [12. С. 75].

Рубеж 1990–2000-х гг. ознаменовался использованием новых, ранее закрытых архивных документов. Авторы начинают более критически подходить к решению всех вопросов по данной проблеме. Раскрываются принципиально новые темы, которые раньше не затрагивались по тем или иным причинам, но которые способствуют более объективной оценке событий. Среди таких исследователей в первую очередь стоит упомянуть А.С. Стыкалина, который рассматривает внешние и внутренние причины кризиса и последующего ввода советских войск [13. С. 300]. В рассматриваемый период начинается изучение кризиса в рамках военной истории [14. С. 555–596]. Венгерские события, по мнению исследователей [15. С. 142–184], сыграли значительную роль во внешней политике СССР.

В целом всестороннее изучение проблемы начинается со второй половины 1990-х гг. Введение в оборот нового корпуса источников, отсутствие идеологического давления, с одной стороны, и более объективный подход – с другой, способствовали этому фактору. В настоящее время в России прослеживается точка зрения схожести сценария цветных революций и событий в Венгрии в 1956 г. Сам кризис зачастую трактуется не иначе как антисоветское восстание. Так, в 2016 г. в материалах российского информационного агентства ТАСС вышло сразу две статьи, посвященные данной трагедии. В статьях дается краткое описание причин, событий и последствий, а события 1956 г. именуются антисоветским восстанием [16]. Отмечается, что восстание было спровоцировано стрельбой советских войск по демонстрантам и подавлено советскими войсками [17].

Наиболее ярко и всесторонне ситуацию с диаметрально противоположными и крайне субъективными оценками описывает статья, посвященная выставке о событиях 1956 г., состоявшейся в Ельцин-центре в 2016 г. Авторы приводят цитаты из зарубежных изданий и воспоминания очевидцев тех событий, описывая случившееся не иначе как «борьбу за свободу», всячески компрометируя советский режим заявлениями о стрельбе из советских танков по мирным демонстрантам. Автор статьи историк Е. Спицын называет демонстрантов «фашистским отребьем», а сами события – переворотом, организованным западными спецслужбами: *«Тогда происходило все так же, как было на Украине. И это закономерно вписывается в переворот 90-х. Поэтому ничего удивительного нет, когда Америка поддерживает нацистов и бандеровцев на Украине – это же их “кровные братья”. То же самое было в Венгрии. Те же организации, которые были скопищем недобитых венгерских фашистов»* [18]. На этом примере отчетливо прослеживается крайне не-объективные подходы к описываемым событиям.

Следует отметить, что подобные точки зрения высказывались и ранее, особенно в поле научно-популярных исторических работ. Как пример можно

привести работу Н.Б. Ачкасова и С.Л. Рогозы 2005 г., где также придается гипертрофированное значение вмешательству западных спецслужб в описываемые события [19. С. 354].

Не менее интересными можно считать выводы авторов сборника документов, согласно которым главная причина событий в Венгрии – действия западных спецслужб и США, которые организовали оранжевые революции, продолжающиеся до сих пор и являющиеся звеньями одной цепи. Сами события авторы называют не иначе как контрреволюционным путчем, организованным при помощи Запада [20. С. 4]. Таким образом, можно сделать выводы о том, что данные концепции частично основаны на данных историографии советского периода.

Другие историки и официальные лица дают иные оценки венгерским событиям. Венгерский историк Дюла Свак утверждал, что события 1956 г. «нанесли венгерскому народному сознанию травму, но не слишком глубокую» [21. С. 139]. Развивая мысль, он также отмечает, что перед 50-летней годовщиной революции 1956 г. был проведен опрос, согласно которому на вопрос о народе, наиболее отрицательно повлиявшем на венгерскую историю, 56% высказались за русских, 50% – за турков. Но против развития экономических и культурных связей с Россией высказались не более 5% [21. С. 140]. Можно отметить, что венгерский кризис Д. Свак именует революцией.

В.С. Байков называл события 1956 г. восстанием, а главной причиной этих событий – политику М. Ракоши. Последствия таковы, что СССР пересмотрел свою политику в отношении Восточной Европы. США поняли прочность биполярной системы на этом примере, а внутри СССР партийное руководство приняло меры по недопущению даже возможности подобного сценария [22. С. 134].

Желицки Б. называет события 1956 г. народным восстанием, а причинами – политику М. Ракоши. Влияние Запада ограничивалось подстрекательствами, а когда дело дошло до реального военного столкновения, действенной помощи оказано не было, политика Запада была двойственная [23. С. 251]. Трагедию ситуации он связывает с вмешательством СССР во внутренние дела Венгрии. Материальные потери не подсчитаны. 200 тыс. человек покинули Венгрию, венгров погибло – 2 502, ранено – 19 226; советские войска – 720 и 1 540 соответственно. 400 человек приговорены к смертной казни, 20 тыс. интернированы. Венграм нанесена глубокая травма, престиж Венгрии на международной арене упал, как и престиж СССР (репутация), а в стране был развязан террор [23. С. 262]. Т.Ю. Пынина одним из последствий выделяет тот факт, что период после 1956 г. – период компромиссного обновления социализма, за экономическими реформами не последовали политические [24. С. 17].

Помимо этого, считается необходимым обратиться к заявлениям официальных российских лиц. В 1992 г. президент РФ Б. Н. Ельцин во время своего выступления в парламенте Венгрии заявил, что граждане и Венгрии и России должны знать всю правду о том трагическом времени. Он также попросил прощения за действия советского руководства.

Президент РФ В.В. Путин, выступая на пресс-конференции в Будапеште в 2006 г., признался, что чувствует моральную ответственность за события тех лет: «В 1992 г. президент Ельцин дал оценку этим событиям и осудил действия советского руководства. Конечно, современная Россия – это не Советский Союз. Но должен откровенно сказать, конечно, все мы в душе чувствуем моральную ответственность за эти события». В свою очередь, Ласло Шойом сказал, что Венгрия не связывает отношения к нынешней России с отношением к СССР образца 1956 г. [25]. Спикер Совета Федерации Сергей Миронов заявил в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС в Будапеште: «Мы понимаем, что народам и миру не нужны ни экспорт коммунизма, ни экспорт демократии. Порыв венгерского народа к свободе и независимости исторически доказал свою правоту» [26].

Как справедливо утверждал Янош М. Райнер, события в Венгрии 1956 г. – события прежде всего трагические. Их можно назвать революцией, но революцией, направленной на восстановление законного и естественного порядка, нарушенного вследствие насилия. Это была попытка возвращения в прошлое, в 1945 г. [27. С. 16]. Революция эта была неудачная, но пошатнула устои социализма, явилась увертюрой к политической перестройке [27. С. 17]. 1956 г. изменил психологическое отношение людей к социалистической модели развития. Перемены виделись возможными, но только при содействии великих держав. События 1956 г. можно трактовать как антитоталитарное восстание, попытку к возвращению к идеалам либеральной демократии, борьбу против ущемления национального достоинства [27. С. 19]. В этом смысле эта дата не сплачивает венгерское общество, а скорее разделяет. Отголоски этих событий до сих пор играют свою роль на политическом поприще.

Таким образом, на основании вышеизложенного материала следует сделать следующие выводы. Международное значение венгерского кризиса 1956 г. видится достаточно объемным по своим последствиям. В первую очередь кризис стал своего рода проверкой ялтинско-потсдамской системы международных отношений. Два противоборствующих блока на мировой арене – СССР и США были вынуждены пересмотреть существовавшие на тот момент подходы к внешней политике в отношении друг друга. Соединенные Штаты Америки были вынуждены отказаться от планов по освобождению восточноевропейских государств из зоны влияния СССР, разрабатываемых в период президентства Д. Эйзенхауэра. Западные государства, отвлеченные Суэцким кризисом, своим фактическим бездействием в отношении данных событий развязали СССР руки в отношении государств, входящих в его зону влияния. Партийное руководство советского государства, пойдя на силовое решение конфликта, что было рискованно, уверилось в дальнейшем решении локальных конфликтов подобным путем.

Не менее важное значение кризис в Венгрии приобрел и для других государств советской зоны влияния. Существующая мировая политическая обстановка фактически нивелировала все возможности вооруженного восстания противников просоветского коммуни-

стического режима. В этой ситуации политическим оппонентам не оставалось ничего другого, как прибегнуть непосредственно к политическим методам разрешения всех внутрисударственных противоречий.

Впоследствии политика Я. Кадара фактически была направлена на создание деполитизированного общества. Он прекрасно понимал, что следует избегать перегибов, которые привели к 1956 г. Власть тем самым навела мост с обществом, разрешив заниматься мелким предпринимательством, открыв доступ к западной культуре и повысив уровень жизни в целом. Главным условием было – пользоваться той мерой свободы, что существовала на тот момент, но не распространять эту свободу на политику [28]. Таким образом, это является одним из главных итогов событий 1956 г.

Локальный конфликт в восточной Европе имел еще большее значение для СССР, в различной степени коснулся каждого советского гражданина. Политические установки, провозглашенные в ходе XX съезда КПСС, остались во многом лозунгами. Партийное руководство своими действиями показало неготовность отказа от существовавших ранее методов решения проблем, а именно силовым путем, вмешиваясь во внутренние дела суверенных государств. Начавшийся процесс десталинизации и реформ был заторможен венгерским кризисом, что невольно заставляет вспомнить концепцию маятника – реформ и контрреформ в XIX в., когда восстание декабристов во многом привело к консервативной политике Николая I. Изменились только масштабы событий.

Так называемый венгерский синдром не являлся приобретенным «заболеванием», а скорее наследственным. Современная политическая ситуация в России и на постсоветском пространстве позволяет сделать некоторые сдержанные выводы о том, что этот недуг не преодолен до настоящего времени. Руководство и политическая элита страны воспринимает любые общественные кризисы крайне болезненно и исключительно в свой адрес, что ведет к консерватизму, поддерживаемому определенными слоями общества, и авторитаризму. Современная история и практика локальных конфликтов только подтверждает обозначенный выше тезис. На примере Украины, где произошли схожие в некоторых особенностях события, можно проследить, как сменившееся в ходе кризиса 2014 г. (сущность этих событий еще предстоит выяснить) политическое руководство страны применило силовой вариант решения внутреннего конфликта и тем самым отказалось от ранее провозглашенной политики всеобщей либерализации и демократизации. Данный конфликт, вылившийся в общегосударственную для Украины трагедию, показал нежелание власти реально претворять в жизнь ранее провозглашенные лозунги, а также отход к немного обновленному, но авторитарному режиму, который существовал и ранее.

Было бы несправедливым не отметить, что примененный в Венгрии СССР силовой метод оттолкнул от социализма значительную часть западного общества, и прежде всего интеллектуальную элиту, что не могло

не сказаться на политическом авторитете СССР. Таким образом, можно констатировать, что политическое руководство любой страны должно учитывать подобные исторические примеры перед принятием подчас непростых решений.

В этом смысле ущербными выглядят попытки обвинить в случившейся трагедии западные спецслужбы. Весь ход венгерских событий показывает, что западные спецслужбы были не подготовлены к подобному развитию событий, что ставит под сомнение выводы данных авторов. Кроме активной работы таких радиостанций, как «Свободная Европа», ставящих заведомо невыполнимые задачи и только раскачивающие общество, американское руководство не предприняло каких-либо серьезных шагов. Об этом говорит и эксперт-политолог Чарльз Гати, утверждающий, что политика США в указанный период не отличалась особой дальновидностью, что доказывают сами события 1956 г. [29. С. 145].

В 2008 г. наметилась тенденция оправдания действий СССР в Венгрии в 1956 г. Точка зрения авторов исходит из того, что СССР имел законное право применять силу в отношении стран, входящих в свою зону влияния. Противники этой точки зрения называ-

ются «русофобами», как люди, проявляющие любую критику в адрес СССР, а значит и России [30].

Данная позиция представляется опасной, так как практически обесценивает любые попытки моральной оценки подобной силовой политики. Как можно наблюдать в данный период исторического времени, подобный подход поддерживается и некоторыми политиками, и другими лицами. Но, как мы выяснили выше, данная точка зрения заведомо является ошибочной, ибо накладывает свой неизгладимый отпечаток на государство, применяющее подобные методы решения проблем. История предполагает критический анализ и переосмысление событий, а значит, любой факт со временем будет становиться все более объективным.

Президент РФ В.В. Путин при посещении Венгрии в 2006 г. с рабочим визитом отметил, что Россия не обладает преемственностью советской внешней политики, поэтому не может нести ответственности за решения, принятые советским руководством в 1956 г. Казалось бы, на этом должна быть поставлена точка. История учит общество учиться на своих ошибках и не повторять их в будущем, чтобы не извиняться за ошибки прошлого, совершенные другими людьми в другой стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холлош Э., Лайтаи В. Холодная война против Венгрии: 1956 г. М. : Прогресс, 1985. 240 с.
2. Сабо М. Тихая война: воспоминания. М. : Военное изд-во, 1987. 410 с.
3. Берез Я. Крах операции «Фокус». М. : Политиздат, 1986. 189 с.
4. Желички Б.И. Венгрия 1956 года: Эволюция оценок историков // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 18–35.
5. Нежинский Л.Н. Очерки истории Народной Венгрии: 1948–1962. М. : Международные отношения, 1969. 347 с.
6. Булах С.Ю., Желички Б.И., Новопашин Ю.С. и др. Венгрия 1956 года: очерки истории кризиса. М. : Наука, 1993. 180 с.
7. Политические кризисы и конфликты 50–60 гг. в Восточной Европе / под ред. Ю.С. Новопашина. М., 1993. 229 с.
8. Мусатов В.Л. Пятьдесят шестой: О событиях в Венгрии в 1956–1957 годах // Новое время. 1993. № 8. С. 38–39.
9. Лашенко П.Н. Венгрия, 1956 год // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 42–50.
10. Леонидов В. В поисках истины: О событиях в Венгрии в 1956 году // Новое время. 1989. № 24. С. 28–31.
11. Любимцев А.А. О смысле и значении венгерской трагедии // Знамя. 1991. № 10. С. 173–179.
12. Мусатов В.Л. Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 167.
13. Стыкалин А.С. Прерванная революция: Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М. : Новый хронограф, 2003. 320 с.
14. Окорочков А.В. Секретные войны Советского Союза. М. : Эксмо, 2008. 736 с.
15. Лавренов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М. : АСТ; Астрель, 2003. 778 с.
16. Венгерское восстание 1956 г. Досье // ТАСС. 2016. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3725940> (дата обращения: 10.06.2018).
17. Падение Будапешта: 60 лет назад советские танки подавили венгерское восстание // ТАСС.–2016. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3765068>, свободный (дата обращения: 10.06.2018).
18. Хроники лжи «Ельцин-центра»: недобитых венгерских фашистов выставляют «борцами за свободу»? // Накануне.ру. 2016. URL: <http://www.nakanune.ru/articles/112261/>, свободный (дата обращения: 14.06.2018).
19. Рогоза С.Л., Ачкасов Н.Б. Засекреченные войны, 1950–2000 гг. М.; СПб. : АСТ ; Полигон, 2005. 558 с.
20. Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР: сб. док. / сост. А.А. Зданович и др. М. : Объединенная редакция МВД России, 2009. 519 с.
21. Свак Д. Русская парадигма: русофобские заметки русофила. СПб. : Алетейя, 2010. 171 с.
22. Байков В.С. 1956. Венгрия глазами очевидца. М.; СПб. : Нестор-История, 2016. 146 с.
23. Желички Б.И. Венгрия новейших времен: очерки политической истории 1944–1994 гг. М. : Ин-т славяноведения, 2017. 647 с.
24. Пынина Т.Ю. Печать Венгерской Народной Республики в политическую эпоху Яноша Кадара (1956–1989 годы). М. : РУДН, 2016. 388 с.
25. Россия и Венгрия объявляют 1956 г. год историей // Би-би-си Россия. 2006. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/russia/newsid_4760000/4760856.stm, свободный (дата обращения: 14.06.2018).
26. Сергей Миронов принял участие в мероприятиях по случаю 50-летия событий 1956 года в Венгрии // Российская газета. 2006. URL: <https://rg.ru/2006/10/23/mironov-vengriya-anons.html>, свободный (дата обращения: 14.06.2018).
27. Стыкалин А.С. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе / [авт. предисл. Я.М. Райнер]. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 719 с.
28. Драматизм истории Венгрии в XX веке велик // Уроки истории XX век. 2014. URL: <http://urokiistorii.ru/article/52079>, свободный (дата обращения: 14.06.2018).
29. Гати Ч. Обманутые ожидания: Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 г.: [пер. с англ.]. М. : Моск. шк. полит. исслед., 2006. 301 с.
30. Чехословакия 68 // Литературная газета. 2014. URL: <http://lgz.ru/article/-21-6599-31-05-2017/chekhoslovaqiya-68/> (дата обращения: 14.06.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 13 марта 2020 г.

Interpreting the “Hungarian Events” of 1956 in Russian Society

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 182–187.

DOI: 10.17223/15617793/456/21

Nikita A. Parchenko, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Nikita090191@mail.ru

Keywords: Hungary; political crisis; historiography; USSR foreign policy; Eastern Europe.

The author analyses the development of the national social thought and highlights the main trends in determining the nature and significance of the Hungarian political crisis of 1956 in the Soviet period and the present. The author developed his own approach to the modern understanding of the essence and meaning of the “Hungarian Events” of 1956. He aims to analyse the genesis of opinions on the nature and significance of the Hungarian political crisis in Russian public life. The study is based on the theoretical material of the works by E. Hollós, M. Szabo, L.N. Nezhinsky, B.I. Zhelitsky, V.L. Musatov, A.S. Stykalin, G. Szvák, T.Yu. Pynina, P.N. Laschenko, V.V. Leonidov, Ch. Gati, and other prominent scholars, as well as materials of the national press. The author comes to the conclusion that experts of the Soviet period adhered to the official position of the CPSU on the nature and significance of the described events, which justified the Soviet intervention in the internal affairs of a sovereign state under the auspices of the suppression of counter-revolution provoked by internal and external factors. A reevaluation of the events became possible only at the turn of the 1990s on the basis of the political changes that occurred in Russia and Eastern Europe. A significant role in the reevaluation belonged to the discovery of a whole complex of previously inaccessible sources, which contributed to a fundamental revision of the events in question in the context of recognizing the short-sightedness and illegality of the Soviet military intervention in the internal political conflict in Hungary. However, up to the present, the Russian press and literature show a tendency for a biased assessment of the “Hungarian Events” of 1956 regarding their essence and consequences both for Hungary itself, and for the USSR and modern Russia. The authors of the above-mentioned sources deliberately hypertrophy the activities of the special services of some Western states, bypassing the historical data and the current historical research on this topic. Thus, the essence of the above-mentioned events is determined in the context of the subjective positions of the authors: the revolution, the planned coup. At the same time, attention is not drawn to the objective reasons and prerequisites for the Hungarian crisis of 1956, which were indicated by Soviet sources.

REFERENCES

1. Hollós, E. & Lajtai, V. (1985) *Kholodnaya voyna protiv Vengrii: 1956 g.* [A Cold War Against Hungary: 1956]. Translated from Hungarian. Moscow: Progress.
2. Szabo, M. (1987) *Tikhaya voyna: vospominaniya* [A Quiet War: Memoirs]. Translated from Hungarian. Moscow: Voennoe izd-vo.
3. Berets, Ya. (1986) *Krakh operatsii “Fokus”* [The Collapse of the “Focus” Operation]. Translated from Hungarian. Moscow: Politizdat.
4. Zhelitski, B.I. (1992) *Vengriya 1956 goda: Evolyutsiya otsenok istorikov* [Hungary in 1956: The evolution of historians’ assessments]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 3. pp. 18–35.
5. Nezhinskiy, L.N. (1969) *Ocherki istorii Narodnoy Vengrii: 1948–1962* [Essays on the History of the Hungarian People’s Republic: 1948–1962]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
6. Bulakh, S.Yu. et al. (1993) *Vengriya 1956 goda: ocherki istorii krizisa* [Hungary in 1956: Essays on the History of the Crisis]. Moscow: Nauka.
7. Novopashin, Yu.S. (ed.) (1993) *Politicheskie krizisy i konflikty 50–60 gg. v Vostochnoy Evrope* [Political Crises and Conflicts of the ‘50s and ‘60s in Eastern Europe]. Moscow: ISB.
8. Musatov, V.L. (1993) *Pyat’desyat shestoy: O sobytiyakh v Vengrii v 1956–1957 godakh* [Fifty-Six: On the events in Hungary in 1956–1957]. *Novoe vremya*. 8. pp. 38–39.
9. Lashchenko, P.N. (1989) *Vengriya, 1956 god* [Hungary, 1956]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 9. pp. 42–50.
10. Leonidov, V. (1989) *V poiskakh istiny: O sobytiyakh v Vengrii v 1956 godu* [In search of truth: On the events in Hungary in 1956]. *Novoe vremya*. 24. pp. 28–31.
11. Lyubishchev, A.A. (1991) *O smysle i znachenii vengerskoy tragedii* [On the sense and significance of the Hungarian tragedy]. *Znamya*. 10. pp. 173–179.
12. Musatov, V.L. (1994) *Tragediya Imre Nadya* [The Tragedy of Imre Nagy]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1. p. 167.
13. Stykalin, A.S. (2003) *Prervannaya revolyutsiya: Vengerskiy krizis 1956 goda i politika Moskvoy* [The Interrupted Revolution: The 1956 Hungarian Crisis and Moscow’s Policy]. Moscow: Novyy khronograf.
14. Okorokov, A.V. (2008) *Sekretnye voyny Sovetskogo Soyuz* [The Secret Wars of the Soviet Union]. Moscow: Eksmo.
15. Lavrenov, S.Ya. & Popov, I.M. (2003) *Sovetskiy Soyuz v lokal’nykh voynakh i konfliktakh* [The Soviet Union in Local Wars and Conflicts]. Moscow: AST; Astrel’.
16. TASS. (2016) *Vengerskoe vosstanie 1956 g. Dos’e* [The 1956 Hungarian Revolt. A Dossier]. [Online] Available from: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3725940>. (Accessed: 10.06.2018).
17. TASS. (2016) *Padenie Budapeshta: 60 let nazad sovetskie tanki podavili vengerskoe vosstanie* [The Fall of Budapest: 60 Years Ago, Soviet Tanks Suppressed the Hungarian Revolt]. [Online] Available from: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3765068>. (Accessed: 10.06.2018).
18. Nakanune.ru. (2016) *Khroniki lzhi “El’tsin-tsentra”: nedobitykh vengerskikh fashistov vystavlyayut “bortsami za svobodu”?* [The Chronicles of Lies of the “Yeltsin Center”: Hungarian Fascists Who Were Not Killed Are Presented as “Freedom Fighters”?]. [Online] Available from: <http://www.nakanune.ru/articles/112261/>. (Accessed: 14.06.2018).
19. Rogoza, S.L. & Achkasov, N.B. (2005) *Zasekrechennyye voyny, 1950–2000 gg.* [Secret Wars, 1950–2000]. Moscow; Saint Petersburg: AST; Poligon.
20. Zdanovich, A.A. et al. (2009) *Vengerskie sobytiya 1956 goda glazami KGB i MVD SSSR: sb. dok.* [The Hungarian Events of 1956 Through the Eyes of the KGB and the USSR Ministry of Internal Affairs: Documents]. Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia.
21. Szvák, G. (2010) *Russkaya paradigma: rusofobskie zametki rusofila* [The Russian Paradigm: Russophobic Notes of a Russophile]. Saint Petersburg: Aleteya.
22. Baykov, V.S. (2016) *1956. Vengriya glazami ochevidtisa* [1956. Hungary Through the Eyes of an Eyewitness]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
23. Zhelitski, B.Y. (2017) *Vengriya noveyshikh vremen: ocherki politicheskoy istorii 1944–1994 gg.* [Hungary in Modern Times: Essays on the Political History of 1944–1994]. Moscow: Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.
24. Pynina, T.Yu. (2016) *Pechat’ Vengerskoy Narodnoy Respubliki v politicheskuyu epokhu Yanosha Kadara (1956–1989 gody)* [The Press of the Hungarian People’s Republic in the Political Era of Janos Kadar (1956–1989)]. Moscow: RUDN University.
25. *BBC Russia*. (2006) *Rossiya i Vengriya ob’yavlyayut 1956 g. god istoriy* [Russia and Hungary declare 1956 a history]. [Online] Available from: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_4760000/4760856.stm. (Accessed: 14.06.2018).
26. *Rossiyskaya gazeta*. (2006) *Sergey Mironov prinyal uchastie v meropriyatiyakh po sluchayu 50-letiya sobytiy 1956 goda v Vengrii* [Sergei Mironov took part in the events on the occasion of the 50th anniversary of the 1956 events in Hungary]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2006/10/23/mironov-vengriya-anons.html>. (Accessed: 14.06.2018).
27. Stykalin, A.S. (2016) *Vengerskiy krizis 1956 goda v istoricheskoy retrospektive* [The 1956 Hungarian Crisis in Historical Retrospective]. Moscow: Dmitry Pozharsky University.

28. Uroki istorii XX vek. (2014) *Dramatizm istorii Vengrii v XX veke velik* [The drama of the history of Hungary in the 20th century is great]. [Online] Available from: <http://urokiistorii.ru/article/52079>. (Accessed: 14.06.2018).
29. Gati, Ch. (2006) *Obmanutyje ozhidaniya: Moskva, Vashington, Budapesht i vengerskoe vosstanie 1956 g.* [Failed Illusions: Moscow, Washington, Budapest, and the 1956 Hungarian Revolt]. Translated from English. Moscow: Mosk. shk. polit. issled.
30. *Literaturnaya gazeta*. (2014) Chekhoslovakiya 68 [Czechoslovakia 68]. [Online] Available from: <http://lgz.ru/article/-21-6599-31-05-2017/chekhoslovakiya-68/>. (Accessed: 14.06.2018).

Received: 13 March 2020

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.062

Т.А. Костюкова, Е.Ю. Ливенцова, А.В. Ларионова, А.П. Фахретдинова, О.Н. Асютина

РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМОВ АДАПТАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МИГРАНТОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УНИВЕРСИТЕТОВ ТОМСКА)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-013-00571 А.

Исследованы механизмы адаптации образовательных мигрантов к новой социокультурной среде города и образовательной среде избранного университета. Проведен анализ деятельности томских университетов по адаптации иностранных студентов. Выявлены проблемы и особенности работы с образовательными мигрантами. Предложен ряд рекомендаций, которые могут быть учтены при разработке программ адаптации образовательных мигрантов в рамках реализации национального проекта «Образование» и регионального проекта «Большой университет».

Ключевые слова: иностранные студенты; образовательная миграция; адаптация; социокультурная среда; Томск; университеты.

Введение. Образовательная миграция на сегодняшний день является одной из актуальных проблематик в мире, что обусловлено повышением мобильности населения в целом, стремлением человека познавать инновационные практики, получать новый опыт, в том числе образовательный и социокультурный. Образовательная миграция – позитивный процесс, способствующий повышению различных показателей (социальных, экономических, образовательных и т.п.) и приносящий выгоду обеим сторонам – принимающему университету и иностранным студентам [1]. Однако, наряду с позитивными эффектами, рост образовательной миграции несет и ряд трудностей, возникающих при непосредственном взаимодействии иностранных студентов с новыми средами (социокультурной и образовательной), а также принимающим сообществом, что требует их осмысления и профилактики с помощью различных адаптационных технологий. В широком смысле образовательная миграция представляет собой перемещение учащихся (школьников, студентов, аспирантов, докторантов) с целью получения разного уровня образования и перемещение специалистов с целью осуществления профессиональной деятельности (преподавательской, научно-исследовательской и т.п.) [2]. В данной статье авторы рассматривают один из аспектов образовательной миграции – перемещение студентов между странами с целью получения высшего образования.

Анализ образовательных миграционных потоков в России показал, что особый интерес для иностранных студентов представляют Центральный и Южный регионы, а это обуславливает необходимость стимулирования образовательной миграции и в иные региональные университеты (уральские, приволжские, северо-западные и др.), с целью наращивания иностранного контингента студентов в контексте важности и необходимости интернационализации вузов. Среди проблем адаптации иностранных студентов к новой социокультурной среде особое значение играют социально-психологические проблемы, которые требуют более длительного времени для решения, в отличие, например, от юридических, жилищно-бытовых и прочих.

Что касается изучения феномена образовательной миграции на территории Сибири, то здесь можно указать на отсутствие репрезентативных исследований, охватывающих весь спектр комплексных проблем социализации и инкультурации разных категорий иностранных студентов. Отсутствуют валидизированные теоретические модели исследования и апробированные психолого-педагогические методы работы как с мигрантами, так и с принимающей стороной. Социокультурное пространство Сибири является мультикультурным, вмещающая в себя более 100 национальностей. Соседство представителей стольких культур со своими социокультурными стереотипами, традициями, картиной мира образует определенную атмосферу принимающего региона, что может затруднять адаптацию мигрантов на его территории. Поэтому одним из необходимых условий адаптации иностранных студентов в Сибири должна стать разработка собственной стратегии с учетом разнообразия этнических и культурных особенностей принимающего населения. Этому может способствовать формирование представлений приезжих о региональных культурных особенностях принимающего населения Сибири, формирование общей для всех территориальной идентичности как основы самоидентификации образовательных мигрантов.

Цель статьи – на примере университетов города Томска осуществить сравнительно-сопоставительный анализ технологий адаптации образовательных мигрантов в Сибирском регионе к новой образовательной и социокультурной средам и предложить рекомендации по улучшению качества данного процесса.

После Москвы и Санкт-Петербурга Томский регион занимает третье место по доле студентов в общей численности населения [3]. Ежегодно в шесть томских государственных университетов поступают не только выпускники региональных школ, но и других субъектов РФ, а также других стран. По данным администрации Томской области в 2019 г. в университетах Томска обучаются 10 114 иностранных студентов из 93 зарубежных стран – это около 20% от всех студентов [4]. По прогнозам, их число будет увеличиваться и через 5–7 лет удвоится. Поэтому вопрос эф-

фективной адаптации иностранных студентов к новой образовательной и социокультурной средам является актуальным для университетов Томской области. Кроме того, сегодня этот вопрос актуализируется в связи с реализацией новых программ стратегического развития на территории региона:

– задач национального проекта «Образование» и стратегии социально-экономического развития Томской области (предполагается, что к 2025 г. количество иностранных студентов в Томске достигнет 22–25 тысяч);

– по формированию агломерации томских вузов и НИИ в «Большой университет» с целью активизации инновационной среды Томской области.

Адаптация иностранных студентов – многогранный феномен; от эффективности адаптации зависит социально-психологический комфорт и качество получаемого образования. В научной литературе выделяют аккультурацию как одну из наиболее успешных стратегий адаптации, суть которой в сохранении образовательными мигрантами своих культурных норм и ценностей и усвоение ими и инокультурных атрибутов (В.В. Кашпур, И.Г. Поправко) [5]. Данная стратегия предполагает также включение в межкультурный диалог образовательных мигрантов и принимающего сообщества, усвоение мигрантами базовых ценностей, знаний и образцов новой социокультурной среды, а также создание условий в социальных институтах принимающей стороны для всех участников образовательного процесса и местного населения (М.А. Южанин) [6].

Ряд исследователей (А. Abbott, Т. Agasisti, D. Bessey, A. Dal Bianco, M. Silles, А.А. Вартанян, Н.В. Виничук, О.А. Иванова, И. Пеич, Е.Е. Письменная, И.А. Поздняков, С.В. Рязанцев, Н.Л. Сунгурова) выделяют следующие факторы, влияющие на выбор иностранными студентами места обучения, которые оказывают наибольшее влияние на процесс адаптации студентов в дальнейшем: язык, географическое расположение, часовой пояс, наличие этнического сообщества в стране расположения вуза, социально-экономическое и политическое благополучие принимающей страны, безопасность проживания, рейтинг образовательных учреждений, наличие международных программ, рекомендации знакомых относительно качества образования и психологического комфорта нахождения в стране / регионе [7–15], которые можно сгруппировать в образовательные, социокультурные и психологические.

Т.В. Киящук и А.А. Киящук выделяют индивидуальные и групповые факторы-показатели, оказывающие воздействие на уровень адаптации иностранных студентов к среде, в которой они оказались. К индивидуальным отнесены жизненный опыт, возраст, происхождение и пол, а к групповым – степень сходства и различия между культурами, особенности страны пребывания, организация учебного процесса, наличие или отсутствие языкового барьера, психологическая атмосфера в академической группе и удовлетворённость стилем общения с преподавателями, установленные контакты в межнациональных группах и т.д. [16].

Согласно данным последних исследований образовательной миграции в Томской области, межэтнические отношения характеризуются как благоприятные. А.Ю. Рыкун, М.О. Абрамова, Е.В. Сухушина (2017) выявили, что в Томске преобладает позитивное отношение принимающего сообщества, а именно учащейся молодежи к иностранным студентам, так как образовательные мигранты влияют на обеспечение университетам международной известности, привносят этническое разнообразие, обогащают культуру региона (2006 г.) [17]. Исследователями Т.А. Булатовой, А.П. Глуховым на материалах 20 глубинных полуструктурированных интервью с иностранными студентами томских вузов из стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья были выявлены социально-коммуникативные и психологические проблемы в межэтнических отношениях образовательных мигрантов и принимающего населения [18]. Одной из таких проблем является предпочтение иностранными студентами социальных контактов в пределах их собственной группы, что может несколько затруднять процесс адаптации к новой образовательной и социокультурной средам.

Методология и методы исследования. В методологию исследования положен междисциплинарный подход, раскрывающий особенности и взаимосвязи различных аспектов антропологического знания (философского, культурологического, социально-психологического, педагогического) по проблеме адаптации иностранных студентов к новой образовательной среде. Выделение современных актуальных проблем поликультурного взаимодействия в образовательной среде позволит разработать новые способы их решения. Результаты исследования позволят системно рассмотреть факторы, способствующие лучшей адаптации образовательных мигрантов.

Ведущим методом исследования избран сравнительно-сопоставительный анализ направлений, ресурсов и организационно-педагогических форм адаптации образовательных мигрантов к новым условиям через анализ официальных сайтов государственных университетов г. Томска, отражающих данное направление деятельности, а также методы глубинного интервью и анкетирования.

Результаты исследования и их обсуждение. Для определения особенностей и эффективности адаптационных технологий в отношении иностранных студентов в томских вузах было проведено трехэтапное исследование. **На первом этапе** осуществлен сравнительно-сопоставительный анализ имеющихся программ адаптации образовательных мигрантов в томских вузах. Авторами была проанализирована информация, находящаяся в открытом доступе на сайтах томских государственных университетов. Были выделены следующие основные направления работы томских вузов с иностранными студентами.

1. *Организационная поддержка и сопровождение иностранных студентов в пространстве вуза.* Адаптация иностранных студентов к новой социокультурной и образовательной средам в целом затруднена и требует определенных усилий со стороны всего коллектива университета. При этом сотрудничество с

внешними организациями и сообществами способствует более эффективному процессу адаптации образовательных мигрантов. Поэтому представляется эффективным создание при университетах специальных структур, которые берут на себя выполнение функций организации максимально комфортных условий для жизни и обучения иностранных студентов, в том числе организации их взаимодействия с университетской средой. Так, например, в Томском государственном университете работает Отдел социальной адаптации и сопровождения иностранных студентов [19], а в Томском политехническом университете – Отдел по работе с иностранными обучающимися [20]. Данные структуры являются для иностранных студентов неким «центром», куда всегда можно обратиться за помощью и поддержкой. На базе данных отделов созданы разговорные клубы, проводятся вечера русского языка, ориентационные недели для иностранных студентов и иные мероприятия.

2. *Языковая подготовка иностранных студентов.* Приоритетным фактором, определяющим эффективность образовательного процесса, становится овладение русским языком, на котором преимущественно ведется преподавание. Томские вузы создают разнообразные условия для решения данной проблемы, предлагая поэтапную языковую подготовку на подготовительных факультетах по оригинальным методическим системам. При этом иностранный студент только со 2-го курса включается в группу с российскими студентами, а на 1-м обучается в мультиязычной группе. В целом в университетах Томска реализуется множество программ языковой подготовки (языковые клубы / школы / курсы), ориентированных на эффективное овладение образовательными мигрантами русским языком и повышение уровня знания иностранных языков у русскоязычных студентов.

3. *Первичная адаптация иностранных студентов на территории города.* Основные функции первичной адаптации иностранных студентов к проживанию на территории Томска и взаимодействию с учреждениями и сообществами города берут на себя в основном такие волонтерские организации, как, например, Online НИ ТГУ, Центр социально-профессионального волонтерства «UNIVOL» НИ ТГУ, «TSU – программы поддержки иностранных студентов посредством «buddyprogramme» НИ ТПУ и др). Данные объединения проводят для иностранцев различные квесты по ориентированию в городской среде, организуют социальные практики на базе общественных организаций города, организуют и проводят мультикультурные мероприятия (Международный день студентов, дни национальных культур, конкурсы талантов и пр.).

4. *Предоставление возможности сохранения идентичности и культурная адаптация иностранных студентов.* Опыт томских университетов показывает широкие возможности и различные направления социокультурной деятельности иностранных студентов: творческие вечера, презентации, викторины, национальные фестивали, конкурсы стихов русской поэзии на русском языке, постановку спектаклей на англий-

ском по повестям русских писателей и многое другое. Силами волонтеров университетов Томска ежегодно проводится открытый межнациональный фестиваль «ЭТНО-ночь», в рамках которого всех жителей региона знакомят с традициями разных стран, организуют интерактивные выставки и компьютерные викторины по страноведению.

Таким образом, данные анализа показали, что в университетах Томска ведется значительная работа с иностранными студентами. Однако на сегодняшний день она носит все же локальный характер, ее необходимо систематизировать и развивать для осуществления планов по развитию образовательной миграции в регионе и реализации регионального проекта «Большой университет». Для этого в рамках Регионального студенческого форума объединений иностранных студентов в 2018 г. было подписано соглашение между университетами об открытии в Томской области Межвузовского международного студенческого центра [21]. Планируется, что данный Центр станет площадкой для организации сотрудничества между всеми университетами в области создания общественных студенческих объединений и клубов, совместной реализации общественно значимых проектов и инициатив, а также развития дружеских отношений между народами.

Сравнительно-сопоставительный анализ опыта томских вузов с другими регионами позволил выделить ряд дополнительных действенных механизмов адаптации образовательных мигрантов к новой социокультурной среде. В процессе исследования проанализирован опыт российских университетов, в которых на сегодняшний день обучается наибольшее количество иностранных студентов, таких как Российский университет дружбы народов, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Казанский (Приволжский) федеральный университет [22–25], что позволяет утверждать следующее.

Во-первых, данные университеты уделяют особое внимание *построению комфортной атмосферы для совместной жизни российских и иностранных студентов.* Так, например, в РУДН развита система адаптационных (билингвальных) тренингов для студентов: «Учимся понимать друг друга» и «Эмоциональный интеллект и межкультурный диалог». Тренинги направлены на формирование адаптационных стратегий поведения, сплоченности группы, адекватного эмоционального реагирования в условиях многонационального вуза. Помощь иностранным студентам оказывают также студенты, владеющие иностранными языками, президенты землячеств [26]. Они организуют встречи, сопровождение и консультирование новых студентов и т.п.

Во-вторых, в вышеуказанных вузах большое внимание уделяется *организации интерактивных программ по изучению исторических мест и событий России, что, безусловно, способствует* освоению иностранцами социокультурного пространства неродной страны / города. На наш взгляд, эффективно было бы организовать такую деятельность в вузах Томска, причем не просто в формате единовременного посещения музея, а как системную деятельность на про-

тяжении всего периода обучения иностранных студентов в Томске.

В-третьих, важно отметить, что нахождение иностранного студента в чужой стране на протяжении всего обучения может быть связано с различными психологическими трудностями. Привлекательным является опыт РУДН, в котором действует *кабинет бесплатной психологической помощи*, куда может в любой момент обратиться любой студент как очно, так и дистанционно. При этом на базе кабинета дополнительно проводятся тренинги межкультурного взаимодействия [27].

В-четвертых, у иностранных студентов нет возможности официально трудоустроиться в России для отработки на практике полученных знаний. Помимо учебных практик, важно предоставить возможность иностранцам проявить себя в практической работе с различными целевыми группами. Так, в РУДН распространена *волонтерская деятельность* иностранных студентов, причем и за пределами университета (оказание помощи инвалидам, проекты по очистке русла рек, сортировке отходов и т.п.). Такая волонтерская деятельность позволяет иностранцам быстрее адаптироваться и овладеть языком принимающего сообщества [28].

Помимо вышеуказанного, отметим, что на сегодняшний день два университета г. Томска (НИ ТГУ и НИ ТПУ) участвуют в программе привлечения иностранных студентов для обучения в России, организованной Министерством науки и высшего образования РФ [29]. Но вместе с тем иностранным студентам предлагаются в основном программы

обучения на русском языке, что не увеличивает шансы привлечь больше иностранных студентов в регион. Кроме того, в рамках деятельности региональных университетов не уделяется должного внимания поддержке талантливых студентов из-за рубежа. Во многих высокорейтинговых университетах наблюдается система поддержки от покрытия стоимости обучения (существуют различные скидки на обучение за выдающиеся заслуги: 20%, 50%, 100%) до вручения именных стипендий за достижения в различных областях (учебная, отрасли научного знания, лидерство и др.). Подобный механизм позволил бы университетам Томска привлекать талантливых и амбициозных зарубежных студентов и магистрантов на обучение, формировать сообщество лидеров с полиэтнокультурной и средовой идентичностью.

Таким образом, вышеперечисленные механизмы представляются довольно несложными в организации, но эффективными и перспективными для внедрения в томские университеты.

На втором этапе исследования было проведено анкетирование иностранных студентов, целью которого являлось изучение особенностей адаптации образовательных мигрантов к новой социокультурной и образовательной средам. Анкета включала полузакрытые и открытые вопросы. В исследовании приняли участие 190 иностранных студентов томских вузов из стран СНГ и дальнего зарубежья, в возрасте от 16 до 26 лет (средний возраст 20 лет). Основные результаты анкетирования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Частотный анализ ответов иностранных студентов на вопросы анкеты

Вопросы	Частота ответов, %
Как долго Вы проживаете в России?	Менее года (53%), 1–3 года (35%), более трех лет (11%), другое (1%)
На каком языке Вы обычно общаетесь?	Всегда на русском (69%), на русском только по учебе (25%), на родном или на английском (6%)
Насколько Вы свободно говорите на русском языке?	Высокий уровень / свободное владение (21%), средний уровень (36%), низкий уровень (41%), пропустили вопрос (2%)
Узнали ли Вы что-то новое о русской культуре и традициях за период обучения?	Да (60%), нет (33%), другое (7%)
Какие Вы испытываете трудности в общении с коренными местными жителями?	Языковые (43%), культурные (10%), никакие (47%)
Что для Вас было наиболее трудным в первые месяцы проживания в России?	Русский язык (37%), погодные условия (32%), правила обучения в университете (10%), общение с преподавателями и сотрудниками (8%), общение с одноклассниками (6%), общение с местным населением (8%), тоска по дому (5%), не было трудностей (6%)
Почему Вы выбрали обучение в Томске (Сибири)? (не более двух вариантов ответа)	Всегда хотел побывать в России, Сибири (24%); хороший уровень образования, престижный университет (74%); привлекательные условия обучения, проживания (25%); легко поступить учиться (15%); не было других вариантов (5%); другое (6%)

Полученные данные демонстрируют, что наиболее существенным препятствием для эффективной адаптации иностранных студентов является «языковой барьер». Несмотря на то, что большинство опрошенных (69%) стараются общаться исключительно на русском языке, 41% имеют низкий уровень знания языка. При этом 24% указали на трудности в общении с разными оппонентами (преподаватели, одноклассники, местные жители), лишь 6% студентов не испытывали каких-либо трудностей в период адаптации к новой социокультурной среде. Больше половины ино-

странных студентов (60%) отмечают достаточно высокий прирост знаний о русской культуре и традициях за период обучения, при этом 40% опрошенных отметили, что не узнали ничего нового. Среди привлекательных сторон обучения в Томске большинство иностранных студентов (74%) отметили «уровень образования и престиж», условия проживания и обучения (25%) и само месторасположение вузов – Сибирь. В целом, результаты опроса свидетельствуют о том, что процесс социокультурной адаптации в Томске выстроен достаточно эффективно, однако требует

систематизации и масштабирования по задачам адаптации и охвату иностранных студентов.

На третьем этапе исследования с целью выявления проблем и особенностей работы с образовательными мигрантами были проведены разведывательные полуструктурированные интервью профессорско-преподавательского состава университетов Томска. В исследовании приняли участие 11 представителей профессорско-преподавательского состава и административных работников в качестве экспертов по проблеме исследования. Основным критерием для отбора участников интервью был многолетний опыт профессиональной деятельности с иностранными студентами из различных стран. В выборку вошли 4 кандидата наук, 1 профессор, 5 преподавателей без степени томских вузов (ТГУ, ТПУ, ТГПУ, ТУСУР) и 1 руководитель центра волонтерства, средний стаж работы составил 8 лет. Все сотрудники и представители профессорско-преподавательского состава имеют непосредственный опыт работы с иностранными студентами, осуществляют научное руководство курсовыми и дипломными проектами иностранцев. При разработке программы интервью мы опирались на исследования прошлых лет, проведенных коллегами по данной теме, позволяющие рассматривать межэтнические отношения в Томской области в целом как благоприятные, однако «вскрывающие» некоторые особенности в системе взаимоотношений образовательных мигрантов и других субъектов образовательного процесса [17].

Первая часть интервью была посвящена личному опыту взаимодействия преподавателей с иностранными студентами в условиях образовательной деятельности. По данным интервью чаще всего преподаватели ведут занятия у иностранных студентов из стран Азии (Китай, Вьетнам, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан) – 100% ответов, имеют опыт преподавания у иностранных студентов из европейских стран – 18%, из африканских стран – 9%. В настоящее время активно идет работа по привлечению студентов из стран Африки и Европы. Общие особенности студентов отдельных национальных групп отмечаются в 91% ответов.

У студентов из Средней Азии были отмечены трудности в первичной адаптации, плохое владение языком, бытовые проблемы, исполнительность (36%). Следующие цитаты респондентов наиболее отражают данную статистику: «...на первых курсах обучения испытывают большие трудности в адаптации»; «...им сложнее приходится в быту»; «...в общежитиях первое время студенты менее активны»; «...занимают позицию “отсидеть” пару или “чтобы не спросили”»; «...потом становятся даже более активными по сравнению с российскими, стремятся дополнительно получить задания».

У студентов из Европы были отмечены такие качества, как самостоятельность, открытость, общительность – 18% ответов («...более самостоятельны», «...с более выраженной субъектной позицией», «...более открыты к пробам нового опыта», «...более общительные и свободные»).

У студентов из Китая отмечены неразговорчивость и безэмоциональность при часто хорошем знании русского языка (отметили в 18% ответов). У студентов из Вьетнама – обособленность и трудности в выполнении заданий (9% ответов), отсутствие общих особенностей (9% ответов).

Участники интервью выделяют следующие основные трудности в преподавании дисциплин у иностранных студентов: самую очевидную трудность – плохое знание русского языка отметили в 73% ответов, необходимость индивидуального подхода к иностранным студентам в рамках стандартной образовательной программы – 9%, иностранным студентам требуется больше времени на подготовку – 9%.

В личном общении большинство отмечают, что нет никаких трудностей – 55% ответов, остальные указывают на такие трудности, как языковой барьер – 27% ответов, нежелание идти на контакт – 9%, непонимание домашнего задания – 9%, низкая мотивация к обучению – 9% ответов. Все участники исследования отмечают, что в учебных группах благоприятная атмосфера, русские и иностранные студенты не высказывают недовольства или жалоб в отношении друг друга (*«иностранцы студенты бывают даже более вежливыми и тактичными, нет особых трудностей, но если не понимали, приходилось индивидуально общаться»*).

Вторая часть интервью была посвящена изучению мнений преподавателей об организационных особенностях образовательной миграции в томских вузах. По мнению участников интервью, иностранных студентов в томские вузы привлекает: более низкая стоимость обучения – 55% ответов, престиж томских вузов – 55%, качество образования – 18%, атмосфера студенческого города – 2%. Среди факторов, способствующих развитию образовательной миграции в регионе, респонденты, имеющие опыт работы с иностранными студентами, отметили следующие: *«доступность поступления, большое количество бюджетных мест, более низкая стоимость обучения при высоком качестве образования, традиция преподавания, приобщение к научным исследовательским практикам, возможность мобильности, недорогое проживание, репутация, высокий рейтинг вузов, установленные контакты на региональном уровне между администрациями городов и стран, наличие программ по обмену, “шаговая” доступность в городе»*.

Из основных проблем адаптации иностранных студентов преподаватели выделяют: трудности «вхождения» в другую культуру – 45% ответов, языковой барьер – 36%, разница в изначальной подготовке и программах обучения – 18%, отсутствие подработки для иностранных студентов – 18%, суровый климат – 18% ответов. Среди факторов, препятствующих развитию образовательной миграции в регионе, респонденты отметили следующие: *«культурные различия социума, не всегда гостеприимное отношение местных жителей, разница в программах, системах обучения, отсутствие легитимных возможностей студентам официально подрабатывать, невозможность законно пройти стажировки в организациях /*

поехать на многие оплачиваемые форумы, суровый климат, непростые бытовые условия».

Среди положительных эффектов от увеличения образовательной миграции в Томске участники исследования отмечают: привлечение дополнительного финансирования – 36% ответов, выход на мировой образовательный уровень – 36%, повышение конкурентоспособности томских вузов – 27%, социокультурное обогащение – 18%.

К минусам были отнесены: возможное увеличение межэтнической напряженности – 18% ответов, повышение нагрузки на социальные институты и инфраструктуру города – 18%, снижение качества образования из-за плохого знания языка иностранными студентами – 9%.

Таким образом, преподаватели в целом отмечают позитивную атмосферу взаимодействия с иностранными студентами, так как большой опыт работы позволил выработать собственные стратегии в преподавании дисциплин с учетом языковых и культурных особенностей. Вместе с тем участниками интервью были предложены способы оптимизации обучения образовательных мигрантов томских вузов, такие как повышение вступительных требований в университеты; организация дополнительных курсов по русскому и английскому языку с обязательным тестированием уровня знания языка до начала обучения; включение дополнительных консультаций по предметам для иностранных студентов (по необходимости); разработка курсов повышения квалификации для преподавателей, направленных на развитие компетенций для работы с иностранными студентами; организация семинаров (желательно в интерактивной форме), посвященных особенностям российской культуры и коммуникации; усовершенствование работы службы наставничества и кураторства иностранных студентов. Преподавателями отмечается, что наличие единого механизма организации работы с иностранными студентами в образовательном процессе позволило бы оптимизировать и повысить эффективность их обучения и адаптации.

Заключение. Результаты проведенных исследований позволяют сформулировать ряд рекомендаций, которые могут быть учтены при разработке программ адаптации образовательных мигрантов в регионе в рамках реализации национального проекта «Образование» и регионального проекта «Большой университет».

Во-первых, с целью повышения качества образовательной деятельности с иностранными студентами представляется необходимым:

- создание модели педагогического сопровождения образовательных мигрантов с учетом их национальной специфики;
- организация подготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава с

целью формирования необходимых профессиональных компетенций для оптимизации преподавания в различных национальных группах;

- создание условий для языковой подготовки иностранных студентов и преподавателей, а также поощрение дополнительной работы преподавателей по индивидуальному консультированию иностранных студентов;

- включение культурологических, страноведческих этнографических дисциплин в программы обучения иностранных студентов;

- обеспечение финансовой и образовательной поддержки особо одаренных из них.

Во-вторых, эффективная адаптация иностранных студентов – образовательных мигрантов к новой социокультурной среде требует:

- разработки и внедрения механизмов, ориентированных на создание положительных образов русской культуры;

- развития системы волонтерских практик и профессиональных стажировок для иностранных студентов в организациях города и региона, что позволит студентам на практике продемонстрировать свои профессиональные и языковые компетенции, а также глубже погрузиться в российскую культуру.

В-третьих, значимым фактором адаптации образовательных мигрантов в вузе и регионе являются психологическая устойчивость и комфорт, которые могут быть достигнуты посредством:

- введения системы бесплатной психологической поддержки иностранных студентов (онлайн и офлайн консультирование, организация тренингов межкультурного взаимодействия и пр.);

- совершенствования службы наставничества и кураторства иностранных студентов;

- развития качества инфраструктуры и сервисов поддержки иностранных студентов в университетах и регионе.

В качестве отдельной рекомендации отметим, что одним из эффективных механизмов привлечения и адаптации образовательных мигрантов является информационная доступность. Анализ сайтов вузов Томска показал, что в тематических разделах часто публикуется информация отчетного характера или сообщения о прошедших культурных мероприятиях. Сайты недостаточно привлекательны и понятны для иностранных студентов, не обобщают положительный опыт обучения и адаптации в новой социокультурной среде. Поэтому в рамках реализации проекта «Большой университет» видится актуальной разработка единого информационного ресурса, доступного и привлекательного для иностранных студентов, а также представляющего интерес и для российских студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фофанова К.В. К проблеме привлечения иностранных студентов в российские регионы // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2018. № 3 (3). С. 8–12.
2. Митин Д.Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2010. № 3. С. 123–133.
3. Барышева Ю.С., Краснопольская А. П. Трансформация идентичности в условиях социокультурного пространства мегаполиса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 108–115.

4. Доклад «О реализации государственной политики в сфере образования Томской области» // Законодательная дума Томской области. URL: <https://duma.tomsk.ru/upload/files/ino2019.pdf> (дата обращения: 14.04.2020).
5. Кашпур В.В., Поправко И.Г. Социокультурная адаптация мигрантов: Проблемы и стратегии (Томский кейс) // Вестник Томского государственного университета. 2012. 354. С. 88–93.
6. Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 70–77.
7. Abbott A., Silles M. Determinants of International Student Migration // *The World Economy*. 2016. Vol. 39, is. 5. P. 621–635. DOI 10.1111/twec.12319
8. Bessey D. International Student Migration to Germany // *Empirical Economics*. 2012. Vol. 42. P. 345–361. DOI 10.1007/s00181-010-0417-0
9. Agasisti T., Dal Bianco A. Determinants of College Student Migration in Italy: Empirical Evidence from a Gravity Approach // *Social Sciences Research Network*. 2007. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1063481 (дата обращения: 14.04.2020). DOI: 10.2139/ssrn.1063481
10. Вартанян А.А. Международная образовательная миграция: региональный аспект // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 2. С. 113–121.
11. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Кань Тоан Нгуен, Лукьянец А.С. Миграционный потенциал Вьетнама в контексте образовательной миграции в Россию // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2015. № 2. С. 55–65.
12. Поздняков И.А. Проблемы адаптации иностранных студентов в России в контексте педагогического сопровождения // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2010. № 121. С. 161–166.
13. Психологическое сопровождение межкультурной адаптации иностранных студентов в полиэтническом образовательном пространстве ДВФУ: групповые формы работы / под общ. ред. Н.В. Винничук. Владивосток: ДВФУ, 2013. 112 с.
14. Иванова О.А. Формирование учебно-профессиональной Я-концепции иностранных студентов с разным уровнем межкультурной адаптации. Воронеж: ЦНТИ, 2014. 231 с.
15. Сунгурова Н.Л., Пенч И. Культурный интеллект и стратегии когнитивной регуляции эмоций как предикторы социокультурной адаптации иностранных студентов в процессе обучения в международном вузе // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 448. DOI: 10.17223/15617793/448/24.
16. Кияшук Т.В., Кияшук А.А. Виды адаптации иностранных студентов к условиям обучения и проживания в России // *Вестник РУДН*. 2010. № 1. С. 25–28.
17. Рыкун А.Ю., Абрамова М.О., Сухушина Е.В. Отношение молодежи г. Томска к трудовым и образовательным мигрантам (на примере исследования молодежи г. Томска) // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2017. № 37. С. 172–182.
18. Булатова Т.А., Глухов А.П. Состояние межэтнических отношений в Томске в оценке образовательных мигрантов // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 43. С. 117–122.
19. О нас // Центр сопровождения иностранных студентов НИ ТГУ. URL: <http://studentcenter.tsu.ru/content/o-nas> (дата обращения: 08.04.2020).
20. Отдел по работе с иностранными обучающимися НИ ТПУ. URL: <https://tpu.ru/university/structure/department/view?id=7776> (дата обращения: 14.04.2020).
21. ТПУ вместе с университетами Томска создает межвузовский центр по работе с иностранными студентами // *Служба новостей ТПУ*. URL: <https://news.tpu.ru/news/2018/11/16/33972/> (дата обращения: 15.04.2020).
22. Поступление для иностранных граждан // *Российский университет дружбы народов*. URL: <http://www.rudn.ru/admissions/admission-for-foreign-citizens> (дата обращения: 15.04.2020).
23. Иностранному студенту // Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. URL: <https://www.spbstu.ru/students/foreign-student/> (дата обращения: 16.04.2020).
24. Подготовительный факультет // Казанский (Приволжский) федеральный университет. URL: <https://prepschool.kpfu.ru/> (дата обращения: 14.04.2020).
25. Иностранные студенты российских вузов // *Study in Russia*. URL: https://studyinrussia.ru/actual/articles/inostrannye-studenty-rossiyskikh-vuzov/?sphrase_id=166926 (дата обращения: 14.04.2020).
26. Студенческие организации и объединения // *Российский университет дружбы народов*. URL: <http://www.rudn.ru/life/student-organisations/list> (дата обращения: 14.04.2020).
27. Психологическая служба для студентов: быть услышанным и получить обратную связь // *Российский университет дружбы народов*. URL: https://www.spbstu.ru/media/news/studencheskaya_zhizn/psikhologicheskaya_sluzhba_dlya_studentov_byt_uslyshannym_i_poluchit_obratnuyu_svyaz/?sphrase_id=1473575 (дата обращения: 16.04.2020).
28. Волонтерство // *Российский университет дружбы народов*. URL: <http://www.rudn.ru/life/volunteering> (дата обращения: 14.04.2020).
29. Лучшие университеты в России // *Study in Russia*. Сайт Министерства науки и высшего образования РФ. URL: <https://studyinrussia.ru/study-in-russia/scholarships/> (дата обращения: 16.04.2020).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 11 мая 2020 г.

Developing Mechanisms for Educational Migrants' Adaptation: Problems and Solutions (On the Example of Tomsk Universities)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 188–196.

DOI: 10.17223/15617793/456/22

Tatiana A. Kostyukova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kostyukova@inbox.ru

Evgeniya Yu. Liventsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evg.liv@mail.ru

Anastasia V. Larionova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anpavlar@mail.ru

Aleksandra P. Fakhretdinova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maltsevaal@yandex.ru

Oksana N. Asyutina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: asyutina55@mail.ru

Keywords: international students; educational migration; adaptation; sociocultural environment; Tomsk; universities.

The study is supported by the Russian Foundation For Basic Research, Project No. 19-013-00571 A.

The aim of this research is to generalize the experience of Tomsk universities in adapting educational migrants to the new educational and sociocultural environment and present recommendations for improving the quality of this process. For Tomsk Oblast, the study is relevant in connection with the implementation of the tasks of the national project “Education” and the formation of an agglomeration of Tomsk universities and research institutes into a “Big University” in order to activate the innovation environment. To determine the specifics and effectiveness of adaptation technologies in relation to international students in Tomsk universities, a two-

stage study was conducted. The first stage was aimed at the monitoring and critical analysis of existing programs for the adaptation of educational migrants in Tomsk state universities. The main directions of Tomsk universities' work are determined: organizational support and support of international students in the university space, language training of international students, primary adaptation of international students in the city, sociocultural adaptation of international students. The purpose of the second stage was to identify the problems and features of working with educational migrants in universities by conducting semi-structured interviews with university academic staff and employees who have direct experience of working with international students. As a result, the authors have proposed ways to optimize the training of educational migrants in Tomsk universities, such as: increasing the entrance requirements to universities, organizing additional courses in Russian and English with mandatory testing of the level of knowledge of the language before starting training, and others. In general, the results of the study made it possible to formulate a number of recommendations for three main groups: educational, sociocultural, and psychological. An effective organization of international students' adaptation in the region requires: developing a unified model of pedagogical support for educational migrants, taking into account their national specifics; organizing training and professional development of university academic staff in order to form the necessary professional competencies to optimize teaching in various national groups; including cultural, country-specific and ethnographic disciplines in the training programs of international students; developing mechanisms aimed at creating positive images of Russian culture; improving mentoring and curating services for international students; increasing the quality of infrastructure and support services for international students in universities and the region, and others. The findings and recommendations can be taken into account when developing adaptation programs for educational migrants in the region.

REFERENCES

- Fofanova, K.V. (2018) Towards the problem of attracting foreign students to Russian regions. *Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya*. 3 (3). pp. 8–12. (In Russian).
- Mitin, D.N. (2010) Educational migration: the notion, problems and ways of solution. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya – RUDN Journal of Politology*. 3. pp. 123–133. (In Russian).
- Barysheva, Yu.S. & Krasnopol'skaya, A.P. (2015) Transformation of identity in the context of social and cultural space of the metropolis. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – The Bulletin of Moscow State University of Culture And Arts*. 6 (68). pp. 108–115. (In Russian).
- Zakonodatel'naya дума Tomskoy oblasti [The Legislative Duma of Tomsk Oblast]. (2019) *Doklad "O realizatsii gosudarstvennoy politiki v sfere obrazovaniya Tomskoy oblasti"* [Report "On the implementation of state policy in the field of education in the Tomsk region"]. [Online] Available from: <https://duma.tomsk.ru/upload/files/ino2019.pdf>. (Accessed: 14.04.2020). (In Russian).
- Kashpur, V.V. & Popravko, I.G. (2012) Socio-Cultural Adaptation of Migrants: Problems and Strategies (Tomsk Case). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 354. pp. 88–93. (In Russian).
- Yuzhanin, M.A. (2007) Sociocultural adaptation in alien ethnic environment. Conceptual approaches to analyses. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 70–77. (In Russian).
- Abbott, A. & Silles, M. (2016) Determinants of International Student Migration. *The World Economy*. 5 (39). pp. 621–635. DOI: 10.1111/twec.12319
- Bessey, D. (2012) International Student Migration to Germany. *Empirical Economics*. 42. pp. 345–361. DOI: 10.1007/s00181-010-0417-0
- Agasisti, T. & Dal Bianco, A. (2007) Determinants of College Student Migration in Italy: Empirical Evidence from a Gravity Approach. *Social Sciences Research Network*. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1063481. (Accessed: 14.04.2020). DOI: 10.2139/ssrn.1063481
- Vartanyan, A.A. (2016) International student migration: regional aspect. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 2 (60). pp. 113–121. (In Russian).
- Ryazantsev, S.V. et al. (2015) Migration potential of Vietnam in the context of educational migration in Russia. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo – Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. 2. pp. 55–65. (In Russian).
- Pozdnyakov, I.A. (2010) The issues of adaptation of foreign students in Russia in the context pedagogical support. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 121. pp. 161–166. (In Russian).
- Vinichuk, N.V. (ed.) (2013) *Psikhologicheskoe soprovozhdenie mezhkul'urnoy adaptatsii inostrannykh studentov v polietnicheskom obrazovatel'nom prostranstve DVFU: gruppovye formy raboty* [Psychological Support of Intercultural Adaptation of Foreign Students in the Multi-ethnic Educational Space of FEFU: Group forms of work]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.
- Ivanova, O.A. (2014) *Formirovanie uchebno-professional'noy Ya-kontseptsii inostrannykh studentov s raznym urovnem mezhkul'urnoy adaptatsii* [Formation of Educational and Professional Self-concept of Foreign Students with Different Levels of Intercultural Adaptation]. Voronezh: TsNTI.
- Sungurova, N.L. & Pejic, I. (2019) Cultural intelligence and strategies of cognitive regulation of emotions as factors of foreign students' sociocultural adaptation while studying in an international university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 193–198. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/24
- Kiyashchuk, T.V. & Kiyashchuk, A.A. (2010) Adaptation kinds of foreign students to the conditions of education and residence in Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika – RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 1. pp. 25–28. (In Russian).
- Rykun, A.Yu., Abramova, M.O. & Sukhushina, E.V. (2017) Attitude of the young of Tomsk to the work and educational migrants (by an example of the study of the young of Tomsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 37. pp. 172–182. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/37/17
- Bulatova, T.A. & Glukhov, A.P. (2018) The state of inter-ethnic relations as assessed by education migrants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 43. pp. 117–122. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/43/11
- TSU International Student Services Centre. (2020) *O nas* [About us]. [Online] Available from: <http://studentcenter.tsu.ru/content/o-nas>. (Accessed: 08.04.2020).
- Otdel po rabote s inostrannymi obuchayushchimisya NI TPU* [TPU International Students Department]. [Online] Available from: <https://tpu.ru/university/structure/department/view?id=7776>. (Accessed: 14.04.2020).
- TPU News Office. (2018) *TPU vmeste s universitetami Tomsk sozdaet mezhvuzovskiy tsentr po rabote s inostrannymi studentami* [TPU together with the universities of Tomsk creates an interuniversity center for work with foreign students]. [Online] Available from: <https://news.tpu.ru/news/2018/11/16/33972/>. (Accessed: 15.04.2020).
- Peoples' Friendship University of Russia. (2020) *Postuplenie dlya inostrannykh grazhdan* [Admission for foreign citizens]. [Online] Available from: <http://www.rudn.ru/admissions/admission-for-foreign-citizens>. (Accessed: 15.04.2020).
- Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. (2020) *Inostrannomu studentu* [To Foreign Student]. [Online] Available from: <https://www.spbstu.ru/students/foreign-student/>. (Accessed: 16.04.2020).

24. *KFU Preparatory School*. [Online] Available from: <https://prepschool.kpfu.ru/>. (Accessed: 14.04.2020).
25. Study in Russia. (2020) *Inostrannye studenty rossiyskikh vuzov* [International Students at Russian Universities]. [Online] Available from: https://studyinrussia.ru/actual/articles/inostrannye-studenty-rossiyskikh-vuzov/?sphrase_id=166926. (Accessed: 14.04.2020).
26. Peoples' Friendship University of Russia. (2020) *Studencheskie organizatsii i ob"edineniya* [Student organizations]. [Online] Available from: <http://www.rudn.ru/life/student-organisations/list>. (Accessed: 14.04.2020).
27. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. (2015) *Psikhologicheskaya sluzhba dlya studentov: byt' uslyshannym i poluchit' obratnuyu svyaz'* [Psychological service for students: to be heard and get feedback]. [Online] Available from: https://www.spbstu.ru/media/news/studencheskaya_zhizn/psikhologicheskaya_sluzhba_dlya_studentov_byt_uslyshannym_i_poluchit_obratnuyu_svyaz/?sphrase_id=1473575. (Accessed: 16.04.2020).
28. Peoples' Friendship University of Russia. (2020) *Volonterstvo* [Volunteering]. [Online] Available from: <http://www.rudn.ru/life/volunteering>. (Accessed: 14.04.2020). (In Russian).
29. Study in Russia. (2020) *Luchshie universitety v Rossii* [The best universities in Russia]. [Online] Available from: <https://studyinrussia.ru/study-in-russia/scholarships/>. (Accessed: 16.04.2020). (In Russian).

Received: 11 May 2020

K. Nurdin, D. DeWitt, A.V. Sukhoverkhov

LANGUAGE AND CULTURE IN THE CLASSROOM SPACE: THE CASE STUDY OF A FOREIGN LANGUAGE ASSISTANT IN RUSSIA

This article presents the results of a case study that puts the classical and new educational models and methods to the test through practical implementation by a French foreign language assistant in Russia. On that basis, the authors revise the modern theories of language and intercultural communication. The research emphasises that for the efficient acquisition of foreign language and the development of cultural competences it is necessary to design a “learning microculture” and unique “ecology” of the classroom.

Keywords: second-language acquisition; learning microculture; situated learning; linguistic authenticity; intercultural competence.

Introduction

In the digital era which we live in, technology is invading almost all sectors of work. The phenomenon of ‘digitalisation of work’ has begun to disrupt the labour market, and digital skills are required to remain connected and up to date [1]. In the education sector, multimodal digital media such as video courses enable learners to see, hear and respond. That makes learning more effective and interactive [2, 3]. Digital materials provide the technical scaffold to enable learners to hear the genuine ‘melody’ or ‘romance’ of the unfamiliar language, forming the first representation of the country of origin and its citizens. The formation of such ‘mental images’, consciously or not, determines the conceptual and aesthetic classification of languages, as well as the intercultural ‘spread of authenticity’ [4]. It predisposes one’s future cultural and linguistic preferences, and could affect eventually the choice of the country one would wish to visit during their lifetime. In this regard, Claudine Moise [5] states that the vernacular appears to be “a product to exploit, an authenticity token in the eyes of the tourists who came in order to find a ‘true’ way of life and being...” [5. P. 97]. Moreover, studies also show that these first intercultural, tourism-based encounters significantly facilitate further learning of the preferred language or country [6].

Audio or video records give an impression of the culture and a feeling of its ‘authenticity’. However, a further step towards the promotion of true cultural and linguistic authenticity is attained with the introduction of the Foreign Language Assistant (FLA) program. If we acknowledge Durkheim’s statement that language is ‘a collective representation’ that embodies all the concepts that makes each nation unique, then FLAs are not just ‘promoters’ of their mother tongue at universities in foreign countries but also are the representatives of a particular social (cultural) identity for their students. In January 1989, a ministerial circular confirmed this purpose by stating that the FLA is “a guarantor of language authenticity; he can highlight its multiple varieties, contrasts, accents, and specifics for each region or country. He bears witness to cultural and linguistic reality” [7].

Our research on practice at the Kuban State Agrarian University confirmed the above statement. The students attending the French course conducted by the FLA were ‘first-time tourists’ and ‘consumers’ of authentic culture and the teacher was, at certain times, a cultural ‘object’, a ‘showplace’ that represented the image and identity of the

country. However, because many FLAs are not familiar enough with the language of the visiting country, they encounter cultural and pedagogical difficulties which are mainly: (1) identifying appropriate methods to organise and explain the necessary class activities without knowing the language of the learners, and (2) determining *universal means of communication* for a two-way learning bridge between differing cultures and languages.

In the case study presented, an action-oriented pedagogy was employed for a ‘cultural turn’ in language learning methodology [8–10] with reference to the theories and practices that emphasise systemic integrity of actions, language, thought and culture in both first and second language learning [11–13]. Foreign language instruction employs various cultural models which Liddicot [8] differentiates as the static and dynamic views of culture for foreign language instruction. In the static view of culture, foreign language instruction treats culture as facts and artifacts to be learnt such as information on the country, their people and their lives, while the dynamic view of culture considers foreign language instruction to include culture as *a set of practices* in which people engage and involve together with linguistic and non-linguistic practices of culture [8]. Students could successfully learn the factual cultural competence by themselves, but *how language is used* in a particular cultural context and how it represents ways of living is more effectively practised with FLAs. In our research, special attention was also paid to the ‘learning microculture’ that emerged as a result of interaction between teacher and students, which played a crucial role in the language/culture acquisition. In this regard, the main aim of this article is to present the results for a practical and theoretical solution of the abovementioned methodological/pedagogical problems and discuss the main findings of our research: the mediating role of classroom ‘microculture’ for the effective learning of language and the acquisition of relevant cultural competences.

Our research is based on the following theories and methodologies that, in our view, are crucial for foreign language teaching and learning:

1. *An ecological approach to the learning process that takes into account connections and relations between the learner and the sociocultural and physical environment* [14–16].

The foundation of the ecological approach to the learning process is the concept of ‘affordance’. For example, popularity of technical devices and telecommunications application software like WhatsApp, Skype, Viber,

and Line creates *social affordances* for others (including the older generation) to use them for learning. On the other hand, in many developing countries we can see very weak sociocultural affordance for second language acquisition because learning a foreign language may not be an advantage in one's future career [17, 12]. In this regard, the main and the initial task of the FLA or any other teacher is to create all necessary educational 'affordances' for learners of foreign language, at least within the classroom space. In ecological and learner-oriented pedagogy, the instructor also needs to adapt to the learners and consider the possibility of learners changing their actions depending on their perception of the system and the behaviour of the learning community, while providing learners with the freedom of choice to use appropriate tools, and for self-directed learning [15, 12].

2. *A methodological priority of holistic, situated, and intuitive learning over analytical, formal, theoretical, and grammar-centred learning* [18].

A holistic, situated and intuitive approach integrates action, emotions, context, and culture when learning a foreign language. It includes ideas of multiple intelligence theory, emotional intelligence, situated learning, translanguaging pedagogy, and multiliteracies theories [19, 20]. The types of cultural elements, which can be embraced in language instruction, correlate with Big-C and Little-c cultures. The elements of Big-C culture refer to an achievement culture, such as art, literature, music, architecture, heritage of civilization and thought, while Little-c culture refers to behaviour culture and culturally-influenced beliefs, perceptions, or ideas [21, 22]. This behaviour culture is referred to as 'micro-level culture' by Risager [23] and refers to behaviours and ideas such as customs, habit, foods, dress, leisure, beliefs, values, morality, institution and norm, social identity, social interaction, and daily routines. Hence, foreign language instruction with a holistic and situated approach should attempt to immerse the learner in both Big-C and Little-c cultures (replicated within a classroom space) and avoid reducing language learning just to the studying of grammatical rules.

3. *Theories that present sociocultural, intersubjective, and distributed models of language's nature and emphasise that shared memory, social interactions, (meta)cultural competence are crucial for the understanding of language emergence and learning* [24–29].

Language is not a fixed, universal skill or a system that pre-exists in the brain. As Hodges and Fowler [26] show, language is a dynamic, distributed, and collective entity embedded and embodied in specific contexts. Furthermore, language originates through real-life interactions and coordination among users in cognitive and communicative activities [27]. Only after these communication practices, prescriptive language 'rules' and structures are *theoretically* abstracted and decontextualized in order to simplify and systemise language teaching/learning.

Language cannot also be considered as an autonomous system; it is a part of distributed cognition and shared memory. Language is heterogeneous because it presupposes interactions with phenomena such as perception, action, brain, body, environment, artefacts, and different media [27]. Situated meanings are 'locally produced' dur-

ing conversations, as we engage in understanding and responding to earlier contributions, based on the emergent and self-organised processes that connect the person's brain, body and environment [27].

Implementation and 'case study' of these theories and methodologies in the Kuban State Agrarian University help us to: (1) revise and integrate modern studies of language; (2) practically evaluate models of the teaching/learning process; and (3) address the problem of language nature and emergence from an educational perspective.

First, we would like to consider how through interaction in the class, an 'in-between language', a special microculture and initial ecological 'affordance' were created that enabled the introduction of the French language and naturally scaffolded further learning. This approach will let us question how to bridge a 'communication gap' and get a better understanding of 'communicative distances' in the classroom.

The Microculture and Ecosystem of a Classroom

Becoming acquainted with a new language and culture is always not an easy task for both teacher and students, and especially for FLAs who are not familiar enough with the native language of the students. Our case study revealed in classes the solution to four problems for learning that optimise the educational process.

The first problem was a wide-ranging 'language barrier'. In the classroom space, the main solution comes from the support of those who have some proficiency in the foreign language. These students help to clarify tasks for other learners and direct the teacher's teaching towards appropriate levels of learning simplicity/complexity. However, even these students may not have vocabularies sufficient to convey all the necessary meanings for a real educational process. Therefore, the lecturer must invent on the spot new, universal means of communication that could be comprehensible to students with any level of linguistic competence.

The second problem was to provide students with educational props to maintain their attention so that they do not lose interest during the lengthy explanations on vocabulary or general grammatical rules (duration of a lecture is an hour and a half in Russia). The solution to these tasks is providing *ostensive definitions* (based on demonstration of defined objects or processes), context cues and hints as well as a reference to shared memory (previous experience). These 'situated' learning methods enabled intuitive learning among students, brought vividness to the educational process, merged 'linguaging' with real situations and minimized the conceptual interference of the students' mother tongue.

The third problem was cultural linguistic and non-linguistic biases. The first day of the course revealed that learners see and explain the unfamiliar via the familiar, showing linguistic/cultural biases of perception and 'conceptualisation', thus providing empirical evidence for the 'soft' version of 'linguistic relativity hypothesis' [29, 30]. For example, it is typical that beginners in the classroom tend to show a natural curiosity and try to compare the different meanings of the same (similar) word in both

languages. Usually, they smile when they recognise French words that sound like Russian but which may signify different things. For example, Russian students easily and with enjoyment recognise the words '*chanson*', '*à faire*', '*pomme d'or*', '*bistro*' and are interested to share with classmates and their teacher the Russian meanings which differ from the French. This little 'likeness' builds the first bridge between the two cultures, creating an in-between microculture and a medium for the exchange of meanings and ideas. Furthermore, such 'familiarity' with words makes students more self-confident about their linguistic skills and knowledge.

With hindsight, we could say that this specific 'experience' of cultural 'proximity', similarities between both languages, helped us to qualify Janet Lukens' assumptions on 'communicative distances' and 'intensities of ethnocentrism' [31. P. 143–158]. Our students discovered for themselves many similarities between their 'in-group' (Russian) and 'out-group' (French) cultural realities. At the same time, becoming aware that they could not rely on 'ethnocentric' interpretations, students showed a natural curiosity towards the unfamiliar and surprisingly new 'there' of French culture.

The fourth problem was a methodological (educational) transition of activities in class from students' perception (listening, watching, reading) to their action (speaking, writing, interacting). The main aim of it was to turn abstract (theoretical) 'language forms' into veridical 'coordination devices' that "serve to foster successful achievement of the joint aims of groups of individuals" [32. P. 175]. It is shown by many studies that even speech perception is based on and correlates with understanding (realisation) of actions [33, 34]. Therefore, even if students have understood the main differences between the two languages and the different concepts conveyed, learning cannot reach its maximum proficiency potential without 'practice' facilitated by a teacher and an 'ecosystem' of the classroom. Here we could recall that Marcel Mauss [35] paid particular attention to the fact that "even the most elevated collective representations have no existence, are not truly such, except insofar as they command acts" [35. P. 58].

For the accomplishment of this task, several comfortable conditions ('affordances') were created in class whereby students could feel that they are able to express themselves in a foreign language, intuitively understand each other and even create projects, in spite of their constant grammatical errors and obstructively 'tight' vocabulary. In the development of this competence, the most essential is the advancement of students' 'improvisation potential', creativity, and spontaneity in situations of 'linguistic uncertainty'. This is certainly the last and the most difficult step to do in a class because for many learners it seems impossible and they prefer to resort to their mother tongue when in situations of uncertainty.

Among the four educational problems, we focused on the fourth one—how to make the learning of language and authentic culture effective, embodied, and directed (inspired) not only by teachers but also students. The solution to this problem is essential because it is naturally integrated with and resolves the earlier problems. Let us

consider some theories and interventions that were tested in classes for its solution.

Personally, Socially and Technically Scaffolded Learning

It is evident that creativity among students without a counterbalanced creativity in the teacher is like phonetics without phonology—a lot of noise and very few 'logos'. Gladys C. Lipton [36] says that "FLAs must absolutely avoid teaching in a routine manner. Rather, they must be creative to capture the interest of students" [36. P. 878]. The real practice of classical, vocabulary- and grammar-centred methodology based on textbooks and long explanations of grammatical subtleties written on handouts or the blackboard has shown that, in the first half of the lectures, students were losing their interest, began to chat with each other or even fell asleep. To avoid that in our classes, traditional exercises of 'oral production' were transformed into 'oral interactions', where dialogues rather than just text readings were fostered, thus shifting from the transmission model of education to a participation model [37]. This transition significantly improved the effectiveness, ease and emotional richness of teaching and learning in the classroom.

To improve further interactivity, compensate for the narrowness of our conjoined vocabulary and colour the monochromatic nature of grammar exercises, we also resorted to silent movies. As proven by many researchers, films are a good starting point for novice learners that puts language in a relatively natural context [38]. In class, fragments of films were also used as an encouraging and 'self-explaining' educational prop that visually scaffolded the understanding (explanations) of dialogues and small texts.

Indeed, movies could represent language for different educational levels and present various 'cultural types' ranging from jargon and regional dialects to urban speech [39]. Nevertheless, due to the artificial and artistic nature of film scripts (film-directors project their own representation of reality), some researchers, like postmodern thinkers, are sceptical about the role of films for the demonstration of general cultural and linguistic authenticity. However, on this issue, there is an alternative point of view that movies are materials produced by native speakers for native speakers' use and that their authenticity lies in the reproduction of communicative events [40]. In this regard, unlike dialogues we could find in textbooks, films can provide insights into the reality of native speakers and, thanks to their special motivating feature, they help beginners learn faster and remember essential vocabulary better [41, 42].

When we started to use silent films in classes, we also had another strong theoretical presumption that non-verbal communication is universally understood and could be an effective ground for the first cultural and educational interactions. As pointed out by Loretta F. Kasper and Robert Singer:

<...> silent films convey meaning totally through visual imagery: its usefulness as a tool for ESL instruction may not be immediately apparent. <...> research in psychology maintains that visual processing is at the foundation of our language development

[Piaget and Inhelder] <...> psycholinguistic studies note that creating imagery associations to new vocabulary and language structures improves learning [43. P. 16–17].

Famous French actor Louis de Funès also stated that “‘Silent movies’ actors were very lucky: that it was silent in fact, there was no loop-hole speech <...> speaking is an easy solution. They (actors) had to express themselves [emphasize body language, in order to be understood by everyone]” [44].

In classes, we tried to confirm these statements (and our theoretical presumption) with three different groups of students from various departments, all beginners in French. They watched fragments of two movies in class. The first one was *The Artist* made by Michel Hazanavicius, in which Jean Dujardin, the main character (Artist), was interviewed by journalists [45, time 00:03–01:20]. It was a most difficult fragment for the students to interpret because there were few clues that could explain (cue) the content of the dialogue. Nevertheless, they were tasked to write in Russian *probable* dialogues describing what they had seen. If Louis de Funès’ statement appears correct, we should find nearly the same dialogue in each group. It turned out that in spite of the fact that they generally understood the action’s setting, only 30% of the dialogues were similar, with few variations. The other portion was dialogues which had completely different summaries, some were inspired by the film and some were not.

To some degree, this scaled down the theoretical value of our initial theory and confirmed studies that showed that the perception (interpretation) of movies has a strong subjective nature and is just an illusion of self-evident reality [46]. Differing interpretations of the film’s fragment also validated theories that culture, acquired life experience, and individual characteristics influence various ‘cognitive styles’ in understanding [47–49].

Considering these results, we decided to show students a fragment of the second movie with context-rich clues: *Le Gendarme à New York*, starring Louis de Funès. We chose a two-phased approach for this one: students watched a muted fragment three times (we called it ‘the English lesson’ [50, time: 00:00–00:40]) and then wrote their own versions of the possible dialogues from their observations. Next, we listened to it again with sound and compared the dialogue in the movie with the students’ written interpretations. It turned out that because actions presented in the movie were embedded with rich clues from the context (for example, a blackboard with a written representation of an English grammar lesson), nearly all of the students wrote dialogues similar to the original.

For the next class, their dialogues were translated into French to be performed by students. This exercise allowed students to express their own ideas in French, fully understand them because they remembered the scene they referred to, and even explain these ideas to their peers when asked by the teacher. Writing in Russian a text from their imagination and then acting it in French helped learners to form more solid, context-sensitive skills (and memories) of French vocabulary and could be a good example and argument in favour of translanguaging pedagogy [51. P. 140–158; 52].

The use of such an approach allowed students to discuss the cross-cultural meanings expressed by facial expression or body language. In the case of *Le Gendarme à New York*, it leads us to comment on how concepts such as ‘being rich’ or ‘being poor’ are expressed through non-verbal cues by French people. For example, the concept of ‘being poor’ was conveyed in the film by the gestures of Louis de Funès as he referred to a proverb “*se serrer la ceinture*” (to tighten one’s belt) and allowed students to have a context-sensitive grasp of the common French phrases. We believe that exercises like these help to improve ‘dialogic imagination’ [53], social and emotional intelligences of the group through the realization of individual (perceptual) differences of its participants. Using silent movies as a pedagogical prop (in the context of translanguaging) also supported the students’ attempts to shape their own vocabulary in a specific situation without ‘interferences’ from the teacher. Therefore, this case study could be an argument in favour of the fact that language learning is a form of social action [32] consisting in a “continuous adaptation of linguistic and other semiotic resources in response to locally emergent communicative needs” [54. P. 342].

From Spatial to Social Affordance

For the improvement of student-student and students-teacher interactions and the creation of a favourable atmosphere for discussion in the foreign language, another theory was put to the test—the significance of the arrangement of the classroom space. As some researchers indicate, the right organisation of space encourages and sustains interactions between the teachers and students as students are motivated to engage in discussion not only with the teacher but also among themselves [55]. Initially, the desks in the class were arranged in two parallel rows. Proficient students usually took the place in front of the teacher, while other students preferred to take the ‘safe’ and ‘peaceful’ rear seats. In changing this, our class was organized in a ‘horseshoe arrangement’ where students could see each other’s faces and were not able to hide behind their hardworking peers. In our case, this arrangement improved the interactions in class and, most importantly, encouraged the students, with the support of the teacher, to correct mistakes made by their peers. This collaboration among students with different levels of linguistic proficiency helped to establish ecologically, socially and technically ‘scaffolded’ and self-organized learning processes. Such socially scaffolded learning gives students the awareness that they can direct or influence the education process and be an active part of it.

The practical implementation of this educational strategy allows us to revise and further advance the concept of the ‘Zone of Proximal Development’ (ZPD). According to theory, the ZPD is “a phase in development in which a person is unable to perform a task alone, but can eventually accomplish and internalize it with the help and supervision of someone more experienced” [56. P. 2–3]. Our experience and studies of other researchers show that, at any stage (level) of learning, the main thread is defined not by the lecturer but by the students. With their interventions, difficulties or new ideas, they model language taught in a

course in a unique way. In this regard, Joan Bliss wrote: “< . . > in the school context, the (Zone of Proximal Development) is not characterized by an invariant task because the negotiation between teacher and child may change it” [57. P. 39].

This lets us state that the educational process could be seen as a nonlinear system and classes as dynamic, self-organizing systems that are based on interactions and previous socially inherited experience. In such systems, the teacher is the ‘constituent’ that has his or her own Zone of Proximal Development and just partly formalizes the plan of the lecture, which largely emerges from specific interactions during the class.

Foreign Language Learning and the Emergence of Microculture

Jose Louis Lalueza and his colleagues define education “as a process of (re)construction of a culture in which old and new meanings are shared in some way by different actors” [37. P. 17]. This definition expresses the very essence of language learning and teaching. At the beginning of the course, we noticed that students’ usage of their mother tongue to help each other in some translation, was an erroneous initiative. Later, it conditioned situations wherein all students’ participation and comments were exclusively in Russian and not in French, as they had formed their beliefs that they could not express themselves otherwise.

To change this negative trend, we supported in-class initiatives for the explanation of problems and the articulation of questions in French. However, what we had acquired after several classes was something different. Because of the diversities of questions and a dramatic lack of common vocabulary, most of the time ‘hint dialects’ were used—special clues, context explanations, ostensive definitions that could not be understood by a stranger visiting the class (or a student who misses classes) since their meanings were formed in the previous days of learning. By the middle of the course, each student group had constructed its own ‘microculture’, ‘hint language’ and implicit ‘intersubjective agreements’ grounded in previous lectures (discussions, interactions). This microculture, with its unique language, was maintained and transmitted by the group-shared memory. Of course, this new, intersubjective, in-between language was a ‘merge’ of French, Russian and universal/situated nonverbal forms of communication but it helped to scaffold the learning process and improve students’ social intelligence, emotional intelligence, skills of creative and intuitive learning and most importantly, bridge practically the French and Russian language and culture.

Language, Microculture, Culture: Theoretical Aspects of Language Teaching

In modern studies, the paradigm that language is based on communication and has a sociocultural nature is often criticized [25, 58]. For instance, some researchers in cognitive science and proponents of the nativist theory of language development, emphasize its biological and cognitive nature, focusing only on individual linguistic competences. However, this position led researchers to the

theoretical cul-de-sac of the problem of language origin [59]. Our case study shows that language is not just the externalization of cognitive linguistic competence or the ability to be creative. Purely competence-oriented learning models focusing on individual cognitive skills could facilitate learners in postmodern ‘language-game’ or be creators of new French idiolects. However, an FLA is more than that; he or she has to create a France in miniature in the classroom, and present language as the cultural system and national heritage, representing social authenticity and cultural memory [60]. From that point, acquisition of language and development of ‘discursive competence’ [61] is, first of all, internalization and re-construction of a studied culture, for example, the specific personal address like ‘tu’ versus ‘vous’ in the French language and culture [62]. This means that the formation of ‘linguistic competence’ presupposes learning and inherence of a particular ‘cultural’ and ‘intercultural competence’ [10].

Thus, the teaching and studying of language presume multidirectional and multi-centred learning. In class, social and emotional intelligences, cultural signs and symbols, traditions, new forms of non-verbal communication have to be acquired both by the teacher (the FLA) and students [9]. It cannot be only students-centred (students-directed) learning based on the facilitation of their individual activities and creativities, it also has to be culture-centred and teacher-directed learning: that is, in proper time, the teacher must implement the classical transmission model in education [63, 64]. This multi-centred educational process, as well as cross-cultural and interpersonal communication, creates the unique microculture and ecosystem of a classroom that has specific cultural and linguistic ‘dialects’.

We think that the origin of this microculture with its own language (1) has direct affordance in the environment of the classroom, as proposed by ecological linguistics, (2) is rooted in the innate competence and cognitive prerequisites of the learners, as nativists indicate, and (3) is the result of social interactions, as argued from symbolic interactionism and sociocultural approaches [65, 66].

However, language cannot be seen only as a local system, originating in classroom space and emerging within a system of interactions. Language also needs to be seen as a larger, sociocultural system, as ‘semiotic ontology’ or *macroculture* that is relatively independent of particular individuals and transmitted by socially shared and distributed memory; a system that requires cultural and ‘metacultural competence’ for its acquisition [66. P. 106–114; 67; 68].

Ferdinand de Saussure stated that language is “never complete in any single individual” [69. P. 13]. Indeed, the French language as a cultural, distributed, non-local system cannot be known completely by any particular individual (for instance, nobody knows all professional or technical terms specific to each profession). From that point, any language is a heterogeneous (patchy) system, its ‘complete’ knowledge is distributed among different people and its existence is maintained and has been constantly developed by different types of social activities. For Foreign Language Assistants, it means that

he or she has to design courses in a way that, on the one hand, introduces the most essential and typical characteristics of the studied language and, on the other hand, represents knowledge and (meta)competences useful for students' future professions.

Conclusion

The transmission of cultural and linguistic authenticity without knowledge of the students' mother tongue is a daunting challenge for any teacher. Because of its complex nature, this transmission would not be possible without various 'props' and situated 'interventions' that scaffold the learning process. In our classes, we solved this problem by applying ostensive (demonstrative) definitions, context clues, and various hints referring to general and shared knowledge and the memory of the students. Films were another very effective tool for the 'scaffolded teaching approach', confirming the validity of many studies in this field [38, 43].

However, in our research, we faced the fact that the use of silent movies was particularly promising for the improvement of learning. Unacquainted with this approach, most of the students found it interesting. Such films stimulated their imagination and provided them with material for the creative use of the language. Writing dialogues in Russian after watching fragments of silent movies allowed students to realize the variety of individual interpretations and entirely understand their later dialogues declared in French. Such application of silent movies in class also partly *disproved* the theoretical presumption that non-verbal communication is universally understood. Educational practice has shown that some mimics and gestures are culturally-dependant and hermetic for learners and

have to be explained by native speakers. Therefore, language assistants who clarify their meaning allow learners to become acquainted with new forms of non-verbal communication, thus contributing to the development of their *intercultural, social, and emotional intelligences* that 'scaffold' the understanding of verbal communication.

The practical results of our research are the elaboration and promotion of combinatorial pedagogy that reflects the system nature of language and culture, social and individual differences of students and combines different teaching and learning methods. We think that to be effective in the educational process, teachers and students have to integrate linguistic, cultural and individual 'authenticates' [70], macrocultures and microcultures, global and local specifics [4, 66, 71], as well as the rational, intuitive and emotional aspects [72]. That is, this process has to welcome systems and pluralistic educational methods that take into account: (1) languages and cultures of cooperating countries, (2) the individual skills of learners, (3) the ecosystem of the class, and (4) practical (situated) social interactions.

Theories of multiliteracies and multiple intelligences revealed that in the modern world it is not enough for students to be just linguistically or grammatically proficient. Developing society requires professional, interpersonal, cultural and other types of proficiencies. Furthermore, real teaching practice shows that FLAs not only transmit but also mutually create new meanings, values, and forms of communication and share them with their students. Therefore, FLAs both *implement* and *contribute* in petite to the synergy of general efforts to the individual and social development.

REFERENCES

1. Devaux, A., Belanger, J., Grand-Clement, S. & Manville, C. (2017) *Education: Digital technology's role in enabling skills development for a connected world*. Santa Monica, CA: RAND Corporation. [Online] Available from: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE238.html>. DOI: 10.7249/PE238
2. DeWitt, D., Alias, N., Siraj, S., Yaakub, M. Y., Ayob, J. & Ishak, R. (2013) The Potential of Youtube for Teaching and Learning in the Performing Arts. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 103. pp. 1118–1126. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.10.439
3. Krauskopf, K., Zahn, C. & Hesse, F.W. (2012) Leveraging the affordances of Youtube: The role of pedagogical knowledge and mental models of technology functions for lesson planning with technology. *Computers & Education*. 58(4). pp. 1194–1206. DOI: 10.1016/j.compedu.2011.12.010
4. Pennycook, A. (2007) Language, Localization, and the Real: Hip-Hop and the Global Spread of Authenticity. *Journal of Language, Identity & Education*. 6 (2). pp. 101–115. DOI: 10.1080/15348450701341246
5. Moïse, C., McLaughlin, M., Roy, S., & White, C. (2006) Le tourisme patrimonial: la commercialisation de l'identité franco-canadienne et ses enjeux langagiers, [Heritage tourism: Commercialisation of French-Canadian identity and languages issues], *Langage et société*. 4. pp. 85–108. DOI: 10.3917/ls.118.0085
6. Dörnyei, Z. & Csizér, K. (2005) The effects of intercultural contact and tourism on language attitudes and language learning motivation. *Journal of Language and Social Psychology*. 24 (4). pp. 327–357. DOI: 10.1177/0261927X05281424
7. Circulaire ministérielle n°69-021. (1989) *L'assistant de langues vivantes: son rôle pédagogique – note de l'Inspection Générale* (extrait). [Online] Available from: <http://interlangues.discipline.ac-lille.fr/assistants/informations/12019assistant-de-langues-vivantes-son-role-pedagogique-note-de-12019inspection-generale>.
8. Kramsch, C. (1993) *Context and culture in language teaching*. Oxford, U.K.: Oxford University Press.
9. Normand-Marconnet, N. (2013) French bilingual classes in Vietnam: issues and debates about an innovative language curriculum. *Language and Education*. 27 (6). pp. 566–579.
10. Chan, S.F., DeWitt, D. & Chin, H.L. (2018) The Analysis of Cultural and Intercultural Elements in Mandarin as a Foreign Language Textbooks from Selected Malaysian Public Higher Education Institutions. *Malaysian Online Journal of Educational Sciences*. 6 (1). pp. 66–90.
11. Liddicoat, A.J. (2001) Static and dynamic view of culture and intercultural language acquisition. *New Zealand Language Teacher*, 27. pp. 47–58. [Online] Available from: <https://cdn.auckland.ac.nz/assets/education/about/centres/lipis/docs/readings/liddicoat.pdf>.
12. Liddicoat, A.J., Papademetre, L., Scarino, A. & Kohler, M. (2003) *Report on intercultural language learning*. Canberra ACT: Commonwealth of Australia.
13. Byram, M., Holmes, P. & Savvides, N. (2013) Intercultural communicative competence in foreign language education: Questions of theory, practice and research. *The Language Learning Journal*. 41 (3). pp. 251–253. DOI: 10.1080/09571736.2013.836343
14. van Lier, L. (2004) *The ecology and semiotics of language learning: A sociocultural perspective*. Boston: Springer.
15. Normak, P., Pata, K. & Kaipainen, M. (2012) An Ecological Approach to Learning Dynamics. *Educational Technology & Society*. 15 (3). pp. 262–274. [Adobe Digital Editions version]. [Online] Available from: https://www.ds.unipi.gr/et&s/journals/15_3/20.pdf.

16. Sukhoverkhov, A.V. (2014) Current trends and developments in ecolinguistics. *Yazyki i kul'tura – Language and Culture*. 3 (27). pp. 166–175. (In Russian).
17. Lamb, M. (2002) Explaining successful language learning in difficult circumstances. *Prospect*. 17 (2). pp. 35–52.
18. van Lier, L. (2000) From input to affordance: Social-interactive learning from an ecological perspective. In: Lantolf, J.P. (ed.) *Sociocultural Theory and Second Language Learning*. Oxford: Oxford University Press. pp. 155–177.
19. Arnold, J. & Fonseca M.C. (2004) Multiple intelligence theory and foreign language learning: A brain-based perspective. *International Journal of English Studies*. 4 (1). pp. 119–136.
20. Proshina, Z.G. (2017) Translingualism and Its Application. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' – Polylinguality and Transcultural Practices*. 14 (2). pp. 155–170. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170
21. Tomalin, B. & Stempelski, S. (1993) *Cultural Awareness*. Oxford, UK: Oxford University Press.
22. Lussier, D. (2011) Language, thought and culture: Links to intercultural communicative competence. *Canadian and International Education / Education Canadienne Internationale*. 40 (2). pp. 34–60. [Online] Available from: <http://ir.lib.uwo.ca/cie-eci/vol40/iss2/4>.
23. Risager, K. (1991) Cultural references in European textbooks: An evaluation of recent tendencies. In: Buttjes, D. & Byram, M. (eds) *Mediating languages and cultures: towards an intercultural theory of foreign language education*. Multilingual Matters. pp. 181–192.
24. Sutton, J. (2002) Cognitive conceptions of language and the development of autobiographical memory. *Language & Communication*. 22 (3). pp. 375–390.
25. Millikan, R.G. (2003) In defense of public language. In: Antony, L.M. & Hornstein, N. (eds) *Chomsky and His Critics*. Oxford, UK: Blackwell Publishing Ltd. pp. 215–237.
26. Hodges, B.H. & Fowler, C.A. (2010) New affordances for language: Distributed, dynamical, and dialogical resources. *Ecological Psychology*. 22. pp. 239–254. DOI: 10.1080/10407413.2010.517086
27. Linell, P. (2013) Distributed language theory, with or without dialogue. *Language Sciences*. 40. pp. 168–173. DOI: 10.1016/j.langsci.2013.04.001
28. Steffensen, S.V. (2015) Distributed language and dialogism: notes on non-locality, sense-making and interactivity. *Language Sciences*. 50. pp. 105–119. DOI: 10.1016/j.langsci.2015.01.004
29. Sharifian, F. (2017) Cultural Linguistics and linguistic relativity. *Language Sciences*. 59. pp. 83–92. DOI: 10.1016/j.langsci.2016.06.002
30. Pae, H.K. (2012) Linguistic relativity revisited: The interaction between L1 and L2 in thinking, learning, and production. *Psychology*. 3 (01). pp. 49–56. DOI: 10.4236/psych.2012.31008
31. Lukens, J. (1979) Interethnic conflict and communicative distance. In: Giles, H. & Saint-Jacque, B. (eds) *Language and Ethnic Relations*. New York: Pergamon. pp. 143–158.
32. Fowler, C.A. (2014) Talking as doing: Language forms and public language. *New Ideas in Psychology*. 32. pp. 174–182. DOI: 10.1016/j.newideapsych.2013.03.007
33. Fowler, C.A. (1996) Listeners do hear sounds, not tongues. *Journal of the Acoustical Society of America*, 99, 1730–1741.
34. Cowley, S.J. (2011) Taking a language stance. *Ecological Psychology*. 23 (3). pp. 185–209. DOI: 10.1080/10407413.2011.591272
35. Mauss, M. (1924) Divisions et proportions des divisions de la sociologie. *L'Année sociologique (1896/1897-1924/1925)*, 2, pp. 98–176.
36. Lipton, G.C. (1994) What is FLES* methodology?: An overview. *Hispania*. 77 (4). pp. 878–887.
37. Lalueza, J.L., Bria, M., Crespo, I., Sanchez, S. & Luque, M.J. (2004) Education as the creation of microcultures. From the local community to the Virtual network. *Interactive Educational Multimedia*. 9. pp. 16–31.
38. Pegrum, M. (2008) Film, culture and identity: Critical intercultural literacies for the language classroom. *Language and Intercultural Communication*. 8 (2). pp. 136–154. DOI: 10.1080/14708470802271073
39. Kaiser, M. (2011) New approaches to exploiting film in the foreign language classroom. *L2 Journal*. 3 (2). pp. 232–249. DOI: 10.5070/L23210005
40. Baddock, B. (1991) Film, authenticity and language teaching. *Language Learning Journal*. 3 (1). pp. 16–18.
41. Bahrani, T., & Sim, T.S. (2012) Audiovisual news, cartoons, and films as sources of authentic language input and language proficiency enhancement. *TOJET: The Turkish Online Journal of Educational Technology*. 11 (4). pp. 56–64. DOI: 10.1177/2158244014550611
42. Kabooha, R.H. (2016) Using Movies in EFL Classrooms: A Study Conducted at the English Language Institute (ELI), King Abdul-Aziz University. *English Language Teaching*. 9 (3). pp. 248–257. DOI: 10.5539/elt.v9n3p248
43. Kasper, L.F. & Singer, R. (2001) Unspoken content: Silent film in the ESL classroom. *Teaching English in the Two Year College*. 29 (1). pp. 16–31.
44. Drucker, M. (1976) *Louis de Funès à propos de sa carrière, Les rendez-vous du dimanche* (Interview). [Online] Available from: <http://www.ina.fr/video/I00005373>.
45. Langmann, T. (Producer) & Hazanavicius, M. (Director). (2011) *The Artist* [Motion picture]. France: Warner Bros. (Abstract). [Online] Available from: <https://ticesnle.blogspot.ru/2012/01/artist-film-2011.html>.
46. Gyenge, Z. (2009) Illusions of Reality and Fiction or the Desired Reality of Fiction: Dogme 95 and the Representation of Reality. *Acta Universitatis Sapientiae, Film and Media Studies*. 01. pp. 69–79.
47. Reddy, W.M. (2001) *The navigation of feeling: A framework for the history of emotions*. Cambridge University Press.
48. Shi, C. (2011) A study of the relationship between cognitive styles and learning strategies. *Higher Education Studies*. 1 (1). p. 20.
49. Yang, L.H. & Fleming, M. (2013) How Chinese college students make sense of foreign films and TV series: implications for the development of intercultural communicative competence in ELT. *The Language Learning Journal*. 41 (3). pp. 297–310. DOI: 10.1080/09571736.2013.836347
50. Beytout, G., Pignières, R. & Girault J. (Producers) & Girault, J. (Director). (1965) *Le gendarme à New-York – la leçon d'anglais*. [Motion picture]. France, Italie: SNC. (Abstract). [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=nM2lrGkKoo8>.
51. García, O. (2009) Education, multilingualism and translanguaging in the 21st century. In: Mohanty, A., Panda, M., Phillipson, R. & Skutnabb-Kangas, T. (eds) *Multilingual Education for Social Justice: Globalising the local*. New Delhi: Orient Blackswan. pp. 128–145.
52. García-Mateus, S. & Palmer, D. (2017) Translanguaging pedagogies for positive identities in two-way dual language bilingual education. *Journal of Language, Identity & Education*. 16 (4). pp. 245–255. DOI: 10.1080/15348458.2017.1329016
53. Quist, G. (2013) Cosmopolitan imaginings: creativity and responsibility in the language classroom. *Language and Intercultural Communication*. 13 (3). pp. 330–342. DOI: 10.1080/14708477.2013.804536
54. Kääntä, L., Jauni, H., Leppänen, S., Peuronen, S. & Paakkinen, T. (2013). Learning English through social interaction: the case of Big Brother 2006, Finland. *The Modern Language Journal*. 97 (2). pp. 340–359. DOI: 10.1111/j.1540-4781.2013.12006
55. Marx, A., Fuhrer, U. & Hartig, T. (2000) Effects of classroom seating arrangements on children's question-asking. *Learning Environments Research*. 2. pp. 249–263. DOI: 10.1023/A:1009901922191
56. Zeuli, J. P. (1986) *The Use of the Zone of Proximal Development in Everyday and School Contexts: A Vygotskian Critique*. [Adobe Digital Editions version]. [Online] Available from: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED271509.pdf>.
57. Bliss, J., Askew, M. & Macrae, S. (1996) Effective teaching and learning: Scaffolding revisited. *Oxford review of Education*. 22 (1). pp. 37–61.
58. Hauser, M.D., Chomsky, N. & Fitch, W.T. (2002) The faculty of language: what is it, who has it, and how did it evolve? *Science*. 298 (5598). pp. 1569–1579. DOI: 10.1126/science.298.5598.1569
59. Hauser, M.D. et al. (2014) The mystery of language evolution. *Frontiers in Psychology*. 5. p. 401. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00401
60. Moloney, R. & Ross, S. (2011) *Teaching and learning languages with a native speaker assistant: A study of seven schools*. Conference Proceedings, Making a Difference AARE Annual conference, Melbourne Dec 2010. [Adobe Digital Editions version]. [Online] Available from: <https://www.ainsw.edu.au/Services/PL/LanguagesSecondary/German/Public%20Resources/Native%20Speaker%20Assistant.pdf>.

61. Ponomarenko, L.N., Zlobina, I.S., Galitskih, E.O. & Rublyova, O.S. (2017) Formation of the Foreign Language Discursive Competence of Pedagogical Faculties Students in the Process of Intercultural Dialogue. *European Journal of Contemporary Education*. 6 (1). pp. 89–99.
62. Liddicoat, A.J. (2006) Learning the culture of interpersonal relationships: Students' understandings of personal address forms in French. *Intercultural Pragmatics*. 3 (1). pp. 55–80. DOI: 10.1515/IP.2006.003
63. Solovova, E.N. (2004) *Metodicheskaya podgotovka i perepodgotovka uchitelya inostrannogo yazyka: integrativno-refleksivnyj podkhod* [Methodological Training and Retraining of a Foreign Language Teacher: An Integrative-Reflective Approach]. Moscow: Glossa-Press.
64. Anikina, Zh.S. (2011) Learner Autonomy as an Essential Component of Foreign Language Teaching in the 21st Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 344. pp. 149–152. (In Russian).
65. Sukhoverkhov, A.V. & Fowler, C.A. (2015) Why language evolution needs memory: systems and ecological approaches. *Biosemiotics*. 8 (1). pp. 47–65. DOI: 10.1007/s12304-014-9202-3
66. Sharifian, F. (2017) *Cultural Linguistics: Cultural Conceptualisations and Language*. Vol. 8. John Benjamins Publishing Company.
67. Xu, Z. (2017) Developing metacultural competence in teaching English as an international Language. In: Sharifian, F. (ed.) *Advances in Cultural Linguistics*. New York; London; Singapore: Springer.
68. Mityagina, V.A. (2006) Semiotika kommunikatsii kak diskursivnaya ontologiya [Semiotics of Communication as Discursive Ontology]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 5. pp. 100–104.
69. Saussure, F. (1983) *Course in General Linguistics*. London: Duckworth.
70. MacDonald, M.N., Badger, R. & Dasli, M. (2006) Authenticity, culture and language learning. *Language and Intercultural Communication*. 6 (3-4). pp. 250–261. DOI: 10.2167/laic252.0
71. Rubdy, R. (2009) Reclaiming the local in teaching EIL. *Language and Intercultural Communication*. 9 (3). pp. 156–174. DOI: 10.1080/14708470902748822
72. Jensen, T.W. (2014) Emotion in languaging: Language and emotion as affective, adaptive and flexible behavior in social interaction. *Frontiers in Psychology*. 5 (720). pp. 1–14. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00720

Received: 01 October 2019

Language and Culture in the Classroom Space: The Case Study of a Foreign Language Assistant in Russia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 197–204.

DOI: 10.17223/15617793/456/23

Kevin Nurdin, Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: kevin.nurdin@etu.unilim.fr

Dorothy DeWitt, University of Malaya (Kuala Lumpur, Malaysia). E-mail: dorothy@um.edu.my

Anton V. Sukhoverkhov, Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: sukhoverkhov.ksau@gmail.com

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ: ИЗ ОПЫТА АССИСТЕНТА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В РОССИИ

Вестник Томского государственного университета. 2020, 456, 197–204.

DOI 10.17223/15617793/456/23

Кевин Нурдин, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар, Российская Федерация). E-mail: kevin.nurdin@etu.unilim.fr

Дороти ДеВитт, Малайзийский университет (г. Куала-Лумпур, Малайзия). E-mail: dorothy@um.edu.my

Антон Владимирович Суховерхов, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар, Российская Федерация). E-mail: sukhoverkhov.ksau@gmail.com

В статье представлены результаты кейс-стади, в котором протестированы классические и новые образовательные системы и методы посредством их реализации в России французским ассистентом иностранного языка. На основе полученных практических результатов пересматриваются современные теории языка и парадигмы межкультурной коммуникации. Теоретическими и методологическими предпосылками исследования являются: 1) системный и экологический подходы к языку, культуре и процессу обучения; 2) методологический приоритет целостного, ситуативного и интуитивного обучения над аналитическим, формальным, теоретическим и ориентированным на грамматику обучением; 3) социокультурные, интересубъективные и распределенные (distributed) модели языка и его изучения; 4) идеи трансязыковой педагогики, теории множественного и эмоционального интеллекта. В качестве основного результата исследования мы предлагаем комбинированный (гибридный) метод обучения, который учитывает: а) языки и культуру изучающей и изучаемых стран (транслингвальность, всесторонняя грамотность); б) индивидуальные навыки учащихся (теория множественного и эмоционального интеллекта); в) экосистему учебного пространства (экологическая лингвистика, теория аффорданса); г) социальные взаимодействия с особой микрокультурой, собственным «диалектом» и учебной традицией (ситуативное обучение, социальный скаффолдинг, теория распределенного языка). Реализация на практике системного понимания обучения, культуры и языка позволяет предложить многовекторную и полицентрическую концепцию учебного процесса с нелинейной, динамичной и во многом самоорганизующейся структурой. В связи с этим обосновывается методология изучения иностранного языка, в которой учащиеся в определенной степени определяют или меняют направление и содержание образовательного процесса, сами предлагают и реализуют проблемно-ориентированные задания, формируют социальный скаффолдинг для отстающих студентов, естественным образом вовлекая их в учебный процесс. Исследование подчеркивает необходимость изучения роли «обучающей микрокультуры» и экосистемы учебного пространства для эффективного изучения иностранного языка и развития связанной с ними культурной компетенции. Выявлено, что в микрокультуре учебного процесса возникает уникальный язык-посредник, который объединяет естественные языки (в нашем случае французский и русский) и различные универсальные / ситуативные формы невербального общения. В рамках данной концепции на уроках использовались немые фильмы и создание диалогов студентов на их основе. Протестированный метод позволил студентам на практике осознать разнообразие индивидуальных и культурных интерпретаций и частично опроверг теоретическое предположение о том, что невербальное (визуальное) общение является универсальным и общепонятным «языком».

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 1 октября 2019 г.

Г.М. Популо, С.В. Сафоненко

ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ АЭРОБИКА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ДВИГАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Представлены результаты внедрения в образовательный процесс по физической культуре детей младшего школьного возраста новых оздоровительных технологий, в частности оздоровительной аэробики. Авторы экспериментально подтверждают эффективность разработанных комплексов упражнений по оздоровительной аэробике, которые направлены на развитие двигательных способностей, с перспективой решения государственной задачи подготовки населения к сдаче норм ГТО.

Ключевые слова: здоровье; младший школьный возраст; оздоровительная аэробика; исследование; упражнения; эффективность; учебно-тренировочные занятия; двигательные способности.

Актуальность. Сохранение и укрепление здоровья населения становится одной из важнейших государственных задач в современных социально-экономических условиях [1]. Об этом свидетельствует подписанный Президентом Российской Федерации Указ от 24 марта 2014 г. № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе "Готов к труду и обороне"».

Необходимость сформировать пути сохранения и укрепления здоровья детей, а также подготовки их к сдаче норм ГТО определила проблему нашего исследования:

– в теоретическом плане – это проблема привлечения к сохранению здоровья средствами физической культуры достаточно большого количества детей;

– в практическом плане – это проблема развития таких двигательных качеств, как выносливость, быстрота, сила, ловкость и гибкость [2, 3].

Важным компонентом состояния физического здоровья является уровень развития основных двигательных способностей, который у 20–40% детей младшего школьного возраста в нашей стране характеризуется как низкий.

Между тем именно этот показатель определяет работоспособность ребенка, играет большую роль во всестороннем и гармоничном развитии личности, в достижении высокой устойчивости организма к социально-экологическим условиям и в повышении адаптационных свойств организма [4].

Именно поэтому важно в процессе развития детей младшего школьного возраста воспитывать жизненно необходимые физические качества (быстроту, ловкость, силу, гибкость и выносливость).

В школе на уроках физкультуры уделяют мало внимания танцевальным и аэробным движениям, однако сегодня в спортивных клубах организованы специальные занятия оздоровительными видами аэробики [5].

Различные упражнения оздоровительной аэробики, выполняемые в ходьбе, беге, прыжках, а также упражнения, направленные на развитие двигательных способностей, выполняемые из различных исходных положений, – все это с использованием музыки определенной ударности способствует формированию музыкального вкуса, чувства ритма и культуры движения.

Мы предположили, что использование в образовательном процессе по физической культуре детей младшего школьного возраста новых оздоровительных технологий, в частности оздоровительной аэробики, будет способствовать более эффективному развитию их двигательных способностей.

Для достижения главной цели нашей работы (изучение влияния новых оздоровительных технологий на уровень развития физических качеств учащихся младших классов) необходимо было решить следующие задачи.

1. Определить уровень развития двигательных способностей у детей младшего школьного возраста.

2. Разработать методику комплексного воздействия упражнений по оздоровительной аэробике на развитие двигательных способностей детей младшего школьного возраста.

3. Представить диагностический материал по изучению уровня развития двигательных способностей.

В аэробных упражнениях можно использовать комплексы с различной продолжительностью и интенсивностью нагрузки, включающие работу малых и больших групп мышц тела. В исследованиях, организованных Государственным университетом Сан-Диего и университетом Колорадо, показано, что улучшению работы сердца и легких способствуют регулярные посещения аэробных тренировок, поскольку упражнения аэробного характера снижают опасность сердечно-сосудистых заболеваний [6].

Г.М. Популо определяет оздоровительную аэробику как вид оздоровительной гимнастики, характеризующийся наличием аэробной части занятий, на протяжении которой поддерживается на определенном уровне работа сердечно-сосудистой, дыхательной и мышечной систем [5].

В младшем школьном возрасте выполнение упражнений с различной координационной сложностью, с большой амплитудой, изменением темпа и с собственным весом является важным средством развития двигательных способностей.

Известно, что процесс освоения различных двигательных действий происходит быстрее при высоком уровне развития двигательных способностей. К тому же повышение уровня скоростно-силовых качеств,

координации и гибкости ведет к улучшению состояния здоровья детей [7, 8].

Данное исследование проводилось в течение 2018–2019 гг. с привлечением детей младшего школьного возраста МБУ СОШ № 73 г. Тольятти. Всего в исследовании приняли участие 28 детей в возрасте 8–10 лет. Были сформированы экспериментальная и контрольная группы, по 14 детей в каждой, и утверждены периодичность (три раза в неделю) и продолжительность занятий (45 мин).

На первом этапе исследовалась и анализировалась специальная методическая литература, текущая научная информация, были оценены возрастные особенности детей младшего школьного возраста и уровень их физической подготовленности. Просматривались видеозаписи по базовой и танцевальной аэробике, гимнастике, бально-спортивным танцам, т.е. велась работа по изучению особенностей учебно-тренировочного процесса в сложнокоординационных видах спорта.

На основании анализа теоретического материала по влиянию упражнений разной направленности на организм и здоровье детей младшего школьного возраста для данного контингента был разработан цикл занятий по базовой аэробике с танцевальными шагами и упражнениями на развитие двигательных способностей.

Основной этап исследования был посвящен педагогическому эксперименту, который продолжался 6 месяцев (с сентября 2018 г. по март 2019 г.).

Цель педагогического эксперимента – проверить уровень развития двигательных способностей детей 8–10 лет до использования оздоровительной аэробики и после.

Предварительное тестирование позволило установить уровень физической подготовленности респондентов. Основное отличие в методике занятий состояло в том, что в контрольной группе применялись комплексы, где использовались упражнения для развития двигательных способностей, исключая упражнения оздоровительной аэробики.

На занятиях в экспериментальной группе использовались комплексы в аэробном режиме, без остановки в течение 45 мин, которые включали упражнения базовой аэробики, танцевальные шаги и упражнения на развитие двигательных способностей.

На третьем этапе (март 2019 г.) были проведены вторичные контрольные испытания. Обработаны и систематизированы результаты исследований и разработаны практические рекомендации.

Обе группы, контрольная и экспериментальная, прошли контрольные испытания до начала и по окончании эксперимента. В течение шести месяцев условия для занятий респондентов обеих групп были идентичными.

Тестирование проводилось в одно и то же время. В период проведения эксперимента испытуемые обеих групп приняли участие в традиционном Всероссийском марафоне по аэробике в рамках спартакиады боевых искусств «Непобедимая держава».

Учитывая, что главную роль в формировании правильной осанки, функционировании опорно-двигательного аппарата играют мышцы спины, живота, ног

и плечевого пояса, нами были использованы следующие тесты на определение развития силы:

- на мышцы спины – поднимание и удержание туловища из и.п. лежа на животе, руки за голову;
- на мышцы брюшного пресса – поднимание и опускание туловища из и.п. лежа на спине, руки скрещены на груди;
- на мышцы ног – прыжок в длину с места;
- на мышцы рук и плечевого пояса – вис на согнутых руках на перекладине.

Для определения уровня координационных способностей использовали тест «динамическое равновесие»; для определения уровня гибкости – тест «наклон вперед стоя на гимнастической скамейке».

Для получения максимального эффекта от выполнения аэробных упражнений, а также упражнений, направленных на развитие координации, силы и гибкости, мы использовали следующую методику:

- на начальном этапе учебно-тренировочного процесса давали легкие комплексы упражнений;
- внимательно следили за выполнением правильного исходного положения в упражнениях;
- тщательно отслеживали правильное выполнение упражнений в указанном направлении с точно заданной амплитудой;
- постепенно меняли ритм и темп музыки, исходные положения, направления;
- изучали комплексы упражнений (аэробные связки) блоками, соединяя танцевальные упражнения сначала под счет, а затем под музыку;
- завершали основную часть урока партерной гимнастикой;
- исходные положения и техника выполнения упражнений на развитие силы подбирались таким образом, чтобы обеспечить избирательное воздействие на различные мышечные группы;
- дозировали упражнения на силу до утомления в работающей мышце. Доводили до детей информацию, что при возникновении ощущения усталости важно проявить волевое усилие, поскольку сила мышц увеличивается лишь на последних попытках;

– для сжигания излишков жира использовали упражнения в быстром темпе с максимальным числом повторений согласно индивидуальным возможностям.

В основной части урока чередовали упражнения на развитие силы с упражнениями на растягивание (стретчинг), т.е. удлиняли мышечные волокна путем растягивания (чтобы повысить их сократительную способность) для улучшения показателей силовых качеств и гибкости. Стретчинг использовали и для ускорения восстановления организма после интенсивной физической нагрузки.

На основании определения значения коэффициента Стьюдента (t) мы сделали вывод, что существенно различия между экспериментальной и контрольной группами в показателях теста на развитие координационных способностей, силы мышц спины, живота, рук и плечевого пояса, а также гибкости до начала эксперимента не наблюдалось ($P > 0,05$).

В таблице представлены показатели уровня развития двигательных способностей респондентов на момент начала и окончания эксперимента.

Контрольные упражнения	Контрольная группа	Экспериментальная группа	t	P
	$X \pm \sigma$	$X \pm \sigma$		
До эксперимента				
Поднимание и опускание туловища из и.п. лежа на спине, кол-во раз	$16 \pm 1,02$	$15 \pm 0,6$	0,21	$P > 0,05$
Вис на согнутых руках, с	$6,7 \pm 0,9$	$6,5 \pm 0,8$	0,13	$P > 0,05$
Прыжки в длину с места, см	$124,3 \pm 4,2$	$125,9 \pm 2,6$	0,06	$P > 0,05$
Поднимание и удержание туловища из и.п. лежа на животе, с	$31,3 \pm 2,6$	$31,07 \pm 2,1$	0,12	$P > 0,05$
Наклон вперед из положения стоя, см	$4,8 \pm 0,8$	$4,8 \pm 0,8$	0	$P > 0,05$
4 поворота на гимнастической скамейке, с	$15,5 \pm 1,63$	$15,9 \pm 1,73$	0,23	$P > 0,05$
После эксперимента				
Поднимание и опускание туловища из и.п. лежа на спине, кол-во раз	$17 \pm 1,08$	$25 \pm 0,7$	3,2	$P < 0,01$
Вис на согнутых руках, с	$7,8 \pm 1,6$	$14,8 \pm 1,9$	2,24	$P < 0,01$
Прыжки в длину с места, см	$129,3 \pm 2,2$	$146,6 \pm 1,3$	2,75	$P < 0,01$
Поднимание и удержание туловища из и.п. лежа на животе, с	$46,4 \pm 2,3$	$63,3 \pm 1,3$	3,1	$P < 0,001$
Наклон вперед из положения стоя, см	$6,8 \pm 0,8$	$11,2 \pm 1$	2,7	$P < 0,01$
4 поворота на гимнастической скамейке, с	$14,9 \pm 1,23$	$13,3 \pm 0,95$	2,21	$P < 0,05$

По окончании эксперимента на основании анализа результатов тестирования мы заключили, что:

1) тесты на развитие силы мышц рук и плечевого пояса, брюшного пресса, мышц ног, мышц спины, а также тесты на гибкость и координацию показали достоверное различие результатов между экспериментальной и контрольной группами ($P < 0,05$, $P < 0,01$ соответственно);

2) использование средств оздоровительной аэробики способствует эффективному развитию двигательных способностей, которые играют большую роль в успешном овладении техникой новых упражнений детьми 8–10 лет.

Использование комплекса упражнений оказало существенное влияние на развитие таких физических качеств, как координация, гибкость и сила.

В экспериментальной группе показатели гибкости увеличились у всех исследуемых, что связано с применением упражнений большой амплитуды, в среднем результат повысился в 2,3 раза.

После использования сложно-координационных аэробных связок на каждом занятии обнаружилась положительная тенденция и в показателях координационных способностей, которые улучшились на 16,4% в экспериментальной группе.

Наблюдается большая разница между силовыми показателями экспериментальной и контрольной групп. В экспериментальной группе время удержания виса на согнутых руках увеличилось на 8,3 с, а время удержания туловища из и.п. лежа на животе – на 32 с. В контрольной же группе время удержания виса на согнутых руках увеличилось всего на 1,1 с и время удержания туловища из и.п. лежа на животе – на 15 с, т.е. результаты оказались в два раза хуже, чем у детей экспериментальной группы, хотя в комплексе присутствовали упражнения, развивающие силу, однако их дозировка, судя по результатам, оказалась недостаточной.

Результаты повторного тестирования показали, что сила мышц брюшного пресса увеличилась в экс-

периментальной группе на 66,7%, в то время как в контрольной осталась на прежнем уровне (6,3%).

Показатели прыжков в длину с места у участников экспериментальной группы улучшились на 16,5%, в то время как в контрольной группе этот скоростно-силовой показатель улучшился лишь на 4%.

Нагрузка на силу давалась интервальным и круговым методами, в любом случае ее оптимальная плотность составляла 1:0,5 (т.е. на 1 мин нагрузки приходилось 30 с отдыха).

Итак, по всем показателям экспериментальная группа опережает контрольную. Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают гипотезу о том, что использование в образовательном процессе по физической культуре детей младшего школьного возраста новых оздоровительных технологий, в частности оздоровительной аэробики под привлекательную для детей музыку, способствует более эффективному развитию двигательных способностей.

Результатом нашего исследования стали следующие *выводы*.

1. При тестировании силовых способностей самыми низкими оказались показатели развития мышц спины, брюшного пресса и рук – ниже уровня бронзового значка ГТО.

Мы определили уровень развития двигательных способностей детей 8–10 лет, которые соответствуют среднему значению в данном возрасте. Показатели уровня гибкости соответствовали бронзовому значку ГТО. Как удовлетворительный можно оценить результат координационных способностей.

2. Показали высокую эффективность разработанные нами специальные комплексы упражнений, направленные на развитие:

– координационных способностей (базовые шаги аэробики и танцевальные шаги низкой и высокой интенсивности, из которых составлялись связки на 16, 32, 64 счета, дополненные разнообразными движениями рук и выполненные точно в соответствии с музыкальным сопровождением);

– силовых способностей (упражнения на различные группы мышц в динамическом и статическом режиме из разных исходных положений с изменением дозировки и интенсивности);

– гибкости (махи, рывки, мосты, шпагаты, упражнения из разных исходных положений – стоя, стойки на коленях, седа на полу, лежа на спине, на груди, на боку; упражнения по одному и в парах, у станка);

3. Применение разработанных комплексов оздоровительной аэробики способствует повышению результатов показателей двигательных способностей до уровня золотого значка ГТО у респондентов экспериментальной группы.

Подводя итог исследованию, хотелось бы порекомендовать ввести в младших классах музыкально-ритмическое воспитание, не только в рамках внеурочной деятельности, а как обязательные занятия, а также желательно привлекать большее количество детей в танцевальные кружки и спортивные секции по художественной гимнастике и спортивной аэробике,

чтобы развивать двигательные способности и грацию движения у детей с младшего школьного возраста. О важности создания инфраструктуры и системного подхода в национальном масштабе в своих статьях пишут и наши зарубежные коллеги [9].

Данное исследование не исчерпывает всех аспектов проблемы совершенствования двигательных способностей детей младшего школьного возраста. Предполагается, что работа в данном направлении будет продолжена, планируется изучение влияния средств оздоровительной аэробики не только на показатели уровня развития координации, силы и гибкости, но и на показатели развития других физических качеств, необходимых для сдачи норм ГТО.

Следует уделять больше внимания развитию детской аэробики: любой учитель физической культуры может использовать средства аэробики на уроках, предлагая учащимся вместо однообразных упражнений плавные и разнообразные движения под музыкальное сопровождение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рожнова К.С. Здоровье и физическая активность подростков в новых социально-экономических условиях : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2013. 25 с.
2. Zan Gao, Senlin Chen, Haichun Sun, Xu Wen, and Ping Xiang. Physical Activity in Children's Health and Cognition // *BioMed Research International*. 2018. Vol. 2018. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6036844/pdf/BMRI2018-8542403.pdf>. DOI: 10.1155/2018/8542403
3. Eime R.M., Young J.A., Harvey J.T., Charity M.J., Payne W.R. A systematic review of the psychological and social benefits of participation in sport for children and adolescents: Informing development of a conceptual model of health through sport // *Int. J. Behav. Nutr. Phys. Act.* 2013. Vol. 10. DOI: 10.1186/1479-5868-10-98. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3751802/>
4. Кузьмина С.В. Комплексное воздействие упражнений фитбол-аэробики на развитие физических способностей младших школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011. 25 с.
5. Популо Г.М. Использование нетрадиционных средств, форм и методов организации физкультурно-оздоровительной деятельности // *Физическая культура в школе*. 2014. № 8. С. 46–49.
6. Michele Tine. Acute aerobic exercise: an intervention for the selective visual attention and reading comprehension of low-income adolescents. *Front. Psychol.*, 11 June 2014. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00575
7. Wafa SW, Shahril MR, Ahmad AB, Zainuddin LR, Ismail KF, Aung MM, Mohd Yusoff NA. Association between physical activity and health-related quality of life in children: a cross-sectional study // *Heal Qual Life Outcomes*. 2016. Vol. 14. P. 1–6. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4857334/>. DOI: 10.1186/s12955-015-0404-4
8. Жердева С.Е., Ильина Г.В. Стретчинг как технология сохранения и стимулирования здоровья старших дошкольников // VII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» – 2015. 2015. 190 с.
9. Kohl H.W., Craig C.L., Lambert E.V., Inoue S., Alkandari J.R., Leetongin G., Kahlmeier S. The pandemic of physical inactivity: Global action for public health // *Lancet*. 2012. Vol. 380. P. 294–305. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(12\)60898-8/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(12)60898-8/fulltext). DOI: 10.1016/S0140-6736(12)60898-8

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 11 мая 2020 г.

Fitness Aerobics as a Means of Developing Primary Schoolchildren's Physical Skills

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 205–209.

DOI: 10.17223/15617793/456/24

Gelshigan M. Populo, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: populochka@mail.ru

Svetlana V. Safonenko, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: sve21547052@yandex.ru

Keywords: health; primary school age; fitness aerobics; research; exercises; efficiency; training sessions; physical skills.

The study aims to find ways of preserving and strengthening children's health, as well as prepare them for passing the physical training standard test. Theoretically, this is the question of motivating as many children as possible to improve their health through physical exercises. In practical terms, this is the idea of developing such qualities as endurance, speed, strength, and agility with the perspective of solving the state task of preparing the population to pass the physical training standard test. The object of the study is the training of the main groups of primary schoolchildren. To reach the aim, the authors used the following methods: literature analysis, tests of the physical skill level, pedagogical experiment, method of mathematical statistics. An experiment was conducted in order to test the effectiveness of using sets of aerobic exercises for developing physical skills. The main prospect of the experiment was to solve the state problem of preparing the population for passing GTO (Ready for Labour and Defence, a physical training standard) tests. Two groups of primary school children, control and experimental, passed control tests before and after the experiment. During the lessons in the experimental group, non-stop 45-minute aerobic exercises were used. The exercises included basic steps of classical aerobics with a movement cycle of no more than 4 counts (march, run, step tap, step touch, lunge, mambo, open step, lift step) and hand movements and exercises for motor abilities development, namely, coordination, strength (exercises for various muscle groups with a change of quantity and intensity), flexibility (active and passive), general physical endurance (long dynamic exercises

up to 45 min). The authors analyzed the results and made the following conclusions: tests for the development of abdominal, hand, shoulder, leg, and back muscles, as well as the coordination and flexibility test showed a significant difference between the experimental and control group results after the pedagogical experiment. The usage of fitness aerobics complexes contributes to the effective development of physical skills. Based on the research, the authors recommend introducing musical and rhythmic education in the primary school, attracting children to dance classes and sports sections of gymnastics and athletic aerobics in order to develop not only flexibility, strength, and other physical skills for passing GTO tests, but also plasticity, the grace of movement with the music. Therefore, it is vital to pay more attention to the development of aerobics for children, not only in sports clubs, but also in physical education classes at schools.

REFERENCES

1. Rozhnova, K.S. (2013) *Zdorov'e i fizicheskaya aktivnost' podrostkov v novykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh* [Health and Physical Activity of Adolescents in the New Socioeconomic Conditions]. Abstract of Medicine Cand. Diss. Moscow.
2. Zan Gao et al. (2018) Physical Activity in Children's Health and Cognition. *BioMed Research International*. 2018. [Online] Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6036844/pdf/BMRI2018-8542403.pdf>. DOI: 10.1155/2018/8542403.
3. Eime, R.M. et al. (2013) A systematic review of the psychological and social benefits of participation in sport for children and adolescents: Informing development of a conceptual model of health through sport. *Int. J. Behav. Nutr. Phys. Act.* 10. [Online] Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3751802/>. DOI: 10.1186/1479-5868-10-98.
4. Kuz'mina, S.V. (2011) *Kompleksnoe vozdeystvie uprazhneniy futbol-aerobiki na razvitie fizicheskikh sposobnostey mladshikh shkol'nikov* [The Complex Impact of Fitball-Aerobics Exercises on the Development of Primary Schoolchildren's Physical Abilities]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Saint Petersburg.
5. Populo, G.M. (2014) Use of Nonconventional Means, Forms and Methods of the Organization of Sports and Improving Activity. *Fizicheskaya kul'tura v shkole*. 8. pp. 46–49. (In Russian).
6. Tine, M. (2014) Acute aerobic exercise: an intervention for the selective visual attention and reading comprehension of low-income adolescents. *Front. Psychol.* 11 June. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.00575
7. Wafa, S.W. et al. (2016) Association between physical activity and health-related quality of life in children: a cross-sectional study. *Heal Qual Life Outcomes*. 14. pp. 1–6. [Online] Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4857334/>. DOI: 10.1186/s12955-015-0404-4
8. Zherdeva, S.E. & Il'ina, G.V. (2015) [Stretching as a technology for maintaining and stimulating the health of older preschoolers]. *Studencheskiy nauchnyy forum* [Student Scientific Forum]. Proceedings of the International Conference. [Online] Available from: <http://scienceforum.ru/2015/article/2015008034>. (In Russian).
9. Kohl, H.W. (2012) The pandemic of physical inactivity: Global action for public health. *Lancet*. 380. pp. 294–305. [Online] Available from: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(12\)60898-8/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(12)60898-8/fulltext). DOI: 10.1016/S0140-6736(12)60898-8

Received: 11 May 2020

А.В. Фахрутдинова, М.А. Мефодьева

РОЛЬ УЧИТЕЛЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ВОСПИТАНИЯ В ИНДИИ

Исследуется проблема организации ценностно-ориентированного воспитания в образовательных программах по подготовке и переподготовке индийских учителей. Обосновывается актуальность данной проблемы для индийского общества, решением которой занимаются государство и государственные образовательные учреждения. Проведен анализ деятельности ряда учебных учреждений и содержания программ по начальной педагогической подготовке и программ повышения квалификации по ценностно-ориентированному воспитанию.

Ключевые слова: ценностно-ориентированное воспитание; духовно-нравственные ценности; учитель; педагогическое образование; повышение квалификации.

Современная эпоха обостренной конкуренции во всех сферах человеческой жизнедеятельности влечет за собой искажение ценностных ориентаций в обществе и понимания духовно-нравственных ценностей. Глобализация и индустриализация оказывают влияние на образ жизни людей, нравственный облик человека XXI в. В связи с чем вопрос о структуре системы ценностей и ценностных ориентаций в жизни человека актуализирует значимость решения вопросов организации ценностно-ориентированного воспитания. При этом обращение к инструментарию сравнительной педагогики позволяет выявить результативные наработки в странах, где консолидация усилий семьи, общества и школы располагает потенциалом воздействия на формирование ценностных ориентаций подрастающего поколения. Такими странами являются страны Южной Азии.

Ценностно-ориентированное воспитание является предметом многочисленных дискуссий в образовательных учреждениях Индии, Бангладеш, Шри-Ланки и других стран. С точки зрения ученых этих стран [1–5], цель образования заключается не только в получении академических знаний, но и в формировании ценностей, необходимых для достижения поставленных целей. Именно ценности определяют социально-духовную, нравственную стороны развития любого общества или нации. Это добродетели, идеалы и качества, на которых основаны убеждения и действия. Система ценностей определяет мировоззрение, взгляды и поведение. Ведущими идеологами духовно-нравственного развития общества перечисленных нами стран являются ученые Индии.

В основе сложившейся ситуации лежит обретение независимости Индии от британского колониализма, которое определило возобновление роста самосознания, поиска путей возрождения и сохранения культуры и духовных ценностей. Исторически сохранять и поддерживать традиционные ценностные ориентиры возлагалось на семью [1, 6, 7]. Существенную роль в данном направлении культурно-воспитательного процесса всегда играли локальные сообщества. Являясь первичными институтами воспитания [8–12], они позволяли на протяжении всей истории развития данного региона создавать необходимые условия формирования и развития духовно-нравственных ценностей, таких как почтение, уважение к старшим, помощь

ближнему, и именно семья играет решающую роль в формировании характера ребенка [13].

Середина XX в. становится для индийского народа новым этапом развития и модернизации общества, при значительной роли образовательного процесса, где произошла переоценка понимания значимости учителя (за счет изменения траектории педагогического образования в Индии) для сохранения индийской культуры, оказания влияния на формирование духовно-нравственной личности. Роль учителя в воспитании становится более существенной, чем роль семьи и общества. При этом следует отметить, что традиционность духовно-нравственного воспитания в Индии восстановила присущую ей силу только после окончания британского колониализма (1947 г.), когда теоретической основой подготовки учителей, определенной идеологами Британского содружества, являлась универсализация системы школьного образования, направленная на идею колониальной подчиненности и нивелирования национального компонента. Принятие мер, направленных на усиление, обновление и имплементацию забытого традиционнокультурного наследия, связанного с формированием национальной идентичности в Индии, прослеживается со второй половины XX в. Они стимулировали рост национального самосознания и возвращение к культурно-философским основам и духовным традициям, заложенным в систему подготовки учителей. Другой реалией подготовки учителей стало понимание необходимости регионализации требований подготовки педагогических кадров, что определено культурной, экономической, социальной вариативностью областей [2, 14–16].

Национальное возрождение индийского общества диктует необходимость подготовки преданных делу возрождения страны квалифицированных специалистов, способных работать на нужды общества с полной отдачей. С этого времени одной из основных задач, возложенных на учителя, является формирование высших жизненных ценностей подрастающего поколения. Индийские авторы позиционируют учителя как проводника и друга, обладающего глубокими философскими познаниями, готового нести ответственность за будущее страны. Это возвращение к философским основам индийского общества, отраженным в трудах великих философов и мыслителей (Ви-

векананда, Шри Ауробиндо, М. Ганди и др.), которые при определении места и роли учителя в учебно-воспитательном процессе первенство отдавали именно личности учителя. Одна из основных задач, которая возлагалась на учителя ранее, – раскрытие способностей и талантов каждого ребенка. При этом, определяя основу духовно-нравственного воспитания, современные идеологи так же калькируют взгляды идеологов традиционной индийской философии и культуры и подразумевают необходимость направления каждого ребенка по пути самопознания, самосовершенствования и саморазвития. Индийскому обществу присуща теория «живых ценностей», на которую учителям следует ориентироваться и создавать соответствующие условия для учащихся при организации учебно-воспитательного процесса. По мнению индийских исследователей, ребенок должен выбрать правильный путь за счёт ненасильственного принятия ценностей добра, любви к своей родине, своему народу, культуре, традициям и истории [4, 17–19].

Разработанные современными методологами программы, направленные на ценностно-ориентированное воспитание индийских школьников, подразумевают сохранение философско-духовной традиции, позволяющей сохранять связь между поколениями даже в условиях глобального сообщества и повышенной интенсивности кросс-культурной коммуникации. В связи с этим обостряется необходимость организации такой системы подготовки современного учителя, которая позволит реализовывать достойное ценностно-ориентированное воспитание. Существует ряд работ, посвященных данной проблематике, где утверждается, что если учитель лично демонстрирует свою приверженность традиционным, философским и культурным ценностям индийского общества на теоретическом и на практическом уровнях, то учащиеся с большей вероятностью их усвоят [2, 4, 20–23]. Особое значение при подготовке учителя имеет когнитивный компонент, а также набор компетенций, который позволит использовать необходимый методический инструментарий развития у учащихся системы ценностей, формирования их духовности и нравственности. Соответствующий блок был внесён в систему подготовки и переподготовки учителей [2, 4, 20–23].

Для того чтобы подготовить учителей к реализации ценностно-ориентированного воспитания, формирования нравственности у молодого поколения, были определены задачи, которые при их решении способствуют личностному, профессиональному, духовно-нравственному саморазвитию и самосовершенствованию непосредственно педагога:

- расширение сферы гуманитарной подготовки, направленной на развитие кругозора не только профессиональной направленности, но историко-культурного и философского толка;

- формирование готовности служения на благо обществу рассматривается как необходимый компонент развития, становления и самореализации личности педагога и как значимая профессиональная компетенция;

- понимание, а также приверженность студентов принятым в индийском обществе духовно-нрав-

ственным, культурно-историческим, социально-философским ценностям;

- осознание воспитательного потенциала каждой учебной единицы, формирование определённого набора ценностей, присущего индийскому обществу;

- вовлечение студентов, будущих педагогов в процесс разработки национальных баз данных (проектов, учебных и воспитательных материалов), что в дальнейшем позволит им не только разрабатывать свои проекты, технологии и уроки, направленные на формирование системы ценностей, но и иметь представление о существующих проектах и разработках, поскольку информационный компонент, по мнению индийских учёных, является не менее важным, чем личностный, технологический и когнитивный компоненты. При этом разработка новых программ, так или иначе ориентированных на учащихся, и решение учебных не воспитательных задач не остаются бесконтрольными.

За реструктуризацию, внесение изменений в школьные учебные программы, равно как и систему подготовки педагогов, планирование и координацию системы, разработку и уточнение нормативно-правовой базы, стандартизацию курсов начальной подготовки, распределение университетских грантов, отвечают Национальный совет по педагогическому образованию (National Council for Teacher Education, NCTE) и Национальный совет по подготовке кадров и исследованиям в области образования (National Council for Educational Research and Training, NCERT). Последний также занимается планированием и координацией развития системы педагогического образования на всей территории страны. В сферу ответственности советов входят регулирование и поддержание норм и стандартов для курсов по начальной педагогической подготовке. Именно данные органы позволяют образовательным учреждениям составлять самостоятельные программы обучения при соответствующем мониторинге качества образования.

Шесть региональных институтов, а также государственные педагогические учебные заведения под надзором вышеперечисленных организаций готовят специализированные программы переподготовки учителей, основная идея которых – формирование духовно-нравственных ценностей индийского общества. Это могут быть отдельные программы или модули, включенные в программу общей переподготовки преподавателей при поддержке Национального университета планирования и управления образованием (National University for Educational Planning and Administration, NUEPA).

Ответственность за общеобразовательную политику в сфере подготовки кадров возложена на Государственный совет по подготовке кадров и исследованиям в области образования (State Council for Educational Research and Training, SCERT). Аспекты ценностно-ориентированного воспитания включены во все программы профильного обучения учителей начальных классов. Эти программы подразумевают овладение студентами инновационными формами и методами ценностно-ориентированного воспитания.

Подготовленный перечисленными выше организациями доклад для комиссии ЮНЕСКО «Образование XXI в. – познание сокровищ внутри страны» [20] позволяет констатировать понимание важности ценностно-ориентированного воспитания на общенациональном уровне и при организации начальной подготовки и переподготовки педагогического состава учебных заведений Индии. Особое значение в этом докладе отводится не только интеллектуальным, но и эмоциональным качествам, которые учителя должны быть готовы и способны прививать детям. Национальная политика в области образования (National Policy on Education, NPE) нашла отражение в Программе действий (Programme of Action, 1992). В результате чего в официальных документах Индии особое внимание уделяется ценностно-ориентированному воспитанию. Некоторые учреждения уже разработали программы подготовки учителей, в рамках которых в учебную программу включено ценностно-ориентированное воспитание, и проводят такие курсы. Кроме того, в Индии существует Институт духовно-нравственного воспитания им. Рамакришны (Ramakrishna Institute of Moral and Spiritual Education, RIMSE) [24], который более 25 лет занимается разработкой программ ценностно-ориентированного и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, программ переподготовки руководителей учебных заведений и переподготовки педагогических кадров, затрагивая вопросы разработки методологии ценностно-ориентированного воспитания и технологий его реализации. Национальный совет по подготовке кадров и исследованиям в области образования включил вопросы по ценностно-ориентированному воспитанию в обновленные специальные программы по профильному обучению для учителей начальных классов. Следует отметить, что во всех учебных программах, разработанных различными субъектами Национального совета, рассматриваются инновационные методы, стратегии ценностно-ориентированного воспитания.

В 2012 г. Центральным советом по вопросам среднего образования (Central Board of Secondary Education, CBSE) были разработаны рекомендации по формированию устойчивых ценностей и установок у учащихся вплоть до 12-го класса. Данный документ называется «Ценностно-ориентированное воспитание».

Анализ исследований, проведенный доктором П. Чатурведи [25], позволил выделить ряд компонентов определяющих успешность деятельности учебного заведения по организации ценностно-ориентированного воспитания:

Эмоциональный, понимание необходимости формирования:

- духовно-нравственных ценностей и идеалов при одновременном воспитании религиозной терпимости;
- позитивно окрашенного отношения к обществу и труду;
- свободного и критического отношения к себе и миру;
- ответственного отношения к культуре и истории своего народа.

Когнитивный:

- понимание необходимости повышения уровня профессиональной компетентности педагогов;
- понимание необходимости развития физических, интеллектуальных и эстетических сторон личности ребенка в единстве;
- знание правил, норм, истории, традиций и устоев общества, в котором живешь.

Ценностный, направленность:

- на воспитание положительного отношения к знаниям и труду;
- воспитание положительного отношения к здоровому образу жизни;
- формирование ответственного отношения к жизни;
- формирование у воспитанников ценности развития и процветания страны и нации.

Деятельностный:

- формирование у учащихся хороших привычек, поддерживаемых чувствами и рациональным мышлением;
- развитие творческих способностей, уверенности в себе;
- достижение образовательных и социальных целей (при проведении образовательных программ или отдельных модулей);
- формирование у воспитанников высокой степени интеллектуальной и нравственной зрелости;
- гармонизация образования;
- создание комфортной развивающей среды;
- содействие нравственному, эстетическому воспитанию.

Исследователи Индии констатируют, что далеко не у всех педагогов существует интернальная потребность соответствовать требованиям, которые позволят им стать примером для подражания. Часто отсутствуют и экстернальные факторы, а именно требования со стороны руководства учебного заведения совершенствовать процесс ценностно-ориентированного воспитания. В связи с чем задача совершенствования процесса формирования у учащихся системы ценностей, развития духовности и нравственности вызывает особую заботу у органов руководства образовательными организациями и системой образования в целом. С этой целью разрабатываются специализированные программы переподготовки учительских кадров, которые будут способствовать не только профессиональному, но и личностному росту [4, 21].

Таким образом, программы, помимо обучения теоретическому блоку знаний, формам, методам и технологиям ценностно-ориентированного воспитания, подразумевают развитие гуманистических мировых ценностей и ценностей индийского общества. Они направлены на развитие чувства ответственности у учителей за будущее страны, понимание ими ценности национальной идентичности и значимости индийской культуры для каждого жителя страны, развитие коммуникативного позитивизма, формирование устойчивого чувства ответственности за нравственность народа, развитие готовности к толерантному противодействию догматическим убеждениям, к не насильственному разрешению конфликтов и содействию культуре мира.

Индийские исследователи, в частности С. Сингх, выделяют следующие показатели сформированности педагогической компетентности для реализации ценностно-ориентированного воспитания [22]:

- понимание педагогом наличия у каждого ребёнка от рождения положительных качеств, которые требуют дальнейшего развития и совершенствования;

- владение педагогическим инструментарием, способствующим проявлению и развитию у учащихся инициативы, направленной на совершенствование мира, нации, локального сообщества, ближнего окружения и самого себя. В основе такого инструментария лежит возможность выбора учебного материала, программы, дела, направленных на ценностно-ориентированное воспитание ученика при контроле со стороны наставника;

- осознание лидирующей роли системы этических ценностей при построении отношений людей между собой на всех уровнях взаимодействия;

- понимание ценности ситуации морального выбора и наличие возможности и способности у педагога строить модель когнитивного моделирования инвариантов данной ситуации для формирования осознанности выбора;

- осмысленность выбора учителями закреплённых официальными документами принятых в обществе ценностей при разработке собственных программ и при имплементации в учебный процесс существующих, в зависимости от потребностей каждого конкретного класса и ученика;

- справедливость и непредвзятость отношения к людям (в зависимости от гендера и гендерных предпочтений, этнической принадлежности, социального положения, политической приверженности, религиозных убеждений);

- осознание самими педагогами неизменных ценностей индийской культуры, уважение к старшим, верность, жертвенность, вера, духовное самосовершенствование, а также общих гуманитарных ценностей, таких как взаимопомощь, честность, товарищество, законопослушание.

Формирование системы ценностей – приоритет организации образования, поскольку является ключевым компонентом развития и формирования «характера» каждого ученика. Сформированный набор ценностей, по мнению учёных и педагогов восточных стран, а также наличие социально значимых, исторически и культурно предопределённых ценностей наравне с должным эмоциональным и духовно-нравственным развитием, позволит добиться успехов во всех сферах жизнедеятельности человека. Для этого при организации ценностно-ориентированного обучения содержание каждого урока в рамках модуля личностного развития должно быть окрашено ситуациями осознанного, ценностно-значимого выбора. В этом случае средствами выступают проза, поэзия, исторические очерки, общие известные иллюстрации философско-культурологического толка или театрализованные постановки, поскольку развитие духа, рационального самопознания и самосовершенствования, по мнению индийских исследователей, должно иметь эмоциональный, ценностный, когнитивный и

деятельностный компоненты, которые перечислены нами ранее.

Перечень центров, занимающихся духовно-нравственным и ценностно-ориентированным воспитанием, очень обширен. Описывать разработки всех центров – это достаточно глобальная задача, поэтому в нашем исследовании приводятся лишь некоторые разработки. Тем не менее для наглядности следует привести пример ряда успешных и результативных программ.

В числе таких разработок можно выделить программу «Dream a Dream» [26] для педагогов и работников социальной сферы, целью которой является формирование жизненных навыков у детей. Программа «Партнёры молодежи по расширению прав и возможностей» (PYE Global) легла в основу адаптированной модели, разработанной для работы с индийскими детьми. Она представляет собой серию семинаров, которые проводятся в течение полугода. За счет использования интерактивных методов и игровых технологий, направленных на расширение творческого потенциала педагогов, данная программа развивает у них способности воспринимать и анализировать информацию, а также позволяет овладеть методическим инструментарием для вовлечения учащихся в деятельность, которая даст возможность сформировать набор необходимых социальных и личностно значимых ценностей.

В качестве другого примера можно привести разработку Регионального ресурсного центра института высшего образования им. Шри Сатья Саи [27], также направленную на формирование готовности работающих педагогов осуществлять ценностно-ориентированное воспитание. Продолжительность данного курса составляет шесть дней (в течение этого времени проводится порядка 20 сессий), что также позволяет охватить большое количество педагогов. Курс подразумевает формирование понимания гуманистических основ ценностно-ориентированного воспитания и основан на развитии понимания взаимосвязи духовного, философского, научного и образовательного компонентов жизни современного индийского общества. Особое значение предается тому, что педагоги должны понимать наличие влияния различных внешних факторов (средовых, социальных, экономических, политических и т.д.) на процесс формирования ценностей детей. Во время подготовки педагогов знакомят с современными методами ценностно-ориентированного обучения и воспитания, с ценностно-ориентированной моделью интегрального образования, практикуемой в учебных заведениях Шри Сатья Саи.

В течение дня учителям читают лекции для совершенствования знания компонента, во второй половине дня проводятся практические занятия, которые посвящены критическому анализу и детальному разбору существующих практик. Педагоги активно вовлечены в дискуссионную и интерактивную деятельность, которая позволяет закрепить услышанное на лекционных курсах. Важным аспектом, которому сотрудники центра уделяют особое внимание, является представление существующих в учебных заведениях

ях (в которых работают данные учителя) практик духовно-нравственного и ценностно-ориентированного воспитания.

Содержание курса можно сгруппировать по следующим основным темам:

1. Концептуальные, философские, методологические основы ценностно-ориентированного воспитания.

2. Модель интегративного образования, разработанная, апробированная и внедренная сотрудниками института имени Шри Сатьи Саи в учебный процесс ряда учебных заведений Индии.

3. Цели и перспективы сотрудничества педагогов и родителей при организации ценностно-ориентированного воспитания;

4. Формы методы и средства ценностно-ориентированного воспитания.

5. Роль межпредметной интеграции при формировании системы ценностей у детей.

Программы центра «Инициатива в области ценностно-ориентированного воспитания» (Val-Ed Initiative) также ориентированы на широкий круг слушателей [28]. В отличие от вышепредставленных примеров, центр одновременно реализует несколько программ. «Saksham Educator Training» ставит своей целью оказание помощи педагогам в понимании, интерпретации и адаптации существующих современных теоретических и методических разработок в области формирования ценностей и воспитания характера у детей всех возрастов. Данная программа подразумевает ознакомительную информационную, междисциплинарную, экспертную оценку и критическую аналитику.

Центром также разработано несколько краткосрочных программ, которые направлены не только на формирование у педагогов готовности осуществления ценностно-ориентированного воспитания, но и непосредственно на организацию ценностно-ориентированного воспитания школьников. Так, к программам, ориентированным на педагогов, относится программа «Values Education for Classroom», позволяющая определить набор ценностей, развитие которых может быть интегрировано в процесс изучения конкретного учебного предмета. Она ориентирована на актуализацию и развитие творческого подхода учителя, преподавание собственного предмета и полноценное использование его воспитательного потенциала.

Программа «Mirrog» отражает взаимосвязь развития человеческой цивилизации и человека, помогает оценить собственное мироощущение и миропонимание через призму общественного, позволяет выявить ценности и идеалы, необходимые для человека и общества, в котором он живет. Программа «India 2020» представляет опыт использования формата геймификации, которая подразумевает командную работу, развитие навыков нестандартного и критического мышления, а также познавательную активность. Целью данной программы является актуализация необходимости осмысления правильности своего отношения к жизни, ценностям, собственному поведению. Программа «Values Education for Classroom» помогает учителям понять, как ценности могут быть интегрированы в изучаемый предмет. Цель данной программы состоит в том, чтобы помочь учителям научиться разрабатывать собственный уникальный способ интеграции ценностей жизни в предметы, которые они преподают.

Таким образом, анализ подготовки учителей к реализации программ по ценностно-ориентированному воспитанию позволяет подтвердить высказывание, общепринятое разработчиками программ ценностного ориентированного воспитания в Индии: «Тот, кто ты есть, учит гораздо большему, чем тот, кем ты себя называешь» [28].

Изменения и преобразования, происшедшие в индийском обществе и в системе образования в целом на протяжении истории развития этого государства, не отразились на понимании ведущей роли учителя в воспитании и формировании духовно-нравственных ценностей у подрастающих поколений. Ответственность государства за ценностно-ориентированное воспитание индийских учителей, лежащая в основе ценностно-ориентированного воспитания школьников, позволяет достигать значительных результатов. Наличие воли, позитивный настрой, вера в светлое будущее при обязательном уважении традиций, культуры и истории народа играют ключевую роль в определении подходов, принципов, условий, форм, методов и механизмов организации процесса воспитания и обучения. Понимание значимости культуры и истории народа, философских основ существования общества способствует устойчивому развитию индивида и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gulati S., Pant D. Education for Values in Schools – A Framework. National Council of Educational Research and Training, Sri Aurobindo Marg. New Delhi. URL: <http://www.ncert.nic.in/departments/nie/depfe/final.pdf> (дата обращения: 28.04.2019)
2. Barahate Yogini S. Role of a Teacher in Imparting Value-Education // IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS). 2014. P. 13–15.
3. Dosanjh J.S. Child – rearing in ethnic minorities. Great Britain : WBC Book Manufacturers Ltd., 1996. 228 p.
4. Ramnath Kishan N. Global Trends in Teacher Education. New Delhi : APH publishing house, 2007. 230 p.
5. Zakirova R.R., Mefodeva M.A., Fakhrutdinova A.V. Moral education in Russia and India: A comparative analysis // Social Sciences (Pakistan). 2016. Vol. 11 (15). P. 3765–3769.
6. Gawande E.N. Value Oriented Education (Vision for Better Living). New Delhi : Sarup & Sons, 2002. 171 p.
7. Goel A., Goel S.L. Human Values and Education. New Delhi : Deep and Deep Publication Pvt Ltd., 2005. 243 p.
8. Just K.M. Nurturing child and adolescent spirituality. Maryland: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2006. 503 p.
9. Lal A.K. The urban family: a study of Hindu social system. New Delhi : Taj Press, 1990. 155 p.
10. Seymour S.C. Women, family and child care in India: a world in transition. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 323 p.
11. Факрутдинова А.В., Махмутова М.М. Роль локального сообщества в развитии духовно нравственной культуры подрастающих поколений в странах Востока // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 1025.
12. Факрутдинова А.В., Махмутова М.Д. Реализация воспитательного потенциала культурного наследия народов Востока в локальном сообществе // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4–2. С. 67–70.

13. Мefодьева М.А., Фахрутдинова А.В. Формы, методы и средства духовно-нравственного воспитания в индийской семье // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2020. № 6 (14).
14. Юхименко А.Н., Мefодьева М.А. Формирование ценностей в системе образования Индии // Успехи современной науки. 2017. Т. 1, № 3. С. 152–156.
15. Fakhrutdinova A.V., Mefodeva M.A., Ukhimenko A.N. Historical perspectives of spiritual and moral education in India // *Man in India*. 2017. Vol. 97 (8). P. 71–77.
16. Фахрутдинова А.В., Выборнова Л.А. Роль традиции в духовно-нравственном становлении гражданина // Образовательная среда сегодня: стратегии развития. 2015. № 1 (2). С. 29–31.
17. Мefодьева М.А. Духовно-нравственное воспитание студентов в условиях глобализации // Ученые записки КГАВМ. 2014. Т. 219. С. 219–222.
18. Mefodeva M.A. The notion of morality in the heritage of Indian and Russian thinkers // В мире научных открытий. 2014. № 9–4 (57). С. 1484–1493.
19. Mefodeva M., Khayrutdinov R., Fakhrutdinova A. Value education philosophy in Russia and India // 9th International conference on education and new learning technologies (EDULEARN17). 2017. P. 9886–9891.
20. Dasari Rajendra Prasad Value System and Value Preferences of Prospective Teachers of Secondary Schools // *An Indian Survey Universal Journal of Educational Research*. 2017. Vol. 5 (8). P. 1403–1409.
21. Pradhan Jyoti Sankar Innovations and Initiatives in Teacher Education // *Zenith International Journal of Multidisciplinary Research*. 2018. Vol. 8, is. 5. P. 116–124.
22. Singh S. Values in Teacher Education: Issues and Challenges // *Scholarly Research Journal for Humanity Science & English language*. 2016. Vol. 3/13. P. 3262–3268.
23. Fakhrutdinova A.V., Kondrateva I.G. Contemporary tendencies of social tutoring in period of multiculturalism: moral characteristic // *Man in India*. 2016. Vol. 96, is. 3. P. 853–858.
24. B. Ed. Course. Ramakrishna Institute of Moral and Spiritual Education (RIMSE). URL: http://rimse.org.in/?page_id=23 (дата обращения: 28.04.2019).
25. Chaturvedi P. Axiological competences: The role of teacher training programme in strengthens it // *Journal of Research & Method in Education*. 2014. Vol. 4 (2). P. 19–23.
26. Singh B.D., Menon R. Life skills in India. An overview of evidence and current practices in or education system. New Delhi : Central Square Foundation, 2016. 24 p.
27. Value Education for Teachers. URL: http://media.radiosai.org/journals/Vol_01/01AUG31/Prasanthi/Values.htm (дата обращения: 28.02.2019).
28. Val-Ed Initiatives. URL: <http://valedindia.com/teacher-training/> (дата обращения: 28.02.2019).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 5 января 2020 г.

The Teacher's Role in Implementing Value-Based Education in India

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 210–216.

DOI: 10.17223/15617793/456/25

Anastasiya V. Fakhrutdinova, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: avfach@mail.ru

Marina A. Mefodeva, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: anjali@inbox.ru

Keywords: value-based education; moral and spiritual values; teacher; teacher education; teacher development programs.

In the era of globalization and industrialization, a distortion of spiritual and moral values in Indian society is observed. These processes have made people financially rich but morally poor. Thus, the issue of the formation and development of values is rather relevant nowadays. One of the most important roles in value formation in India belongs to teachers. Teachers who practice values in their own lives are able to be role models for their students. As educationalists confirm, the aspect of value-based education has to be included into pre-service and in-service education programmes. It should be noted that the system of pre-service and in-service education was under reform for a long time because some efforts were made to renew and adapt programmes which would meet the requirements of a certain region of the country. In the article, some pre-service and in-service value-based education programmes are considered. Value-based education is the subject of numerous discussions in educational institutions in India. According to Indian scholars, the goal of education is not only to obtain academic knowledge, but also to form values that are necessary to achieve goals students set for themselves. As for teachers, modern Indian society needs competent, dedicated, and skilled professionals who are able to meet the society's needs. Today, the teacher's role is that of a friend, philosopher, and guide, and the teacher's main responsibility is to form the highest values in the younger generation: to set children to the right path not by imposing, but by observing, advising. Unfortunately, value formation is hampered by the lack of students' motivation and desire to change something in their lives, so they remain indifferent to various innovations. On the other hand, not all the teachers are role models for their students as they do not have an internal striving or external support for self-development. That is why there is a need to create pre-service and in-service courses which will increase the level of teachers' personal and professional growth in the field of value-based education. The government provides the policy and legal framework for teachers, and state authorities implement educational programmes and schemes. At the state level, the State Council for Educational Research and Training (SCERT) is in charge of in-service training and specialized courses for teachers. At the regional level, this responsibility lies on the District Institute of Education and Training (DIET).

REFERENCES

1. Gulati, S. & Pant, D. (2012) *Education for Values in Schools – A Framework*. [Online] Available from: <http://www.ncert.nic.in/departments/nie/depfe/final.pdf>. (Accessed: 28.04.2019).
2. Barahate, Y.S. (2014) Role of a Teacher in Imparting Value-Education. *IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS)*. 1. pp. 13–15.
3. Dosanjh, J.S. (1996) *Child-rearing in ethnic minorities*. Great Britain: WBC Book Manufacturers Ltd.
4. Ramnath Kishan, N. (2007) *Global Trends in Teacher Education*. New Delhi: APH Publishing House.
5. Zakirova, R.R., Mefodeva, M.A. & Fakhrutdinova, A.V. (2016) Moral education in Russia and India: A comparative analysis. *Social Sciences (Pakistan)*. 11 (15). pp. 3765–3769.
6. Gawande, E.N. (2002) *Value Oriented Education (Vision for Better Living)*. New Delhi: Sarup & Sons.
7. Goel, A. & Goel, S.L. (2005) *Human Values and Education*. New Delhi: Deep and Deep Publication Pvt Ltd.
8. Just, K.M. (2006) *Nurturing Child and Adolescent Spirituality*. Maryland: Rowman & Littlefield Publishers Inc.
9. Lal, A.K. (1990) *The Urban Family: A Study of Hindu Social System*. New Delhi: Taj Press.
10. Seymour, S.C. (2004) *Women, Family and Child Care in India: A World in Transition*. Cambridge: Cambridge University Press.

11. Fakhrutdinova, A.V. & Makhmutova, M.M. (2015) The Role of Local Community in the Development of Growing Generations Spiritual and Moral Culture in the Countries of the East. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 1–1. p. 1025. (In Russian).
12. Fakhrutdinova, A.V. & Makhmutova, M.D. (2014) Involvement of the Cultural Heritage of Eastern Countries Into Educational Proses in Local Communities. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 4–2. pp. 67–70. (In Russian).
13. Mefod'eva, M.A. & Fakhrutdinova, A.V. (2020) Forms, Methods and Means of Moral and Spiritual Education in Indian Family. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Studies of Social Issues*. 6 (14). (In Russian).
14. Mefod'eva, M.A. & Yukhimenko, A.N. (2017) Value Development in Indian System of Education. *Uspekhi sovremennoy nauki*. 1 (3). pp. 152–156. (In Russian).
15. Fakhrutdinova, A.V., Mefodeva, M.A. & Ukhimenko, A.N. (2017) Historical perspectives of spiritual and moral education in India. *Man in India*. 97 (8). pp. 71–77.
16. Fakhrutdinova, A.V. & Vybornova, L.A. (2015) [The role of tradition in the spiritual and moral formation of a citizen]. *Obrazovatel'naya sreda segodnya: strategii razvitiya* [Educational Environment Today: Development Strategies]. Proceedings of the International Conference. Cheboksary: Interaktiv plus. pp. 29–31. (In Russian).
17. Mefod'eva, M.A. (2014) Value-Oriented Education at Higher Educational Institutions at the Time of Globalization. *Uchenye zapiski KGAVM*. 219. pp. 219–222. (In Russian).
18. Mefodeva, M.A. (2014) The notion of morality in the heritage of Indian and Russian thinkers. *V mire nauchnykh otkrytiy*. 9–4 (57). pp. 1484–1493.
19. Mefodeva, M., Khayrutdinov, R. & Fakhrutdinova, A. (2017) Value education philosophy in Russia and India. *Proceedings of the 9th International Conference on Education and New Learning Technologies (EDULEARN17)*. Barcelona, Spain. pp. 9886–9891.
20. Dasari, R.P. (2017) Value System and Value Preferences of Prospective Teachers of Secondary Schools. *An Indian Survey Universal Journal of Educational Research*. 5 (8). pp. 1403–1409.
21. Pradhan, J.S. (2018) Innovations and Initiatives in Teacher Education. *Zenith International Journal of Multidisciplinary Research*. 8 (5). pp. 116–124.
22. Singh, S. (2016) Values in Teacher Education: Issues and Challenges. *Scholarly Research Journal for Humanity Science & English Language*. 3/13. pp. 3262–3268.
23. Fakhrutdinova, A.V. & Kondrateva, I.G. (2016) Contemporary tendencies of social tutoring in period of multiculturalism: moral characteristic. *Man in India*. 96 (3). pp. 853–858.
24. Ramakrishna Institute of Moral and Spiritual Education (RIMSE). (2019). *About B.Ed.* [Online] Available from: http://rimse.org.in/?page_id=23. (Accessed: 28.04.2019).
25. Chaturvedi, P. (2014) Axiological competences: The role of teacher training programme in strengthens it. *Journal of Research & Method in Education*. 4 (2). pp. 19–23.
26. Singh, B.D. & Menon, R. (2016) *Life Skills in India. an Overview of Evidence and Current Practices in our Education System*. New Delhi: Central Square Foundation.
27. Radiosai. (2003) *Value Education for Teachers*. [Online] Available from: http://media.radiosai.org/journals/Vol_01/01AUG31/Prasanthi/Values.htm. (Accessed: 28.02.2019).
28. Val-Ed. (2019) *Val-Ed Initiatives*. [Online] Available from: <http://valedindia.com/teacher-training/>. (Accessed: 28.02.2019).

Received: 05 January 2020

ПРАВО

УДК 341.4

О.Н. Ведерникова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Рассматривается современное состояние международного уголовного права как отрасли права: дается характеристика преступлений по международному уголовному праву, анализируются доктринальные точки зрения по вопросу о соотношении международного и внутригосударственного уголовного права, аргументируется авторский подход, вводится понятие международной опасности деяний. Раскрывается значение деятельности международных судов и трибуналов, дается оценка поправок к Конституции Российской Федерации в части международного права.

Ключевые слова: международное уголовное право; виды преступлений; международная опасность деяний; международные суды и трибуналы; имплементация.

В настоящее время идет активное формирование международного уголовного права как самостоятельной отрасли международного публичного права. Получила распространение практика преподавания данной дисциплины для студентов-юристов высших учебных заведений. В этих целях разными авторами и их коллективами, в том числе специалистами в области уголовного права, издаются многочисленные монографии и учебники. Однако процесс формирования нормативного комплекса, регулирующего международные отношения в уголовно-правовой сфере, в качестве самостоятельной отрасли права еще не закончен, поскольку среди специалистов (как российских, так и зарубежных) отсутствует единство в понимании структуры предмета данной отрасли, ее соотношения с международным и национальным правом, а также используемой терминологии.

Существует несколько основных подходов к решению вопроса о соотношении международного и национального уголовного права:

1) международное уголовное право – это самостоятельная отрасль международного права [1. С. 30; 2. С. 10; 3. Р. 3; 4. Р. 9];

2) международное уголовное право следует рассматривать как часть национального уголовного права [5. С. 331–346];

3) международное уголовное право представляет собой самостоятельную комплексную отрасль права, включающую нормы международного и национального уголовного права [6. С. 7; 7. С. 7].

Оценивая приведенные выше точки зрения по вопросу об отраслевой принадлежности международного уголовного права, следует иметь в виду, что в российской теории права для разграничения отраслей права применяются два критерия: предмет и метод правового регулирования. С учетом указанных критериев, а также источников рассматриваемой отрасли, международное уголовное право нельзя признать частью национального уголовного права, также как нельзя согласиться с тем, что в структуре данной отрасли присутствуют нормы как международного, так и национального уголовного права. Нормы национального и международного права оказывают влияние друг на друга, но не утрачивают своей самостоятельности: международно-правовые нормы, сформулиро-

ванные под влиянием национального права, после их закрепления в международных источниках приобретают международный характер; и напротив, международные нормы, имплементированные в национальное законодательство, в результате этого становятся внутригосударственными нормами. В тех случаях, когда имеет место непосредственное действие международных норм, последние не утрачивают своего международного характера и подчиняются правилам толкования и применения, предусмотренным в международной правовой системе.

На наш взгляд, международное уголовное право является отраслью (точнее – подотраслью) международного публичного права, но прежде чем давать характеристику его предмета и метода, отметим следующее: среди отечественных и зарубежных ученых, разделяющих данную точку зрения, отсутствует единство взглядов по вопросу о конкретных видах международных норм, входящих в структуру предмета международного уголовного права.

Отдельные зарубежные ученые ограничивают предмет международного уголовного права нормами, регулирующими уголовное преследование в национальных и международных судебных инстанциях только наиболее тяжких международных преступлений [8. С. 38–39]. В то же время большинство специалистов (как российских, так и зарубежных) считают данную отрасль комплексной, включая в ее предмет не только вопросы уголовной ответственности за преступления, но и процессуальные аспекты применения норм международного уголовного права, деятельность органов международной уголовной юстиции, а также проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью [3. Р. 3; 4. Р. 4–5; 9. Р. 357–385; 10].

На наш взгляд, оба вышеуказанных подхода к структуре предмета международного уголовного права несовершенны: первый является чрезмерно узким, а второй – неоправданно широким, не соответствующим современному уровню развития международного права, переживающему период бурного развития, для которого характерно не только количественное увеличение числа международных договоров о противодействии преступности и составляющих их норм, но и качественное их изменение, в том числе за счет рас-

ширения и углубления правового регулирования затрагиваемых вопросов; кроме того, наблюдается увеличение числа источников международного уголовного права за счет прецедентных решений, принимаемых органами международной уголовной юстиции.

В результате существенно увеличился комплекс международных уголовно-правовых норм материального характера, регулирующих вопросы ответственности за совершение деяний, преступность которых установлена нормами международного права, а также наметилась тенденция к обособлению международных процессуальных норм. Констатируется факт формирования самостоятельной отрасли международного уголовно-процессуального права, которая, как считают ее сторонники, включает международное регулирование процедуры уголовного судопроизводства, проблемы международного сотрудничества по уголовным делам и деятельность органов международной уголовной юстиции [11; 12. С. 90–98]. В поддержку данной точки зрения свидетельствует также то обстоятельство, что вопросы международного сотрудничества по уголовным делам (взаимная правовая помощь, выдача лиц, передача осужденных и др.) в российской правовой системе регулируются положениями Части пятой Уголовно-процессуального кодекса РФ, которая так и называется: «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства».

В этой связи следует признать справедливым вывод отечественных исследователей о том, что в настоящее время «международное уголовное право приобрело черты самостоятельной отрасли. И данный вывод основан на том факте, что международное уголовное право регулирует целый участок однородных правовых отношений и интересов и что у международного уголовного права все в большей мере оформляется специфический режим юридического регулирования» [1. С. 29].

С учетом изложенного выше, полагаем более предпочтительным придерживаться третьего подхода к предмету международного уголовного права, который можно назвать специальным или отраслевым, поскольку он ограничивает структуру предмета данной отрасли международными материально-правовыми нормами, регуливающими уголовную ответственность за международные преступления и преступления международного характера.

Международными преступлениями принято считать деяния, впервые предусмотренные в Уставе Нюрнбергского трибунала (1945 г.), а ныне квалифицированные в Римском статуте Международного уголовного суда как геноцид; преступления против человечности; военные преступления; преступление агрессии. Указанные деяния принято именовать «ключевыми преступлениями по международному праву» (*the core crimes under international law*), «злодеяниями» (*atrocities*), «тягчайшими преступлениями» (*grave crimes*) или «самыми серьезными преступлениями» (*the most serious crimes*), вызывающими озабоченность всего международного сообщества, а также просто – международными преступлениями. Иногда к этой категории преступлений применяется термин «преступления против мира и безопасности челове-

ства». Принято считать, что в международных преступлениях прослеживается роль самого государства, поскольку они совершаются руководителями страны или по их поручению – должностными лицами, вследствие чего такие деяния рассматриваются как нарушения *jus cogens* норм, запрещающих совершать подобные агрессивные, насильственные, широкомасштабные действия. Указанные запреты порождают обязательства *erga omnes*, которые должны выполняться всеми безоговорочно. Считается также, что ответственность за подобные преступления установлена общепризнанными нормами права и наступает независимо от того, имеются ли соответствующие нормы в национальном законодательстве, поскольку реализуется в деятельности международных судов и трибуналов.

Преступлениями международного характера (или конвенционными преступлениями) в отечественной доктрине международного права принято именовать деяния, ответственность за которые установлена международными договорами (терроризм, торговля людьми, коррупция, незаконный оборот наркотических средств и др.). Существенное отличие данных деяний от международных преступлений состоит в том, что в них отсутствует «государственный элемент», поскольку они совершаются не от имени государства или по его поручению, но по собственной инициативе физических лиц и преступных организаций, вопреки интересам государства, и входят в юрисдикцию национальных (внутригосударственных) судов.

В структуру предмета международного уголовного права входят нормы, устанавливающие действие международных уголовно-правовых норм во времени и в пространстве, признаки преступлений, субъектов преступления, регулирующие соучастие в преступлении, ответственность за неоконченное преступление, обстоятельства, исключающие ответственность, принципы назначения наказания и другие вопросы, традиционно относимые к сфере уголовного права.

Полагаем, что изложенный выше специальных (отраслевой) подход к предмету международного уголовного права в наибольшей степени соответствует содержанию данной отрасли права, имея ввиду его материально-правовую составляющую. Указанный подход находит отражение в некоторых учебниках по международному уголовному праву, авторы которых, несмотря на декларируемое широкое понимание предмета данной отрасли, ограничивают содержание своих работ международными нормами материального уголовного права [6. С. 7] или же весьма близки к такому ограничению [13].

Для специалистов в области международного публичного права такое понимание структуры предмета международного уголовного права может показаться чрезмерно узким, но следует учитывать следующее. В последние годы международное право, будучи средством установления глобального миропорядка (хорошо это или плохо – другой вопрос), пытаясь усилить свое влияние и унифицировать общественные отношения в различных сферах, в том числе в области борьбы с преступностью, нередко включает в предмет своего регулирования вопросы, ранее традиционно

входившие в национальную юрисдикцию, что обуславливает необходимость гармонизации с внутригосударственным правом во избежание противоречий. В этих условиях простого описательного подхода к содержанию международных конвенций о противодействии преступности явно недостаточно для их эффективного применения, тем более в такой чувствительной сфере, каковой является область уголовного права, затрагивающая фундаментальные права человека, в том числе право на свободу и частную собственность, поскольку уголовное наказание нередко связано с их ограничением. Назрела необходимость дополнить анализ позитивных норм международного уголовного права исследованием доктринальных положений и проблем правоприменения в целях более точного уяснения содержания, целей и задач данной отрасли права, что необходимо для эффективной имплементации международных норм, имеющей первостепенное значение.

Такие работы уже появляются как в отечественной, так и в зарубежной литературе [1. С. 434–458; 14; 15. С. 58–76], что является дополнительным свидетельством расширения предмета международного уголовного права, требующего углубленного анализа уголовно-правых норм материального характера в рамках самостоятельной части международного права. Издания, в которых международные уголовно-правовые нормы представлены в качестве структурного элемента более широких дисциплин, таких как «Международное сотрудничество в борьбе с преступностью» или «Международное право борьбы с преступностью», дают комплексное представление об основных направлениях взаимодействия государств в борьбе с преступностью [16, 17], но не позволяют подробно осветить международно-значимые вопросы уголовно-правового характера, учесть их специфику.

На основании изложенного полагаем, что международное уголовное право является самостоятельной отраслью международного права, предмет которой составляют отношения государств и международных организаций по вопросам установления уголовной ответственности за деяния, представляющие угрозу всему мировому сообществу, безопасности и благополучию государств.

В качестве обобщенной характеристики преступлений, входящих в структуру предмета международного уголовного права (международных и конвенционных), предлагается использовать такое понятие, как *международная опасность деяния*. Данное понятие сформулировано по аналогии с общественной опасностью деяния как основным признаком преступления по Уголовному кодексу РФ. При таких обстоятельствах под международной опасностью деяния следует понимать причинение вреда или создание угрозы причинения вреда международному миру, безопасности и благополучию государств.

Метод регулирования международных отношений в сфере материального уголовного права является комплексным и включает три основных метода: запрет, предписание, дозволение, имеющих специфическое применение.

Метод прямого запрета применяется только в отношении международных преступлений, которые руководителям государств и иным лицам запрещается совершать, независимо от наличия соответствующих норм в национальном праве. Во всех иных случаях (в отношении преступлений международного характера) метод запрета международно-опасных деяний применяется опосредованно, через согласованные волеизъявления участников межгосударственных отношений, выразивших согласие с установлением такого запрета в пределах своей юрисдикции.

Метод предписаний присущ большинству норм международного уголовного права, которые прямо предписывают установление преступности и наказуемости того или иного деяния в национальном законодательстве государств, что порождает соответствующие международные обязательства для признавших данные нормы государств.

Метод дозволения проявляется в международном уголовном праве путем предоставления государству возможности выбора рекомендованного варианта решения уголовно-правовых вопросов в соответствии с особенностями своей правовой системы.

Источниками международного уголовного права являются общепризнанные принципы и нормы международного права, положения международных договоров, нормативные документы международных организаций и решения органов международного уголовного правосудия, имеющие прецедентный характер.

Основными субъектами международного уголовного права являются государства и международные организации, которые создают и имплементируют международные нормы об уголовной ответственности за преступления. К числу дополнительных (производных) субъектов международного уголовного права относятся наднациональные органы международной уголовной юстиции, прецедентные решения которых по делам о международных преступлениях являются одним из источников международного уголовного права.

Вопрос о признании решений международных судов и трибуналов в качестве обязательных для применения и толкования международных норм в пределах национальной юрисдикции решается с учетом наличия (или отсутствия) выраженного в установленной форме согласия государства на обязательность международного договора, в соответствии с которым учреждены данные международные органы. Необходимо также руководствоваться положениями ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, из которых следует приоритет Конституции РФ в отношении норм международного права.

Так, например, известно, что 16.11.2016 г. Президент РФ издал Распоряжение № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда». Данное обстоятельство свидетельствует о том, что положения Римского статута, а также их толкование, данное в решениях Международного уголовного суда (далее МУС), не являются обязательными для применения на территории России. Означает ли это безнаказанность российских граждан за международные преступления? С учетом положений гл. 34 Уголовного

кодекса РФ, озаглавленной «Преступления против мира и безопасности человечества», включающей статьи об уголовной ответственности за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353), разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356), геноцид (ст. 357) и некоторые иные международно опасные деяния, можно прийти к выводу, что в нашей стране имеется необходимый правовой инструментарий для противодействия наиболее опасным международным преступлениям и неучастие России в Римском статуте Международного уголовного суда не свидетельствует об отказе от борьбы с предусмотренными в нем преступлениями. На наш взгляд, для приведенного выше решения Президента РФ по вопросу о неучастии России в Римском статуте и, как следствие, в работе МУС, имеются иные основания, в том числе связанные с противоречием ряда положений Римского статута Международного уголовного суда нормам Конституции РФ и международного права [18. С. 13–19].

По иному обстоит дело с приговором Нюрнбергского трибунала, поскольку 05.05.2014 г. был принят Федеральный закон № 128-ФЗ, который дополнил Уголовный кодекс РФ новой статьей 354.1 «реабилитация нацизма», установившей уголовную ответственность за «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично».

Таким образом, конкретное решение международного судебного органа, а именно приговор Нюрнбергского трибунала, впервые официально признано источником российского уголовного права, имеющим преюдициальное значение для российских судов, поскольку обстоятельства, установленные данным приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки (ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ); более того, отрицание фактов, установленных данным приговором, само по себе является преступлением и влечет уголовную ответственность.

Учитывая вышеизложенное, выше можно дать следующее определение: международное уголовное право представляет собой систему международно-правовых принципов и норм, регулирующих международные отношения, связанные с установлением преступности и наказуемости международно опасных деяний.

Фактическая реализация международных уголовно-правовых норм (имплементация) в российском уголовном законодательстве осуществляется двумя способами: непосредственно и опосредованно. Непосредственное применение материальных норм международного уголовного права в Российской Федерации носит ограниченный характер и допускается лишь в тех случаях, когда это прямо предусмотрено

Уголовным кодексом РФ, т.е. в форме прямой отсылки к конкретному международному договору (например, ст. 355 и 356 УК РФ) [19]. Указанное ограничение установлено с учетом положений Конституции РФ и Уголовного кодекса РФ, из которых следует, что единственным источником уголовно-правовых норм в нашей стране является Уголовный кодекс РФ. Таким образом, основным способом имплементации (осуществления) норм международного уголовного права является их включение в состав положений Уголовного кодекса РФ путем инкорпорации или трансформации, направленных на криминализацию международноопасных деяний [20. С. 43–63].

В результате общенародного голосования 01 июля 2020 г. в Конституцию РФ внесены изменения, в соответствии с которыми, в частности, в ст. 79 включено положение о том, что «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Кроме того, ст. 125 Конституции РФ дополнена частью 5.1, наделяющей Конституционный Суд РФ как высший орган конституционного контроля правом разрешать вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации (пункт б).

Может возникнуть вопрос: не отразятся ли изменения, внесенные в Конституцию РФ, на эффективности выполнения международных обязательств России, в том числе в уголовно-правовой сфере, связанной с установлением преступности и наказуемости деяний, представляющих угрозу международному правопорядку? Думается, что значимого влияния на эффективность международного сотрудничества в противодействии преступности уголовно-правовыми методами новые поправки к Конституции РФ не окажут по следующим причинам:

Во-первых, поправки не касаются общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ, являющихся основными источниками международно-правовых норм о преступности и наказуемости деяний, и не отменяют обязательств России по их соблюдению.

Во-вторых, они касаются главным образом решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров РФ, а таких органов, принимающих значимые для уголовно-правовой сферы решения, подлежащие обязательному исполнению, весьма немного и включают они, преимущественно, межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, в компетенцию которых входит рассмотрение жалоб, поданных против

РФ, в том числе: Европейский Суд по правам человека, Комитет ООН по правам человека, Комитет ООН против пыток и некоторые другие подобные органы, решения которых касаются в основном процессуальных аспектов судопроизводства, не затрагивая вопросов материальной уголовной ответственности.

В-третьих, кажущееся расширение полномочий Конституционного Суда РФ за счет разрешения вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров, в действительности таковым не является, поскольку данный вопрос разрешен в Федеральном конституционном законе от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», в который в 2015 г. были внесены соответствующие дополнения. В свою очередь, указанные полномочия Конституционного Суда РФ обусловлены положением ч. 1 ст. 15 Конституции РФ о ее высшей юридической силе. До сих пор данное положение возражений не вызывало.

Что касается органов международной уголовной юстиции, таких как Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), МУС и другие, их решения по вопросу об ответственности за наиболее тяжкие международные преступления никогда не выносились в отношении России и потому не должны были исполняться на территории страны. Решения международных правоприменительных органов можно рассматривать как источник международного уголовного права, обязательный для применения, только в отношении тех стран, которые выразили согласие на участие в учредившем данные органы международном договоре. Между тем, легитимность МТБЮ, созданного резолюцией Совета Безопасности ООН, давно оспаривается специалистами [22. С. 15–22], а в Римском статуте МУС наша страна, как указано выше, не участвует, следовательно, решения данных судебных органов не обладают юридической силой для России.

Таким образом, конституционный контроль над решениями межгосударственных органов и приоритет Конституции РФ в отношении норм международного права (в том числе уголовного) – это не новинка в российском праве, но попытка дополнительно утвердить суверенитет России в международных отношениях, вызванная, как думается, проявлениями на международной арене русофобии и попыток очернить нашу страну, обвинив, в том числе, в совершении тяжких международных преступлений, включая «развязывание» Второй мировой войны. Хочется ответить таким русофобам: читайте приговор Нюрнбергского трибунала, там все написано.

В связи с этим хотелось бы с недоумением отметить, что в учебниках по международному уголовному праву, вышедших уже после издания распоряжения Президент РФ от 16.11.2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда», слишком много внимания уделяется положениям Римского статута МУС, неприменимым в нашей стране, но недостаточно – нормам и принципам Устава Нюрнбергского трибунала, а также положениям его приговора, который сыграл важную практическую

роль в противодействии тягчайшим международным преступлениям, совершенным в период Второй мировой войны, прежде всего, путем осуждения и наказания лиц, виновных в развязывании военных действий и совершении преступлений против мира и безопасности всего человечества.

Принципы, закрепленные в Уставе Нюрнбергского трибунала, были подтверждены решениями Генеральной Ассамблеи ООН (Резолюция 95 (I) от 11.12.1946), а также Комиссии международного права ООН (1950) и в настоящее время являются общепризнанными нормами международного права [23, 24]. Положения Устава Нюрнбергского трибунала, в котором в кодифицированном виде в рамках одного документа были квалифицированы наиболее тяжкие преступления против мира и безопасности человечества, а также сформулированы принципы ответственности за них, явились основой для формирования современного международного уголовного права и международной уголовной юстиции [25. С. 89–94].

С учетом изложенного выше полагаю обоснованным и необходимым включать выдержки из приговора Нюрнбергского трибунала в качестве приложения в учебники по международному уголовному праву. Официальный текст данного документа хранится в специальном фонде Государственного архива РФ и может быть предоставлен в электронном виде по запросу. Нередко с такими запросами в Госархив обращаются представители правоохранительных органов при расследовании преступлений по ст. 354¹ УК РФ. Полагаю, что публикация материалов приговора Нюрнбергского трибунала имела бы важное воспитательное, а значит, профилактическое значение, прежде всего для молодежи, которая не слишком хорошо знает мировую историю, а также историю собственной страны, что приводит некоторых из них на скамью подсудимых по обвинению в реабилитации нацизма.

Что касается эффективности международного уголовного права, на наш взгляд, она определяется степенью достижения тех целей и задач, которые поставлены перед данной отраслью. Источником сведений о целях и задачах международного уголовного права является доктрина (учебники, монографии, статьи), а также международные нормативные акты, прежде всего, их преамбула, в которой и формулируются поставленные перед тем или иным актом цели. Необходимо также дать ответ на вопрос: а для чего необходимы нормы международного уголовного права? Почему для привлечения виновных к ответственности недостаточно норм национального (внутригосударственного) права и каковы взаимоотношения между двумя правовыми системами – международной и национальной?

Краткий ответ на поставленные вопросы звучит следующим образом: международно-правовые нормы об ответственности за наиболее тяжкие международные преступления (геноцид, преступления против человечности, военные преступления, преступления агрессии) необходимы в целях предотвращения военных конфликтов и наказания лиц, виновных в их развязывании; нормы об ответственности за преступления международного характера (конвенционные преступления) нацелены на предупреждение и борьбу с

деяниями, представляющими угрозу для стабильности и безопасности государств, их демократических институтов и ценностей.

Международное уголовное право в последние годы переживает период расцвета, переходящего в экспансию: быстрыми темпами, увеличивается число международных конвенций о противодействии преступности, растет число деяний, охватываемых международным регулированием, но возникает вопрос: а становится ли от этого безопаснее в мире? Повышается ли степень общественной безопасности в государствах, имплементировавших многочисленные международные договоры о противодействии преступности? Ответ на эти вопросы требует дополнительного изучения, в том числе на основе документов ООН о состоянии преступности в мире и зарубежной литерату-

ры относительно преступности в отдельных странах и регионах [26].

Современная международная обстановка свидетельствует о том, что предотвратить международные конфликты (в том числе региональные) с помощью правовых норм и угрозы привлечения виновных к международной ответственности в настоящее время не удастся. Но это не умаляет значимости международных договоров о противодействии коррупции, терроризму, незаконному обороту наркотиков и другим преступлениям международного характера, которые весьма актуальны для России, в связи с чем имеется необходимость в имплементации в российской правовой системе наиболее эффективных международно – правовых норм, направленных на предупреждение и борьбу с преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международное уголовное право : учеб. для вузов / А.В. Наумов, А.Г. Кибальник, В.Н. Орлов, П.В. Волосюк ; под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 509 с.
2. Лебединец И.Н. Международное уголовное право : учеб. пособие. М. : Проспект, 2017. 112 с.
3. Cassese's International Criminal Law. Third Edition. Oxford : Oxford University Press, 2013. 414 p.
4. An Introduction to International Criminal Law and Procedure / Robert Cryer ... [et al.]. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 618 p.
5. Есаков Г.А. Международно-уголовное право как подотрасль российского уголовного права: современное состояние и проблемы // Международное право и международные организации. 2015. № 3. С. 331–346.
6. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право : учеб. пособие для магистрантов. М. : Проспект, 2015. 112 с.
7. Ного С. Международное уголовное право / пер. А.А. Литвинской. СПб. : Юридический центр, 2019. 336 с.
8. Верле Г. Принципы международного уголовного права : учебник / пер. с англ. С.В. Саяпина. Одесса : Феникс; Москва : Транслит, 2011. 910 с.
9. Bantekas I., Nash S. International Criminal Law. 3rd ed. London ; New York : Routledge-Cavendish, 2007. 594 p.
10. Международное право. Особенная часть : учеб. для вузов / М.В. Андреев, П.Н. Бирюков, Р.М. Валеев и др. ; отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М. : Статут, 2010. 624 с.
11. Бирюков П.Н. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 368 с.
12. Рабцевич О.И. Международное уголовно-процессуальное право: к вопросу о самостоятельности нормативного комплекса // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 90–98.
13. Попаденко Е.В. Международное уголовное право : учеб. пособие. М. : Юрлитинформ, 2012. 187 с.
14. International Criminal Law and Philosophy / edit. by L. May, Z. Hoskins. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 258 p.
15. Международное уголовное право : учеб. для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. А.В. Бриллиантова ; отв. ред. А.А. Арямов, Г.А. Русанов. М. : Юрайт, 2019. 357 с.
16. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учеб. для академического бакалавриата / отв. ред. Р.А. Каламкарян. М. : Юрайт, 2016. 348 с.
17. Уткин В.А. Международное право борьбы с преступностью : учеб. пособие. М. : ЮСТИЦИЯ, 2019. 188 с.
18. Ведерникова О.Н. К вопросу о ратификации Римского статута Международного уголовного суда // Уголовное судопроизводство. 2010. № 4. С. 13–19.
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12, п. 6.
20. Костенко Н.И. Проблемы имплементации в международном уголовном праве // Международное право и международные организации. 2014. № 1. С. 43–63.
21. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 16.03.2020. № 11. Ст. 1416.
22. Мезяев А.Б. Основные правовые проблемы создания и деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии // Международный трибунал по бывшей Югославии: деятельность, результаты, эффективность : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 22–23 апреля 2009 г.) / отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М. : Индрик, 2002. С. 15–22.
23. Резолюция 95(1) Генеральной Ассамблеи ООН «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала» (Принята 11.12.1946 на 55-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии с 23 октября – 15 декабря 1946 г. Лейк Соксес, Нью-Йорк : Объединенные Нации, 1947. С. 139–140.
24. Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала (Приняты в 1950 г. на второй сессии Комиссии международного права ООН) // Международное публичное право : сб. док. М. : БЕК, 1996. Т. 2. С. 101–102.
25. Ведерникова О.Н. Значение Нюрнбергского трибунала для противодействия международным преступлениям и развития международного уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 6 (56) С. 89–94.
26. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций : аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик и др. СПб. : Юридический центр – Академия, 2019. 342 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 июня 2020 г.

The article reveals a complex of theoretical and methodological issues inherent in the research of the problems of legal regulation of the criminal responsibility for the most serious and internationally dangerous crimes. The range of problems affects methodological, historical, international, and criminal law aspects. The object of the study was a complex of criminal law relations arising from the nature of internationally dangerous acts. In the study, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis, system-structural; the following specific scientific methods were used: formal and legal analysis, comparative historical, expert assessment. In the article, a number of conclusions are obtained. In the Russian theory of law, two criteria are used to distinguish between branches of law: the subject and the method of legal regulation. With their account, international criminal law cannot be recognized as part of national criminal law. One cannot also agree that the structure of this branch of law contains norms of both international and national criminal law. The norms of national and international law influence each other, but do not lose their independence. International legal norms formulated under the influence of national law, after they are enshrined in international sources, receive an international character. On the contrary, international norms implemented in national legislation become domestic norms. The constitutional control over the decisions of interstate bodies and the priority of the Constitution of the Russian Federation in relation to international law is an affirmation of Russia's sovereignty in international relations. It is reasonable and necessary to include extracts from the verdict of the Nuremberg Tribunal as an appendix to textbooks on international criminal law. The publication of the materials of the judgement of the Nuremberg Tribunal has an important educational, and therefore preventive, value, primarily for young people, who do not know enough about world history. The limitations of this knowledge often lead some of them to the dock on charges of rehabilitating Nazism. The current international situation shows that, at present, it is not possible to prevent international conflicts (including regional ones) with the help of legal norms and the threat of bringing perpetrators to international responsibility. But this does not diminish the significance of international treaties on combating corruption, terrorism, drug trafficking, and other crimes of an international nature. The final conclusion is the provision that the priority of national legislation in the criminal law sphere is an inseparable attribute of the legal sovereignty of any state, especially if it claims to be a world power.

REFERENCES

1. Naumov, A.V. & Kibal'nik, A.G. (eds) (2019) *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo* [International Criminal Law]. 4th ed. Moscow: Yurayt.
2. Lebedinets, I.N. (2017) *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo* [International Criminal Law]. Moscow: Prospekt.
3. Cassese, A. & Gaeta, P. (2013) *Cassese's International Criminal Law*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press.
4. Cryer, R. et al. (eds) (2012) *An Introduction to International Criminal Law and Procedure*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Esakov, G.A. (2015) *Mezhdunarodno-ugovnoe pravo kak podotrasl' rossiyskogo ugovnogo prava: sovremennoe sostoyanie i problemy* [International criminal law as a sub-branch of Russian criminal law: Current state and problems]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii – International Law and International Organizations*. 3. pp. 331–346. DOI: 10.7256/2226-6305.2015.3.15751
6. Inogamova-Khegay, L.V. (2015) *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo* [International Criminal Law]. Moscow: Prospekt.
7. Nogo, S. (2019) *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo* [International Criminal Law]. Translated from English by A.A. Litvinskaya. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr.
8. Werle, G. (2011) *Printsipy mezhdunarodnogo ugovnogo prava* [Principles of International Criminal Law]. Translated from English by S.V. Sa-yapin. Odessa: Feniks; Moscow: TransLit.
9. Bantekas, I. & Nash, S. (2007) *International Criminal Law*. 3rd ed. London; New York: Routledge-Cavendish.
10. Valeev, R.M. & Kurdyukov, G.I. (eds) (2010) *Mezhdunarodnoe pravo. Osobennaya chast' [International Law. Special Part]* Moscow: Statut.
11. Biryukov, P.N. (2001) *Mezhdunarodnoe ugovno-protsessual'noe pravo i pravovaya sistema Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskie problemy* [International Criminal Procedural Law and the Legal System of the Russian Federation: Theoretical Problems]. Law Dr. Diss. Voronezh.
12. Rabtsevich, O.I. (2011) International Criminal Procedural Law: On the Question of Self-Sufficiency of Normative Complex. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 3. pp. 90–98. (In Russian).
13. Popadenko, E.V. (2012) *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo* [International Criminal Law]. Moscow: Yurlitinform.
14. May, L. & Hoskins, Z. (eds) (2010) *International Criminal Law and Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Aryamov, A.A. & Rusanov, G.A. (eds) (2019) *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo* [International Criminal Law]. Moscow: Yurayt.
16. Kalamkaryan, R.A. (ed.) (2016) *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s prestupnost'yu* [International Cooperation in the Fight Against Crime]. Moscow: Yurayt.
17. Utkin, V.A. (2019) *Mezhdunarodnoe pravo bor'by s prestupnost'yu* [International Law of Combating Crime]. Moscow: YuSTITsIYA.
18. Vedernikova, O.N. (2010) K voprosu o ratifikatsii Rimskogo statuta Mezhdunarodnogo ugovnogo suda [On the ratification of the Rome Statute of the International Criminal Court]. *Ugovnoe sudoproizvodstvo*. 4. pp. 13–19.
19. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2003) Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 of 10 October 2003 “on the Application by Courts of General Jurisdiction of Generally Recognized Principles and Norms of International Law and International Treaties of the Russian Federation”. 12. p. 6.
20. Kostenko, N.I. (2014) Problemy implementatsii v mezhdunarodnom ugovnom prave [Problems of implementation in international criminal law]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii – International Law and International Organizations*. 1. pp. 43–63.
21. Russian Federation. (2020) Zakon RF o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ “O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti” [The law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation No. 1-FKZ of 14 March 2020 “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 16 March. 11. Art. 1416.
22. Mezyaev, A.B. (2002) [The main legal problems of the creation and activities of the International Tribunal for the Former Yugoslavia]. *Mezhdunarodnyy tribunal po byvshey Yugoslavii: deyatel'nost', rezul'taty, effektivnost'* [International Tribunal for the Former Yugoslavia: Activities, Results, Effectiveness]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 22–23 April 2009. Moscow: Indrik. pp. 15–22. (In Russian).
23. UN. (1947) Rezolyutsiya 95(I) General'noy Assamblei OON “Podtverzhenie printsipov mezhdunarodnogo prava, priznannykh Statutom Nyurnbergskogo tribunala” (Prinyata 11.12.1946 na 55-m plenarnom zasedanii General'noy Assamblei OON) [Un General Assembly Resolution 95 (I) (1946). Affirmation of the Principles of International Law Recognized by the Charter of the Nürnberg Tribunal (adopted at the 55th Plenary Meeting on 11 December 1946). In: *Rezolyutsii, prinyatye General'noy Assambleey na vtoroy chasti pervoy sessii s 23 oktyabrya – 15 dekabrya*

1946 g. [Resolutions adopted by the General Assembly in the second part of the first session on October 23 – December 15, 1946]. Lake Success, New York: UN. pp. 139–140.

24. Bekyashev, K.A. & Khodakov, A.G. (eds) (1996) *Printsipy mezhdunarodnogo prava, priznannye Ustavom Nyurnbergskogo tribunala i nashedshie vyrazhenie v reshenii etogo Tribunala (Prinyaty v 1950 g. na vtoroy sessii Komissii mezhdunarodnogo prava OON)* [Principles of international law recognized by the Charter of the Nuremberg Tribunal and found expression in the decision of this Tribunal (Adopted in 1950 at the second session of the UN International Law Commission)]. In: *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: sb. dok.* [Public International Law: Articles]. Vol. 2. Moscow: BEK. pp. 101–102.
25. Vedernikova, O.N. (2016) The Importance of the Nuremberg Tribunal in Combating International Crimes and for the Development of International Criminal Law. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 6 (56) pp. 89–94. (In Russian).
26. Ragimov, I.M. et al. (2019) *Sovremennoe gosudarstvo v epokhu global'nykh transformatsiy: analiticheskiy doklad* [The Modern State in the Era of Global Transformations: An Analytical Report]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr – Akademiya.

Received: 05 June 2020

О.А. Кожевников, И.Ю. Остапович, А.В. Нечкин

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТОВ ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ: ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Раскрывается проблематика прямой демократии в России. Отмечается, что к институтам прямой демократии следует относить как общепризнанные референдум, выборы, голосование по отзыву выборного должностного лица или органа, сход граждан, так и институты соучастия. В результате анализа авторами сделаны выводы о достоинствах и недостатках фактических институтов прямой демократии в России, в том числе осуществление прямого народовластия с помощью электронных, технических средств, виртуального пространства.

Ключевые слова: Конституция России; представительная демократия; партисипаторная демократия; делиберативная демократия; электронная демократия.

В соответствии с положениями статей 1 и 3 Конституции Российской Федерации (РФ) народ демократического государства Россия является единственным источником власти и носителем суверенитета, осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Причем высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. При этом местное самоуправление в соответствии с положениями ч. 2 ст. 130 Конституции РФ осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления.

Таким образом, из толкования положений Конституции РФ следует, что под прямой демократией следует понимать осуществление публичной власти самим народом (его частью) непосредственно путем принятия им властных решений посредством таких форм прямого волеизъявления, как референдум и выборы (уровень федерации, субъектов федерации и муниципального уровня), а также иных, прямо не перечисленных форм прямого волеизъявления (муниципальный уровень).

Исчерпывающий перечень форм прямого волеизъявления, допустимых к использованию на муниципальном уровне в России, логично искать в специализированном нормативном правовом акте – Федеральном законе от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В главе 5 упомянутого федерального закона, носящей наименование «Формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления» перечисляются единым списком формы непосредственного осуществления населением публичной власти и формы участия населения в осуществлении таковой власти. Причем упомянутый перечень в силу указания ст. 33 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» также не является исчерпывающим, открывая тем самым широкий простор для творчества муниципальным образованиям по закреплению новых правовых институтов.

Институты прямой демократии в России: понятие и классификация. Прежде чем обратиться к проблематике прямой демократии в России, нельзя не вспомнить высказывание академика Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора В.Н. Руденко: «в науке конституционного права России, до настоящего времени, не выработано общепринятого подхода к исследованию институтов прямой демократии» [1. С. 91]. С этим трудно не согласиться, поскольку на самом деле вопросы прямой демократии не нашли своего единого подхода в многочисленных научных исследованиях. Однако полагаем возможным выделить два сложившихся в целом подхода к пониманию прямой демократии и правового института прямой демократии соответственно – узкий и широкий.

Широкий подход предполагает, что институты прямой демократии представляют собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения по принятию гражданами общеобязательных властных решений, имеющих силу решений органов государственной власти (решений органов местного самоуправления) или выше, а также по участию граждан в принятии такого рода решений.

По мнению профессора С.А. Авакьяна, под непосредственной (прямой) демократией следует понимать «совокупность конституционно-правовых институтов, посредством которых народ выражает свою волю, сам осуществляет государственную власть или власть местного самоуправления... В одних случаях это выражение воли народа может иметь обязательный (императивный) и окончательный характер, то есть принятые им решения не требуют утверждения кем-либо. Соответствующие институты можно назвать императивными институтами непосредственной демократии... В других случаях воля народа имеет консультативный характер. Консультативность в данном случае предполагает, что официальное окончательное решение принимает компетентный орган государства или орган местного самоуправления <...> Советующие институты можно назвать консультативными институтами непосредственной демократии... Могут существовать и смешанные институты непосредственной демократии» [2. С. 408–409].

Узкий подход предполагает, что институты прямой демократии представляют собой совокупность

правовых норм, регулирующих отношения исключительно по принятию народом или его частью общеобязательных властных решений, имеющих силу решений органов государственной власти (решений органов местного самоуправления) или выше. Узкого подхода к пониманию прямой демократии и ее институтов придерживается ряд авторов, целенаправленно изучающих вопросы функционирования институтов прямой демократии в России [1. С. 110; 3. С. 9; 4. С. 106; 5. С. 4]. В рамках узкого подхода о прямой демократии можно говорить только тогда, когда народ или его часть принимают общеобязательные властные решения, имеющие силу решений органов государственной власти или органов местного самоуправления, самостоятельно, т.е. без участия данных органов.

В случае когда народ или его часть лишь участвуют в принятии общеобязательных властных решений органами государственной власти или органами местного самоуправления, а равно лишь высказывают свое мнение по поводу ожидаемых итогов принятия властных решений упомянутыми органами, в рамках узкого подхода можно говорить либо об институтах демократии представительной, либо о других разновидностях демократии, отличных от представительной демократии (о партисипаторной демократии (демократии соучастия), делиберативной демократии (демократии обсуждения) или иной [6. С. 231–253; 7], но никак не о прямой демократии.

Отсутствие единого подхода к правовому институту прямой демократии демонстрируют структура и содержание действующего в Российской Федерации законодательства в обозначенной сфере. Отечественный законодатель придерживается как узкого, так и широкого подходов к институционализации прямой демократии. Так, на федеральном уровне и уровне субъектов федерации законодатель придерживается узкого подхода, причисляя к институтам прямой демократии исключительно референдум и выборы, тем самым выводя все остальные возможные институты в сферу представительной демократии. На муниципальном уровне законодатель, наоборот, руководствуется широким подходом, допуская существование иных, прямо не перечисленных институтов прямой демократии, указывая при этом на то, что они могут быть либо институтами непосредственного властвования, либо институтами участия во властвовании, причем, что характерно, без конкретизации специфики такого участия.

Таким образом, наблюдается четкая взаимосвязь: чем выше уровень публичной власти, тем более узкий подход выдерживает законодатель, регламентируя институты прямой демократии.

Важную роль в определении институтов прямой демократии в конституционном праве, а также в наполнении указанного института содержанием можно увидеть, определившись с местом упомянутых ранее в настоящем исследовании так называемых институтов участия в осуществлении публичной власти – от реального соучастия населения в процессе принятия властного решения до элементарного предварительного выявления общественного мнения при принятии конкретного властного решения органом

государственной власти или органом местного самоуправления.

Институты обсуждения (делиберативные институты), по нашему мнению, нельзя относить к институтам прямой демократии, потому как, в отличие от институтов соучастия, они не предполагают непосредственного участия народа или его части в осуществлении публичной власти, а по своей сути подразумевают лишь информирование органа государственной власти или органа местного самоуправления с целью повлиять на характер принимаемого им властного решения, указав на тот вариант, который сделает властное решение легитимным в глазах большинства граждан.

В поддержку вывода, указанного по поводу упомянутых институтов обсуждения и соучастия, в литературе можно даже встретить и более «жесткие формулировки» о том, что применительно к ним, логичнее отказаться от термина «демократия» в принципе, потому как они предполагают не осуществление власти, а лишь влияние на нее [8. С. 104]. Мы все-таки полагаем, что институты обсуждения логичней всего причислять к институтам не прямой, а представительной, но все же демократии.

Институты соучастия (партисипаторные институты), по нашему убеждению, следует причислять к институтам прямой демократии, в случае если они предполагают реальное непосредственное участие народа или его части в осуществлении публичной власти наравне и в тесном взаимодействии с органами государственной власти или органами местного самоуправления. Таким образом, чтобы без одновременно согласия народа или его части, а также органа государственной власти или органа местного самоуправления властное решение не могло бы быть принято и стать обязательным для исполнения. В противном случае, институт соучастия превращается в институт обсуждения и должен быть отнесен, как уже говорилось ранее, к числу институтов представительной демократии.

Впрочем, нельзя не заметить, что в литературе существуют и иные подходы на этот счет. Так, например, профессор Н.А. Филиппова отмечает, что отличие партисипаторных форм гражданского участия (форм соучастия) от консультативных (делиберативных) заключается в том, что в первом случае принятие публично-властного решения невозможно без учета общественного мнения, это обязательный элемент процедуры, а во втором – общественное мнение учитывается факультативно [8. С. 105].

Подводя предварительный итог, следует отметить, что, по-нашему мнению, к институтам прямой демократии следует относить как традиционные (общепризнанные) институты, о природе которых не возникает споров (например, референдум, выборы, голосование по отзыву депутата, а также члена выборного органа или выборного должностного лица местного самоуправления, сход граждан), так и институты соучастия (партисипаторные институты), которые на сегодняшний день законодательно не отделены от институтов обсуждения (делиберативных институтов), а потому многие из институтов обсуждения принимаются или намеренно продвигаются в качестве

институтов соучастия, хотя ни о каком реальном соучастии в принятии властного решения не может идти и речи, поскольку в конечном счете решение по-прежнему принимается органами государственной власти или органами местного самоуправления самостоятельно.

Институты прямой демократии в России: современное состояние и перспективы развития. Как отмечалось ранее, институты прямой демократии в России существуют на всех трех уровнях осуществления публичной власти – на федеральном уровне, уровне субъектов РФ и муниципальном уровне. Среди таковых институтов можно выделить широко известные институты референдума и выборов, предусмотренные как на уровне федерации и ее субъектов, так и на муниципальном уровне. Исключительно на муниципальном уровне предусмотрено существование весьма специфичного института – схода граждан.

Кроме того, к традиционным институтам прямой демократии, существующим на уровне субъектов РФ и муниципальном уровне, полагаем возможным отнести институт отзыва высшего должностного лица субъекта РФ избирателями, зарегистрированными на территории данного субъекта. Институт отзыва имеет аналог на муниципальном уровне в виде института голосования по отзыву депутата, а также члена выборного органа или выборного должностного лица местного самоуправления. Несмотря на широкое внедрение в правовую материю перечисленных институтов прямой демократии, анализ их законодательного закрепления и правоприменительной практики позволяет выявить целый пласт проблем.

Институт референдума на сегодняшний день является одним из самых проблемных и неоднозначно оцениваемых в научном сообществе институтов прямой демократии в России. Так, в частности, профессор С.А. Авакьян прямо отмечает, что «законодательство о федеральном референдуме было составлено так, чтобы максимально сжать возможности его проведения» [9. С. 9]. Это подтверждает и анализ положений Федерального конституционного закона от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ (в ред. от 18.06.2017) «О референдуме Российской Федерации» позволяющий прийти к выводу о том, что проведение референдума по инициативе граждан является труднореализуемым делом на практике.

Положения упомянутого федерального конституционного закона, четко закрепляют, что на федеральный референдум не могут быть вынесены вопросы, отнесенные Конституцией РФ, федеральными конституционными законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти (пункт 10 части 5 статьи 6). Подобная, крайне неоднозначная с точки зрения юридической техники формулировка, отсутствовавшая в первоначальной редакции Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» и намеренно в него включенная в 2008 году, позволила на практике еще более существенным образом снизить возможность проведения референдумов федерального уровня.

Нельзя не отметить, что упомянутые ограничения к вопросам, выносимым на референдум, примени-

тельно к уровню субъектов РФ и местным референдумам федеральное законодательство не предусматривает. Как следствие, на уровне субъектов РФ, а также на уровне муниципальных образований референдумы хоть и не часто, но все же проводятся. Так, 26 марта 2000 г. проводился референдум Удмуртской Республики, путем референдума 6 мая 2001 г. была принята Конституция Республики Тыва. В феврале 2010 г. в Тульской области проводился референдум по вопросу отделения Новомосковского от Новомосковского района. 22 мая 2012 г. прошел референдум в городе Светлый Калининградской области и т.д.

Однако наличие на уровне регионов и муниципальных образований примеров не отменяет вывода о том, что институт референдума, в особенности референдума федерального, на сегодняшний день находится в парадоксальном для института прямой демократии подчиненном положении к институтам демократии представительной, приобретая тем самым свойства партисипаторности. Обоснованность данного вывода подтверждают и правовые позиции Конституционного Суда РФ, который в целом ряде своих решений прямо указывал на то, что референдум не может подменять органы народного представительства (постановления Конституционного Суда РФ от 11.06.2003 № 10-П, от 21.03.2007 № 3-П и от 06.12.2018 № 44-П, определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 276-О).

Таким образом, референдум в России на сегодняшний день, особенно федеральный, не может подменять собой институты представительной демократии, но может их органично дополнять, особенно когда вынесение вопроса на референдум будет выгодно органам государственной власти – с целью придать их решениям большую легитимность в лице народа либо его части. Причем в будущем такого рода тенденция с высокой долей вероятности сохранится, а референдумы на федеральном уровне продолжат оставаться экстраординарным явлением. Если, конечно, не будет существенным образом изменен Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации», например, в части включения в него вопросов, подлежащих обязательному вынесению на референдум РФ, что, впрочем, с высокой долей вероятности не произойдет.

Как и институт референдума, не избежала обоснованной критики со стороны научного сообщества [10, 11] и следующая форма прямой демократии – институт выборов в его современном состоянии. В качестве квинтэссенции таковых критических замечаний можно привести позицию профессора С.А. Авакьяна, который отмечает, что на сегодняшний день «выборы являются всего лишь средством подачи голосов за партии или за конкретных кандидатов по избирательным округам. Хочешь – иди и голосуй, не хочешь – не ходи, порог явки отменен, больше или меньше пришло избирателей, выборы все равно будут считаться состоявшимися. Сопровождавшие выборы институты в основном умерли, при множестве кандидатов и списков кандидатов никто не знает, победит ли он на выборах, давать обещания избирателям – не проблема, поскольку не ясно, кто их будет выполнять. Ника-

ких программ решения вопросов, поднимавшихся избирателями, представительные органы не принимают. Соответственно отчитываться перед избирателями тоже не о чем; постановка вопроса об отзыве на муниципальном уровне теоретически возможна, но надо доказывать, что депутат совершил правонарушение, а если он просто бездельник, порочащий звание депутата, – за это не наказывают отзывом» [9. С. 7–8].

Институт выборов в России на всех уровнях публичной власти, в особенности, конечно, на федеральном уровне, последние два десятка лет находится в состоянии перманентного и зачастую бессистемного сугубо конъюнктурного реформирования. К такого рода конъюнктурным реформам, многие из которых были метко поименованы профессором М.С. Саликовым «синдромом маятника» [10. С. 64], можно отнести изменение требований к так называемому заградительному барьеру (пункту), отмену порога явки избирателей, отмену графы «против всех кандидатов» в избирательных бюллетенях, смену избирательных систем, применяемых при проведении выборов, а также изменение требований к минимальной численности политических партий (от 10 тыс. до 50 тыс. членов, а затем до 500 членов), установление запрета на функционирование политических партий на уровне ниже федерального, введение монополии политических партий на участие в выборах. Причем многие из этих реформ производились взаимосвязано, с целью обеспечить комфортные выборы уже правящей партии.

Так, например, установление исключительно пропорциональной избирательной системы на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ было сопряжено с увеличением требований к минимальной численности членов политической партии с 10 тыс. до 50 тыс., запретом партий на уровне ниже федерального и увеличением заградительного барьера до 7%. Несмотря на целый ряд решений Конституционного Суда РФ, допускающего дискрецию федерального законодателя относительно численности членов политической партии, установление резкого снижения требований к минимальной численности членов политической партии с 50 тыс. до 500 членов все же вызывает довольно много вопросов. Представляется, что политическая партия, насчитывающая 500 членов, не представляет собой реальной силы не только на федеральном уровне или уровне субъекта РФ, но даже на уровне муниципальном. И это при том, что отечественное законодательство формально не допускает возможности образования партийных блоков для участия на выборах.

Итоги подобных реформ, по нашему мнению, проявляются в явной формализации института выборов – превращением его из полноценного института прямой демократии в институт одобрения народом или его частью политики одной правящей партии, в редких случаях двух-трех партий, имеющих большинство в представительных органах всех уровней, т.е. в своего рода институт соучастия.

Представляется, что в будущем при сохранении в неизменном виде итогов рассмотренных выше реформ избирательного законодательства упомянутая тенденция по фактическому превращению института

выборов в институт соучастия сохранится, но станет при этом более очевидной в глазах основного источника власти – народа или его части, что естественно негативно отразится на рейтинге доверия к действующей власти.

Весьма интересным для исследования институтов прямой демократии на муниципальном уровне представляет собой сход граждан, который по своей сути является современным прообразом институтов классической афинской демократии. Как и его исторические предшественники, институт схода функционирует по поселенческому принципу – допустим к применению лишь на муниципальном уровне, в поселениях со сравнительно небольшой численностью населения (не более 300 человек, обладающих избирательным правом).

Для данного института прямой демократии характерен своеобразный дуализм – он может заменять собой институты демократии представительной (представительный орган муниципального образования), а также другие более сложные и дорогостоящие в организационном плане институты прямой демократии (местный референдум и выборы). Важной новеллой 2019 г. является то, что сход граждан может проводиться поэтапно, если в населенном пункте отсутствует возможность одновременного совместного присутствия более половины обладающих избирательным правом жителей. Представляется, что возможность поэтапного проведения позволит в будущем распространить действие института схода на поселения с большей численностью населения, обеспечив тем самым экономию средств муниципальных бюджетов за счет сокращения применения институтов прямой (местный референдум и выборы) и представительной демократии (представительный орган муниципального образования).

Такие институты, как правотворческая инициатива, публичные слушания, общественные обсуждения, собрания, конференции, опрос, староста сельского населенного пункта, территориальное общественное самоуправление, обращения в органы местного самоуправления, закрепленные Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», по нашему мнению, в силу их правовой природы логичней всего причислять к институту обсуждения, т.е. к институтам не прямой, а представительной демократии.

На федеральном уровне и уровне субъектов РФ также присутствуют аналогичные институты обсуждения. В отличие от перечисленных выше институтов муниципального уровня они не перечисляются в одном федеральном законе, каких-либо законодательных запретов на введение таковых институтов также нигде не содержится. Многие из институтов обсуждения на федеральном уровне и уровне субъектов РФ вводятся и регулируются подзаконными актами.

Именно поэтому составить полный перечень таковых институтов, особенно на уровне субъектов РФ, представляется трудной задачей, которую разные авторы решают по-разному [8. С. 105; 12. С. 98–103]. Среди наиболее часто упоминаемых институтов об-

суждения на уровне субъектов РФ можно отметить институты общественных палат субъектов РФ, общественных советов при исполнительных органах государственной власти субъектов РФ, общественных советов муниципальных образований, общественных наблюдательных комиссий, инспекций, групп общественного контроля, общественного отбора кандидатов, общественного обсуждения, общественных (публичных) слушаний, правотворческой инициативы, петиции, а также публичной оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов РФ.

Среди институтов обсуждения на федеральном уровне нельзя не отметить введенные указами Президента РФ институт общественного обсуждения проектов федеральных конституционных и федеральных законов, институт общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и институт «Российской общественной инициативы», а также указанные в Федеральном законе от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» институт Общественной палаты РФ и институт общественных советов при федеральных органах исполнительной власти.

Еще одной важной и весьма интересной, но, к сожалению, малоприменяемой формой прямой демократии является институт отзыва высшего должностного лица субъекта РФ избирателями, зарегистрированными на территории данного субъекта, имеющий аналог на муниципальном уровне в виде института голосования по отзыву депутата, а также члена выборного органа или выборного должностного лица местного самоуправления. Указанные формы прямой демократии можно смело причислять к числу «дремлющих» институтов по причине того, что основанием их применения может быть исключительно правонарушение, совершенное отзываемым лицом, при этом факт совершения правонарушения должен быть подтвержден решением соответствующего суда.

Вдохнуть жизнь в институт отзыва, по нашему мнению, могло бы возрождение института наказов избирателей, которое, впрочем, вероятно не произойдет никогда в силу широкого распространения пропорциональной избирательной системы, принципа свободного депутатского мандата и отсутствия единого порядка избрания высшего должностного лица субъекта РФ.

Теперь следует сказать несколько слов об институтах соучастия, которые мы, в отличие от упомянутых выше институтов обсуждения, причисляли к институтам прямой, а не представительной демократии. Как таковые институты соучастия на федеральном уровне, уровне субъектов РФ, а также муниципальном уровне на сегодняшний день, к сожалению, не предусмотрены, хотя необходимость в них, безусловно, имеется, особенно в условиях проведения так называемых непопулярных реформ.

В своих более ранних работах один из авторов данной статьи отмечал необходимость выделения нового института прямой демократии – «универсального института выдвижения, обсуждения и согласова-

ния социально-значимых инициатив и реформ», пригодного для решения самого широкого круга вопросов на всех уровнях осуществления публичной власти, в том числе и для легитимации потенциально непопулярных реформ, обладающего как раз признаками института соучастия [13. С. 21–22].

Из ныне существующих институтов обсуждения наиболее близким к возможной трансформации в институт соучастия является институт территориального общественного самоуправления, предусмотренный на муниципальном уровне. Для этого необходимо предусмотреть возможность обязательного участия органов территориального общественного самоуправления в процессе принятия решений органами местного самоуправления по определенным вопросам, что, к слову сказать, и предлагается некоторыми авторами в целях совершенствования правового регулирования территориального общественного самоуправления [14. С. 106]. Причем обязательность такого участия должна предполагать выработку единого согласованного решения, а не простое выражение мнения органами территориального общественного самоуправления, которое можно на законных основаниях не брать во внимание в процессе принятия властного решения.

В последнее время государством провозглашена политика цифровизации различных государственных и общественных процессов, что приводит к появлению новых моделей взаимодействия граждан как между собой, так и с представителями государства. Не возникает сомнений уже в том, что соцсети, bigdata, цифровые платформы для краудсорсинга, госуслуги через интернет, создание и хранение массивов информации ведут к новому веку формирования институтов демократии.

В научной литературе уже активно используется понятие «электронная демократия». Касательно сущности данного понятия, по нашему мнению, необходимо согласиться с позицией профессора В.В. Комаровой, которая отмечает, что «сегодня вряд ли можно назвать демократию в том смысле, как она понимается в традиционной теории, электронной. Конечно, “электронная демократия” – не новый вид демократии, даже не новая форма ее реализации. Речь идет об осуществлении прямого народовластия с помощью электронных, технических средств, виртуального пространства» [15. С. 45].

Таким образом, говоря об электронной демократии, по нашему мнению, следует понимать под ней не отдельную разновидность демократии, а совокупность институтов прямой или представительной демократии, функционирующих в особом режиме – режиме электронной демократии, т.е. на основе обязательного использования современных информационно-телекоммуникационных технологий, прежде всего сети Интернет.

На сегодняшний день в России в режиме электронной демократии функционирует несколько институтов обсуждения – институт общественного обсуждения проектов федеральных конституционных и федеральных законов, институт общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, институт

«Российской общественной инициативы», а также институт публичной оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов РФ и проектов муниципальных нормативных правовых актов. Причем институт «Российской общественной инициативы» функционирует на всех трех уровнях осуществления публичной власти (федеральном, субъектов РФ и муниципальном).

Для целей функционирования всех упомянутых выше институтов обсуждения в режиме электронной демократии функционируют специализированные официальные интернет-сайты (например, <http://orv.gov.ru/>, <https://regulation.gov.ru/>, <http://regulation.midural.ru/>), а также официальные интернет-сайты муниципальных образований и федеральных органов исполнительной власти.

Положения части 15 статьи 64 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 29.05.2019 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» предусматривают, что при проведении выборов, референдума вместо голосования с использованием бюллетеней, изготовленных на бумажном носителе, может проводиться электронное голосование, решение о проведении которого может приниматься Центральной избирательной комиссией РФ или по ее поручению соответствующей избирательной комиссией субъекта РФ.

Таким образом, российское законодательство допускает возможность функционирования института выборов и института референдума в режиме электронной демократии.

Неспешность в вопросе проведения выборов и референдумов в режиме электронной демократии объясняется вполне обоснованными опасениями за фактическую невозможность обеспечить соблюдение принципов проведения выборов и референдума, закрепленных упомянутым выше Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Так, остро стоят вопросы обеспечения тайны голосования и анонимности избирателя с целью избежать его подкупа или оказания на него иного давления, а также – защиты результатов волеизъявления избирателей от возможной подтасовки при участии технического персонала и, наконец, обеспечения равного доступа всех граждан, обладающих избирательным правом, к информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Технологии, способные обеспечить решение проблем, связанных с конфиденциальностью процесса волеизъявления избирателя, а равно его результатов, на сегодняшний день уже имеются и активно применяются, например в банковской сфере. Равный же доступ граждан, обладающих избирательным правом, к сети Интернет пока остается и, вероятно, в ближайшие годы останется задачей нерешенной в силу объективных географических, климатических и экономических причин.

Полная цифровизация институтов прямой демократии и выборов, построенная на принципах максимальной прозрачности, доступности и массово-

сти, а также прямого контакта общества и власти, к сожалению, в настоящее время представляется преждевременной, поскольку о себе все активнее заявляет проблема злоупотреблений в данной сфере и несовершенство механизмов противодействия. Тем не менее функционирование институтов прямой демократии в режиме электронной демократии на общенациональном уровне и уровне субъектов РФ представляется, по нашему мнению, все же неизбежным в силу неумолимого развития технического прогресса. Аналогичной позиции придерживаются и авторы, занимавшиеся изучением проблем электронной демократии [15. С. 46–48; 16. С. 12]. На муниципальном же уровне функционирование институтов прямой демократии в режиме электронной демократии представляется весьма целесообразным, особенно для функционирования институтов соучастия, которые на сегодняшний день в России не функционируют, в том числе и по причине отсутствия надежных и дешевых механизмов их практического применения.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что современное состояние институтов прямой демократии в России полностью подтверждает отмеченную Р. Далем закономерность функционирования институтов демократии, предполагающую, что чем большее количество граждан входит в состав политической единицы, тем меньше степень непосредственного участия этих граждан в принятии решений, касающихся управления государством, и тем больше прав должны они делегировать своим представителям [17. С. 106].

В современной российской системе осуществления публичной власти действительно наблюдается очевидное доминирование институтов представительной демократии в процессе принятия властных решений над институтами демократии прямой. К сожалению, указанный феномен прослеживается не только на федеральном, но и на местном уровне. Так, при переходе от «*модели самостоятельного местного самоуправления*» с институтами непосредственной демократии к представительной демократии «*...самостоятельность местного самоуправления не является абсолютной*» [18]. Кроме того, как указывает Конституционный Суд, такой подход соответствует социально-историческому контексту [19], обуславливает необходимость сбалансированного сочетания общегосударственных, региональных и местных интересов [20], а органы государственной власти могут оказывать на местное самоуправление регулирующее воздействие, учитывающее необходимость достижения конституционных целей государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации [21, 22]. Вместе с этим в последнее время наблюдается увеличение количества институтов обсуждения (делиберативных институтов), которые в силу своей правовой природы имеют двоякую цель: во-первых, вовлечь население в процесс принятия властных решений, а во-вторых, повысить легитимность принимаемых органами государственной власти и органами местного самоуправления властных решений.

Причем, как представляется, вторая цель явно преобладает над первой, иначе зачем намеренно создавать ситуацию, при которой институты прямой демократии формализуются, все более приобретая свойства партисипаторности, а количество институтов обсуждения (делиберативных институтов) при этом неуклонно возрастает, особенно на муниципальном уровне. И зачастую так, что одни и те же по своей юридической природе институты в разных нормативных правовых актах, ко всему прочему, еще и обладающих разной юридической силой, именуются по-разному и по мере необходимости подменяют друг друга в угоду интересам органов местного самоуправления [23. С. 24–25].

Подтверждает данный вывод и тот факт, что в действующей российской системе осуществления публичной власти совершенно отсутствуют подлинные институты соучастия (партисипаторные институты), которые предполагают реальное непосредственное участие народа или его части в реализации публичной власти наравне и в тесном взаимодействии с органами государственной власти или органами местного самоуправления, и потому, в отличие от институтов обсуждения, могут быть включены в число институтов прямой демократии.

С другой стороны, нельзя не отметить, что отсутствие институтов соучастия, в силу их правовой природы, можно объяснять объективными трудностями в их практической реализации – они сложны организационно и бюджетно затратны, хотя функционирование в режиме электронной демократии, по нашему глубокому убеждению, могло бы легко снять такого

рода проблемы, одновременно повысив доверие народа (его части) к принимаемым посредством институтов представительной демократии властным решениям, при всем при этом еще и практически полностью нивелируя недостатки такого традиционного института прямой демократии, как референдум, который, по мнению многих специалистов, в России никогда не будет играть такой же роли, как в Швейцарии или других европейских государствах [24. С. 18–19; 25. С. 197].

Вместе с тем активное применение именно институтов соучастия поможет нивелировать недостатки еще одного традиционного института прямой демократии – института выборов, склонного к целенаправленной формализации, а также недостатки институтов обсуждения, выражающиеся в их фактическом подчиненном положении к институтам представительной демократии, к числу которых их и следует относить.

Таким образом, нормативное правовое разграничение на уровне федерального закона институтов соучастия и институтов обсуждения, с выделением всех их существенных признаков, с закреплением списка возможных институтов к использованию на всех трех уровнях осуществления публичной власти (федеральном, субъектов РФ и муниципальном), а также с обязательным установлением запрета на введение новых институтов соучастия или обсуждения подзаконными актами будет способствовать развитию институтов прямой демократии в России. Для эффективного внедрения институтов соучастия представляется целесообразным принять федеральный закон «Об институтах обсуждения и соучастия при осуществлении публичной власти в Российской Федерации».

ЛИТЕРАТУРА

1. Руденко В.Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург : УрО РАН, 2003. 476 с.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. М. : Норма, 2010. Т. 1. 864 с.
3. Комарова В.В. Формы непосредственной демократии в России : учеб. пособие. М. : Проспект, 2011. 144 с.
4. Филиппова Н.А. Новые институты гражданского участия в России как национальный вариант делегативной демократии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 101–114.
5. Васильева С.В. Социальная легитимация власти как основа консультативной демократии и демократии соучастия // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 14. С. 2–7.
6. Held D. Models of Democracy. 3rd Ed. Stanford : Stanford University Press, 2006. 352 p.
7. Руденко В.Н. Формы алеаторной демократии: генезис и развитие // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 97–125. DOI: 10.17506/tyipl.2016.18.4.97125
8. Филиппова Н.А. Консультативные формы гражданского участия в осуществлении государственной власти субъектов Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2017. № 1. С. 103–108.
9. Авакьян С.А. Народовластие как совокупность институтов непосредственной и представительной демократии: проблемы эффективности // Российское государственное управление. 2014. № 2. С. 4–13.
10. Саликов М.С. Избирательное законодательство как политический инструмент государства: постконституционная эволюция // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 60–67.
11. Авакьян С.А. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 5. С. 23–29.
12. Комарова В.В. Демократия в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации // Lex Russica. 2017. № 1. С. 94–106. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.122.1.094-106
13. Нечкин А.В. Непопулярные реформы в России: понятие и возможные пути легитимации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 4. С. 18–22. DOI: 10.34076/2219-6838-2019-4-18-22
14. Шугрина Е.С. Территориальное общественное самоуправление: особенности правового регулирования и правоприменительной практики // Вестник Сургутского государственного университета. 2015. № 1. С. 104–107.
15. Комарова В.В. Электронная демократия – мифы и реальность // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2016. № 3. С. 44–52.
16. Дзидзов Р.М. Институты электронной (цифровой) демократии в России // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 2. С. 10–12.
17. Даль Р. О демократии. М. : Аспект Пресс, 2000. 208 с.
18. Постановление от 18 мая 2011 года № 9-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2019).
19. Постановление от 1 декабря 2015 года № 30-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2019).
20. Постановление от 24 декабря 2012 года № 32-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2019).
21. Определение от 3 июля 2018 года № 1676-О/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).

22. Саликов М.С., Либанова С.Э., Остапович И.Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 219–231. DOI: 10.17223/15617793/440
23. Шугрина Е.С. Тенденции и особенности развития непосредственного народовластия на муниципальном уровне // Пролог: журнал о праве. 2019. № 3. С. 20–27. DOI: 10.21639/2313-6715.2019.3.3.
24. Руденко В.Н. Конституционные модели референдума в странах Европейского Союза, Швейцарии и России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 1. С. 10–20.
25. Черкасов А.И. Прямая и партисипационная демократия как средство вовлечения населения в процесс принятия решений на местном уровне // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 2. С. 190–215.

Статья представлена научной редакцией «Право» 8 февраля 2020 г.

The Current State of Direct Democracy Institutions in Russia: The Concept, Classification, and Development Prospects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 225–233.

DOI: 10.17223/15617793/456/27

Oleg A. Kozhevnikov, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: jktu1976@yandex.ru

Igor Yu. Ostapovich, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ostapovich7@mail.ru

Andrey V. Nechkin, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: super.nechkin@gmail.com

Keywords: Constitution of the Russian Federation; representative democracy; participatory democracy; deliberative democracy; e-democracy.

The article deals with the theoretical foundations of the institutions of direct democracy in modern Russia and provides their classification. The institutions of direct democracy include a referendum, elections, voting on the recall of a deputy, a member of an elected body or an elected official of local self-government, a citizens' meeting, and participatory institutions. In Russia, institutions of direct democracy exist at all three levels of public power: at the federal level, at the level of subjects of the Russian Federation, and at the municipal level. The authors draw attention to the “electronic” kind of democracy, which is implemented with the help of electronic, technical means and virtual space. However, when implementing it, there are still relevant issues of ensuring the secrecy of voting and the anonymity of the voter, protecting voters' declaration of will from potential fraud with the participation of technical staff, and finally ensuring equal access of all citizens having voting rights to the Internet. The authors studied the legislation and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation demonstrating the peculiarity of direct democracy in modern Russia. The absence of a unified approach to the institution of direct democracy in the current legislation is revealed. The relation between the levels of public power and the regulation of institutions of direct democracy is shown. The institution of referendum at the federal level is currently one of the most problematic institutions of direct democracy in Russia ambiguously evaluated in the academic community. The legal phenomenon of “institution of direct democracy” investigated in the article is key in the concept of a law-bound state. The article uses the dialectical method of scientific knowledge, as well as logical, historical, and systemic methods. Methods of analysis and synthesis were of particular importance. The functional method is applied to study the main directions of the development of the institution of direct democracy. The authors identify gaps and shortcomings of the current legislation in the field of the “institution of citizen participation”, which involves the real direct participation of people or part of it in the exercise of public power equally and in close cooperation with public authorities or local governments; therefore, unlike institutions of discussion, it can be included into institutions of direct democracy. The authors propose to adopt the federal law “On Institutions of Discussion and Participation in the Exercise of Public Power in the Russian Federation”, which will establish a distinction between institutions of participation and institutions of discussion, indicating all their essential features.

REFERENCES

1. Rudenko, V.N. (2003) *Pryamaya demokratiya: modeli pravleniya, konstitutsionno-pravovye instituty* [Direct Democracy: Models of Government, Constitutional and Legal Institutions]. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
2. Avak'yan, S.A. (2010) *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyy kurs: v 2 t.* [Constitutional Law of Russia. Training course: In 2 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Norma.
3. Komarova, V.V. (2011) *Formy neposredstvennoy demokratii v Rossii* [Forms of Direct Democracy in Russia]. Moscow: Prospekt.
4. Filippova, N.A. (2013) New Institutes of Civil Participation in Russia as National Variant of Delegative Democracy. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk – Antinomies*. 13 (2). pp. 101–114. (In Russian).
5. Vasil'eva, S.V. (2009) Sotsial'naya legitimatsiya vlasti kak osnova konsul'tativnoy demokratii i demokratii souchastiya [Social legitimation of power as the basis of consultative democracy and participatory democracy]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 14. pp. 2–7.
6. Held, D. (2006) *Models of Democracy*. 3rd ed. Stanford: Stanford University Press.
7. Rudenko, V.N. (2018) Forms of Aleatory Democracy: Genesis and Development. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk – Antinomies*. 18 (4). pp. 97–125. (In Russian). DOI: 10.17506/ryipl.2016.18.4.97125
8. Filippova, N.A. (2017) Advisory Forms of Civic Participation in the Government Authority Performance of Constituent Entities of the Russian Federation. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta – Surgut State University Journal*. 1. pp. 103–108. (In Russian).
9. Avak'yan, S.A. (2014) Narodovlastie kak sovokupnost' institutov neposredstvennoy i predstavitel'noy demokratii: problemy effektivnosti [Democracy as a set of institutions of direct and representative democracy: Problems of efficiency]. *Rossiyskoe gosudarstvovedenie – Russian State Studies*. 2. pp. 4–13.
10. Salikov, M.S. (2013) The Electoral Legislation as a Political Tool of the State: Post-Constitutional Evolution. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 6. pp. 60–67. (In Russian).
11. Avak'yan, S.A. (2015) Elections in Russia: Evolution for Election Systems, Contemporary Issues. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo – Moscow State University Bulletin. Series 11. Law*. 5. pp. 23–29. (In Russian).
12. Komarova, V.V. (2017) Democracy in the Constitutions and Charters of the RF Constituent Entities. *Lex Russica*. 1. pp. 94–106. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2017.122.1.094-106
13. Nechkin, A.V. (2019) Unpopular Reforms in Russia: The Concept and Possible Ways of Legitimation. *Elektronnoe prilozhenie k “Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu” – Electronic Supplement to “Russian Juridical Journal”*. 4. pp. 18–22. (In Russian). DOI: 10.34076/2219-6838-2019-4-18-22
14. Shugrina, E.S. (2015) Territorial'noe obshchestvennoe samoupravlenie: osobennosti pravovogo regulirovaniya i pravoprimeritel'noy praktiki [Territorial public self-government: features of legal regulation and law enforcement practice]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta – Surgut State University Journal*. 1. pp. 104–107.

15. Komarova, V.V. (2016) Elektronnaya demokratiya – mify i real'nost' [Electronic democracy – myths and reality]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk*. 3. pp. 44–52.
16. Dzidzoev, R.M. (2019) Instituty elektronnoy (tsifrovoy) demokratiy v Rossii [Institutions of electronic (digital) democracy in Russia]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta – Law Gazette of the Kuban State University*. 2. pp. 10–12.
17. Dahl, R. (2000) *O demokratiy* [Democracy]. Translated from English. Moscow: Aspekt Press.
18. Consultant Plus. (2011) *Postanovlenie ot 18 maya 2011 goda № 9-P* [Resolution No. 9-P of May 18, 2011]. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.12.2019).
19. Consultant Plus. (2015) *Postanovlenie ot 1 dekabrya 2015 goda № 30-P* [Resolution No. 30-P of December 1, 2015]. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.12.2019).
20. Consultant Plus. (2012) *Postanovlenie ot 24 dekabrya 2012 goda № 32-P* [Resolution No. 32-P of December 24, 2012]. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.12.2019).
21. Consultant Plus. (2018) *Opreделение ot 3 iyulya 2018 goda № 1676-O/2018* [Determination No. 1676-O/2018 of July 3, 2018]. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018).
22. Salikov, M.S., Libanova, S.E. & Ostapovich, I.Yu. (2019) Constitutional Supervisory Rulemaking in the Context of the Doctrine of the Living Constitution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 440. pp. 219–231. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/440
23. Shugrina, E.S. (2019) Trends and Features of Direct Democracy Development at the Municipal Level. *Prolog: zhurnal o prave – Prologue: Law Journal*. 3. pp. 20–27. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2019.3.3
24. Rudenko, V.N. (2003) Konstitutsionnye modeli referendumov v stranakh Evropeyskogo Soyuzha, Shveysarii i Rossii [Constitutional models of a referendum in the countries of the European Union, Switzerland, and Russia]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 1. pp. 10–20.
25. Cherkasov, A.I. (2018) Direct and Participatory Democracy as the Means of Citizen's Involvement into the Local Decision-making. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 13 (2). pp. 190–215. (In Russian).

Received: 08 February 2020

ПОЗИТИВИЗМ И ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО: КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ?

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00528.

Рассмотрены взаимные интерпретации идей позитивизма и юснатурализма и прежде всего позитивистские модели естественно-правовой традиции. Неаутентичность таких интерпретаций, отмечавшаяся и позитивистами, и юснатуралистами, препятствует, по мнению автора, «понимающему» диалогу между этими и сегодня противостоящими друг другу направлениями правовой мысли.

Ключевые слова: естественное право; позитивизм; справедливость; традиция; интерпретация.

В современной философии права выделяются позитивистский и непозитивистский (в основном – естественно-правовой) типы правопонимания с точки зрения признания или непризнания приоритета моральных ценностей в праве [1. С. 3–4]. Позитивисты рассматривают естественное право (справедливость) как моральную категорию, несовместимую с позитивным правопорядком и не вписывающуюся в предметную сферу правоправедения. Непозитивисты, сторонники юснатурализма, представляют справедливость как естественно-правовое моральное требование, обращенное к позитивному правопорядку, и отстаивают междисциплинарный статус науки права. Принципиальному аксиологическому релятивизму позитивистов противостоит позиция сторонников естественно-правового учения, в той или иной мере признающих, при всей подчас призрачности «струи нравственной правды» (В.С. Соловьев), абсолютные ценности в праве.

Как и в любой дискуссии, в полемике позитивизма и юснатурализма необходимы взаимопонимание, взаимная выверенность позиций, а также соответствие ожиданиям каждой из сторон. Иначе аргументы, выдвигаемые участниками дискуссии (в данном случае – имплицитно не прерываемой), могут только заострить конфронтационные отношения между представляемыми ими направлениями правовой мысли. И далеко не последнюю роль здесь играют взаимные интерпретационные модели этих направлений.

Г. Кельзен в своих работах, посвященных юснатурализму [2–6], демонстрирует откровенное неприятие им методологии и особенно идеологической направленности учений об естественном праве. Демонстрируемое им скептическое отношение к юснатурализму, как кажется, вообще исключает диалог с ним. Однако скрытый диалог все же имеет место: призыв юснатуралистов к метафизике для Кельзена, увенчавшего иерархию правовых норм фикцией основной нормы как по сути абсолютного основания их действительности, не так уж и безразличен.

Критерием отнесения тех или иных концепций к естественно-правовым Кельзен считает присущий этому направлению неизбежный, с его точки зрения, дуализм естественного и позитивного права [5. С. 438–439]¹. Такой дуализм предполагает, по Кельзену, императивный характер естественного права как абсолютных и неизменных предписаний, противостоящих позитивному праву и обуславливающих его недействительность в случае противоречия этим

предписаниям. Дуализм естественного и позитивного права Кельзен рассматривает, во-первых, как конфликт между соответствующими нормативными системами, ведущий к отрицанию действительности позитивного права и тем самым к возможным призывам к его радикальному реформированию или революционному ниспровержению. Во-вторых, тот же дуализм естественного и позитивного права оказывается, в интерпретации Кельзена, основанием легитимации и оправдания нормами естественного права позитивных правопорядков. Он убежден в том, что естественно-правовое учение в целом (т.е. вся традиция юснатурализма) имеет строго консервативный, охранительный характер и всегда служило алтарю и трону [2. С. 280; 3. С. 303].

По Кельзену, проблема ценностей – это прежде всего проблема конфликта ценностей. Там, где нет такого конфликта, нет потребности и в справедливости [4. С. 345]. Решительно отвергая представления об абсолютной справедливости как неизбежно иррациональном идеале, Кельзен признает справедливость ценностью, но только ценностью относительной, поскольку разуму вообще доступны лишь относительные ценности [4. С. 369]². Учения об естественном праве как конституирующем абсолютную ценность справедливости, по его мнению, ненаучны. Но, с точки зрения политики, замечает Кельзен, «естественно-правовое учение может рассматриваться как полезное в качестве интеллектуального инструмента в борьбе за осуществление того или иного интереса» [3. С. 337].

С позиций релятивистской философии права существует множество систем морали, моральных принципов, между которыми нужно сделать выбор [4. С. 369]. Но всегда ли это возможно и даже допустимо (например, для судьи, применяющего методологию баланса ценностей)? Сошлемся на «Антигону» Софокла: конфликт несовместимых ценностей – ценностей гражданского порядка, которые защищает Креонт, и моральных (религиозно-моральных) ценностей, на которых настаивает Антигона, оказывается неразрешимым, что и «делает пьесу трагедией, а не призывом к компромиссу» [9. С. 149]. Пример не драматургической трагедийности конфликта как его безвыходности – Платон перед лицом сицилийского тирана.

Однако конфликт, в контексте античного естественно-правового мышления, может быть на первый взгляд и не трагедийным, а разрешаться компромиссом, к которому, например, как может показаться,

был склонен в целях самосохранения стоический мудрец в случаях противоречия между законом или обычаем и велениями Логоса – мирового естественно-го закона, абсолютно справедливого вселенского Разума. Мудрец стоиков, действительно, отказываясь от эпикурейской изоляции, готов был выполнять свои гражданские обязанности и согласиться с обязывающей силой действующих правовых установлений, даже и неприменимых вследствие их расхождения с естественным законом. Но это был не акт консервативного примиренчества в духе характеристики Кельзеном естественно-правовой традиции, и не свидетельство «разбавления» естественно-правовых ценностей конвенциональными [10. С. 146–147]. Стоический мудрец утверждал тем самым свою свободу как «познанную необходимость» (необходимость, в которой, однако, уже сомневался Сенека, и гнет которой так остро ощущал Марк Аврелий). Философское достоинство мудреца, побуждаемого естественным законом к разумной и справедливой (соответствующей естественному праву) «жизни, согласной с природой», если он и задумывался о самосохранении, возвышалось над обманчивыми «всего лишь» мнениями, выраженными в законах и обычаях. Гносеологический и ценностно окрашенный дуализм разума и «мнений» (не разума и воли) подпитывал античный естественно-правовой дуализм в его сократово-платоновской (и стоической) версии.

Обращение Кельзена к аристотелевско-томистской традиции юснатурализма определяется для него, по видимому, прежде всего желанием обосновать, вопреки общепринятому мнению, исключение из традиции юснатурализма Аристотеля как ее представителя и тем более основателя учений об естественном праве [6. С. 511]. Главный аргумент Кельзена – несовместимость с юснатурализмом отождествления Аристотелем позитивного права со справедливостью [6. С. 513]³. Что касается Фомы Аквинского, то Кельзен ограничивается весьма скудными фрагментами, ему посвященными. Известную формулу Аквината «делай добро и избегай зла» он при этом оценивает как «совершенно пустую» [5. С. 401]⁴. Создается впечатление, что теологическая рефлексия Аквината привлекает внимание Кельзена не в последнюю очередь потому, что она дает ему основание еще и еще раз подчеркнуть несовместимость позитивизма с идеей абсолютной справедливости как имеющей в последовательном юснатурализме всегда божественное происхождение⁵. Это относится и к кантовской идее практического разума, заимствованной И. Кантом, по мнению Г. Кельзена, у Фомы Аквинского и восходящей к Аристотелю. Потому и категорический императив Канта оказался, по Кельзену, «полностью бессодержательным» [13. С. 124].

Д. Финнис, автор фундаментального труда «Естественное право и естественные права» [14], посвящает этот свой труд, в значительной мере обращенный к критикам представляемой им классической (аристотелевско-томистской) традиции юснатурализма, ее аутентичной реконструкции. В центре обосновываемой им теории естественного права – принципы практической разумности, направленные прежде всего на

общее благо (оно – и благо отдельных индивидов) как цель всякой справедливости [14. С. 213]. Если для позитивизма справедливость не имманентна праву, так как она соотносится с актом правоустановления, то для Финниса акты установления закона должны направляться моральными принципами и нормами, т.е. соответствовать требованиям практической разумности, предоставляющим рациональное основание для деятельности законодателей, а также судей и граждан [14. С. 360].

Важнейшая составная часть общего блага, подчеркивает Д. Финнис, – соблюдение прав человека. Применительно к правам человека как правам-требованиям, строго коррелятивным обязанностям, вытекающим из требований практической разумности, он без колебаний употребляет термин «абсолютные», хотя и предвидит критику многочисленных оппонентов из числа главным образом утилитаристов. Такие права, например право не подвергаться пыткам, потому носят абсолютный характер, что они, в отличие от прав «неотъемлемых», но подлежащих при их осуществлении различным ограничениям, категорически не допускают исключений для достижения равновесия и компромисса между ними. Акты пыток не могут быть оправданы ссылкой на справедливые требования общественного порядка [14. С. 269, 283, 290]⁶.

В основе идеи абсолютных прав – гуманистические представления о ценности человека как такового, постоянства его сущности, «равенства самому себе» (Руссо). Она не измеряется его естественной социальностью или асоциальностью, изначально добрым или злым в его природе, принадлежностью к тому или иному этносу или культуре и т.п. Единственное «измерение» – достоинство человека. Но постоянное человеческой сущности и есть его достоинство. Оно же и фундаментальный принцип человеческих прав [16. С. 22]. Именно этика человеческого достоинства должна быть прежде всего признана нормообразующим смысловым ориентиром бытия права, критерием его «человекоразмерности».

Один из аспектов актуализации такого подхода – назревшая необходимость правового регулирования в сфере биологии и генетики человека. Право, пишет М.И. Ковалев, должно защитить человека от возможного использования достижений генетики, геномной инженерии, генетической медицины как инструмента вмешательства в сущность человеческой породы, в человеческое постоянство, влекущего нарушение естественных прав человека быть сыном или дочерью своих родителей и наследовать от них свои человеческие свойства, которые затем будут переданы следующим поколениям [16. С. 15]. В частности, запрет евгенических средств и рекомендаций для облегчения передачи по наследству признаков, улучшающих породу будущих человеческих существ, и пресечения передачи негативных особенностей должен быть абсолютным уже потому, что используемые при этом методы могут оказываться бесчеловечными [16. С. 17]. Так в полной ли мере осознает юридическая наука свою ответственность перед лицом таких угроз? Одно очевидно: аксиологически нейтральное правоведение, зараженное вирусом этического скептицизма⁷, наверняка не сможет этому противодействовать.

Идея прав человека – детище естественно-правовых учений XVII–XVIII вв. и, при всей ее инновационности, – традиции юснатурализма в целом. Дуализм естественного и позитивного права в юснатурализме нередко связывают именно с этой эпохой. Между тем это был не только что возникший, а тот же самый «традиционный» дуализм, но переосмысленный, отрефлектированный, по крайней мере проблематизированный для дальнейшего усвоения. Естественно-правовой дуализм постепенно (начиная еще с протестантизма) осознавался как дуализм разума и воли, объективного и субъективного в праве, наконец, гражданского общества и государства. Все «волевые» теории права (позитивизм, марксизм) высвободились из этого дуализма. В их исторической родословной – даже «общая воля» Руссо, никогда не ошибающаяся вследствие своей разумности, просвещенности.

Идея естественного права вдохновляла, что общепризнано, авторов классических деклараций XVIII в. Но имплицитно она содержалась и в европейских кодификациях следующего столетия, когда, вопреки этой идее, как представляется, например, Е.В. Булыгину, «все право стало позитивным» [18. С. 32]. Сама идея кодификации, выдвигавшаяся Дж. Бентамом, была на самом деле порождением естественного права – стремления к идеальному и совершенному правопорядку [19. С. 19]. Соответственно, парадоксальным образом, ведет свое происхождение от естественно-правовых концепций идея отсутствия пробелов в Кодексе, характерная для экстремального позитивизма школы экзегезы [19. С. 19]. Показательно, что в современной философии права эту идею поддерживают как позитивисты (Г. Кельзен, Дж. Раз), так и непозитивисты (Р. Дворкин), а позитивист Е.В. Булыгин подчеркивает, что тезис о необходимой полноте права «не имеет ничего общего с позитивизмом как таковым» [18. С. 37].

Подобные метаморфозы вполне объяснимы: общеевропейский континентальный стиль мышления в значительной степени обусловлен естественно-правовым по своему происхождению пониманием римского права как «писаного разума». Менталитет позитивистов Запада во многом определяла именно традиция естественного права [20. С.62]. Это нельзя не учитывать, разбираясь и во взаимных интерпретациях идей позитивистов и непозитивистов.

Так, Л. Фуллер в дискуссии с Г. Хартом приходит к выводу о том, что те, кто разделяет точку зрения Харта, т.е. позитивисты, «подобны людям, строящим стену для защиты деревни, которым нужно знать, что они желают защитить, но не нужно, да и невозможно знать, от кого им придется обороняться» [21. С. 128]. Критики юснатурализма, как бы продолжает эту тему Дж. Финнис, решительно отреклись от того, что *в их понимании* представляет собой естественно-правовая теория [14. С. 37]. В свою очередь, Е.В. Булыгин пытается оградить позитивизм от основанных на недоразумении, с его точки зрения, нападков, связанных с якобы провозглашаемым позитивизмом тезисом об обязательности всякого позитивного права, независимо от его содержания [22. С. 240].

Напомним, что принципиальная позиция Г. Кельзена в его оценке естественно-правового учения состоит в том, что истинный смысл этого учения, если отвлечься (а это для него важно) от радикально-революционного направления естественно-правовой мысли XVII–XVIII вв., – в защите и легитимации позитивного права.

К такому выводу он приходит, полагая, что в юснатурализме позитивное право предстает не как творчество законодателя, а просто как воспроизведение, эманация естественного права [2. С. 265]. Дж. Финнис, ссылаясь на Фому Аквинского, доказывает по меньшей мере неаутентичность подобной интерпретации юснатурализма [14. С. 47–50]. Однако Финнис признает неадекватным и понимание Г. Хартом естественно-правовой традиции в том смысле, что ее представители всегда считали, будто «ничто несправедливое не может иметь статуса закона» [14. С. 450]⁸. Дж. Финнис не опровергает разделяемое Хартом распространенное мнение о том, что известная естественно-правовая формула «несправедливый закон не есть закон» (*lex injusta non est lex*) вписывается в центральную традицию юснатурализма [23. С. 450]. Тем не менее это все же «второстепенная теорема». Здесь закон понимается не в «фокусном», а во вторичном смысле: традиция далека от приписываемого ей «отрицания юридической действительности несправедливых норм» [23. С. 212].

Г. Кельзен выступает против вошедшего в моду «школьного мнения» об естественно-правовом учении как революционной доктрине. Оно основано, по его мнению, на отождествлении всего этого учения с теорией естественного права XVII–XVIII вв. Революционно-анархической, полагает он, была *идея* естественного права (к ней и обратились идеологи Французской революции), но ни в коем случае не *учение* в целом, всегда направленное, как мы уже знаем, по Кельзену, на абсолютное оправдание действующего правопорядка [2. С. 274–275]⁹.

Это доказывает, как считает Кельзен, возвращение к естественно-правовой традиции в XIX в. в лице исторической школы права, которая «была лишь одной из разновидностей естественно-правовой теории» [2. С. 275]. Такая интерпретация теории исторической школы права¹⁰ далеко не бесспорна. В свое время многоаспектное соотношение идей естественно-правовой и исторической школ блестяще показал И.А. Покровский. Для представителей этой школы, в частности, подчеркивал он, единственно доступной сферой деятельности в области права оказывалась сфера исторического и догматического исследования [25. С. 68]. И это, в конечном счете, согласимся с И.А. Исаевым, был шаг на пути к правовому позитивизму: «Для юристов “исторической школы” сам факт происхождения позитивного права из “народного духа” был достаточным свидетельством его положительного значения». Факт «как бы вырос из самого потока истории...» [26. С. 3].

Исторический метод в правоведении, восходящий к исторической школе права, поставил под вопрос классический тезис о неизменности естественно-правовых аксиом. Естественное право невозможно

было даже представить себе в его становлении и изменчивости. Неудивительно, что Г. Кельзен теории «изменчивого» естественного права исключал из учения об естественном праве, приравнивая их к релятивистскому позитивизму [5. С. 478]. Так, Л. Штраус, апологет классической естественно-правовой традиции, не мог примириться с тем, что стихийная деятельность Истории заставит человека «забыть о целом или о вечности» [10. С. 168].

Однако теперь уже нельзя было игнорировать идею развития, процессуальности естественного права, оставаться вне его изменчивого социального контекста. Отсюда, начиная с Р. Штаммлера и его теории «естественного права с изменяющимся содержанием», – поиски, особенно в позднейших естественно-правовых теориях, баланса, равновесия между системностью и процессуальностью, между правилами и принципами в правоустановительной и правоприменительной деятельности, а главное – путей восстановления единства права, утраченного в классическом юснатурализме. Соотношение естественного и позитивного права предстает как некое противоречивое единство – как «дуальность» (Р. Алекси, С.И. Максимов), «двойственность» (Г.А. Гаджиев), «двухсоставность» (Э.Ю. Соловьев) реальности права. Тем самым преодолевается «чистая» позитивность права. Но в «историчности» права не остается места и абсолютности естественно-правовой идеи. Она утрачивает свое «надэмпирическое достоинство» (М. Вебер).

«Абсолютизм» естественно-правовых принципов не согласуется с их процедурно-дискурсивным, диалогическим и вообще любым «человеческим» измерением. При допущении человеческой сконструированности идеи естественного права «она необратимо утрачивает «абсолютизм своей сущности», фундирующей правопорядок» [27. С. 150]. В процедурных естественно-правовых концепциях (Л. Фуллер, Р. Алекси, Ю. Хабермас), в том числе и контрактуалистских (Дж. Ролз, Р. Дворкин), принципы справедливости – не абстрактные, не «уже данные», а конструируемые субъектами дискурса или нуждающиеся во «вдохновляющей морали» (Л. Фуллер).

В полемике с позитивизмом авторы этих концепций позиционируют их в качестве естественно-правовых (непозитивистских). И, как представляется, не без оснований.

Во-первых, в современных неклассических теориях естественного права ощущается нормативность традиции классического юснатурализма. Контрактуалисты Дж. Ролз, Р. Дворкин, как отмечает Ю. Хабермас, в той или иной форме придерживаются морального универсализма XVIII в. [28. С. 109]. Очевиден универсальный характер идеи человеческого «равнодостоинства» как основы фундаментальных прав и у самого Ю. Хабермаса.

Эти права в качестве «современного естественного права» как раз и образуют тот портал, через который мораль импортируется в право [29. С. 70], осуществляется «присоединение морали к медиуму права» [29. С. 76]. Применительно прежде всего к фундаментальным правам, оформленным в современных конституционных правопорядках, нельзя не подчеркнуть об-

щую ценностную направленность морали и права. Естественно-правовая традиция и ориентировалась всегда на понимание справедливости в качестве морального начала права как его конституирующей идеи.

Во-вторых, в качестве содержательно значимой идея справедливости (правильности) права сохраняется в модернизированных «естественно-правовых» моделях правопорядка как его критическое измерение. Тест «на справедливость» подтверждает наличие у естественного права и в этой его редакции критического потенциала, присущего всей многовариантной традиции юснатурализма¹¹. В этом аспекте еще предстоит осмыслить инновационную преемственность современных естественно-правовых учений в рамках традиции в целом. Во всяком случае позитивист, если он и признает «слабую» связь права и морали, то готов считать ее только моральной, но не правовой проблемой.

В-третьих, критическое переосмысление дуализма естественного и позитивного права как параллельно существующих нормативных систем не представляется принципиальным разрывом с традицией юснатурализма. Скорее, это преодоление ею прежних методологических императивов, отвечающее новой познавательной ситуации в социально-гуманитарном знании. Ведь не прервалась же традиция после Канта, преодолевшего натурализм прежних учений об естественном праве.

Классическая традиция (до XIX в.) не могла учесть такой новой для философии права проблемы, как появление социальных прав. Актуализация этой проблемы в конце XIX – начале XX в. и, уже в ином социально-историческом контексте, после 80-х гг. XX столетия, проявилась в возрождении дискурса справедливости. Дискуссионным в прошлом и в конце XX – начале XXI в. оказался прежде всего вопрос о соотношении формальной (юридической) справедливости как «равенства в свободе» и материальной справедливости как равенства в распределении общественных благ (формального и материального естественного права, по Веберу). В этих дискуссиях заостряются расхождения между позитивизмом и непозитивизмом, касающиеся роли моральных ценностей в праве и правоповедении и соответственно – условий юридической действительности правовых норм [31. С. 418–419]. Однако нередко полемика по этому вопросу ведется между представителями различных версий юснатурализма (например, полемика Р. Дворкина с Дж. Ролзом) или современного либертариизма – тоже непозитивистского направления правовой мысли [32. С. 45–47; 33. С. 89–91].

В России на рубеже XIX–XX вв. обсуждение проблемы социальных прав развернулось вокруг «права на достойное существование» как «формулы справедливости» [34. С. 115]. Эта формула была задействована в политической риторике либералов и социалистов, «классических» либералов и социал-либералов [34. С. 115–116]. Однако партийно-классовый подход не заслонял академическое «надэмпирическое» исследование проблемы «достойного существования» как правовой проблемы. Если М. Вебер обнаруживал утилитарный смысл материального естественного права [24. С. 201–202], то, например, П.И. Новгородцев писал о «беспристрастной и нелицеприятной»

идее справедливости, которая «дает начало не буржуазным и не пролетарским, а общечеловеческим правовым представлениям...» [35. С. 255].

Дискуссии о «праве на достойное существование» велись в контексте обсуждения вопросов о соотношении свободы и равенства, о понятии справедливости как правовой или моральной (этико-правовой) категории, как «воздаяния должного», как внешней или «внутренней» правды¹². При этом внимание фокусировалось на особенно актуальной тогда в России проблеме гарантий основных прав¹³.

С появлением социальных прав происходит своего рода «смыслоразвертывание» базисных прав (Ю. Хабермас). И оно нуждается в естественно-правовом (моральном) обосновании, не сводящемся к позитивистскому эмпирическому анализу социальных фактов.

В свое время Л.И. Петражицкий разработал программу политики права. Это, разъяснял он, наука, систематически обнимающая всю область права с

точки зрения того, что должно быть, в противоположность науке положительного права как науке о том, что было и есть в области права [38. С. 33]. И это не новая наука: прежде она была представлена наукой так называемого естественного права. Однако чтобы «не дать повода для ложных толкований и поверхностной критики», лучше, полагал Л.И. Петражицкий, заменить название «наука естественного права» другим – «наука политики права» [38. С. 33].

Учение об естественном праве могло бы и сегодня стать «вдохновляющей идеей» (Р. Познер) создания современной политики права. В обозначенной перспективе будет важно преодолеть «ложные толкования» ее исторического прошлого. Кажется также очевидным, что и взаимные интерпретации позитивизма и естественного права не должны препятствовать «понимающему» диалогу между этими и сегодня противостоящими друг другу направлениями правовой мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это общераспространенная точка зрения. Ее разделяют и отечественные исследователи. Так, В.В. Лапаева не сомневается в том, что «юснатурализму всегда будет присущ тот правовой дуализм, который сопутствовал этому подходу на протяжении всей истории его развития» [7. С. 122].

² Кельзен, констатирует М. Иештетт, опускает справедливость «с уровня абсолютной трансцендентной ценности до уровня простой относительной ценности» [8. С. 657].

³ Не считая возможным «попутно» останавливаться на других, в том числе и общераспространенных, версиях реконструкции учения Аристотеля о «справедливости как законе», о «справедливости как равенстве», о возможном естественно-правовом истолковании его учения об энтелехии, сошлемся на то, что в «Риторике» Аристотеля и сам Кельзен обнаруживает мысль об естественном праве, отличном от позитивного права и, возможно, находящемся с ним в противоречии – мысль, которую Аристотель намеренно, как считает Кельзен, избегает в «Этике» [6. С. 535]. В то же время, скорее, риторические, чем философско-правовые, аргументы Цицерона в обсуждении естественно-правовой проблематики не препятствуют Кельзену присоединиться к общераспространенному мнению о Цицероне как ярком представителе этого учения.

⁴ В своей полемике с юснатурализмом Г. Кельзен как-то упускает из виду заключенную в этой формуле тему свободы, коренящейся в естественной склонности человека к добру и истине и исключающей «диктаторское» воздействие Бога на человека. В этом понимании свободы расходятся пути томизма и номиналистского скотизма (последователей Дунса Скота), для которого свобода индифферентна к ценностям и ведет к нравственности, основанной на законе и предписании [11. С. 93–94].

⁵ Интерпретацию естественно-правового учения «лишь как христианско-религиозного» разделяют и некоторые отечественные исследователи. «Идея естественного права, – писал Г.В. Мальцев, – по сути своей религиозна, отход от данной сути в принципе недопустим» [12. С. 93].

⁶ Абсолютные права как права-требования не зависят, по Финнису, от их конституционного оформления и международного признания. По мнению Е.В. Тимошиной, трансформация фундаментальных прав в утилитарные «соображения» о соответствии средств цели (например, в рамках доктрины «взвешивания» прав) не соответствует этико-правовому смыслу прав человека, а также и форме его нормативного выражения в международно-правовых актах и национальных конституциях [15].

⁷ Известный аргентинский правовед Е.В. Булыгин, представитель современного позитивизма, рассматривает этический скептицизм «как определяющую черту правового позитивизма» [17. С. 71].

⁸ Цитату Г. Харта, которую приводит Финнис, см. [23. С. 211].

⁹ Г. Кельзен здесь различает, не вдаваясь в объяснения, познавательно-теоретический («учение») и идеологически-ценностный («идея») аспекты любого учения о праве. Он предпочитает академическому дискурсу о юснатурализме главным образом идеологическую конфронтацию с ним, подспудно перелагая с позитивизма на теорию естественного права ответственность за «неверность» праву во время нацистского режима.

¹⁰ По мнению М. Вебера, естественное право «является... специфической формой легитимности революционно создаваемых порядков» [24. С. 198]. Естественно-правовую легитимацию пережили разные виды авторитарных властей. Но было еще «влиятельное естественное право исторически ставшего...» [24. С. 198–199].

¹¹ Так, у Дж. Ролза принципы справедливости в качестве источника нормативности права должны обеспечить рациональную критику любой социальной организации [30. С. 19].

¹² Об истории понятия справедливости в России см. [36. С. 132–146].

¹³ В современных условиях конституционного и международного-правового оформления социальных прав, идеи социального государства проблема социально ориентированного распределения общественных благ вновь приобретает остроту и актуальность в контексте гарантий основных прав, реализации принципов правового государства [37. С. 74–198].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алекс Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). Москва ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
2. Кельзен Г. Естественное право и позитивное право: исследование их взаимного отношения // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб. : Алеф-пресс, 2015. С. 241–280.
3. Кельзен Г. Естественное-правовое учение перед трибуналом науки // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб. : Алеф-пресс, 2015. С. 281–338.
4. Кельзен Г. Что есть справедливость? // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб. : Алеф-пресс, 2015. С. 339–374.
5. Кельзен Г. Проблема справедливости // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб. : Алеф-пресс, 2015. С. 375–496.

6. Кельзен Г. Основание учения о естественном праве // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб. : Алеф-пресс, 2015. С. 497–556.
7. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М. : Российская академия правосудия, 2012. 578 с.
8. Иештедт М. Введение в чистое учение о праве Ганса Кельзена // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб. : Алеф-пресс, 2015. С. 621–658.
9. Познер Р.А. Рубежи теории права. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 480 с.
10. Штраус Л. Естественное право и история. М. : Водолей Publishers, 2007. 312 с.
11. Гертых В. Свобода и моральный закон у Фомы Аквинского // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 91–100.
12. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999. 419 с.
13. Кельзен Г. Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб. : Алеф-пресс, 2015. С. 107–240.
14. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М. : Мысль, 2012. 554 с.
15. Тимошина Е.В. Права человека как ценностные основания правового регулирования // Человек и право: проблемы ценностных оснований правового регулирования. Сборник научных трудов. Минск : Академия МВД, 2019. С. 214–220.
16. Ковалев М.И. Генетика человека и его права (Юридические, социальные и медицинские проблемы) // Государство и право. 1994. № 1. С. 12–22.
17. Булыгин Е.В. К проблеме обоснования прав человека // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права. СПб. : Алеф-пресс, 2016. С. 66–72.
18. Булыгин Е.В. Что такое правовой позитивизм? // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права. СПб. : Алеф-пресс, 2016. С. 28–41.
19. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М. : Статут, 2011. 308 с.
20. Лебедева Т.П. Роль школы естественного права в формировании западной политико-правовой традиции // Полис. 1998. № 6. С. 55–63.
21. Фуллер Л.Л. Позитивизм и верность праву. Ответ профессору Харту // Правоведение. 2005. № 6. С. 124–159.
22. Антиномия в чистом учении о праве Кельзена // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права. СПб. : Алеф-пресс, 2016. С. 22–245.
23. Харт Г.Л. Понятие права. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007. 302 с.
24. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. Т. 3. 331 с.
25. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2013. 351 с.
26. Исаев И.А. Факт против нормы: вызов «исторической школы права» // История государства и права. 2012. № 8. С. 2–6.
27. Тимошина Е.В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л.И. Петражицкого. М. : Юрлитинформ, 2012. 296 с.
28. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М. : Наука, 1992. 176 с.
29. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 66–80.
30. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 532 с.
31. Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, № 2. С. 418–424.
32. Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. М. : Ин-т государства и права РАН, 2003. 207 с.
33. Лапаева В.В. Коммуникативные концепции права в контексте актуальных задач российской правовой теории и практики (с позиций либертарного правопонимания) // Правоведение. 2014. № 6. С. 77–100.
34. Плотников Н.С. «Право на достойное существование». К истории дискурса справедливости в русской мысли // Логос. 2007. № 5 (62). С. 111–133.
35. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М. : Пресса, 1991. 640 с.
36. Печерская Н.В. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре // Полис. 2001. № 2. С. 132–146.
37. Клишас А.А. Юридический код государства. М. : Междунар. отношения, 2019. 760 с.
38. Петражицкий Л.И. Введение в науку политики права // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды. СПб. : Юридическая книга, 2010. С. 3–186.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 июня 2020 г.

Positivism and Natural Law: A Conflict of Interpretations?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 234–240.

DOI: 10.17223/15617793/456/28

Genevera I. Lukovskaya, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: lukovskaia@yandex.ru

Keywords: natural law; positivism; justice; tradition; interpretation.

The study is supported by the Russian Foundation For Basic Research, Project No. 19-011-00528.

The aim of this article is to analyze the mutual interpretations of the ideas of positivism and jusnaturalism. The author proceeds from the fact that in the controversy of the supporters of these types of legal understanding, as in any discussion, mutual understanding, mutual alignment of positions, as well as compliance with the expectations of each of the parties, are necessary. Meanwhile, positivists (E. Bulygin) and jusnaturalists (L. Fuller, J. Finnis) note the inauthenticity of interpretation models of these types. The author primarily sees the positivist models of the centuries-old tradition of jusnaturalism as debatable. She uses the method of analysis of discrepancies of the natural law tradition in its reproduction by positivists found, for example, in J. Finnis's criticism of interpretative models in the works by H. Kelsen and H.L.A. Hart. According to the author, understanding the polemics of positivists and jusnaturalists, it is necessary to take into account that the common-European style of lawyers' thinking was largely formed under the influence of natural law axioms. All "strong-willed" theories of law (positivism, Marxism) have freed themselves from the dualism of natural and positive law inherent in classical jusnaturalism. The author critically examines the positivist interpretations of the doctrines of natural law and argues her own position in assessing the various stages of jusnaturalism evolution, from antiquity to the present. The author becomes a participant in a polemic with positivism, sharing Finnis's anti-utilitarian interpretation of fundamental human rights (not his conception as a whole). She believes that the ethics of human dignity should be recognized as the semantic reference point of the existence of law, the criterion of its "human dimension". In conclusion, the author pays special attention to interpretation by positivism of the dualism ideas of natural and positive law, the absoluteness of natural law principles, their immutability inherent in the classical tradition of jusnaturalism, but subjected to rethinking in modern non-classical theories of natural law (contractualist and others). In this regard, the article discusses the adequacy of recognizing such theories as natural legal theories (maybe this is a "third", "another" way in the philosophy of law?). The author comes to the conclusion that such theories are attributed to

the natural legal tradition, emphasizing, however, that the innovative continuity of modern doctrines on natural law remains controversial. The author also outlines the possible prospects for a further development of this tradition within the framework of the policy of law freed from the “false interpretations” (L.I. Petrażycki) of its historical past.

REFERENCES

1. Alexy, R. (2011) *Ponyatie i deystvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu)* [On the Concept and the Nature of Law]. Translated from English. Moscow; Berlin: Infotropik Media.
2. Kelsen, H. (2015a) *Chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Pure Theory of Law]. Translated from German by Mikhail Antonov and Sergey Loesov. 2nd ed. Saint Petersburg: Alef-press. pp. 241–280.
3. Kelsen, H. (2015b) *Chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Pure Theory of Law]. Translated from German by Mikhail Antonov and Sergey Loesov. 2nd ed. Saint Petersburg: Alef-press. pp. 281–338.
4. Kelsen, H. (2015c) *Chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Pure Theory of Law]. Translated from German by Mikhail Antonov and Sergey Loesov. 2nd ed. Saint Petersburg: Alef-press. pp. 339–374.
5. Kelsen, H. (2015d) *Chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Pure Theory of Law]. Translated from German by Mikhail Antonov and Sergey Loesov. 2nd ed. Saint Petersburg: Alef-press. pp. 375–496.
6. Kelsen, H. (2015e) *Chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Pure Theory of Law]. Translated from German by Mikhail Antonov and Sergey Loesov. 2nd ed. Saint Petersburg: Alef-press. pp. 497–556.
7. Lapaeva, V.V. (2012) *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika* [Types of Legal Consciousness: Legal Theory and Practice]. Moscow: Rossiyskaya akademiya pravosudiya.
8. Ieshtedt, M. (2015) *Vvedenie v chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena* [Introduction to the pure theory of law by Hans Kelsen]. In: Kelsen, H. *Chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Pure Theory of Law]. Translated from German by Mikhail Antonov and Sergey Loesov. 2nd ed. Saint Petersburg: Alef-press. pp. 621–658.
9. Pozner, R.A. (2017) *Rubezhi teorii prava* [The Frontiers of the Theory of Law]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
10. Strauss, L. (2007) *Estestvennoe pravo i istoriya* [Natural Right and History]. Translated from English. Moscow: Vodoley Publishers.
11. Gertykh, V. (1994) *Svoboda i moral'nyy zakon u Fomy Akvinskogo* [Freedom and moral law in Thomas Aquinas]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 1. pp. 91–100.
12. Mal'tsev, G.V. (1999) *Ponimanie prava. Podkhody i problemy* [Understanding Right. Approaches and Problems]. Moscow: Prometey.
13. Kelsen, H. (2015e) *Chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Pure Theory of Law]. Translated from German by Mikhail Antonov and Sergey Loesov. 2nd ed. Saint Petersburg: Alef-press. pp. 107–240.
14. Finnis, J. (2012) *Estestvennoe pravo i estestvennye prava* [Natural Law and Natural Rights]. Translated from English. Moscow: Mysl'.
15. Timoshina, E.V. (2019) *Prava cheloveka kak tsennostnye osnovaniya pravovogo regulirovaniya* [Human rights as the value foundations of legal regulation]. In: Pavlov, I. & Savenok, A.L. (eds) *Chelovek i pravo: problemy tsennostnykh osnovaniy pravovogo regulirovaniya* [Man and Law: Problems of the Value Foundations of Legal Regulation]. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs. pp. 214–220.
16. Kovalev, M.I. (1994) *Genetika cheloveka i ego prava* (Yuridicheskie, sotsial'nye i meditsinskie problemy) [Human genetics and rights (Legal, social and medical problems)]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 1. pp. 12–22.
17. Bulygin, E.V. (2016a) *Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava* [Selected works on Theory and Philosophy of Law]. Saint Petersburg: Alef-press. pp. 66–72.
18. Bulygin, E.V. (2016b) *Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava* [Selected works on Theory and Philosophy of Law]. Saint Petersburg: Alef-press. pp. 28–41.
19. Karapetov, A.G. (2011) *Bor'ba za priznanie sudebnogo pravotvorchestva v evropeyskom i amerikanskom prave* [Struggle for the Recognition of Judicial Lawmaking in European and American Law]. Moscow: Statut.
20. Lebedeva, T.P. (1998) *Rol' shkoly estestvennogo prava v formirovaniy zapadnoy politiko-pravovoy traditsii* [The role of the school of natural law in the formation of the Western political and legal tradition]. *Polis – Political Studies*. 6. pp. 55–63.
21. Fuller, L.L. (2005) *Pozitivizm i vernost' pravu. Otvet professoru Khartu* [Positivism and Fidelity to Law: A Reply to Professor Hart]. Translated from English. *Pravovedenie*. 6. pp. 124–159.
22. Bulygin, E.V. (2016c) *Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava* [Selected works on Theory and Philosophy of Law]. Saint Petersburg: Alef-press. pp. 22–245.
23. Hart, H.L.A. (2007) *Ponyatie prava* [The Concept of Law]. Translated from English. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
24. Weber, M. (2018) *Khoz'yaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: v 4 t.* [Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology: In 4 Vols]. Translated from English. Vol. 3. Moscow: HSE.
25. Pokrovskiy, I.A. (2013) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of Civil Law]. Moscow: Statut.
26. Isaev, I.A. (2012) *Fact Against Norm: Challenge of “Historical School of Law”*. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 8. pp. 2–6. (In Russian).
27. Timoshina, E.V. (2012) *Kak vozmozhna teoriya prava? Epistemologicheskie osnovaniya teorii prava v interpretatsii L.I. Petrazhitskogo* [How Is a Theory of Law Possible? the Epistemological Foundations of the Theory of Law as Interpreted by L.I. Petrażycki]. Moscow: Yurilitinform.
28. Habermas, J. (1992) *Demokratiya. Razum. Nравstvennost'* [Democracy. Mind. Moral]. Moscow: Nauka.
29. Habermas, J. (2012) *Kontsept chelovecheskogo dostoinstva i realisticheskaya utopiya prav cheloveka* [The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights]. Translated from German. *Voprosy filosofii – problems of Philosophy*. 2. pp. 66–80.
30. Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
31. Didikin, A.B. (2014) *Modern Natural Law Theories and the Classical Tradition*. *Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Scholae*. 8 (2). pp. 418–424. (In Russian).
32. Chetvernin, V.A. (2003) *Vvedenie v kurs obshchey teorii prava i gosudarstva* [Introduction to the Course of the General Theory of Law and State]. Moscow: Institute of State and Law, RAS.
33. Lapaeva, V.V. (2014) *Communicative Concepts of Law in the Context of Crucial Tasks of Russian Legal Theory and Practice (From the Perspective of Libertarian Law Understanding)*. *Pravovedenie*. 6. pp. 77–100. (In Russian).
34. Plotnikov, N.S. (2007) *“Pravo na dostoynoe sushchestvovanie”. K istorii diskursa spravedlivosti v russkoy mysli* [“The Right to a Dignified Existence”. On the History of the Discourse of Justice in Russian Thought]. *Logos*. 5 (62). pp. 111–133.
35. Novgorodtsev, P.I. (1991) *Ob obshchestvennom ideale* [On the Social Ideal]. Moscow: Pressa.
36. Pecherskaya, N.V. (2001) *Metamorphoses of Justice: Historical-Etymological Analysis of the Notion of Justice as It Evolved in Russian Culture*. *Polis – Political Studies*. 2. pp. 132–146.
37. Klishas, A.A. (2019) *Yuridicheskiy kod gosudarstva* [State Legal Code]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
38. Petrażycki, L.I. (2010) *Teoriya i politika prava. Izbrannye trudy* [Theory and Policy of Law. Selected Works]. Saint Petersburg: Yuridicheskaya kniga. pp. 3–186.

Received: 05 June 2020

Т.Ф. Моисеева, П.Б. Панфилов, З.Ю. Панфилова

ВОЗМОЖНОСТИ ОЛЬФАКТОРНОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАССЛЕДОВАНИИ ОСОБО ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Обоснованы основные положения экспертизы запаховых следов человека, показано ее значение в судопроизводстве. Рассмотрены уникальные отечественные разработки в области определения веществ, отвечающих за индивидуальный запах, а также механизма их глубокой очистки и усиления концентрации, которые открывают новые возможности использования ольфакторного метода в раскрытии и расследовании преступлений по прошествии нескольких десятков лет.

Ключевые слова: судебная экспертиза запаховых следов человека; ольфакторное исследование; индивидуализирующие пахучие вещества; полярные липиды.

Судебная экспертиза запаховых следов человека, в основе которой лежит биологический биосенсорный ольфакторный метод исследования, становится все более востребованной при борьбе с преступностью. Это обусловлено значимостью ее результатов в расследовании уголовных дел и формировании доказательственной базы предварительного и судебного следствия. Экспертные методики, применяемые при этом, являются уникальной отечественной разработкой, основаны на строго научных принципах организации лабораторного эксперимента и не имеют аналогов по своей точности и надежности. Точность и надёжность результатов идентификационных ольфакторных исследований, получаемых с использованием указанных методик, превосходят аналогичные параметры других видов современных инструментальных биологических исследований, обуславливая беспрецедентный уровень достоверности получаемых данных, гипотетическая вероятность ошибки которых минимизирована до одной на 100 млн случаев [1]. Уникально то, что в качестве биосенсорных средств ольфакторного исследования – живых датчиков – используются специально подготовленные собаки-детекторы.

Обоняние животных-макросматиков – единственно возможный и самый совершенный инструмент исследования микроколичеств запаховых следов, главный «прибор», с помощью которого эксперты на основе сложных современных методик исследуют запаховые следы человека. Его нельзя изменить или усовершенствовать. Однако можно создать условия, при которых обонятельный анализатор животного будет работать под контролем человека с максимальной отдачей.

Имеются также и уникальные отечественные разработки в области определения веществ, отвечающих за индивидуальный запах, а также механизма их глубокой очистки и усиления концентрации [2. С. 105–113].

Биологические следы человека, (кровь, пот или некоторые другие биологические среды) – это сложные многокомпонентные образования, в них обнаруживаются сотни веществ. Часть из них – те, которые определяют личный, неповторимый даже для монозиготных близнецов запах (по которому распознают преступника). Другая часть представлена сопутствующими веществами, обладающими запахом, но не участвующими в образовании индивидуального паху-

чего «кода». Например, масляная кислота, определяющая характерный прогорклый запах, другие жирные кислоты, аммиак. Избыток посторонних веществ в получаемых пробах может стать помехой для восприятия обонятельным анализатором животного искомого запаха.

Российские специалисты убедительно доказали, что индивидуализирующие субъекта вещества можно выделить в чистом виде путем их экстракции с использованием органических спиртов, хлороформа и специального оборудования [3. С. 77–78]. Высвобождаясь из исходного материала, они не изменяются по составу и структуре и не вступают в химические реакции. Впервые в мировой практике наши специалисты установили, что указанные вещества относятся к распространенному в организме человека классу жироподобных веществ – полярных липидов [4. С. 140–141; 5. С. 141]. Ими же сделано еще одно научное открытие мирового уровня – выявлен устойчивый признак хроматографического распределения липидов из состава пота, крови и иных биологических сред человека (метод тонкослойной хроматографии), четко коррелирующий с наличием на объектах исследования запаховых следов человека как биологического вида [2. С. 105–113]. Ранее этот признак выявлялся исключительно с использованием специально подготовленных животных. Таким образом, качественность и достаточность полученных запаховых проб контролируют инструментальным методом тонкослойной хроматографии. По распределению пятен на хроматографических пластинах определяют, есть ли в пробе искомого вещества, т.е. появился инструментальный метод диагностики пригодности изъятых объектов для проведения идентификационного ольфакторного исследования.

Внедрение разработанного в 2017–2018 гг. инновационного способа пробоподготовки очень важно для экспертной практики. Спектр объектов, пригодных для ольфакторного анализа, значительно расширился. Появилась возможность извлекать качественный и достаточный индивидуализирующий человека ольфакторный липидный комплекс с загрязненных и гнилостно измененных объектов с деградированным биологическим материалом, не содержащим клеточных структур, получать пробы с ногтевых пластин, смывов с тел и из полостей погибших лиц. На порядок повысилась эффективность ольфакторных иссле-

дований, с использованием нового способа пробоподготовки, существенно возрос запрос на их производство со стороны органов следствия и дознания.

Вот один из примеров использования результатов ольфакторной экспертизы в следственной практике.

Весной 2018 г. в лесном массиве одного из поселков Республики Карелия был обнаружен труп школьницы младших классов с проникающими ножевыми ранениями в области шеи. На почве рядом с телом имелись следы волочения, осуществленного, вероятно, за лямки надетого на потерпевшую рюкзака. Поза трупа свидетельствовала о сексуальном характере совершенного преступления. На ольфакторное исследование в марте 2019 г. в ольфакторную лабораторию МВД России направлены куртка, брюки и рюкзак потерпевшей. В ходе экспертизы на лямках рюкзака потерпевшей, а также на рукавах ее куртки и брюках в области промежности были выявлены запаховые следы проверяемого на причастность к данному происшествию лица. Результаты ольфакторного экспертного исследования, а также разъяснения, данные экспертом в ходе нескольких допросов в ходе предварительного и судебного следствия, сыграли ключевую роль при рассмотрении данного дела Верховным Судом Республики Карелия, который приговорил обвиняемое лицо к лишению свободы на срок 21 год [6].

Появление этого подхода в практике ольфакторных экспертных исследований можно без преувеличения оценить как новое слово в судебной экспертизе, – открытие, сопоставимое с созданием дактилоскопии и ДНК-анализа. Если раньше запаховые следы лиц, причастных к совершению преступлений, выявлялись в каждом третьем ольфакторном идентификационном экспертном исследовании, то с внедрением метода химической экстракции это происходит в девяти из десяти случаев. Кроме того, выделение группы веществ, отвечающей за индивидуальный запах человека, открывает новые перспективы для установления природы этих веществ. Уже сейчас благодаря разработанным методам пробоподготовки в исследовании запаховых следов человека впервые в мировой практике реализована возможность идентификации человека на основе синтеза инструментальных и биосенсорных методов исследования полярных липидов, входящих в состав его биологических сред.

С внедрением данного способа пробоподготовки открылись новые возможности раскрытия и расследования преступлений прошлых лет, совершенных в условиях неочевидности, где исследование ДНК, как правило, уже не может дать результатов из-за деградации клеточных ядер и содержащихся в них хромосом [7. С. 30–45].

Высокую эффективность ольфакторного метода и новейших российских разработок оценили не только отечественные следователи, но и их коллеги из Республики Беларусь [8. С. 80–86]. Только за один прошедший год благодаря выполненным ольфакторным экспертизам раскрыто более 20 особо тяжких преступлений против личности, совершенных в Белорусской ССР и Республике Беларусь с 1984 по 2019 г. Необходимо отметить, что половина из назначенных по поручениям белорусских коллег экспертиз – об

убийствах, в том числе заказных, а также преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

В целом за 2019 г. в центральной ольфакторной экспертной лаборатории МВД России выполнены 72 многообъектные экспертизы по таким преступлениям, установлено 62 лица, проверяемых на причастность к их совершению.

Например, по факту изнасилования и убийства 18-летней потерпевшей с последующим частичным сожжением ее тела в целях сокрытия следов преступления, совершенных в июле 2014 г. в г. Калуге, в ольфакторную экспертную лабораторию в феврале 2019 г. представлено более 40 объектов исследования, по которым ранее был проведен комплекс судебных экспертиз, а также сравнительные образцы крови шести лиц, проверяемых на причастность к совершению указанного преступления. На частично обгоревшем фрагменте удавки с шеи трупа потерпевшей выявлены запаховые следы человека, происходящие от одного из шести проверяемых лиц, а на срезанных ногтевых пластинах с частично обгоревшей руки потерпевшей – запаховые следы от двух из шести проверяемых лиц. Кроме того, на сумке со следами крови потерпевшей выявлены запаховые следы третьего лица, принимавшего участие в сокрытии и сожжении трупа. На основании полученных данных сформулированы обвинительные заключения в отношении трех участников происшествия, уголовное дело в отношении двух из них в настоящее время рассмотрено судом, который приговорил указанных лиц к 18 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строго режима [9].

Еще одно ноу-хау российских методик ольфакторного исследования состоит в том, что объективность полученных при их применении результатов не зависит от «субъективного мнения» или «показаний» животных. Система научно обоснованных и апробированных специальных тестов и проверок, составляющих неотъемлемую часть исследования, позволяет оценивать каждый факт сигнального поведения применяемых животных, распознавать свои их рефлекторной и обонятельной деятельности [10. С. 263–269; 11].

В начале каждого исследования проверяется функциональное состояние собаки и ее готовность работать по выработанному стереотипу, а также проводится тест на содержание в исследуемом запахе с места происшествия веществ, привлекающих собаку-детектора. Достоверность исследования обуславливается также и формированием сравнительного ряда объектов, и комиссионным характером исследования, при котором один из экспертов готовит образцы и сравнительный ряд, а другой проводит собаку вдоль ряда, не зная о месторасположении исследуемого объекта. Точность и надежность идентификации субъекта по запаховым следам, проводимой с использованием российских методик, сопоставимы с точностью и надежностью самых современных инструментальных методов анализа.

Открытое российскими специалистами уникальное природное свойство пролитой крови впитывать запаховые следы лиц, контактировавших с ней до высы-

хания, и длительное время удерживать в своей структуре индивидуализирующие их пахучие вещества позволяет следствию устанавливать фактические данные о событии преступления и его участниках с использованием испачканных кровью потерпевшего объектов исследования даже по прошествии нескольких десятков лет (по данным экспертной практики – до 35 лет и более).

Поэтому экспертное исследование запаховых следов человека значительно расширяет возможности получения органами следствия и дознания комплексной криминалистически значимой информации, особенно по делам о насильственных преступлениях против личности, совершенных в условиях неочевидности.

Так, например, с помощью ольфакторной экспертизы установлено лицо, совершившее убийство 4-летнего ребенка, чей труп был обнаружен в мае 2015 г. в г. Глазове Удмуртской Республики. В ходе осмотра места происшествия недалеко от места обнаружения трупа было изъято кольцо (бижутерия), предположительно оброненное преступником. Проведенные в отношении него биологические экспертизы не дали сведений для установления личности преступника. После этого кольцо было направлено в ольфакторную лабораторию для проведения судебной экспертизы запаховых следов человека. В качестве сравнительных образцов были представлены образцы крови 16 лиц, проверяемых на причастность к преступлению, и трупной крови убитого ребенка. В результате ольфакторной экспертизы, проведенной в декабре 2015 г., на кольце были выявлены запаховые следы человека, происходящие от потерпевшего и от одного из 16 свидетелей – женщины, сообщившей об обнаружении трупа ребенка и ранее утверждавшей, что никогда не видела указанное кольцо. Полученные в результате ольфакторного исследования объективные данные способствовали раскрытию и расследованию данного преступления и сыграли особую роль в доказывании в ходе судебного следствия. Необходимо отметить, что данное уголовное дело рассматривалось Верховным Судом Удмуртской Республики с участием коллегии присяжных заседателей, а вынесенный судом приговор (лишение свободы на срок 13,5 лет с отбыванием наказания в колонии общего режима) Верховным Судом Российской Федерации был оставлен без изменения [12].

В этом деле важную роль сыграло то обстоятельство, что указанное кольцо сохранило микроскопические следы крови потерпевшего ребёнка, «законсервировавшие» запаховые следы преступника. Феномен такой «консервации» объясняется следующим образом.

Индивидуализирующие пахучие вещества содержатся как в крови, так и в поте (потожировом веществе) человека [13]. Кровь при высыхании удерживает эти вещества в течение нескольких десятков лет, тогда как из следов пота они через какое-то время улетучиваются. Таким образом, смешивание следов пота и крови, происходящих от нескольких лиц, приводят к тому, что кровь одного человека (потерпевшего) сохраняет в себе также ранее привнесенные пахучие вещества пота другого лица или лиц – преступников, даже без их клеточного материала. Это происходит

при совершении большинства насильственных преступлений против личности. При непосредственном контакте с жидкой кровью отвечающие за индивидуальный запах человека вещества растворяются в ней и обратимо связываются с ее специфическими компонентами. Таким образом, индивидуализирующие субъекта пахучие вещества удерживаются в сухой крови как за счет сил межмолекулярного взаимодействия, так и за счет ее особой структуры.

Кроме того, индивидуализирующие субъекта запаховые следы могут сохраняться в неблагоприятных условиях, где происходит полная деградация и утрата (например, вымывание водой) клеточных структур, препятствующая производству результативного ДНК-анализа.

Полярные липиды, отвечающие за индивидуальный запах человека, практически не растворяются в воде. Разрушению же в воде и деградирующих органических материалах препятствует свойство этих веществ образовывать специфические надмолекулярные шаровидные структуры – так называемые мицеллы, в которых гидрофобные («отталкивающие» воду) части молекул обращены внутрь шара, а гидрофильные («притягивающие» воду) – наружу. «Вымыванию» пахучих веществ в составе указанных структур, например с тел и одежды трупов, обнаруженных в водной среде, обычно препятствуют нахождение их в естественных отверстиях трупа, полузакрытых участках тела (под ногтями, в их слоистых микроструктурах), а также фиксация в просветах между волокнами одежды.

В качестве примеров экспертной практики можно привести раскрытие в 2019–2020 гг. двух особо тяжких преступлений прошлых лет, сопряженных с попытками сокрытия преступниками тел потерпевших в воде. В одном случае это касается изнасилования и убийства малолетней потерпевшей в Минераловодском районе Ставропольского края, где труп был обнаружен в реке через 43 дня с момента ее безвестного исчезновения в октябре 2014 г. Из-за действия процессов органического разложения в полостях потерпевшей и на имевшейся на ее теле одежде биологические следы преступника не удалось установить по результатам геномных экспертиз, выполненных в трех генетических лабораториях различных ведомств. Благодаря проведенной нашими специалистами ольфакторной судебной экспертизе после специальной очистки исходного биологического материала, полученного с одежды, полостей и ногтевых пластин трупа, на указанных объектах выявлен индивидуализирующий ольфакторный липидный комплекс, происходящий от проверяемого по делу лица.

Результаты проведенной в текущем году ольфакторной экспертизы помогли установить проверяемых на причастность к совершению в январе 2016 г. в Ульяновской области убийства двух бизнесменов, связанного с сокрытием трупов в воде. Индивидуализирующие двух из четырех проверяемых лиц запаховые следы были обнаружены в выявленном и очищенном ольфакторном липидном комплексе с верхней одежды и брюк потерпевших, трупы которых были помещены в полимерную пленку, снабжены грузами и сокрыты в реке преступниками за полгода до их обнаружения рыбаками.

Таким образом, по прошествии многих лет после совершения преступлений удается с помощью ольфакторной экспертизы устанавливать биологические следы преступников на вещественных доказательствах, по которым результаты ДНК-анализа, проводимого в разных экспертных учреждениях ведущими специалистами, не дают результатов.

Это происходит потому, что объекты экспертных исследований запаховых следов человека и иных биологических экспертиз различаются. Например, в молекулярно-генетическом анализе – это ДНК в составе хромосом, имеющих в ядродержащих структурах организма. В экспертизе запаховых следов человека – продукты межклеточного обмена и сигнализации, не содержащие клеточных структур (причем в сверхмалых концентрациях, даже не поддающихся количественному приборному анализу). По этой причине судебная экспертиза запаховых следов человека позволяет идентифицировать субъекта по его микроследам биологического происхождения, представленным веществами липидной природы и не связанным с сохранностью клеточных структур, что недоступно при проведении других видов биологических экспертиз, в частности ДНК-анализа. Специфика насильственных преступлений против личности состоит в образовании на объектах смешанных следов пота и крови, происходящих, как правило, от преступника (преступников) и потерпевшего (потерпевших). Это затрудняет идентификацию участников происшествия с использованием большинства биологических методов судебной экспертизы, включая исследование ДНК. Можно даже утверждать, что в большинстве случаев молекулярно-генетическая идентификация неосуществима ввиду смешанного характера следов, а также недостаточного количества генетического материала. Наличие на объектах биологических следов, происходящих даже от нескольких десятков лиц, не является препятствием для решения идентификационной задачи. Более того, наличие на объекте пахучих веществ пота (например, преступника) с наложением на них пятен или следов крови потерпевшего (иногда едва заметных или микроскопических) является положительным фактором. Пятна крови одного человека, имеющиеся на следоносителе, способны сохранять (надежно консервировать) и защищать от выветривания пахучие вещества, происходящие от другого лица.

В этом отношении из-за разных объектов исследования результаты ольфакторного и ДНК-анализов не являются взаимообусловленными. Они могут подтверждать, но не опровергать друг друга.

Кроме исследования сложных смесей потожировых следов и следов крови, происходящих от нескольких лиц, а также деградированного биологического материала, не сохранившего клеточных структур, существует область применения ольфакторного экспертного метода, априорно недоступная геномному анализу. Это дифференциация (различение) моно-

зиготных близнецов, имеющих идентичную последовательность нуклеотидов информативного участка ДНК, используемого для анализа генетического материала. Таким образом, обнаружив биологические следы одного из монозиготных близнецов на объектах исследования, с использованием ДНК-анализа невозможно установить, от кого они произошли. Ольфакторный метод – единственный биологический метод в судебной экспертизе, позволяющий решать указанную задачу.

Так, по факту обнаружения в июле 2000 г. в квартире одного из домов г. Надьма Ямало-Ненецкого автономного округа трупов женщины и ее малолетнего сына с признаками насильственной смерти – открытыми черепно-мозговыми травмами, а также множественными проникающими колото-резаными ранениями в июне 2019 г. в центральную ольфакторную экспертную лабораторию МВД России были представлены срезы ногтей с рук трупов потерпевших, их вещи со следами крови, мазки с биологическим материалом потерпевшей, а также нож и молоток со следами крови потерпевших. В совершении указанного преступления подозревались два монозиготных близнеца, 1978 г. р., одновременно отбывающих наказание в местах лишения свободы за совершенные преступления против половой свободы личности. Их общий генотип совпал с ранее выявленным в биологических следах из полостей трупа потерпевшей. Фактических данных и иной информации о том, кто из братьев совершил преступление, следствие не имело. В ходе произведенной судебной ольфакторной экспертизы на срезах ногтевых пластин с рук потерпевших матери и ребенка, на их одежде, в мазках и содержимом полотестей потерпевшей, а также полотенце, которым преступник вытирал руки, и орудиях убийства по прошествии 19 лет были выявлены запаховые следы человека, происходящие от одного из подозреваемых монозиготных близнецов.

Таким образом, дифференцировать близнеца по следам биологического происхождения и предъявить ему обоснованное обвинение удалось только по результатам ольфакторного анализа вещественных доказательств по уголовному делу.

Возрастание потребностей регионов в освоении этого вида экспертного исследования свидетельствует о его востребованности в практике борьбы с преступностью, обусловленной доказательственной значимостью его результатов при расследовании уголовных дел и закреплении доказательственной базы предварительного и судебного следствия [2. С. 105–113; 14. С. 123–129].

Таким образом, ольфакторное экспертное исследование – это эффективное средство установления личности преступника даже в тех случаях, когда применение других методов идентификации с использованием следов человека биологического происхождения оказывается невозможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов П.Б. Основные принципы обеспечения достоверности исследований запаховых следов человека с использованием собак-детекторов в судебной экспертизе. М. : Юрлитинформ, 2007. 264 с.

2. Панфилов П.Б., Панфилова З.Ю., Фиринова Ю.С. Новые возможности ольфакторного экспертного метода в исследовании объектов биологического происхождения: инициативные научные исследования и результаты их применения в экспертной практике // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 105–113.
3. Панфилов П.Б., Панфилова З.Ю., Фиринова Ю.С. Изучение липидного комплекса клеток человека на предмет выявления личного запаха // Третья молодежная школа-конференция «Молекулярные механизмы регуляции физиологических функций»: сб. материалов / под ред. А.А. Каменского, В.М. Гаврилова, Д.В. Абрамочкина, В.С. Кузьмина. М.: Наука, 2019. С. 77–78.
4. Панфилов П.Б., Панфилова З.Ю., Фиринова Ю.С. Выделение липидных фракций крови и пота человека, отвечающих за индивидуальность его личного запаха, методом химической экстракции / Материалы Международного конгресса и научно-практической школы «Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики–2019» 17–19 апреля 2019 г.: тез. докл. / под ред. проф. В.А. Клевню // Судебная Медицина: Ассоциация судебно-медицинских экспертов. 2019. Т. 5, № 15 (приложение). С. 140–141.
5. Панфилов П.Б., Панфилова З.Ю., Фиринова Ю.С. Выявление индивидуального запаха человека в форменных элементах его крови и искусственной культуральной среде RPMI 1640 & NEPES / Материалы Международного конгресса и научно-практической школы «Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики–2019» 17–19 апреля 2019 г.: тез. докл. / под ред. проф. В.А. Клевню // Судебная Медицина: Ассоциация судебно-медицинских экспертов. 2019. Т. 5, № 15 (приложение). С. 141.
6. Лысенко С. По следам педофила. URL: <https://stolicaonego.ru/analytics/po-sledam-pedofila/>
7. Панфилов П.Б. О практике подготовки и назначения ольфакторной судебной экспертизы при расследовании особо тяжких преступлений против личности прошлых лет // Вестник криминалистики. 2019. № 3 (71). С. 30–45.
8. Галь В.Л., Панфилов П.Б. Опыт взаимодействия Следственного комитета Республики Беларусь с Экспертно-криминалистическим центром МВД России в расследовании особо тяжких преступлений против личности прошлых лет с использованием современных возможностей судебной ольфакторной экспертизы // Предварительное расследование. 2019. № 2 (6). С. 80–86.
9. Ермакова А. «Простите, если сможете». Убийцам Яны Болтынюк вынесли приговор в Калуге. URL: https://kaluga.aif.ru/incidents/scene/prostitute_esli_smozhet_ubiycam_yany_boltynyuk_vynesli_prigovor_v_kaluge
10. Панфилов П.Б. Научные принципы обеспечения контроля над сигнальным поведением собак-детекторов, реализованные в биосенсорном ольфакторном методе исследования запаховых следов человека в судебной экспертизе // Известия Тульского государственного университета. Серия: Актуальные проблемы юридических наук. 2006. Вып. 15 (№ 9). С. 263–269.
11. Исследование запаховых следов человека: учеб. пособие / под ред. Т.Ф. Моисеевой, В.Г. Савенко. М.: ЭКЦ МВД России, 2008. 168 с.
12. Бурцева И. Верховный Суд Удмуртии вынес приговор женщине, обвиняемой в убийстве 4-летнего Артура Жукова из Глазова. URL: <https://www.izh.kp.ru/online/news/2681700/>
13. Моисеева Т.Ф. Комплексное криминалистическое исследование потожировых следов человека. М.: Городец-издат, 2000. 224 с.
14. Панфилов П.Б. Современная практика расследования особо тяжких преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности, с использованием запаховых следов человека // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. № 3 (25). С. 123–129.

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 мая 2020 г.

The Capabilities of Olfactory Forensic Examination in the Investigation of Particularly Serious Crimes Against the Person of the Past Years

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 241–246.

DOI: 10.17223/15617793/456/29

Tatyana F. Moiseeva, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: moiseevatff@mail.ru

Pavel B. Panfilov, Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: pavelpanfiloff@yandex.ru

Zinaida Yu. Panfilova, Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: zina_panfilova@mail.ru

Keywords: forensic examination of human odour traces; olfactory research; individualizing substances; polar lipids.

Research in recent years has significantly expanded the possibilities of examining human odour traces in the detection and investigation of particularly serious crimes against the person. The uniqueness of such studies lies in the use of specially trained dogs as an individual odour detector. The accuracy and reliability of such studies are not only comparable, but also exceed similar parameters of other types of modern instrumental biological research. The probability of error is one in a hundred million cases. The reliability of the results is determined by the research methodology, which includes a system of scientifically based and approved special tests and checks that are an integral part of the study. This allows evaluating each fact of the signal behavior of the animals used, recognising failures of their reflex and olfactory activity. The methodology of olfactory research of human odour traces is also used for scientific research in order to establish substances that determine the individual odour of a person. It has been found that these substances belong to polar lipids. From this, an innovative method of sample preparation was developed based on the isolation of individualising substances by chemical extraction. The method allows isolating these substances in the most purified form suitable for a further diagnostic analysis by instrumental thin-layer chromatography and for identification studies using the biosensor olfactory method. This significantly decreases the olfactory signal recognition threshold and allows extracting high-quality odour traces from the previously unsuitable materials and objects. This method allows examining highly contaminated objects that have undergone putrefactive changes, unsuitable for human identification by DNA analysis. The olfactory method has other advantages over DNA analysis. The examination of odour traces of a person allows establishing actual data about the event of a crime and its participants using objects of research stained with the victim's blood, even 35 or more years later. The olfactory method is the only biological method in forensic science that allows differentiating monozygotic twins. In addition, the odour traces that individualize the subject, obtained by chemical extraction, can be preserved in unfavorable conditions with a complete degradation and loss (for example, water washing) of cellular structures, which prevents the production of effective DNA analysis. Thus, modern olfactory expert research is an effective means of establishing the identity of a criminal, even in cases in which the use of other identification methods using human traces of biological origin is impossible.

REFERENCES

1. Panfilov, P.B. (2007) *Osnovnye printsipy obespecheniya dostovernosti issledovaniy zapakhovykh sledov cheloveka s ispol'zovaniem sobak-detektorov v sudebnoy ekspertize* [Basic Principles of Ensuring the Reliability of Studies of Human Odor Traces Using Dog Detectors in Forensic Examination]. Moscow: Yurlitinform.

2. Panfilov, P.B., Panfilova, Z.Yu. & Fironova, Yu.S. (2019) New Possibilities of Olfactory Forensic Method in Researching of Objects of Biological Origin: Initiative Scientific Studies and Results of Their Application in Investigation and Forensic Practice. *Vestnik Vostochno-sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the MIA of Russia*. 1 (88). pp. 105–113.
3. Panfilov, P.B., Panfilova, Z.Yu. & Fironova, Yu.S. (2019) [The study of the lipid complex of human cells for the identification of personal odor]. *Molekulyarnye mekhanizmy regulyatsii fiziologicheskikh funktsiy* [Molecular Mechanisms of Regulation of Physiological Functions]. Conference Proceedings. Moscow: Nauka. pp. 77–78. (In Russian).
4. Panfilov, P.B., Panfilova, Z.Yu. & Fironova, Yu.S. (2019) Vydelenie lipidnykh fraktsiy krovi i pota cheloveka, otvchayushchikh za individual'nost' ego lichnogo zapakha, metodom khimicheskoy ekstraktsii [Isolation of lipid fractions of one's blood and sweat responsible for the individuality of one's personal odor by chemical extraction]. *Sudebnaya Meditsina*. 5 (S1). pp. 140–141.
5. Panfilov, P.B., Panfilova, Z.Yu. & Fironova, Yu.S. (2019) Vyyavlenie individual'nogo zapakha cheloveka v formennykh elementakh ego krovi i iskusstvennoy kul'tural'noy srede RPMI 1640 & HEPES [Identification of one's individual odor in the formed elements of one's blood and the artificial culture medium RPMI 1640 & HEPES]. *Sudebnaya Meditsina*. 5 (S1). p. 141.
6. Lysenko, S. (2020) *Po sledam pedofila* [In the footsteps of the pedophile]. [Online] Available from: <https://stolicaonego.ru/analytics/po-sledam-pedofila/>.
7. Panfilov, P.B. (2019) O praktike podgotovki i naznacheniya ol'faktornoy sudebnoy ekspertizy pri rassledovanii osobo tyazhkiykh prestupleniy protiv lichnosti proshlykh let [On the practice of preparation and appointment of an olfactory forensic examination in the investigation of especially grave crimes against the person of past years]. *Vestnik kriminalistiki – Bulletin of Criminalistics*. 3 (71). pp. 30–45.
8. Gal', V.L. & Panfilov, P.B. (2019) Cooperation Experience of the Investigative Committee of the Republic of Belarus and the Forensic Center of the Ministry of the Interior of the Russian Federation in Investigation of Particularly Serious Crimes Against the Person, Including Past Crimes, Using Modern Resources of Olfactory Examination. *Predvaritel'noe rassledovanie*. 2 (6). pp. 80–86. (In Russian).
9. Ermakova, A. (2019) "Prostite, esli smozhete". Ubiytsam Yany Boltynyuk vynesli prigovor v Kaluge ["Forgive if you can." The murderers of Yana Boltynyuk were sentenced in Kaluga]. [Online] Available from: https://kaluga.aif.ru/incidents/scene/prostite_esli_smozhete_ubiytsam_yany_boltynyuk_vynesli_prigovor_v_kaluge.
10. Panfilov, P.B. (2006) Nauchnye printsipy obespecheniya kontrolya nad signal'nym povedeniem sobak-detektorov, realizovannye v biosensornom ol'faktornom metode issledovaniya zapakhovykh sledov cheloveka v sudebnoy ekspertize [Scientific principles of ensuring control over the signaling behavior of detector dogs implemented in the biosensor olfactory method for the study of human odor traces in forensic examination]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Aktual'nye problemy yuridicheskikh nauk*. 15 (9). pp. 263–269.
11. Moiseeva, T.F. & Savenko, V.G. (eds) (2008) *Issledovanie zapakhovykh sledov cheloveka* [The Study of Human Odor Traces]. Moscow: EKTs MVD Rossii.
12. Burtseva, I. (2017) *Verkhovnyy Sud Udmurtii vynes prigovor zhenshchine, obvinyaemoy v ubiystve 4-letnego Artura Zhukova iz Glazova* [The Supreme Court of Udmurtia Pronounced a Verdict on a Woman Accused of the Murder of 4-Year-Old Artur Zhukov From Glazov]. [Online] Available from: <https://www.izh.kp.ru/online/news/2681700/>.
13. Moiseeva, T.F. (2000) *Kompleksnoe kriminalisticheskoe issledovanie potozhirovykh sledov cheloveka* [A Comprehensive Forensic Investigation of Human Sweat and Grease Deposits]. Moscow: Gorodets-izdat.
14. Panfilov, P.B. (2019) Modern Practice of Investigation of Especially Serious Crimes Against the Person Committed in the Conditions of Non-Evidence, With Use of Scent Traces of the Person. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya – Criminal Investigation: Problems and Ways of Their Solution*. 3 (25). pp. 123–129. (In Russian).

Received: 07 May 2020

Т.А. Плаксина

ПОЖИЗНЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Анализируется тенденция расширения российским законодателем круга преступлений, за которые предусмотрено пожизненное лишение свободы. Санкции, содержащие данный вид наказания, не всегда соразмерны характеру и степени общественной опасности преступлений, что подтверждается и судебной практикой. Обеспечение справедливости приговоров при наличии в санкции пожизненного лишения свободы возможно лишь посредством установления в Общей части УК РФ дополнительных ограничений применения этого вида наказания.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы; критерии правомерного ограничения прав и свобод; принцип справедливости; санкция; индивидуализация наказания.

Проблема обеспечения соразмерности наказания совершенному преступлению, ранее обсуждавшаяся в доктрине российского уголовного права в рамках двух самостоятельных частных теорий – учения о санкциях и учения о назначении наказания, в последние два десятилетия приобрела особую актуальность в свете ряда правовых позиций Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека. Закрепленный в ст. 6 УК РФ принцип справедливости, устанавливая необходимость соответствия наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, несмотря на его исключительную важность, определяет, как и подобает принципу права, лишь основы достижения соразмерности наказания совершенному деянию. Его реализация в законодательстве предполагает не только формирование адекватной содеянному санкции, но и такое нормативное регулирование процесса индивидуализации наказания, которое, как минимум, позволяет исключить очевидно несправедливые судебные решения.

Конституционный Суд РФ, основываясь на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, подчеркивает, что федеральный законодатель «обязан соблюдать конституционные принципы необходимости, пропорциональности, соразмерности, справедливости и правовой безопасности как при криминализации того или иного деяния, так и в вопросах его пенализации» [1], а «установление конкретной санкции, ограничивающей конституционное право, должно отвечать требованиям справедливости, быть соразмерным конституционно закрепленным целям и охраняемым законным интересам, а также характеру совершенного деяния» [2]. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» с учетом толкования Конвенции и Протоколов к ней Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ) указывает, что любое ограничение прав и свобод должно являться пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели [3]. На основе анализа решений ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ специалисты, занимающиеся проблемами правомерности ограничения прав и свобод человека, также обращают внимание на обязательность соответствия

ограничений критерию соразмерности. В частности, В.И. Плохова отмечает, что «принцип соразмерности ограничений и выводимая из него формула о запрете чрезмерных ограничений означают, что допустимые по Конституции РФ и международным документам о правах человека ограничения должны по содержанию и объему соответствовать целям вводимых ограничений и могут применяться только для защиты иных равнозначных правовых ценностей» [4. С. 113].

Особое значение все изложенное приобретает применительно к пожизненному лишению свободы, входящему согласно ст. 44 УК РФ в систему уголовных наказаний, поскольку оно в наибольшей степени по сравнению с другими видами наказаний (за исключением фактически не применяемой смертной казни) ограничивает права и свободы человека.

Правовое положение пожизненного лишения свободы как вида уголовного наказания за период действия УК РФ претерпело существенные изменения, трансформировавшись в двух направлениях.

Во-первых, пожизненное лишение свободы приобрело статус абсолютно самостоятельного вида наказания, утратив свою зависимость от смертной казни. Согласно первоначальной редакции ч. 1 ст. 57 УК РФ пожизненное лишение свободы устанавливалось только как альтернатива смертной казни за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, и могло назначаться лишь в случаях, когда суд сочтет возможным не применять смертную казнь. При этом под преступлениями, посягающими на жизнь, законодатель понимал как общественно опасные деяния, основным непосредственным объектом которых является жизнь человека, так и иные преступления, составы которых содержат умышленное причинение смерти. В силу этого пожизненное лишение свободы помимо санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающей ответственность за квалифицированные виды убийств, было также включено в санкции ряда статей, расположенных в других главах УК РФ: ст. 277, 295, 317 УК РФ об ответственности за посягательства на жизнь потерпевших, характеризующихся особым статусом (государственный или общественный деятель; лицо, осуществляющее правосудие или предварительное расследование; сотрудник правоохранительного органа), а также ст. 357 УК РФ об ответственности за геноцид, одной из форм кото-

рого выступают действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем убийства ее членов. Однако уже в июле 2004 г. Федеральным законом № 74-ФЗ «О внесении изменений в статьи 57 и 205 Уголовного кодекса Российской Федерации» из ч. 1 ст. 57 УК РФ было исключено императивное положение об альтернативном смертной казни характере пожизненного лишения свободы. Тем самым законодатель снял наиболее значимое препятствие для использования данного вида наказания в санкциях статей Особой части УК РФ. Очевидно, что без отказа от субсидиарного характера пожизненного лишения свободы расширение перечня общественно опасных деяний, за которые оно могло бы назначаться, было практически невозможно.

Во-вторых, начиная с 2004 г. несколько раз изменялась ч. 1 ст. 57 УК РФ, определяющая посредством указания на объекты уголовно-правовой охраны круг тех особо тяжких преступлений, за которые может быть установлено пожизненное лишение свободы. Кроме преступлений, посягающих на жизнь человека, в настоящее время в него также входят преступления против: а) общественной безопасности; б) здоровья населения и общественной нравственности; в) половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. В результате и число санкций, содержащих пожизненное лишение свободы, к началу 2018 г. возросло до двадцати четырех, увеличившись почти в пять раз по сравнению с первоначальной редакцией УК РФ. При этом статьи с такого рода санкциями расположены в восьми главах УК РФ, хотя в ч. 1 ст. 57 УК названы лишь четыре группы преступлений, за которые может быть предусмотрено пожизненное лишение свободы. Несомненно объясняется тем, что в ч. 1 ст. 57 УК РФ приведены объекты, причинение вреда которым позволяет конструировать санкцию с включением в нее рассматриваемого вида наказания, независимо от того, является ли объект из этого перечня применительно к конкретному составу преступления основным или дополнительным.

В целом в настоящее время пожизненное лишение свободы, помимо тех пяти статей, в которых оно изначально появилось как альтернатива смертной казни (ч. 2 ст. 105, ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ), установлено в следующих статьях в пределах обозначенных выше групп особо тяжких преступлений (в скобках указано, каким федеральным законом в санкцию введено пожизненное лишение свободы либо в статью введена новая часть, в санкции которой предусмотрен данный вид наказания):

1) преступления, посягающие на жизнь человека (как дополнительный объект): ч. 3 ст. 281 УК РФ (Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ);

2) преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста: ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134 УК РФ (Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ);

3) преступления против здоровья населения и общественной нравственности: ч. 5 ст. 228.1, ч. 4

ст. 229.1 УК РФ (Федеральный закон от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ);

4) преступления против общественной безопасности (в том числе в качестве дополнительного объекта): ч. 1.1, ч. 2 и ч. 4 ст. 205.1 УК РФ (Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ); ст. 205.3, ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 205.5, ч. 4 ст. 211 УК РФ (Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ); ч. 4 ст. 210 УК РФ (Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ); ч. 1 и ч. 2 ст. 361 УК РФ (Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ);

5) преступления, посягающие и на жизнь человека (как дополнительный объект), и на общественную безопасность (в том числе в качестве дополнительного объекта): ч. 3 ст. 205 УК РФ (Федеральный закон от 21 июля 2004 г. № 74-ФЗ); ч. 4 ст. 206 УК РФ (Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ); ч. 3 ст. 361 УК РФ (Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ).

Презюмируется, что законодатель, вводя в конкретную санкцию пожизненное лишение свободы, уже оценил общественную опасность преступления, признав ее исключительной, и констатировал, что среди лиц, совершающих подобные деяния, существуют такие, к которым требуется применение крайне жестких карательных мер, выходящих за пределы максимального срока лишения свободы, установленного ч. 2 ст. 56 УК РФ. Однако действительная соразмерность санкции типовой степени общественной опасности деяния и типовой степени опасности личности виновного не может быть определена без анализа судебной практики.

Изучение статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает, что с 2013 по 2018 г. включительно¹ за квалифицированные убийства по ч. 2 ст. 105 УК РФ суммарно было осуждено 10 787 лиц, из них к пожизненному лишению свободы – 343, что составляет 3,18%; количество осужденных к указанному виду наказания за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) – 17 из 283 (6,0%); за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), – 3 из 11 (27,3%) [5–10]. За тот же период пожизненное лишение свободы было назначено всего трем осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, при том что общее количество лиц, к которым оно за такие деяния могло бы быть применено, т.е. осужденных по ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132 и ч. 6 ст. 134 УК РФ, – 231 [5–10]. Таким образом, удельный вес лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы за вышеназванные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, составил лишь 1,3% от суммарного числа осужденных за них.

Еще более показательны данные по преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности, за которые также установлены санкции, содержащие пожизненное лишение свободы (ч. 5 ст. 228.1, ч. 4 ст. 229.1 УК РФ). В 2013–2018 гг. по ч. 5

ст. 228.1 УК РФ было осуждено 7 043 лица, по ч. 4 ст. 229.1 УК РФ – 323 лица, при этом пожизненное лишение свободы судами вообще не применялось [5–10]. Не было ни одного осужденного по перечисленным статьям и в первой половине 2019 г. [11].

Что касается преступлений против общественной безопасности, то факты осуждения за них к пожизненному лишению свободы в правоприменительной практике также отсутствуют, за исключением случаев назначения данного вида наказания по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, предусматривающему ответственность за террористический акт, осложненный последствием в виде умышленного причинения смерти человеку. За период с 2013 по 2018 г. из 35 осужденных, в отношении которых были вынесены приговоры по ч. 3 ст. 205 УК РФ, 14 лиц (40%) были осуждены к пожизненному лишению свободы [5–10]. О явно недостаточном научном обосновании законодательных решений, связанных с включением рассматриваемого вида наказания в санкции статей об ответственности за ненасильственные особо тяжкие преступления против общественной безопасности, красноречиво говорит тот факт, что в санкции ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, которая является альтернативной, в качестве основного наказания помимо пожизненного лишения свободы предусмотрено лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет. Таким образом, без использования в санкции всего диапазона лишения свободы на определенный срок в нее сразу включено пожизненное лишение свободы. Подобное построение санкций, безусловно, абсолютно неприемлемо.

Нельзя не заметить, что предпринятая законодателем в последние полтора десятилетия экспансия пожизненного лишения свободы в Особой части УК РФ не нашла поддержки не только в судебной практике, но и в юридической литературе. Так, еще на первоначальном этапе расширения в ч. 1 ст. 57 УК РФ круга преступлений против общественной безопасности, за которые может быть назначен данный вид наказания, Н.В. Желокhov писал, что объектом уголовно-правовой охраны применительно к преступлениям, заслуживающим столь суровой реакции государства, должна выступать только жизнь человека [12. С. 21]. Аналогичное мнение в тот же период высказала Е.Л. Кирихина, отмечавшая нецелесообразность установления пожизненного лишения свободы и за другие особо тяжкие преступления, помимо тех, санкции которых уже его содержат [13. С. 8–9, 17]. В.И. Зубкова, обращаясь к уголовно-правовым проблемам применения пожизненного лишения свободы, предлагает сократить число статей, предусматривающих данный вид наказания, и впредь не расширять его [14. С. 215]. Она же на примере статей об ответственности за посягательства на жизнь потерпевших, обладающих особым статусом (в частности, ст. 277, 295 УК РФ), указывает на отсутствие оснований для установления пожизненного лишения свободы за деяния, при совершении которых смерть может быть вообще никому не причинена [14. С. 213]. Критика в адрес законодателя, значительно расширившего сферу применения пожизненного лишения свободы и распространившего его на ненасильственные преступления, содержится в работе

М.С. Дикаевой [15. С. 99]. Лишь отдельные исследователи придерживаются иной позиции. В частности, Ю.Е. Мазурин в 2010 г. отмечала, что содержащийся в ст. 57 УК РФ перечень преступлений не полон и требует уточнения [16. С. 13].

В теории уголовного права ряд авторов среди обязательных этапов процесса формирования санкций, помимо определения характера и степени общественной опасности преступления, называют также создание иерархической системы преступлений на основе социальной значимости непосредственного объекта посягательства и построение системы типовых санкций для каждой категории преступлений [17. С. 207; 18. С. 490]. Формирование иерархии охраняемых уголовным законом социальных ценностей приобретает особое значение: как было показано выше, статистические данные свидетельствуют о применении этого вида наказания только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, а также за особо тяжкие преступления против половой неприкосновенности лиц, не достигших четырнадцати лет.

Введение пожизненного лишения свободы в санкции статей об ответственности за некоторые не сопряженные с умышленным причинением смерти особо тяжкие преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности формально нивелирует явные различия в характере и степени общественной опасности данных преступлений и особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь человека либо половую неприкосновенность несовершеннолетних, не достигших возраста четырнадцати лет. Между тем специалистам хорошо известно, что даже квалифицированные виды убийств, закрепленные в ч. 2 ст. 105 УК РФ, судя по фактически назначаемым наказаниям, обладают неодинаковой общественной опасностью: пожизненное лишение свободы, как правило, назначается за преступления в отношении двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), за убийство малолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 105), убийство с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК) или сопряженное с изнасилованием (п. «к» ч. 2 ст. 105). По этой причине исследователями давно предложено произвести более глубокую дифференциацию ответственности за убийство, установив возможность назначения пожизненного лишения свободы лишь за отдельные виды квалифицированных убийств [19]. С.Ю. Бытко, анализируя эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность, вообще приходит к выводу о том, что в настоящее время пожизненное лишение свободы не имеет практического значения для предупреждения убийств, а его установление за преступления против половой неприкосновенности лиц, не достигших четырнадцати лет, в плане общей профилактики этих преступлений является бесполезным [20. С. 28–30]. Таким образом, под сомнение ставится целесообразность включения пожизненного лишения свободы даже в санкции, установленные за совершение особо тяжких насильственных преступлений, не говоря уже о ненасильственных преступлениях против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности.

Законодательное отождествление степени общественной опасности особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь человека и на половую неприкосновенность лиц, не достигших четырнадцати лет, с одной стороны, и ряда особо тяжких ненасильственных преступлений против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности, с другой, при очевидной дифференциации степени общественной опасности этих преступлений правоприменителем способно привести и к негативным социальным последствиям в виде существенного увеличения числа лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы. Достаточно начать назначать этот вид наказания за незаконное производство либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ в особо крупном размере (ч. 5 ст. 228.1 УК РФ), контрабанду наркотических средств или психотропных веществ, совершенную организованной группой (п. «а» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ) либо в особо крупном размере (п. «б» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ), как осязаемые различия в степени общественной опасности преступлений, связанных с распространением наркотиков, и убийств с квалифицирующими признаками невольно подстегнут суды к более частому применению пожизненного лишения свободы по ч. 2 ст. 105 УК РФ, к чему вряд ли готова российская уголовно-исполнительная система.

Таблица 1
Количество лиц, осужденных в Российской Федерации к пожизненному лишению свободы в 2009–2018 гг. (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) [5–10, 22–25])

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Количество осужденных	65	66	62	56	61	62	53	87	59	59

Таблица 2
Удельный вес осужденных к пожизненному лишению свободы в 2009–2018 гг. в общем числе осужденных в Российской Федерации (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Удельный вес, %	0,007	0,008	0,008	0,008	0,008	0,009	0,007	0,012	0,008	0,009

Как следует из статистических данных Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, в 2018 г. в исправительных колониях особо режима содержался 1 991 осужденный к пожизненному лишению свободы, тогда как десятью годами ранее – в 2008 г. – таких лиц было лишь 1 498 [21], и это при том, что в целом число лиц, осуждаемых в Российской Федерации к пожизненному лишению свободы, традиционно относительно невелико. Так, за десять лет, с 2009 по 2018 г., к этому виду наказания было приговорено 630 осужденных; по годам этот показатель колебался от 53 (2015 г.) до 87 (2016 г.). Общее же количество лиц, осужденных судами РФ за тот же период, составило более 7,5 млн человек (7 544 160) [5–10, 22–25]. Доля лиц, осужденных к

пожизненному лишению свободы, в общем числе осужденных в 2009–2018 гг. находилась в интервале от 0,007 до 0,009%, за исключением 2016 г., когда она составила 0,012%.

Все изложенное позволяет прийти к выводу, что в действующем уголовном законодательстве РФ санкции, содержащие пожизненное лишение свободы, далеко не всегда соразмерны характеру и степени общественной опасности преступлений, за которые они предусмотрены. С учетом соотношения ценности охраняемых уголовным законом объектов с содержанием и объемом ограничения прав и свобод, характерными для пожизненного лишения свободы, вызывает сомнения обоснованность установления данного вида наказания за особо тяжкие преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности, если они не сопряжены с умышленным причинением смерти человеку. Более того, необходима дифференциация ответственности за квалифицированные убийства в целях отделения видов убийств, требующих включения в санкцию пожизненного лишения свободы, от преступлений, за которые достаточно установления сверхдлительных (до двадцати лет) сроков лишения свободы. Наконец, применительно к статьям об ответственности за посягательства на жизнь обладающих особым статусом потерпевших (ст. 277, 295, 317 УК РФ) нужна законодательная оговорка о невозможности назначения пожизненного лишения свободы в случаях, когда посягательство на жизнь представляет собой покушение на убийство.

Однако корректировка санкций является лишь одним из этапов на пути к формированию механизма вынесения справедливых приговоров к пожизненному лишению свободы. В юридической литературе обоснованно обращается внимание на то, что «законодатель должен предусмотреть конкретные способы нахождения соразмерного наказания, чтобы суды могли правильно применить соответствующие нормы» [18. С. 492]. В настоящее время в российском уголовном законодательстве применение пожизненного лишения свободы ограничено кругом санкций статей Особенной части УК РФ, содержащих данный вид наказания, и некоторыми положениями ч. 2 ст. 57, ч. 4 ст. 62, ч. 1 ст. 65, ч. 4 ст. 66 УК РФ. Помимо того, что пожизненное лишение свободы не может быть назначено определенным категориям лиц – женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора шестидесяти пяти лет (ч. 2 ст. 57 УК РФ), оно не применяется в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 4 ст. 62 УК РФ), при вердикте присяжных заседателей о снисхождении (ч. 1 ст. 65 УК РФ), а также за приготовление к преступлению или покушение на преступление (ч. 4 ст. 66 УК РФ). В остальном же суды, не нуждаясь, по мнению законодателя, в более детальной регламентации назначения анализируемого вида наказания, должны руководствоваться общими началами назначения наказания (ст. 60 УК РФ), свободой усмотрения при выборе меры наказания в случае его назначения за преступления, санкции которых содержат пожизненное лишение свободы.

Указание в ч. 1 ст. 60 УК РФ на то, что более строгий вид наказания из числа предусмотренных в санкции за соответствующее преступление назначается лишь при условии, что менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания, безусловно, направлено на соблюдение требования соразмерности наказания деянию не только в уголовно-правовом, но и в конституционно-правовом и международно-правовом смыслах. Однако в плане обеспечения справедливости при реализации норм, санкции которых содержат пожизненное лишение свободы, это мало что дает. Анализ конкретных приговоров в отношении лиц, совершивших квалифицированные убийства, свидетельствует о крайне противоречивой практике индивидуализации наказания по данной категории дел и об отсутствии у судов четкого представления о критериях выбора между пожизненным лишением свободы и лишением свободы на определенный срок.

Так, приговором Пермского краевого суда по пп. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ К. был осужден за убийство М., шестилетней дочери своей сожительницы, в присутствии малолетней сестры потерпевшей. Виновный нанес М. не менее 32 ударов руками и ногами по голове и телу, причем продолжал наносить телесные повреждения ногами, прыгая на голову и тело потерпевшей, когда она уже упала на пол. Отягчающих наказание обстоятельств судом не было установлено. В качестве смягчающего наказание обстоятельства была признана явка с повинной (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ). При этом суд отказался признать смягчающим обстоятельством (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ) то, что К. просил свою мать вызвать скорую помощь, а сам делал М. искусственное дыхание и массаж сердца: по мнению суда, эти действия «не могли оказать сколько-нибудь положительное влияние на состояние здоровья потерпевшей, поскольку объективная сторона убийства была уже выполнена им, а последствия в виде смерти ребенка неизбежно наступили в результате примененного им к потерпевшей насилия» [26]. В обоснование выбора вида наказания в приговоре указано, что, несмотря на положительные характеристики, трудовую занятость, отсутствие судимостей, наличие смягчающего обстоятельства, с учетом исключительной общественной опасности совершенного подсудимым деяния и исключительной общественной опасности его личности для достижения целей наказания К. должно быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, так как менее строгим наказанием невозможно добиться целей восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения подсудимым новых преступлений [26].

По другому уголовному делу Иркутским областным судом Х. был осужден за убийство своего четырехлетнего сына Д. Действия виновного квалифицированы судом так же, как и в предыдущем примере, – по пп. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Х. нанес сыну большое количество ударов по голове и различным частям тела ремнем с металлической пряжкой и деревянным дверным наличником, причинив ему множественные телесные повреждения, в том числе закрытую

черепно-мозговую травму с кровоизлияниями под мягкой мозговой оболочкой и в веществе головного мозга, а также с травматическим отеком головного мозга, закрытую травму грудной клетки, живота и забрюшинного пространства, полный разрыв левой доли печени. Потерпевший скончался на месте происшествия. При назначении наказания судом учтена положительная характеристика виновного (не судим, до заключения под стражу был трудоустроен, содержал семью, принимал активное участие в воспитании детей). Смягчающими наказание обстоятельствами были признаны наличие у виновного малолетних детей (п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ); активное содействие раскрытию и расследованию преступления, которое выразилось в изложении на предварительном следствии и в судебном заседании обстоятельств совершения преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК); признание вины (ч. 2 ст. 61 УК); оказание иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления – попытка сделать искусственное дыхание, вызов медицинского работника (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК). Также установлено отягчающее наказание обстоятельство – совершение преступления в отношении несовершеннолетнего родителем (п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Приговором суда Х. назначено наказание в виде тринадцати лет лишения свободы и дополнительное наказание в виде ограничения свободы на срок один год шесть месяцев [27].

Как видно из приговоров, при сходных характеристиках совершенных деяний (убийство малолетнего с особой жестокостью посредством нанесения большого количества телесных повреждений), при положительной характеристике личности виновных, включающей, помимо прочего, отсутствие судимостей и трудовую занятость на момент совершения преступления, при наличии смягчающих наказание обстоятельств, связанных с позитивным постпреступным поведением виновных лиц, назначенные наказания оказались несоразмерными по степени суровости. Более того, во втором приговоре дополнительно указано на наличие отягчающего наказание обстоятельства, однако вывод о том, что цели восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения виновным лицом новых преступлений не могут быть достигнуты без назначения пожизненного лишения свободы, сделан в первом приговоре. Такие примеры свидетельствуют о несовершенстве (недостаточности) правовой регламентации назначения наказания в случае совершения преступления, санкция за которое содержит пожизненное лишение свободы. В этой связи отсутствие в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [28] каких-либо рекомендаций, касающихся назначения пожизненного лишения свободы, вполне объяснимо: без изменения уголовного закона уточнение механизма выбора вида наказания в подобной ситуации невозможно, а право творческая деятельность к компетенции Верховного Суда РФ не относится.

Займствование опыта судебных органов других государств в силу разных причин оказывается неприемлемым. В отечественной юридической литературе

описана, например, процедура нахождения соразмерного наказания и установления единообразной практики назначения наказаний, выработанная Верховным судом США. Однако в российской правоприменительной деятельности аналог этой процедуры использован быть не может. Как отмечает А.А. Бажанов, «в американской практике требование соразмерности наказания выводится из VIII поправки к Конституции США: “Чрезмерные залоги не должны требоваться, чрезмерные штрафы не должны налагаться, жестокие и необычные наказания не должны назначаться”» [18. С. 497]. В решении по одному из дел Верховный суд США, при толковании VIII поправки, установил, что «в целях оценки соразмерности наказания необходимо: (1) сравнить характер и тяжесть наказания с совершенным правонарушением; (2) сравнить решения по схожим правонарушениям, вынесенные в том же штате; (3) сравнить решения по схожим правонарушениям, вынесенные в других штатах» [18. С. 498]. Но позднее по другому уголовному делу им же было указано, что если преступление было признано судом тяжким или серьезным, то следующие два критерия оценки соразмерности не применяются, и для правонарушителя, совершившего такое преступление, соразмерным признается любое наказание, предусмотренное в санкции [18. С. 498].

Представляется, что единственным перспективным способом создания условий для обеспечения соразмерности наказания совершенному деянию в ситуациях, когда в санкции соответствующих статей Особенной части УК РФ включено пожизненное лишение свободы, является совершенствование законодательства, а именно дальнейшая формализация назначения

наказания, заключающаяся в установлении дополнительных ограничений в части применения пожизненного лишения свободы.

Нельзя не отметить непригодность противоположного подхода – жесткого определения в законе круга случаев, для которых пожизненное лишение свободы станет единственно возможным наказанием (независимо от того, посредством каких изменений уголовно-правовых норм – санкций или положений Общей части УК РФ это будет достигаться). Такой вариант был предложен, в частности, Э.В. Густовой, которая считает необходимым конструировать санкции с пожизненным лишением свободы как абсолютно-определенные [29. С. 21], чтобы у суда не было необходимости осуществлять выбор вида наказания. Безальтернативная абсолютно-определенная санкция, безусловно, максимально упрощает применение уголовного закона на этапе назначения наказания, однако она же, лишая суд свободы усмотрения, исключает индивидуализацию наказания, что противоречит принципу справедливости.

Закрепление в главе 10 УК РФ дополнительных ограничений по назначению пожизненного лишения свободы (например, установление невозможности его применения при отсутствии отягчающих обстоятельств и наличии определенного комплекса смягчающих обстоятельств) в сочетании с совершенствованием санкций и более глубокой дифференциацией ответственности за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь человека и на половую неприкосновенность лиц, не достигших четырнадцати лет, позволит избежать явно несправедливых судебных решений и унифицировать практику назначения наказания по данным категориям дел.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Нижняя граница периода взята для удобства сравнения с практикой назначения пожизненного лишения свободы за другие преступления с учетом того, что это наказание было введено в санкции ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 228.1 и ч. 4 ст. 229.1 УК РФ в 2012 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2–П. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision261462.pdf> (дата обращения: 13.11.2019).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 1998 г. № 14–П. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision41936.pdf> (дата обращения: 13.11.2019).
3. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Плохова В.И. Содержательные условия правомерного ограничения прав и свобод человека в уголовной сфере (общие вопросы) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 105–116.
5. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362> (дата обращения: 10.12.2019).
6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883> (дата обращения: 10.12.2019).
7. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 10.12.2019).
8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 10.12.2019).
9. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (дата обращения: 10.12.2019).
10. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 10.12.2019).
11. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 6 месяцев 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5081> (дата обращения: 10.12.2019).
12. Желоков Н.В. Пожизненное лишение свободы в системе наказаний УК РФ и его назначение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 26 с.
13. Кирюхина Е.Л. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты применения наказания в виде пожизненного лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.

14. Зубкова В.И. Некоторые проблемные вопросы наказания в виде пожизненного лишения свободы в законодательстве России // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сб. тез. выступл. и докл. участников междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Рязань : Академия права и управления ФСИН, 2018. С. 210–215.
15. Дикаева М.С. Назначение и исполнение пожизненного лишения свободы в России и зарубежных странах // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3. С. 99–103.
16. Мазурина Ю.Е. Уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы и его объект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. 24 с.
17. Густова Э.В. Теоретические основы построения уголовно-правовых санкций в УК РФ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 206–216.
18. Бажанов А.А. Соразмерность как условие справедливости санкции // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21, № 4. С. 486–507.
19. Плаксина Т.А. Теоретические основы углубления дифференциации ответственности за убийство // Современное право. 2006. № 2. С. 54–58.
20. Бытко С.Ю. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 44 с.
21. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Harka%20ic%20sodergahixsy%20v%20IK/> (дата обращения: 18.12.2019).
22. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2009 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=840> (дата обращения: 10.12.2019).
23. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837> (дата обращения: 10.12.2019).
24. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2011 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1272> (дата обращения: 10.12.2019).
25. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2012 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 10.12.2019).
26. Приговор Пермского краевого суда от 30 августа 2019 г. по делу № 2-21/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ilwXoCFKd9V4/?regular-txt=назначить+наказание+в+виде+пожизненного+лишения+свободы+%®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+105.+Убийство%28УК+РФ%29®ular-date_from=01.02.2016®ular-date_to=17.02.2020®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1581915310389&snippet_pos=16656#snippet (дата обращения: 18.12.2019).
27. Приговор Иркутского областного суда от 2 октября 2018 г. по делу № 2-42/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/0CT3ke68mEr0/?page=2®ular-court=®ular-date_from=01.02.2016®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+105.+Убийство%28УК+РФ%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=17.02.2020®ular-area=®ular-txt=убийство+малолетнего&_id=1581924534576®ular-judge=&snippet_pos=186#snippet (дата обращения: 18.12.2019).
28. О практике применения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18 декабря 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
29. Густова Э.В. Реализация принципа справедливости в содержании уголовно-правовых санкций // Актуальные вопросы права и отраслевых наук. 2017. № 1 (3). С. 18–23.

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 июля 2020 г.

Life Imprisonment in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and Judicial Practice

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 247–255.

DOI: 10.17223/15617793/456/30

Tatiana A. Plaksina, Altai Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation); Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: plaksinata@yandex.ru

Keywords: life imprisonment; criteria for lawful restriction of rights and freedoms; principle of justice; sanction; individualization of punishment.

The aim of the article is to assess the tendency of the Russian legislator to expand the range of crimes for which the sentence is life imprisonment and to identify circumstances that prevent the imposition of a fair punishment for such crimes. The study was carried out using formal logical, systematic, and statistical methods. The empirical basis consists of data from the statistical reports of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on the imposition of life imprisonment in 2009–2018; statistics from the RF Federal Penitentiary Service on the number of persons serving this type of punishment; sentences in cases of murder with aggravating circumstances. According to the results of the study, the author comes to the following conclusions. (1) In 2004–2017, the Russian criminal law significantly expanded the range of crimes for which the sentence is life imprisonment, but this found no support in the scientific literature and judicial practice. In 2013–2018 and the first half of 2019, this type of punishment was never imposed for especially grave crimes against human health and public morality, as well as for especially grave crimes against public security that were not complicated by intentionally causing death, despite its inclusion in some sanctions for such crimes. At the same time, in 2013–2018, 3.18% of those convicted of murders with aggravating circumstances and 1.3% of those convicted of especially grave crimes against the sexual inviolability of minors under the age of fourteen were sentenced to life imprisonment. (2) Sanctions containing life imprisonment are not always proportionate to the nature and degree of the social danger of crimes for which they are applied. Taking into account the correlation between the value of objects protected by criminal law and the content and scope of restrictions on the rights and freedoms inherent in life imprisonment, it is doubtful whether this type of punishment is justified for especially grave crimes against human health and public morality, as well as against public security in the absence of their association with intentionally causing death to a person. (3) The analysis of sentences for persons who committed qualified murders shows that the courts have no idea of the criteria for choosing between life imprisonment and imprisonment for a certain period, which contributes to the formation of contradictory judicial practice. The legal regulation of sentencing in the case of a crime for which the sanction contains life imprisonment is currently limited to several provisions of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation that restrict the use of this type of punishment. Its improvement is possible through the introduction of additional restrictions that narrow the scope of judicial discretion.

REFERENCES

1. Constitutional Court of the Russian Federation. (2017) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 10 fevralya 2017 g. № 2–P* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P of February 10, 2017]. [Online] Available from: <http://doc.ksrfr.ru/decision/KSRFDecision261462.pdf>. (Accessed: 13.11.2019).
2. Constitutional Court of the Russian Federation. (1998) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 12 maya 1998 g. № 14–P* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 14-P of May 12, 1998]. [Online] Available from: <http://doc.ksrfr.ru/decision/KSRFDecision41936.pdf>. (Accessed: 13.11.2019).
3. Consultant Plus. (2013) *O primeneniі sudami obshchey yurisdiktsii Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod ot 4 noyabrya 1950 goda i Protokolov k ney: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 iyunya 2013 g. № 21* [On the application by courts of general jurisdiction of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950, and the Protocols thereto: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of June 27, 2013]. Moscow: Consultant Plus.
4. Plokhova, V.I. (2016) Substantial Conditions for the Lawful Restriction of Rights and Freedoms in the Criminal Sphere (General Issues). *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 10 (1). pp. 105–116. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).105-116
5. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2013 g.* [Summary Statistical Information on the State of Convictions in Russia for 2013]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>. (Accessed: 10.12.2019).
6. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2014) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2014 g.* [Summary Statistical Information on the State of Convictions in Russia for 2014]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883>. (Accessed: 10.12.2019).
7. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2015 g.* [Summary Statistical Information on the State of Convictions in Russia for 2015]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418>. (Accessed: 10.12.2019).
8. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2016 g.* [Summary Statistical Information on the State of Convictions in Russia for 2016]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>. (Accessed: 10.12.2019).
9. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2017 g.* [Summary Statistical Information on the State of Convictions in Russia for 2017]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477>. (Accessed: 10.12.2019).
10. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2018) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2018 g.* [Summary Statistical Information on the State of Convictions in Russia for 2018]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>. (Accessed: 10.12.2019).
11. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2019) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 6 mesyatshev 2019 g.* [Summary Statistical Information on the State of Convictions in Russia for Six Months of 2019]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5081>. (Accessed: 10.12.2019).
12. Zhelokov, N.V. (2007) *Pozhiznennoe lisheniye svobody v sisteme nakazaniy UK RF i ego naznachenie* [Life Imprisonment in the System of Penalties of the Criminal Code of the Russian Federation and Its Purpose]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
13. Kiryukhina, E.L. (2008) *Ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye aspekty primeneniya nakazaniya v vide pozhiznennogo lisheniya svobody* [Criminal-Legal and Penal Aspects of the Application of Punishment in the Form of Life Imprisonment]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
14. Zubkova, V.I. (2018) [Some problematic issues of punishment in the form of life imprisonment in Russian legislation]. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy v Rossiyskoy Federatsii i za rubezhom* [Theoretical and Practical Problems of the Development of the Penal System in the Russian Federation and Abroad]. Abstracts of Proceedings of the International Conference. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. pp. 210–215. (In Russian).
15. Dikaeva, M.S. (2015) Infliction and Execution of Life Imprisonment in Russia and Foreign Countries. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 3. pp. 99–103. (In Russian).
16. Mazurina, Yu.E. (2010) *Ugolovnoe nakazanie v vide pozhiznennogo lisheniya svobody i ego ob'ekt* [Criminal Punishment in the Form of Life Imprisonment and Its Object]. Abstract of Law Cand. Diss. Ryazan.
17. Gustova, E.V. (2015) Theoretical Bases of Construction of Criminal Sanctions in the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Proceedings of VSU. Series: Law*. 2. pp. 206–216. (In Russian).
18. Bazhanov, A.A. (2017) Proportionality as a Condition of Sanction's Justice. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki – RUDN Journal of Law*. 21 (4). pp. 486–507. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2017-21-4-486-507
19. Plaksina, T.A. (2006) Teoreticheskie osnovy uglubleniya differentsiatsii otvetstvennosti za ubiystvo [Theoretical foundations for deepening the differentiation of responsibility for murder]. *Sovremennoe pravo*. 2. pp. 54–58.
20. Bytko, S.Yu. (2018) *Effektivnost' predupreditel'nogo vozdeystviya ugolovnogo nakazaniya na prestupnost': teoreticheskiy i prikladnoy aspekty* [The Effectiveness of the Preventive Impact of Criminal Punishment on Crime: Theoretical and Applied Aspects]. Abstract of Law Dr. Diss. Saratov.
21. Federal Penitentiary Service. (2019) *Kharakteristika lits, sodershashchikhsya v ispravitel'nykh koloniyakh dlya vzroslykh* [Characteristics of Persons Serving Sentences in Correctional Colonies for Adults]. [Online] Available from: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20soderghixsya%20v%20IK/>. (Accessed: 18.12.2019).
22. Constitutional Court of the Russian Federation. (2009) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2009 g.* [Summary Statistical Information on the State of Convictions in Russia for 2009] [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=840>. (Accessed: 10.12.2019).
23. Constitutional Court of the Russian Federation. (2010) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2010 g.* [Summary Statistical Information on the State of Convictions in Russia for 2010] [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837>. (Accessed: 10.12.2019).
24. Constitutional Court of the Russian Federation. (2011) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2011 g.* [Summary Statistical Information on the State of Convictions in Russia for 2011] [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1272>. (Accessed: 10.12.2019).
25. Constitutional Court of the Russian Federation. (2012) *Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2012 g.* [Summary Statistical Information on the State of Convictions in Russia for 2012] [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>. (Accessed: 10.12.2019).
26. SudAkt. (2019) *Prigovor Permskogo kraevogo suda ot 30 avgusta 2019 g. po delu № 2-21/2019* [Verdict of the Perm Regional Court in case No. 2-21/2019 of August 30, 2019]. [Online] Available from: URL: https://sudact.ru/regular/doc/ilwXoCFkD9V4/?regular-txt=назначить+наказание+в+виде+пожизненного+лишения+свободы+®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+105.+Убий+ство%28+УК+РФ%29®ular-date_from=01.02.2016®ular-date_to=17.02.2020®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1581915310389&snippet_pos=16656#snippet. (Accessed: 18.12.2019).

27. Sud Akt. (2018) *Prigovor Irkutskogo oblastnogo suda ot 2 oktyabrya 2018 g. po delu № 2-42/2018* [Verdict of the Irkutsk Regional Court in case No. 2-42/2018 of October 2, 2018]. [Online] Available from: https://sudact.ru/regular/doc/0CT3ke68mEr0/?page=2®ular-court=®ular-date_from=01.02.2016®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+105.+Убийство%28УК+ ПФ%29®ular-workflow_stage=10®ular-date_to=17.02.2020®ular-area=®ular-txt=убийство+малолетнего&_id=1581924534576®ular-judge=&snippet_pos=186#snippet. (Accessed: 18.12.2019)
28. Consultant Plus. (2018) *O praktike primeneniya sudami Rossiyskoy Federatsii ugovnogo nakazaniya: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 22 dekabrya 2015 g. № 58 (red. ot 18 dekabrya 2018 g.)* [On the practice of applying criminal punishment by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of December 22, 2015 (As amended on December 18, 2018)]. Moscow: Consultant Plus.
29. Gustova, E.V. (2017) Realizatsiya printsipa spravedlivosti v sodержanii ugovno-pravovykh sanktsiy [Implementation of the principle of justice in the content of criminal sanctions]. *Aktual'nye voprosy prava i otraslevykh nauk.* 1 (3). pp. 18–23.

Received: 07 July 2020

А.С. Скоревич, Р.Л. Ахмедшин

ИЗМЕРЯЕМОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ: ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Раскрывается комплекс проблем, связанных с измеряемостью одной из центральных категорий криминалистической тактики – тактического воздействия. Современный уровень развития криминалистического знания предполагает перенос исследовательского акцента с плоскости оценки, как выражено субъективного пространства, в плоскость измеряемости. В структуре личности выделяются три образования, которые предполагают возможность оценки результатов тактического воздействия: поведение, установки, состояния.

Ключевые слова: измеряемость; личность; воздействие; поведение; установка; состояние.

Теоретические основы проблемы измеряемости воздействия, оказываемого при реализации тактико-криминалистических приемов. Криминалистика как наука о расследовании преступлений крайне гармонично вписывается в систему правовых наук, выступая уникальной формой заимствования и приспособления неправовых знаний применительно к правовым реалиям. Адаптирующая природа криминалистического знания предопределяет его направленность на конкретику, объективность и научность. Однако ввиду разноприродной материи, образующей основные разделы криминалистики, уровень конкретики, объективности и научности различных разделов криминалистической науки также различен.

Без сомнения, криминалистическая техника как форма заимствования знаний из естественных наук в наибольшей степени конкретна, объективна и научна. Данное положение привело к тому, что в англосаксонской науке под криминалистикой понимается в основном комплекс судебно-медицинских наук, реже комплекс наук, предполагающих «общее рассмотрение доказательств в криминалистической лаборатории» [1. Р. 107; 2. Р. 38–39; 3. Р. 10], т.е. исключительно технико-криминалистическая материя.

Криминалистическая тактика, безусловно, не обладая таким уровнем точности и конкретности, как криминалистическая техника, базируется на науках гуманитарного плана, прежде всего на науке психологической. К сожалению, традиции отечественных тактико-криминалистических исследований вносят в достаточную неконкретную (конечно, в сравнении с физикой и химией) психологическую материю значительную долю философского наполнения. Последнее выражается в большом количестве схоластических дискуссий, бесплодных копаний в сущности явлений, которые способны обеспечить только обширную тематику диссертационных исследований с недостаточным выходом практических результатов. Выход из философствующей криминалистики нам видится в алгоритмизации криминалистического знания, в том числе криминалистической тактики. Под алгоритмизацией мы понимаем процесс упорядочивания криминалистически значимых данных о преступном событии (формализации данных) в контексте пошаговых рекомендаций по их применению.

Именно алгоритмизация тактико-криминалистических рекомендаций нам видится выходом из познавательного кризиса, который породил в наши

дни дискуссию среди британских криминалистов, является ли криминалистика наукой (доминантой знаний над опытом) или искусством (доминантой опыта над знаниями) [4. Р. 9–16, 38].

В нашей стране криминалистическое знание исследователи традиционно относят к научному, однако это скорее попытка выдать желаемое за действительное, так как уровень разработанности тактических и методических рекомендаций, степень их конкретности и практической значимости нередко предполагают скорее природу искусства. Неудивительно, что в, казалось бы, научных исследованиях нередко фигурирует следующая мысль: тактика допроса (осмотра, обыска) – это что-то относимое к искусству, материи плохо формализуемой, часто интуитивной и плохо алгоритмизируемой.

Молчаливое же признание того, что криминалистика – это скорее искусство, поэтому оно объективно терпит философствование исследователей о понятиях, сущности и задачах, приведет к тому, что криминалистика, ужатую до криминалистической техники, будут преподавать не на уровне университетов, а на уровне министерских вузов или современных ПТУ (колледжах).

Предметная специфика разделов криминалистики предопределяет различные способы формализации данных. Существует своя специфика и в таком разделе науки о расследовании преступлений, как криминалистическая тактика. Первым шагом формализации тактико-криминалистических данных выступает решение проблемы структурирования и систематизации данных о личности, имеющих тактико-криминалистическое значение.

Криминалистически значимые данные о личности должны обладать следующими криминалистически значимыми свойствами: высокой степенью индивидуальности (неповторяемости), относительной устойчивостью, некорректируемостью, фиксируемостью, удобством классификации и измеряемостью. Как видно, данные свойства аналогичны свойствам, которые предьявляются в криминалистической науке к объектам – носителям идентификационных свойств. Так, криминалистически значимыми свойствами папиллярных узоров признаны: индивидуальность (неповторяемость), относительная неизменяемость (собственная устойчивость и устойчивость узора к деформациям), восстанавливаемость и удобство классификации.

На современном этапе развития криминалистической тактики наиболее сложной для решения выступает проблема измеряемости отдельных элементов личности преступника, которые выступают системообразующими в тактико-криминалистических исследованиях. Естественно, для измерения рассматриваемых свойств целесообразно воспользоваться психодиагностическим инструментарием, о чем в криминалистике указывалось достаточно давно.

Проблема измерения структурных элементов личности в своем решении обязательно включает в себя проблему измерения их изменений в силу воздействия извне, как составляющую тактико-криминалистического воздействия.

В рамках сформировавшихся сегодня тактико-криминалистических традиций исследования феномена воздействия речь, как правило, идет не об измерении воздействия, а об его оценке. Представляется, что «оценка» – не вполне удачный термин для криминалистических исследований, так как обладает прежде всего выраженной многозначностью. И самое главное термин «оценка» несет выраженный субъективный характер, так как является способом установления значимости чего-либо / кого-либо для действующего и познающего субъекта. Так, не напрасно в 70-х гг. XX в. отмечалось, что «заслушивание объяснений подсудимого, его поведение в ходе судебного разбирательства раскрывают содержание личности, создают у судей объективное представление о личности подсудимого, что позволяет дать достоверную оценку ее» [5. С. 42–43]. Согласимся, что уровень криминалистики XX в. вполне мог ориентироваться на оценку, а не измерение.

Введение в оборот термина «измерение», а не «оценка» применительно к тактическому воздействию повышает научную состоятельность тактико-криминалистических исследований, которая на данный момент явно недостаточна.

Основные подходы к измеряемости воздействия, оказываемого при реализации тактико-криминалистических приемов. Тактическая составляющая производства следственного действия предполагает, что существуют разные варианты поведения следователя. Выбор тактического приема и вариации его реализации предполагают возможность оценки рациональности выбора в пользу того или другого варианта. В качестве показателя, используемого для такой оценки в отношении тактических приемов, выступает эффективность. В работах по криминалистической тактике непременно указывается на необходимость тактических рекомендаций для повышения эффективности деятельности следователя. Кроме того, «эффективность» в ряде работ криминалистов указывается в качестве критерия тактического приема [6. С. 3; 7. С. 132–134], что можно рассматривать как его неотъемлемый атрибут.

Во мнении о том, что тактический прием должен быть эффективным, криминалисты, по-видимому, единогласны. Однако вопрос о том, каким образом мы можем судить об эффективности реализуемых тактических приемов, остается проблемным.

Оценка эффективности тактических приемов базируется на выявляемой зависимости между тактиче-

ским приемом и показателями эффективности его применения. Зависимость подразделяется на априорную, векторную, приоритетную и функциональную.

Априорная зависимость предполагает необходимый эффект, достигаемый посредством применения тактического приема. Данное предположение исходит из философских оснований, логики, некоторых положений общей психологии и в некоторых случаях, примера из практики расследования преступлений. К априорным тактическим рекомендациям можно отнести создание впечатления преувеличенной осведомленности, демонстрацию возможностей следствия, разговор на отвлеченную тему. Предполагается, что перечисленные тактические приемы будут способствовать успешному проведению следственного действия. Однако определить эффективность рекомендации общего характера без указания на применимость их в зависимости от следственной ситуации и личностных особенностей участников фактически не представляется возможным.

Векторная зависимость предполагает полярный эффект «стимуляция – подавление» в зависимости от направленности тактического приема. В данном случае выбор тактического приема, по большей части, основывается на процессуальном статусе и добросовестности установки. Соответственно, такие тактические приемы, как оказание помощи в припоминании забытого, указание на положительные качества личности, вызывают стимулирующий эффект, в то время как внезапная постановка вопроса, предъявление изобличающих доказательств вызывают подавляющий эффект.

Приоритетная зависимость предполагает выбор тактических приемов, которые обладают преимущественной эффективностью, из имеющихся альтернатив. Приоритет эффективности тактического приема может быть основан на характеристике личности следователя, например его коммуникативных и организаторских способностей [8. С. 71–81], либо характеристике личности допрашиваемого, например локуса контроля и личностного радикала [9. С. 155–165].

Функциональная зависимость основана на измерении значений параметров. Данный вид зависимости задействует параметры показателей эффективности тактического приема, что позволяет произвести количественные расчеты. Содержательно функциональная зависимость содержит в себе коэффициенты корреляции между структурными элементами тактического приема и показателями эффективности их применения, что обеспечивает прогностический расчет. Реализации функциональной зависимости препятствует проблема измеряемости значений показателей эффективности тактических приемов. Именно к функциональной зависимости наиболее применима категория измеряемости воздействия.

Исходя из позиции, что «Воздействие – это целенаправленный перенос движения и информации от одного участника взаимодействия к другому» [10. С. 58], следует, что «психологическое воздействие, реализуемое в процессе раскрытия и расследования преступлений, неотделимо от тактических приемов» [11. С. 61]. Воздействие, оказываемое посредством

применения тактических приемов, направлено на достижение криминалистически значимых задач. Таким образом, в качестве показателя эффективности тактического приема выступает результат оказания воздействия на подследственного, выражающийся в его поведении, установках и состояниях.

Поведение в качестве показателя эффективности тактического воздействия предполагает собой внешне выраженную деятельность подследственного. Вариантами поведения, свидетельствующими об эффективности примененных тактических приемов, выступают сообщения допрашивающему необходимой ему информации, к примеру указание на место нахождения искомого или признание своей вины. Преимущество рассмотрения поведения подследственного в качестве показателя эффективности тактических приемов состоит в простой наблюдаемости совершаемых действий. Недостатком использования поведения в качестве показателя эффективности являются трудности, связанные с распознаванием достоверности сообщаемой информации и относимости совершаемых действий с интересами расследования.

Установки в качестве показателя эффективности тактического воздействия предполагают психические категории, локализованные преимущественно в бессознательном. К установкам можно отнести внутреннюю убежденность подследственного в целесообразности определенной стратегии поведения, добросовестность / недобросовестность, уровни ценностей, отношений, притязаний [12. С. 35]. Преимущество рассмотрения установок в качестве показателя эффективности тактических приемов – в прогнозируемости реакций подследственного, основанных на установках. Недостаток – в затруднительности фиксации установок подследственного, которое требует определенных знаний и навыков.

Состояния в качестве показателя эффективности тактического воздействия предполагают диагностику текущей модификации психологической характеристики. В качестве психологической характеристики могут выступать вариативные свойства личности, такие как коммуникативность, эмоциональность, организованность. Преимущество рассмотрения состояний в качестве показателя эффективности тактических приемов заключается в возможности применения количественной оценки изменений, вызываемых оказываемым тактическим воздействием. Недостаток – в относительной нестабильности динамики состояний и их нередко ситуационной обусловленности.

Измеряемость поведения как показателя эффективности тактического воздействия существенно ограничена на текущем уровне его формализованности. Поведение подследственного в контексте предварительного расследования прежде всего оценивается по следующему принципу: способствует раскрытию преступления – препятствует раскрытию преступления. Принципиально такой подход представляет собой номинальную шкалу из двух противоположных вариантов. Дальнейший анализ поведения в качестве показателя эффективности предполагает его оценку с точки зрения критериев инициативности и активности.

Показателем инициативности и активности поведения допрашиваемого будет, например, сообщение информации в форме свободного рассказа. Инициативное и неактивное поведение – сообщение информации в форме ответа на открытый вопрос. Неинициативное и активное поведение – сообщение информации в форме ответа на дополнительный вопрос. Неинициативное и неактивное поведение – сообщение информации в форме ответа на уточняющий вопрос. Соответственно, отказ отвечать – это показатель нулевой эффективности применяемого тактического приема.

Поведение, в отличие от других показателей эффективности тактических приемов, представляет собой в целом сознательный акт волевой регуляции. В этой связи имеет значение мотивация подследственного, побуждающая его совершать действия направленные на оказание содействия следствию. Основные возможные варианты – это психологический контакт со следователем либо личная заинтересованность в получении выгоды. Отметим, что в качестве выгоды подследственным может расцениваться, помимо очевидного, завершение следственного действия при психоэмоциональном истощении, вызванным тактическими приемами соответствующей направленности.

Измеряемость установок как показателя эффективности тактического воздействия имеет достаточный уровень выраженности. Принципиально такой подход представляет собой порядковую шкалу из последовательных вариантов от одной установки до принципиально противоположной. В упрощенном варианте измеряемость установок может быть реализована посредством оценки степени того, насколько категоричным императивом служит конкретная установка. Таким образом, поведение, реализуемое вне установки, свидетельствует о некатегоричном значении установки для подследственного. Соответственно, чем меньше руководствуется установкой подследственный, тем эффективнее реализуются тактические приемы. В усложненном варианте показателем эффективности служит изменение установки. Такой вариант предполагает, что с момента смены установки все действия подследственного будут согласованы с новой установкой. Логично, что тактические приемы будут оцениваться как эффективные в случае соответствия установки допрашиваемого интересам следствия.

Измеряемость состояний как показателя эффективности тактического воздействия имеет наибольший уровень выраженности. Принципиально такой подход представляет собой количественную шкалу из диапазона степеней интенсивности состояния. Специфика тактического воздействия на состояние подследственного состоит в направленности вектора оказываемого воздействия. Соответственно, вектор воздействия может быть позитивным (стимулирующее воздействие), негативным (подавляющее воздействие), нулевым (нейтральное воздействие). В этой связи измерение состояний, как показателя эффективности тактического воздействия, осуществляется следующим образом:

- 1) фиксируется текущее состояние (С.1) психологического параметра;
- 2) определяется оптимальное состояние (О.С.) психологического параметра;
- 3) рассчитывается разница между оптимальным и текущим состояниями психологического параметра (О.С. – С.1);
- 4) определяется вектор и интенсивность тактического воздействия;
- 5) формулируется тактический прием направленного воздействия;
- 6) после реализации тактического приема повторно фиксируется состояние психологического параметра (С.2);
- 7) рассчитывается разница между итоговым состоянием и исходным состоянием психологического параметра (С.2 – С.1);
- 8) для расчета погрешности тактического воздействия, планируемый результат сопоставляется с полученным результатом ((О.С. – С.1) – (С.2 – С.1));
- 9) устанавливаются причины погрешности, анализируется перспектива повышения результативности оказываемого тактического воздействия, производится корректировка воздействия при формулировании очередного тактического приема.

Таким образом, приоритет состояний в качестве показателя эффективности тактического приема определяется возможностью текущего мониторинга эффективности тактического воздействия, на основании которого возможна корректировка с минимальными временными издержками.

Измеряемость результатов тактического воздействия выступает объективной величиной. В этой связи целесообразно задействовать в качестве переменных измеряемости эффективность и результативность

тактических приемов. В соответствии с ГОСТ эффективность (efficiency): связь между достигнутым результатом и использованными ресурсами; результативность (effectiveness): степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов [13]. Соответственно, эффективность рассчитывается соотношением достигнутого результата с затраченными усилиями, результативность – соотношением достигнутого результата с ожидаемым результатом.

Эффективность и результативность применяемых тактических приемов демонстрируют целесообразность избираемого поведения следователя. Данные об эффективности и результативности могут служить основой для рационального планирования проведения следственного действия и текущей корректировки плана действий.

В качестве вывода следует отметить, что измеряемость эффективности тактических приемов возможна только в рамках структурных подходов [14. С. 194] криминалистического изучения личности. Кроме того, показатели эффективности, измеряемые в количественных шкалах, обладают наибольшим прогностическим потенциалом ввиду применимости к ним параметрических критериев расчета коэффициентов корреляции.

Поведение, установки и состояния как показатели эффективности тактического воздействия универсальны, так как могут служить для измеряемости любого тактического приема. Конкретные параметры показателей измеряемости эффективности и результативности, в целях повышения продуктивности следственной деятельности, следовало бы разрабатывать как составную часть в структуре каждого тактического приема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tilstone W.J., Savage K.A., Clark L.A. Forensic science: an encyclopedia of history, methods, and techniques. Santa Barbara, California : ABC-CLIO, 2006. 307 p.
2. McGraw-Hill. Encyclopedia of science & technology. 2007. 10th ed. Vol. 5. 831 p.
3. Lyman M.D. Criminal investigation: the art and the science. 6th ed. N. Y. : Prentice Hall, 2011. 688 p.
4. Tong S., Bryant R.P., Horvath M.A.N. Understanding Criminal Investigation. Atrium, Wiley-Blackwell, 2009. 295 p.
5. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. Т. 3. 250 с.
6. Карнеева Л.М. Пределы использования тактических приемов допроса // Тактические приемы допроса и пределы их использования. Тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 14 марта 1980 г. М. : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1980. С. 3–5.
7. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск : Высшая школа, 1973. 367 с.
8. Чернышева Е.В. Эффективность психологических тактик взаимодействия с допрашиваемым лицом при расследовании преступлений // Прикладная юридическая психология. 2018. № 4 (45). С. 71–81.
9. Жаринов И.А., Калашникова А.С. Личностные особенности свидетелей как основа выбора тактики проведения допроса // Психология и право. 2016. Т. 6, № 4. С. 155–165.
10. Психология : словарь. М. : Политиздат, 1990. 494 с.
11. Савич М.В. Тактический прием как способ правомерного психологического воздействия в процессе расследования преступлений // Общество, Право, Личность: вопросы взаимодействия в современном мире : сб. ст. Междунар. науч.-практ. заочной конф., г. Минск, 10–15 дек. 2016 г. Минск : Международный университет «МИТСО», 2016. Вып. 4. С. 61–63.
12. Ахмедшин Р.Л., Воронин С.Э. Моделирование в криминалистической деятельности. Красноярск : Сибирский институт бизнеса управления и психологии, 2019. 281 с.
13. ГОСТ Р ИСО 9000-2008 Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. М. : Стандартиформ, 2009. Пп. 3.2.14, 3.2.15.
14. Скоревич А.С. История тактико-криминалистического изучения личности // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. Ч. 82. С. 194.

Статья представлена научной редакцией «Право» 31 марта 2020 г.

Measurability of Impact: A Forensic Tactical Aspect

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 256–260.

DOI: 10.17223/15617793/456/31

Alyona S. Skorevich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: skorevich.a.s@mail.ru

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: measurability; personality; impact; behavior; attitude; condition.

The article reveals a set of problems related to the measurability of one of the central categories of forensic tactics—tactical impact. The range of problems affects the methodological, historical, forensic, and psychological aspects. The object of the study is a complex of psychological entities with the property of measurability and acting as a result of tactical influence. The following general scientific methods were used in the study: analysis, synthesis, system-structural. The following private scientific methods were used in the study: modeling, statistical analysis, comparative historical, expert assessment. The following conclusions are made in the article. The introduction of the term “measurement”, not assessment, as applied to tactical impact increases the scientific viability of modern tactical and forensic research. There are three elements that suggest the possibility of assessing the results of tactical impact in the structure of personality: behavior, attitudes, conditions. Assessment of the effectiveness of tactical techniques is based on the detected relationship between a tactical technique and indicators of the effectiveness of its use. Dependence is divided into a priori, vector, priority, and functional. Functional dependence is based on the measurement of parameter values. This type of dependence uses the parameters of tactical performance indicators, which allows for quantitative calculations. Substantially, functional dependence contains the correlation coefficients between structural elements of tactical reception and indicators of the effectiveness of their use, which provides a prognostic calculation. The final conclusion is that the most effective measurement of the results of tactical impact occurs in the case of measuring changes in the condition of a person under investigation. The measurement of conditions, as an indicator of the effectiveness of tactical impact, is carried out as follows: the current condition (C.1) of the psychological parameter is fixed; the optimal condition (OC) of the psychological parameter is determined; the difference between the optimal and current conditions of the psychological parameter is calculated (O.C.–C.1); the vector and intensity of the tactical impact are determined; the tactical technique of directional impact is formulated; after the application of the tactical technique, the condition of the psychological parameter is re-recorded (C.2); the difference between the final condition and the initial condition of the psychological parameter (C.2–C.1) is calculated; To calculate the error of tactical impact, the planned result is compared with the result obtained ((OC–C.1)–(C.2–C.1)); the causes of the error are established, the prospect of increasing the effectiveness of tactical impact is analyzed, the impact is adjusted when formulating the next tactical technique.

REFERENCES

1. Tilstone, W.J., Savage, K.A. & Clark, L.A. (2006) *Forensic Science: An Encyclopedia of History, Methods, and Techniques*. Santa Barbara, California: ABC-CLIO.
2. McGraw-Hill. (2007) *McGraw-Hill Encyclopedia of Science & Technology*. 10th ed. Vol. 5. New York: McGraw-Hill.
3. Lyman, M.D. (2011) *Criminal Investigation: the Art and the Science*. 6th ed. N.Y.: Prentice Hall.
4. Tong, S., Bryant, R.P. & Horvath, M.A.H. (2009) *Understanding Criminal Investigation*. Atrium, Wiley-Blackwell.
5. Vedernikov, N.T. (2019) *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
6. Karneeva, L.M. (1980) Predely ispol'zovaniya takticheskikh priemov doprosa [Limits of the use of tactical methods of interrogation]. In: *Takticheskie priemy doprosa i predely ikh ispol'zovaniya. Tezisy vystupleniy na teoreticheskom seminare, provedennom VNII MVD SSSR 14 marta 1980 g.* [Tactical Methods of Interrogation and Limits of Their Use. Abstracts of speeches at a theoretical seminar held by the All-Union Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR on March 14, 1980]. Moscow: Izd-vo VNII MVD SSSR. pp. 3–5.
7. Porubov, N.I. (1973) *Dopros v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Interrogation in Soviet Criminal Proceedings]. Minsk: Vysheystaya shkola.
8. Chernysheva, E.V. (2018) Effektivnost' psikhologicheskikh taktik vzaimodeystviya s doprashivaemym litsom pri rassledovanii prestupleniy [The effectiveness of psychological tactics of interaction with the interrogated person in crime investigation]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied Legal Psychology*. 4 (45). pp. 71–81.
9. Zharinov, I.A. & Kalashnikova, A.S. (2016) Lichnostnye osobennosti svideteley kak osnova vybora taktiki provedeniya doprosa [Personal characteristics of witnesses as the basis for choosing the tactics of interrogation]. *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*. 6 (4). pp. 155–165.
10. Petrovskiy, A.V. & Yaroshevskiy, M.G. (eds) (1990) *Psikhologiya: slovar'* [Psychology: A Dictionary]. Moscow: Politizdat.
11. Savich, M.V. (2016) Takticheskiy priem kak sposob pravomernogo psikhologicheskogo vozdeystviya v protsesse rassledovaniya prestupleniy [Tactical technique as a method of lawful psychological influence in crime investigation]. *Obshchestvo, Pravo, Lichnost': voprosy vzaimodeystviya v sovremennom mire* [Society, Law, Personality: Issues of Interaction in the Modern World]. Proceedings of the International Conference. Minsk. 10–15 December 2016. Vol. 4. Minsk: International University MITSO. pp. 61–63. (In Russian).
12. Akhmedshin, R.L. & Voronin, S.E. (2019) *Modelirovanie v kriminalisticheskoy deyatel'nosti* [Modeling in Forensic Activities]. Krasnoyarsk: Siberian Institute of Business Management and Psychology.
13. Standartinform. (2009) *GOST R ISO 9000-2008. Natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii. Sistemy menedzhmenta kachestva* [GOST R ISO 9000-2008. National Standard of the Russian Federation. Quality Management Systems]. Moscow: Standartinform. Items 3.2.14, 3.2.15.
14. Skorevich, A.S. (2019) [The History of Tactical and Forensic Study of Personality]. *Pravovyye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Conference Proceedings. Vol. 82. Tomsk: Tomsk State University. pp. 193–194. (In Russian).

Received: 31 March 2020

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВ Юрий Иванович – ст. преподаватель кафедры философии и истории Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань). E-mail: konsikro@mail.ru

АВРАМЕНКО Олеся Владимировна – младший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. E-mail: lesyonka@list.ru

АСЮТИНА Оксана Николаевна – ассистент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета. E-mail: asyutina55@mail.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БЕЗЗУБОВА Ольга Владимировна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского горного университета. E-mail: bezzubova_olga@mail.ru

БЕЛОУСОВ Константин Игоревич – д-р филол. наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: belousovki@gmail.com

БИРЮКОВ Сергей Владимирович – д-р полит. наук, профессор Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР); профессор кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск); профессор кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: birs.07@mail.ru

ВЕДЕРНИКОВА Ольга Николаевна – д-р юрид. наук, судья Верховного суда Российской Федерации в отставке (г. Москва). E-mail: onv454@mail.ru

ВЛАСОВ Михаил Сергеевич – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск); магистрант факультета психологии Томского государственного университета. E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru

ГОНЧАРКО Оксана Юрьевна – канд. филос. наук, научный сотрудник Русской христианской гуманитарной академии (г. Санкт-Петербург); доцент кафедры философии Санкт-Петербургского горного университета. E-mail: goncharko_oksana@mail.ru

ГРЯЗНОВА Виолетта Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: violetta-sgy@mail.ru

ДеВИТТ Дороти – ст. преподаватель департамента учебных программ и технологии обучения педагогического факультета Малайского университета (г. Куала-Лумпур, Малайзия). E-mail: dorothy@um.edu.my

ЖИЛКИН Андрей Дмитриевич – соискатель кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: andrey-efir@yandex.ru

ЗЕЛЯНСКАЯ Наталья Львовна – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: zelyanskaya@gmail.com

КАЛЬМИНА Лилия Владимировна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: kalminal@gmail.com

КОЖЕВНИКОВ Олег Александрович – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: jktu1976@yandex.ru

КОРНИЛОВ Сергей Владимирович – д-р филос. наук, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград). E-mail: korns2009@rambler.ru

КОСТЮКОВА Татьяна Анатольевна – д-р пед. наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета. E-mail: kostyukova@inbox.ru

КРАЕВСКАЯ Ирина Олеговна – аспирант отделения русского языка Томского политехнического университета. E-mail: kr.sobaka@gmail.com

КУЗНЕЦОВА Виктория Владимировна – аспирант кафедры «История России» Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: kuznetsova_vv@pfur.ru

КУРАС Леонид Владимирович – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: kuraslv@yandex.ru

ЛАРИОНОВА Анастасия Вячеславовна – канд. психол. наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета. E-mail: anpavlar@mail.ru

ЛАРЬКОВ Николай Семёнович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: larkov@mail.tsu.ru

ЛИВЕНЦОВА Евгения Юрьевна – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета. E-mail: evg.liv@mail.ru

ЛУКОВСКАЯ Дженевра Игоревна – д-р юрид. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: lukovskaia@yandex.ru

МЕДВЕДЕВ Николай Владимирович – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии и методологии науки Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. E-mail: mnv88@mail.ru

МЕФОДЬЕВА Марина Анатольевна – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань). E-mail: anjali@inbox.ru

МИКЕШИН Михаил Игоревич – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии Санкт-Петербургского горного университета. E-mail: Mikeshin_MI@pers.spmi.ru

МИШАНКИНА Наталья Александровна – д-р филол. наук, профессор отделения русского языка Томского политехнического университета; профессор кафедры гуманитарных проблем информатики, профессор кафедры телерадиожурналистики Томского государственного университета. E-mail: mna@tpu.ru

МОИСЕЕВА Татьяна Федоровна – д-р юрид. наук, канд. биол. наук, зав. кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: moiseevatf@mail.ru

НЕДОСПАСОВА Ольга Павловна – д-р экон. наук, профессор Школы инженерного предпринимательства Томского политехнического университета; профессор Института экономики и менеджмента Томского государственного университета. E-mail: olgaeconomy@mail.ru

НЕЧКИН Андрей Вадимович – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: super.nechkin@gmail.com

НУРДИН Кевин – ассистент иностранного языка кафедры иностранных языков Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар). E-mail: kevin.nurdin@etu.unilim.fr

ОСТАПОВИЧ Игорь Юревич – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: ostapovich7@mail.ru

ПАВЛОВА Ирина Анатольевна – канд. экон. наук, доцент Школы инженерного предпринимательства Томского политехнического университета; старший научный сотрудник Лаборатории устойчивого развития социально-экономических систем Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук; доцент Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: iarav@mail.ru

ПАНФИЛОВ Павел Борисович – канд. юрид. наук, начальник отдела экспертиз запаховых следов человека Экспертно-криминалистического центра МВД России (г. Москва). E-mail: pavelpanfiloff@yandex.ru

ПАНФИЛОВА Зинаида Юрьевна – канд. биол. наук, ведущий научный сотрудник управления научных исследований Экспертно-криминалистического центра МВД России (г. Москва). E-mail: zina_panfilova@mail.ru

ПАРЧЕНКО Никита Андреевич – ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). E-mail: Nikita090191@mail.ru

ПЛАКСИНА Татьяна Алексеевна – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул); профессор кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: plaksinata@yandex.ru

ПОДШИБЯКИНА Татьяна Александровна – канд. полит. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: tan5@bk.ru

ПОПУЛО Гельшиган Миргазовна – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Тольяттинского государственного университета. E-mail: populochka@mail.ru

РОСТОВА Наталья Николаевна – д-р филос. наук, профессор кафедры философской антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: nnrostova@yandex.ru

САФОНЕНКО Светлана Владимировна – канд. пед. наук, доцент кафедры спортивных дисциплин Самарского государственного социально-педагогического университета. E-mail: sve21547052@yandex.ru

СКОРЕВИЧ Алена Сергеевна – аспирант кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: skorevich.a.s@mail.ru

СУХОВЕРХОВ Антон Владимирович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар). E-mail: sukhoverkhov.ksau@gmail.com

СЫЧЕВ Олег Анатольевич – канд. психол. наук, научный сотрудник научно-исследовательского отдела Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: osn1@mail.ru

ТИТАРЕНКО Светлана Дмитриевна – д-р филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: svet_titarenko@mail.ru

ФАХРЕТДИНОВА Александра Павловна – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов Томского государственного университета. E-mail: maltsevaal@yandex.ru

ФАХРУТДИНОВА Анастасия Викторовна – д-р пед. наук, профессор кафедры иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань). E-mail: avfach@mail.ru

ХОМЯКОВА Кристина Львовна – аспирант социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: k.gribova@inbox.ru

ЧЕРНЫШОВ Юрий Георгиевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: 7ashpi7@gmail.com

ЧЕРНЫШОВА Татьяна Владимировна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: labrlexis@gmail.com

ШИКЕР Тимофей Павлович – аспирант кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: timshiker@mail.ru

ШИЛЛЕР Александра Викторовна – канд. филос. наук, руководитель грантового отдела философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: shiller.a@gmail.com

ЮРИНА Елена Андреевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета; профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва). E-mail: yourina2007@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2020. № 456. Июль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 31.07.2020 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 33. Усл. печ. л. 30,6. Тираж 50 экз.
Заказ № 4417. Цена свободная.

Дата выхода в свет 18 сентября 2020 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомьтесь с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru